О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1913 ГОДУ

(ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» издается въ 1913 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе тридцать три года (1880—1912).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора «Историческаго Вѣстника» въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **«Т-ва А. С. Суворина—Новое Время»** (Невскій проспектъ, № 40). Отдѣленія конторы: въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону,** при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **«Т-ва А. С. Суворина—Новое Время»**, и въ **Кіевѣ,** при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

ПЕТРЪ ЕФИМОВИЧЪ КУЗМИНСКІЙ.

БИБЛІОТЕКА РЯЖСКОГО

ЖЕНА МИНИСТРА [1].

(Романъ).

IV.

ВЕЧЕРОМЪ въ небольшой, уютной столовой Данцовой сидѣлъ Башиловъ и, грузно опершись обоими локтями о столъ, отпивалъ медленными глотками чай изъ стакана въ серебряномъ подстаканникѣ, который подавался только ему; онъ разсказывалъ Данцовой объ удачахъ сегодняшняго дня со всѣми подробностями служебныхъ дѣлъ. Она слушала, не спуская съ него глазъ, въ которыхъ Башиловъ читалъ прежнюю любовь и восхищеніе.

— А я тебѣ не говорилъ, что отъ генерала Берга письмо на дняхъ было. Пишетъ, что вскорѣ предвидится у нихъ вакансія губернатора, такъ что, если бы тутъ кое-какія пружины нажать, то онъ берется это дѣло устроить. Оно, конечно, было бы недурно, но я, вѣроятно, откажусь.

— Отчего, Володя?

— Да видишь ли, другъ мой, не люблю я этихъ мѣстъ по протекціи; начнутъ болтать, что генералъ-губернаторъ своего товарища посадилъ, еще, пожалуй, по просьбѣ супруги, а здѣсь изволь ѣздить да кланяться, да пороги обивать. Я привыкъ, чтобы другіе на меня указывали, какъ на нужнаго и полезнаго служаку, а самому о себѣ говорить—это ронять себя.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXXX, стр. 5.

— А я придумала очень удобную для тебя комбинацію, и если хочешь, я могу помочь тебѣ и сдѣлаю такъ, что ты и знать ничего не будешь.

— Какъ же ты это сдѣлаешь?

— Лучше ты ничего меня не спрашивай и вѣрь, что я буду очень осторожна и тактична.

— Ну, изволь. Во всякомъ случаѣ къ этому дѣлу я отношусь довольно равнодушно, и пусть тебя не волнуетъ, если потерпишь фіаско. Мои акціи стоятъ и здѣсь высоко, и я жду въ скоромъ будущемъ движенія впередъ... Однако одиннадцать часовъ, мнѣ пора; дома еще много бумагъ ждетъ не просмотрѣнныхъ.

— Какъ? уже? Володя, ты и безъ того не балуешь меня свиданіями; я такъ мечтала провести съ тобой весь вечеръ, а ты опять куда-то спѣшишь.

— Что дѣлать, голубчикъ! Отъ дѣлъ не убѣжишь. Ну, изволь, полчаса посижу.

Они прошли въ голубой будуаръ, гдѣ лампа подъ широкимъ шелковымъ абажуромъ освѣщала симпатичную, изящную комнатку блѣднымъ матовымъ свѣтомъ. Башиловъ сѣлъ на низенькій диванчикъ и, притянувъ къ себя Данцову, посадилъ рядомъ съ собой и обнялъ за талію.

— Въ корсетѣ? Знаешь, вѣдь, что не люблю...

— Володя, ты же забываешь, что есть горничная.

— Ну, что же изъ этого?.. надѣла бы свой голубой пеньюаръ; не станешь же прислугѣ отчетъ отдавать.

— Что ты говоришь: точно она и сама не пойметъ, что въ пеньюарѣ гостей не принимаютъ.

— Ну, такъ давай губы... нѣтъ, такъ неудобно, садись на колѣни.

— Нѣтъ, нѣтъ, Володя, ради Бога только не у меня... я боюсь... прислуга любопытна... милый, ну, поѣдемъ къ тебѣ, если хочешь, но тутъ я боюсь...

Евгенія Михайловна вся вспыхнула, сорвалась съ мѣста и, отбѣжавъ въ сторону, смотрѣла на Башилова умоляющимъ взглядомъ.

— Ну, ужъ это глупо, Женька. Ты дуришь; иди сюда... я хочу тебя цѣловать... ты слышишь?

— Володя, но развѣ ты не понимаешь, что для меня ты не долженъ такъ рисковать. Мало ли что: горничная можетъ за чѣмъ-нибудь войти...

— Иди сюда.

— Володя, перестань... я не хочу...

— А я хочу!..

Съ этими словами Башиловъ быстро поднялся со своего мѣста и, охвативъ станъ Евгеніи Михайловны, довольно грубо, съ силой посадилъ себѣ на колѣни и долго цѣловалъ ее въ губы.

— Ну, вотъ, а теперь и довольно. Можешь смирно сидѣть подлѣ меня и благонравно разговаривать.

Но Данцова, глотая подступившія слезы, молчала, стараясь совладѣть съ охватившимъ ее чувствомъ обиды. Въ этомъ поступкѣ ей почудилось что-то новое, непріятное въ отношеніяхъ Башилова къ себѣ. Ничего подобнаго онъ не позволялъ себѣ прошлую зиму. Въ его тонѣ звучала какая-то нотка безцеремонности собственника, слишкомъ увѣреннаго и уже мало оберегающаго хрупкость любовныхъ отношеній. Онъ никогда раньше не называлъ ее «Женька», никогда не проявлялъ свою силу такимъ грубымъ образомъ.

— Ты разобидѣлась, Женичка?

— Да, почти...

— Ну, въ такомъ случаѣ прости.

Онъ протянулъ ей руку, которую она слабо пожала. Чтобы сладить непріятное впечатлѣніе, Башиловъ опять принялся разсказывать ей о своихъ проектахъ. Она слушала молча, охваченная тоской. Наконецъ, отдаваясь нахлынувшему настроенію, она вдругъ прижалась головой къ его плечу, крѣпко сжала его руку и тихо заплакала.

— Что съ тобой, голубчикъ?.. Слезы!.. Ну, вотъ этого я ужъ не переношу; ради Бога не плачь... Все, что хочешь, но не слезы.

— Тоска, Володя, тоска...

— Съ чего жъ это у тебя тоска?

— Володя, ты не тотъ... ты съ осени не тотъ...

— Какой же я сталъ? Ей-Богу, все тотъ же самый.

— Володя, я ѣхала сюда изъ Крыма такая счастливая, такая радостная. Думала, что опять все будетъ попрежнему; надѣялась, что и видѣться будемъ чаще, никого изъ знакомыхъ еще не было, было меньше риска, и вдругъ оказалось все иное, мы видимся мало, ты все спѣшишь, ты какъ будто не радъ меня видѣть, у тебя иной тонъ... Ахъ, Володя, дорогой мой, я ничего не прошу и не требую; я давно ничего не желаю, кромѣ любви твоей; я вся въ плѣну этого ужаснаго, непреодолимаго чувства...

— Да ты сперва, голубчикъ мой, успокойся и тогда поговоримъ резонно.

Данцова вытерла тоненькимъ надушеннымъ платкомъ крупныя неудержимыя слезы и, кусая губы, подавляла подступившія рыданія.

— Такъ, значитъ, я, по-твоему, не тотъ? Вотъ и ты, Женичка, какъ всѣ женщины, страхъ какъ любишь разводить любовную антимонію. А любовь для каждаго серьезнаго, занятого мужчины—дѣло побочное. Есть свободная минута, ну, и любишь; а если дѣломъ захваченъ, то забываешь, что и женщина существуетъ. Пусть женщина становится въ роль товарища, помощника, чтобы общность мысли и труда была; тогда, кромѣ любви, будетъ и интересъ къ ней, а вмѣстѣ

съ нимъ и новое звено. Была у меня одна такая связь, много лѣтъ тому назадъ... Эта женщина чуть ли не лучше меня самого мои дѣла знала, и видѣлись мы съ ней по дѣламъ почти ежедневно, а выходило такъ, что какъ начнемъ цѣловаться, будто Богъ знаетъ сколько времени не видались. Прожили мы съ ней долго, и если бы замужъ не вышла, и еще бы жили. Во всѣхъ моихъ остальныхъ связяхъ, а было ихъ много на моемъ вѣку, всегда кончалось тѣмъ, что не пройдетъ и году, какъ женщины начинали плакать и жаловаться, что мало видимся, что я холоденъ, что я мало люблю. А я совсѣмъ, пожалуй, любить не умѣю. Что такое любовь? Есть привычка, есть дружба...

— Къ чему ты мнѣ все это говоришь, Володя? Прошлую зиму я слыхала отъ тебя не о привычкѣ и дружбѣ, а о чувствѣ любви. Но не въ этомъ дѣло. Я не хочу насиловать никакихъ твоихъ чувствъ, но прошу тебя, дай мнѣ слово, что ты честно и откровенно, не жалѣя меня, скажешь мнѣ, когда твое чувство ко мнѣ угаснетъ. Это будетъ для меня роковой день, но не хочу выпрашивать любви твоей, какъ милостыни, я слишкомъ люблю тебя, чтобы мириться съ твоимъ охлажденіемъ.

— Изволь, скажу... я тебѣ это обѣщаю. А пока не сказалъ, зачѣмъ же слезы и всѣ эти печали?!..

— Тебѣ, милый Володя, видно, очень мало понятно женское сердце.

— Да какъ тебѣ сказать... Съ женщинами я дѣла имѣлъ не мало: и я ихъ любилъ, и онѣ меня любили, въ общемъ всегда ладилъ съ ними, но чтобы заниматься разработкой психологіи и ихъ сердца, на это, признаюсь, времени у меня недоставало. Такъ-съ, хоть мнѣ и грустно оставлять тебя въ такомъ невеселомъ настроеніи, однако мнѣ все-таки пора ѣхать домой, а ты послѣзавтра протелефонируй мнѣ; кажется, я буду свободенъ, и ты сможешь провести вечеръ у меня. Ну, до свиданія. Ты настоящая mater dolorosa съ этими заплаканными глазами...

Когда Башиловъ уѣхалъ, Данцова долго еще сидѣла въ застывшей позѣ на томъ же диванчикѣ и старалась успокоить себя и оправдать, быть можетъ, кажущуюся перемѣну въ отношеніяхъ къ себѣ Башилова. Она убѣждала себя, что онъ слишкомъ занятой, слишкомъ погруженный въ дѣловыя комбинаціи человѣкъ, чтобы всегда быть ровнымъ и отзывчивымъ въ дѣлахъ любви. Но вѣщее женское сердце не поддавалось доводамъ разума, и она провела безсонную ночь, возстановляя въ своемъ воображеніи картины недавно минувшихъ счастливыхъ дней, когда Башиловъ такъ много говорилъ ей о своемъ къ ней увлеченіи, такъ не скупился на выраженіе поклоненія ея красотѣ и изяществу, и сравненіе съ теперешними короткими свиданіями, въ которыхъ ея сердцу удѣлялось слишкомъ малая толика, подтверждало роковое предчувствіе.

— Неужели можетъ совсѣмъ разлюбить?.. И тогда бросить?!.. Какъ же я буду жить? Ну, пусть и не женится... ахъ; теперь мнѣ это все равно, но только быть ему близкой...—поблѣднѣвшими губами шептала Евгенія Михайловна въ сотый разъ одну и ту же навязчивую, какъ кошмаръ, мысль и въ полумракѣ спальни, озаренной колеблющимся огнемъ лампады, одиночество, казалось, надвигалось на нее громадной давящей тучей; она тихо стонала, молилась и плакала, какъ дѣвочка, прижавъ лицо въ уголъ подушки. На утро она встала съ головной болью, блѣдная и морально-разбитая. Вспомнивъ о своемъ намѣреніи похлопотать о Башиловѣ, она немного ободрилась; мысль быть ему полезной, заслужить его признательность предстала ей въ видѣ связующаго звена.

Что жъ, если дѣло удастся и онъ получить желаемое назначеніе, ему придется уѣхать, и тогда она поѣдетъ вслѣдъ за нимъ, скажетъ ему откровенно, что разстаться съ нимъ свыше ея силъ. Къ чему ей теперь жизнь безъ него, къ чему общество и свѣтскія удовольствія? Вся ея жизнь слилась съ его интересами...

Евгенія Михайловна, несмотря на головную боль, поѣхала къ Еленѣ, чувствуя, что заботой о любимомъ человѣкѣ она можетъ облегчить тяжесть унылой тоски.

— Женя, на кого ты похожа? Что съ тобой? Ты больна?

— Я вчера поздно вернулась, меня одолѣла безсонница, и сегодня до того голова болитъ, что я мѣста себѣ не нахожу. Нарочно поѣхала прокатиться, надѣясь, что будетъ легче. Ты никуда не собираешься?

— Никуда. Садись поудобнѣе. Я велю подать чай, ты согрѣешься, и все пройдетъ.

Обо многомъ переговорили прежде, чѣмъ Данцова рѣшилась заговорить о томъ, для чего она пріѣхала.

Она сдѣлала это съ видомъ спокойнаго равнодушія.

— Вчера въ гостяхъ я слышала, что нашего общаго знакомаго Башилова прочатъ на губернаторское мѣсто; о немъ тамъ отзывались, какъ объ очень толковомъ и нужномъ человѣкѣ, но говорятъ, что если тутъ этому дѣлу не дать ходъ, если о немъ никто изъ вліятельныхъ лицъ не похлопочетъ, то, вѣроятно, ничего не выйдетъ. Мнѣ, знаешь ли, пришло въ голову попросить тебя негласнымъ образомъ помочь. Онъ былъ такъ любезенъ по отношенію меня и такъ много помогъ въ моемъ дѣлѣ, что я была бы рада быть ему, въ свою очередь, полезной, хотя бы косвенно. Къ тому же онъ, дѣйствительно, производитъ впечатлѣніе серьезнаго и умнаго человѣка, и, думаю, будетъ на мѣстѣ въ должности губернатора. Ты какъ объ этомъ думаешь?

— Я думаю, что онъ и самъ не промахнется и похлопочетъ гдѣ надо.

— Представь себѣ, тамъ говорили, будто бы онъ отказывается о себѣ хлопотать: находитъ это унизительнымъ.

— Это онъ правъ... Такъ ты думаешь, что я могу быть полезной? Хорошо, я подумаю...

— Тутъ и думать нечего: обратись къ Орлову. Вѣдь Михаилъ Михайловичъ хорошъ съ министромъ...

— Вѣрно. Изволь, я попрошу, но, конечно, Женичка, я буду дѣйствовать отъ твоего имени, ты ничего не имѣешь противъ?

— Пожалуйста. Я не скрываю, что онъ сдѣлалъ мнѣ большую услугу, и, я думаю, каждому понятно мое желаніе отплатить тѣмъ же. Не откладывай въ долгій ящикъ, ты окажешь услугу мнѣ.

— Я надѣюсь, что на дняхъ Орловъ заѣдетъ ко мнѣ, и я подъ шумокъ съ нимъ переговорю. Во всякомъ случаѣ, обѣщаю быть энергичной, во-первыхъ, въ угоду тебѣ, а, во-вторыхъ, почему и не помочь умному человѣку. Мало ли карьеръ создано черезъ женщинъ? Я думаю, больше половины.

Въ слѣдующій пріемный день у Елены между многочисленными посѣтителями былъ и генералъ Орловъ.

Онъ старался имѣть беззаботный видъ, но кто его зналъ хорошо, не могъ не замѣтить грустнаго выраженія глазъ и частой задумчивости. Улучивъ свободную минуту, Елена попросила его подсѣсть къ ней и вкратцѣ передала просьбу подруги. Орловъ криво усмѣхнулся и подозрительно посмотрѣлъ на Елену:

— Это что же еще за господинъ? Не ваша ли новая симпатія?

— Удивительный вы человѣкъ, Михаилъ Михайловичъ, всюду вамъ мерещатся коварныя подкладки.

— Что дѣлать, Елена Павловна, видно, отъ старости становлюсь подозрительнымъ. Такъ кто же, все-таки, проситъ за этого господина Башилова: вы или Евгенія Михайловна?

— Я же вамъ сказала, что это Женина просьба.

— Ага! Значитъ, вамъ угодно, чтобы я это сдѣлалъ для нея?

— Не совсѣмъ такъ. Если вы это сдѣлаете, то я буду считать услугу, сдѣланную лично мнѣ.

— Елена Павловна, ваше желаніе для меня законъ. Сдѣлаю все, что отъ меня будетъ зависѣть.

Послѣ этого разговора прошло очень мало дней, какъ къ Еленѣ заѣхала Людомирова въ неурочный часъ, впопыхахъ и не въ духѣ.

— Я къ тебѣ на минуту и по дѣлу. Пожалуйста, дорогая, не откажи въ содѣйствіи... Изъ рукъ вонъ, какъ я загонялась и устала. Пріѣхалъ Оттонъ Александровичъ Бергъ... Его пріѣзды становятся для меня невыносимы; воображаетъ, что, кромѣ него, у меня никакихъ дѣлъ, никакихъ обязанностей нѣтъ. Ахъ, я болтаю, а главнаго еще и не сказала. Оттонъ Александровичъ, между прочимъ, мнѣ сказалъ, что Башиловъ можетъ получить мѣсто губернатора, и что онъ будетъ доволенъ, если это дѣло устроится, такъ какъ онъ это давно обѣщалъ Любѣ. И въ то же время я получаю отъ Любы письмо, въ которомъ она меня умоляетъ найти возможность затор-

мозить это назначеніе. Конечно, послѣ происшедшаго съ нимъ разрыва ей совсѣмъ неинтересно съ нимъ встрѣчаться, и вообще она не желаетъ никакихъ съ нимъ соприкосновеній. Я на ея мѣстѣ ему бы еще и напортила хорошенько, чтобы пожалѣлъ и берегъ бы въ другой разъ свои отношенія къ женщинамъ. Я вспомнила, что ты это можешь сдѣлать и черезъ Орлова, и черезъ Рихтера, который, кажется, не совсѣмъ къ тебѣ равнодушенъ.

— Позволь, Мариша, неужели ты думаешь, что я способна портить карьеру человѣку, который ничего сквернаго мнѣ не сдѣлалъ и вообще никакого отношенія ко мнѣ не имѣетъ?

— Если онъ никакого отношенія къ тебѣ не имѣетъ, то нечего было за него хлопотать...

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— А то, что совершенно случайно мнѣ передали, что вчера Орловъ говорилъ съ министромъ о Башиловѣ, и тотъ навѣрное исполнитъ просьбу Михаила Михайловича. Понятно, что Орловъ просилъ по твоему порученію. Во всякомъ случаѣ, ты скверную услугу оказала Любѣ и именно послѣ того, какъ я тебѣ разсказала объ его продѣлкѣ. Согласись, что это странно.

— А у меня могли быть мотивы тебѣ неизвѣстные и ничего общаго съ Любовью Ивановной не имѣющіе.

— Ну, словомъ, я замѣчаю, что ты, кажется, начинаешь ему слишкомъ симпатизировать и не желаешь исполнить моей просьбы. Прекрасно, не надо, но въ такомъ случаѣ я найду иной путь и все равно добьюсь своего и ему напорчу: губернаторства онъ не увидитъ, какъ своихъ ушей; я не могу не сочувствовать Любѣ и, разумѣется, ему напорчу. Ты это такъ и знай.

— Я вижу, Мариша, что пріѣзды Берга на тебя дѣйствуютъ очень скверно. Дѣлай, что хочешь. Но только врядъ ли акціи Башилова такъ низко стоятъ, чтобы твои хлопоты могли ему очень повредить.

— Это мы еще посмотримъ!

Людомирова уѣхала очень раздраженная, а Елена поспѣшила вызвать къ себѣ Орлова, чтобы знать опредѣленно, какъ обстоятъ дѣла.

— Видите ли, въ чемъ тутъ дѣло,—заговорилъ Орловъ, усаживаясь въ кресло и скрещивая свои худыя длинныя ноги.—Иванъ Ларіоновичъ ничего не имѣетъ противъ его назначенія и, узнавъ, что я оказываюсь посломъ прелестной женщины, позавидовалъ господину Башилову, который, впрочемъ, у нихъ тамъ на очень хорошемъ счету; отъ себя я долженъ вамъ сказать, что врядъ ли вы дѣлаете ему хорошую услугу, отправляя губернаторствовать въ тотъ край; губернія, говорятъ, прескверная, лѣвая партія очень сильна, направленіе крайне либеральное, и для вновь испеченнаго губернатора положеніе покажется крайне труднымъ. Мнѣ это и Иванъ Ла-

ріоновичъ высказалъ. Я завтра опять съ нимъ увижусь и, если хотите, то могу еще съ нимъ переговорить на эту тэму.

Елена задумалась.

— Михаилъ Михайловичъ, дорогой мой. Ужъ разъ я рѣшилась васъ безпокоить, то буду съ вами откровенна: дѣла приняли такой оборотъ, что, если бы вмѣсто губернаторства вашъ другъ Иванъ Ларіоновичъ предложилъ ему иное, равносильное этому, мѣсто, ну, что-нибудь въ родѣ управляющаго канцеляріей министра или директора департамента, то это было бы большимъ для меня удовольствіемъ. Скажу вамъ по секрету, что у меня была только что Мариша и объявила мнѣ, что она напортитъ Башилову, потому что противъ него имѣетъ зубъ и она сама и ея подруга—Любовь Ивановна Бергъ. Такъ какъ Женя знаетъ, что я уже васъ просила, то если Мариша дѣйствительно сумѣетъ напортить Башилову, это будетъ имѣть видъ, что мои хлопоты испортили все дѣло; это задѣваетъ мое самолюбіе, и, кромѣ того, я нахожу просто гнуснымъ, чтобы Мариша и Бергъ вплетали свои личные съ нимъ счеты въ судьбу его карьеры. Будьте милый, переговорите еще съ вашимъ другомъ, пусть онъ двинетъ Башилова и какъ можно скорѣе, а то чего добраго или Мариша дѣйствительно ему теперь же напортитъ, или, что еще хуже, напортитъ Любовь Ивановна тамъ, гдѣ онъ будетъ назначенъ губернаторомъ.

— Елена Павловна, если я за что-нибудь берусь, то всегда довожу свое дѣло до конца, а въ особенности, если исполняю ваше желаніе. Будетъ жаль, если Иванъ Ларіоновичъ повидаетъ этого вашего протеже до вторичнаго со мной свиданія. Онъ записалъ у себя и обѣщалъ мнѣ не откладывать его назначенія.

— Да, это будетъ жаль,—обдумывая что-то про себя, разсѣянно отвѣтила Елена.

— Итакъ, Елена Павловна, я замѣчаю, что вы начинаете интересоваться политикой, хотите содѣйствовать чьей-то карьерѣ, а я для васъ отошелъ совсѣмъ на задній планъ... грустное это сознаніе! Давно ли все было иначе, когда я счастливый летѣлъ мыслью къ моей принцессѣ грезѣ и чувствовалъ, что и я для нея что-то значу... Да, все измѣнилось... слишкомъ скоро и казалось бы, что и безъ причины.

Голосъ Орлова дрогнулъ и, боясь не совладѣть съ охватившимъ его волненіемъ, онъ быстро поднялся и сталъ прощаться.

— Если бы вы знали, дорогой Михаилъ Михайловичъ, какъ мнѣ больно васъ слушать...

— Извольте, я буду молчать... «но пусть любовь моя васъ не тревожитъ, я не хочу печалить васъ ничѣмъ...»—старческимъ, дребезжащимъ голосомъ пропѣлъ Орловъ на старинный мотивъ, съ молитвеннымъ жестомъ поднявъ руку въ бѣлой перчаткѣ, какъ бы призывая само небо въ свидѣтели.

Какъ только Орловъ ушелъ, Елена послѣ короткаго размышленія написала Башилову записку и велѣла немедленно ее отправить. Когда она къ обѣду вернулась домой, лакей подалъ ей отвѣтъ. Елена внимательно посмотрѣла на красивый увѣренный почеркъ лиловыми чернилами.

«Многоуважаемая и очаровательная уника!

«Не знаю, что за важныя дѣла породили въ васъ счастливую мысль призвать меня хоть на полчаса, какъ вы пишете. Къ счастью, я сегодня имѣю въ своемъ распоряженіи эти полчаса и съ удовольствіемъ буду у васъ въ означенное время.

«Цѣлую ваши милыя ручки. Искренно и неизмѣнно вамъ преданный В. Башиловъ».

Елена наскоро пообѣдала, чтобы успѣть одѣться въ театръ до прихода Башилова.

— Какая вы интересная!—воскликнулъ онъ, когда Елена вышла къ нему въ гостиную въ черномъ бархатномъ платьѣ съ вырѣзомъ на груди.—Позвольте же на васъ сперва полюбоваться. Я, изволите ли видѣть, безумно люблю женщину въ нарядномъ туалетѣ, а вы обладаете рѣдкимъ талантомъ одѣваться такъ, что на васъ самое скромное платье имѣетъ какой-то особенный видъ. Настоящая королева.

— Однако садитесь. Чѣмъ васъ угощать? Хотите вина? фруктовъ, конфетъ?

— Покорно благодарю-съ, кромѣ вашего присутствія, я ничего не хочу.

— Въ такомъ случаѣ, Владимиръ Ивановичъ, я приступаю прямо къ дѣлу, а вы будьте серьезны, на меня такъ не смотрите, а вникните во все, что я вамъ скажу.

— Слушаю-съ, я очень заинтересованъ.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло: если не завтра, то со дня на день можетъ васъ призвать министръ и, ужъ не знаю въ какой формѣ, вѣроятно, предложитъ вамъ мѣсто губернатора, на что вы должны ему отвѣтить, не знаю, въ какихъ тамъ вы найдете нужнымъ выраженіяхъ, что, во-первыхъ, губернія эта вамъ не по сердцу въ виду несимпатичнаго и труднаго направленія, и что, во-вторыхъ, ваши дѣла васъ привязываютъ къ Петербургу и если бы движеніе впередъ было возможнымъ, но безъ необходимости выѣзда отсюда, то вы были бы счастливы, и такъ далѣе, и такъ далѣе.

— Ровно ничего не понимаю. Могу ли полюбопытствовать, какимъ образомъ вамъ это все извѣстно и почему вы мнѣ диктуете, что я долженъ сказать.

— Владимиръ Ивановичъ, вы отлично знаете, что если я говорю съ вами, то только съ чувствомъ доброжелательства. Промаха здѣсь быть не можетъ. Я говорю лишь то, въ чемъ очень увѣрена, но больше сказать вамъ ничего не могу, и ужъ вы, пожалуйста, меня

ничего не спрашивайте. Вы должны же понимать, что, вращаясь въ обществѣ, имѣя друзей, мало ли что можешь услышать... Вѣдь не всѣмъ же извѣстно, что мы съ вами въ хорошихъ отношеніяхъ, а тѣмъ болѣе не придетъ никому въ голову, что я стану съ вами дѣлиться слышаннымъ. Кто умѣетъ молчать, тотъ многое и знаетъ. Быть можетъ, я и ослышалась, но мнѣ почудилось что-то въ родѣ управляющаго канцеляріей министра... или директора департамента.

— Ну, это вамъ, очевидно, почудилось. Я, какъ говорится, еще не доросъ до этого; а что касается губернаторства, то съ благодарностью цѣлую вашу ручку за совѣтъ, но, изволите ли видѣть, я, пожалуй, и самъ бы отъ него отказался, такъ какъ въ данную минуту такое назначеніе меня не особенно устраиваетъ. Помимо нѣкоторыхъ соображеній, я, видите ли, того мнѣнія, что губернаторствовать холостому человѣку какъ будто бы и не такъ удобно. Тутъ нужны и пріемы, и умѣнье наладить домъ, и всѣ эти тонкости, съ которыми великолѣпно умѣетъ справляться женщина. Губернаторша, да если еще умная и интересная, даетъ извѣстный тонъ, и безъ этого никакъ нельзя-съ. Поѣдешь бобылемъ, и какъ разъ привяжется какая-нибудь баба, сама же и растрещитъ по всей губерніи, а мамаши, у которыхъ взрослыя дочки, начнутъ фыркать и негодовать, на ушко разсказывать про губернатора скандальныя небылицы. Это я знаю доподлинно-съ. Во всякомъ случаѣ сердечно благодаренъ, что мои дѣла васъ интересуютъ.

— Да, да, Владимиръ Ивановичъ, ужасно интересуютъ, и, знаете, вѣдь у меня необыкновенно счастливая рука, какъ говорятъ французы, j'ai une chance contagieuse[1]), вотъ вы подержите хорошенько мою руку, и я увѣрена, что вашъ визитъ къ министру ознаменуется чѣмъ-нибудь выдающимся.

Елена протянула Башилову руку; онъ крѣпко ее сжалъ, поцѣловалъ и, поглаживая, ласково проговорилъ:

— А славная у васъ ручка, такъ бы и унесъ съ собой навсегда. Однако я не хочу васъ задерживать, вамъ пора въ театръ; разрѣшите васъ подвезти—меня ждетъ автомобиль:

Елена согласилась. Въ передней лакей набросилъ ей на плечи длинную плюшевую шубку, отороченную прекраснымъ мѣхомъ, и Елена, довольная своимъ днемъ, смѣясь и весело болтая, спускалась съ лѣстницы въ то время, какъ Башиловъ, слегка поддерживая ее за локоть, съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя ароматъ ея духовъ и, искренно любуясь ея подвижнымъ, очень выразительнымъ лицомъ, не столько слушалъ то, что она говорила, какъ прислушивался къ низкимъ грудным ноткамъ ея мелодичнаго голоса. Всю дорогу до театра Башиловъ мучительно боролся съ желаніемъ привлечь ее къ себѣ и цѣловать

[1]) Заразительный шансъ.

ея губы и глаза, но разсудокъ опять-таки одержалъ верхъ надъ страстью, и онъ ограничился только тѣмъ, что почти всю дорогу не выпускалъ ея руки и безпрестанно прикасался къ ней губами.

— Опасная вы женщина, Елена Павловна: чаруете и мучаете, какъ русалка.

— Чѣмъ же я васъ мучаю?—разсмѣялась Елена.

— Очень ужъ вы меня на благородной дистанціи держите; если не ошибаюсь, вы изволили изъ-за границы вернуться почти мѣсяцъ тому назадъ, а вижу я васъ всего третій разъ. Живете за семью замками.

— Это я за семью замками? Ну, что вы разсказываете! Моя дверь всегда и для всѣхъ открыта.

— А это и еще хуже, если для всѣхъ. Иной разъ, сознаюсь вамъ, у меня мелькала мысль заѣхать къ вамъ вечеркомъ чашку чаю выпить, посидѣть часовъ до одиннадцати, отдохнуть подлѣ васъ и опять къ дѣламъ, но ѣхать къ вамъ, чтобы расшаркиваться съ незнакомыми кавалерами или дамами,—на это у меня охоты нѣтъ-съ; ну, я и не ѣду.

— Такъ вѣдь существуетъ телефонъ для этого; не полѣнитесь спросить, одна ли я, и вѣрьте, что буду вамъ очень рада. Я тоже нахожу, что мы съ вами мало видимся, если принять въ соображеніе...—Елена запнулась.

— Договаривайте, прошу васъ.

— Ваше желаніе сократить разстояніе, насъ раздѣляющее.

— А оно еще не сократилось? Ну, будьте же откровенны.

— Немножко...

— Немножко?! А вотъ бы взять васъ сейчасъ за плечи, стиснуть хорошенько и зацѣловать бы въ уста сахарныя, и исчезло бы всякое разстояніе.

— Владимиръ Ивановичъ, не смѣйте.

Елена инстинктивно прижалась въ другой уголъ автомобиля, въ тонѣ Башилова ей послышались опасныя нотки.

— Да я и не смѣю. Покоренъ, какъ рабъ. Сижу со сложенными руками и чту васъ, какъ Богородицу.

Когда подъѣзжали къ театру, Елена, переведя разговоръ на дѣловую почву, между прочимъ сообщила Башилову, что положеніе генерала Берга очень непрочно и что съ отставкой премьеръ-министра, о которой очень поговариваютъ, его карьера будетъ окончена, такъ какъ его находятъ мало самостоятельнымъ, лишеннымъ всякой индивидуальности, неспособнымъ шагу ступить безъ чужихъ указаній.

«Оттого и отъ губернаторства совѣтуетъ отказаться. Умная баба, все сообразила... Откуда она всѣ эти свѣдѣнія имѣетъ?»—подумалъ про себя Башиловъ.

— Конечно, Владимиръ Ивановичъ, никто не долженъ знать нашего разговора и вообще никому нѣтъ дѣла, о чемъ бы и когда бы мы съ вами ни говорили.

— Мудрое правило-съ, и я его придерживаюсь всю жизнь. Веселитесь, всего хорошаго! А чай пить я, значитъ, къ вамъ на дняхъ же заѣду, если разрѣшите.

Елена распростилась съ Башиловымъ у подъѣзда опернаго театра, а онъ отправился на засѣданіе, слегка взволнованный сообщенной ему новостью. Говоря Еленѣ о своемъ яко бы желаніи отказаться отъ губернаторскаго мѣста, Башиловъ лгалъ и сдѣлалъ это инстинктивно, чувствуя необходимость дать ей понять, что онъ хорошо знаетъ себѣ цѣну и не падокъ на повышенія, расходящіяся съ его убѣжденіями, и что совѣтъ Елены не имѣетъ рѣшающаго значенія въ дѣлѣ, которое онъ будто бы уже обдумалъ самъ въ отрицательномъ смыслѣ. Ему очень бы хотѣлось знать, какую роль во всемъ этомъ дѣлѣ играла Елена: принимала ли она активное участіе, или, дѣйствительно, только умѣло воспользовалась слышаннымъ, чтобы заранѣе предупредить его?

До крайности самолюбиваго Башилова слегка коробила мысль о возможности быть обязаннымъ женщинѣ въ своей удачѣ. Не взирая на разговоры о равноправіи, онъ бы не потерпѣлъ близости женщины, которой открыто былъ бы чѣмъ-нибудь обязанъ. Онъ слишкомъ привыкъ импонировать и внушать поклоненіе къ своей силѣ и энергіи, чтобы согласиться на роль товарища съ равными силами.

«Какъ бы то ни было, а баба ловкая и умѣлая... повозиться съ ней придется... не очень податлива... а интересна, въ ней что-то есть!» думалъ про себя Башиловъ, пока автомобиль мчалъ его на засѣданіе.

V.

Прошло нѣсколько дней. Елена съ большимъ интересомъ ожидала результатовъ своихъ хлопотъ по дѣлу Башилова, какъ къ ней неожиданно заѣхалъ Орловъ и объявилъ, что желаніе «принцессы грезы», какъ онъ любилъ называть Елену, исполнено въ точности, такъ какъ министръ, желая уважить его просьбу и считая Башилова человѣкомъ выдающихся способностей, такъ или иначе въ самомъ скоромъ будущемъ выдвинетъ его по службѣ; вскорѣ послѣ визита Орлова пріѣхалъ вечеромъ пить чай и Башиловъ, предварительно удостовѣрясь, что Елена одна и никто имъ не помѣшаетъ. Онъ очень обстоятельно посвятилъ Елену во всѣ подробности своего визита къ министру. Какъ и предполагалось, ему было предложено мѣсто губернатора, отъ котораго онъ отказался, а послѣ

продолжительной бесѣды ему было объявлено, что вскорѣ онъ получитъ назначеніе на должность директора департамента. Онъ хотѣлъ и старался казаться совершенно спокойнымъ, но отъ него вѣяло радостью заслуженной удачи и сознаніемъ своей силы.

— Разрѣшите мнѣ маленькую вольность: вы спокойно пейте свой чай, а я, пока мой остынетъ, буду по комнатѣ ходить. Такая ужъ привычка глупая. Я логичнѣе думаю и говорю, если нахожусь въ движеніи. Такъ вотъ-съ, Елена Павловна, мнѣ и не мнилось, что наединѣ съ вами, въ вашей красивой столовой я буду переживать чувство удовлетворенія по поводу крупнаго движенія по службѣ. Да-съ, лѣтъ десять тому назадъ такое назначеніе могло бы мнѣ казаться конечнымъ этапомъ моей карьеры, а теперь, долженъ вамъ признаться, что меня точитъ червь честолюбія, и я спрашиваю себя: ну, и что же дальше?

— Какъ что дальше? Впередъ, все впередъ...

— А знаете ли вы, очаровательная уника, что значитъ для меня впередъ? Знаете ли вы, перспектива какого конечнаго пункта можетъ теперь удовлетворить меня?

— У васъ есть данныя, чтобы желать многаго. Вы должны проложить себѣ путь и въ концѣ концовъ добиться министерскаго поста.

— Вы меня поняли. Добиться товарища министра это не карьера.

— Ну, что жъ, вы и добьетесь желаемаго.

— Вы думаете?

— Увѣрена. И вы должны быть увѣрены.

— Я не увѣренъ.

— Это скверно. Я убѣждена, что тотъ создаетъ свою судьбу, кто твердо и неуклонно вѣритъ въ свою силу и смѣлость. У васъ есть и то, и другое.

— У меня есть еще и третье—чутье, которое иногда подсказываетъ мнѣ, что для достиженія именно этой конечной цѣли у меня недостаетъ пороху.

— Что за ерунда! Какъ вы можете поддаваться навѣтамъ слабости? Жизнь это бурный океанъ, судьба—челнъ, на которомъ я стою и твердой рукой управляю парусомъ. Если я смѣла, если рука моя не дрогнетъ, если я не страшусь дикихъ волнъ, налетающихъ на мою ладью, то, взбираясь на пѣнистые гребни или падая въ бездну пучины, я все-таки доплыву до берега; но бѣда, если рука дрогнетъ и сомнѣніе затуманитъ острый направленный въ пространство взоръ: парусъ пригнется къ водѣ, бѣшеная волна захлестнетъ мою ладью, и я стану игрушкой непокорной стихіи.

— Все это вы очень картинно изволили нарисовать, и все-таки я не знаю, гдѣ тѣ борцы, у которыхъ никогда не дрогнула рука въ борьбѣ съ жизнью. Я не умаляю своихъ достоинствъ, я цѣну себѣ

знаю-съ, но не въ этомъ дѣло. Мало ли было случаевъ, что портфель министра оказывался во власти бездарностей, неспособныхъ на отвѣтственный постъ; одного родня, другого протекція, третьяго женщины вывозили на широкій путь: у меня нѣтъ и не можетъ быть ничего подобнаго. Я горжусь силой своей личной энергіи, и никакія почести для меня не имѣли бы цѣны, если бы я достигъ ихъ не исключительно самостоятельнымъ завоеваніемъ. а черезъ протекцію или женщинъ.

— Я васъ отлично понимаю,—сказала Елена, склонивъ лицо надъ чашкой чая. Едва уловимая лукавая улыбка чуть-чуть скользнула у нея по лицу. «Если ты хочешь научить меня, какъ обманывать тебя, то я это и сама знаю», пронеслось у нея въ головѣ.

— Вы принадлежите именно къ тѣмъ людямъ, сила которыхъ заключается только въ нихъ самихъ, а не въ умѣніи использовать удобныя обстоятельства. Вы идете впередъ съ поднятымъ забраломъ, и, увѣряю васъ, добьетесь своего. Вѣрь въ себя, и я въ тебя увѣрую, а въ данномъ случаѣ, кажется, я буду говорить: я въ тебя вѣрую— вѣрь въ себя.

— Красно вы говорите. Ну, что можетъ быть лучше умной женщины? Какъ есть любители тонкихъ сигаръ и дорогихъ винъ, такъ для меня высшее удовольствіе въ родѣ кейфа поговорить съ умной женщиной.

Въ одиннадцать часовъ Башиловъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ, что ему пора домой къ занятіямъ; Елена его не удерживала, но онъ заговорилъ на тему проекта, который онъ готовитъ къ засѣданію, увлекся разговоромъ и просидѣлъ до полуночи.

Съ этого вечера Башиловъ сталъ отъ времени до времени заѣзжать къ Еленѣ по вечерамъ, чтобы поболтать и выпить чашку чаю; такъ какъ онъ пріѣзжалъ не иначе, какъ если Елена была совершенно одна, то эти часы недолгихъ, но интересныхъ и задушевныхъ бесѣдъ порождали во взаимныхъ отношеніяхъ интимность, о которой никто не подозрѣвалъ и которая мало-по-малу начала пріучать ее къ мысли, что дѣйствительно Башиловъ становился ей близкимъ человѣкомъ, привязанность котораго основана не на пустомъ увлеченіи. Держалъ онъ всегда себя строго и серьезно, вносилъ живую волну кипучей жизненной борьбы, и обликъ этого человѣка, въ которомъ Елена начинала видѣть друга, вырисовывался для нея все ярче и ярче, именно въ тѣхъ краскахъ, въ которыхъ Башилову угодно было себя выставить. Такъ какъ мѣсто губернатора, предназначавшееся Башилову, было вскорѣ занято другимъ, и такъ какъ Людомирова черезъ Берга узнала, что Башиловъ самъ отъ него отказался, то ей не пришлось особенно хлопотать, чтобы ему напортить, но она была глубоко поражена и ея мыслямъ былъ данъ новый толчокъ ко всевозможнымъ догадкамъ и комбинаціямъ, когда Башиловъ получилъ официальное назначеніе директора департамента.

— Каково! Башиловъ не даромъ отказался отъ губернаторства. Этакъ онъ, пожалуй, выше Рихтера прыгнетъ,—говорила она направо и налѣво.—Тутъ не безъ женщины... Удивляюсь вкусу! Онъ вульгаренъ и грубоватъ; Рихтеръ и умнѣе и салоннѣе его... Браво, Елена! Ты превзошла всѣ мои ожиданія. Если ты будешь продолжать въ томъ же духѣ, то этакъ мы Башилова, пожалуй, и въ роли министра увидимъ.

— А я-то тутъ причемъ? Ты вѣдь знаешь, что Башиловъ талантливъ и ловокъ...

— Я думаю, что ты и умнѣе, и талантливѣе его. Недаромъ кто-то недавно совѣтовалъ Рихтеру пріударить за тобой; тебя считаютъ типомъ женщины, на которой долженъ жениться умный человѣкъ, стремящійся сдѣлать блестящую карьеру. Что жъ, Рихтеръ былъ бы для тебя недурной партіей; ты бы его въ нѣсколько прыжковъ сдѣлала министромъ.

— Въ концѣ концовъ кого же мнѣ надо дѣлать министромъ—Рихтера или Башилова?

— Разумѣется, Рихтера. Во-первыхъ, если ужъ говорить серьезно, Рихтеръ ему этого назначенія не проститъ, и ногу въ свое время подставитъ, а, во-вторыхъ, совѣтую тебѣ все-таки обратить вниманіе на Рихтера; я знаю, что онъ о тебѣ всегда очень восторженно отзывается и если смекнетъ, что въ назначеніи Башилова ты сыграла нѣкоторую роль, то, повѣрь мнѣ, онъ еще больше тебя оцѣнитъ. Зачѣмъ упускать хорошую партію?

— Да ты, кажется, Мариша, въ свахи записалась! Съ чего ты вздумала, что я замужъ за него пойду?

— Не за Башилова же тебѣ итти!.. Мнѣ говорили, что онъ влюбленъ въ тебя, что онъ для тебя, кажется, и въ Крымъ ѣздилъ.

Елена разсмѣялась.

— То ты говорила, что онъ влюбленъ въ Женю, а теперь въ меня...

— И въ тебя, и въ Евгенію Михайловну, и въ какую-нибудь актрису, и въ свою экономку, если она у него есть,—въ этомъ направленіи онъ можетъ дробиться до безконечности. Люба мнѣ писала, что онъ теперь возится съ какой-то шансонеточной пѣвицей.

— А почему же ему и не возиться—вѣдь онъ холостой человѣкъ!

Какъ Людомирова ни подводила разговоръ, однако ей не удалось опредѣлить, есть ли у Елены хоть доля увлеченія къ Башилову, и она обратилась за справками къ барону Штадену, который за послѣднее время раза два столкнулся съ Башиловымъ у Елены, былъ крайне раздосадованъ этой встрѣчей, убѣдившей его, что Елена не на шутку ему симпатизируетъ. Была минута, когда у барона мелькнуло желаніе осторожно навести Елену на мысль о связи ея подруги съ Башиловымъ, но, вѣрный своему правилу уважать чужія тайны и ни при какихъ обстоятельствахъ не выходить изъ

роли только зрителя, онъ и тутъ не измѣнилъ себѣ, предоставляя судьбѣ спутывать или развязывать жизненныя нити. Отъ Штадена Людомирова, конечно, ничего узнать не могла и стала прислушиваться къ тому, что въ гостиныхъ говорилось или предполагалось, вставляя два-три полушутливыхъ, полуязвительныхъ слова, которыя незамѣтно вливали ядъ и злобу недоброжелательства. За послѣднее время Людомирова не пропускала случая бросить Еленѣ какую-нибудь колкость или двусмысленный намекъ то на Башилова, то на Орлова, то на Юрьева, котораго, впрочемъ, Елена совсѣмъ мало видѣла. Она отмалчивалась или слегка высмѣивала Людомирову, отгадывая, что та вымещала на ней свои недоразумѣнія и ссоры съ барономъ.

Вскорѣ баронъ пріѣхалъ къ Еленѣ и сообщилъ ей о своемъ окончательномъ разрывѣ съ ея подругой Людомировой.

— Прошу васъ меня считать вернувшимся изъ кратковременнаго отпуска,—смѣясь говорилъ онъ,—и вступившимъ вновь въ должность сторожа вашего психологическаго момента, близость котораго, мнѣ помнится, вы предвидѣли въ недалекомъ будущемъ. Я упоренъ и постояненъ и никому не уступлю своего сторожевого пункта; теперь я удвою свою наблюдательность изъ чувства эгоизма и изъ чисто альтруистическихъ побужденій.

— А-а! Благоволите ихъ выяснить, это очень интересно.

— Вы, mon ange, хоть и прикрываетесь тогой добродѣтельной безстрастности, но я вамъ не вѣрю и очень боюсь, что съ наступленіемъ психологическаго момента вы натворите всякихъ чудесъ, а потому я, вашъ вѣрный и бдительный другъ, постараюсь, чтобы этотъ психологическій моментъ...

— Сосредоточился бы на васъ, cher baron...

— Совершенно вѣрно! то есть вы просто читаете мои мысли. Браво! И что же, вы согласны?

— Ну, еще бы! Развѣ вы не понимаете, что я только ждала вашего возвращенія изъ кратковременнаго бѣгства.

— Pardon—отпуска, такъ какъ вы сами его налаживали. Чтобы начать свои обязанности стражника, позвольте быть нескромнымъ и предупредить васъ, что вамъ приписываютъ злые языки уже не двоихъ поклонниковъ, а трехъ: Орлова, Юрьева и Башилова. Послѣднимъ очень заинтригованы; кто-то пустилъ слухъ, что вы ему карьеру хотите сдѣлать, а затѣмъ удостоить чести сдѣлаться его женою.

— А-а-! Узнаю Маришинъ языкъ... Ну, милый баронъ, теперь стоитъ вамъ почаще ко мнѣ заѣзжать, чтобы вы оказались четвертымъ поклонникомъ.

— А я это непремѣнно и сдѣлаю, потому что къ Башилову васъ ревную и ни за что не хочу, чтобъ васъ соединяли съ его имѣніемъ.

— Спасибо за услугу; меня это не устраиваетъ, такъ какъ если мнѣ кто-нибудь можетъ нравиться, то это будетъ навѣрное онъ. Что? Не ожидали?

— Вы шутите?..

— Совершенно серьезно.

— Въ такомъ случаѣ это очень прискорбно.

— Даже прискорбно? Но я васъ утѣшу тѣмъ, что пока это еще мое предположеніе, и, какъ другъ, вы будете au courant всѣхъ серьезныхъ событій, если имъ суждено когда-нибудь случиться.

— А я вотъ начну за вами хорошенько ухаживать и отважу его.

— Сдѣлайте одолженіе, вѣдь я еще не влюблена.

Однажды Людомирова встрѣтила Башилова у общихъ знакомыхъ, подсѣла къ нему и начала слегка его язвить и дѣлать намеки, что она знаетъ какія-то его тайны. Башиловъ поддавался очень туго и, предполагая, что она намекаетъ на ссору съ Любовью Ивановной, и желая перемѣнить разговоръ, спросилъ, давно ли она видѣла Елену. Людомировой этого только и надо было.

— Это время я ее вижу очень мало, потому что она такъ занята своими флиртами, что ей, конечно, не до меня.

— Помилуйте, Марія Константиновна, могутъ ли быть флирты у Елены Павловны? Я не встрѣчалъ болѣе холодной и безстрастной женщины, чѣмъ она.

— Елена безстрастна? Ого! Откуда вы это можете знать? Удивляюсь! Вы такой опытной въ дѣлѣ съ женщинами!.. Вѣроятно, вы неумѣло взялись. Рѣшивъ, что Елена слишкомъ умна, вы начали съ психологіи, а женщина, какъ бы она умна ни была, въ дѣлахъ любви все-таки остается женщиной, а не философомъ... Философія расхолаживаетъ.

Людомирова смѣялась и кокетничала, стараясь отвлечь вниманіе Башилова отъ своей главной цѣли—выставить пріятельницу въ невыгодномъ свѣтѣ. Башиловъ, любопытство котораго было задѣто по отношеніи Елены, попался на эту удочку и, въ свою очередь, желая выпытать отъ Людомировой то, что его въ данную минуту интересовало, искалъ способа, какъ бы замаскировать свое намѣреніе.

— Я, изволите ли видѣть, всегда руководствуюсь примѣромъ умныхъ людей. Александръ Александровичъ Рихтеръ тихонько и умненько бесѣдуетъ съ Еленой Павловной и успѣхъ, кажется, имѣть будетъ.

— Ну, будетъ ли еще имѣть—это вопросъ! Вы бы лучше поучились у Юрьева; онъ умомъ, кажется, не блещетъ, а успѣхъ имѣетъ колоссальный.

— Ужъ и колоссальный! Позволила барынька ручку поцѣловать, а онъ и затрубилъ побѣду. Это по молодости лѣтъ и по неопытности-съ.

— Ну, извините! я сама была свидѣтельницей, какъ однажды въ чаду умопомрачительнаго кокетства Елены Юрьевъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ расцѣловалъ ее.

— Да, это ужъ очень рѣшительно!.. Такой примѣръ даже и опасенъ.

Башиловъ почувствовалъ раздраженіе противъ Людомировой, сразу испортившей ему настроеніе, но вмѣсто того, чтобы прервать разговоръ, на зло самому себѣ ждалъ дальнѣйшаго.

— Въ такомъ случаѣ поучитесь у барона Штадена. Это, повѣрьте мнѣ, артистъ. И онъ знаетъ прелесть Еленинаго поцѣлуя; этотъ, пожалуй, еще рѣшительнѣе, чѣмъ Юрьевъ... Изъ всѣхъ обожателей Елены самый слабый Орловъ,—но вѣдь его пѣсня, кажется, спѣта; она выжала изъ него послѣдніе соки и теперь держитъ на веревочкѣ для количества... Ну, разумѣется, надо имѣть умъ и смѣлость Елены, чтобы такъ бравировать и такъ смѣло афишировать свои связи; каждая изъ насъ трепещетъ лишняго пожатія руки, боясь, чтобы не раздули и изъ мухи слона не сдѣлала, а она, молодецъ, очень ловка; ничего не боится, зато ей прощается многое. Я любуюсь такими женщинами, а вы?

— Если я любуюсь Еленой Павловной, то главнымъ образомъ за то, что никогда отъ нея ни о комъ дурного слова не слышалъ,— сдерживая раздраженіе, отвѣтилъ Башиловъ.

— Это что же? Камень въ мой огородъ?

— Помилуйте, имѣю ли я право...

Башиловъ уѣхалъ домой сильно не въ духѣ, озабоченный слышаннымъ, взбѣшенный на Елену при мысли, что она, быть можетъ, его дурачитъ, его, привыкшаго насквозь видѣть каждую женщину. И въ то же время чутье подсказывало ему, что Елена слишкомъ цѣльный и благородный характеръ для мелкихъ интригъ. Ему хотѣлось откровенно переговорить съ ней, но онъ предпочелъ пока молчать, наблюдать, насколько возможно, и ничего не измѣнять въ ихъ отношеніяхъ. Благодаря новымъ обязанностямъ службы, онъ имѣлъ очень мало времени и съ большимъ удовольствіемъ отдавалъ свободные вечера на посѣщенія Елены, чѣмъ на свиданія съ Данцовой, которая начинала ему мѣшать и не на шутку озабочивать. Тихая, покорная и любящая, она мирилась съ необходимостью рѣже видѣться, вѣря, что служба отнимаетъ у него почти все время. Она не высказывалась, но была часто грустна, и зачастую Башиловъ видѣлъ, какъ она глотала слезы, силясь улыбаться.

Такъ прошло время до новаго года. Башиловъ служилъ и много работалъ, Елена много выѣзжала, но жизнь казалась ей полнѣе, и тоска рѣже закрадывалась въ ея душу съ тѣхъ поръ, какъ ея мысли стали сосредоточиваться на интересахъ жизненнаго успѣха человѣка, судьба котораго становилась ей все ближе и ближе. Людомирова давала балы и обѣды. Послѣ долгой переписки и перегово-

ровъ она все-таки добилась наружнаго примиренія съ барономъ, которое ей было необходимо для декорума передъ обществомъ; но баронъ держалъ себя такъ холодно, что вернуть его сердце оказалось невозможнымъ.

Башилову удалось найти свободный вечеръ и поѣхать къ Аннѣ Ивановнѣ, предупредивъ ее съ утра о своемъ посѣщеніи. Занесенный большими хлопьями снѣга, онъ отряхивалъ бобровый воротникъ и протиралъ мокрое пенснэ въ маленькой передней, куда навстрѣчу ему вышла Анна Ивановна, кутаясь въ большой вязанный платокъ.

— Здравствуйте, моя красавица; вы что кутаетесь?... Неужели прозябли? У васъ тепло.

— Здравствуйте. Давненько не видались. Что-то знобитъ меня; вѣрно, простудилась.

— Это не полагается. Вотъ я, погодите, отогрѣю васъ.

— Развѣ что такъ... по старой памяти. Да вы что такъ поздно? Девять часовъ. Я думала, что ужъ и не пріѣдете.

— Занятъ я, голубчикъ, до такой степени, что ей-Богу какимъ-то фокусомъ урвалъ сегодня часъ-другой, чтобы къ вамъ пріѣхать. Работаю по семнадцати часовъ въ сутки.

— А незамѣтно. Выглядите молодцомъ. Ей-Богу, будто и помолодѣли. Пройдемте въ столовую; самоваръ совсѣмъ простылъ, васъ дожидаясь. Что и говорить, рѣдкій гость! Безъ дѣла не заглянете.

— Ну, ну, голубчикъ, полно вамъ. Зато пріѣхалъ и весь вашъ, будто пять лѣтъ тому назадъ. Время-то бѣжитъ! Шутка сказать—пять лѣтъ прошло! А хорошо бывало. Любилъ я вотъ этакъ отдыхать у васъ вечерами и чай съ малиновымъ вареньемъ пить.

— И сейчасъ малиновое варенье подано; видите—не забыла.

— Ну, разскажите о себѣ. Вижу, что живется хорошо.

— Да что о себѣ разсказывать?—Живется разно: когда хорошо, а когда неважно. Иной разъ и поплачу.

— У васъ вѣдь глаза на мокромъ мѣстѣ, вамъ не поплакать нельзя.

— Ладно, ладно. Старое вспоминать не будемъ, а то, пожалуй, не трудно будетъ найти, кто и плакать-то выучилъ. Давайте лучше о другомъ говорить.

Пока пили чай, Анна Ивановна постепенно отогрѣвалась и скинула свою шаль. Башиловъ съ удовольствіемъ поглаживалъ всегда соблазнявшія его пухлыя бѣлыя руки Анны Ивановны, унизанныя прекрасными кольцами. Въ широкой кофточкѣ безъ корсета, съ пышной грудью, съ большими голубыми глазами, бѣлолицая, она понемногу будила въ Башиловѣ воспоминанія былой связи, и онъ, слушая ее, улыбался своимъ мыслямъ.

Послѣ чая Анна Ивановна принесла карты и, отставивъ въ сторону чашки, принялась ихъ раскладывать.

— Теперь полно ужъ вамъ всякое тамъ думать. Я вѣдь васъ насквозь вижу; думайте про свое и не отвлекайтесь. Постойте-ка, ужъ я лучше шаль пока одѣну. Ужъ какія карты, на подборъ... Да вы никакъ назначеніе получили? И не такъ давно... былъ разговоръ съ важнымъ лицомъ; о васъ говорили... разговоръ серьезный былъ. Ну, такъ и есть, у васъ повышеніе по службѣ и полное удовлетвореніе. Вѣрно?

— Вѣрно-съ.—Башиловъ улыбался.

— Ишь вѣдь какой! Хоть бы слово черкнули старому другу, что предсказанія сбываются. Всегда говорила вамъ, что по службѣ везетъ, будете вы вскорѣ очень крупная штука.

— Зачѣмъ мнѣ писать вамъ, коли вы и безъ меня по картамъ все отгадываете!

— Поѣздка была... далекая и удачная; и для кармана и для самолюбія вашего ненасытнаго... А это же что выходитъ?.. Опять на сердцѣ дама, да только не та, что я вамъ въ жены прочила. Къ той сердце ваше остыло... Что же это за исторія такая?.. подождите-ка, разберусь я сперва... Конечно... вотъ опять эта дама подлѣ, очень вы къ ней льнете и карты хорошія, очень хорошія; она благосклонна къ вамъ и... просто и словъ не нахожу, выходитъ такъ, что ваша удача какъ будто бы и отъ ея счастливой руки зависитъ. Силы въ ней много. Жаль мнѣ очень эту вашу прошлогоднюю дамочку, а пѣсня ея спѣта... спѣта, и ничего тутъ ужъ не выйдетъ... дороги идутъ врозь и не сойдутся... нѣтъ, нѣтъ, не сойдутся. А та-то,—ухъ, что за карта подлѣ нея и подлѣ васъ! Мѣшай, не мѣшай, все то же... Много вамъ на роду написано, и все сбудется, какъ я говорила.

Башиловъ просилъ разложить карты на Елену. Вышло то же. Анна Ивановна покачала головой и, подперевъ ладонью подбородокъ, безошибочно обрисовала характеръ и жизнь Елены.

— А кавалеровъ и поклонниковъ у нея много?

— Не меньше, какъ у васъ разныхъ дамъ, а только чудно выходитъ: всѣ они наравнѣ стоятъ, а сердце ея къ вамъ обращено.

Долго еще гадала Анна Ивановна и много правды сказала Башилову.

— Что тамъ карты ни говори, а отольются вамъ когда-нибудь слезы этой бѣдной дамочки. Неугомонное сердце у васъ и жадное: всего вамъ мало! Любитъ она васъ до смерти, пожалуй, никто такъ не любилъ, и любить не будетъ. Ваша новая пассія сердцемъ куда холоднѣе и гордая, а летаетъ высоко; карты какъ на подборъ.

Окончивъ гаданье, Анна Ивановна скрестила на столѣ руки.

— Такъ-то, ваше превосходительство, глубоко вы плаваете и шибко идете въ гору, но и обидъ наносите не мало. Чужая душа вамъ ни по чемъ. За это я и разлюбила васъ; будь я чародѣйка, научила бы вашу бѣдную тихую дамочку не слезы лить, а отойти отъ васъ подальше и отыскать другого, да подобрѣе.

— Экая вы умница! Каждому дано свое; я не умѣю совмѣстить холодный разсудокъ съ жалостью къ плачущимъ. Начну утѣшать да слезы осушать и пропущу нужную минуту. Не могу я изъ одной жалости свою волю насиловать. Пока любится, люблю, а большаго никогда и не обѣщаю.

— Такъ, такъ!.. Не мнѣ васъ учить... А только все же выходитъ, что жизнь за любовь къ себѣ губите.

— Позабудетъ! Поплачетъ и позабудетъ.

— Это еще неизвѣстно.

— А вотъ вы позабыли?

— То я, а то она. Не у всѣхъ сила одинаковая.

— Такъ вы меня совсѣмъ позабыли? Такъ-таки на чистоту?

— А что же мнѣ: вспоминать и печалится прикажете?

— Итакъ, выходитъ, что я добрѣе васъ. Вотъ каждый разъ, какъ пріѣду, и потянетъ къ тебѣ... слышишь.... къ тебѣ потянетъ. Славныя руки твои... и вся-то ты аппетитная и заманчивая...

Данцова весь день была въ приподнятомъ настроеніи. Вечеромъ ей предстоялъ большой bal-poudré, на который она ѣхала съ охотой, такъ какъ Башиловъ уступилъ ея настоятельной просьбѣ и согласился передъ баломъ заѣхать къ ней, чтобы выпить вмѣстѣ чай и посмотрѣть на нее въ бѣломъ парикѣ. Послѣднее свиданіе онъ былъ съ ней очень ласковъ, и Данцовой показалось, что въ немъ вспыхнула къ ней прежняя горячая страсть.

«Да, какъ женщина, ты владѣешь мной, и я въ твоей власти»,— эти слова наполнили ея наболѣвшее сердце гордостью и надеждой. Прощаясь, онъ подтвердилъ свое обѣщаніе непремѣнно пріѣхать передъ баломъ.

— Ты должна быть очень никантна въ бѣломъ парикѣ съ открытой шеей; къ тебѣ и заѣзжать будетъ опасно: только взбудоражишь меня, а у меня въ этотъ вечеръ будетъ много работы передъ докладомъ.

Данцова была счастлива чувствовать себя красивой, молодой, имѣющей власть надъ чувствомъ любимаго человѣка. Она знала, что въ парикѣ съ обнаженными плечами она будетъ хороша и что Башиловъ будетъ любоваться ею и пожалѣетъ, что они должны будутъ разстаться. Въ восемь часовъ она была уже причесана и съ чуть подрисованными глазами и легкимъ искусственнымъ румянцемъ на щекахъ, въ красивомъ декольтированномъ голубомъ туалетѣ, очень выдѣлявшемъ ея граціозную фигурку, съ нѣжной линіей плечъ, она съ волненіемъ въ послѣдній разъ оглядывала себя въ зеркало, улыбаясь своему плѣнительному отраженію. Оставался цѣлый часъ до пріѣзда Башилова. Она рѣшила вызвать его, прося пріѣхать сейчасъ же. Лихорадочно возбужденная при одной мысли, что пройдетъ какихъ-нибудь четверть часа, и онъ войдетъ въ этотъ самый голубой будуарчикъ и увидитъ ее—такою

красивой, какой никогда еще не видѣлъ, она въ волненіи подошла къ телефону и съ легкой дрожью въ голосѣ, съ улыбкой на оживленномъ лицѣ, ставшемъ отъ парика и румянъ совсѣмъ инымъ, вызвала Башилова.

— Хорошій, дорогой, пріѣзжайте сейчасъ. Я совсѣмъ готова; будемте раньше чай пить. Я очень жду васъ.

— Извиняюсь, очень извиняюсь, но пріѣхать не могу никакъ. Только что самъ собирался протелефонировать вамъ.

Голосъ Башилова звучалъ какъ-то странно сухо.

— Какъ не можете? вы вѣдь обѣщали...

— Такъ точно-съ, но у меня неожиданное засѣданіе.

— Ну, хоть на полчаса... Я умоляю, Володя...—чуть слышнымъ шопотомъ докончила она фразу.

— Никакъ не могу-съ.

Данцова почувствовала, что все настроеніе радостной приподнятости мгновенно исчезло и сердце забилось тревогой и страхомъ.

— Володя, Владимиръ Ивановичъ, здѣсь что-то кроется, я это чувствую.

— Да ровно ничего не кроется.

— Скажи мнѣ правду: не хочу или не могу пріѣхать, но ради Христа только правду, ты не долженъ говорить одно, а думать другое.

— Въ такомъ случаѣ извольте: не хочу.

— А-а-а-хъ, Боже мой! Что же случилось?

— Ничего ровно.

— Въ чемъ-нибудь я виновата? Я что-нибудь сдѣлала?

— Нисколько. Но сознаюсь вамъ, что когда мы съ вами видѣлись послѣдній разъ, то я чувствовалъ, что у меня къ вамъ чего-то нѣтъ... и выходитъ, значитъ, какъ будто бы обманъ по отношенію васъ же... Я обѣщалъ быть вполнѣ съ вами откровеннымъ, и, какъ видите, слово свое сдерживаю. Я долженъ провѣрить себя.

— Боже мой, чего-то нѣтъ?!. А десять дней тому назадъ еще было. Вѣдь было же?

— Да видите ли, вѣдь я, коли сознаться, желаю каждую женщину, буквально каждую-съ... Ну, и вы все-таки, какъ женщина, силу надо мной имѣете... Это осталось, но вѣдь это еще не все...

— Такъ... такъ... понимаю... теперь я понимаю... значитъ, прощайте...

Данцова, смертельно блѣдная, вся похолодѣвшая, съ перекосившимся отъ страданія лицомъ, схватилась рукой о близъ стоящій стулъ.

— До свиданія... пока...—еще разслышала она отвѣтъ.

— Прощайте...—сдавленнымъ шопотомъ отвѣтила она; выронивъ трубку и тяжело опустившись на стулъ, она глухо застонала, положивъ голову на скрещенныя на столѣ руки.

— Барыня, голубушка, что съ вами? Ахъ, бѣда, бѣда!...

Изъ сосѣдней комнаты прибѣжала горничная, преданная, давно служившая Евгеніи Михайловнѣ, уже немолодая дѣвушка.

Евгенія Михайловна продолжала беззвучно рыдать; обнаженныя плечи содрогались, прелестная головка въ бѣломъ парикѣ конвульсивно билась, вся поза была олицетвореніемъ невыносимаго душевнаго страданія.

— Барыня милая, да вы не плачьте, обойдется, ей-Богу обойдется... съ кѣмъ не бываетъ... передумаетъ... можетъ, и свои дѣла у него... вѣдь я васъ какъ родную люблю... сердцемъ за васъ болѣю... простите, что осмѣлилась сказать... Господи, Мати Божья... да что же мнѣ сказать вамъ... барыня, голубушка... что съ вами? опомнитесь!..

Данцова неожиданно вся выгнулась назадъ и, сдавливая виски сжатыми кулаками, глухо стонала... Заплаканное лицо съ кокетливой мушкой на щекѣ, искаженное страданьемъ, было картинно трагичнымъ.

— Не могу, не могу, Даша... Мутится разумъ, я погибаю... Даша милая, если бы ты знала.

— Знаю, все знаю, милая барыня... Развѣ, думаете, у меня сердца нѣтъ? Доля-то наша женская все одинаковая. Вижу давно, что мучитесь, голубушка вы моя, родная! Я вамъ капель дамъ валеріановыхъ, или прилягьте: Богъ дастъ, завтра они и сами спохватятся; помяните меня, что и цвѣты пришлютъ, и сами пріѣдутъ.

— Нѣтъ, Даша, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... ахъ, проведи меня въ будуаръ, убери все... никуда не поѣду.

— Раздѣньтесь, парикъ я вамъ помогу снять... И что было подождать до завтра! Днемъ-то легче какъ будто, а на ночь и все страшнѣе.

— Оставь меня, нѣтъ силъ, потомъ раздѣнусь. Подложи подушку подъ голову. Я позвоню тебя, милая... уходи.

Едва Даша ушла, осторожно заперевъ за собой дверь, какъ Евгенія Михайловна сорвалась съ диванчика, на которомъ прилегла, и стала метаться по комнатѣ, какъ подстрѣленная птица. Слезъ не было; отчаяніе сдавило сердце стальными клещами, холодъ роковой развязки, сознаніе, что зіяющая пропасть разверзлась и что бороться уже не съ чѣмъ, ледянымъ ужасомъ глядѣло въ помутившіеся, широко открытые зрачки. Какъ сомнамбула, она подошла къ столику, открыла маленькую шкатулку, достала пригоршню облатокъ хинина, которыя часто принимала, и, наливъ воды изъ хрустальнаго графинчика, начала ихъ глотать одну за другой. Она ихъ глотала безъ счету; ни минуты не закрался къ ней въ душу страхъ смерти или тяжелыхъ послѣдствій отъ отравленія хининомъ въ видѣ пожизненной слѣпоты или глухоты. Рука, нѣжная, съ тонкими пальцами, ни разу не дрогнула. Когда въ шкату-

лочкѣ не оказалось больше облатокъ,—Елена приняла болѣе семидесяти гранъ,—она подошла къ столику изъ краснаго дерева, похолодѣвшими пальцами достала листокъ бумаги и написала отчетливымъ почеркомъ: «умираю, потому что нечѣмъ жить». Постояла неподвижная и жуткая въ своемъ торжественно-спокойномъ ожиданіи смерти и вдругъ схватилась за слабое отъ природы сердце: оно начало биться, руки затрепетали, ноги слабѣли, въ глазахъ стоялъ туманъ, вся комната начала куда-то уплывать, мысль о смерти медленной грузной тяжестью вдругъ откуда-то выползла и придавила мозгъ и все ея существо страннымъ дикимъ ощущеніемъ безповоротнаго конца. Хватаясь за стулья, она еле дотащилась до дивана, который, казалось, ускользалъ отъ нея, неестественно осторожно легла, вся вытянулась, опустила руки и широко открытыми, расширенными до невѣроятія глазами и съ конвульсіями въ лицѣ уставилась на голубой абажуръ лампы, слѣдя, какъ онъ уплывалъ и таялъ гдѣ-то все дальше и дальше. Въ вискахъ стучали тысячи молотовъ, въ ушахъ стоялъ дикій звонъ, конечности трепетали, сердце уже не билось, а безпрерывно колотилось, заполняло ощущеніемъ безумнаго біенія все существо. Данцова хотѣла приложить къ нему руку, но тонкая, красивая рука безвольно повисла, трепеща пальцами, какъ трепещутъ листья подъ вихремъ налетающей бури.

Тихо скрипнула дверь: вошла Даша, чуть слышными шагами приблизилась къ дивану и отшатнулась съ перепуганнымъ лицомъ.

— Что съ вами, голубушка барыня? Что съ вами? Вамъ худо?

— Даша... нагнись,—зашептала она.—Я вѣрила всегда твоей привязанности... голубушка, поклянись мнѣ... во имя Спасителя, что никому не скажешь, никогда никому не намекнешь, что я... любила барина Башилова... поклянись...

— Клянусь вамъ именемъ Господа...

— И что въ телефонъ я говорила съ нимъ, никому не скажи. Скажешь, что я... я... тосковала... Даша... умираю... позвони Елену Павловну...

Теперь передъ глазами Данцовой разстилалась темная ночь, въ ушахъ стоялъ звонъ, и она едва улавливала Дашинъ голосъ.

— Господи, Пресвятая Мати Божья! Да что же вы съ собой сдѣлали?! Барыня, ради Христа! Что вы сдѣлали? руки на себя наложили?!. Пресвятая Богородица... доктора надо...

— Елену... позови...

Даша кинулась къ телефону. Срывающимся отъ рыданія голосомъ она вызвала Елену, собиравшуюся на тотъ же балъ, и сказала ей, что надо спѣшить и вызвать немедленно доктора. Но Данцова не ошиблась: было уже поздно. Когда Елена, тоже въ бѣломъ парикѣ, въ первомъ попавшемся капотѣ, страшно взволнованная, вбѣжала въ будуаръ и опустилась передъ диваномъ на колѣни, то

въ безумно расширенныхъ глазахъ нарядной женщины съ кокетливой мушкой на блѣдномъ лицѣ, окаймленномъ сѣдыми локонами, отражался вѣчный и неразгаданный вопросъ смерти; свѣсившіяся руки были холодны, и пальцы, унизанные кольцами съ любимой бирюзой, уже не трепетали, а навѣки замерли, не сумѣвъ защитить слабаго сердца отъ налетѣвшей бури.

VI.

Стояло сѣрое, немного туманное утро. Черезъ распахнутыя на широкую лѣстницу двери, негромко переговариваясь, толпясь, осторожно поддерживая бѣлый нарядный гробъ, медленно выходила толпа изъ безпорядочно-опустѣвшей квартиры, пропитанной ладаномъ и сыростью утренняго воздуха. За гробомъ шелъ высокій, блѣдный, съ сѣдой бородой старикъ, отецъ Данцовой, очень похожая на нее, но менѣе красивая, полная, еще молодая женщина—ея сестра, и братъ инженеръ, статный, очень красивый, слегка фатоватый господинъ. Много дамъ въ траурѣ, военные мундиры, щеголеватые штатскіе, два-три придворныхъ чина,—все та же элегантная, всегда окружавшая Данцову толпа спустилась внизъ и, пожимая другъ другу руки, продолжая шопотомъ начатый до панихиды разговоръ, не спѣша двинулась за пышной погребальной колесницей. На улицѣ всѣмъ стало легче на душѣ послѣ скорбнаго напѣва панихиды въ завѣшенной бѣлыми простынями опустѣвшей гостиной, гдѣ только что нарядная гробовая крышка навѣки сомкнулась надъ блѣднымъ, торжественно-спокойнымъ и милымъ лицомъ никому не сдѣлавшей въ своей жизни зла, но слишкомъ много и глубоко любившей женщины. Елена, потрясенная неожиданной и трагической смертью подруги, шла рядомъ съ барономъ. Онъ былъ печаленъ и почти не разговаривалъ, Людомирова, шедшая подъ руку съ Рихтеромъ, не разъ бросала въ сторону Елены и барона недружелюбные взгляды, которыхъ они не замѣчали. Генералъ Орловъ, осунувшійся, постарѣвшій, шелъ по другую сторону Елены и то поддерживалъ ее за локоть, то поправлялъ падающее боа, то уговаривалъ вполголоса сѣсть въ карету и не переутомлять себя. Во всѣхъ слѣдующихъ за колесницей группахъ разговоръ вертѣлся на тему трагической и преждевременной кончины усопшей. Никто не зналъ ничего положительнаго, но всѣ искали ключа разгадки, и одни близко къ ней подходили, другіе ее отгадывали.

— Ахъ, голубчикъ, не то ужасно, что она умерла, всѣ вѣдь туда уйдемъ, а ужасна мысль о томъ душевномъ и одинокомъ страданіи, которое довело ее до рѣшимости покончить съ собой. И никогда ни намека! хотя нѣтъ... позвольте, я вспомнила!.. Не

такъ давно она поразила меня словами, что не видитъ своей дальнѣйшей жизни и что у нея есть предчувствіе близкой смерти.

— Ну, вотъ видите! Значитъ, она готовила себя къ этой мысли, и ея смерть не была внезапнымъ и необдуманнымъ рѣшеніемъ, какъ вы предполагали.

— Тѣмъ хуже, тѣмъ хуже! Значитъ, ее что-то давно мучило и угнетало, и она, не имѣя поддержки и утѣшенія, заблудилась и не находила выхода изъ окутавшаго ее мрака отчаянія. И сказать, что вѣдь я была близкимъ ей другомъ!.. Ахъ, баронъ, какъ мы всѣ одиноки, какъ великъ трагизмъ нашего духовнаго одиночества въ минуты скорби и отчаянія. Когда я думаю объ этомъ, мнѣ кажется, что изъ-подъ ногъ моихъ срывается послѣдній камень и я лечу въ бездонную пропасть. Замѣтьте, что вѣдь каждый изъ насъ окруженъ тѣсной толпой родныхъ и друзей, которымъ онъ и близокъ, и дорогъ и за привязанность которыхъ мы всѣ цѣпляемся; но въ минуты затопившаго душу горя и отчаянія мы ясно сознаемъ, что въ этой жизни мы брошены, какъ въ пустынѣ одинокіе и слабые. И силенъ тотъ, кто, познавъ это отчаяніе одиночества, останется безстрашнымъ до конца, найдя точку опоры хотя бы въ миражѣ, созданномъ нашимъ мозгомъ. Нѣтъ, нѣтъ, лучше не думать, не бередить этихъ вѣчно открытыхъ ранъ.

— Мнѣ очень жаль, что не удалось быть вчера вечеромъ на панихидѣ,—говорила Людомирова Рихтеру.—Разсказываютъ, что Башиловъ держалъ себя, какъ ни въ чемъ ни бывало; познакомился съ сестрой Евгеніи Михайловны, выражалъ соболѣзнованіе, такъ что ввелъ въ заблужденіе многихъ, подозрѣвающихъ причину смерти. А я ни минуты не сомнѣваюсь, что виноватъ онъ. Она была вѣдь такая овечка.

— Во всякомъ случаѣ не пара ему. Повѣрьте, что я совершенно индифферентенъ къ успѣхамъ господина Башилова и ужъ, конечно, ему не завидую, но ни минуты не сомнѣваюсь, что онъ кому угодно горло перерѣжетъ, если ему это окажется полезнымъ, и даже не оглянется. Я смотрю на его повышенія совершенно спокойно: все равно сломаетъ себѣ шею. Въ послѣдней комиссіи онъ проявилъ много безтактности, подчеркивая то право своего голоса, то какія-то тамъ свои заслуги, кипятился, язвилъ и произвелъ впечатлѣніе очень невыгодное; набрался, что называется, перцу, не успѣвъ ощупать еще и почвы, на которую попалъ. Настоящихъ административныхъ способностей у него нѣтъ, а соваться впередъ и кричать о себѣ—это онъ умѣетъ. Ну, да вѣдь раскусятъ въ свое время...

Рихтеръ, изящный, красивый и надменный, пересыпалъ свою рѣчь французскими фразами, говорилъ спокойнымъ, хладнокровнымъ голосомъ, но въ его холодныхъ глазахъ мелькалъ огонекъ злобнаго чувства.

— Oh, la pauvre femme! Si jolie, si douce [1]), и такая трагическая, непонятная кончина,—говорила баронесса Кнорпъ, кокетливо подобравъ черное платье и выставляя изящно обутую маленькую ножку, которой охотно любовался ведшій ее подъ руку высокій красивый уланъ, любитель женщинъ, вина и лошадей. Онъ крѣпче, чѣмъ это полагалось, прижималъ локтемъ ручку маленькой хорошенькой черноглазой баронессы, съ которой наканунѣ сидѣлъ рядомъ за ужиномъ послѣ блестящаго бала и находилъ ее сегодня такой же свѣжей и хорошенькой, какъ и вчера.

— Говорятъ, что она отравилась, qu'elle avait un chagrin d'amour [2]). Вы не слышали? Это правда?

— Все можетъ быть, баронесса; потому-то я и говорю, что надо пользоваться жизнью и отвѣчать на любовь, когда насъ хотятъ любить.—Уланъ осторожно, но выразительно прижалъ покрѣпче ручку своей дамы, слегка покраснѣвшей и прищурившей съ лукавой улыбкой красивые большіе глаза.

— Пройдемте еще до слѣдующей улицы, Аркадій Евгеньевичъ, а тамъ сядемте ко мнѣ въ карету, а то ноги зябнуть начинаютъ, да и вамъ, думаю, не очень-то полезно съ ревматизмомъ по снѣгу итти,—обратилась къ сѣденькому генералу шедшая съ нимъ рядомъ пожилая дама, знавшая Данцову съ дѣтства, любившая ее и теперь негодовавшая на покойницу за ея поступокъ, противный христіанскому ученію.

— Да ужъ! Не думалъ, что придется и мнѣ провожать покойницу въ лавру. Вѣдь молода была еще, жить бы да жить!..

— Да какъ же можно! Я просто въ себя не могу прійти отъ этого ужаса. Вѣдь Женичка была всегда такая спокойная, религіозная, такая разсудительная. Если бы вы знали, какъ она мучилась вопросомъ развода, котораго требовалъ отъ нея супругъ. Воспитанная въ такой патріархальной семьѣ, такихъ строгихъ правилъ и вдругъ!.. Вы слышали: говорятъ, будто бы у нея былъ романъ?

— Да ужъ надо полагать, что тутъ не безъ любви, если это вѣрно, что она отравилась.

— Мнѣ называли какого-то Башилова. Вы не знаете, кто онъ? Я вѣдь, въ свѣтъ теперь не выѣзжая, никого тамъ не знаю...

Послѣ обѣдни въ уютной, убранной зеленью церкви гробъ понесли по покрытымъ неутоптаннымъ яркимъ снѣгомъ дорожкамъ и, окруженный тѣснымъ кольцомъ притихшихъ людей, надъ которыми будто пролетѣла какая-то черная большая птица и задѣла ихъ своимъ мрачнымъ крыломъ, подъ скорбный ропотъ послѣдняго земного напѣва молитвы, онъ медленно соскользнулъ въ глубину темной холодной могилы...

---

[1]) О, несчастная женщина! Такая красивая и кроткая.
[2]) У нея было сердечное горе.

Елена только что вернулась съ похоронъ; вся въ черномъ, блѣдная, съ темными кругами подъ слегка подпухшими печальными глазами, она налила кофе изъ маленькаго серебрянаго кофейника и протянула чашку сидящему подлѣ нея барону. Нервная дрожь передергивала ея плечи, и она куталась въ широкое мѣховое боа. Оба молчали; баронъ казался тоже разстроеннымъ и сосредоточенно курилъ.

— Это ужасно, ужасно!..—прошептала Елена, закрывая лицо руками и облокачиваясь на край стола.—Я чувствую, что она унесла съ собой какую-то тайну... Такая слабая и безвольная, она сумѣла ее скрыть даже отъ меня. Женя, Женя... зачѣмъ она это сдѣлала?

Елена неожиданно уронила голову на столъ и тихо зарыдала.

— Полно, дорогая... теперь все кончено. Конечно, больно думать о безвременной и, вѣроятно, ненужной кончинѣ вашего друга, но... судьба, видно, судьба... Не философствуйте, еще хуже запутаетесь.

— Олегъ Владимировичъ, вѣдь надо же жить, а чѣмъ? чѣмъ жить? Женя не умѣла философіей и всякими софизмами заниматься и не выдержала.

— Бросьте вы, пожалуйста!.. Такія несложныя и кроткія женщины, какъ Евгенія Михайловна, не умираютъ надъ разгадкой міровыхъ вопросовъ.

— А вотъ же и умерла.

— Не отъ того.

— Какъ не отъ того?

— У нея было сердечное горе, и она его не перенесла...

— Что такое? Откуда вы это можете знать?

— Я не говорю, что знаю, я предполагаю.

— А я глубоко сомнѣваюсь. Какъ бы Женя ни была осторожна, но какъ-нибудь прорвалось бы. Еще въ прошломъ году Мариша какъ-то увѣряла меня, что ей достовѣрно извѣстно, будто бы у нея романъ съ Башиловымъ. Я очень была встревожена, такъ какъ существовали факты, о которыхъ Женя могла не знать, мѣшавшіе возможности для нея полнаго счастія. Я тогда же съ Женей поговорила откровенно. Она даже разсмѣялась: ничего подобнаго.

— Положимъ, у нея могли бы быть причины скрывать даже и отъ васъ свое чувство.

— Никакихъ. Вѣдь я съ Башиловымъ тогда еще знакома не была и даже не видала его. Вѣдь случалось же раньше, что она дѣлилась со мной своими маленькими, невинными флиртами.

— То-то и дѣло, что тутъ былъ, весьма возможно, не флиртъ, а романъ.

Елена на секунду глубоко задумалась. Баронъ внимательно слѣдилъ за выраженіемъ ея лица и былъ очень серьезенъ.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Этого быть не могло. Вѣдь въ Ялтѣ мы столкнулись съ Башиловымъ и пробыли въ одномъ отелѣ почти двѣ недѣли. Я бы замѣтила. Наконецъ, если говорить правду, Башиловъ слегка ухаживалъ за мной и если бы въ вашемъ предположеніи была хоть доля правды, могла ли быть Женя такой безмятежно-веселой и ровной? Прорвалась бы во взглядѣ, въ тонѣ голоса.

— Кто знаетъ, моя дорогая, не игралъ ли Башиловъ двойной игры...

— Башиловъ?! Да что вы думаете о немъ? Это человѣкъ рѣшительно неспособный даже на тѣнь хитрости. Онъ до смѣшного прямолинеенъ.

— Кто знаетъ!..

— Вы меня пугаете. Баронъ, отчего мнѣ кажется, что въ вашихъ словахъ кроется какой-то скрытый смыслъ. Ради Бога скажите, если что-нибудь знаете. Это для меня важнѣе, чѣмъ вы думаете.

— Если бы я и зналъ, то вѣдь прошлаго не вернешь и Евгеніи Михайловны тоже.

— Да, но остался Башиловъ... и я.

— Башиловъ и вы? Это сильно сказано; я могу подумать, что онъ въ вашей жизни играетъ серьезную роль.

— И вы не ошибетесь.

— Вы его любите?

— Почти...

— А онъ васъ?

— Очень.

— Этого, сознаюсь, я не ожидалъ. Кое-что мнѣ пришлось слышать, но я не придавалъ значенія; думалъ, сплетни... Такъ вотъ онъ—психологическій моментъ!.. Елена Павловна, не прійти ли мнѣ на помощь? Подумайте... узнайте получше Башилова...

— О, я его знаю отлично...

— И что же: безповоротно?

— Еще нѣтъ, потому что сердце и мозгъ въ плѣну, но страсти по обыкновенію молчатъ.

— Придетъ время, и страсти заговорятъ.

— Не знаю,—тихо отвѣтила Елена.—Баронъ, скажите, что вы знаете о смерти Жени.

Баронъ одну минуту, какъ бы затягиваясь дымомъ папиросы, молчалъ, затѣмъ спокойно взглянулъ на Елену и рѣшительно отвѣтилъ:

— Ничего не знаю, положительно ничего; я высказывалъ одни предположенія.

— А о Башиловѣ что слышали?

— Очевидно, то же, что и вы отъ Маріи Константиновны.

— Ну, на Маришины слова полагаться не слѣдуетъ; она вѣчно изъ мухи слона дѣлаетъ.

— Это возможно.

Опять оба умолкли и долго сидѣли, погруженные каждый въ свои мысли.

— А-а-ахъ!—болѣзненно застонала Елена.

— Что съ вами?

— Я не могу отогнать отъ себя воспоминаній страшной картины, когда я пріѣхала къ ней и застала ее уже мертвой. Была какая-то трагическая, жестокая насмѣшка жизни надъ человѣческой судьбой. Она лежала въ своей нарядной комнаткѣ, вся въ голубомъ шелку, съ открытыми плечами, въ бѣломъ парикѣ, удивительно ей шедшемъ, точно слетѣла съ полотна картины Vatteau, и эта мушка на щекѣ, и хорошенькія въ голубыхъ туфелькахъ ножки, а лицо—скорбное, широко открытые глаза, полные застывшаго недоумѣнія, неразрѣшенной страшной загадки... Меня преслѣдуетъ эта страшная картина, въ ней чуется чья-то властная сила, намѣренно ее создавшая, чтобы наполнить ужасомъ и сомнѣніемъ живого человѣка. Неужели навсегда останется тайной, что могло случиться съ ней въ тотъ моментъ, когда она, нарядная и веселая, собиралась ѣхать на балъ? Что же произошло въ душѣ ея, что, не снявъ даже парика и румянъ, она, готовая къ танцамъ, бросилась въ объятія смерти. Кто толкнулъ ее въ эту пропасть? Кто запугалъ и обманулъ ея душу?

— Да, милыя женщины! Всѣ вы или не въ мѣру коварны, или довѣрчивы, какъ дѣти,—проговорилъ баронъ, подымаясь со своего мѣста и протягивая руку за шляпой.

Былъ довольно поздній вечерній часъ, когда лакей постучалъ къ Еленѣ въ комнату и доложилъ, что Юрьевъ проситъ ее на одну минуту. Елена очень обрадовалась этому неожиданному визиту, такъ какъ давно не видала Юрьева и не знала, что съ нимъ дѣлается. Не найдя его ни въ одной изъ гостиныхъ, она прошла въ переднюю. Онъ стоялъ у входной двери, облокотясь о косякъ, съ фуражкой въ рукѣ.

— Что же вы здѣсь стоите? Заходите, снимайте пальто.

— Невозможно, mon ange, какъ говоритъ вашъ другъ баронъ, я на одну единственную минуту...

Юрьевъ улыбался и не выпускалъ руки Елены, которую какъ будто бы безсознательно цѣловалъ и пожималъ.

— Да все равно заходите, хотя и на минутку; не будемъ же мы здѣсь разговаривать.

— Именно здѣсь, mon ange, какъ выражается вашъ другъ, вашъ уважаемый другъ баронъ... дальше этой двери мнѣ итти невозможно, ибо я могу быть слишкомъ веселъ и вамъ будетъ не такъ легко захлопнуть передъ моимъ носомъ дверь.., а я хочу сказать вамъ два слова, два очень важныхъ слова... но вы не думайте, что я опечаленъ и пущу себѣ пулю въ лобъ... о, нѣтъ!.. я знаете, раскаянялся,

даже ручку поцѣловалъ, направо кругомъ маршъ, и прямо съ мѣста въ карьеръ къ «Медвѣдю» и того...

Юрьевъ щелкнулъ себя по воротничку и безсмысленно засмѣялся. Тутъ только Елена замѣтила, что у него неестественнымъ, возбужденнымъ огнемъ горѣли глаза и яркій румянецъ покрывалъ щеки.

— Юрочка, поѣзжайте домой; вамъ надо лечь спать.

— Никакъ нѣтъ! Если вы не желаете со мной говорить, несмотря на то, что мнѣ это очень надо и что я вполнѣ приличенъ, то я сейчасъ же покачу опять къ Мишкѣ и буду пить до утра... въ лоскъ, до безчувствія...

Еленѣ удалось съ большимъ трудомъ заставить его снять пальто и пройти съ ней въ маленькую гостиную.

— Разсказывайте, что случилось?

— Отставка, полная отставка... не гожусь, значитъ... есть получше меня...

Юрьевъ всталъ съ дивана, провелъ рукой по волосамъ, взъерошилъ ихъ, хотѣлъ еще что-то сказать, но стиснулъ зубы, заскрежеталъ ими и опять опустился на диванъ; досталъ папиросу, хотѣлъ закурить, но руки дрожали, и онъ съ досадой швырнулъ ее.

— Разскажите толкомъ: какъ, почему?

— А чортъ его знаетъ, какъ и почему! Думала, говоритъ, что нравитесь, что полюблю, а, оказывается, ошиблась, потому что влюбилась въ другого и уже невѣста... Простимся, говоритъ, друзьями. Ну, я и простился... ни слова не сказалъ, потому что, согласитесь, что же мнѣ теперь говорить осталось? Невѣста, значитъ, крышка... позволяю вамъ выйти вонъ... я и вышелъ... Навсегда... и ѣздить туда не буду, и никогда не увижу... Все пошло къ чорту... ну, и напился... и еще напьюсь... А-хъ!..—вдругъ застоналъ Юрьевъ, повалился ничкомъ на диванъ, зарылся лицомъ въ шелковую подушку и громко зарыдалъ.

По лицу Елены пробѣжала тѣнь; она сѣла рядомъ съ нимъ и молча долго гладила его курчавые волосы. Онъ плакалъ безутѣшно, и у Елены не было словъ, чтобъ его утѣшить.

— Простите... я передъ вами плачу, какъ мальчишка; зато тамъ... тамъ не дрогнулъ ни одинъ мускулъ. О, какъ вы были правы!... у нея нѣтъ сердца, а я былъ слишкомъ довѣрчивъ, и теперь моя жизнь—ненужный хламъ.

— Полно, голубчикъ: кто не переживалъ бурь въ ваши годы? Обойдется, забудется, васъ полюбитъ другая, и вы будете счастливы.

— Нѣтъ, нѣтъ. Вы не знаете, что я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые носятъ названіе однолюбовъ. Я не могу и не хочу два раза любить. Она не поняла, сколько сокровищъ таилось для нея въ моемъ сердцѣ... Ну, да, я не богатъ, не блещу показнымъ умомъ, я, быть можетъ, и не очень уменъ, но для счастія, для жизни у меня достало бы и ума, и сердца.

— Возьмите себя въ руки, голубчикъ; нельзя же изъ чувства любви закладывать фундаментъ всей жизни; есть иные запросы, болѣе глубокіе и болѣе прочные.

— А чортъ съ ними!.. я не братъ Александръ; я еще не умеръ и хотѣлъ жить... Проклятая судьба! Пустить бы и ей, и себѣ пулю въ лобъ и крышка всему.

— Вы разнервничались. Что за манера напиваться, когда душа потрясена горемъ! Это недостойно культурнаго человѣка. Почему мы, женщины, не прибѣгаемъ къ вину, а переносимъ въ здравомъ разсудкѣ всѣ разочарованія и жизненныя обиды? Неужели мы сильнѣе васъ? Примите эти капли, успокойтесь и давайте логично переговоримъ и поищемъ выхода... Вы знаете, голубчикъ, что я люблю васъ, потому что чувствую вашу глубокую и хорошую душу. Протяните мнѣ руку, я хочу быть вашимъ другомъ въ горѣ, хочу поддержать и помочь вамъ.

— Спасибо вамъ, дорогая. Вѣдь къ вамъ, только къ вамъ я понесъ свое горе, но помочь мнѣ вы не въ силахъ: я глубоко и смертельно раненъ, потому что, повторяю, я однолюбивъ. Хотѣлъ напиться, и, видите, хмель съ меня соскочилъ; я слишкомъ сейчасъ трезвъ; неудержимое бѣшенство начинаетъ просыпаться въ моей душѣ. Пустите меня, дорогая, если я сейчасъ не поѣду и не напьюсь до обморока, то я способенъ на преступленіе и на самоубійство.

Елена поняла, что въ налетѣвшемъ порывѣ бури ея слабый голосъ затеряется, какъ далекое эхо, и не долетитъ до оглушенной и смятенной отчаяніемъ души.

— Христосъ съ вами, мой бѣдный другъ. Вамъ нужно итти не въ кабакъ, а въ церковь; вашей душѣ нужна молитва, а не наркозъ, вы берете невѣрный путь.

— Ахъ, Елена Павловна. Каждому свои пути; коли суждено, дойду и я.

Юрьевъ, сразу осунувшійся, поблѣднѣвшій, твердой походкой прошелъ въ переднюю, поспѣшно надѣлъ пальто, крѣпко поцѣловалъ руку Елены и уѣхалъ.

— Дайте о себѣ знать поскорѣе,—крикнула ему вдогонку Елена и, вернувшись въ свою комнату, надолго задумалась надъ тяжелой проблемой жизни.

«И этотъ, видно, одинокъ... Душа смята отчаяніемъ и тоской, и пути къ ней заметены житейскою пылью. Какъ въ пустынѣ раненая птица, она мечется и бьется, а кругомъ нея пусто, одиноко».

Въ этотъ часъ горькаго раздумья Елена ощутила ту же роковую пустоту и одиночество, и сердце сжалось тоской унынія. Закрывъ лицо похолодѣвшими руками, она соскользнула съ кресла, упала на колѣни, уронила голову на мягкое сидѣніе и долго пролежала такъ неподвижно, будто застывшая. Но душа ея въ эти минуты, трепеща отяжелѣвшими крыльями, пыталась подняться надъ мі-

ромъ скорбныхъ и темныхъ переживаній. Запуганная и одинокая, она то билась на одномъ мѣстѣ, то порывисто искала выхода къ свѣту, къ теплымъ лучамъ простой и мудрой правды, затерянной въ хаосѣ туманныхъ и лживыхъ понятій. Опять Еленѣ почудилось, что кто-то неслышный и невѣдомый близко подошелъ къ двери ея духовной темницы и, суровый въ своей непреклонной волѣ, прислушивается къ ея страданіямъ и сомнѣніямъ надъ исканіемъ вѣчной проблемы: въ чемъ жизнь?

Прошло нѣсколько дней, когда она получила открытку съ подписью Юрьева и съ грустью прочла слѣдующее:

«Пилъ, пью и буду пить».

Онъ пересталъ показываться въ обществѣ и про него стали говорить, что онъ сильно закутилъ.

VII.

Башиловъ перенесъ смерть Евгеніи Михайловны съ поразительнымъ самообладаніемъ. Онъ выказалъ артистическое чувство мѣры и въ проявленіяхъ своего сочувствія горю Елены, и въ умѣніи поговорить о ея загадочной смерти не слишкомъ много и не слишкомъ мало. Былъ на одной изъ панихидъ, на похоронахъ въ виду служебныхъ дѣлъ быть не могъ и просилъ Елену возложить на свѣже засыпанную могилу великолѣпный вѣнокъ изъ живыхъ бѣлыхъ розъ. Елена передала Башилову свой разговоръ съ барономъ и его предположеніе относительно ея смерти Онъ развелъ руками, задумался и отвѣтилъ безъ тѣни смущенія:

— Да кто васъ, женщинъ, отгадаетъ? Можетъ, и отъ любви, да только не ко мнѣ. Какъ-то, помнится, Любовь Ивановна хотѣла, вѣрно, подразнить мое самолюбіе и прошлась, полушутя, въ такомъ духѣ, будто Евгенія Михайловна мною увлекается. Кто не грѣшенъ! Каждому лестно, если говорятъ, что красивая женщина насъ выдѣляетъ,—я не то, чтобы повѣрилъ, а такъ—подчеркнулъ это у себя въ памяти и какъ-то, знаете, будучи у нея съ визитомъ, думалъ почву прозондировать. Такъ не вышло-съ: удивленно брови подняла и, что называется, холодкомъ обдала. Ну, я и ретировался на благородную дистанцію. Рѣшилъ, что мѣсто занято. Насколько могъ судить по наружнымъ даннымъ, она была очень выдержанная и, вѣроятно, умѣла оградить свои чувства отъ любопытства окружающихъ. Признаться, и я склоненъ думать, что тутъ было не безъ сердечной драмы.

Тонъ Башилова былъ простъ и искренъ, и Елена не имѣла данныхъ, чтобы ему не вѣрить.

Однажды онъ заѣхалъ къ ней сильно не въ духѣ и съ первыхъ же словъ объявилъ, что долженъ имѣть съ ней серьезный разговоръ и надѣется на ея полную откровенность.

— Я получилъ, изволите видѣть, анонимное письмо. Анонимнымъ письмамъ довѣрять не слѣдуетъ, и я не придалъ бы и этому ровно никакого значенія, если бы до ушей моихъ не дошло кое-что похожее. Вѣроятно, Елена Павловна, вы имѣли случай убѣдиться, что я человѣкъ дѣла, а не слова. Всѣ эти расшаркиванья, миндальничанья и сладкія слова я не ставлю ни въ грошъ, но если разъ скажу женщинѣ, что она влечетъ меня и я жажду ея близости, то отъ словъ своихъ не отступаюсь и иду къ ней навстрѣчу съ опредѣленными и твердыми намѣреніями. За эти полгода я отдаю вамъ почти все свое свободное время, и моя жизнь должна быть вамъ ясна, какъ на ладони: съ одной стороны—неутомимый, такъ сказать, идейный трудъ, съ другой—привязанность къ вамъ съ надеждой, что вы ее оцѣните и вознаградите. Я желалъ бы отъ васъ услышать правду: сталъ ли я для васъ близкимъ человѣкомъ и придете ли вы къ рѣшенію соединить нашу судьбу въ какой вамъ будетъ угодно формѣ?

Башиловъ взялъ руку Елены и, ожидая отвѣта, сталъ ее тихонько гладить.

— На ваши оба вопроса я отвѣчу: да.

— Ну, вотъ, благодарю васъ за эти милыя слова. Теперь я могу перейти къ нѣкоторымъ деталямъ анонимнаго письма. Правда ли, что вы были близки съ генераломъ Орловымъ и держите его, по какимъ-то вашимъ соображеніямъ, про запасъ, подогрѣвая его влюбленность частыми свиданіями?

— Я думаю, что въ данный моментъ для васъ важно не то, что было, а что есть, и до моего прошлаго вамъ, по моимъ убѣжденіямъ, дѣла нѣтъ. Въ жизни каждой женщины могутъ быть страницы, которыя она не обязана давать на судъ ни близкому человѣку, ни даже жениху. Имѣя такой взглядъ на вещи, я могла бы отвѣтить лишь на вторую половину вашего вопроса, но не хочу напрасно наводить васъ на сомнѣнія и потому отвѣчу вамъ, что къ Орлову у меня было очень сердечное чувство и если бы не встрѣча съ вами, то, быть можетъ, въ будущемъ я могла бы дать ему согласіе на бракъ, о которомъ онъ такъ долго мечталъ...

— И мечтаетъ?..

— Не думаю. Онъ слишкомъ чутокъ и прекрасно понимаетъ, что я отъ него отхожу. Отношенія наши были всегда чисты и скрывать въ нихъ было нечего.

— Такъ-съ. Ну, а Юрьевъ? Что у васъ съ нимъ за странныя отношенія?

— Чѣмъ странныя?

— Мнѣ случайно извѣстно, что вы бываете у него, то-есть на его холостой квартирѣ.

— Не бываю, а была.

— Извините-съ, вы были опять на дняхъ и до очень поздней ночи.

— Это что еще за шпіонство? Ну, да, была. Что тутъ особеннаго? Мнѣ не шестнадцать лѣтъ...

— И не семьдесятъ!

— Юрьевъ мой другъ; онъ близокъ душѣ моей, я отношусь къ нему какъ къ брату; надъ нимъ стряслось несчастіе, бѣдняга голову потерялъ, запилъ и падаетъ внизъ. Мнѣ его страшно жаль и хочется спасти; отъ нервнаго разстройства и кутежей онъ заболѣлъ; совсѣмъ одинокій, несчастный и больной; разумѣется, узнавъ объ его болѣзни, я поѣхала къ нему, сидѣла съ нимъ, утѣшала и успокаивала. Можно ли думать, чтобы я поступила иначе?

— Не резонъ-съ. Люди на такіе визиты смотрятъ иначе. Вотъ я и получилъ анонимное письмо съ грязными намеками. Согласитесь, что мнѣ и за васъ, и за себя обидно и больно.

— Крайне удивляюсь вашей мелочности. Люди злы и рады случаю бросить комокъ грязи. Вы забываете, Владимиръ Ивановичъ, что я совершенно свободна и ни передъ кѣмъ не отвѣчаю за свои поступки.

— Какъ же-съ. Эту теорію я уже имѣлъ удовольствіе слышать отъ васъ въ Ялтѣ. Вы попрежнему игнорируете чувство близкаго къ вамъ человѣка. А если бы я былъ вашимъ женихомъ или мужемъ?

— Тогда дѣло другое. Я не имѣю право подставлять подъ комки грязи имя человѣка, не раздѣляющаго моихъ свободныхъ взглядовъ.

— Справедливо-съ. Въ такомъ случаѣ, Елена Павловна, чтобы оградить и ваше имя, и мое къ вамъ чувство отъ этихъ комковъ грязи, не проще ли намъ подать другъ другу руку и по-хорошему соединить нашу судьбу? Я васъ и цѣню, и уважаю, и люблю. Богъ дастъ, не обидимъ другъ друга и сумѣемъ найти счастіе? Что вы на это скажете? Вѣдь все равно окончимъ этимъ.

Елена взволнованно поднялась съ кресла:

— Постойте, постойте, Владимиръ Ивановичъ... Зачѣмъ же такъ скоро? Надо еще ближе сойтись, еще глубже заглянуть другъ другу въ душу.

— Полно, дорогая уника! Къ чему тутъ мудрить?

— Нѣтъ, нѣтъ... такъ сразу это не слѣдуетъ.

— Какое же сразу? Послѣ нашей встрѣчи въ Ялтѣ почти полгода прошло. Развѣ вы не достаточно меня узнали?

Елена молчала и, перейдя на другой конецъ гостиной, задумалась и разсѣянной рукой перебирала листы иллюстрированнаго журнала. Молчаніе длилось нѣсколько минутъ. Наконецъ Башиловъ молча поднялся, подошелъ къ Еленѣ вплотную, взялъ ее за обѣ руки, крѣпко сжалъ ихъ и, смотря на нее глазами, въ которыхъ вспыхнулъ еще незнакомый Еленѣ огонекъ, проговорилъ почти шопотомъ:

— Вы не ребенокъ, вы должны же наконецъ понять, что, кромѣ любви, у меня можетъ быть и чувство страсти. Съ каждымъ свида-

ніемъ я желаю васъ все больше и больше. Бываютъ дни, когда я долженъ призывать всю силу своей воли, чтобы работать и сосредоточить мысль на дѣлахъ. Я увѣренъ, что и вы небезразличны ко мнѣ, что и въ васъ бушуютъ страсти; женщина съ такой наружностью, какъ вы, не можетъ быть безстрастной. Иначе я и не полюбилъ бы васъ такой сильной любовью; женщины съ холоднымъ темпераментомъ мнѣ были всегда антипатичны, одна красота меня не влекла,—это пустоцвѣты, неспособныя зажечь пожаръ въ мужской груди. Женщина создана не только для любви, но и для страсти. Зачѣмъ мучить и меня и себя? Во имя какой узкой морали? Вы же умница и свободная. Я предлагаю вамъ бракъ, и клянусь честью, клянусь, чѣмъ хотите, что только отъ васъ зависитъ назначить день свадьбы; но если вы еще боитесь соединить судьбу вашу съ моей, если хотите убѣдиться, насколько прочно мое чувство, то извольте—я согласенъ ждать этого дня, но для чего же намъ мучить одинъ другого? Отчего вы не можете стать моей? Я этого хочу безумно, и если вы любите, то поймете меня... Дорогая, хорошая... дай поцѣловать хоть разъ... одинъ разъ... глаза, ну, дай хоть глаза...

Башиловъ обвилъ станъ Елены желѣзной рукой, побѣдилъ ее сопротивленіе и, отбросивъ по отношеніи ея свою всегдашнюю выдержку, безъ счету покрывалъ поцѣлуями ея глаза и уста.

Елена, взволнованная и испуганная, вырвалась изъ объятій Башилова, отстранила его и скрылась за дверью. Онъ грузно опустился въ кресло, силясь побороть бѣшеной волной охватившее его чувство страсти. Сопротивленіе Елены разожгло его еще сильнѣе, и была минута, когда у него мелькнула мысль броситься вслѣдъ за ней, смять ее, бросить передъ собой на колѣни, дать почувствовать свою власть и покорить ее силой своей стихійной страсти, которой онъ всегда привыкъ давать широкій просторъ и волю. Прошло нѣсколько минутъ, и вошла Елена, слегка поблѣднѣвшая, но спокойная.

— Обо всемъ, что вы сказали мнѣ, я серьезно подумаю и обѣщаю вамъ дня черезъ два дать опредѣленный отвѣтъ.

— Слушаюсь и покоряюсь, на этотъ разъ, вашему рѣшенію, будучи увѣренъ, что вашъ свѣтлый умъ подскажетъ вамъ правильный путь, по которому мы и пойдемъ. А пока позвольте мнѣ удалиться, я слишкомъ взволнованъ и смогу, чего добраго, не выдержать роли подсудимаго, которому судья готовитъ приговоръ. Могу взбунтоваться и все дѣло испортить, не такъ ли? Поѣду работать и вершить дѣла иной важности.

Выйдя на улицу, Башиловъ подставилъ морозному воздуху разгоряченное лицо, слегка распахнулъ шубу и, послѣ минутнаго размышленія, велѣлъ ѣхать извозчику въ «Акваріумъ». Онъ занялъ отдѣльный кабинетъ и, написавъ нѣсколько строчекъ на визитной

карточкѣ, послалъ ее черезъ лакея за кулисы. Черезъ нѣсколько минутъ съ нимъ рядомъ сидѣла уже исполнившая свои номера шансонеточная пѣвичка цыганскаго типа. Башиловъ наливалъ ей шампанское въ узкій бокалъ, и она, задорно смѣясь, подставила подъ янтарную струю свои пальцы, унизанные фальшивыми брильянтами; Башиловъ перелилъ вино, пѣна бѣжала черезъ край бокала, а онъ осушалъ шаловливые пальчики жадными поцѣлуями, и въ глазахъ его загорѣлись тѣ же искорки бѣшеной страсти, что съ трудомъ удалось ему потушить часъ тому назадъ.

Въ эту ночь Елена долго не могла заснуть; мысли кружились вихремъ въ ея разгоряченной головѣ. Ее начинала захватывать ярко выраженная сила въ характерѣ Башилова, опредѣленность его воли и стремленій, и, кромѣ того, впервые поцѣлуй, такъ неожиданно и насильно взятый съ ея устъ, пробудилъ въ ней что-то новое, до сихъ поръ ей невѣдомое. Неужели этотъ человѣкъ сумѣетъ разбудить въ ней чувства, до сихъ поръ всегда дремавшія, чувства, которыя, какъ она считала, ея природѣ были несвойственны? Его поцѣлуй не возбудилъ въ ней ни чувства насмѣшки, ни легкаго отвращенія, какъ это случилось давно въ Парижѣ; онъ только затуманилъ ея мозгъ. Значитъ, и въ ней можетъ проснуться женщина... Но слѣдуетъ ли этого желать? Она слышала и читала, что страсть, охватившая женщину въ ея годы, бываетъ безразсудна и слѣпа. Ей тридцать четыре года, ему сорокъ пять, для брака—годы подходящіе, но она сознаетъ, что если она потеряетъ надъ собой узду и впервые отдастся невѣдомому бурному потоку, то этотъ человѣкъ съ желѣзной волей, съ привычкой повелѣвать можетъ пригнуть ее къ землѣ и она, вмѣсто равноправнаго товарища, подруги, совѣтчика, завоевателя жизни, обратиться въ рабу, жаждущую его поцѣлуевъ и ласкъ, упоенія которыхъ она всю жизнь не понимала и потому отклоняла отъ себя. И если теперь ее охватитъ этотъ пожаръ, огонь котораго пожираетъ логику мозга, то въ бракѣ съ этимъ человѣкомъ она найдетъ не счастіе, а двойную муку: сознаніе своего рабства и его пренебреженія къ женщинѣ, въ которой онъ предполагаетъ мощь и мужской умъ, а не жаждущую наслажденій куртизанку. Онъ предполагаетъ въ ней страстную женщину и потому, конечно, допускаетъ, что въ жизни ея были романы, что для нея не новы эти вспышки чувственности, могущія служить украшеніемъ жизни, а не ея доминирующей силой. Почему, когда Башиловъ поднялся со своего мѣста, чтобы уходить, у нея забилось сердце, и она стиснула зубы, чтобы промолчать: ей хотѣлось, чтобы онъ остался, ей хотѣлось смотрѣть на эти губы, впервые давшія ей новое, невѣдомое ощущеніе... И теперь, и сейчасъ она чувствуетъ ихъ прикосновеніе, и, какъ у неопытной, юной дѣвочки, у нея кружится голова... а онъ, сильный, прекрасно владѣющій собой, удѣляющій этимъ страстямъ крохи отъ своей полной дѣлъ и заботъ жизни, онъ,

вѣроятно, сидитъ въ своемъ кабинетѣ, склонясь надъ дѣловыми бумагами въ то время, какъ она не можетъ успокоиться отъ новыхъ ощущеній «перваго» поцѣлуя. Дать согласіе на бракъ теперь, не справившись съ налетѣвшей бурей, это значило бы погубить счастіе. Въ супружеской жизни все зависитъ отъ первыхъ шаговъ, отъ обоюднаго желанія оградить свою индивидуальность отъ вторженія чужой воли. Именно теперь, въ ея годы, она могла бы спокойно протянуть руку супругу, увѣренная въ своемъ достаточномъ знаніи жизни и людей... И вдругъ это непрошенное, ненужное пробужденіе страсти, съ которой она никогда не имѣла дѣла и не знаетъ, не затопитъ ли она все ея существо, не сдѣлаетъ ли изъ нея, до сихъ поръ свободной, здравомыслящей, безвольную рабу. Елена знаетъ, что въ концѣ концовъ утихаютъ и страсти, но для брака съ человѣкомъ, подобнымъ Башилову, этого допустить невозможно, потому что, спустившись на нѣсколько ступеней ниже его, будетъ потомъ невозможно заставить его смотрѣть на себя, какъ стоящую на равной съ нимъ плоскости. Но что же тогда? Просить отсрочить бракъ и силой воли и мысли убить пробудившееся чувство? Или, наоборотъ, допустить близость? То, что не прощается женѣ, простится любовницѣ... Дать этому чувству возможность перегорѣть въ его объятіяхъ и тогда... что тогда? Бракъ? Но вѣдь мужчинъ, закрѣпляющихъ бракомъ свободныя связи, очень мало. Разойтись? Но если предвидѣть возможность разрыва, то для чего же искать связи, чтобы дать удовлетвореніе страстямъ? И это сдѣлаетъ она? Тогда Орловъ будетъ правъ, говоря, что женщина, видавшая такіе виды, какъ она, отъ перваго невѣрнаго шага въ сторону можетъ упасть въ глубокую пропасть...

Такъ думала Елена, напрасно ища выхода изъ запутаннаго лабиринта своихъ мыслей. Усталая, она подъ утро заснула тревожнымъ сномъ. Прошло два дня, и она все еще не нашла того опредѣленнаго отвѣта, котораго ждалъ Башиловъ, и за которымъ онъ въ указанный вечеръ пріѣхалъ.

— Я знаю, что вы быстро пойдете въ гору и добьетесь власти; эта борьба за цѣль мнѣ нравится и притягиваетъ къ вамъ,—говорила Елена:—потому что и во мнѣ есть тѣ же черты; но несходство нашихъ характеровъ заключается въ томъ, что вы не могли бы существовать, вычеркнувъ изъ вашихъ мыслей эту цѣль жизни, я же свободно могу отъ нихъ отрѣшиться и найти исходную точку своихъ стремленій въ чисто отвлеченныхъ идеалахъ, ничего общаго съ общественной жизнью не имѣющихъ.

Елена слегка путалась и искала яркихъ и опредѣленныхъ выраженій, могущихъ помочь ей быть логичной и убѣдительной.

— Такъ-съ. Но это что-то туманное и для меня не вполнѣ ясное. Мнѣ интересна ваша заключительная мысль.

— Такимъ, какъ вы есть сейчасъ, я васъ знаю хорошо и, конечно, не боялась бы соединить наши жизни, но власть и могуще-

ство сильно деморализуютъ человѣка, дѣлаютъ его непохожимъ на самого себя. Я хочу знать васъ въ силѣ и могуществѣ, и если и тогда наша природа не окажется чуждой другъ другу, тогда я безъ страха готова стать вашей женой.

— Такого рѣшенія я отъ васъ не ожидалъ, Елена Павловна. Вы говорите, какъ институтка, не знающая жизни и ея требованій. Если бы я васъ меньше зналъ, то могъ бы предположить, что въ васъ говоритъ алчность честолюбія и неувѣренность въ моей карьерѣ; вамъ угодно остаться госпожой Карцовой, независимой и свободной, или, если отдать свою свободу, то не иначе, какъ ставши женой сановника. Если бы я вздумалъ упорствовать на этомъ предположеніи, то въ видѣ лишняго аргумента могъ бы припомнить ухаживанія товарища министра Орлова и моего соперника Рихтера, про которыхъ говорятъ, что вы ихъ держите въ резервѣ.

— А-а-а! И вы слышали, что про меня такъ говорятъ?..

— Оставимъ пока въ сторонѣ, что говорятъ и чего не говорятъ, а перейдемте лично къ моимъ чувствамъ, Елена Павловна. Ну, а если мои стремленія окажутся тщетными, и я не добьюсь вскорѣ ни силы, ни власти?

— Тогда вы останетесь тѣмъ, что вы есть, и я, конечно, съ радостью буду вашей женой; мы найдемъ общій и полезный трудъ и будемъ завоевывать жизнь иными путями,—съ улыбкой отвѣтила Елена.

— Такъ-съ. А сколько же времени полагается мнѣ на достиженіе высшихъ ступеней, и пока я ихъ достигну, въ какой роли прикажете мнѣ посѣщать васъ, и какая гарантія, что ни Орловъ, ни Рихтеръ, ни, можетъ быть, какой-нибудь иной претендентъ не завладѣетъ вашимъ сердцемъ?

— Надѣюсь, что для этого достаточно одного моего слова, Владимиръ Ивановичъ

— Положимъ, что и такъ, но существуетъ вопросъ, надъ которымъ вы, очевидно, не задумывались или намѣренно его игнорируете.

Елена вопросительно смотрѣла на Башилова. Въ его же глазахъ, пристально на нее устремленныхъ, опять началъ загораться безпокойный, жадный огонекъ. Оба молчали. Елена чувствовала, какъ этотъ огонекъ, разгораясь, окутывалъ ее и зажигалъ въ ея крови до сихъ поръ невѣдомыя ей ощущенія. Внезапно она вздрогнула и закрыла на минуту глаза.

— Не смотрите на меня такими глазами, я не хочу,—тихо прошептала она, проводя рукой по глазамъ, какъ бы стараясь снять съ себя очарованіе взгляда. Башиловъ близко нагнулся къ ней, взялъ эту руку и крѣпко сжалъ.

— А вотъ объ этомъ вы подумали?

— Да, я думала,—едва внятно отвѣтила Елена.

— И что же?

— Сама не знаю.

— Если вы еще боитесь меня, какъ мужа, то вы должны же пойти на уступки, иначе вы меня не любите.

— Ни за что!..

— Это ваше рѣшительно слово?

— Да.

— Вы меня не любите. Я ошибся.

Башиловъ всталъ.

— Постойте. Куда вы?

— Вы передумали?

— Нѣтъ, но вѣдь это же странно такъ разстаться...

— Это логично. Я не люблю неопредѣленныхъ положеній. Если я добьюсь власти и если до тѣхъ поръ у обоихъ насъ не потухнетъ взаимное чувство, то тогда я явлюсь склонить передъ вами мою заслуженную голову, до тѣхъ же поръ самое благоразумное разстаться, такъ какъ я не намѣренъ мучить и волновать себя близостью женщины, которую я люблю и желаю и которая....

— Которая и васъ любитъ.

— Этого я не сказалъ бы...

Опять воцарилось молчаніе. Елена напряженно думала, закрывъ лицо руками; Башиловъ сидѣлъ, заложивъ нога на ногу, и не спускалъ съ нея горячаго, тяжелаго взгляда.

— Довольно, довольно...

Онъ рѣшительно подошелъ къ ней, отвелъ руку, обнялъ за шею и хотѣлъ поцѣловать.

— Нѣтъ... Не надо.

Елена съ силой высвободилась и вся изогнулась, отстранила Башилова.

— Елена Павловна, позвольте откланяться.

Онъ быстро поцѣловалъ ея руку и прежде, чѣмъ она успѣла опомниться, скрылся за дверью гостиной.

VIII.

Прошло больше мѣсяца. Елена вела съ собой отчаянную борьбу. Каждое утро, когда горничная отдергивала тяжелыя драпировки большого венеціанскаго окна и погруженная во мракъ спальня наполнялась робкими лучами мартовскаго солнца, Елена открывала глаза, и первою ея мыслью былъ все тотъ же мучившій ее вопросъ: сумѣетъ ли она и сегодня справиться съ собой и не призоветъ ли къ себѣ Башилова, который упорно ея избѣгалъ со дня послѣдняго разговора? Призвать его—значило бы пойти на уступку, которой Елена боялась именно потому, что чувствовала къ Башилову серь-

езную и прочную привязанность, дорожила его уваженіемъ и чутьемъ отгадывала, что чѣмъ сильнѣе окажетъ сопротивленіе, тѣмъ прочнѣе привяжетъ его къ себѣ. Но разлука съ нимъ ее мучила до такой степени, что бывали дни, когда ей приходилось призывать всю силу воли, чтобы не поддаться искушенію и не позвонить къ нему въ телефонъ. Башиловъ, привыкшій къ быстрымъ побѣдамъ, давно поджидалъ этого звонка и удивлялся, раздражался и наконецъ началъ негодовать на упорство Елены, мысль о которой не разъ мѣшала ему работать. Онъ искалъ развлеченія въ обществѣ другихъ, легко доступныхъ женщинъ, но образъ Елены упорно овладѣвалъ мозгомъ и мучилъ его. И все-таки онъ былъ увѣренъ, что побѣда будетъ на его сторонѣ, и терпѣливо ожидалъ этой минуты.

Въ голубой гостиной Людомировой, убранной прихотливой рукой хозяйки букетиками живыхъ фіалокъ, наполнявшихъ тонкимъ ароматомъ немного душную атмосферу, пріемный день приходилъ къ концу. Хозяйка дома, по обыкновенію очень оживленная, слегка утомленная большимъ количествомъ перебывавшихъ гостей, удобно расположась въ креслѣ, допивала маленькими глотками ликеръ и вызывающе кокетничала съ Рихтеромъ. Онъ сидѣлъ близко подлѣ нея на низенькомъ пуфикѣ, разсматривалъ выставленныя ему на показъ изящно обутыя ножки и хотя и отвѣчалъ въ тонъ, но слегка сдерживалъ заигрыванья хозяйки въ удобныхъ для себя границахъ. Онъ собирался улучить подходящую минуту и раскланяться, какъ распахнулась дверь и лакей пропустилъ Елену.

Карцова дала Людомировой обнять и расцѣловать себя, съ привѣтливой улыбкой протянула руку Рихтеру, которую тотъ поцѣловалъ съ особеннымъ удовольствіемъ, и опустилась въ кресло. Разговоръ продолжался въ томъ же игривомъ тонѣ, и Рихтеръ его охотно поддерживалъ, замѣтно подчеркивая свое вниманіе къ Еленѣ.

— Послушай, Леночка,—обратилась Людомирова къ подругѣ, когда Рихтеръ распрощался:—я хотѣла серьезно поговорить съ тобой насчетъ Александра Александровича. Не такъ давно въ полушутливой формѣ онъ намекнулъ мнѣ, что изъ всѣхъ дамъ нашего общества онъ считаетъ тебя наиболѣе интересной и что онъ серьезно не ухаживаетъ за тобой потому только, что щадитъ свое самолюбіе, боясь твоего невниманія. Я знаю достовѣрно, что товарищъ министра уходитъ; если умѣло нажать пружинку, то его мѣсто займетъ Рихтеръ. Онъ на виду, и ему пора получить этотъ постъ; у него есть враги и необходимо, чтобы Иванъ Ларіоновичъ былъ бы на его сторонѣ. Будь благоразумна, устрой ему это назначеніе, не отвергай его ухаживанья и выходи за него замужъ. Я ручаюсь, что Рихтеръ съ его государственнымъ умомъ далеко пойдетъ, но ему необходимо умную и ловкую жену вродѣ тебя, чтобы смягчить его враговъ...

Елена молчала и улыбалась.

— Что же ты молчишь? Я говорю совершенно серьезно и, право, буду удивлена, если ты, умная женщина, пропустишь во всѣхъ отношеніяхъ выгодную партію для того, чтобы возиться съ этимъ кутилкой Юрьевымъ или нахаломъ Башиловымъ, который, по правдѣ сказать, своими несалонными манерами очень напоминаетъ лабазника. Онъ тебѣ не пара... да его и не пустятъ далеко: тотъ же Рихтеръ затретъ.

— Ну, и что же дальше?

— Дальше то, что похлопочи за Рихтера и выходи за него замужъ. Скажи Орлову, чтобы попросилъ Ивана Ларіоновича.

— Это невозможно: Орловъ дуется на меня.

— Еще бы не дуться: закрутила ему голову, а ласки расточаешь другимъ.

— Марина, ты говоришь вздоръ!

— Ну, оставимъ. Не въ этомъ дѣло. Такъ, значитъ, Орлова притянуть къ этому дѣлу нельзя? Очень жаль. Изволь, я придумала иную комбинацію: на будущей недѣлѣ я обѣдаю у Гагариныхъ. Иванъ Ларіоновичъ будетъ тоже, я его позову обѣдать къ себѣ, посажу рядомъ съ тобой и не сомнѣваюсь, что, если ты захочешь, то къ концу обѣда онъ совсѣмъ разсахарится, будетъ смотрѣть на тебя масляными глазами и съ восторгомъ исполнитъ, что бы ты ни попросила. Ты что на это скажешь?

— Пожалуй... попробуй его позвать.

— Такъ ты согласна? Вотъ молодецъ. Повѣрь мнѣ, Елена, что Рихтеръ, если сумѣть его забрать въ руки, премилый человѣкъ. А что онъ карьеристъ...

— И бездушный, черствый эгоистъ...

— Нисколько не больше всѣхъ остальныхъ.

Людомирова была безконечно довольна, что ей удалось уговорить Елену; она была увѣрена, что ей удастся выдать ее за Рихтера и тѣмъ насолить и Башилову, которому она мстила за Любовь Ивановну, и барону, котораго безсильно ревновала къ Еленѣ. Мысль, что та будетъ женой Рихтера, котораго она не любила и не уважала за его черствую, расчетливую натуру, ее радовала, какъ своего рода месть самой Еленѣ.

Прошла недѣля, и предполагаемый обѣдъ состоялся. Иванъ Ларіоновичъ, еще не старый, очень неглупый сановникъ, типъ довольнаго жизнью барича, воспитаннаго въ традиціяхъ рыцарскаго поклоненія женщинѣ, производилъ съ перваго раза крайне выгодное впечатлѣніе, благодаря обходительной, всегда привѣтливой манерѣ въ общеніи съ людьми, къ какому бы соціальному положенію они ни принадлежали. Онъ былъ всѣми любимъ и, хотя не обладалъ способностями государственнаго человѣка, однако карьеру сдѣлалъ шутя, никогда не задаваясь честолюбивыми замыслами, ни въ комъ не заискивая и никому не вредя.

Послѣ обѣда, въ то время, какъ въ голубой гостиной пили кофе и ликеры, продолжали оживленную бесѣду, подогрѣтую утонченными винами, и слушали бравурный вальсъ, который хозяйка дома сама исполняла, кокетливо склонивъ голову на бокъ и прислушиваясь къ любезностямъ подсѣвшаго къ ней кавалера въ моноклѣ, съ преждевременно облысѣвшимъ черепомъ и выхоленными, женственно-красивыми руками,—въ это время Елена, сидя въ отдѣльномъ, слегка заставленномъ растеніями уголкѣ, съ затаеннымъ интересомъ слѣдила, какъ у Ивана Ларіоновича постепенно разгорались глаза и, казалось, въ эту минуту онъ никого не зналъ и ничего не слышалъ, кромѣ словъ Елены:

— Удивительно вы милый человѣкъ. Мнѣ понятны тѣ «ravages», которые вы дѣлали и, вѣрно, дѣлаете въ сердцахъ дамъ.

— Нѣтъ, Елена Павловна, мое время прошло. Угождать милымъ дамамъ еще могу, а что касается «ravages», то и не пробую.

— Иванъ Ларіоновичъ, а вы не забудете вашего обѣщанія ни однимъ словомъ не напоминать ему о нашемъ разговорѣ?

— Разумѣется... пусть думаетъ, что въ его карьерѣ женщины ни при чемъ. Долженъ сознаться, что съ удовольствіемъ исполню вашу просьбу, такъ какъ она вполнѣ соотвѣтствуетъ заслугамъ этого человѣка: онъ удивительно работоспособенъ и энергиченъ. Такихъ людей надо выдвигать, они полезны Россіи.

— А какъ скоро можетъ состояться назначеніе?

— Вѣроятно, къ концу этого мѣсяца вы прочтете въ газетахъ, что вашъ протеже Владиміръ Ивановичъ Башиловъ назначается товарищемъ министра.

Елена крѣпко и съ благодарностью пожала руку очарованному ея граціей сановнику и уѣхала одна изъ первыхъ, чтобы избѣжать подробныхъ разспросовъ Людомировой.

Елена въ душѣ смѣялась, а Людомирова считала дѣло Рихтера выиграннымъ и съ этого дня, заводя съ нимъ разговоръ о подругѣ, принимала конфиденціально-покровительственный тонъ, давая понять, что она что-то знаетъ и чему-то можетъ помочь.

Со дня разрыва съ Башиловымъ прошло уже полтора мѣсяца. Елена сильно стосковалась и, вѣря, что и онъ страдаетъ не менѣе ея, ставила ему въ заслугу выдержку характера, съ которой онъ исполнялъ разъ принятое рѣшеніе. Она винила себя въ томъ, что не сумѣла облечь временный отказъ въ болѣе мягкую форму, что не сумѣла удержать его подлѣ себя, и теперь ждала съ нетерпѣніемъ и волненіемъ обѣщаннаго назначенія, чтобы имѣть возможность позвонить къ нему въ телефонъ, поздравить и вызвать на новое объясненіе.

Наконецъ ожидаемый день насталъ. Елена уже три раза подходила къ телефону, получая одинъ и тотъ же отвѣтъ, что «генерала нѣтъ дома». Наконецъ до ея слуха долетѣлъ такъ хорошо зна-

комый высокій тембръ голоса; она съ трудомъ подавила волненіе.

— Хочу васъ лично поздравить.

— Прикажете пріѣхать?

— Жду сегодня же вечеромъ...

— Слушаю-съ.

«Значитъ, я его сама призвала... что же я ему скажу? Дамъ согласіе на бракъ? Буду его женой? Такъ скоро? Нѣтъ, пусть еще подождетъ, но какъ же это сказать?..—разсердится, обидится... Лучше не думать: само выяснится...»

Такъ думала Елена, лихорадочно поджидая назначеннаго часа. Лицо ея, всегда матово-блѣдное, теперь покрылось румянцемъ, и глаза горѣли влажнымъ блескомъ, что придавало ей чарующую прелесть. Былъ уже довольно поздній часъ, когда она услышала шумъ остановившагося у подъѣзда автомобиля, и черезъ нѣсколько минутъ въ ея гостиную входилъ Башиловъ съ лицомъ, озареннымъ радостной, торжествующей улыбкой.

— Какъ я рада за васъ!—проговорила Елена, подымаясь ему навстрѣчу и протягивая обѣ руки съ нервно вздрагивавшими пальцами.

— Спасибо, дорогая моя, спасибо...

Они прошли въ сосѣднюю маленькую гостиную и остановились посреди, оба взволнованные, не находя словъ для охватившаго радостнаго чувства.

— Я рада видѣть васъ... я соскучилась въ долгой разлукѣ.

— А почему же раньше не призвали? Ждали высокаго назначенія?.. И меня мучили...

— Я ничего не ждала... сама мучилась... а сегодня придралась къ случаю: не могла больше.

— Не могли?.. И давно бы такъ... вѣдь все равно не уйдешь: не отпущу...

Башиловъ неожиданнымъ, порывистымъ жестомъ закинулъ голову Елены, такъ что она пошатнулась и чуть не упала, быстро обнялъ за талію и сталъ неудержимо цѣловать въ губы; теперь она не сопротивлялась, и онъ чувствовалъ, съ какой неожиданной страстью она отдавала ему поцѣлуи.

— Знаешь что? Поѣдемъ ужинать. Отпразднуемъ два крупныхъ для меня событія: твой первый поцѣлуй и мое неожиданное назначеніе. Согласна?

— Согласна, на все согласна, милый...

Елена была какъ въ полуснѣ. Ее подхватила какая-то еще невѣдомая ей волна и понесла въ открытое море, къ широкому простору блаженныхъ чувствъ, и она съ радостью отдавала себя этой новой волнѣ, послушно повинуясь ея теченію.

— Ну, голубчикъ мой, я просто глазамъ своимъ не вѣрю, что это ты тутъ сидишь подлѣ меня,—говорилъ Башиловъ, когда ла-

кей скрылся за дверью и передъ ихъ приборами пѣнясь и искрясь играло шампанское въ высокихъ бокалахъ.—Думалъ, что совсѣмъ ускользнула,—словно змѣя; иной разъ казалось, вотъ-вотъ поймалъ, завладѣлъ... не тутъ-то было. Вотъ что значитъ получить постъ товарища министра: и мужчины привѣтливѣе руку жмутъ, и гордыя женщины становятся благосклоннѣе. А вѣдь ты горда. Такъ и отсадишь на свое мѣсто... люблю такихъ... королева... Дай руку, дай пальчики поцѣловать. Повезло же мнѣ! Не ожидалъ я этого повышенія...

— А я ожидала. Я была увѣрена и продолжала вѣрить, что вы пойдете впередъ гигантскимъ шагомъ.

— Не говори мнѣ «вы»—не хочу.

— Я не могу... надо привыкнуть.

— Привыкай... привыкай скорѣе.

Башиловъ завладѣлъ обѣими руками Елены и жадными поцѣлуями покрывалъ ладони и изящные розовые пальчики.

Елена вдругъ вся преобразилась и стала необыкновенно красива: казалось, подъ кистью художника ожило прелестное лицо, и мертвыя краски зардѣлись румянцемъ и огнемъ страстной жизни.

— Боже, но что же это творится со мной?—порывистымъ движеніемъ она поднялась со стула, закинула обѣ руки за голову, широко открыла горящіе глаза и, тяжело дыша, стояла нѣсколько мгновеній, точно застывъ въ порывѣ напряженнаго недоумѣнія; сквозь полуоткрытыя алыя губы блестѣли красивыя, плотно сжатыя зубы.—Или я пьяна, или... или...

— Доканчивай...я жду... что: или?—едва владѣя собой, переспросилъ Башиловъ.

— Или... я люблю тебя... страстно люблю,—чуть слышно договорила Елена.

— Наконецъ-то!—сорвалось торжествующимъ голосомъ съ устъ Башилова, и онъ, не помня себя, забывъ всякую выдержку, обнялъ Елену и, цѣлуя ея губы до боли, сжимая пальцы, опустилъ ее передъ собой на колѣни и, приподнявъ за подбородокъ поблѣднѣвшее, совершенно измѣнившееся отъ впервые охватившаго чувства страсти лицо, долго смотрѣлъ въ глубину невѣроятно расширившихся затуманенныхъ зрачковъ.

— Моя,—чуть слышно, но отчетливо долетѣло до слуха Елены.

— Да,—скорѣе угадалъ, чѣмъ услышалъ онъ отвѣтъ.

Была поздняя ночь, когда они вышли изъ ресторана, разгоряченные виномъ, съ распаленнымъ отъ давно сдерживаемой страсти мозгомъ. Башиловъ предложилъ проѣхаться по островамъ, и Елена съ радостью согласилась. Она чувствовала потребность освѣжиться отъ горячихъ впечатлѣній нахлынувшаго счастья. Велѣли спустить верхъ автомобиля, и зимняя ночь, морозная и безвѣтряная, пахнула въ ихъ разгоряченныя лица острой свѣжестью. Слегка распах-

нувъ мѣховую шубу и откинувшись назадъ, Елена, завороженная красотой зимней петербургской ночи, мчалась къ островамъ по опустѣлому широкому и прямому, какъ стрѣла, проспекту. Съ безумной скоростью мелькали высокіе электрическіе фонари, красивыя пышныя зданія и покрытыя инеемъ, ярко вырисовывающіяся при электричествѣ деревья парка. Въ молчаливомъ и пышномъ покоѣ строгаго и стройнаго вида спала суетливая и шумная столица. Быстрый поворотъ, и дома исчезли. Фонари замелькали рѣже. Кругомъ тѣснились густыя кущи деревьевъ и слои бѣлаго, осыпаннаго брильянтами снѣга, живописно драпируя тяжелые стволы и вѣтки, придавали сказочную прелесть окружающей природѣ.

— Какая тишина, какая красота!—вырвалось изъ устъ Елены, и она тихонько сжала руку Башилову, которую все время не выпускала изъ своихъ горячихъ рукъ.

— Закройся, ты простудишься... Вѣдь у тебя вся шея открыта... ласково запахивая шубку и близко заглядывая ей въ глаза, проговорилъ Башиловъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Этотъ морозный воздухъ, эта красота грѣютъ меня. Мнѣ такъ хорошо. Смотри туда... вдаль; точно хрустальное царство... Сколько снѣга. А эта полянка бѣлая и позади нея точно сѣдое чудовище стоитъ... Ухъ... какая быстрота...

Съ ними вмѣстѣ какъ будто мчалось ясное, далекое звѣздное небо и густой паркъ съ причудливыми фантастическими бѣлыми дубами, березами и елями. Вѣтеръ, то ласковый, то жестокій, цѣловалъ и обжигалъ лицо, и воздухъ наполнялъ грудь живой струей бодрости и жизни.

Н. А. Лаппо-Данилевская.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЗА СОРОКЪ СЕМЬ ЛѢТЪ [1].

I.

Появленіе въ Варшавѣ туркестанскаго героя П. Е. Кузьминскаго.—Ура-Тюбе и Джизакъ.—Отзывы знаменитыхъ инженеровъ о постройкѣ этихъ крѣпостей.—Роль генерала Романовскаго въ Средней Азіи.—Взятіе Ура-Тюбе.—Приказъ генерала Крыжановскаго.—Прощальный приказъ генерала Романовскаго.—Характеристика этого генерала.

ВЪ НАЧАЛѢ 1874 года, послѣ неожиданной кончины намѣстника царства Польскаго и главнокомандующаго войскъ варшавскаго военнаго округа генералъ-фельдмаршала графа Ѳедора Ѳедоровича Берга, въ Варшаву былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками округа генералъ-адъютантъ Павелъ Евстафіевичъ Коцебу. До этого назначенія онъ занималъ постъ новороссійскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками одесскаго военнаго округа. Перемѣна эта вызвала появленіе въ польской столицѣ массы совершенно новыхъ лицъ—генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, гражданскихъ сановниковъ и чиновниковъ; между прочимъ, съ конца перваго же года пребыванія генерала Коцебу на новомъ посту началъ появляться въ Варшавѣ молодой, красивый, южнаго типа брюнетъ, офицеръ Волынскаго уланскаго полка Петръ Ефимовичъ Кузьминскій. Орденъ св. Георгія 4-ой степени украшалъ его грудь, а ко-

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXXX, стр. 37.

стыли, на которыхъ онъ едва передвигался, давали намекъ на то, что высокая награда эта досталась ему нелегко.

Варшава очень заинтересовалась появившимся «героемъ», въ особенности дамы, относящіяся, какъ извѣстно, всегда крайне участливо къ человѣку, которому въ жизни довелось пострадать. О томъ, что онъ былъ изъ числа таковыхъ, показывали не только поддерживавшіе его костыли, но давно зажившіе, слегка замѣтные шрамы, покрывавшіе его измученное, исхудалое, задумчивое лицо.

Довольно долго никто не зналъ, почему онъ вдругъ попалъ въ одинъ изъ полковъ варшавскаго военнаго округа; а такъ какъ полкъ былъ расположенъ внѣ Варшавы, то и не пришлось что-либо узнать объ этомъ до тѣхъ поръ, пока не начали, съ наступленіемъ лагернаго времени, появляться въ городѣ однополчане таинственнаго незнакомца, заинтересовавшаго всѣхъ.

Тогда же стало ходить много разсказовъ объ его прошломъ. Не имѣя ни претензіи, ни нужды, ни возможности дать полную біографію этого заслуженнаго, особо отличившагося боевого офицера, я передаю въ возможно болѣе связномъ видѣ все то, что о немъ въ тѣ времена разсказывалось въ отрывочной формѣ.

Съ теченіемъ времени опредѣлилось, что Кузьминскій, начавъ службу юнкеромъ въ названномъ полку и опоздавъ попасть въ этомъ званіи въ своей части къ боевому времени—усмиренія польскаго мятежа 1863 года,—тотчасъ послѣ производства въ офицеры въ 1864 году временно отчислился отъ полка и полетѣлъ туда, куда неотступно звала его жажда кипучей дѣятельности—въ Среднюю Азію.

Тамъ, въ Туркестанѣ, отчаянно храбрый молодой человѣкъ очень скоро своими подвигами обратилъ на себя общее вниманіе и пріобрѣлъ репутацію отличнаго боевого офицера; во всѣхъ серьезныхъ дѣлахъ его посылали впередъ, и онъ всегда сложныя порученія исполнялъ съ той отвагой, которая свойственна выходящимъ изъ ряду храбрецамъ-головорѣзамъ; онъ нигдѣ, ни въ чемъ не зналъ преградъ, а самопожертвованію его не было предѣловъ.

Послѣ многихъ крупныхъ дѣлъ и мелкихъ стычекъ съ туркменами поручику Кузьминскому довелось, осенью 1866 года, принять дѣятельнѣйшее участіе и сыграть очень важную, выдающуюся роль въ двухъ, послѣдовавшихъ одно за другимъ, дѣлахъ—взятія нашими войсками сильно укрѣпленныхъ пунктовъ Ура-Тюбе и Джизака.

Въ сущности, каждое изъ этихъ укрѣпленій представляло собой старинную крѣпость, раскинутую на прекрасно избранной въ боевомъ отношеніи, пересѣченной мѣстности; обѣ эти крѣпкія позиціи, каждая сама по себѣ, были снабжены высокими, отмѣнно прочно построенными стѣнами, внушительной профили валами и глубокими, прекрасно укрѣпленными рвами; все это въ нихъ было расположено съ замѣчательнымъ искусствомъ, по всѣмъ правиламъ старинной фортификаціи.

Не только преданія, но и тамошнія, считающіяся вполнѣ достовѣрными свѣдѣнія говорятъ, что обѣ крѣпости построены въ концѣ XVII столѣтія по системѣ Вобана какимъ-то случайно забравшимся въ тѣ края путешественникомъ-французомъ, ученикомъ этого знаменитаго, крайне авторитетнаго военнаго инженера.

Извѣстный бельгійскій военный инженеръ и военный писатель Бріальмонъ, вскорѣ послѣ взятія русскими войсками цѣлаго ряда средне-азіатскихъ крѣпостей, каковы Нау, Ташкентъ, Чимкентъ, Ходжентъ, Чиназъ, Ауліэ-Ата, Ура-Тюбе, Джизакъ, Самаркандъ и др., описывая ихъ, между прочимъ, выразилъ убѣжденіе, что нѣкоторыя изъ нихъ, несомнѣнно, построены по системамъ европейскихъ инженеровъ XVI и XVII столѣтій.

Нашъ талантливый военный инженеръ генералъ-адъютантъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ, разсмотрѣвъ тогда представленные ему подвѣдомственными инженерами подробные планы Ура-Тюбе и Джизака и выслушавъ докладъ о томъ, что ходитъ молва, будто бы крѣпости тѣ построены французскимъ инженеромъ, придерживавшимся системы Вобана [1]), сказалъ: «Судя по планамъ, я опровергать это предположеніе не взялся бы; полную же увѣренность въ этомъ имѣть нельзя только потому, что не имѣется удостовѣряющихъ документовъ; все остальное можетъ говорить за утвержденіе справедливости такой легенды».

Весной 1866 года наши войска подъ главнымъ руководительствомъ оренбургскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта Николая Андреевича Крыжановскаго, при особо избранномъ имъ самимъ отрядномъ начальникѣ свиты его величества генералъ-майорѣ генеральнаго штаба Романовскомъ, нанесли сильныя

[1]) Маршалъ Себастіанъ ле-Претръ-де-Вобанъ, геніальный французскій инженеръ, родился въ Бургундіи въ 1633 году. Всѣ сохранившіяся о немъ воспоминанія, а также его жизнеописанія—біографіи, некрологи, какъ изданные отдѣльно, такъ и помѣщенные въ различныхъ сборникахъ, газетахъ, журналахъ, энциклопедіяхъ, словаряхъ,—въ одинъ голосъ сообщаютъ, что онъ въ теченіе своей долгой жизни превосходно укрѣпилъ границы Франціи,—при этомъ ему пришлось совершенно перестроить до 300 старыхъ крѣпостей; онъ построилъ по своей системѣ и по своимъ собственнымъ планамъ до 40 новыхъ крѣпостей, участвовалъ на своемъ вѣку въ 140 сраженіяхъ, подъ его руководствомъ велось болѣе 50 осадъ большихъ крѣпостей. Людовикъ XIV возвелъ его въ маршалы Франціи. Признательное отечество поставило ему прекрасный памятникъ. Маршалъ Вобанъ умеръ въ Парижѣ въ 1707 году. **Авт.**

пораженія бухарскимъ полчищамъ въ долинѣ Сыръ-Дарьи, на Ирджарѣ при Нау и Ходжентѣ; вся эта мѣстность была тогда присоединена къ нашимъ владѣніямъ.

Хотя эмиръ бухарскій, сознавая невозможность продолженія дальнѣйшей борьбы съ войсками Бѣлаго царя, какъ будто бы выражалъ покорность, но въ сущности продолжалъ вооружаться и велъ себя по отношенію къ намъ въ теченіе лѣта того года съ крайнимъ вѣроломствомъ. Поэтому, послѣ многихъ предостереженій и предупрежденій, русскія власти, по иниціативѣ генерала Романовскаго и по его плану, рѣшили осенью двинуться дальше вглубь Средней Азіи, при чемъ намѣтили присоединить къ Россіи область, находящуюся между тогдашними русскими и бухарско-кокандскими владѣніями; этотъ районъ земли представлялъ собою для эмира бухарскаго послѣдній къ сторонѣ нашихъ владѣній оплотъ, укрѣпленный двумя вышеназванными крѣпостями—Ура-Тюбе и Джизакомъ (по мѣстному Ора-Тепе и Жузакъ); отнятіе этого района являлось для насъ чрезвычайно важнымъ,—оно должно было совершенно ослабить эмира, что было крайне существенно именно въ виду постоянно проявлявшагося съ его стороны по отношенію къ населенію сосѣднихъ съ нимъ нашихъ владѣній явнаго вѣроломства.

20-го сентября всѣ наши войска расположились лагеремъ въ семи верстахъ отъ Ходжента, а затѣмъ часть ихъ подъ командой генерала Романовскаго подошла къ Ура-Тюбе—укрѣпленію, которое всегда представляло собой главную опору владычества эмира бухарскаго въ долинѣ Сыръ-Дарьи. Оно расположено на сѣверной покатости снѣгового хребта Тянъ-Шань, отдѣляющаго долину Сыръ-Дарьи отъ прочихъ бухарскихъ владѣній, кои расположены на Аму-Дарьѣ. Черезъ Ура-Тюбе проходитъ направляющійся вдоль подошвы горъ путь, который тогда велъ изъ Бухары въ Кокандъ. Опираясь на эту крѣпость, властители Бухары не разъ успѣвали распространять свое владычество на Кокандъ, Ходжентъ и Ташкентъ. Все это побудило генерала Романовскаго предпринять осаду крѣпости Ура-Тюбе. Для этого сначала была произведена подробная рекогносцировка тѣми частями, которыми командовали флигель-адъютантъ полковникъ графъ Ив. Илар. Воронцовъ-Дашковъ и подполковникъ Барановъ. Эти два штабъ-офицера оставались начальниками частей отрядовъ до 2-го октября—дня взятія этой крѣпости. 30-го сентября артиллерія подъ начальствомъ начальника артиллеріи оренбургскаго военнаго округа генералъ-майора Кондратьева произвела артиллерійскій обстрѣлъ крѣпости; съ брешь-батарей были пробиты бреши въ стѣнахъ той крѣпости; 1-го октября была произведена фальшивая атака южной стороны крѣпости, 2-го штурмовали ее съ этой стороны тремя колоннами и съ сѣверо-восточной—двумя.

Во главѣ штурмовыхъ колоннъ были поставлены съ южной стороны майоръ 5-го Туркестанскаго линейнаго батальона Назаровъ, бывшій офицеръ Нижегородскаго драгунскаго полка, и причисленные къ генеральному штабу, только что окончившіе тогда курсъ академіи генеральнаго штаба штабсъ-ротмистры полковъ Его Величества—л.-гв. уланскаго Шауфусъ и л.-гв. кирасирскаго Глуховской; съ сѣверо-восточной стороны—поручикъ Морозовъ и штабсъ-капитанъ Конопельскій; резервами командовали съ южной стороны капитанъ л.-гв. Преображенскаго полка Мантейфель, а съ сѣверо-восточной—Волынскаго уланскаго полка поручикъ Кузьминскій; на его обязанности лежало охранять позицію со стороны Джизака, въ который все время свободно прибывали войска, посылавшіяся эмиромъ бухарскимъ.

Начавшій штурмъ сѣверо-восточной стороны во главѣ авангарда, составленнаго изъ охотниковъ, капитанъ Плецъ въ самомъ началѣ боя былъ убитъ пулей въ голову наповалъ; его мѣсто заступилъ капитанъ Гриппенбергъ [1]).

Скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что къ концу боя въ стѣнахъ Ура-Тюбе оказались ранеными Шауфусъ, Глуховской, генеральнаго штаба поручикъ Комаровъ и молодые, только что произведенные изъ Михайловскаго артиллерійскаго училища въ офицеры Оренбургскаго стрѣлковаго батальона подпоручики Плѣшковъ и Кончицъ; послѣдніе трое черезъ полтора часа умерли отъ ранъ. Позиція была взята; окрестности Ура-Тюбе были усѣяны непріятельскими трупами, въ крѣпости ихъ было, кромѣ того, погребено болѣе двухъ тысячъ. У насъ, кромѣ названныхъ раненыхъ, были сильно контужены Барановъ, Шороховъ, Кузьминскій, пор. Аленичъ и кн. Барятинскій [2]), адъютантъ наслѣдника цесаревича; онъ состоялъ тогда въ чинѣ поручика Преображенскаго полка и командовалъ 1-ою казачьею Уральскою сотней. Въ каждомъ отрядѣ выбыло изъ строя нижнихъ чиновъ около 25%.

Генералъ-адъютантъ Крыжановскій, приказомъ по войскамъ Туркестанской области 3-го октября 1866 года, между прочимъ, объявилъ: «Вчера 2-го октября сильная бухарская крѣпость Ура-

---

[1]) Нынѣ генералъ-адъютантъ, извѣстный вообще, какъ боевой генералъ. Въ 1877 г., командуя л.-гв. Московскимъ полкомъ, онъ въ чинѣ полковника получилъ орденъ св. Георгія 3-ей степени за лихое отнятіе у очень сильнаго непріятеля взятой имъ наканунѣ отъ насъ съ боя позиціи—на Шандорникѣ въ Балканахъ въ отрядѣ генерала-адъютанта Гурко. Особую извѣстность генералъ Гриппенбергъ получилъ въ 1905 г. при Сандепу, состоя въ должности начальника одной изъ манчжурскихъ армій у генерала Куропаткина.

[2]) Нынѣ генералъ-адъютантъ, состоитъ при Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Тюбе, весьма важная для насъ во всѣхъ отношеніяхъ, послѣ восьмидневной осады взята штурмомъ. Ея гарнизонъ защищался упорно. У непріятеля отбито нами 5 знаменъ, 16 орудій, взято много плѣнныхъ и оружія. Крѣпостные рвы и окрестности завалены сотнями непріятельскихъ труповъ. Побѣда эта стоила намъ трехъ офицеровъ и до ста нижнихъ чиновъ убитыми».

Далѣе генералъ Крыжановскій благодаритъ полковника графа Воронцова-Дашкова, подполковника Баранова и начальника своего штаба подполковника Троцкаго, который, какъ выражено въ приказѣ, «былъ главнымъ, прямымъ и ближайшимъ моимъ помощникомъ по отданію всѣхъ моихъ предварительныхъ распоряженій».

Свиты Его Величества генералъ-майоръ Романовскій благодарности вовсе не удостоился, и на это тогда же указывалось, такъ какъ войска искренно считали его и главнымъ руководителемъ, и главнымъ виновникомъ взятія той сильной крѣпости.

Среди офицеровъ и вообще въ частяхъ войскъ въ то время ходили толки, будто бы между генералами Крыжановскимъ и Романовскимъ возникли крупныя несогласія и,—какъ всегда у насъ въ подобныхъ случаяхъ на Руси водится,—изъ-за мелочей; а кто былъ правъ, кто виноватъ,—разобрать не было возможности.

Вскорѣ послѣ того генералъ Романовскій былъ отчисленъ отъ должности и вынужденъ былъ выѣхать въ Россію. Говорили, что его поразилъ ударъ; но осталось неизвѣстнымъ, было ли просто прямымъ послѣдствіемъ этого отставленіе его отъ должности, или же, наоборотъ, результатомъ несогласій и основанныхъ на нихъ несправедливостей, принятыхъ имъ близко къ сердцу, явилось пораженіе параличомъ, послѣ котораго онъ уже не могъ оставаться въ должности на боевомъ посту въ такое горячее время?

Приказъ, изданный генераломъ Романовскимъ 14-го апрѣля 1867 года, въ свою очередь, какъ разсказывали впослѣдствіи разсѣявшіеся по землѣ русской ташкентцы, показался нѣсколько страннымъ: въ немъ нашли очень мало того, что должно было отвѣчать боевому духу молодецкихъ войскъ и слишкомъ много личнаго; такъ, между прочимъ, подчеркивали, что, разставаясь съ бывшими боевыми товарищами своими, генералъ «просилъ всѣхъ и каждаго принять его усердную благодарность за совершенныя ими боевыя отличія, которыя доставили ему много царскихъ наградъ»; въ заключеніе онъ говоритъ, что будетъ всегда съ гордостью вспоминать о времени своего начальствованія надъ храбрыми туркестанцами и будетъ себя считать счастливымъ, если Богъ когда-нибудь приведетъ его еще разъ покомандовать такими же молодцами.

Однако я забѣжалъ далеко впередъ.

Въ бытность генерала Романовскаго командующимъ войсками въ покоренной тогда Черняевымъ Туркестанской области у него въ должности начальника штаба состоялъ подполковникъ Виталій Николаевичъ Троцкій, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, виленскій, ковенскій и гродненскій генералъ-губернаторъ [1]). Онъ вообще нерѣдко вспоминалъ Романовскаго и говорилъ о немъ; при чемъ, всегда отзываясь о немъ, какъ о человѣкѣ хорошемъ, честномъ, добромъ и способномъ, не могъ не подчеркнуть одного—это черту, бросавшуюся въ глаза при первомъ знакомствѣ съ Романовскимъ: о чемъ онъ ни говорилъ, всегда умудрялся такъ обставить свой разсказъ, что самъ являлся исключительнымъ центромъ описываемаго.

Во всякой средѣ можно встрѣтить такихъ людей, которые какъ бы безсильны свести разговоръ съ собственной персоны; чего бы они ни коснулись, она всегда у нихъ на первомъ мѣстѣ; всякія событія, всевозможныя дѣйствующія лица заслоняются въ ихъ разсказѣ ею.

Черта, быть можетъ, и извинительная, говаривалъ В. Н. Троцкій, но не въ военномъ, а главное не въ полководцѣ; для него является болѣе чѣмъ обязательнымъ взять привычку отрѣшаться отъ своего «я», дабы имѣть возможность обращать сосредоточенное вниманіе свое на все, кромѣ себя.

По этому поводу вспоминается одинъ мелкій, но очень характерный эпизодъ, случившійся во время турецкой войны 1877—78 гг. Ординарецъ великаго князя Николая Николаевича Старшаго штабсъ-ротмистръ Е. былъ командированъ въ отрядъ, дѣйство-

---

[1]) Занимая съ 1870 года постъ начальника штаба войскъ туркестанскаго военнаго округа, при командовавшемъ тѣми войсками генералъ-адъютантѣ Константинѣ Петровичѣ фонъ-Кауфманѣ, онъ при немъ же въ 1873 году исполнялъ должность начальника штаба отряда во время хивинскаго похода; вскорѣ послѣ смерти генерала Кауфмана былъ назначенъ начальникомъ штаба кавказскаго военнаго округа, а затѣмъ перемѣщенъ на должность помощника генералъ-адъютанта Михаила Ивановича Драгомирова по должности командующаго войсками кіевскаго военнаго округа. М. И. Драгомировъ очень цѣнилъ его, какъ опытнаго, военновременнаго и боевого генерала, прекрасно знавшаго бытъ солдата и нужды частей войскъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, а также незамѣнимаго помощника вообще; отличалъ онъ въ немъ также основательность, положительность, устойчивость характера и рѣдкую тактичность. 25-го марта 1896 года на прощальномъ обѣдѣ, которымъ военное общество въ Кіевѣ чествовало генерала Троцкаго, провожая его изъ Кіева въ Вильну, куда онъ былъ назначенъ командующимъ войсками округа, Михаилъ Ивановичъ, протянувъ къ нему бокалъ свой, между прочимъ, сказалъ: «не завидую я тебѣ; ты будешь тамъ такъ же безъ пособника, какъ я останусь теперь здѣсь; я—потому что лишаюсь тебя, а ты по той причинѣ, что настоящаго помощника,—такого, какимъ самъ умѣешь быть, не найдешь; и не ищи брать,—не найдешь, развѣ когда-нибудь впослѣдствіи наживешь, создашь»... Генералъ Троцкій былъ моложе Драгомирова на шесть лѣтъ; онъ воспитывался въ первомъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ; скончался въ Вильнѣ весной 1901 года на 66-мъ году жизни. А. в. т.

вавшій на правомъ флангѣ общей позиціи, занятой противъ Мегмета-Али-паши, который только что наканунѣ учинилъ по всей линіи наступленіе на наши силы. Явившись къ начальнику отряда генералу Д.,—Е. спрашиваетъ, что прикажетъ генералъ доложить главнокомандующему относительно выдержаннаго наканунѣ натиска, окончившагося отраженіемъ вражеской атаки.

«Двое сутокъ съ лишнимъ я ожидалъ этой атаки,—началъ свой разсказъ генералъ Д.,—всѣ свѣдѣнія, получавшіяся съ аванпостовъ, указывали мнѣ, что я долженъ быть готовъ къ встрѣчѣ сильнаго наступленія врага; двѣ ночи я не спалъ вовсе; четыре раза мнѣ довелось объѣхать рѣшительно всѣ позиціи; въ день атаки я выѣхалъ вновь на позиціи въ пятомъ часу утра; дождь меня промочилъ насквозь; двухъ адъютантовъ своихъ я послалъ на лѣвый флангъ, самъ съ начальникомъ своего штаба оставался въ центрѣ, зорко присматриваясь къ тому, что происходило противъ него и наблюдая за правымъ флангомъ. Вò-время я замѣтилъ скопленіе турецкихъ войскъ противъ этого фланга и, если бы не случилось мнѣ быть въ этомъ пунктѣ, Богъ знаетъ, чѣмъ окончилось бы дерзкое намѣреніе паши обойти насъ справа; я отдалъ тотчасъ распоряженіе о немедленномъ и быстромъ передвиженіи одной конной, именно 18-ой батареи изъ центра на крайній правый флангъ, правофланговую пѣхотную бригаду я вò-время подкрѣпилъ полкомъ изъ резерва, который вообще поспѣшилъ приблизить къ флангу, обезпечивъ его бригадой кавалеріи. Благодаря всему этому, непріятель вынужденъ былъ отступить съ громадными потерями. Вотъ все, что я могу вамъ разсказать для доклада его высочеству, а что будетъ дальше—обо всемъ я, въ связи съ этимъ, изложу въ реляціи. Поѣзжайте съ Богомъ».

— Слушаю, ваше пр—ство,—отвѣтилъ ординарецъ:—но не прикажете ли доложить великому князю что-нибудь и о войскахъ? Его высочество всегда о нихъ разспрашиваетъ въ большихъ подробностяхъ.

— Ну, конечно, и о войскахъ, конечно...

Этотъ разсказъ приводится, какъ курьезъ; онъ не имѣетъ цѣли умалить вообще боевыя и служебныя достоинства генерала Д., который всегда, еще съ молодыхъ лѣтъ, выдѣлялся изъ среды своихъ сверстниковъ; это былъ блестящій гвардейскій офицеръ, потомъ обращавшій на себя вниманіе эскадронный и полковой командиръ, а также замѣтный начальникъ дивизіи.

За время этой войны онъ получилъ орденъ св. Георгія 4-ой степени; этимъ крестомъ было отмѣчено то самое дѣло, которое онъ, немного неловко, по-своему, типично описалъ въ разсказѣ ординарцу для докладу великому князю главнокомандующему. Кромѣ того, за другую, блестяще одержанную въ концѣ кампаніи побѣду онъ былъ награжденъ, какъ признавали всѣ, совершенно заслуженно, золотою, брильянтами украшенною саблей.

II.

Взятіе Джизака.—Геройскій подвигъ Кузьминскаго.—Роль графа И. И. Воронцова-Дашкова въ боевыхъ событіяхъ.—Его отношеніе къ подвигамъ Кузьминскаго.—Государь Александръ Николаевичъ обращаетъ особое вниманіе на судьбу офицеровъ и нижнихъ чиновъ, раненныхъ въ Средней Азіи.—Особое участіе къ тяжко раненому Кузьминскому.—Отправленіе этого офицера, по волѣ государя, въ Парижъ для леченія.

Подвиги генерала Романовскаго такъ же, какъ и заслуги генерала Д., нисколько не уменьшаются въ своихъ достоинствахъ разсказомъ генерала Троцкаго о характерѣ свойственной имъ слабости,—довольно, впрочемъ, вообще распространенной.

Послѣ взятія генераломъ Романовскимъ крѣпости Ура-Тюбе, въ рукахъ эмира бухарскаго остался къ осени 1866 года лишь одинъ пунктъ, владѣя которымъ онъ могъ разсчитывать удерживать за собой долину рѣки Сыръ-Дарьи; это Джизакъ—крѣпость, расположенная въ ущельи на единственномъ пути, удобномъ для прохода къ Самарканду и къ Бухарѣ.

Блестяще окончивъ штурмъ Ура-Тюбе, отрядъ долженъ былъ приготовиться къ взятію Джизака. Эта крѣпость, болѣе сильная вообще, была гораздо лучше вооружена; она считалась въ тѣхъ краяхъ наиболѣе серьезною крѣпостью. Бекъ Джизакскій, подкрѣпленный въ концѣ лѣта десятью тысячами отборныхъ войскъ, присланныхъ эмиромъ бухарскимъ при 53-хъ орудіяхъ большого калибра, приготовился дать отчаянный, жесточайшій отпоръ.

Укрѣпленный съ давнихъ поръ цитаделью и городской стѣной, Джизакъ въ послѣдніе восемь мѣсяцевъ передъ его осадой былъ много и искусно усиленъ; нѣсколько тысячъ человѣкъ ежедневно работали на его укрѣпленіяхъ; они возвели тройной рядъ стѣнъ, одна надъ другою возвышавшихся; изъ нихъ наружная, въ томъ году вновь выстроенная, имѣла $3^1/_2$ сажени вышины и 4 сажени толщины; ихъ же трудами крѣпость была усилена тройнымъ рядомъ рвовъ, изъ коихъ передній имѣлъ мѣстами 11 аршинъ глубины; ко всему этому въ этихъ старыхъ крѣпостяхъ, построенныхъ, какъ гласитъ преданіе, европейцами, въ послѣднее время было добавлено много такого, что дѣлало крѣпость грозною и совершенно неприступною.

Войска, присланныя эмиромъ, были набраны изъ храбрѣйшихъ племенъ—афганцевъ, персіянъ и туркменъ; все ихъ вооруженіе, не исключая артиллерійскаго, напоминало европейское; для распоряженія обороною эмиръ выслалъ наиболѣе способныхъ и предпріимчивыхъ сподвижниковъ своихъ—Перваначи-Аллаяра, бывшаго джизакскаго же бека Якуба и еще до 18 бековъ.

Понятно, почему русскіе сочли долгомъ поторопиться взятіемъ этого серьезнаго пункта и почему генералъ Романовскій, напрягая

всю свою энергію, тотчасъ послѣ взятія Ура-Тюбе, направилъ туда войска, усиливъ и укомплектовавъ ихъ въ мѣрѣ возможности. Начальствованіе надъ передовыми частями было ввѣрено графу Воронцову-Дашкову.

Отъ Ура-Тюбе до Джизака считается 100 верстъ.

«Джизакская артиллерія во всѣхъ мелочахъ, болѣе существенныхъ, представляла собой типъ англійской»,—писалъ впослѣдствіи генералъ Крыжановскій въ своихъ официальныхъ донесеніяхъ. Самъ онъ былъ въ свое время выдающійся артиллеристъ и глубокоученый военный писатель; онъ считался спеціалистомъ по части артиллеріи; ему не трудно было опредѣлить, какого происхожденія вооруженіе и матеріальная часть была добыта и прислана эмиромъ. Но мы тогда еще пребывали въ наивномъ невѣдѣніи того, что тайное участіе коварныхъ англичанъ въ дѣлѣ оказанія помощи эмирамъ афганскому, бухарскому, хану хивинскому и другимъ правителямъ народовъ Средней Азіи,—было самое широкое, дѣятельное и постоянное.

Для самаго штурма войска были сосредоточены опять подъ общимъ начальствомъ генерала Романовскаго; самъ Крыжановскій произвелъ главную рекогносцировку; частныя же были сдѣланы Романовскимъ и графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ. Колонны были назначены подъ начальствомъ подполковниковъ Михайлова и Григорьева, надъ устройствомъ брешь-батарей старательно работали военные инженеры — подполковникъ Яблонскій, шт.-капит. Свищевскій и поручикъ Пріоровъ. Передъ началомъ боя графъ Воронцовъ-Дашковъ принялъ подъ свою команду резервъ.

По самому характеру своему Кузьминскій не могъ оставаться вообще спокойнымъ въ минуты приближенія боя; онъ вѣчно рыскалъ по окрестностямъ, тщательно осматривая все то, что нужно было осмотрѣть, а иногда и то, до чего ему вовсе не было никакого дѣла, — это ни въ какомъ случаѣ не исключало возможности во-время досмотрѣть что-либо чрезвычайно важное и существенное.

Вскорѣ послѣ взятія Ура-Тюбе, не успѣвъ еще оправиться отъ сильной контузіи, полученной въ этомъ дѣлѣ, онъ взялся всесторонне осмотрѣть укрѣпленія Джизака. Охотники знали его и всегда готовы были итти съ нимъ въ огонь и въ воду; онъ обыкновенно подбиралъ ихъ себѣ самъ и между ними старшимъ ставилъ обыкновенно унтеръ-офицера Теренія Соинова, безшабашнаго, удалого храбреца, котораго вообще охотники любили за предпріимчивость, находчивость, неутомимость и за легкое отношеніе ко всему, не исключая и невзгодъ; его охотно слушались и вполнѣ ему подчинялись.

Сохранился разсказъ о томъ, что, отправившись на измѣреніе глубины рвовъ и высоты стѣнъ той стороны, съ которой предполагалась атака Джизака, лихой маленькій отрядъ Кузьминскаго

въ ночной тишинѣ наткнулся на непріятельскихъ лазутчиковъ выползшихъ изъ крѣпости; изъ нихъ двухъ удалось захватить и «хорошо допросить»; пойманные не дали много работы надъ собой,— они оказались не изъ очень упорныхъ: скоро они показали, что непріятелю было хорошо извѣстно о предстоявшемъ штурмѣ, зналъ онъ, противъ какой стороны рѣшено было вести атаку, и эту сторону онъ крайне старательно минировалъ.

Окончивъ со своими удальцами производство подробныхъ ночныхъ измѣреній, Кузьминскій въ большихъ подробностяхъ доложилъ обо всемъ графу Воронцову-Дашкову и генералу Романовскому, а затѣмъ твердо настаивалъ на томъ, чтобы штурмъ Джизака былъ произведенъ со стороны ура-тюбинскихъ воротъ, откуда, по его убѣжденію, взять крѣпость было и легче и безопаснѣе въ отношеніи потерь, которыя предстояло понести. Графъ Воронцовъ-Дашковъ помогъ ему настоять на этомъ; самъ же Кузьминскій при этомъ просилъ разрѣшенія начать штурмъ лично во главѣ роты охотниковъ. Такъ и было рѣшено. Живо были отданы всѣ распоряженія и лишь вмѣсто того, чтобы, какъ всегда, начать штурмъ рано утромъ, въ тѣ часы, когда восточные люди болѣе всего выказываютъ безпечность, постановлено было начать его въ 12 часовъ дня.

Это вышло къ лучшему еще съ одной стороны: непріятель, имѣвшій вѣрныя свѣдѣнія о томъ, что штурмъ долженъ произойти 18-го октября, могъ быть увѣренъ въ томъ, что если въ обыкновенный ранній часъ штурмовать въ тотъ день не начали, то, значитъ, уже отложили до другого дня; врагъ успокоился на этомъ и такимъ образомъ совершенно прозѣвалъ послѣдовавшее въ тотъ же день начало боя.

Очевидцы этого дѣла такъ описываютъ его. Пропустивъ раннее утро 18-го числа, мы какъ бы неожиданно открыли штурмъ въ 12 часовъ дня; первымъ двинулся въ атаку уланскій поручикъ Кузьминскій со своей ротой охотниковъ. Красавицъ-командиръ своимъ лихимъ видомъ ободрялъ роту такихъ же удальцовъ, какъ онъ самъ: начавшаяся сперва отъ артиллерійскаго огня, а потомъ отъ ружейныхъ пуль убыль не останавливала молодцовъ. Кузьминскій какъ будто кокетничалъ со смертью; вотъ онъ, въ уланской формѣ, молодцовато прошелъ самыя опасныя мѣста, вотъ спустился въ ровъ,— въ тотъ самый ровъ, который, быть можетъ, за 12 часовъ передъ тѣмъ, въ ночной мглѣ и тишинѣ, самъ онъ въ точности измѣрилъ; вотъ ровъ перейденъ, удальцы стали подниматься на эскарпъ; только что поднялись, на гребнѣ эскарпа произошелъ взрывъ фугаса; штурмовавшихъ скрылъ густой дымъ,—казалось, не всѣ ли они погибли въ этомъ взрывѣ; однако дымъ разсѣялся, видно, что рота, оставивъ въ немъ двухъ-трехъ человѣкъ, быстро, съ уланскимъ киверомъ во главѣ поднялась на валъ. Но вотъ бодро поднявшійся первымъ Кузьминскій взлетаетъ на воздухъ, поднятый на вражескихъ пи-

кахъ; сброшенный со стѣны, онъ всталъ и попытался вновь ринуться на врага, но тутъ же упалъ приколотый: сартъ, нанося ему рану пикой, прокололъ его въ поясницу,—какъ тогда издали въ сумбурѣ боя показалось и какъ поэтому изъ устъ въ уста передавалось,—насквозь; въ ротѣ это не произвело никакого смятенія; она вся, какъ одинъ, положивъ на мѣстѣ толпу сартовъ, кинувшихся было добивать ея командира, лежавшаго, повидимому безъ дыханія, прикрыла его собой и по разрушенной нашими снарядами стѣнѣ взобралась наверхъ, а тамъ начала жестокую рѣзню. Все снова закрылось дымомъ новаго взрыва фугаса и несмолкаемой пальбой ружейной, пистолетной, артиллерійской; въ одну минуту подошли всѣ штурмовыя колонны, пошла рукопашная схватка въ стѣнахъ крѣпости; тутъ же рядомъ со штурмомъ идутъ фальшивыя атаки для отвлеченія вниманія вошедшаго въ ражъ врага; его сотни валятся штыкомъ, пикой, саблей... адъ...

Къ двумъ часамъ дня въ крѣпость вошелъ и частный резервъ графа Воронцова-Дашкова; туго пришлось бы, если бы онъ не подоспѣлъ: уже спѣшенные казаки и конно-артиллеристы отважно дрались въ пѣхотномъ строю, и далеко не стройнымъ началъ представляться этотъ строй.

Между тѣмъ джизакскій бекъ, увидѣвшій съ самаго начала лихо разгоравшагося боя, насколько ему довелось обмануться и во времени атаки и въ выборѣ фронта штурма, взбѣшенный тѣмъ, что не удался его адскій планъ сплошного взрыва всѣхъ штурмовыхъ колоннъ на подступахъ, приготовилъ всю свою энергію и все свое бѣшенство для отбитія атаки съ полнѣйшею азіатскою жестокостью: онъ заперъ всѣ ворота, объявивъ, что ни выхода изъ цитадели, ни отступленія не будетъ, всякъ долженъ самъ защищаться. Врагъ дрался геройски; изъ 18 бековъ 16 погибли, при чемъ 12 пали въ рукопашномъ бою.

Къ четыремъ часамъ дня вошелъ въ крѣпость генералъ Крыжановскій съ главнымъ резервомъ. Побѣда была полная. Показавшаяся верстахъ въ пяти свѣжая, вновь высланная эмиромъ изъ Бухары колонна въ 2,500 человѣкъ съ 18-ю орудіями, почувствовавъ огонь, направленный на нее, и узнавъ объ участи Джизака, разбѣжалась, спасаясь отъ насѣдавшихъ на нее резервовъ. Скоро къ генералу Крыжановскому явились двое посланныхъ отъ главнаго бека съ просьбой разрѣшить ему предстать передъ сердаремъ [1]); онъ былъ раненъ тремя пулями и истекалъ кровью, при чемъ, умирая, успѣлъ лишь поздороваться и сказать: «послѣдняя твердыня наша, волею Аллаха, пала къ ногамъ Акъ-падишаха» (Бѣлаго царя).

Въ этомъ дѣлѣ намъ досталось болѣе трехъ тысячъ плѣнныхъ, много знаменъ, ружей, пикъ, пистолетовъ, 23 большихъ, 18 сред-

[1]) Сердарь—главнокомандующій.

пихъ и 30 малыхъ орудій; выбывшихъ изъ строя у насъ оказалось болѣе 30 процентовъ; много убитыхъ, между ними немало было такихъ, у которыхъ раны оказались отравленными.

Поздно вечеромъ опредѣлилось, что тяжело раненый, или, вѣрнѣе, израненный и пулями, и осколками гранатъ, и саблями, и пиками поручикъ Кузьминскій еще живъ, но находится въ агоніи или, какъ докладывали начальству и говорили между собой солдаты, «при послѣднемъ издыханіи».

Только черезъ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ его жизнь, видимо, угасала, обозначилось, какая участь ожидала штурмовавшихъ, если бы онъ не настоялъ на томъ, чтобы штурмъ повели на ура-тюбинскія ворота, а не на тотъ фасъ, который атаковать предполагалось и съ котораго бекъ такъ тщательно приготовился не только дать отпоръ, но и погубить нашъ отрядъ; всѣ колонны были бы сметены взрывомъ—до такой степени искусно были устроены и приспособлены минные горны подъ всѣми подступами, а въ особенности на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ части войскъ должны были при веденіи штурма по расчету задерживаться и усиленнымъ дождемъ перекрестнаго огня, и свойствами препятствій, представлявшихся неприступностью фортификаціонныхъ приспособленій, возведенныхъ для усиленія крѣпости.

Такимъ образомъ, поручикъ П. Е. Кузьминскій не только геройски, всецѣло пожертвовалъ лично собой, но и предупредилъ неминуемую гибель отряда, чѣмъ спасъ его и обезпечилъ все дѣло захвата столь важнаго для врага опорнаго пункта. Онъ открылъ намъ глаза на эти мины.

Не скоро онъ очнулся и не скоро представилось возможнымъ получить хотя бы намекъ на то, что спасеніе его жизни не представлялось несбыточнымъ; только поэтому не скоро могло дойти до него, а главное до его сознанія горестное извѣстіе о томъ, что близкій ему боевой спутникъ Терентій Соиновъ, съ которымъ онъ въ неимовѣрныхъ опасностяхъ сроднился, былъ пиками приколотъ на смерть подлѣ него въ тотъ самый моментъ, когда врагъ считалъ и его, начальника грозной горсти храбрецовъ, скошеннымъ на смерть.

Вотъ за какое дѣло этотъ бравый штабъ-ротмистръ получилъ самый дорогой для каждаго офицера орденъ св. Георгія и вотъ какое недавнее боевое прошлое считалось за этимъ человѣкомъ въ то время, когда вся Варшава такъ сильно и живо заинтересовалась имъ.

Всѣ эти факты, освѣщавшіе все бурно пережитое имъ, становились извѣстными массѣ понемногу,—по мѣрѣ передачи ихъ изъ устъ въ уста. Можно себѣ представить, въ какой мѣрѣ то или другое въ нихъ прикрашивалось и преувеличивалось; однако достаточно было разсказывать сущую и чистую правду объ его подвигахъ для

того, чтобы онъ сталъ въ глазахъ толпы и публики героемъ; но по обыкновенію нѣкоторые находили нужнымъ, съ умысломъ или безъ него, прославить тѣ подвиги выше мѣры, чѣмъ, безъ сомнѣнія, достигали лишь умаленія его истинныхъ заслугъ; это, прежде всего, находилъ онъ самъ. И по привычкѣ, и по врожденной скромности, свойственной вообще героямъ, онъ о своихъ подвигахъ никогда ничего не говорилъ; если для освѣщенія тѣхъ или иныхъ событій ему приходилось касаться своихъ дѣяній или соприкасаться съ ними, онъ умѣлъ избѣгать излишнихъ подробностей. Въ этомъ отношеніи,—надо отдать ему полную справедливость,—онъ, видимо, не былъ изъ числа тѣхъ выскочекъ, кои имѣютъ обычай выхваляться и, не ожидая оцѣнки своихъ дѣяній другими, сами какъ бы торопятся сдѣлать эту оцѣнку.

Изъ устъ Кузьминскаго лицамъ, съ коими болѣе всего приходилось мнѣ тогда сноситься, довелось слышать лишь довольно подробный разсказъ о томъ, какое близкое участіе въ его судьбѣ со времени его раненія принималъ покойный императоръ Александръ Николаевичъ. При этомъ герой всегда говорилъ, что государь узналъ мельчайшія подробности,—и о состояніи его здоровья, и объ обстоятельствахъ происхожденія болѣзней,—очевидно, отъ графа Ив. Ил. Воронцова-Дашкова, который, проѣхавъ изъ Ташкента въ Петербургъ хотя бы на побывку, имѣлъ случай и былъ обязанъ доложить его величеству обо всемъ, что важнаго онъ видѣлъ и слышалъ, а главное—въ чемъ самъ принималъ дѣятельное участіе. Болѣе важнымъ предметомъ доклада его представлялось, безъ сомнѣнія, взятіе крѣпостей Ура-Тюбе и Джизака, такъ какъ въ обоихъ дѣлахъ тѣхъ онъ явился однимъ изъ главнымъ дѣйствовавшихъ лицъ.

Каждый возвращающійся при подобныхъ обстоятельствахъ изъ командировки обязанъ представить государю полный докладъ обо всемъ стоящемъ вниманія съ различныхъ дѣловыхъ точекъ зрѣнія; помимо того графъ Воронцовъ-Дашковъ имѣлъ возможность сдѣлать это съ бо̀льшею обстоятельностью, такъ какъ былъ то время однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ наслѣднику цесаревичу Александру Александровичу лицъ и пользовался полнѣйшимъ, дружелюбнымъ довѣріемъ его высочества.

За дѣятельное участіе въ дѣлѣ взятія крѣпости Джизакъ и «за распорядительность, которая привела къ блестящей побѣдѣ», графъ Воронцовъ-Дашковъ также получилъ орденъ св. Георгія 4-ой степени. Нѣкоторое время онъ, произведенный въ генералъ-майоры съ зачисленіемъ въ свиту его величества, занималъ должность помощника начальника туркестанской области генерала Романовскаго, который съ тѣмъ вмѣстѣ командовалъ войсками области. Вскорѣ, однако, графъ былъ отозванъ въ Петербургъ и

тамъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи гусарскаго его величества полка, которымъ прокомандовалъ съ 1867 года по 1874 годъ, когда былъ назначенъ на должность начальника штаба сформированнаго въ томъ году гвардейскаго корпуса, врученнаго тогда молодому командиру—наслѣднику цесаревичу.

Впослѣдствіи графъ Воронцовъ-Дашковъ, пробывъ нѣкоторое время начальникомъ 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи, заняль въ 1881 году постъ министра двора, а въ этой должности оставался все время царствованія покойнаго государя Александра III.

Нынѣ графъ состоитъ намѣстникомъ Его Императорскаго Величества на Кавказѣ.

Государь императоръ Александръ Николаевичъ, по выслушаніи словеснаго доклада, представленнаго графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ въ присутствіи наслѣдника цесаревича, приказалъ немедленно же телеграфировать командовавшему войсками оренбургскаго военнаго округа генералъ-адъютанту Крыжановскому о томъ, чтобы на леченіе раненыхъ въ послѣднихъ бояхъ денежный отпускъ былъ увеличенъ; объ офицерахъ и нижнихъ чинахъ, требующихъ особаго ухода и вниманія къ ихъ тяжкому раненію, немедленно представить его величеству особые именные списки и принять относительно тѣхъ лицъ всѣ тѣ чрезвычайныя мѣры, кои, по тщательномъ осмотрѣ, окажутся необходимыми. Къ этому государь велѣлъ добавить, что средства высылаются личнымъ его величества распоряженіемъ; въ той же телеграммѣ, посланной за подписью военнаго министра генералъ-адъютанта Дмитрія Алексѣевича Милютина, было предписано: «нынѣ войти съ подробнымъ представленіемъ соображеній о томъ, что необходимо предпринять для вѣрнѣйшаго обезпеченія чиновъ, пострадавшихъ въ томъ отдаленномъ краѣ отъ ранъ и увѣчій и лишившихся возможности впредь зарабатывать средства личнымъ трудомъ и службой своей».

Вслѣдствіе этого, заботами генерала Крыжановскаго и непосредственнымъ трудомъ приставленнаго къ этому дѣлу генеральнаго штаба подполковника Виталія Николаевича Троцкаго, всѣ раненые были соединены въ различныхъ курортахъ, тогда же созданныхъ въ удобныхъ для того мѣстахъ и въ здоровой мѣстности, удовлетворявшей всѣмъ требованіямъ климатическихъ условій и, сообразно съ тѣмъ, отвѣчавшей условіямъ правильнаго леченія.

По мѣрѣ улучшенія состоянія здоровья въ отношеніи собственно хода заживленія ранъ, больные, въ цѣляхъ улучшенія питанія организма и ускоренія для каждаго изъ нихъ возможности окрѣпнуть, были направляемы въ наново устроенныя и разсѣянныя по ввѣренному генералу Крыжановскому краю кумысолечебныя заведенія; они были оборудованы стараніями того же подполковника Троцкаго и имъ поставлены на такую ногу, что начавшійся пріѣздъ изъ Рос-

сіи больныхъ—худосочныхъ, туберкулезныхъ, анемичныхъ и вообще истощенныхъ—очень скоро разславилъ эти заведенія и усилилъ наплывъ въ нихъ лицъ, жаждавшихъ возстановленія силъ, потерянныхъ отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ и условій жизни.

Благодаря тому, что генералъ-адъютантъ Крыжановскій отнесся къ этому важному дѣлу съ особымъ горячимъ участіемъ и принялъ на себя близкое личное руководительство имъ,—не была пропущена забота о своевременномъ пополненіи громаднаго недостатка во врачахъ; хлопотами этого генерала край наводнился массой докторовъ, между которыми оказалось не мало искусныхъ, а главное самоотверженныхъ хирурговъ, беззавѣтно и всецѣло отдавшихся дѣлу спасенія людей, жестоко пострадавшихъ въ борьбѣ съ дикими озвѣрѣвшими племенами [1]).

Крайне благодѣтельными явились мѣры, принятыя тогда Дмитріемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ къ поощренію переѣзда молодыхъ врачей въ тотъ край и къ облегченію—дарованіемъ разнаго рода льготъ—ихъ служебнаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и жизненнаго положенія на той далекой окраинѣ.

Хотя болѣзненное состояніе изрѣзаннаго, исколотаго, изрубленнаго и пронизаннаго пулями Кузьминскаго бросалось въ глаза, но все же онъ былъ особо выдѣленъ не сразу и не спроста; понадобились крайне участливыя хлопоты о немъ въ Петербургѣ очевидца его лихихъ подвиговъ графа Воронцова-Дашкова и неустанныя указанія на мѣстѣ врача, предавшагося съ самозабвеніемъ и со всестороннимъ вниманіемъ заботамъ о леченіи молодого изувѣченнаго офицера-героя и объ уходѣ за нимъ. Врачъ этотъ безпрестанно представлялъ генералу Крыжановскому подробные доклады о ходѣ этого леченія; онъ обращалъ вниманіе генерала на то, что, какъ въ виду крайней сложности раненій, такъ и по ходу изнурявшей организмъ молодого человѣка болѣзни, болѣе и болѣе осложнявшейся, положеніе его являлось не только выходившимъ изъ ряду, но представлялось феноменальнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, а между прочимъ и въ научномъ. Нельзя, по словамъ врача, не поражаться, какъ больной еще живъ, какъ переноситъ ужасную болѣзнь свою; онъ такъ израненъ пиками, саблями и пулями, что нѣтъ въ немъ положительно ни одного органа цѣлаго, не задѣтаго и не поврежден-

---

[1]) Среднеазіатскій народъ всегда выказывалъ отчаянную храбрость, обусловливавшуюся фанатизмомъ и поддерживавшуюся фатализмомъ; онъ дрался стойко, доходя въ своемъ упорствѣ до безумія. А въ то время онъ понялъ и почувствовалъ, что съ потерей такого оплота и такого убѣжища, какимъ являлся Джизакъ, онъ обрекаетъ дорогой ему край отдачѣ на разореніе ненавистнымъ войскамъ державы Бѣлаго царя; понятенъ проснувшійся въ немъ звѣрь, яростно защищающій насиженное вѣками логовище свое.

наго; это обусловило параличъ рукъ и ногъ, и лишь одно питаніе крѣпкаго въ основѣ организма идетъ въ такой степени удовлетворительно, что, цѣпляясь за это показаніе, врачи считали себя въ правѣ дѣлать выводъ о нѣкоторомъ отдаленномъ намекѣ на возможность излеченія или, скорѣй, улучшенія.

Но и то и другое, докладывалъ врачъ, возможно, по мнѣнію медиковъ, лишь при наличности всѣхъ медициной доставляемыхъ средствъ и клиническихъ приспособленій; только при научно обставленномъ леченіи возможна надежда на облегченіе тяжкихъ страданій этого искалѣченнаго человѣка и на сохраненіе его жизни. Кстати, такое клиническое леченіе можетъ и самой наукѣ дать массу матерьяла,—такъ какъ это крайне рѣдкій и исключительный случай въ медицинской практикѣ многихъ десятковъ лѣтъ.

Генералъ Крыжановскій представлялъ государю обо всемъ слышанномъ имъ официально отъ врачей, дѣлалъ это часто и, безъ сомнѣнія, широко пользовался для этого услугами телеграфа.

Получивъ массу донесеній, государь составилъ полное и ясное понятіе о томъ, что и какъ несчастный, угнетенный, изувѣченный больной, находившійся на краю гибели, переноситъ; а между тѣмъ еще возможно было его спасеніе.

Лучшіе петербургскіе врачи, съ которыми государь призналъ нужнымъ поговорить и приказалъ посовѣтоваться, доносили черезъ Дмитрія Алексѣевича Милютина свое заключеніе о томъ, что ни Москва, ни Петербургъ помочь бѣдѣ въ этомъ сложномъ дѣлѣ не смогутъ,—во-первыхъ, за неимѣніемъ того богатства, которое, въ клиническомъ отношеніи, могло бы дать гарантію возможности направленія хода болѣзни на путь благополучнаго теченія, а во-вторыхъ,—и это главное,—за невозможностью положиться на нашъ слишкомъ суровый и крайне измѣнчивый климатъ, который легко сразу, во всякую минуту можетъ въ конецъ испортить дѣло старательнаго, методическаго врачебнаго ухода. Все, по мнѣнію высказавшихся тогда врачей, должно было бы свестись къ тому, чтобы больной былъ перевезенъ въ Парижъ; въ этомъ можно было бы видѣть вѣрное ручательство спасенія его; но, не видя его, трудно что-либо заглазно сказать относительно возможности для него столь дальняго переѣзда. Поэтому надо въ этомъ дѣлѣ, для безошибочнаго рѣшенія его, положиться на врачей, имѣющихъ ближайшій за нимъ присмотръ, и предоставить имъ бережно перевезти несчастнаго пока хоть въ Вѣну, выяснивъ имъ, что желательнѣе всего было бы и конечною цѣлью должно явиться доставленіе страдальца въ Парижъ.

Въ началѣ января 1867 года послѣдовало приказаніе государя: «такъ и сдѣлать», тщательно принявъ при этомъ всѣ необходимыя мѣры предосторожности; «средствъ же вообще на это дѣло не жалѣть».

Разсказывая обо всемъ этомъ, Кузьминскій рѣшительно отказывался приложить даже малѣйшее стараніе къ тому, чтобы припомнить подробности своего длиннаго путешествія изъ Оренбургской губерніи въ Вѣну. Но онъ смутно припоминалъ себя въ Вѣнѣ, въ какой-то клиникѣ, въ которой ему довелось до нѣкоторой степени опомниться; съ этимъ, по его словамъ, совпало начало полученія чувствительнаго облегченія и прибавленія силъ; затѣмъ онъ также вспомнилъ то горькое чувство, которое овладѣло имъ, когда онъ, какъ-то случайно, узналъ о томъ, что вѣнскіе врачи [1]) наотрѣзъ отказались взять его на свою отвѣтственность и порекомендовали отправить въ Парижъ, гдѣ научная обстановка клиникъ, лечебницъ и госпиталей могла бы дать все то, о чемъ въ Вѣнѣ въ ту пору не было и намека. Отдохнувъ въ столицѣ Австріи нѣсколько дней, пока врачъ, сопровождавшій его, снесся телеграммами съ начальникомъ штаба оренбургскаго военнаго округа, несчастный вновь почувствовалъ всѣ муки тяжелаго путешествія; съ того дня онъ помнитъ одно свое искреннее желаніе: какъ можно скорѣй умереть. Доктору и тремъ фельдшерамъ, ѣхавшимъ съ нимъ, Кузьминскій отдаетъ полную справедливость,—они ухаживали за нимъ съ полнѣйшимъ заботливымъ стараніемъ, предупреждая всякую малѣйшую случайность, которая могла бы нарушить его покой и такъ или иначе утягчить его путешествіе, крайне мучительное само по себѣ.

Уже позднѣе Кузьминскій узналъ, что въ Парижъ онъ прибылъ въ день Благовѣщенія 25-го марта 1867 года, и собственно съ этого дня пошло для него болѣе спокойное проживаніе, а затѣмъ началось правильное, основанное на глубокихъ научныхъ познаніяхъ тамошнихъ врачей леченіе его сложныхъ недуговъ. Врачи, пользовавшіеся міровою извѣстностью, съ первыхъ же дней приняли въ больномъ, чуждомъ имъ офицерѣ горячее участіе; они прилагали всю свою энергію и всѣ знанія къ тому, чтобы неустанно облегчать его страданія. Этого мало, они поставили для себя задачею и вопросомъ чести возможно скорѣе приведеніе нарушившей все въ его организмѣ сложной болѣзни къ благополучному исходу.

Все здѣсь приводимое я разсказываю со словъ самого Кузьминскаго, при этомъ не могу пропустить, что болѣзнь, само собой разумѣется, въ сильной мѣрѣ отняла у него память, которая если и возвратилась, то лишь отчасти и гораздо позднѣе,—уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ относительнаго излеченія. Этимъ объясняется проявленіе въ его разсказахъ отсутствія наблюдательности и точности; онъ вспоминалъ все лишь въ общихъ чертахъ и, по большей части, безсвязно. Представлялось бы, безъ сомнѣнія, очень интереснымъ

[1]) По нѣкоторымъ даннымъ, обозначившимся позже, представителемъ ихъ тогда явился докторъ Думмрейхеръ—впослѣдствіи знаменитый хирургъ.

знать фамиліи вѣнскихъ и парижскихъ знаменитостей, приставленныхъ къ нему; оказывается, что онъ ихъ фамилій вовсе не могъ назвать, онѣ исчезли изъ его ослабѣвшей памяти; такъ же точно онъ не запомнилъ, а потому никогда не упоминалъ фамиліи того нашего врача, который спасалъ его своимъ болѣе чѣмъ внимательнымъ уходомъ со дня полученія имъ ранъ, а затѣмъ своею настойчивостью и своевременностью своихъ заботливыхъ донесеній и представительствъ передъ генераломъ Крыжановскимъ, въ концѣ концовъ, спасъ его тогда отъ вѣрной гибели, сохранивъ его жизнь, державшуюся много мѣсяцевъ на волоскѣ.

По нѣкоторымъ мало, однако, обоснованнымъ даннымъ это былъ докторъ Суворовъ, впослѣдствіи военно-медицинскій инспекторъ туркестанскаго военнаго округа.

III.

Пріѣздъ въ Парижъ государя въ 1867 году.—Покушеніе Березовскаго на его жизнь.—Недостойное поведеніе парижскихъ адвокатовъ и французской печати по отношенію къ высокому «гостю» Франціи.—Сужденіе врача, который лечилъ Кузьминскаго.—Отношеніе министровъ Наполеона къ событію.

Приведя это необходимое поясненіе, считаю долгомъ добавить, что и въ дальнѣйшемъ разсказѣ своемъ я многое, касающееся Кузьминскаго, буду излагать прямо его словами, но, конечно, далеко не все.

Въ самомъ началѣ мая, когда онъ, хотя далеко еще не чувствовалъ себя здоровымъ, но какъ бы началъ уже ко многому относиться сознательно, болѣе и болѣе подвигаясь къ тому, чтобы отдавать себѣ отчетъ во всемъ происходившемъ, докторъ-французъ, придя однажды къ нему для присутствованія при утренней перевязкѣ, сообщилъ съ первыхъ словъ, что, по свѣдѣніямъ, которыя онъ совершенно случайно получилъ изъ вполнѣ освѣдомленныхъ кружковъ, «ожидается пріѣздъ въ Парижъ русскаго императора; его величество изъявилъ желаніе посмотрѣть всемірный городъ, взглянуть на нашу выставку и явиться гостемъ нашего императора».

Это сообщеніе произвело на больного такое впечатлѣніе, что самъ докторъ какъ будто испугался; внезапное полученіе разстроеннымъ человѣкомъ такого извѣстія, несказанно обрадовавшаго его, чуть не явилось причиной новаго сильнаго разстройства, а потому, въ глазахъ доктора, чуть не рушились всѣ надежды, поданныя неустанными трудами, положенными въ основаніе леченія и начинавшими давать благіе результаты; докторъ, сочтя свой поступокъ неумѣстнымъ и легкомысленнымъ, очень пожалѣлъ о томъ, что проявилъ такую неосмотрительность,

Обыкновенно при сильныхъ нервныхъ разстройствахъ, изводящихъ организмъ, а также при болѣзняхъ сердца, одинаково гибельно можетъ подѣйствовать на страдающаго этими разстройствами,—и большое горе, внезапно возвѣщенное, и сильная радость, нежданно обозначившаяся.

«Правая сторона, начавшая у меня приходить въ нѣкоторое, близкое къ нормальному, движеніе, —разсказывалъ Кузьминскій,—вдругъ опять отнялась отъ волненія, которое сначала какъ будто вовсе не показалось очень сильнымъ; надо было видѣть, въ какое отчаяніе впалъ докторъ при дальнѣйшихъ, ясно для него обозначавшихся ухудшеніяхъ.

«Видимо, задавъ себѣ задачу во что бы то ни стало укрѣпить мой разбитый организмъ и, если не исцѣлить меня, то въ возможной скорости облегчить мои страданія, докторъ, дѣйствительно, горячо принялъ къ сердцу это ставшее для него обязательнымъ дѣло, считая, что тѣмъ или инымъ разрѣшеніемъ его онъ ставитъ, какъ въ вопросѣ чести, на карту все, независимо отъ какихъ бы то ни было формальныхъ къ тому побужденій, а тѣмъ болѣе понужденій.

«Съ большимъ любопытствомъ слушалъ я извѣстія и разговоры о предстоявшемъ пріѣздѣ государя въ Парижъ,—говорилъ Кузьминскій.—Докторъ сначала рѣшилъ не сообщать мнѣ дальнѣйшихъ новостей, такъ какъ боялся моихъ нервовъ, которые были не только въ сильной степени разстроены, но, попросту сказать, истрепаны. Какъ-то въ разговорѣ, всегда съ его стороны любезномъ и ласковомъ, онъ сказалъ: «Напугали вы меня, а потому не хотѣлъ я вамъ ничего сообщать о вашемъ императорѣ; слишкомъ близко къ сердцу русскіе принимаютъ все касающееся ихъ царя, но боюсь, какъ бы не вышло хуже. О! я только теперь узналъ, какъ можно любить своего монарха и какъ любятъ его подданные, когда онъ дѣлаетъ все къ тому, чтобы имъ хорошо жилось, и когда онъ печется о нихъ неустанно,—какъ это дѣлаетъ на глазахъ всего міра императоръ Александръ II.

«Прежде всего этотъ докторъ былъ французъ до глубины души и до мозга костей; поэтому не въ его силахъ было удержаться отъ сообщенія всякихъ новостей и отъ свойственной этой націи привычки къ аффекту; во всемъ этомъ онъ не принадлежалъ себѣ.

«На третій или на четвертый день по пріѣздѣ государя во всемірную столицу докторъ съ большимъ оживленіемъ и волненіемъ сообщилъ о томъ, что государь собирается заѣхать въ больницу, дабы повидать «своего паціента».

«Иначе, какъ «паціентомъ царя», докторъ меня не называлъ.

«Скоро это извѣстіе заглушилось разными другими сообщеніями, главнымъ же образомъ и больше всего проникавшими съ улицы въ госпиталь разсказами о произведенномъ тогда покушеніи на жизнь государя. Все померкло передъ этимъ событіемъ; не

только мой докторъ, но и вообще всѣ врачи больницы, фельдшера, сестры милосердія и служители очень волновались, передавая разныя подробности гнусной продѣлки безумнаго юноши, который оказался полякомъ, по фамиліи Березовскимъ. Докторъ, особенно возмущаясь поступкомъ мальчишки, съ тѣмъ вмѣстѣ по-своему преклонялся передъ величіемъ государя.

«—Знаете ли,—разсказывалъ докторъ на разные лады:—царь нисколько не потерялся, ходитъ всюду одинъ, отказывается отъ какой бы то ни было охраны и старается только о томъ, чтобы сыновья его—цесаревичъ Александръ и великій князь Владиміръ, не были при немъ во время его прогулокъ по улицамъ и при посѣщеніи имъ общественныхъ мѣстъ; онъ опасается лишь того, что при новомъ покушеніи на его жизнь они могутъ вновь подвергнуться опасности. А можетъ ли быть новое покушеніе? Застрахованнымъ противъ этого царь, къ стыду нашему, врядъ ли можетъ себя считать. О! нѣтъ, нѣтъ,—горячился французъ:—помилуйте, наши министры представлялись ему въ Елисейскомъ дворцѣ и не нашли лучшаго разговора, какъ выражать царю въ глаза свое удивленіе по поводу того, что онъ рѣшается ходить по улицамъ Парижа одинъ, безъ всякой охраны!

«Наша судьба, какъ и все, находится въ рукахъ Промысла Божія», отвѣтилъ имъ царь.—И это очень поучительно. Да,—говорилъ докторъ съ большимъ воодушевленіемъ,—царь во всѣхъ отношеніяхъ поражаетъ своимъ величіемъ; ни на одинъ часъ онъ не сократилъ предназначеннаго имъ срока пребыванія своего въ гостяхъ у Наполеона и у насъ—у Франціи, ни на іоту не измѣнилъ намѣченнаго имъ строя своей жизни здѣсь. Мы не дали ему ни малѣйшаго основанія вѣрить въ насъ; но онъ съ великимъ, свойственнымъ ему благородствомъ души, старается вѣрить; если же это ему не удается, то онъ, во всякомъ случаѣ, заглушаетъ это глубокою вѣрою въ охрану Промысла Божія. Онъ не нашелъ нужнымъ нисколько измѣнить въ себѣ ничего въ такую минуту и при тѣхъ обстоятельствахъ, когда гостепріимные хозяева столицы великой Франціи не могутъ приложить заботу къ огражденію такого гостя своего отъ оскорбленій, безпрестанно наносимыхъ ему не только малодушными людьми улицы, но и болѣе солидными, стыдно сказать, членами общества. Правда, все это представляется слишкомъ мелочнымъ для царя, который великъ своимъ снисхожденіемъ; онъ умѣетъ стать и стоитъ выше всего этого; но это никоимъ образомъ не возвышаетъ тѣхъ гражданъ, которые, встрѣчая дорогого и почетнаго гостя мирно входящимъ въ какой-либо музей, пантеонъ, во дворецъ юстиціи или во дворецъ, отведенный для его пребыванія,—съ озвѣрѣніемъ бросаютъ ему безсмысленный упрекъ въ видѣ избитой, стремящейся задѣть его фразы: «да здравствуетъ Польша!» Не простые уличные мальчишки дѣлаютъ это,—разсказывалъ докторъ,

а такіе люди, которые должны быть и считаются людьми дѣла, науки, идеи; уподобляясь уличнымъ бездѣльникамъ, они поносятъ, унижаютъ и грязнятъ оскорбленіемъ званіе французскаго гражданина и обликъ честнаго человѣка. Посмотрите, при входѣ императора всероссійскаго въ судъ, въ домъ правосудія (palais de justice), нѣсколько человѣкъ силятся оскорбить его этими возгласами, при чемъ оказываются они представителями высокаго, во всѣхъ странахъ пользующагося большимъ почетомъ сословія] адвокатовъ! Можетъ ли служить намъ утѣшеніемъ то, что государь не подозрѣваетъ истиннаго общественнаго положенія ихъ и, быть можетъ, принимаетъ ихъ за какихъ-нибудь безпутныхъ людей, не тронутыхъ ни воспитаніемъ, ни образованіемъ, ни—главное — обязательностью и для нихъ чести!»

«Такими и подобными простыми сужденіями почтенный докторъ пересыпалъ свои ежедневные разговоры и бесѣды въ часы осмотра и перевязыванья больныхъ.

«— А печать,—говорилъ онъ:—загляните въ наши журналы и газеты, какъ и чѣмъ они угощаютъ гостя! Ихъ понятія представляются совершенно низменными; они не могутъ постичь настоящаго положенія, не понимаютъ того, что въ настоящую минуту царь является гостемъ великой націи французской; а вѣдь печать обязана являться отголоскомъ понятій, сужденій и чувствъ народа. Какого сорта благородство по отношенію къ царю проявляютъ органы этой печати! Вспоминая слова государя о томъ, что Промысломъ Божіимъ охраняются правители народовъ такъ же, какъ и всѣ и все, можно выразить пожеланіе, чтобы этотъ же Божій Промыселъ, въ премудрости своей, не допустилъ на его свѣтлыя царскія очи нашихъ газетъ, роняющихъ себя до уровня простыхъ уличныхъ листковъ, вовсе не отличающихся даже намекомъ на нравственную чистоту, ужъ не говоря о солидности и рыцарствѣ!

«Какимъ живымъ укоромъ служитъ имъ то, что сыны той самой Польши, именемъ которой они силятся оскорбить царя, сами отъ себя, по своей благородной иниціативѣ, представили Наполеону адресъ съ живымъ протестомъ противъ преступнаго покушенія Березовскаго, котораго они искренно считаютъ отщепенцемъ, а себя стыдятся считать солидарными не только съ его продѣлкой, но и съ нимъ вообще. Будьте добры, прочтите въ «Moniteur» имена этихъ благородныхъ людей—имена сыновъ Польши, — продолжалъ докторъ:—сердца ихъ немало наболѣли и продолжаютъ болѣть изъ-за того положенія, которое досталось въ удѣлъ ихъ великой родинѣ,—однако они успѣли въ этихъ наболѣвшихъ сердцахъ съ полнымъ разумомъ разграничить, что такое историческій ходъ событій, приведшихъ ихъ отчизну къ печальному положенію, и что такое представляетъ собой образъ великаго царя, только что

снявшаго оковы съ милліоновъ населенія своей державы, а въ данный моментъ явившагося гостемъ Франціи. Прочтите имена представителей Польши, далеко не довершившей своего прекраснаго прошлаго, своей прекрасной исторіи и далеко не отказывающейся отъ дальнѣйшаго хода ея. Вотъ списокъ этихъ именъ: Платеръ, Лангевичъ, Александровичъ, Рупрехтъ, Савинскій, Веромскій, Анборскій, Кисенловскій, Получисскій; съ какимъ открытымъ благородствомъ они довели о своемъ протестѣ до свѣдѣнія хозяина Франціи—Наполеона!

«Съ другой стороны, какъ благородно они выражаютъ свой протестъ черезъ посредство газеты «Temps». Съ какою ясностью они укоризненно подчеркиваютъ въ обращеніи своемъ къ ней то обстоятельство, что она, вмѣстѣ съ такими органами печати, каковы «Opinion», «Nationale», «Siècle», умалчивая о самомъ актѣ покушенія безголоваго мальчишки, поддерживаетъ и не только оправдываетъ, но и восхваляетъ поведеніе наглецовъ, рѣшающихся дѣлать царю дерзкую встрѣчу, чуть ли не въ минуту входа его въ православную церковь для принесенія молитвы передъ престоломъ Всевышняго, къ Которому онъ съ горячей вѣрой обращается и съ неимовѣрной трогательностью отдаетъ всего себя.

Вспоминая всѣ эти разсказы своего доктора, Кузьминскій приходилъ въ восторгъ и умиленіе отъ такого благороднаго отношенія его къ Россіи и къ нашему великому государю. Цѣня въ докторѣ симпатичныя и сочувственныя заключенія его, онъ не могъ, однако, сладить съ тѣмъ, чтобы опредѣлить, насколько вообще благожелательныя Россіи и ея царю сужденія доктора были вѣрны съ фактической стороны: проболѣвъ столько времени, онъ не сумѣлъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что происходило; газетъ ему давно не доводилось читать, а все прочитанное когда-нибудь прежде, несомнѣнно, оказалось перезабытымъ.

Поэтому поверхностно выхваченные французомъ-докторомъ факты онъ считалъ непреложно вѣрными; не замѣчая ихъ дѣтской наивности, онъ принималъ на вѣру, будто бы поименованные въ разсказѣ доктора полячки были изъ числа такихъ представителей, подписи которыхъ подъ адресомъ имѣли какое-либо значеніе, а самый текстъ адреса могъ оказаться цѣннымъ выраженіемъ правдивыхъ чувствъ сыновъ Польши.

Онъ восторгался, но такъ же, какъ и докторъ, не зналъ и не могъ знать о томъ, что настоящіе, вліятельные поляки передъ прибытіемъ ихъ законнаго государя въ столицу Франціи демонстративно скрылись изъ нея, посѣявъ ту позорную программу, которая во время ихъ отсутствія исполнялась въ мелочахъ противъ особы ц ря по ихъ настоянію. Ни докторъ, ни Кузьминскій не

знали и рѣшительно не могли сообразить того, что люди, подписавшіеся подъ адресомъ и подъ письмомъ къ редактору газеты «Temps», были отчасти сжившіеся съ Франціей профессора, учителя и вообще дѣятели польскихъ школъ, открытыхъ въ Парижѣ на счетъ мутившихъ противъ Россіи французскихъ состоятельныхъ людей,— остальные же въ большинствѣ пройдохи, собравшіеся подъ крыло бывшаго самозваннаго диктатора Лангевича, соучастники только что тогда усмиреннаго послѣдняго мятежа, чуть ли не жандармывѣшатели, благополучно ускользнувшіе въ свое время отъ нашихъ войскъ, преслѣдовавшихъ и разсѣивавшихъ крамольно дѣйствовавшія мятежныя шайки.

Не получивъ ни малѣйшей возможности дать себѣ отчетъ во всемъ этомъ, ни Кузьминскій, ни докторъ, ни многіе другіе, искренно и наивно вѣрившіе тому, будто бы тѣ люди являлись честными и правдивыми сынами Польщизны, не могли добраться и до смысла самаго адреса, а между тѣмъ въ немъ тѣ сыны, въ сущности, опять дерзко подносили и царю и его здравомыслящимъ подданнымъ старое, избитое, порожденное ихъ тупоуміемъ оскорбленіе, подчеркивавшее долгъ и обязанности Россіи возвратить вѣроломной, мятежной Польшѣ ни больше, ни меньше, какъ всѣ земли, заключавшіяся когда-то въ границахъ «крулевства» между Балтійскимъ и Черными морями... [1]).

Ясно было, что наводнявшіе Францію поляки, своими несолидными и имѣвшими мало общаго съ честью искательствами, проявили тогда большое умѣнье и искусство въ дѣлѣ возбужденія сочувствія къ своимъ поступкамъ, какъ будто выражавшимъ передъ Наполеономъ брезгливость по отношенію къ тому, что взялъ на себя юный безмозглый полячокъ; эти поляки, лукаво упоминая о томъ, что ни царь, ни Россія не хотятъ внимать покаянію ихъ, привлекали будто бы вниманіе сочувствовавшихъ намъ сердецъ, а въ сущности, черезъ ихъ посредство, вербовали большее и большее число враговъ державы царя.

Навсегда останется непонятнымъ, какъ среди французовъ, ополчившихся противъ Россіи въ защиту поляковъ, почти не находилось людей, которые, по зрѣломъ размышленіи о томъ, чѣмъ собственно Польша заслуживала ломанья копій изъ-за нея, могли бы понять ужасъ противорѣчія, въ которое сами они впадали: защищая Польшу, они поощряли и поддерживали принципы, отвергнутые, затоптанные и забракованные людьми 89-го и 93-го годовъ, а силясь оскорбить царя—гостя Франціи—въ сущности дѣлали это по отношенію къ царю-человѣку, только что передъ тѣмъ добровольно и великодушно разорвавшему такія самыя рабскія цѣпи,

[1]) Пресловутыя границы 1772 года.

какія ихъ предки въ тѣ годы хода великой революціи усиливались разорвать, проливая на баррикадахъ свою «дорогую» кровь.

И вотъ эта Франція второй половины XIX столѣтія, со своимъ проходимцемъ императоромъ, упрямо брала подъ свою защиту топтанье великихъ» принциповъ, топтанье, которое открыто, но крайне лукаво, практиковала польская нація, закусившая удила «въ придавливаньи личности вообще, на основахъ сословныхъ привилегій и широкаго «ультрамонтанства».

Какъ прекрасно все это чувствовалъ и сознавалъ императоръ Александръ II и какъ терпѣливо, по-христіански онъ сносилъ все это передъ лицомъ всего міра! Кому неизвѣстно, какъ онъ былъ готовъ каждую минуту снизойти къ примиренію съ этой націей и какъ тщетно онъ ожидалъ въ ней замѣны вѣроломства чистою искренностью, подобною той, которая переполняла всѣ помышленія и чувства его высокоблагородной натуры.

Продолжаю разсказъ Кузьминскаго о наивныхъ, но не менѣе честныхъ, разговорахъ француза-доктора.

Равнодушно и хладнокровно офиціозная трибунальная газета сообщила о дерзости господъ адвокатовъ и подтвердила, что совершить ее они вышли «въ присвоенной имъ судебной формѣ». Оказывается, что они не погнушались для своей малодушной продѣлки надѣть на себя аттрибуты своихъ присяжныхъ, священныхъ обязанностей.

Одна лишь газета «Pays», на другой день послѣ покушенія, нашла нужнымъ и сумѣла сказать гостю Франціи нѣсколько благородныхъ и въ высшей степени симпатичныхъ словъ утѣшенія; она обратилась къ царю съ такой просьбой: «Государь, не судите Франціи по тому, что происходило здѣсь вчера!»

Если государь, хотя немного вдавался въ огорченіе по поводу тѣхъ оскорбленій, которыми безумцы, съ назойливостью мелкой мошки усиливались ему досадить и отравить время пребыванія въ нашей столицѣ, то онъ все-таки увидѣлъ не мало утѣшенія во многомъ, что проявлялось со стороны благомыслящихъ людей, умѣвшихъ уважать себя и относиться съ достоинствомъ ко всему, касавшемуся великаго царя великой державы.

— Завтра, о! завтра будетъ для насъ особый день,—сообщилъ докторъ 28-го мая со свойственнымъ французамъ азартомъ:—завтра императоръ россійскій посѣтитъ нашу больницу; онъ выразилъ желаніе навѣстить своего паціента, дабы не только повидать его вообще, но и посмотрѣть, какъ мы его оберегаемъ и лечимъ.

IV.

Осмотръ государемъ больницъ и казармъ въ Парижѣ.—Посѣщеніе раненаго Кузьминскаго.—Упущеніе, обнаружившееся передъ тѣмъ.—Нашъ посолъ Будбергъ.—Военный агентъ князь Витгенштейнъ.—Разсказъ его помощника Джуліани.—Наши заграничныя миссіи сорокъ лѣтъ назадъ.

Во всѣхъ большихъ русскихъ газетахъ послѣднихъ дней мая 1867 года была напечатана изъ Парижа отъ 29-го числа телеграмма, въ которой Сѣверное агентство сообщало о томъ, что «государь императоръ Александръ Николаевичъ въ тотъ день осматривалъ парижскія больницы и казармы».

Это случилось черезъ три дня послѣ покушенія Березовскаго на жизнь государя; поэтому русская публика, ловившая въ печати подробности извѣстій объ ужаснувшемъ Россію и весь міръ событіи, врядъ ли обратила вниманіе на сообщеніе объ осмотрѣ больницъ; она не показала интереса къ этой вѣсти, тѣмъ болѣе, что на краткомъ сообщеніи объ этомъ посѣщеніи всѣ свѣдѣнія рѣшительно оборвались; подробностей не было дано ни тогда, ни послѣ.

«29-го мая, среди дня, императоръ Александръ Николаевичъ дѣйствительно доставилъ намъ счастье посѣщеніемъ нашей больницы,—разсказывалъ Кузьминскій:—я ожидалъ этого посѣщенія не только съ большимъ нетерпѣніемъ, съ большой радостью, но и съ большимъ смущеніемъ; меня, между прочимъ, неотступно занимала мысль о томъ, какъ я, въ моментъ этого посѣщенія, не встану передъ государемъ; меня просто безпокоило то, что я принужденъ буду оставаться въ томъ положеніи, въ которомъ нахожусь по цѣлымъ днямъ уже съ самаго начала леченія; дѣло въ томъ, что особенности моихъ ранъ, поразившихъ, главнымъ образомъ, спинной хребетъ, обусловили необходимость такъ называемаго подвѣшенья меня на обручахъ; это единственное положеніе, при которомъ, въ подобныхъ случаяхъ, всѣ манипуляціи хирургическаго леченья могли производиться совершенно свободно и безпрепятственно. Смущеніе, овладѣвшее мною, конечно, зависѣло отъ угнетенности нервнаго состоянія моего; будь я здоровъ, я понималъ бы, что государь, всегда въ самой высокой степени снисходительный, нашелъ бы возможнымъ оказать снисхожденіе и той позѣ, въ которой я вынужденъ былъ его встрѣтить при его посѣщеніи.

«Смутно припоминаю я,—разсказывалъ Кузьминскій:—какъ государь, котораго я привыкъ видѣть только въ военной формѣ, вошелъ къ намъ въ штатскомъ сюртукѣ; его сопровождали нѣсколько человѣкъ, изъ коихъ двое-трое были одѣты во французскіе мундиры, остальные пришли также въ штатскомъ платьѣ. Я никого изъ нихъ не зналъ и потому рѣшительно на всѣхъ смотрѣлъ безразлично:

это, впрочемъ, не могло быть иначе даже и въ томъ случаѣ, если бы я кого-нибудь изъ нихъ и зналъ,—государь, конечно, всѣхъ затмевалъ, и мое вниманіе всецѣло приковывалъ къ своей фигурѣ; не до разсматриванья другихъ было мнѣ въ тѣ незабвенныя минуты.

«Поздоровавшись съ докторомъ, котораго одинъ изъ военныхъ французовъ представилъ, государь, со своей безконечно привѣтливой улыбкой, сказалъ ему:

«— Я пришелъ осмотрѣть ваше заведеніе; съ тѣмъ вмѣстѣ прошу дозволенія взглянуть на раненаго офицера, котораго я направилъ въ столицу Франціи искать чудеснаго исцѣленія во всемірномъ городѣ чудесъ.

«Докторъ тотчасъ же разсыпался въ массѣ поклоновъ; видимо, государь, сразу очаровалъ француза.

«— Поддается ли мой больной вашему искусству?—спросилъ государь и, получивъ кучу отвѣтныхъ фразъ, сказалъ:

«— Я очень радъ случаю васъ лично поблагодарить; а теперь, повидавъ васъ, больного и всю обстановку, въ которую онъ здѣсь попалъ, могу сказать вамъ, что я выйду отсюда вполнѣ спокойнымъ за дальнѣйшую участь моего израненнаго героя. Я также очень доволенъ тѣмъ, что удалось повидать тебя; я непремѣнно хотѣлъ также лично поблагодарить тебя за твою службу, которая завершилась геройскимъ подвигомъ, во всѣхъ подробностяхъ мнѣ извѣстнымъ и меня много порадовавшимъ. Помоги, Господи, тебѣ поправиться.

«Помолчавъ немного, государь спросилъ: «Чего ты желалъ бы въ дальнѣйшемъ?» При этомъ государь протянулъ мнѣ руку, а въ отвѣтъ на мои несвязно произнесенныя слова о томъ, что у меня есть одно лишь желаніе: имѣть счастье до конца жизни служить ему беззавѣтно, государь нагнулся, поцѣловалъ меня въ лобъ и сказалъ:

«— Конечно, это такъ и будетъ; повторяю, далъ бы Господь тебѣ только скорѣе выздоровѣть; объ этомъ докторъ, въ руки котораго тебѣ посчастливилось попасть, приложитъ всѣ свои мудрыя заботы, а мы вмѣстѣ съ тобой будемъ молить Всевышняго.

«Сказавъ это, государь опять обратился къ доктору и, снова пожавъ ему руку, произнесъ:

«— Я боюсь обезсилить больного и потому долго оставаться у васъ не буду; теперь вы покажете мнѣ ваше заведеніе, а потомъ кто-нибудь изъ моихъ объяснитъ вамъ все, что я здѣсь вынужденъ былъ говорить на своемъ, непонятномъ для васъ, языкѣ.

«— Джуліани,—сказалъ государь, обратившись къ одному изъ находившихся при немъ, совершенно молодому человѣку,—ты разскажешь доктору дословно обо всемъ, что я здѣсь говорилъ и что случится мнѣ еще говорить по-русски при осмотрѣ больницы.

«— Благословитъ тебя Господь,—сказалъ государь, вновь подавъ мнѣ руку, а затѣмъ перекрестилъ меня и поцѣловалъ въ голову.

«Докторъ, видя все это, расчувствовался и, какъ потомъ не разъ со слезами на глазахъ говорилъ, едва удержался отъ того, чтобы не разрыдаться».

Вотъ все, что сохранилось у Кузьминскаго сравнительно въ связной формѣ изъ его воспоминаній объ этомъ, какъ онъ всегда говорилъ, «великомъ въ его жизни днѣ».

Много онъ еще разсказывалъ отрывочнаго; кое-что я постараюсь привести при случаѣ въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь нахожу болѣе подходящимъ изложить, въ возможно сжатомъ видѣ, то, что мнѣ довелось впослѣдствіи не разъ слышать именно отъ того самаго Джуліани, которому государь, движимый всегда и во всемъ высокою степенью деликатности, заботливо поручилъ поставить доктора въ извѣстность обо всемъ произнесенномъ имъ въ больницѣ.

Джуліани, Владимиръ Юліевичъ, въ то время былъ поручикомъ гвардейской конно-артиллерійской бригады и состоялъ въ прикомандированіи къ нашей миссіи въ Парижѣ въ качествѣ помощника нашего военнаго агента; должность агента въ то время занималъ флигель-адъютантъ полковникъ свѣтлѣйшій князь Эмануилъ Людвиговичъ Зейнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ; за время пребыванія государя въ Парижѣ онъ получилъ орденъ св. Владимира 3-ей степени и произведенъ въ генералъ-майоры съ назначеніемъ въ свиту его величества, а Джуліани былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и награжденъ орденомъ св. Владимира 4-ой степени.

Я лично въ то время, только что выпущенный (1866 г.) изъ Михайловскаго артиллерійскаго училища, служилъ въ арміи—подпоручикомъ въ третьей конно-артиллерійской бригадѣ, стоявшей въ царствѣ Польскомъ въ городѣ Радинѣ Сѣдлецкой губерніи; черезъ два съ половиною года послѣ того я былъ переведенъ въ гвардейскую конную артиллерію (1868 г.)—въ третью батарею, которая, со времени польскаго возстанія 1863 года, была расположена въ Варшавѣ въ Лазенкахъ. Такимъ образомъ, пришлось мнѣ сдѣлаться сослуживцемъ В. Ю. Джуліани по бригадѣ; хотя онъ собственно въ строю въ то время уже не состоялъ, но числился въ бригадѣ, носилъ ея славный мундиръ, бывалъ въ ней въ Петербургѣ и связи съ сослуживцами не терялъ, а при частыхъ, по дѣламъ службы, изъ Франціи въ Россію поѣздкахъ неизмѣнно каждый разъ останавливался въ Варшавѣ у нихъ.

Прошли года; Джуліани, оставивъ военную службу, занимался обширными частными дѣлами своими; мнѣ случалось съ нимъ нерѣдко встрѣчаться, при чемъ онъ не разъ въ своихъ разсказахъ касался всегда занимавшаго меня трогательнаго эпизода посѣщенія

императоромъ Александромъ Николаевичемъ больницы въ Парижѣ и пребыванія государя въ этомъ чудномъ городѣ вообще.

Джуліани, къ слову сказать, вообще говорилъ очень красно, отличался большою наблюдательностью, начитанностью и считался человѣкомъ прекрасно образованнымъ. Языки французскій, англійскій, нѣмецкій и итальянскій онъ зналъ въ совершенствѣ.

Вотъ, съ нѣкоторыми пропусками, разсказъ, записанный мною тогда за нимъ:

«20-го мая 1867 года государь пріѣхалъ въ Парижъ и былъ встрѣченъ на дебаркадерѣ Сѣверной желѣзной дороги Наполеономъ III, который прибылъ на вокзалъ въ сопровожденіи маршала Канробера, всѣхъ министровъ, съ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Реньо во главѣ, а также начальника города Парижа барона Османа (Haussmann) и другихъ лицъ

«Занимавшій тогда постъ россійскаго посла въ Парижѣ баронъ Андрей Ѳедоровичъ Будбергъ выѣзжалъ для встрѣчи государя на границу Французской имперіи. На Сѣверный вокзалъ выѣзжалъ также весь составъ высшихъ чиновъ нашего посольства вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ въ Парижъ за два дня до пріѣзда его величества шефомъ жандармовъ графомъ Петромъ Андреевичемъ Шуваловымъ; къ этимъ лицамъ присоединился военный агентъ князь Витгенштейнъ, пригласившій съ собой и меня.

«Съ государемъ прибыли также великіе князья: наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ и Владимиръ Александровичъ, а также министръ двора, командовавшій императорской главной квартирой, завѣдывавшій военно-походной государевой канцеляріей генералъ-адъютантъ графъ Александръ Владимировичъ Адлербергъ.

«Въ тотъ же день мы представлялись государю въ Елисейскомъ дворцѣ, гдѣ его величеству и великимъ князьямъ были отведены аппартаменты.

«Здѣсь случилось нѣчто такое, что потомъ долго оставалось крайне непріятнымъ для барона Будберга, а отчасти и для князя Витгенштейна. Государь спросилъ:

«— Гдѣ лечится уланскій офицеръ Кузьминскій, присланный сюда по моему распоряженію оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютантомъ Крыжановскимъ?

«Ни тотъ, ни другой не могли дать на это отвѣта; я тоже не имѣлъ объ этомъ понятія. Государь, видя общее смущеніе, сказалъ со всегдашнею, отличавшею его лаской:

«— Вѣрно, еще не успѣли дать вамъ о немъ свѣдѣній. Ты узнай,— обратился государь ко мнѣ,—и доложи подробно барону.

«Не прошло и получаса, какъ я уже имѣлъ всѣ свѣдѣнія черезъ Османа; очень досадно было, что раньше эти обстоятельства оста-

лись неизвѣстными намъ. Еще больше мы досадовали, когда оказалось, что въ посольствѣ имѣлись свѣдѣнія объ этомъ отъ врача, по фамиліи, насколько я припоминаю,—сказалъ Джуліани,— Суворова, сопровождавшаго раненаго и сдавшаго его въ больницу на излеченіе. Онъ, явившись весной въ посольство, оставилъ объ этомъ увѣдомленіе, которому, къ сожалѣнію, не дали значенія. Ничего не всплыло бы до тѣхъ поръ, пока у бѣдняги раненаго не явилась бы какая-либо нужда, съ которой ему пришлось бы обратиться въ посольство. Нужно полагать, что тогда ее удовлетворили бы съ грѣхомъ пополамъ, а затѣмъ забыли бы или спохватились бы объ ней только въ случаѣ его смерти, когда мѣстныя власти, поневолѣ, принуждены были бы искать содѣйствія посольства въ столь важный моментъ по такому серьезному дѣлу.

«Что дѣлать, надо признаться, въ нашихъ заграничныхъ миссіяхъ вообще, если служащіе, быть можетъ, и переживаютъ съ большимъ вниманіемъ все относящееся до лежащихъ на нихъ обязанностей по части служебно-дипломатической, то ко всему касающемуся нуждъ частныхъ лицъ русскихъ поданныхъ вниманія искать не приходится, такъ какъ все равно его не найти. Правда, для этихъ нуждъ и дѣлъ должно быть по закону приспособлено не само посольство, а подвѣдомственное и частью подчиненное ему консульство, но и въ немъ вообще тщательнаго удовлетворенія всевозможныхъ частныхъ искательствъ по нуждамъ, нерѣдко вопіющимъ, врядъ ли можно спрашивать съ надеждами на полученіе болѣе или менѣе осязательныхъ результатовъ съ смыслѣ успѣшности».

Такое мнѣніе и такія сужденія сорокъ пять лѣтъ тому назадъ не стѣсняясь высказывалъ человѣкъ, которому, такъ или иначе, пришлось окунуться въ жизнь нашего заграничнаго представительства и нѣсколько лѣтъ прожить въ средѣ лицъ, служившихъ въ немъ. Не хотѣлось бы вѣрить, чтобы могло быть такъ, а не вѣрить нельзя. Непріятность этого случая совершенно загладилась и прошла безслѣдно, конечно, лишь благодаря безконечной снисходительности государя.

Когда ему доложили, гдѣ и въ какой обстановкѣ находится раненый, его величество сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ къ числу мѣстъ, которыя намѣчено мнѣ показать, надо добавить больницы; передайте объ этомъ Канроберу, онъ, въ полной мѣрѣ любезно, предложилъ мнѣ посѣтить казармы,—это будетъ кстати.

Такъ вышло, что государь рѣшилъ сдѣлать осмотръ больницъ; днемъ же осмотра его величество назначилъ 29-ое число.

Больница, о которой идетъ рѣчь, помѣщается недалеко отъ Университетской набережной, въ Латинскомъ кварталѣ, въ улицѣ Бакъ. Не мало удивило всѣхъ то обстоятельство, что въ назначен-

ный день и часъ государь, съ полнѣйшей довѣрчивостью, пріѣхалъ туда одинъ, въ то время, когда всѣ лица, коимъ было назначено присутствовать при осмотрѣ, уже собрались и ожидали на мѣстѣ.

Въ числѣ этихъ лицъ были: занимавшій постъ парижскаго военнаго генералъ-губернатора маршалъ Канроберъ, префектъ парижской полиціи Пьетри, префектъ департамента Сены баронъ Гаусманъ, старшій медицинскій инспекторъ городскихъ врачебныхъ заведеній, одинъ изъ высшихъ чиновъ полиціи Латинскаго квартала, а также наши — посолъ баронъ Будбергъ, графъ Адлербергъ, графъ Шуваловъ, князь Витгенштейнъ и я.

Государь съ большимъ вниманіемъ осмотрѣлъ въ тотъ день три больницы и пять казармъ, при чемъ, — несмотря на то, что очень утомился,—сдѣлалъ массу замѣчаній обо всемъ найденномъ имъ достойнымъ вниманія и не прекратилъ своихъ посѣщеній до тѣхъ поръ, пока не осмотрѣлъ все намѣченное. Послѣ осмотра первой казармы государь сказалъ князю Витгенштейну:

— Запиши все, на что мы обратимъ вниманіе, не пропусти ничего, здѣсь очень много поучительнаго можно заимствовать; надо будетъ потомъ переслать, вмѣстѣ съ другими твоими донесеніями, въ главный штабъ для передачи Дмитрію Алексѣевичу [1]).

V.

Посѣщеніе государемъ оперы.—Допросъ Березовскаго слѣдователемъ.—Участіе въ немъ французскихъ министровъ—Руэра и Бароша.—Приглашеніе графа П. А. Шувалова къ участію.—Поведеніе Наполеона III.—Балъ, данный государемъ въ русскомъ посольствѣ.—Разсказъ шталмейстера Фирлона Рембо.—Награжденіе его государемъ и Наполеономъ.—Заботы государя о Кузьминскомъ.—Государь объ умѣстности и своевременности коронованія Франца-Іосифа венгерскою короною.—Государь о судьбѣ Максимиліана и о вмѣшательствѣ Наполеона въ дѣла Мексики.—Рембо о Числыгёрстѣ.

Дня черезъ два послѣ осмотра казармъ и больницъ былъ назначенъ отъѣздъ государя изъ Парижа. Со всегдашнимъ громаднымъ вниманіемъ своимъ, государь,—какъ разсказывалъ Джуліани,—не упустилъ назначить и посольству, и чинамъ военнаго представительства часы прощанія передъ отъѣздомъ. Приблизительно за часъ до времени, назначеннаго для прощальнаго представленія, всѣ собрались въ Елисейскомъ дворцѣ и сгруппировались возлѣ шефа жандармовъ графа Петра Андреевича Шувалова. Онъ долженъ былъ сопровождать государя въ его обратномъ путешествіи и хотѣлъ въ дорогѣ представить его величеству докладъ обо всемъ,

[1]) Военному министру генералъ-адъютанту Милютину, продолжавшему въ тѣ времена заниматься усиленной передѣлкой всего нашего въ военной системѣ на французскій ладъ,

что оказалось по дѣлу покушенія, но за два дня до отъѣзда государь сказалъ ему:

— Обо всемъ этомъ ты мнѣ разскажи лучше здѣсь передъ моимъ отъѣздомъ на вокзалъ; можетъ быть, представится необходимымъ сказать что-нибудь императору Наполеону.

Слѣдователь дѣлалъ допросъ Березовскому въ присутствіи министровъ Руэра и Бароша; графъ Шуваловъ, конечно, не могъ считать себя въ правѣ въ это дѣло вмѣшиваться, но министры предложили ему присутствовать при допросѣ, а во время производства самаго допроса не разъ обращались къ нему съ предложеніемъ,—не пожелаетъ ли и онъ спросить что-либо.

Извѣстно, что государь черезъ день послѣ пріѣзда въ Парижъ посѣтилъ оперу, при чемъ находился въ императорской ложѣ, куда прибылъ пѣшкомъ одинъ къ девяти съ половиною часамъ, за полчаса до прибытія императрицы Евгеніи и Наполеона. Березовскій, между прочимъ, далъ показаніе о томъ, что намѣтилъ выстрѣлить въ государя въ оперѣ и, передъ прибытіемъ государя туда, встрѣтилъ его величество.

Царь на меня взглянулъ такъ презрительно, какъ будто бы въ умѣ его сложилась мысль: вотъ одинъ изъ поляковъ.

Это, очевидно, горячечный бредъ больного юноши, задумавшаго ужасное преступленіе, и, какъ по нѣкоторымъ даннымъ допроса можно заключить, не рѣшившагося произвести выстрѣлъ подъ впечатлѣніемъ взгляда государя.

— Взглядомъ этимъ онъ, видимо, былъ очень смущенъ и обезкураженъ,—сказалъ графъ Шуваловъ, вспоминая и перебирая эпизоды, происходившіе при допросѣ.

Графъ Шуваловъ разсказывалъ, что Наполеонъ очень взволновался покушеніемъ; до момента выстрѣла, не подозрѣвая предстоявшаго, онъ держалъ себя съ полнѣйшимъ спокойствіемъ и даже съ достоинствомъ.

Покушеніе, какъ извѣстно, было произведено у каскада въ аллеѣ Булонскаго лѣса, близъ Лоншана, на пути слѣдованія императорскаго кортежа со смотра войскъ, которыя Наполеонъ заранѣе намѣтилъ показать во всемъ блескѣ нашему государю и прусскому королю; онъ былъ очень доволенъ исходомъ блестящаго парада. Съ нимъ въ четырехмѣстномъ экипажѣ ѣхали государь императоръ, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ и великій князь Владиміръ Александровичъ; король Вильгельмъ ѣхалъ за ними поодаль въ экипажѣ съ императрицей Евгеніей. Наполеонъ, послѣ выстрѣла, послѣдовавшаго съ его стороны, сразу засуетился; пуля Березовскаго попала въ морду лошади шталмейстера Рембо, ѣхавшаго рядомъ съ экипажемъ подлѣ Наполеона; много крови отъ

лошади попало въ экипажъ; обиліе крови объяснялось и тѣмъ, что пистолетъ въ рукахъ преступника разорвался и у безумца оторвало два или три пальца правой руки. Наполеонъ каждому изъ своихъ гостей-спутниковъ задалъ вопросъ: у васъ кровь, не ранены ли вы? А убѣдившись, что всѣ невредимы, поднялся въ экипажѣ и объявилъ объ этомъ стоявшей по пути публикѣ; послѣ этого онъ высказалъ увѣренность въ томъ, что стрѣлялъ непремѣнно итальянецъ въ него; когда же государь отвѣтилъ категорически, что, вѣрнѣе, полякъ въ него,—Наполеонъ не возразилъ, но какъ-то суетливо сказалъ: «Ваше величество, мы вмѣстѣ были въ огнѣ». На это государь совершенно спокойно отвѣтилъ:

— Благодарю Бога, что онъ васъ сохранилъ; вотъ, однако, до какой степени никому нельзя ни на минуту быть увѣреннымъ въ цѣлости своей жизни,—все въ рукахъ Божіихъ...

При допросѣ очень хорошо держалъ себя приглашенный для представленія своихъ показаній шталмейстеръ Наполеона Фирлонъ Рембо. По всѣмъ даннымъ онъ, прослышавъ ранѣе о томъ, что готовится какое-то покушеніе, во все время сопровожденія императорскаго экипажа былъ на чеку; увидѣвъ въ Березовскомъ что-то подозрительное, онъ налетѣлъ на него всѣмъ грузомъ своего коня. Березовскій былъ сбитъ съ ногъ, отъ этого послѣдовалъ въ тотъ же моментъ выстрѣлъ, но зарядъ попалъ въ морду лошади Фирлона Рембо и такимъ образомъ оказался безопаснымъ для тѣхъ или для того, кому предназначался и въ кого былъ направленъ.

Это самое можно было заключить изъ несвязнаго разсказа преступника; давая свое показаніе, онъ со злобой сказалъ:

— Если бы сѣдокъ, ѣхавшій съ лѣвой стороны экипажа, не наскочилъ на меня,—результатъ былъ бы совсѣмъ иной, чортъ возьми, но вотъ что, къ несчастію, вышло; объ этомъ мнѣ остается только пожалѣть; это обидно, но непоправимо.

Фирлонъ Рембо, видимо, былъ вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что все это произошло именно такъ; изъ скромности онъ, однако, не говорилъ объ этомъ вполнѣ ясно.

— Я хотѣлъ этого человѣка сбить или подмять, дабы онъ не произвелъ выстрѣла, но это мнѣ не удалось,—твердилъ онъ.

Императоръ Наполеонъ сидѣлъ въ экипажѣ съ лѣвой стороны, противъ него находился наслѣдникъ русскаго престола; государь, сидя съ правой стороны, имѣлъ противъ себя великаго князя Владимира. Рембо ѣхалъ со стороны Наполеона: исполняя приказанія своего императора, онъ устремился отдать распоряженіе о томъ, чтобы, въ виду страшной давки, экипажъ свернулъ на боковую аллею; въ эту-то минуту онъ замѣтилъ показавшуюся ему подозрительною фигуру и въ одинъ мигъ рѣшилъ направить своего коня на нее.

Грянувшій выстрѣлъ скорѣй напоминалъ какой-то взрывъ; Рембо думалъ, что взорвалась бомба; эскортъ въ паническомъ испугѣ остановился; у наслѣдника цесаревича виднѣлась кровь на бѣлыхъ перчаткахъ; взглянувъ на кровяное пятно, его высочество сказалъ Фирлону Рембо: «Это отъ вашей лошади, посмотрите, она ранена въ ноздри». У царя была обрызгана кровью голубая орденская лента.

— Въ самый моментъ выстрѣла,—говорилъ Рембо,—я почувствовалъ ожогъ шеи; лошадь моя долго бѣжать не могла, я принужденъ былъ ее оставить, почему и передалъ одному изъ солдатъ; меня же, въ то время уже спѣшившагося, пригласилъ къ себѣ въ коляску ѣхавшій за экипажемъ Евгеніи и короля прусскаго Вильгельма племянникъ императора Александра принцъ Николай Максиміліановичъ Лейхтенбергскій, старшій сынъ сестры его величества Маріи Николаевны, состоявшей въ замужествѣ за герцогомъ Максиміліаномъ Лейхтенбергскимъ.

— Мнѣ лично,—говорилъ Джуліани,—пришлось впослѣдствіи нерѣдко въ Парижѣ встрѣчаться съ Рембо; это былъ скромный, набожный человѣкъ и вѣчный труженикъ; онъ съ особенной трогательностью вспоминалъ все здѣсь разсказанное и вообще весь этотъ ставшій, несомнѣнно, достояніемъ исторіи эпизодъ изъ его немудреной жизни.

— Происходя изъ старой дворянской фамиліи,—разсказывалъ онъ,—я служилъ во время крымской кампаніи простымъ рядовымъ въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ въ корпусѣ генерала Канробера и лишь къ концу войны дослужился до званія унтеръ-офицера; императоръ Наполеонъ, возведя меня въ свои шталмейстеры, не забывалъ того, что я въ военной службѣ дальше званія нижняго чина не пошелъ; даже пожелавъ наградить меня въ этотъ день ужаснаго покушенія, произведеннаго голоднымъ безумцемъ-полякомъ, онъ предназначилъ мнѣ пятую степень ордена Почетнаго Легіона,—кавалерскій крестъ, полагающійся для награжденія лицъ неофицерскаго званія.

Извѣстно, что государь заранѣе, на дни своего пребыванія въ столицы Франціи, назначилъ балъ въ посольствѣ; когда оказалось, что въ день бала утромъ случилось покушеніе Березовскаго, Наполеонъ просилъ объ отмѣнѣ этого бала, но государь не призналъ нужнымъ отмѣнять что-либо; все должно было итти въ томъ порядкѣ, какъ было намѣчено; поэтому балъ въ тотъ день вечеромъ состоялся; императоръ Александръ поражалъ всѣхъ своимъ полнымъ спокойствіемъ и необычайною привѣтливостью гостепріимнаго хозяина,—это въ одинъ голосъ сообщали со словъ своихъ рецензентовъ газеты всѣхъ партій, фракцій и оттѣнковъ,

— Императоръ Александръ, приказавъ пригласить меня на балъ,—говорилъ Рембо,—тронулъ и меня и всѣхъ необыкновенною сердечностью своего ко мнѣ отношенія.

«Прибывъ на балъ за полчаса до прибытія Наполеона и Евгеніи, я былъ встрѣченъ въ первомъ залѣ министромъ двора графомъ Адлербергомъ; онъ тотчасъ же вручилъ мнѣ пожалованный русскимъ императоромъ орденъ св. Станислава съ короною; я его тотчасъ, по указанію графа, надѣлъ на себя. Въ слѣдующей комнатѣ царь, поздоровавшись со мною, забросалъ меня такой массой благодарностей, что мнѣ оставалось только смущаться и конфузиться; но императоръ Александръ какъ будто бы задался задачей больше и больше вводить меня въ смущеніе: его величество, взявъ меня подъ руку, провелъ черезъ помѣщеніе посольства, видимо, съ тою цѣлью, чтобы для разговоровъ со мною посадить меня возлѣ себя на виду у всѣхъ кавалеровъ, уже находившихся въ залѣ, и покинулъ меня лишь черезъ нѣсколько минутъ, когда было доложено, что начали пріѣзжать дамы.

«Императоръ Наполеонъ, узнавъ обо всемъ этомъ, не пожелалъ сдѣлать неловкости противъ своего высокаго гостя и въ тотъ же вечеръ, вмѣсто предназначенной, но еще не переданной мнѣ пятой степени ордена, передалъ четвертую, т. е. офицерскій крестъ».

Наполеонъ никогда не разлучался съ этимъ своимъ слугою, которому впослѣдствіи довелось въ числѣ другихъ выдержать большое испытаніе: онъ сопровождалъ императора изъ Седана въ Вильгельмсгеэ; правда, это было соединено съ большимъ для него счастіемъ—продолжать служить Наполеону и въ этомъ замкѣ во время плѣненія и долго еще послѣ того—во время тяжелаго, поневолѣ бездѣльнаго, проживанія въ Англіи—въ Числьгёрстѣ.

— Приблизительно черезъ часъ послѣ того, какъ мы собрались,— разсказывалъ Джуліани,—государь потребовалъ къ себѣ князя Витгенштейна и меня.

«Поблагодаривъ насъ и сообщивъ о назначенныхъ намъ наградахъ, государь сказалъ, обращаясь къ намъ обоимъ:

«— Вы, конечно, не будете забывать Кузьминскаго; навѣщайте его; тебѣ, Витгенштейнъ, я поручаю сообщать мнѣ о ходѣ его леченія, о всѣхъ нуждахъ, какія у него могутъ оказаться, а также о средствахъ, какія надо будетъ ему назначить пожизненно; онъ искалѣченъ совершенно, лечиться ему придется всю жизнь; я полагаю назначить ему аренду въ 1000 рублей ежемѣсячнаго дохода; но окажется ли этого достаточно для будущаго,—присмотрись и мнѣ сообщи при первомъ же удобномъ случаѣ».

«Князь Витгенштейнъ, по своему происхожденію, считался въ родствѣ съ императрицей Маріей Александровной; государь относился къ нему очень хорошо и съ большимъ довѣріемъ.

«Среди разговора о пребываніи своемъ въ Парижѣ государь съ грустнымъ видомъ упомянулъ о томъ, что, посѣтивъ сестру свою

Марію Николаевну въ «Грандъ-Отелѣ», онъ вспомнилъ съ ней о происходившихъ въ тѣ дни въ Пештѣ торжествахъ коронованія австрійскаго императора Франца-Іосифа короною короля Венгріи.

«Какимъ фатальнымъ является совпаденіе этихъ празднествъ съ ужаснымъ концомъ только что въ эти же дни трагически разрѣшившейся въ Мексикѣ участи младшаго брата его — австрійскаго эрцгерцога Максимиліана, котораго наполеоновскія продѣлки сдѣлали императоромъ.

«— Я много объ этомъ говорилъ съ императоромъ Наполеономъ,—сказалъ государь:—зачѣмъ было ему вмѣшиваться въ эту аферу? Наше ли дѣло было непрошенно стремиться осчастливить мало-вѣдомую, шедшую своей собственной жизнью заокеанскую республику. Въ императорѣ Наполеонѣ это похоже на какое-то влеченіе подражать своему дядѣ въ дѣлѣ могущественной раздачи коронъ и троновъ. Теперь, когда Наполеону пришлось «созданнаго императора» оставить, затѣмъ забросить безъ поддержки на произволъ судьбы и полудикихъ властей, — сколько придется ему имѣть на совѣсти самаго тяжелаго, угнетающаго чувства!»

«Этотъ весь разговоръ,—говорилъ Джуліани,—рѣзко запечатлѣлся въ моей памяти; послѣднія слова государь произнесъ со слезами на добрыхъ, привѣтливыхъ глазахъ».

Послѣ смерти Наполеона Рембо возвратился въ Парижъ, гдѣ Джуліани и встрѣчался съ нимъ въ концѣ 1873 года. Много разсказывая о жизни своихъ повелителей, совершенно состарившійся шталмейстеръ всегда особо подчеркивалъ то, что оба они—Наполеонъ съ большой грустью, а Евгенія съ досадой,—во время частыхъ ссоръ своихъ, въ одинаковой степени признавали одною изъ самыхъ важныхъ и грубыхъ ошибокъ своего, только что тогда минувшаго прошлаго, громадное пренебреженіе, съ которымъ они во все время своего царствованія [1]) относились къ Россіи, къ ея правительству, а главное къ ея великому, благороднѣйшему императору.

Рембо воспроизводилъ происходившія нерѣдко между супругами сцены, которыхъ ему приходилось быть свидѣтелемъ или о которыхъ онъ слышалъ отъ людей еще болѣе приближенныхъ и интимныхъ.

Стоило Евгеніи отъ чего бы то ни было прійти хотя бы въ малѣйшее нервное раздраженіе,—а это съ самаго начала ихъ жизни въ Англіи стало дѣломъ обыденнымъ,—она немедленно, съ одина-

---

[1]) «Царствовали они оба вмѣстѣ», говаривалъ простякъ Рембо.

ковой злобой и почти всегда въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, начинала преназойливо выставлять мужу своему упреки въ томъ, съ какимъ тупымъ упорствомъ (entêtement stupide) онъ нападалъ и всѣхъ, съ какой-либо стороны причастныхъ къ дѣлу управленія несчастной Франціей, увлекалъ къ безсмысленнымъ нападкамъ на императора Александра II.

Наполеонъ обыкновенно усиливался возражать съ полной сдержанностью; онъ спокойно стоялъ на томъ, что вообще не нападалъ, а если говорилъ,—не противъ императора Александра, а противъ Россіи,—то меньше всего говорилъ безъ государственной къ тому нужды, вызывавшейся явнымъ со стороны правительства той державы стремленіемъ портить хорошія отношенія съ Франціей.— «Нельзя,—говорилъ ex-императоръ,—ставить мнѣ въ укоръ то, что приходилось говорить и дѣлать въ минуты разлада добрыхъ отношеній съ Александромъ II и при явномъ проявленіи со стороны его правительства отсутствія корректности въ дѣлахъ и сношеніяхъ съ Франціей».

Подробностямъ одной изъ такихъ ссоръ суждено было навсегда врѣзаться въ память и остаться въ сердцѣ крайне впечатлительнаго шталмейстера. Это произошло въ концѣ ноября 1872 года.

— Нѣтъ, нѣтъ,—не слушая спокойныхъ возраженій мужа, вдругъ злобно затвердила Евгенія въ тотъ день:—вы всегда безсмысленно нападали на царя,—это впечатлѣніе моихъ первыхъ дней знакомства съ вами, тѣхъ дней, въ которые я, въ свою очередь, относилась къ вамъ съ полнѣйшимъ уваженіемъ, какъ къ повелителю Франціи; вы одинаково, безъ разбора относились и въ тяжелые для Россіи дни нашихъ предсвадебныхъ компіенскихъ торжествъ[1]), и позже, въ дни появленія на свѣтъ нашего Лулу,— когда Россія усиливалась, хоть сколько-нибудь успокоившись, воспользоваться плодами только что заключеннаго съ Франціей мира[2]). Еще мать моя говорила, что вы одинаково жестоко на-

---

[1]) Въ 1852 г. императоръ Наполеонъ на одной изъ большихъ охотъ какъ будто случайно встрѣтилъ семью маркиза Монтихо гр. де Теба и сразу былъ обвороженъ молодой графиней Евгеніей: онъ не хотѣлъ допустить мысли о томъ, что она не будетъ ему принадлежать. Все это было подстроено крайне искусно. Въ 1853 г. происходили на охотахъ въ Компіенѣ пиры, которые Евгенія въ передаваемомъ разговорѣ назвала предсвадебными торжествами; въ томъ же году Наполеонъ сочетался съ нею бракомъ. Это былъ годъ начала турецкой войны, скоро обратившейся въ Крымскую кампанію. Авт.

[2]) Въ 1856 г., въ годъ заключенія парижскаго мира у французской императорской четы родился сынъ Наполеонъ-Людовикъ-Евгеній; въ 1874 г. бонапартисты объявили его императоромъ подъ именемъ Наполеона IV, а въ 1879 году императрица, жаждавшая карьеры, согласилась отправить сына въ африканскую экспедицію англичанъ противъ зулусовъ; въ этой войнѣ онъ былъ убитъ, причемъ официально было объявлено, что Лулу не могли уберечь, на самомъ же дѣлѣ врядъ ли кто и старался его беречь. Авт.

падали на своего врага, когда онъ, послѣ геройской защиты своего отечества, былъ притиснутъ, прижатъ вами, такъ же, какъ и тогда, когда, отдавши вамъ все, онъ имѣлъ полное право отдохнуть отъ тяготы своихъ печалей; моя мать изумлялась вашей безтактности и отсутствію въ васъ благороднаго великодушія къ врагу, когда вы, послѣ заключенія съ нимъ мира, продолжали издѣваться надъ нимъ воспоминаніями о томъ, какъ вы разгромили сѣвернаго колосса, притомъ увѣряли, что готовитесь его вновь разгромить, дабы совсѣмъ уничтожить, стереть съ лица земли—шутка сказать—кого! великую, мощную Россію!...

Вдругъ Наполеонъ, всегда спокойный, гнѣвно засверкалъ своими обычно тусклыми глазами, а затѣмъ, задыхаясь отъ волненія и гнѣва, громко, но отрывисто произнесъ:

— Недоставало еще, чтобы вы приписывали мнѣ то, въ чемъ виновата была именно ваша мать; эта женщина съ какимъ-то необъяснимымъ безуміемъ, свойственнымъ сынамъ легкомысленной испанской націи, нападала не только на Александра II и Россію, на Вильгельма и Пруссію, но и на всѣхъ, съ кѣмъ моя страна приходила или въ конфликтъ или въ какія бы то ни было частыя сношенія. Я васъ разъ навсегда приглашаю не думать впредь сваливать на меня результаты всѣхъ тѣхъ безтактностей, которыя графинѣ Монтихо де-Теба угодно было себѣ позволять въ ея малодушныхъ порывахъ. Она, всею жизнью своей при моемъ дворѣ, заслужила полную ненависть и презрѣніе французовъ; теперь вамъ, только вамъ, слѣдовало бы если не уничтожить,—такъ какъ уничтожить это уже невозможно,—то, по крайней мѣрѣ, хоть сколько-нибудь умѣрить или смягчить въ близкихъ людяхъ эту ненависть, а ужъ никакъ не разжигать ее больше и больше; слушать ваши бредни я вовсе не расположенъ и не буду,—закончилъ Наполеонъ свою рѣчь и рѣзко вышелъ изъ зала.

Не ожидала ех-императрица такого крутого и грубаго поворота, а потому въ истерикѣ вдругъ свалилась въ обморокъ, послѣ котораго была врачами уложена въ постель и окружена самымъ заботливымъ уходомъ.

И въ ней и въ ея мужѣ, какъ видно, все дошло до той крайности, которая должна была вызвать ужасный кризисъ. Послѣ того они вовсе не видѣлись больше мѣсяца. Евгенія лежала, Наполеонъ въ теченіе этого времени старался бодриться, но его силы, видимо, угасали, бодрость болѣе и болѣе покидала его, и въ то время, когда все вниманіе врачей было обращено на состояніе здоровья слабой императрицы,—сахарная и каменная болѣзнь императора совершенно неожиданно для всѣхъ, а для докторовъ болѣе, чѣмъ для кого-либо, сдѣлала сразу большіе успѣхи, и 9-го января 1873 года Наполеона не стало. Послѣ Седана онъ прожилъ три года, пять мѣсяцевъ и три дня.

Безплодные споры привели къ такому печальному концу; Евгенія раньше не думала, что потеря мужа для нея была потерей всего; только тогда она это сознала, когда его не стало,—тогда она поняла, что пропала и та надежда, которой, впрочемъ, ни у кого, кромѣ нея, не было—надежда вернуть престолъ.

— Спорить было поздно, и о чемъ было спорить?—говорилъ Рембо:—нужно было раньше думать о томъ, чтобы не испортить въ конецъ свои отношенія именно съ повелителемъ той державы, которая одна могла укрѣпить навсегда положеніе Франціи и императора французовъ; императрица спорила съ императоромъ, забывъ, что собственнаго локтя не укусишь.

— Изъ всѣхъ разсказовъ Рембо,—говорилъ Джуліани,—видно было, что онъ больше держалъ сторону Наполеона, чѣмъ Евгеніи; это было вполнѣ естественно; а вообще этотъ преданный ex-императору слуга съ полнѣйшей, свойственной ему простотой какъ бы застылъ на чувствѣ самой глубокой и почтительно-признательной преданности нашему государю; иначе о немъ онъ не упоминалъ, какъ именуя его: гуманнѣйшій рыцарь, царь-освободитель и благодѣтель своего народа.

Всю жизнь Рембо выражалъ желаніе во что бы то ни стало побывать въ Россіи, но это у него такъ и осталось навсегда мечтой.

VI.

Отъѣздъ государя изъ Парижа.—Молва объ его отношеніи къ Березовскому и къ покушенію.—Защитникъ Араго и обвинитель де-Марна.—Роль Жюля Фавра въ дѣлѣ Орсини.—Французскія газеты о законахъ, карающихъ покушеніе на жизнь главы государства.—Частный отзывъ Виктора Гюго.—Полковникъ Гальяръ.—Воспоминанія Джуліани объ адресѣ проживавшихъ въ Парижѣ поляковъ.—Маневры 1878 г. во Франціи.—Маршалъ Канроберъ.—Отзывъ государя о немъ и о сенскомъ префектѣ Гаусманѣ.

«Прощаясь съ нами,—продолжалъ Джуліани свой разсказъ,—государь, между прочимъ, сказалъ:

«— Передайте Кузьминскому мое пожеланіе ему скораго выздоровленія; пусть продолжаетъ имѣть то же терпѣніе, какимъ до сихъ поръ отличался, и пусть бережетъ себя. Доктору я назначилъ крестъ въ награду; Наполеонъ далъ согласіе на награжденіе этого симпатичнаго, самоотверженнаго и дѣльнаго врача; барону Будбергу я передалъ объ этомъ, онъ распорядится».

«По отъѣздѣ государя до насъ дошла, распространившаяся въ столицѣ Франціи молва о томъ, будто бы при прощаньи онъ обратился къ Наполеону съ просьбой,—въ случаѣ, если Березовскому судомъ будетъ назначена смертная казнь,—оказать съ своей стороны мощное содѣйствіе тому, чтобы онъ отъ нея былъ избавленъ,

Трудно вѣрится этому,—весьма вѣроятно, что государь не желалъ казни этого преступника-безумца, но ходатайствовать за пройдоху не сталъ бы; молва добавляла, что Наполеонъ обѣщалъ и будто бы «несомнѣнно искренно».

Однако подпольныя интриги революціонныхъ элементовъ приготовили изъ этого дѣла совсѣмъ другое: несомнѣнно, въ насмѣшку, ходъ судебнаго разбирательства былъ такъ подстроенъ, что Березовскаго какъ будто бы хотѣли приговорить къ особой наградѣ за это дѣло; оно ему было поставлено почти въ заслугу; обвиняемымъ чуть ли не явился нашъ государь, а Наполеонъ, конечно, былъ и безсиленъ противъ этого и слишкомъ равнодушенъ вообще ко всему, что, съ какой бы то ни было стороны, касалось хотя бы такого его гостя.

Всѣмъ памятны рѣчи Араго, Флоке и другихъ рисовавшихся въ этомъ процессѣ своими крайними убѣжденіями и безумно бравировавшихъ всѣмъ тѣмъ, что было всегда дорого для христіанина, а также для людей разума и чести.

Не въ одной изъ русскихъ и иностранныхъ газетъ того времени было сообщено, что, къ прискорбному удивленію, и государственный генеральный прокуроръ де-Марна, обвинявшій Березовскаго въ судѣ, скорѣй вторилъ защитникамъ, чѣмъ исполнялъ свой святой долгъ безпристрастнаго обвинителя.

Защитникъ Березовскаго Араго, какъ бы возражая людямъ, пытавшимся признать дѣяніе этого безумца преступнымъ, прямо съ наглостью говорилъ, что онъ ни одной секунды не считаетъ себя въ правѣ думать о какихъ-то смягчающихъ вину обстоятельствахъ или надѣяться на нихъ: «вины нѣтъ, я ея не вижу; въ дѣйствіяхъ Березовскаго,—этого патріота Польши,—нѣтъ ничего такого, что даже можно было бы смягчать, а потому я, какъ защитникъ, требую полнаго оправданія,—не говорю и не нахожу нужнымъ сказать—виновнаго, нѣтъ, не виновнаго, а просто моего кліента, случайно, по какому-то произволу, попавшаго въ обвиняемые. Не знаю, доколѣ еще во Франціи будутъ возможны и терпимы эти и подобныя насмѣшки надъ людьми!..» воскликнулъ съ паѳосомъ этотъ слуга сплошного беззаконія. Печать, почти сплошь вся, вторила этому, она не видѣла преступленія въ дѣйствіяхъ полячка, записавшагося въ спасители «ойчизны». Присяжные, также не признававшіе слишкомъ криминальнымъ поступокъ его, не рѣшились, однако, высказать то, что Араго имъ старательно внушалъ,—они все-таки, съ нѣкоторымъ намекомъ на участіе въ этомъ дѣлѣ совѣсти, въ окончательномъ словѣ признали смягчающія вину обстоятельства, значитъ, нашли эту вину.

Араго много потомъ писалъ объ этомъ, изливая желчь и извергая ругательства на этихъ, по его словамъ, тупоумныхъ присяжныхъ.

Тогда же многіе вспоминали, что за девять лѣтъ передъ тѣмъ знаменитый Жюль Фавръ [1]), такой же, въ сущности, республиканецъ-адвокатъ, какъ и Араго, защищая извѣстнаго Орсини, бросившаго въ 1858 году бомбу подъ экипажъ Наполеона, взялъ такую середину въ дѣлѣ защиты, что вся тогдашняя печать признала его слова за «простой пріемъ, стремившійся увеличить витіеватость адвокатской рѣчи»; онъ упомянулъ въ ней, что его кліенту надлежитъ рядомъ съ эшафотомъ поставить навѣки его статую, т.-е. воздвигнуть памятникъ. Памятника этому Орсини рядомъ съ эшафотомъ не воздвигли, а то обстоятельство, что эшафотъ былъ поставленъ, дало каждому право сказать, что адвокатъ, какъ бы то ни было, высказался, въ согласіи съ прокуроромъ, за смертную казнь, которая и постигла этого преступника.

Нѣкоторыя газеты живо припомнили этотъ случай и, комментируя его въ дни горячихъ разговоровъ о дѣлѣ Березовскаго, отважились высказать, что, выстрѣливъ въ царя, онъ явился преступникомъ, заслужившимъ высшую кару по закону. Къ этому, однако, какъ бы сговорившись, всѣ онѣ спѣшили добавлять массу фразъ, разсужденій и оговорокъ о томъ, что во всякомъ случаѣ законы Франціи не позволяютъ за такое преступленіе примѣнять кару, которая подходила бы подъ понятіе о высшей мѣрѣ наказаній вообще. Все это продѣлывалось чисто въ духѣ французовъ: съ тою отмѣнною, изворотливою фальшью, которую въ этой славной націи всѣ ненавидятъ.

Одна лишь газета «Pays» однажды попробовала смѣло высказать совершенно прямой взглядъ на это дѣло, заклеймивъ продѣлку безумца; но ее заставили замолчать и много тяжелаго она перенесла отъ тѣхъ самыхъ властей, которыя должны были бы благородно стоять на стражѣ въ такое время общей распущенности.

Многія изъ газетъ, стоявшихъ на томъ, что законъ не позволяетъ къ дѣянію Березовскаго примѣнить высшую кару, ядовито добавляли: «къ сожалѣнію».

---

[1]) Тотъ самый Жюль Фавръ, который послѣ Седана явился въ германскую главную квартиру уполномоченнымъ уже отъ правительства установившейся наканунѣ республики для переговоровъ объ условіяхъ мира и пережившій всю жестокость предложеній побѣдителя въ лицѣ безжалостнѣйшаго Бисмарка. Разсказывали, что настойчивостью желѣзнаго канцлера и насмѣшливостью его тона было со стороны Жюль Фавра вызвано замѣчаніе, произнесенное сквозь горькія слезы: «Вы болѣе же стоки, чѣмъ былъ въ свое время жестокъ членъ конвента Жозефъ Лебонъ...» На это Бисмаркъ будто бы съ презрительностью въ тонѣ отвѣтилъ: «Я вашихъ членовъ конвента не знаю, не зналъ и знать не хочу; время не ждетъ, будемъ говорить о дѣлѣ, или разойдемся».

Упомянутый членъ конвента, терроризируя Аррасъ, главный городъ департамента Па-де-Калэ на сѣверѣ Франціи въ Нормандіи, отправлялъ на эшафотъ безъ разбора всѣхъ, кто ему попадался подъ руку, и дошелъ въ своемъ звѣрствѣ до того, что, получивъ доносъ о нахожденіи въ одномъ семействѣ того города попугая, который выкрикивалъ слова: «vive le roi»,—велѣлъ казнить всю семью и непремѣнно вмѣстѣ съ преступной птицей. **Авт.**

Всѣ онѣ, во всякомъ случаѣ, дозволили себѣ передержку и умышленную подтасовку: не могли же всѣ онѣ забыть о томъ, что за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ былъ казненъ покушавшійся на жизнь Наполеона итальянецъ Піанори (1855 г.); очевидно, помнили онѣ и приведенный ими же по поводу воспоминанія о рѣчи Жюля Фавра фактъ казни тоже итальянца—Орсини (1858 г.).

«Законы съ тѣхъ поръ не были измѣнены», напомнила тогда нѣсколько разъ газета «Pays».

Надо помнить, что большая часть статей, появлявшихся тогда во французской печати, предназначалась, съ одной стороны, для назиданія нашей отечественной печати, единодушно ополчившейся, а съ другой—для поднесенія пріятнаго букета правительству Наполеона, котораго власть въ тотъ годъ поднялась на зенитъ, какъ бы собираясь съ силами къ 1870 году для совершенія болѣе эффектнаго спуска, т.-е. попросту позорнаго паденія...

Не только интересно, но и поучительно вспомнить исторію закона, на который такъ робко ссылалась часть печати. Эта исторія должна до нѣкоторой степени выяснить, какимъ образомъ газеты могли найти себѣ лазейку для обхода здравости взгляда на все это дѣло,—печальное само по себѣ и ставшее рѣшительно прискорбнымъ въ виду проявленнаго всѣми слоями общества Франціи стремленія «отвернуться отъ добрыхъ указаній совѣсти».

Вотъ краткое изложеніе этой исторіи.

Послѣ революціи 1789 года, при введеніи во Франціи въ 1791 году конституціи, въ законѣ было отмѣнено особое дѣлопроизводство по дѣламъ о преступленіяхъ противъ особы государя [1]) и уничтожена исключительность наказаній за такія преступленія. Въ 1810 году Наполеонъ I возстановилъ полностью прежніе законы на этотъ счетъ, поставивъ, однако, тѣ преступленія наравнѣ съ отцеубійствомъ. Правительство Людовика-Филиппа въ 1832 году приравняло цареубійство къ обыкновеннымъ убійствамъ.

Наполеонъ III, тотчасъ по укрѣпленіи своей власти, попытался въ 1853 году возстановить все установленное на этотъ счетъ его дядей; но законодательное собраніе отвергло правительственное предложеніе объ этомъ. Не взирая на то, правительство тотчасъ же «велѣло» судамъ «ввести въ практику дѣйствій своихъ часть распоряженій 1810 года и признавать покушеніе на убійство государя равносильнымъ отцеубійству.

Покорный Наполеону III судъ безпрекословно подчинился этому велѣнію. И вотъ два покушенія на жизнь императора Наполеона,—въ 1855 году покушеніе итальянца Піанори, который,

[1]) Или вообще главы государства.

въ исходѣ суда надъ нимъ, оказался графомъ Винерани, и въ 1858 году итальянца же Орсини,—кончаются смертною казнью обоихъ преступниковъ.

Раздавались во Франціи смѣлые, хотя и одинокіе голоса, поучавшіе тому, что съ одинаковымъ правомъ можно было бы примѣнить это наказаніе къ русскому поляку, какъ и къ тѣмъ итальянцамъ-пьемонтцамъ; разницы не было, хотя полякъ стрѣлялъ во Франціи въ чужого для нея государя —однако въ своего...

Но безумцы, а главное люди безсовѣстные, не придерживались того, чтобы эти разсужденія оспаривать или опровергать,—они просто, забывъ честь, кричали и повторяли, что покушеніе именно на жизнь русскаго императора не есть преступленіе.

Въ то время одинъ считавшійся и считающійся крайне достойнымъ высокаго уваженія человѣкъ, «гражданинъ французской республики», эмигрантъ, замѣтилъ изъ своего изгнанія, что такое беззаконіе, какое было учинено надъ Орсини и надъ Піанори-Винерани, скорѣе могло бы найти—не снисхожденіе, нѣтъ, но нѣкоторое объясненіе «безправности права» для примѣненія къ дѣянію русскаго подданнаго Березовскаго, стрѣлявшаго во Франціи, во-первыхъ, въ своего законнаго государя, во-вторыхъ, въ почетнаго гостя Франціи и, въ-третьихъ, въ царя великой души—Освободителя; тогда какъ оба итальянца стрѣляли въ нашей странѣ въ чужого имъ государя, а для самой страны нашей незаконнаго, узурпировавшаго власть и основавшаго въ 1851 году какъ эту власть, такъ и всю силу свою на фундаментѣ, обильно—вслѣдствіе переданныхъ черезъ Сентъ-Арно [1]) его велѣній,—пропитанномъ кровью честныхъ сыновъ нашего отечества.

Съ начала семидесятыхъ годовъ въ теченіе почти десяти лѣтъ у насъ въ Россіи пребывалъ въ качествѣ военнаго агента Французской республики полковникъ Гальяръ, очень сжившійся съ нашимъ отечествомъ и отъ всей души его полюбившій. Однажды, во время войны за освобожденіе Болгаріи, случилось мнѣ, по порученію главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича Старшаго, выѣхать изъ главной квартиры, находившейся въ Горномъ Студнѣ,—на Плевну, изъ-за которой тогда началась усиленная

---

[1]) Маршалъ Сентъ-Арно—тотъ самый, который не далѣе, какъ черезъ два года послѣ вѣроломнаго подвига 2-го декабря 1851 года былъ назначенъ главнокомандующимъ французской арміи, дѣйствовавшей противъ насъ въ Крыму; тамъ онъ вскорѣ и умеръ. Въ 1851 году онъ занималъ постъ начальника парижскаго гарнизона и въ ночь на второе декабря дѣйствовалъ крайне энергично, какъ противъ революціонеровъ, укрѣпившихся на баррикадахъ, такъ и противъ членовъ національнаго собранія при роспускѣ и арестованіи ихъ. Наполеонъ III считалъ его своимъ «благодѣтелемъ», выпесшимъ на своихъ плечахъ весь переворотъ и помогшимъ ему провозгласить Францію имперіей, а себя императоромъ. **Авт.**

борьба между сосредоточивавшейся въ ту пору у этого пункта арміей Османа-паши и нашимъ девятымъ корпусомъ, состоявшимъ подъ командой генералъ-лейтенанта Криденера. Къ нему я, какъ ординарецъ главнокомандующаго, и былъ командированъ [1]).

Только что я успѣлъ проѣхать пять-шесть верстъ,—меня нагналъ ѣхавшій въ коляскѣ Гальяръ.

— Какъ я радъ, что мнѣ удалось догнать васъ,—сказалъ онъ любезно:—услышавъ, что вы выѣхали, я поторопился за вами.—Теперь у меня большая просьба къ вамъ,—если бы вы были добры обождать нѣсколько минутъ, пока подойдутъ мои верховыя лошади, я пересяду на коня и тогда буду вамъ спутникомъ въ болѣе пріятномъ путешествіи—верховомъ; погода чудная,—восторгался французъ,—можно, ею наслаждаясь, наговориться вдоволь.

Я съ большимъ удовольствіемъ согласился обождать, сошелъ съ коня, и мы, въ ожиданіи конвоя и лошадей полковника, пошли пѣшкомъ, а затѣмъ стали скоро продолжать свой путь на коняхъ.

Разговорившись въ пути и бесѣдуя о нашемъ государѣ, котораго Гальяръ обожалъ, мы затронули время и обстоятельства пребыванія его въ Парижѣ въ 1867 году; цѣлый десятокъ лѣтъ отдѣлялъ насъ отъ того года. Мало-по-малу я разсказалъ многое изъ того, что здѣсь изложено; не успѣлъ я окончить разсказъ объ отзывѣ «гражданина-республиканца», какъ симпатичный «colonel» приподнялся на стремена и съ крайнею живостью произнесъ:

— Mais oui, oui, justement; c'était bien Victor Hugo qui l'a dit; et ces paroles de notre grand homme,—ne sont elles pas la verité même?...[2]).

Глубже вдумываясь въ это сообщеніе, не приходится ли давать этимъ словамъ большее и большее значеніе при воспоминаніи о томъ, что произнесъ ихъ старецъ-поэтъ, не столько осуждавшій

---

[1]) Именно во время этой командировки мнѣ довелось, временно состоя при генералѣ Криденерѣ, участвовать въ большомъ сраженіи, которое тогда въ дѣйствующей арміи получило оставшееся за нимъ названіе «вторая Плевна» (18-го іюля).

Тогда при генералѣ Криденерѣ состояли, между прочимъ, свиты его величества генералъ-майоры свѣтлѣйшій князь А. К. Имеретинскій и графъ Н. А. Протасовъ-Бахметевъ. Предвидя по ходу дѣлъ или, быть можетъ, получивъ въ главной квартирѣ свѣдѣнія о томъ, что сраженіе это должно было состояться,—ко дню его съѣхались въ корпусъ генерала Криденера почти всѣ состоявшіе при главной квартирѣ великаго князя Николая Николаевича Старшаго иностранные военные агенты; такъ, во время хода этого боя съ нами находились: французскій агентъ полковникъ Гальяръ, прусскіе подполковникъ графъ Ведель и майоръ Вельомъ, австрійскій подполковникъ фонъ-Болла, румынскій генералъ Зефкаръ, черногорскій воевода Станко Радовичъ, японскій Ямазава, къ вечеру того дня прибылъ и засталъ конечные эпизоды боя претендентъ на испанскій престолъ инфантъ донъ-Карлосъ. Авт.

[2]) Да, да, именно; Викторъ Гюго сказалъ это; и эти слова нашего великаго человѣка—не являются ли они самою правдою?..

примѣненіе смертной казни, сколько отвергавшій право людей произвольно отнимать, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, жизнь у подобныхъ себѣ; онъ отвергалъ то, что съ такою наглостью уже давно присвоили себѣ террористы.

Здѣсь кстати будетъ вспомнить о томъ, что слышалъ Джуліани въ тѣхъ кружкахъ, въ которыхъ ему приходилось вращаться въ Парижѣ, и о чемъ онъ не разъ разсказывалъ среди своихъ знакомыхъ и товарищей по поводу адреса, поданнаго проживавшими въ Парижѣ поляками.

Лечившій Кузьминскаго докторъ, восторгаясь съ искренностью простого человѣка поступкомъ поляковъ, подписавшихся подъ адресомъ, и восхваляя ихъ благородство, перечислялъ ихъ по фамиліямъ, которыя онъ могъ, нѣсколько коверкая и переиначивая, позаимствовать и изъ газетъ и изъ устной передачи молвы, ходившей тогда въ Парижѣ. Почти всѣ эти фамиліи были переданы также въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ.

Находилось, однако, въ столицѣ Франціи не мало лицъ, которыя, вслѣдствіе своей освѣдомленности, имѣли на это дѣло совершенно иной взглядъ. Джуліани, по версіямъ, слышаннымъ имъ тогда, былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что, во-первыхъ, адресъ, поданный Наполеону, имѣлъ въ виду обезпеченіе подписавшихъ его лицъ отъ какихъ бы то ни было обвиненій на случай возникновенія таковыхъ въ посягательствѣ Березовскаго на Наполеона и въ солидарности тѣхъ лицъ съ этимъ безумцемъ. Составителямъ адреса хотѣлось лишь подладиться подъ тонъ того, будто бы они осуждаютъ покушеніе на жизнь нашего государя; поэтому адресъ былъ составленъ въ такихъ выраженіяхъ, будто бы онъ имѣлъ въ виду выставить овладѣвшее подавшими его чувство возмущенія по поводу покушенія, котораго цѣль выяснилась изъ показаній Березовскаго при слѣдствіи, т.-е. покушенія на жизнь царя. Въ адресѣ это было не досказано, но могло быть такъ понято; конечно, двусмысленностью большинство вводилось въ обманъ, а потому видѣло и признавало въ томъ адресѣ порицаніе именно этого покушенія; во-вторыхъ, весь адресъ, отъ начала до конца, представлялся іезуитскимъ, смѣшливаго характера, измышленіемъ и наивно было бы въ немъ искать хоть каплю искренности, такъ какъ о трехъ изъ числа лицъ, подписавшихъ его, объ Рупрехтѣ, Кисенловскомъ и Получисскомъ, было извѣстно всѣмъ и каждому, что они издавна принадлежали къ составившемуся въ концѣ сороковыхъ годовъ въ Швейцаріи, имѣвшему массу приверженцевъ въ Италіи и во Франціи «обществу изведенія коронованныхъ особъ» (въ Женевѣ, въ Цюрихѣ, въ Неаполѣ, въ Римѣ, въ Парижѣ, въ Страсбургѣ, въ Ліонѣ и т. д.).

Всѣмъ памятны вышедшія вскорѣ послѣ покушенія Березовскаго, воззванія извѣстнаго французскаго эмигранта-революціонера Феликса Піа (Pyat), который въ Лондонѣ, въ воспоминаніе славныхъ дней 1848 года, между прочимъ, поставилъ и объявилъ Наполеона III внѣ закона, «предоставивъ каждому право лишить его жизни».

Тогда же газета «Pays», которая, какъ сказано выше, одна рѣшилась обратиться къ императору Александру, гостю Франціи, съ теплыми, симпатичными словами, если не оправданія всего того, что происходило тогда въ Парижѣ, то нѣкотораго смягченія,—эта газета съ ужасомъ привела по поводу сообщеній о воззваніи Феликса Піа извѣстія о воззваніяхъ другихъ демагоговъ; они восхваляли Каракозова, Орсини, Березовскаго, Зифелоге [1]), Любени [2]), Піанори [3]), Белламоре [4]), Беккера [5]), а также убійцъ сербскаго князя Михаила Обреновича въ саду топчидерскаго дворца, и при всемъ этомъ разстрѣлъ императора Максимиліана они выставили, какъ особый, высокій подвигъ мексиканскаго президента Хуареса, зачтя ему его въ громадную заслугу.

Если Феликса Піа и другихъ авторовъ этихъ «оцѣнокъ» считали дѣятельными членами «общества изведенія коронованныхъ особъ», а Рупрехтъ стоялъ съ ними въ однихъ рядахъ, то какое же значеніе могла имѣть его подпись подъ адресомъ, о которомъ идетъ рѣчь!

Присутствовавшіе на первоначальномъ слѣдствіи министры Руэръ и Барошъ поразились, увидѣвъ между прочей перепиской, найденной у Березовскаго во время обыска, записку, въ которой кто-то его увѣдомляетъ, что въ 1865 году на конгрессѣ въ Дрезденѣ созрѣло рѣшеніе отправить въ три страны убійцъ и поручить имъ убійство коронованныхъ правителей тѣхъ странъ.

Въ какія государства были назначены тѣ наемники, а также кто авторъ той записки,—осталось не выясненнымъ; предсѣдательствовалъ на дрезденскомъ конгрессѣ князь Сапѣга, по всѣмъ даннымъ тотъ самый, который проживалъ въ Парижѣ и, въ числѣ другихъ польскихъ аристократовъ, выѣхалъ изъ этого города чуть ли не наканунѣ прибытія туда нашего государя.

Кромѣ разныхъ записокъ и рукописей, у Березовскаго были подвергнуты выемкѣ нѣсколько книгъ, дававшихъ цѣлое ученіе

---

[1]) Баварецъ артиллеристъ, ранившій въ Берлинѣ короля Фридриха-Вильгельма IV въ правую руку выстрѣломъ изъ пистолета въ 1857 году.

[2]) Венгерецъ, ранившій въ 1853 году въ Прессбургѣ австрійскаго императора Франца-Іосифа въ шею.

[3]) Въ 1855 году въ апрѣлѣ на Монмартрѣ далъ два выстрѣла въ Наполеона III.

[4]) Въ томъ же году 8-го сентября выстрѣлилъ въ Наполеона III.

[5]) Выстрѣлилъ два раза изъ ружья въ только что вступившаго на престолъ короля Вильгельма I, при чемъ король былъ легко раненъ въ затылокъ (въ Баденъ-Баденѣ 1861 года).

о цареубійствѣ. Такимъ образомъ, господа министры знали объ этомъ обстоятельствѣ, но ни они, ни слѣдователи, ни судьи не дали значенія ему, хотя, казалось бы, оно могло съ достаточною опредѣленностью выяснить, какое участіе въ дѣлѣ направленія полуголоднаго, полоумнаго мальчика-неврастеника на гнусное преступленіе принимали тѣ, отъ кого онъ получилъ эти изданія, судя по виду и по содержанію, стоившія не дешево; на деньги, полученныя отъ заклада рванаго пальто, Березовскій не могъ ихъ купить; бѣдные родители также не имѣли возможности ему ихъ подарить; очевидно, вручилъ ему ихъ кто-то во всемірной столицѣ при окончательной отполировкѣ этого юноши-идіота, жаждавшаго сдѣлаться спасителемъ отечества и искавшаго возможности этого спасенія въ покушеніи на жизнь монарха, у котораго одинъ за другимъ назрѣвали рыцарскіе планы самыхъ разнообразныхъ освобожденій.

Одного не могли взять себѣ въ толкъ и не взяли эти «добрые люди», занявшіеся обработкой своего несчастнаго земляка,—что, желая навредить Россіи и стремясь принести ей самое большое горе и несчастье — лишить ее благороднѣйшаго царя, — они вредили гораздо больше и, конечно, больше всего,— своей «отчизнѣ», которая, по свойственной сынамъ ея фальши, съ фальшью понимала и свои пользы и пользы великой братской державы, своей сосѣдки, уже имѣвшей громадное несчастье въ томъ, что она получила во владѣніе «крулевство», вѣчно мутившее Россію и вѣчно тѣмъ самымъ въ конецъ портившее больше всего свою же собственную исторію.

Джуліани, приводя свои полныя интереса воспоминанія о малѣйшихъ подробностяхъ пребыванія государя въ Парижѣ, между прочимъ, разсказывалъ о томъ, какъ его величество отнесся къ Канроберу, которому, благодаря занимавшемуся имъ высокому посту—начальника парижскаго гарнизона,—счастливый случай далъ возможность приблизиться къ «великодушнѣйшему монарху», какъ самъ Канроберъ называлъ государя.

Услышавъ предложеніе маршала сопровождать его величество при осмотрѣ казармъ и другихъ учрежденій, государь принялъ это предложеніе; оно ему показалось простымъ, безхитростнымъ и искреннимъ, и онъ остался имъ «въ полной мѣрѣ» довольнымъ. Во время производства осмотра государь былъ крайне любезенъ съ маршаломъ, а по окончаніи осмотра сказалъ ему:

— Я очень благодаренъ вамъ за то, что вы—военный хозяинъ Парижа, какъ начальникъ его гарнизона,—сочли возможнымъ занять меня на цѣлый день осмотромъ въ высшей степени интересныхъ статей подвѣдомственной вамъ части; съ истиннымъ удивленіемъ осмотрѣвъ все, благодарю васъ за то, что вы не задумались пожертвовать мнѣ свое время; я очень заинтересовался всѣмъ видѣннымъ;

искренно сожалѣю, что въ настоящую минуту мое истинное наслажденіе окончилось и что я долженъ разстаться съ такимъ дорогимъ спутникомъ, какимъ вы сумѣли сдѣлаться для меня!»

Старый воинъ былъ крайне тронутъ этой любезностью государя, и, низко поклонившись, сказалъ:

— Ваше величество, изъ моей благодарной памяти никогда не изгладится этотъ счастливый день высокомилостивой ласки вашей ко мнѣ и ко всѣмъ учрежденіямъ, которыя вы осчастливили своимъ посѣщеніемъ; позвольте мнѣ засвидѣтельствовать то, что я глубоко чувствую своимъ тронутымъ сердцемъ: на всю жизнь я останусь почтительнѣйше преданнымъ и приверженнымъ вамъ слугою....

— А я только что сейчасъ подумалъ и приготовился сказать вамъ, что я никогда этого всего не забуду и что мы навсегда останемся друзьями,—почти перебилъ государь слова старика-маршала.

Канроберъ [1]) былъ на девять лѣтъ старше государя, но на видъ онъ казался гораздо старѣе своихъ лѣтъ и разницу въ ихъ годахъ можно было признать лѣтъ въ двадцать.

Черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ этого эпизода, въ 1878 году, мнѣ случилось, по волѣ государя Александра Николаевича, находиться на маневрахъ во Франціи. Прибывъ въ Везуль—главный городъ департамента Верхней Соны (Haute Saone), мы, иностранные офицеры, послѣ представленія командиру корпуса герцогу Омальскому, пожелали представиться прибывшему туда на маневры по приглашенію герцога маршалу Канроберу. Старика это очень тронуло; выйдя къ намъ въ садъ герцогскаго дома въ старенькомъ, заношенномъ мундирѣ и въ запыленной маршальской шляпѣ, какъ будто прямо изъ траншей, онъ былъ со всѣми нами въ высшей

---

[1]) Франсуа-де-Канроберъ—маршалъ имперіи Наполеона III; это былъ очень способный и храбрый боевой генералъ; практической школой для него, какъ и для многихъ видныхъ французскихъ генераловъ тѣхъ временъ, служилъ Алжиръ. Случается слышать, что этотъ маршалъ во время Крымской войны былъ главнокомандующимъ французской, дѣйствовавшей противъ насъ арміи; на самомъ дѣлѣ онъ лишь временно принялъ командованіе арміей по случаю смерти главнокомандующаго Сентъ-Арно; по пріѣздѣ же новаго начальника арміи Пелиссье сдалъ ему должность и остался попрежнему командиромъ 3-го корпуса; какъ при Сентъ-Арно, такъ и при Пелиссье на Канробера было возложено выполненіе въ деталяхъ дѣла осады Севастополя.

Всей французской арміи извѣстенъ воспроизведенный тогда въ средѣ иностранныхъ офицеровъ прусскимъ артиллерійскимъ капитаномъ фонъ-Генцгофомъ разсказъ объ этомъ маршалѣ. Однажды, во время обхода имъ рядовъ арміи, одинъ кавалерійскій солдатъ, приставивъ ему двуствольный пистолетъ почти въ упоръ, спустилъ курокъ. «Ну, дальше», остановился и произнесъ Канроберъ, услышавъ осѣчку. Когда раздался звукъ второй осѣчки, онъ сказалъ: «Судъ, въ свое время, скажетъ рѣшеніе, а пока за неисправность оружія выдержать этого бездѣльника недѣлю на хлѣбѣ и водѣ въ темномъ подвалѣ». Авт.

степени любезенъ и произвелъ на всѣхъ, не исключая и пруссаковъ, очень хорошее впечатлѣніе.

Въ тотъ годъ пруссаки были въ первый разъ послѣ войны 1870 года приглашены во Францію для присутствованія на маневрахъ; этотъ тактичный, вполнѣ оцѣненный и императоромъ Вильгельмомъ и германской арміей шагъ былъ предпринятъ по твердому настоянію тогдашняго президента республики маршала Макъ-Магона, герцога Маджентскаго, который на своемъ посту замѣстилъ, какъ извѣстно, Тьера.

Обходя во время нашего представленія въ Везулѣ офицеровъ всѣхъ армій, Канроберъ подошелъ особо ко мнѣ и сказалъ:

— Мнѣ очень пріятно пожать руку молодому представителю арміи всѣмъ сердцемъ глубокопочитаемаго мною императора всероссійскаго; я ни на минуту не забываю и никогда не забуду того высокомилостиваго отношенія, которое его величеству, великодушнѣйшему монарху, угодно было проявить по моему адресу уже болѣе десятка лѣтъ тому назадъ, когда государь, какъ гость покойнаго императора Наполеона, осчастливилъ Парижъ своимъ въ немъ пребываніемъ; не буду вспоминать, какъ болѣзненно отозвалось въ сердцѣ всѣхъ благородныхъ людей ужасное преступленіе, которымъ для парижанъ было отравлено пребываніе у нихъ высокопочитаемаго гостя, царя-Освободителя!

Затѣмъ маршалъ отъ слова до слова воспроизвелъ приведенный выше со словъ Джуліани разсказъ объ эпизодѣ, столь тронувшемъ и осчастливившемъ его, маршала,—лично.

Когда, по возвращеніи моемъ изъ-за границы, мнѣ довелось доложить объ этомъ государю, его величество, милостиво выслушавъ, задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, а затѣмъ сказалъ относительно Канробера:

— Достойный человѣкъ, честный, умный старикъ и, главное, въ полной мѣрѣ скромный; я такъ и буду всегда къ нему относиться неизмѣнно дружески. Кромѣ того, что онъ доставилъ мнѣ много хорошихъ минутъ при осмотрѣ мною показанныхъ имъ мнѣ учрежденій, онъ много порадовалъ меня тѣмъ, что не забылъ моего больного, тяжело раненаго героя взятія Джизака—Кузьминскаго; по моемъ отъѣздѣ изъ Парижа онъ нѣсколько разъ навѣстилъ его; это, съ его стороны, высокоблагородный поступокъ.

— Ты помнишь ли Кузьминскаго?—спросилъ затѣмъ государь и, на мой утвердительный отвѣтъ, немного помолчавъ, добавилъ съ большой печалью въ голосѣ и въ выраженіи лица:—Очень грустно кончилъ бѣдняга свою жизнь уже въ Молдавіи въ прошедшемъ году, во время моего проѣзда черезъ Яссы въ Плоэшты [1]).

При этомъ государь набожно перекрестился.

---

[1]) См. дальше, гл. VIII.

По должности префекта Сенскаго департамента, къ которому принадлежитъ Парижъ, государя сопровождалъ при осмотрѣ больницъ баронъ Георгъ Гаусманъ. Должность эту онъ занималъ съ 1853 по 1870 годъ. Во время управленія этимъ департаментомъ онъ энергично занимался перестройкой города Парижа по планамъ и непосредственнымъ указаніямъ Наполеона; всю древнюю часть города, съ узкими улицами и проулками, они, какъ бы по волшебству, обратили въ роскошную столицу съ широкими, длинными, прямыми улицами, авеню, бульварами, обширными площадями; несомнѣнно, съ точки зрѣнія навѣщающаго эту столицу обывателя это было прекрасно; самый пріѣздъ въ нее и простое краткое обозрѣніе ея доставляетъ громадное удовольствіе и наслажденіе. Но сколькихъ небогатыхъ домовладѣльцевъ эта перестройка разорила и пустила по міру; Наполеонъ, а по его волѣ и Гаусманъ, руководились, повидимому, тѣмъ и придерживались того, что «гдѣ рубятъ, тамъ и щепки летятъ». Между прочимъ городское хозяйство приведено было этими милліардными перестройками въ полное разореніе; городъ былъ втянутъ въ баснословные, рѣшительно неоплатные долги.

По нѣкоторымъ даннымъ, Гаусманъ происходилъ изъ нѣмецкой семьи, процвѣтавшей въ эльзасъ-лотарингскихъ провинціяхъ; это былъ офранцузившійся нѣмецъ, фамилію котораго французы произносили Османъ (Haussmann); названный въ честь его большой бульваръ, идущій отъ Большой оперы къ Тріумфальной аркѣ, такъ до сихъ поръ и величается «Бульваръ Османъ» [1]).

Парижъ, доставшійся весной 1871 года на разграбленіе коммунаровъ, безъ сомнѣнія, былъ ими «доразоренъ»; они разрушили безъ разбора и часть случайныхъ остатковъ древняго «темнаго» города и многое изъ построеннаго Гаусманомъ. Когда, по усмиреніи коммуны, пришлось все приводить въ порядокъ, этотъ дѣлецъ, уже не состоявшій въ должности префекта, былъ, какъ извѣстно, уполномоченъ оказать своимъ громаднымъ опытомъ содѣйствіе «достройкѣ» всемірной столицы: правительство третьей республики, съ президентомъ Тьеромъ во главѣ, оказало ему столько довѣрія, что рѣшилось привлечь его къ участію въ производствѣ необходимыхъ работъ, тѣмъ болѣе, что онъ въ теченіе этого времени сумѣлъ пристроиться къ службѣ по кредитнобанковой части, явившейся чувствительно необходимою въ ту именно пору—изысканія возможности скорѣйшей уплаты чудовищнаго бисмарковскаго пятимилліарднаго штрафа, наложеннаго «за слишкомъ смѣлые шаги Наполеона и его клевретовъ въ дѣлѣ вызова войны и за робость, проявленную этими авантюристами въ дѣлѣ веденія той войны».

---

[1]) Перестройка города не была закончена къ моменту начала войны 1870 года.

Впослѣдствіи Гаусманъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ попадалъ въ палату депутатовъ; многіе объясняли это тѣмъ, что, давая массѣ народа громадные заработки по перестройкѣ города, онъ являлся благодѣтелемъ неимущаго класса и такимъ образомъ привлекалъ большое расположеніе лично къ себѣ, а также преданность къ проходимцу Наполеону. Выставляя цѣлью производства этихъ работъ всевозможныя удобства населенія столицы, а отчасти и доставляя такія удобства (хорошая вода, ширь движенія по улицамъ, улучшенный воздухъ), въ сущности Наполеонъ и Гаусманъ, главнымъ образомъ, достигали при этомъ того, что держали въ рукахъ успокоенное населеніе, такъ какъ сотни тысячъ ремесленниковъ и поденщиковъ, обезпеченные заработкомъ, почти два десятка лѣтъ кричали «vive l'Empereur», и смута имъ не лѣзла въ голову; кстати, большія, прямыя, широкія улицы, авеню, проспекты затрудняли возможность хода уличныхъ возстаній, которымъ всегда помогаетъ тѣснота и загроможденность. Несомнѣнно, проведеніемъ хорошей воды и освѣженіемъ воздуха былъ сильно пониженъ процентъ смертности въ городѣ.

Вотъ почему избраніе депутатомъ явилось для Гаусмана вознагражденіемъ послѣ паденія имперіи; а въ какой степени много оставалось сторонниковъ у нея,—это многіе усматривали въ томъ, что въ депутаты Гаусманъ при республикѣ попадалъ по избирательному округу бонапартистовъ,—по городу Аяччіо на островѣ Корсикѣ. Этимъ, въ нѣкоторой степени, подтверждались слухи, ходившіе насчетъ того, что Гаусманъ вообще издавна пристроился къ семьѣ Бонапартовъ и ихъ средствами прокармливался; это дало ему случай особо прислужиться Наполеону III 2-го декабря 1851 года. Немало остатковъ силы низвергнутаго императора многіе видѣли въ томъ, что съ первыхъ же дней водворенія республики изъ года въ годъ по его «лейбъ-округу» избирался нѣсколько лѣтъ угодный ему прислужникъ—уроженецъ Лотарингіи.

Когда маршалъ Макъ-Магонъ, послѣ итальянской войны 1859 года, за одержанную побѣду былъ возведенъ въ герцоги [1]) (duc), нѣкоторые балагуры, очевидно, изъ его завистниковъ, говорили при дворѣ, что скорѣй слѣдовало дать этотъ высокій титулъ Гаусману.

— За что?—спросилъ самъ Гаусманъ.

— За украшенія и преобразованія всемірной столицы.

— Какимъ же герцогомъ вы меня прочили бы сдѣлать?

— Парижскимъ.

— Нѣтъ, Парижъ не герцогство, а лишь графство; вы знаете, что уже имѣется принцъ крови, которому присвоенъ титулъ графа Парижскаго...

---

[1]) Онъ, какъ извѣстно, получилъ титулъ герцога Маджентскаго за побѣду, одержанную при Маджентѣ.

— Ну, все равно, васъ можно сдѣлать герцогомъ Булонскимъ или Венсенскимъ, или, наконецъ, еще болѣе по достоинству—«герцогомъ Дюисскимъ».

Дюиссъ—названіе небольшой, но крайне быстрой рѣчонки, протекающей въ окрестностяхъ Парижа; изъ нея Гаусманъ снабдилъ водой бѣднѣйшія части города; эта вода, будучи взята изъ самыхъ холодныхъ ключей рѣки Дюисса, была самою чистою и здоровою для питья.

Вспоминая объ этой своей заслугѣ, Гаусманъ говорилъ:

— Если искать награды за Дюиссъ, то мнѣ мало одного титула герцога (duc).

— Чего же вы хотите еще,—князя, что ли?

— Нѣтъ, я объ этомъ не помышляю, а горю нетерпѣніемъ скорѣй получить aqueduc (водопроводъ).

Наполеону эта шутка показалась очень находчивою и остроумною; онъ много смѣялся; кромѣ того, онъ изъ нея заключилъ, будто Гаусманъ, не думая о себѣ и о своихъ благахъ, помышляетъ лишь о нуждахъ общественныхъ и о благосостояніи города; поэтому, обратившись къ нему, онъ сказалъ:

— При всей похвальности вашихъ заботъ о городѣ, я не могу вамъ предоставить придуманной вами награды, не могу дать вамъ титулъ акведука; съ вашимъ умѣньемъ, несомнѣнно, вы его доставите Парижу, я же вамъ придумалъ другое: отнынѣ пусть самый большой бульваръ, идущій отъ Оперы до Тріумфальной арки, носитъ ваше имя на память.

Вотъ какъ объясняютъ парижане происхожденіе этого названія, оставшагося за бульваромъ и понынѣ, и, повидимому, закрѣпленнаго за нимъ навсегда, несмотря на то, что были моменты, когда злоба, кипѣвшая въ націи противъ Евгеніи и Наполеона, не въ меньшей степени изливалась противъ ихъ слуги—Гаусмана (Османа) [1]).

Императоръ Александръ II, повидавъ нѣсколько разъ Гаусмана, при спеціальныхъ представленіяхъ и аудіенціяхъ, а также при осмотрѣ больницъ, когда съ нимъ, какъ съ гражданскимъ хозяиномъ города, приходилось вести бесѣды, высказалъ впослѣдствіи о немъ такое заключеніе: энергіей онъ кипитъ, человѣкъ способный и распорядительный; при этомъ ясно видно, что въ его жилахъ течетъ много семитской крови.

Дѣйствительно, можно было про него прямо сказать, что во всемъ его существѣ было видно много не только еврейскаго, но и

---

[1]) Французы, какъ извѣстно, не могутъ произносить иностранныя слова и фамиліи такъ, какъ они произносятся на томъ языкѣ, которому принадлежатъ. Изъ насъ четверыхъ, посланныхъ въ 1878 году на маневры во Францію, двое удостоились того, что ихъ фамиліи были исковерканы: вмѣсто графъ Игнатьевъ французы говорили Иньятевъ, а вмѣсто Энденъ—Анданъ (colonel Enden). Авт.

жидовскаго. Несмотря на это, а, можетъ быть, именно благодаря этому, онъ окончилъ свою, полную превратностей и изворотливости жизнь въ высокомъ званіи сенатора.

— Ни въ чемъ у него нельзя усмотрѣть ничего общаго съ Канробертомъ„—сказалъ государь:—а меньше всего въ присущей маршалу скромности.

VII.

Маневры 1878 года во Франціи.—Герцогъ Омальскій.—Его жизнь и служба.—Разсказы, характеризующіе его отношенія къ Наполеону III, къ бонапартистамъ, къ Франціи, къ Россіи и къ императору Александру II.—Герцогъ Омальскій, какъ командиръ корпуса.—Пріѣздъ Кузьминскаго изъ Парижа въ Петербургъ ко дню столѣтняго юбилея ордена св. Георгія.—Вниманіе государя къ нему; отправленіе его въ Крымъ.—Государь широко, по-царски обезпечиваетъ его въ матеріальномъ отношеніи.—Непріятности въ Варшавѣ.—Своеобразная американская дуэль.

Изъ лицъ, командированныхъ въ 1878 году на маневры во Францію, двое — командиръ Кавалергардскаго его величества полка свиты его величества ген.-майоръ графъ А. П. Игнатьевъ и л.-гв. Павловскаго полка полковникъ флигель-адъютантъ П. П. Энденъ — должны были пробыть въ два срока по двѣ недѣли въ двухъ корпусахъ, а начальникъ 29-ой пѣхотной дивизіи, бывшій воспитатель великаго князя Николая Константиновича ген.-лейт. А. Ф. Мирковичъ 1-й и я въ двухъ другихъ корпусахъ. На нашу долю выпало пробыть вторую половину августа въ Везулѣ въ VII корпусѣ герцога Омальскаго, а первую половину сентября въ Аррасѣ, въ I корпусѣ генерала Кленшана (Klinchan). Генералъ Мирковичъ опоздалъ прибытіемъ во Францію и попалъ только въ корпусъ генерала Кленшана; въ корпусъ же герцога прибылъ съ нѣкоторымъ опозданіемъ замѣстившій свѣтлѣйшаго князя Витгенштейна въ должности нашего военнаго агента въ Парижѣ генеральнаго штаба полковникъ баронъ Л. А. Фредериксъ.

Принцъ Евгеній-Людовикъ Орлеанскій герцогъ Омальскій былъ четвертый сынъ Луи-Филиппа I, короля Франціи (1830—1848); онъ родился въ 1822 году, съ юныхъ лѣтъ служилъ въ Алжирѣ, гдѣ стяжалъ себѣ славу прекраснаго боевого офицера. Когда въ 1847 году алжирскому военному губернатору Ламорисьеру сдался знаменитый предводитель арабскихъ племенъ Абдъ-эль-кадэръ, въ теченіе многихъ лѣтъ упорно сопротивлявшійся французамъ,— двадцатипятилѣтній командиръ полка и полковникъ генеральнаго штаба герцогъ Омальскій былъ признанъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ блестящей побѣды; герой былъ награжденъ чиномъ генерала, командорскимъ крестомъ ордена Почетнаго Легіона, назначенъ бригаднымъ генераломъ, а затѣмъ вскорѣ замѣстилъ Ламорисьера. Разсказываютъ, что онъ съ большимъ упорствомъ и съ

не меньшею искренностью отказывался отъ наградъ, выставляя прямо и откровенно, что является крайне неловкимъ сыну короля получать сразу столько боевыхъ отличій; потребовалось вмѣшательство отца его для того, чтобы устранить возникшія затрудненія.

Вспыхнувшая въ слѣдующемъ 1848 году революція заставила Луи-Филиппа отказаться отъ престола; вслѣдъ затѣмъ и сынъ его, покинувъ свой постъ, удалился въ Англію, гдѣ занялся литературой.

Это былъ очень способный, высокообразованный, начитанный человѣкъ; онъ отличался гуманностью взглядовъ и крайнимъ благородствомъ души. Написанная имъ въ 1861-мъ году противъ сенатской рѣчи Наполеона III рѣзкая статья, изданная въ видѣ отдѣльной брошюры «Lettre sur l'histoire de France», въ свое время произвела большую сенсацію во Франціи и долго шумѣла; другое рѣзкое сочиненіе его «Qu'a-t-on fait de la France» увидѣло очень мало свѣта во Франціи: какъ запрещенное и преслѣдовавшееся судебнымъ порядкомъ въ имперіи, оно было сразу «при въѣздѣ» конфисковано и предано уничтоженію.

Находившійся въ 1878 году между прочими иностранными офицерами въ Везулѣ на маневрахъ отъ Пруссіи капитанъ Генцгофъ, очень способный и серьезно образованный артиллеристъ, разсказывалъ, что Наполеонъ III, снаряжая въ 1853 году свою армію въ Крымъ, предложилъ герцогу Омальскому, котораго способности были ему хорошо извѣстны, должность командира одного изъ корпусовъ. Многіе французскіе офицеры и нѣкоторые генералы, изъ числа находившихся въ Везулѣ, подтверждали это сообщеніе. Состоявшій же при насъ прекрасно владѣвшій русскимъ языкомъ французскаго генеральнаго штаба майоръ Кардо, не опровергая въ цѣломъ сообщенія Генцгофа, далъ подробное освѣщеніе этой исторіи.

Извѣстно, что Наполеонъ былъ большой руки фокусникъ и интриганъ; у него дѣйствительно могла созрѣть всякая продѣлка, имѣющая въ основѣ что-либо дурное и низменное; его вообще направленный къ низкому умъ могъ додуматься до предложенія—ввѣрить командованіе бонапартовскими войсками во время войны одному изъ самыхъ видныхъ представителей Орлеанскаго дома. Пустивъ украдкой слухъ объ этомъ своемъ планѣ, онъ его нигдѣ не рѣшился сразу поддержать, такъ какъ долженъ былъ чувствовать и предвидѣть, что такое предложеніе было заранѣе обречено на полный провалъ. Не такой былъ человѣкъ герцогъ Омальскій, чтобы повѣрить въ искренность чего бы то ни было, исходившаго отъ «булонско-гаврскаго заговорщика и арестанта»; герцогъ отказался бы, о чемъ прямо и говорилъ, слыша вѣсти о пущенномъ тайкомъ слухѣ, добавляя, что во всякомъ предложеніи этого «узурпатора» всегда можно заподозрѣть какую угодно ловушку и западню.

Капитанъ Генцгофъ увѣрялъ, будто бы Наполеонъ все-таки сдѣлалъ предложеніе герцогу Омальскому черезъ кого-то изъ своихъ приближенныхъ и будто бы герцогъ отказался наотрѣзъ, сказавъ, что предложеніе командовать корпусомъ онъ счелъ бы лестнымъ, какъ отданіе долга его военнымъ заслугамъ; для Франціи онъ готовъ всегда беззавѣтно и всецѣло жертвовать собой и, конечно, охотно взялся бы за оружіе, но никогда не рѣшился бы стать въ ряды бонапартовской арміи, въ особенности противъ Россіи.

— Кто не знаетъ,—добавилъ Генцгофъ:—что и Орлеаны и Бурбоны считаютъ себя обязанными Россіи за 1814 годъ, когда императоръ Александръ I, послѣ сверженія Наполеона I, не только посадилъ на французскій престолъ Людовика XVIII, но совершенно дружески руководилъ имъ, а затѣмъ оказалъ ему мощную поддержку въ 1815 году, когда Наполеонъ, поднявшись съ острова Эльбы и высадившись на берегъ въ Провансѣ, пошелъ на Парижъ.

Выслушавъ все разсказанное пруссакомъ, майоръ Кардо вскочилъ и горячо, съ нѣкоторою запальчивостью возразилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, герцогъ Омальскій вовсе не изъ числа тѣхъ людей, которые не понимаютъ всей громадности разъѣдающаго Францію несчастья, держащагося на томъ, что «всѣ отношенія у насъ теперь складываются мелочами политики», подмѣшиваемой нами во все безъ разбора и въ ущербъ всякому, самому серьезному дѣлу. Герцогъ лучше всѣхъ понимаетъ, что все орлеанское, бонапартистское, бурбонское и всякое иное должно сглаживаться, стираться и уничтожаться, когда вопросъ идетъ о чести отечества. Я уже слышалъ раньше о томъ, что Наполеонъ нашелъ-таки способъ дойти со своимъ предложеніемъ до герцога, — сказалъ дальше Кардо: — но я знаю и то, что не такой отвѣтъ далъ герцогъ, рѣзко указавшій Наполеону въ своемъ отпорѣ на то, чего Наполеонъ никакъ не ожидалъ услышать, въ особенности отъ него; вотъ его отвѣтъ:

«Я никогда не стану во главѣ какой бы то ни было части и не стану въ ряды арміи,—будь она бонапартовская или какая бы то ни было иная, когда, толкаемая своимъ представителемъ, она позорно идетъ противъ святого дѣла, предпринятаго великой державой и ея царемъ въ защиту христіанъ, угнетаемыхъ грубою силою полумѣсяца. Изъ-за чего, въ сущности, армія сыновъ Франціи идетъ на эту борьбу? Она поневолѣ топчетъ честь отечества исключительно изъ-за меркантильныхъ расчетовъ людей, коимъ посчастливилось 2-го декабря захватить власть, получивъ такимъ образомъ возможность заглушать, давить, уничтожать и душить все чистое, честное, великое для осуществленія того, что обусловливается ихъ мелкими вожделѣніями...».

— Вотъ что отвѣтилъ герцогъ Омальскій, если вы хотите знать истину,—пояснилъ Кардо:—ничто узкое бонапартовско-орлеанское тутъ значенія не имѣло и роли не играло. Чести Франціи и за-

щитѣ благородныхъ порывовъ Россіи съ царемъ во главѣ далъ первое мѣсто благородный принцъ...

Такъ майоръ Кардо закончилъ свое возраженіе, ярко охарактеризовавшее герцога Омальскаго.

Въ 1871 году, послѣ отмѣны правительствомъ третьей республики изданнаго въ 1848 году декрета объ изгнаніи изъ Франціи Бурбоновъ и Орлеановъ, герцогъ Омальскій возвратился во Францію, призналъ республику и былъ допущенъ въ національное собраніе; въ 1873 году онъ предсѣдательствовалъ въ засѣдавшемъ въ Тріанонѣ судѣ надъ маршаломъ Базеномъ; съ 1875 года—командовалъ VII корпусомъ въ Везулѣ.

Иностранныхъ офицеровъ, прибывшихъ къ нему въ 1878 году, онъ очаровалъ своею любезностью; эта ровная серьезная любезность, общительность, деликатнѣйшее обращеніе герцога, непринужденность простоты этого обращенія были тогда отмѣчены и подчеркнуты всѣми иностранными офицерами, даже чопорно-грубые пруссаки приходили въ восторгъ, насколько вообще способность восторгаться доступна ихъ характеру и нраву.

Его крайне привлекательная любезность изобличала въ немъ человѣка самаго высшаго круга прежнихъ французскихъ салоновъ; тончайшею обходительностью своей онъ дѣлалъ то, что каждому казалось, будто онъ именно къ нему относится съ особымъ расположеніемъ; а между тѣмъ въ его обращеніи не было видно ни особаго старанія быть любезнымъ, ни даже усиленія какой-либо ласки; еще меньше проявлялось чего-либо дѣланнаго или фальшиваго, словомъ, такого, что, не будучи способно привлечь, обманываетъ лишь самого расточающаго фальшь и полагающаго вызвать ею чувства расположенія къ себѣ, въ сущности же достигающаго совершенно противоположныхъ результатовъ.

Во все время нашего десятидневнаго пребыванія въ Везулѣ мы пользовались широкимъ гостепріимствомъ герцога; ежедневно рано утромъ мы выѣзжали на маневры въ его разнообразныхъ экипажахъ до намѣченнаго пункта, на которомъ герцогъ, его начальникъ штаба, лица свиты и всѣ мы пересаживались на коней.

Тамъ въ полѣ, около полудня, въ боевой обстановкѣ, среди войскъ, которымъ на это время давался перерывъ, мы у него завтракали, располагаясь для этого въ шатрѣ или просто въ прохладѣ лѣса на чистомъ воздухѣ. По возвращеніи съ маневровъ, обыкновенно около восьми часовъ вечера, обѣдали у него въ домѣ; затѣмъ онъ насъ приглашалъ къ разбору происшедшихъ за день движеній и дѣйствій войскъ, при чемъ просилъ каждаго высказываться просто, прямо, откровенно обо всемъ, что было замѣчено относительно войскъ.

Нѣсколько разъ, въ общемъ разговорѣ, герцогъ Омальскій обращался къ своимъ воспоминаніямъ о государѣ Александрѣ Николаевичѣ, которому давно, «въ юности своей, въ Лондонѣ, имѣлъ счастливый случай и высокую честь представиться—тогда еще наслѣднику престола».

Однажды среди обѣда герцогъ совершенно неожиданно всталъ и, провозгласивъ тостъ за здоровье государя императора, сказалъ:

— Я знаю, что сегодня день тезоименитства его величества, и помню это со дня лондонскаго представленія моего; оно случилось въ этотъ же день 30-го августа стараго стиля; это день святого, имя котораго носитъ царь.

Занявъ послѣ тоста свое мѣсто, герцогъ снова разговорился объ государѣ, вселившемъ въ немъ самыя лучшія воспоминанія, «постоянно согрѣвающіяся, по словамъ герцога, непрерывными извѣстіями о реформахъ, которыя вызываютъ сплошное преклоненіе передъ гуманнымъ царемъ, такъ легко и неустанно во все время своего царствованія осчастливливающимъ свой народъ и свою необъятную страну. Богъ дастъ, мнѣ удастся осуществить свое задушевнѣйшее желаніе — еще разъ представиться «этому великому человѣку и величайшему изъ государей нынѣшняго вѣка».

Сидѣвшій рядомъ съ герцогомъ маршалъ Канроберъ сказалъ:

— Ваше высочество испытаете совершенно особое, не поддающееся описанію чувство, которымъ чаруетъ сердечная мягкость обращенія государя.

— Я прошу васъ, если это возможно, вмѣстѣ съ представленіемъ его величеству чувствъ просившаго васъ объ этомъ достоуважаемаго маршала, представить также засвидѣтельствованіе моей почтительнѣйшей преданности.

Эти слова герцогу невольно пришлось обратить ко мнѣ, такъ какъ никого тамъ больше не находилось, кто вскорѣ долженъ былъ возвращаться въ Россію.

Герцогъ наговорилъ столько любезностей и такъ много занялся государемъ и Россіей, что поневолѣ приходилось озираться,—не задѣнетъ ли это кого-либо; но ни одинъ баварецъ, ни одинъ пруссакъ и даже ни одинъ австріецъ нисколько не насупилъ бровей...

При герцогѣ въ теченіе всего времени маневровъ состоялъ и исполнялъ службу ординарца его племянникъ—старшій сынъ его старшаго брата, уже тогда покойнаго герцога Орлеанскаго, графъ Парижскій, къ которому дядя относился какъ къ нѣжно любимому сыну. Графъ въ то время считался самымъ старшимъ представителемъ Орлеанскаго дома, имѣлъ всѣ права на занятіе французскаго королевскаго престола, а въ семьѣ и среди партіи считался кандидатомъ на него.

Представивъ государю кратко то, о чемъ просилъ герцогъ Омальскій, я выслушалъ отъ государя въ высшей степени привѣтливыя слова:

— Я очень радъ, что ты вспомнилъ объ этомъ,—сказалъ государь:—герцогъ меня тогда же очень тронулъ своей телеграммой, а затѣмъ и письмомъ; я отвѣтилъ ему, прося его списаться со мной о томъ, гдѣ и когда намъ удобнѣе было бы свидѣться; я очень радъ былъ бы его повидать.

Свиданію, однако, не суждено было состояться: въ слѣдующемъ 1879 году интриги выставили противъ герцога подозрѣніе въ честолюбивыхъ происках и въ концѣ того года онъ былъ уволенъ отъ службы на 57-мъ году жизни; это такъ удручило его, что онъ очень долго проболѣлъ тяжелою болѣзнью; а затѣмъ всякія надежды оборвались 1-мъ марта 1881 года.

Герцогъ Омальскій былъ на пять лѣтъ моложе государя; онъ умеръ въ 1897 году 75-ти лѣтъ отъ роду.

Послѣ длиннаго перерыва продолжаю разсказъ о Кузьминскомъ.

По отъѣздѣ государя онъ оставался на излеченіи въ Парижѣ до конца мая 1868 года; лѣтомъ его отправили въ предѣлахъ Франціи на воды; въ теченіе зимы 1868—9 продолжали лечить въ той же больницѣ улицы Бакъ; лѣто 1869 года ему пришлось провести на водахъ, сначала во Франціи, а потомъ въ Теплицѣ.

Какова была его радость, когда къ столѣтію со дня учрежденія великою Екатериною ордена св. Георгія онъ получилъ возможность прибыть въ Петербургъ и, хотя на костыляхъ, представиться государю въ самый день принятія царемъ званія гроссмейстера ордена и возложенія имъ на себя ленты св. Георгія 1-й степени, согласно статута, установленнаго учредительницей.

Пребываніе въ сѣверной столицѣ, рѣзкость перемѣнъ погоды, различныя пиршества, вызывавшіяся чествованіями при встрѣчахъ со старыми знакомыми, съ товарищами и друзьями, а также необходимость подвергать себя вліянію жестокихъ морозовъ,—все это обусловило большое и замѣтное ухудшеніе здоровья израненнаго страдальца.

Государь, узнавъ о послѣдовавшемъ ухудшеніи, огорчился и очень заботливо поручилъ лейбъ-медикамъ Здекауэру, Цицурину и Боткину, осмотрѣвъ его внимательно, избрать ему мѣсто жительства. Доктора склонялись къ тому, чтобы отправить его въ Каиръ, но онъ взмолился и просилъ, въ видѣ милости, оставить его въ Россіи.

— Истосковавшись по родинѣ,—сказалъ онъ:—я отъ одной тоски могу умереть на чужбинѣ.

Это было доложено государю съ приложеніемъ того мнѣнія, что, если выбирать мѣстность въ Россіи, то лучше всего остановиться на назначеніи южнаго берега Крыма.

Тогда государь велѣлъ немедленно отправить его въ Крымъ, тамъ начать правильно производить ему ту ренту, о которой его величество говорилъ въ Парижѣ князю Витгенштейну и которую велѣлъ назначить ему пожизненно, отпустивъ разомъ всю сумму, причитавшуюся ему по расчету со дня полученія имъ ужасныхъ въ конецъ искалѣчившихъ его ранъ, т. е. со дня совершенія имъ геройскаго подвига.

Не остановившись на этомъ, государь, съ тѣмъ вмѣстѣ, велѣлъ сохранить ему тотъ мундиръ, въ которомъ онъ былъ въ моментъ совершенія подвига—мундиръ Волынскаго уланскаго полка, а командующему войсками одесскаго военнаго округа генералъ-адъютанту П. Е. Коцебу лично приказалъ считать Кузьминскаго состоящимъ при немъ, оберегать его и обо всѣхъ нуждахъ его, когда такія окажутся, всеподданнѣйше доносить.

Послѣ того Кузьминскій пробылъ пять лѣтъ въ Крыму, пользуясь въ лѣтніе мѣсяцы то сакскими грязями, то одесскимъ лиманомъ, то водами липецкими или старорусскими.

Вотъ послѣ чего онъ, надумавъ вернуться въ свой полкъ, появился лѣтомъ 1874 года въ привѣтливой Варшавѣ. Оставленіе ему дорогого мундира славнаго Волынскаго полка онъ считалъ самою высокою царскою милостью и самою большою, послѣ георгіевскаго креста, наградою.

Ходилъ онъ при помощи костылей, однако по временамъ позволялъ себѣ, съ разрѣшенія врачей, ѣздить верхомъ; при этомъ лишь было поставлено условіемъ стараться избѣгать очень большихъ переходовъ и не утомлять себя движеніемъ крупной рысью.

Вообще можно сказать, житье его было полуздоровое, а здоровье полукрѣпкое; хотя оно съ теченіемъ времени физически укрѣплялось, но въ нервномъ отношеніи — сильно ухудшалось; больной дошелъ почти до той высшей степени раздражительности, какая у него замѣчалась только во времена начала постановки правильнаго научнаго метода леченія въ парижской больницѣ улицы де-Бакъ.

Ко времени, о которомъ предстоитъ рѣчь, со дня раненія прошло болѣе восьми лѣтъ; года эти Кузьминскій прожилъ почти въ полномъ одиночествѣ, отъ людей отвыкъ, одичалъ и огрубѣлъ. Первый годъ его пребыванія въ Варшавѣ прошелъ, можно сказать, почти благополучно, но слѣдующій годъ сразу сталъ чреватъ разнообразными непріятностями, или, вѣрнѣе сказать, «исторіями», изъ которыхъ каждая представляла собой нѣчто подобное тому, что можно назвать «уличнымъ скандаломъ».

Вдругъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Кузьминскій изъ-за какой-то мелочи задрался съ какимъ-то очень мелкимъ обывателемъ во время обычнаго концерта Штрауса «въ Швейцарской долинѣ», при чемъ онъ пригрозилъ какому-то «пану добрдзію» костылями; въ другой разъ, когда бравому офицеру случилось, промчавшись на великолѣпной русской тройкѣ своей, кого-то сшибленнаго ею съ ногъ переѣхать, онъ, на требованіе городового назвать себя для составленія протокола, опять отвѣтилъ обѣщаніемъ познакомить съ расправой костылями; по счастію, оба раза это осталось простой угрозой.

Однако третье столкновеніе прямо началось съ костылей. Кузьминскій на той же своей бросавшейся въ глаза и славившейся среди варшавянъ тройкѣ подъѣхалъ къ одному изъ театровъ и, подойдя къ кассѣ, спросилъ себѣ нѣсколько билетовъ въ кресла.

— Кресла всѣ распроданы,—отвѣтилъ кассиръ.

— Неправда, я вижу, что билеты еще остались.

— Эти уже запроданы по особому заказу.

— Сейчасъ подай!—потребовалъ онъ грозно и громко.

— Нѣтъ, я не могу ихъ дать, не смѣю...

— Не можешь, не смѣешь! Повторяю: подай сію секунду, негодяй.

— Алежъ не, нѐдамъ,—имѣлъ кассиръ неосторожность отвѣтить по-польски.

— Какъ! ты осмѣливаешься отвѣчать мнѣ не на томъ языкѣ, на которомъ я съ тобой говорю!..

Опершись крѣпко на одинъ костыль, Кузьминскій просунулъ другой въ маленькое окошко кассы и прижалъ имъ бѣднягу кассира, пришпиливъ его къ стѣнѣ на манеръ того, какъ пришпиливаютъ бабочекъ и жучковъ при составленіи коллекціи насѣкомыхъ.

Несчастный кассиръ отдѣлался отъ большой бѣды, но какъ вышло, что онъ остался живъ, цѣлъ и невредимъ,—это одинъ Богъ вѣдаетъ. Черезъ нѣсколько дней произошло подъ рядъ нѣсколько исторій, относительно которыхъ приходилось удивляться тому, какъ самъ Кузьминскій оставался въ нихъ цѣлымъ. Натолкнувшись въ комендантскомъ управленіи на отказъ или на промедленіе въ выдачѣ ему какого-то документа или въ помѣщеніи спѣшной отмѣтки въ таковомъ, онъ схватилъ со стола довольно увѣсистую хрустальную песочницу и бросилъ ее писцу въ голову; этотъ чиновникъ управленія получилъ разсѣченную рану и едва отдѣлался отъ сильныхъ припадковъ нервнаго разстройства. Генералъ-адъютантъ Коцебу, не признавъ возможнымъ оставить этотъ случай безъ вниманія, велѣлъ арестовать Кузьминскаго и продержать его трое сутокъ на гауптвахтѣ; тамъ онъ придрался къ сторожу и побилъ его костылемъ.

Отбывъ это наказаніе, герой Ура-Тюбе и Джизака уѣхалъ въ началѣ лѣта сравнительно на долгій срокъ въ какой-то курортъ, изъ котораго вернулся лишь осенью.

Надо замѣтить, что онъ особенно любилъ поухаживать за хорошенькими дамами и никакъ не могъ себѣ представить, чтобы противъ его обаятельной, мужественной красоты можно было устоять. Случилась ему на пути очень молодая, красивая, миніатюрная, въ видѣ прелестной куколки, брюнетка, русская, за годъ передъ тѣмъ вышедшая замужъ и поселившаяся въ Варшавѣ съ мужемъ, также чисто русскимъ человѣкомъ, только что начавшимъ тогда свою ученую карьеру; она съ такимъ твердымъ упорствомъ показывала полнѣйшее равнодушіе въ отвѣтъ на начатыя имъ съ весны ухаживанья за ней и увиванья возлѣ нея, что его это стало серьезно озабочивать; выказывалъ онъ свою озабоченность нервнымъ раздраженіемъ, легко переходившимъ въ ражъ; онъ злобствовалъ и безумствовалъ въ такой степени, что всѣ его исторіи можно было приписать этому неудачному ходу его романическаго похожденія. Спокойствіе молоденькой красавицы его бѣсило; онъ готовъ былъ ея индифферентное къ нему отношеніе приписать чему угодно, но не могъ постичь того, что она могла питать къ мужу тѣ чувства, которыхъ онъ, герой, требовалъ по отношенію къ себѣ, и, кромѣ того, что она могла просто держаться прежде и больше всего чувства долга. Ни она, ни ея мужъ не усмотрѣли необходимости какъ-либо отдѣлаться отъ такого знакомаго, тѣмъ болѣе, что, вымещая свои неудачи на другихъ, онъ умѣлъ держать себя въ ихъ домѣ совершенно корректно и прилично. Что въ его поведеніи имѣлась какая-то неловкость, всѣмъ близкимъ къ дому пришлось почувствовать только тогда, когда всѣ увидѣли, насколько съ его отъѣздомъ изъ Варшавы всѣмъ сразу стало легче и какъ-то свободнѣе,—точно всѣ избавились отъ тяжелаго стѣсненія.

По своемъ возвращеніи Кузьминскій не могъ ни въ толкъ себѣ взять, ни простить дамѣ, когда увидѣлъ, что она не только продолжала упорствовать въ своемъ нежеланіи отвѣчать ему взаимностью, но какъ будто за время его отсутствія усвоила себѣ привычку отъ него совершенно отворачиваться и его персону рѣшительно игнорировать.

Испробовавъ все, чтобы вернуть хотя бы прежнюю степень ея внимательности къ нему,—если ужъ исканіе расположенія являлось невозможнымъ,—Кузьминскій съ досадой увидѣлъ безуспѣшность предпринятаго и потому совершенно просто рѣшилъ, что происходитъ все изъ-за ея чувствъ къ какому-нибудь другому, болѣе счастливому ухаживателю.

Такъ рисовалось дѣло въ его больномъ, разстроенномъ воображеніи.

Сложнаго въ этой исторіи онъ не усмотрѣлъ ничего, а, понаблюдавъ въ тоскѣ дня три-четыре, подкараулилъ незнакомаго ему молодого гвардейскаго офицера при выходѣ его изъ квартиры красавицы и, остановивъ его, предъявилъ ему обвиненіе въ томъ, что, заходя къ дамѣ во время отсутствія ея мужа, офицеръ компрометируетъ ее и

оскорбляетъ мужа,—онъ же, Кузьминскій, какъ другъ мужа, обязанъ оберегать его честь, почему требуетъ отъ офицера удовлетворенія.

Нечего было вдумываться въ то, чтобы усмотрѣть, насколько разстроилась въ несчастномъ способность думать и разсуждать; измышленіе такого поворота дѣла дало ему полный аттестатъ; несмотря на это, не далѣе, какъ черезъ два-три часа, секунданты гвардейскаго офицера явились въ назначенное мѣсто. Не найдя секундантовъ Кузьминскаго и прождавъ ихъ напрасно до вечера, они рѣшили разойтись по домамъ и увѣдомить объ этомъ уполномочившаго ихъ товарища.

Оказалось, что тѣмъ временемъ какъ бы разыгралось продолженіе этой «исторіи». Молодой гвардеецъ, прождавъ напрасно возвращенія своихъ пріятелей-секундантовъ, отправился искать ихъ, а кстати рѣшилъ зайти куда-либо наскоро пообѣдать. Дома денщику своему онъ объяснилъ, что очень скоро возвратится, а если, до своего возвращенія, онъ понадобится кому бы то ни было, то искать его въ ресторанѣ Стемпковскаго на Театральной площади.

Только что онъ началъ обѣдать, какъ въ залъ небольшого ресторана вошелъ Кузьминскій и, оглядѣвшись, направился прямо къ своему сопернику съ видимымъ намѣреніемъ заговорить, при чемъ смущенно произнесъ:

— Я къ вамъ...

— Что вамъ угодно?—сказалъ офицеръ, какъ бы перебивъ подошедшаго:—дѣло свое мы передали секундантамъ, а потому никакихъ разговоровъ между нами быть не можетъ и не должно.

— Я васъ очень прóшу,—запинаясь проговорилъ Кузьминскій:—выслушайте меня; я весь день старался найти секундантовъ, но это мнѣ не удалось; прошу васъ, возьмите одинъ изъ этихъ билетовъ.

Онъ раскрылъ руку; на его ладони оказались двѣ тщательно свернутыя въ трубочку записки, очевидно, нарочно заготовленныя раньше.

Гвардейскій офицеръ, совершенно машинально, взялъ одинъ изъ билетовъ и развернулъ; онъ оказался чистымъ; на другомъ билетѣ, который развернулъ Кузьминскій, было крупно написано какое-то слово,—онъ какъ бы поторопился скомкать его и спрятать въ карманъ съ очевидною цѣлью не дать никому разобрать это слово...

— Ну,—сказалъ онъ въ растерянномъ раздумьи:—мнѣ, по обыкновенію, одинъ удѣлъ...

Тутъ только молодой офицеръ догадался, что создалось нѣчто подобное американской дуэли.

— Нѣтъ, нѣтъ,—торопливо произнесъ онъ:—это напрасно; если бы мнѣ достался вашъ билетъ, я не исполнилъ бы никакой надписи, говорю и утверждаю прямо; наше дѣло передано въ руки довѣренныхъ лицъ—секундантовъ, и мы должны ожидать окончанія ихъ переговоровъ; надо надѣяться, что вы наконецъ найдете секундантовъ...

— Прощайте,—грубо перебилъ Кузьминскій:—живите счастливо, а ей скажите, что я за нее погибаю совершенно спокойно; мнѣ не въ первой...

Онъ быстро вышелъ, сѣлъ на извозчика и умчался.

Случайно присутствовавшіе при этой сценѣ два артиллерійскихъ офицера и одинъ пѣхотный, а также трое штатскихъ ничего не поняли въ ней, тѣмъ не менѣе всѣмъ она показалась какою-то дѣланною, театральною, аффектированною, или, просто сказать, похожею на пошлую комедію.

Секунданты, которымъ ихъ довѣритель поторопился разсказать все происшедшее, нашли въ этомъ много смѣшного и, сопоставляя случившееся съ тѣмъ, что секунданты джизакскаго героя въ теченіи цѣлаго дня не были присланы для переговоровъ,—сочли всю эту выходку его за ясный признакъ исчезновенія въ немъ мощнаго духа, когда-то подвигавшаго его на подвиги богатырскаго мужества и колоссальнаго молодечества.

— Духъ геройства,—говорили они,—пропалъ въ Кузьминскомъ.

— Нельзя такъ просто осуждать, надо знать всю суть дѣла; можетъ быть, оно не такое простое, мало ли что можетъ въ немъ скрываться,—возражалъ молодой гвардейскій офицеръ, но самъ чувствовалъ, что возраженіе его не имѣетъ твердаго основанія.

Казалось, что вообще все продѣланное Кузьминскимъ за послѣднее время въ Варшавѣ было подчинено тому мозговому разслабленію, которое людямъ свѣдущимъ могло указать на ясные признаки явившагося у несчастнаго героя самой сложной формы разжиженія мозга и прогрессивнаго паралича.

Въ теченіе слѣдовавшаго за этимъ вечеромъ дня вся Варшава была занята толками о подвигѣ героя и пересудами объ этой странной исторіи съ бѣгствомъ его.

Среди разговоровъ, между прочимъ, громко объяснялось, что тяжкія раненія, вынесенныя въ свое время страдальцемъ, лишили его, какъ тогда выражались, радостей жизни; говорили, будто бы парижскій врачъ, ясно видѣвшій все безжалостно произведенное въ организмѣ ужаснымъ искалѣченіемъ, съ грустью констатировалъ полную безвозвратную импотенцію, о которой, взывая къ благоразумію своего паціента, прямо и честно освѣдомилъ его.

Обо всемъ, что произошло въ теченіе дня вызова, было подлежащею властью формально доведено до свѣдѣнія генералъ-адъютанта графа Коцебу; онъ призналъ нужнымъ взять и съ гвардейскаго офицера и съ Кузьминскаго подписку въ томъ, что они обязуются честнымъ словомъ ничего не предпринимать для осуществленія какой бы то ни было дуэли—«настоящей или хотя бы изобрѣтенной кѣмъ-либо изъ нихъ». Давъ коменданту генералъ-лейтенанту графу Развадовскому распоряженіе объ исполненіи этого, П. Е. Коцебу, однако, при всей своей серьезности, много смѣялся, когда до его

свѣдѣнія было доведено обо всемъ томъ, что произошло вечеромъ, въ особенности, когда тотъ же графъ Развадовскій послѣднюю сцену разсказалъ въ шутливомъ и забавномъ тонѣ, съ дополненіемъ заключенія о театральности, проявленной Кузьминскимъ.

— Совсѣмъ развинтился бѣдный Кузьминскій,—добавилъ графъ Коцебу серьезно:—вѣдь это все въ немъ творятъ болѣзни; онѣ его извели и совершенно исковеркали; надо непремѣнно поручить врачамъ внимательно освидѣтельствовать его и слѣдить за состояніемъ его здоровья; оно совершенно пропадаетъ.

Сколько впослѣдствіи случаевъ представилось всѣмъ знавшимъ джизакскаго героя пожалѣть о томъ, что эти слова остались не исполненными; комендантъ графъ Развадовскій за дряхлостью и разбитостью могъ не разслышать ихъ или не взять въ толкъ; самому же командующему войсками, графу Коцебу, входить во всѣ подобныя мелочи не представлялось возможнымъ. Такъ все и осталось втуне.

Можно себѣ представить, какъ всѣ много толковавшіе обо всей этой исторіи были поражены, когда на другой день къ вечеру графъ Коцебу получилъ изъ мѣстечка, въ которомъ стоялъ Волынскій уланскій полкъ, телеграмму съ официальнымъ донесеніемъ о томъ, что «штабъ-ротмистръ Кузьминскій, желая лишить себя жизни, выстрѣлилъ изъ револьвера себѣ въ лѣвое легкое; пуля, пройдя насквозь, пробила легкое и вышла въ спину подъ лопаткой; положеніе его признано крайне тяжкимъ и опаснымъ».

Это произошло въ концѣ октября 1875 года, а въ первый день новаго 1876 года раненый уже бодро разъѣзжалъ по Петербургу. Этотъ случай еще разъ съ полной несомнѣнностью доказалъ, въ какой степени отъ природы натура этого человѣка отличалась живучестью и могучей силой.

Пробывъ въ Петербургѣ мѣсяца два, Кузьминскій возвратился въ полкъ, гдѣ въ отношеніи службы вообще, а въ особенности верховой ѣзды сталъ проявлять гораздо больше выносливости, чѣмъ до случая съ прострѣломъ легкаго. Мозговыя затменія, однако, у него въ сильной степени стали увеличиваться.

VIII.

Болѣзнь подточила организмъ Кузьминскаго.—Изъ ряду выходящее воинское преступленіе его.—Арестъ.—Побѣгъ съ гауптвахты.—Кузьминскій на сербскомъ театрѣ войны 1876 г.—Новый подвигъ.—Яссы 1877 г.—Ходатайство передъ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ.—Обращеніе къ государю.—Расчетъ съ жизнью.

Всѣ эти исторіи достаточно выяснили, что жестокія раненія оставили большой слѣдъ въ организмѣ этого человѣка; чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе въ немъ развивалась та ненормальность, которая въ дальнѣйшемъ привела его къ гибели. Всѣ, знавшіе его, замѣчали,

что онъ сдѣлался до невозможности раздражительнымъ, мелочно-обидчивымъ, болѣзненно-щепетильнымъ и вообще во всѣхъ отношеніяхъ сталъ неузнаваемъ. Не всѣ его столкновенія здѣсь разсказаны; массу его «исторій» не стоило запоминать, а тѣмъ болѣе записывать; въ частыхъ столкновеніяхъ многое ему извинялось, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда лица, на которыхъ онъ наталкивался, знали его прошлое въ отношеніи здоровья. Но вотъ случилась исторія, которая ни въ какомъ случаѣ не могла пройти безслѣдно; она, въ сущности, его и погубила.

Выше сказано, что онъ иногда ѣздилъ верхомъ; вообще въ полку онъ несъ фронтовую службу очень старательно. Случалось иногда его избавлять отъ этой службы,—когда заранѣе предвидѣлись трудные походы; дѣлать это, однако, надо было какъ-нибудь незамѣтно и осторожно съ тѣмъ, чтобы онъ этого не уловилъ, на это не обратилъ бы вниманія и не обидѣлся бы—иначе, Боже избави,—изъ-за пустяка онъ могъ прійти въ бѣшенство и трудно было предвидѣть все то, что могло произойти, во что могла обратиться его внутренняя буря.

Весной 1876 года въ мѣсто расположенія полка прибылъ начальникъ 6-й кавалерійской дивизіи свиты его величества генералъ-майоръ Э—нъ; это былъ честнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, всю собственно строевую службу прослужившій въ гвардіи на виду и окончившій ее въ Петергофѣ въ должности командира лейбъ-гвардіи уланскаго полка, котораго шефомъ состоялъ великій князь Николай Николаевичъ Старшій.

Вообще въ командиры гвардейскихъ полковъ, какъ извѣстно, выбираются лучшіе штабъ-офицеры. Генералъ-инспекторъ кавалеріи, несомнѣнно, въ должность командира своего шефскаго полка обычно избиралъ совершенно особо того, кого хорошо, близко зналъ и признавалъ во всѣхъ отношеніяхъ достойнѣйшимъ.

И вотъ на такомъ прекрасномъ командирѣ Кузьминскому довелось жестоко и безбожно сорвать свой безразсудный гнѣвъ.

Генералъ Э—нъ считалъ для себя за особую честь поддерживать ту репутацію, которую стяжала принятая имъ кавалерійская дивизія; поэтому онъ во всемъ, касавшемся службы, проявлялъ особую требовательность и безъ строгихъ указаній не оставлялъ ничего изъ того, что случалось ему замѣчать. Въ тотъ разъ, о которомъ идетъ разсказъ, дѣлая смотръ Волынскому уланскому полку въ конномъ строю, онъ увидѣлъ, что одинъ офицеръ, стоявшій передъ своимъ взводомъ въ первомъ эскадронѣ, обернулся къ фронту и дѣлаетъ замѣчанія нижнимъ чинамъ. Начальникъ дивизіи спросилъ громко полкового командира, какъ фамилія офицера, который вмѣсто того, чтобы при встрѣчѣ стоять смирно, позволяетъ себѣ оборачиваться къ фронту и потому встрѣчаетъ начальника чуть не спиной? Получивъ отъ командира полка отвѣтъ, онъ обратился издали къ офицеру и замѣтилъ ему:

— Штабъ-ротмистръ Кузьминскій, вы не знаете, какъ надо стоять, когда скомандовано смирно; какой примѣръ вы подаете нижнимъ чинамъ?

Тогда Кузьминскій, несомнѣнно, застигнутый въ ту минуту однимъ изъ тѣхъ припадковъ, которые въ послѣднее время стали его одолѣвать чаще и чаще, повернулся въ сторону начальника дивизіи и, потрясая въ воздухѣ кулакомъ, громко произнесъ:

— Я вотъ тебѣ покажу примѣръ.. мнѣ передъ фронтомъ замѣчаній никогда не приходилось выслушивать, я ихъ никогда не заслуживалъ; вишь, нашелся...

Несомнѣнно, продѣлалъ онъ это въ припадкѣ нашедшаго на него помѣшательства. Телеграммой было донесено объ этомъ случаѣ генералъ-адъютанту Коцебу, и Кузьминскій получилъ приказъ явиться въ Варшаву; тамъ онъ былъ посаженъ на главную гауптвахту (на Саксонской площади), послѣ чего ему было объявлено, что онъ предается суду.

Въ дивизіи генералъ Э—нъ былъ совершенно новый человѣкъ, офицеровъ онъ не зналъ; о болѣзни Кузьминскаго слышалъ, но не успѣлъ узнать силы этой болѣзни; узнавъ же официально о чудовищно-болѣзненномъ состояніи его здоровья, онъ, какъ тогда разсказывали, пытался просить командующаго войсками оказать этому офицеру снисхожденіе; но генералъ-адъютантъ графъ Коцебу отвѣтилъ, что никоимъ образомъ не воленъ въ этомъ по закону и просьбу генерала считаетъ неудобоисполнимою, такъ какъ, если онъ «Н. А.» Э—нъ лично находитъ въ себѣ внутреннюю силу и право, погасивъ всякія другія чувства, простить въ душѣ офицеру его въ высшей степени дерзкую, оказанную передъ фронтомъ продѣлку, то раздѣльно — «генералъ» Э—нъ на это не имѣетъ никакого права.

Хотя генералъ-адъютантъ Коцебу высказалъ все это въ мягкой, деликатной формѣ, но для генерала Э—на урокъ тотъ явился очень тяжелымъ; онъ даже вознамѣрился тотчасъ же выйти въ отставку; и только одинъ изъ добрыхъ, старыхъ друзей уговорилъ его забыть объ этой исторіи, въ которой онъ не былъ виноватъ, такъ какъ причиной послужило сумасбродство находившагося дѣйствительно въ убійственно-болѣзненномъ состояніи, тяжко раненаго и изувѣченнаго офицера.

— Что касается отзыва генерала Коцебу, то думаю, что его взглядъ ты самъ считаешь вполнѣ правильнымъ и обиднаго для себя въ немъ видѣть, конечно, ничего не можешь,—отечески пояснилъ генералу Э—ну его другъ [1]).

---

[1]) Здѣсь будетъ кстати замѣтить въ скобкахъ, что такимъ другомъ для генерала Э—на явился великій князь Николай Николаевичъ Старшій. Такъ умѣлъ онъ своимъ отеческимъ наставленіемъ приходить на помощь подчиненнымъ.

Продѣлка Кузьминскаго, или, вѣрнѣе, печальная исторія съ Э—номъ, поразила, огорчила и возмутила тогда всѣхъ офицеровъ не только подчиненной генералу Э—ну кавалерійской дивизіи и всего варшавскаго военнаго округа, но и всей арміи.

Не долго виновный просидѣлъ подъ арестомъ: не далѣе, какъ черезъ недѣлю, онъ вдругъ ночью сбѣжалъ съ гауптвахты и неизвѣстно куда исчезъ.

Съ точки зрѣнія чисто военной, онъ совершилъ громадное преступленіе, оскорбивъ такимъ образомъ начальника дивизіи передъ фронтомъ и усугубивъ вину бѣгствомъ изъ-подъ ареста, съ явнымъ намѣреніемъ отдѣлаться отъ суда и наказанія; тяжкое наказаніе ожидало его по суду, въ случаѣ поимки или даже явки. Конечно, можно было надѣяться на участіе суда къ состоянію его здоровья; съ этой стороны судъ могъ взглянуть на дѣло такъ, что все преступленіе было обусловлено неизлечимою, тяжкою, болѣе и болѣе развивавшеюся болѣзнью и исключительно ею было вызвано; судъ,—но только судъ,—могъ взяться за то, чтобы облегчить его участь; только судъ могъ направить дѣло сначала къ врачебно-медицинскому испытанію обвиняемаго, а потомъ къ новому леченію, которое остановило бы дальнѣйшее разстройство его организма и только судъ же могъ въ концѣ концовъ обратить дѣло къ монаршему милосердію. Но именно того, что въ данномъ случаѣ единственно могло оказаться благодѣтельнымъ,—суда,—больной герой постарался избѣжать и тѣмъ самымъ пресѣкъ себѣ путь къ чему-либо иному, кромѣ гибели. Сдѣлалъ онъ это, безъ сомнѣнія, только вслѣдствіе безумія, имъ въ послѣднее время безысходно овладѣвавшаго.

Толки по поводу этого пошли повсюду громадные; несчастный же, вызвавшій ихъ цѣлымъ рядомъ не менѣе нашумѣвшихъ поступковъ, исчезъ безслѣдно; не представлялось никакой надежды привлечь его къ суду и тѣмъ спасти.

Въ тотъ годъ лѣтомъ возгорѣлась война Турціи съ Сербіей; главное командованіе надъ сербской арміей принялъ на себя нашъ боевой генералъ Черняевъ, самостоятельно и самоотверженно въ 60-хъ годахъ положившій смѣлое начало завоеванію обширнаго Туркестанскаго края и, въ сущности, присоединившій его къ владѣніямъ имперіи Бѣлаго царя. Со всей Россіи въ Бѣлградъ, столицу Сербіи, подъ его начальство стекались большія массы добровольцевъ.

Какъ-то среди хода сербской кампаніи въ газетахъ появилось извѣстіе о томъ, что одною изъ дружинъ подъ Дзюнишемъ командуетъ Кузьминскій, что онъ играетъ видную роль въ этой неравной борьбѣ мелкаго сербскаго княжества съ гигантской Оттоманской имперіей, отличается большой храбростью, предпріимчивостью и

туркамъ очень досаждаетъ; прошелъ слухъ, что въ одномъ мѣстѣ онъ, въ разгарѣ боя, взялся взорвать мостъ, который бдительно караулили и защищали сильные турецкіе отряды; невозможнаго для него попрежнему не было, онъ блестяще исполнилъ намѣченное; туркамъ была отрѣзана всякая возможность отступленія, и они въ томъ мѣстѣ потерпѣли сильное пораженіе. Вскорѣ, однако, тѣ же газеты стали настойчиво утверждать, будто бы это былъ вовсе не тотъ Кузьминскій, не уланскій офицеръ, не герой Джизака.

Оказалось, что въ этомъ опроверженіи было проявлено стремленіе не обнаружить мѣсто его пребыванія.

Прошли мѣсяцы; наступила пора нашей мобилизаціи; въ Кишиневѣ помѣстилась главная квартира арміи великаго князя Николая Николаевича; пошла кипучая работа подготовки этой арміи; наконецъ, послѣ долгаго выжиданія, послѣдовало объявленіе войны, и потянулись наши войска за границу. Въ концѣ апрѣля и въ первыхъ числахъ мая многіе изъ направлявшихся къ Дунаю встрѣчали на желѣзнодорожной станціи Яссы вооруженнаго съ ногъ до головы красиваго брюнета-черкеса съ окладистой черной бородой, сурово, недружелюбно взиравшаго на всѣхъ большими, неестественно увеличенными зрачками своихъ черныхъ, лихорадочныхъ глазъ.

При проѣздѣ великаго князя главнокомандующаго этотъ черкесъ протиснулся сквозь толпу и прямо сталъ на томъ пути, которымъ его высочество пошелъ по выходѣ изъ вагона; когда главнокомандующій остановился, онъ сказалъ:

— Ваше высочество, позвольте мнѣ просить васъ исходатайствовать мнѣ помилованіе, я хочу драться съ врагомъ, буду служить вѣрой и правдой...

— Кто ты такой?

— Кузьминскій, штабъ-ротмистръ Волынскаго уланскаго полка...

Великій князь, какъ прямой начальникъ всей кавалеріи, безъ сомнѣнія, зналъ исторію Кузьминскаго; кромѣ того, онъ зналъ ее, какъ начальникъ, благоволившій къ генералу Э—ну; да и кто ее тогда не зналъ.

— А! Кузьминскій, вотъ ты гдѣ; тебя такъ ищутъ вездѣ... Ну, братъ, немного еще подожди; здѣсь скоро проѣдетъ государь; обратишься къ нему съ просьбой. Жаль, жаль, что ты такъ оплошалъ и именно въ строю, а затѣмъ на такой долгій срокъ затянулъ свое дѣло; уже ему давно было бы пора окончиться; проси государя, онъ, конечно, помнитъ твои заслуги, можетъ быть, и смилуется; жаль, что ты такъ много напортилъ себѣ...

24-го мая государь переѣхалъ границу Россіи въ Бессарабіи, въ Унгенахъ; царскій поѣздъ на нѣсколько минутъ остановился въ Яссахъ. Выйдя на платформу, государь былъ встрѣченъ черкесомъ, въ которомъ, конечно, такъ же, какъ и великій князь, не могъ сразу

признать хорошо ему извѣстнаго Кузьминскаго, составлявшаго такъ долго предметъ его заботъ. Прошло уже много лѣтъ съ того времени, когда государь его видѣлъ. Въ послѣдній разъ Кузьминскій представлялся его величеству случайно въ Ливадіи черезъ годъ послѣ франко-прусской войны; на чистомъ лицѣ его красовались лишь черные, красиваго рисунка усы; а тутъ предсталъ и опустился передъ государемъ на колѣни загорѣлый, обросшій окладистой, почти сѣдой бородой, огрубѣвшій мужчина въ черкескѣ.

— Что это? Кто ты?—спросилъ государь, разглядывая его лицо почти въ упоръ...

— Я Кузьминскій... виноватъ, простите, государь...

Можетъ быть, великій князь и написалъ государю о немъ послѣ своей съ нимъ встрѣчи; несомнѣнно, однако, государь и такъ не забылъ о немъ.

— Я помню твои подвиги и отличія, но дѣло твое должно быть разсмотрѣно судомъ,—сказалъ государь:—когда судъ опредѣлитъ свое рѣшеніе, тогда я скажу свое слово; теперь же ты отправишься въ Кишиневъ и будешь судиться.

Сказавъ это, государь направился въ вагонъ. Кузьминскій же, не поднимаясь на ноги, выхватилъ изъ-за пояса кинжалъ и пырнулъ имъ въ наболѣвшее сердце свое. Государю уже на одной изъ слѣдующихъ станцій доложили телеграмму о томъ, что несчастный послѣ этого скончался на мѣстѣ...

— Жаль его,—сказалъ государь, получивъ печальное извѣстіе:—могъ бы еще показать себя молодцомъ въ дѣлахъ, и я очень радъ былъ бы слышать объ его боевыхъ успѣхахъ; но рѣшить его дѣло безъ того, чтобы судъ сказалъ свое слово, не приходилось: слишкомъ много онъ самъ себѣ натворилъ бѣдъ. Жаль, что же дѣлать,—такъ же дурно кончилъ жизнь, какъ, къ сожалѣнію, велъ ее въ послѣдніе годы... Царствіе ему небесное,—сказалъ государь, прослезившись и осѣнивъ себя знаменіемъ креста.

Рѣшительно никто раньше не догадался доложить подробно ни государю, ни великому князю и не поддержалъ блеснувшую у генерала Коцебу мысль о томъ, что не Кузьминскій продѣлывалъ такіе непозволительные поступки, а болѣзнь, гнѣздившаяся въ немъ, заѣдавшая всѣ его соображенія, помыслы и всю работу его мозга... Обо всемъ этомъ нельзя было не пожалѣть.

Быть можетъ, удалось бы спасти его и изъ его боевыхъ качествъ извлечь громадную пользу, если бы представилось возможнымъ продолжить его лихую, незамѣнимую службу противъ врага.

Разсказываютъ, что главнокомандующій сербскою арміей генералъ Черняевъ, обративъ вниманіе на подвиги этого героя и узнавъ о прошлыхъ его дѣйствіяхъ въ дорогомъ его сердцу Турке-

станскомъ краѣ, пригласилъ его къ себѣ. Тамъ, подъ Алексинацемъ, вручая ему крестъ Такова, онъ посовѣтовалъ ему ѣхать прямо въ Варшаву, явиться съ повинной, итти подъ судъ и ожидать милостей царя-батюшки. Внялъ онъ благому совѣту родного русскаго вождя, поѣхалъ съ повинной, но не нашелъ никого, кто могъ бы, настаивая надъ его больной, истрепавшейся волей, свезти его прямо къ цѣли—къ суду. Самъ же онъ предпочелъ иной путь, показавшійся ему болѣе вѣрнымъ, но оказавшійся менѣе правильнымъ и болѣе медленнымъ, а также скользкимъ.

Такъ погибъ истинный герой; сгорѣла его жизнь, погибла его много набурлившая и накипѣвшая натура.

Сколько такихъ героевъ-богатырей родишь ты, матушка Русь! Не даетъ имъ жизнь прямого и гладкаго пути; сворачиваетъ она ихъ, гибнутъ они не отъ того, такъ отъ другого, подвертывающагося подъ ихъ могучія ноги и разбивающаго ихъ крѣпкія неизносимыя силы!..

Е. К. Андреевскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СВОБОДА ДУХА [1].

(Повѣсть).

X.

Въ БЛИЖАЙШЕЕ воскресенье, въ солнечное, яркое утро, Егоръ Карапетычъ выбрился особенно тщательно. Предъ небольшимъ складнымъ зеркаломъ въ деревянной оправѣ онъ долго корчилъ гримасы, водя старой бритвой по шеѣ и подбородку. Бритвѣ этой было много лѣтъ, она пріѣхала еще изъ Россіи и была шведской работы. Она была по рукѣ Егору Карапетовичу, и онъ ее любилъ гораздо болѣе, чѣмъ Генріеттъ, одѣвавшуюся въ той же комнатѣ. По крайней мѣрѣ, если бъ ему предложили потерять жену или бритву, онъ, ни секунды не задумываясь, остановился бы на женѣ: старыя привязанности много значатъ!

Онъ трижды намыливалъ себѣ щеки облѣзшей кисточкой и трижды соскабливалъ острымъ лезвіемъ душистую пѣну, обтирая ее о полотенце, лежавшее тутъ же возлѣ зеркала. Увидя, что Генріеттъ облачается въ новое платье, онъ спросилъ ее:

— Куда это? Спозаранку ты уже одѣваешься въ изысканный туалетъ?

— Я обѣщала мамѣ быть у нея сегодня въ Венсенѣ,—проговорила Генріеттъ, держа въ зубахъ металлическую шпильку.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXXX, стр. 83.

Жоржъ брезгливо выдвинулъ нижнюю губу, протеръ полотенцемъ намоченнымъ арникой сдѣланный на щекѣ порѣзъ и саркастически освѣдомился:

— Одна?

Она молчала и усердно хлопотала о завязкахъ узкихъ лентъ на высокой таліи.

— Я тебя спрашиваю, ты ѣдешь одна?—строго повторилъ мужъ.

— Меня обѣщался проводить Жюль,—небрежно замѣтила она.

Жоржъ захохоталъ дѣланно, деревянно, какъ хохочутъ плохіе комики на сценѣ.

— Я такъ и думалъ,—проговорилъ онъ, злобно поводя близорукими глазами.—Не знаю, что мѣшаетъ мнѣ зарѣзать васъ обоихъ? Вотъ этой бритвой провести и тебѣ и ему по лицу кровавые кресты?

— Въ тебѣ нѣтъ и на это храбрости!—сказала она.—Ты способенъ что-нибудь сдѣлать подлое и гадкое, но безнаказанно. А за это тебя пошлютъ на галеры.

— Ты ошибаешься!—сказалъ онъ и взялъ въ руки бритву.

Теперь она захохотала, но смѣхъ ея былъ гораздо искреннѣе его. Ея бѣлые зубы блистали на солнцѣ, и все здоровое лицо такъ и дышало молодостью и беззаботностью. Егоръ Карапетовичъ скрипнулъ зубами и точно про себя сказалъ:

— Рукъ не стоитъ марать о такую дрянь!

— Не стоитъ,—подтвердила та.

Съ улицы послышался стукъ. Иветтъ, должно быть, отворила дверь и долго съ кѣмъ-то разговаривала.

— Это твой Жюль, должно быть?—сказалъ мужъ.

— Нѣтъ, это не Жюль,—отвѣтила она.

Вошла Иветтъ и подала Егору Карапетовичу письмо.

— Тотъ мальчикъ, что вы посылали, воротился съ отвѣтомъ,—сказала она.

— А!—обрадовался онъ и, сломивъ сургучъ, сталъ читать писанное мелкимъ почеркомъ съ хитрыми завитушками на подписи посланіе. Онъ прочелъ его внимательно, издалъ радостный звукъ и сложилъ письмо, какъ оно было.

— Сейчасъ я мальчику дамъ за его комиссію,—сказалъ онъ и всталъ изъ-за зеркала.

— Вы получили пріятное письмо?—спросила жена.

— Да, любовное. Мнѣ тоже назначаютъ свиданіе,—проговорилъ онъ, придавая себѣ озабоченный видъ. Онъ посмотрѣлъ на плоскіе золотые часы, висѣвшіе надъ бюро въ бисерномъ подчасникѣ, что-то сообразилъ, сжалъ губы и, отворивъ шкапъ, началъ дѣловито копаться въ своихъ платьяхъ. Выбирая то, что ему нужно, онъ прошелъ въ сосѣднюю комнату, бросивъ на жену загадочный, по его мнѣнію, взглядъ, заставившій ее только улыбнуться. И не то, чтобы ей было особенно весело, но она знала, что его болѣе всего бѣсятъ ея

чудесные зубы, поэтому она показывала ихъ при каждомъ случаѣ. Теперь, смотря въ овальное ручное зеркало на отраженіе въ трюмо своего затылка, она продолжала улыбаться. Такъ ее и застала Иветтъ.

— Какъ жаль, дурочка, что перестали носить тѣ платья, что носили при восшествіи на престолъ,—сказала она.—Я говорю о чистѣйшихъ empire, узкихъ, открытыхъ, съ застежками отъ плеча до локтя. Мнѣ тогда было пятнадцать лѣтъ, я шла замужъ въ первый разъ. Ко мнѣ удивительно шла эта мода.

— Я думаю, сударыня,—сказала Иветтъ.

— Теперь шею закрываютъ все выше, стали закрывать даже горло. Кончится тѣмъ, что воротникъ дойдетъ до самаго носа. Я предпочла бы, чтобъ это случилось съ мужскими модами. По крайней мѣрѣ тогда съ мосье можно будетъ показываться на улицу. Теперь у насъ въ модѣ даже длинные рукава. Но я попрежнему буду носить короткіе. Закрывать руки нужно тѣмъ, у кого онѣ худы и некрасивы.

Она вытянула во всю длину свою красивую бѣлую руку. Иветтъ посмотрѣла искоса на свои пухленькія ручки и рѣшила, что она тоже не будетъ носить модныхъ рукавовъ. Она достала барынѣ шляпку изъ большой полосатой картонки и спросила:

— Шаль возьмете зеленую?

— Конечно,—отвѣтила она.—Въ ридикюлѣ есть пудра? Омбрель я не возьму: солнце осеннее грѣетъ мало, а у меня зонтикъ стараго фасона—съ высокой ручкой. Теперь никто такихъ не носитъ.

Вошелъ Егоръ Карапетовичъ. Онъ былъ въ шляпѣ, въ пальто съ цѣлымъ рядомъ капюшоновъ и съ палкой. Его кривыя ноги въ обтянутыхъ желтыхъ панталонахъ были засунуты въ черные сапоги съ коричневыми отворотами. Съ болтавшимся двойнымъ лорнетомъ, онъ былъ похожъ на того карикатурнаго петиметра, котораго такъ любили изображать художники начала девятнадцатаго вѣка.

— Ты обѣдаешь у maman?—сердито спросилъ онъ.

— Да. У насъ обѣда сегодня не готовятъ. Иветтъ тоже не будетъ дома. Она уходитъ къ своей крестной.

— А ты ѣдешь къ своей драгоцѣнной мамашѣ, и тамъ будетъ совокупно съ Жюлемъ семейный совѣтъ, какъ поступить далѣе? Я же буду обѣдать въ улицѣ Ришелье. Теперь я иду по дѣламъ. Пока ты будешь наслаждаться жизнью и праздникомъ, я буду добывать хлѣбъ, который необходимъ для того, чтобъ не умереть съ голода. Онъ необходимъ вотъ для этихъ тряпокъ.

Послѣднюю угрозу онъ крикнулъ на весь домъ и трагически потрясъ складку ея платья. Затѣмъ онъ надѣлъ цилиндръ и вышелъ на улицу, взявъ съ собою ключъ отъ квартиры. Тамъ, у дверей, ждалъ его мальчикъ, принесшій письмо. На немъ была разорванная жокейская шапочка, полосатая, желтая съ краснымъ и съ синей пуговицей наверху, и разорванные сѣрые сапоги.

— Ты еще здѣсь?—строго спросилъ Жоржъ.

— Я еще не получилъ за комиссію,—отвѣтилъ мальчикъ и снялъ свою каскетку.

Онъ запустилъ руку въ карманъ, вынулъ завернутыя въ обрывокъ синей бумаги деньги и бросилъ ихъ мальчику. Тотъ развернулъ бумагу и увидѣлъ нѣсколько мѣдныхъ су. Онъ изумился щедрости господина и, побѣжавъ за нимъ слѣдомъ, сказалъ:

— Если хотите, я могу прослѣдить madame и monsieur Жюля,—проговорилъ онъ.

Палка Жоржа поднялась, чтобы ударить мальчика, но тотъ увернулся. Жоржъ хотѣлъ обругать его за нахальство но воздержался: пусть отъ себя мальчикъ дѣлаетъ, что хочетъ. Можетъ быть, ему пригодится его служба.

Вскорѣ гаменъ отсталъ отъ него, перейдя на другую сторону улицы, къ знакомому мальчугану, и Егоръ Карапетовичъ одинъ продолжалъ дорогу.

День только что начинался. Магазины еще были открыты до окончанія обѣдни, кромѣ тѣхъ изъ нихъ, которые съ утра по праздникамъ закрыты и торгуютъ только въ будни. По троттуарамъ уже двигалась толпа, шурша ногами по опадавшимъ съ молодыхъ каштановъ листьямъ. Стало на улицѣ точно свѣтлѣе отъ этой порѣдѣвшей зелени. Осеннее солнце ярко заливало одну сторону бульваровъ. Жоржъ поднимался все выше въ гору—ему надо было въ ту мѣстность, которая называлась Chateau d'eau и которая помѣщается сѣвернѣе большихъ бульваровъ. На углу одной изъ улицъ, гдѣ выставлены были на витринѣ магазина разныя мелкія вещи, онъ заинтересовался новыми маленькими записными книжками и карманными карандашами. Онъ зашелъ въ лавочку и купилъ двѣ книжки и два карандаша. Онъ былъ очень доволенъ покупкой: и дешево было, и ему нравились эти «бездѣлушки». «Можетъ быть, кому сегодня подарю», подумалъ онъ.

XI.

Въ одномъ изъ переулковъ близъ Шато-д'О онъ поднялся на нѣсколько ступеней по темной узкой лѣстницѣ и трижды стукнулъ у двери.

Издали послышался голосъ:

— Войдите!

Онъ вошелъ въ крохотную полутемную комнату, болѣе похожую на курятникъ, чѣмъ на жилое помѣщеніе, освѣщенное дверью, открытою въ сосѣдній свѣтлый аппартаментъ.

— Мосье Жоржъ?—спросилъ тотъ же голосъ.

— Онъ самый! —весело отозвался вошедшій.—Надѣюсь, позволяется войти?

Онъ вошелъ въ пальто, но снялъ шляпу. По серединѣ комнаты стоялъ бѣлокурый одутловатый молодой человѣкъ въ восточномъ халатѣ и фескѣ, кисточка которой свѣшивалась назадъ.

— У меня впереди есть полчаса времени,—проговорилъ хозяинъ.— Поэтому садитесь и разсказывайте, въ чемъ дѣло. Надѣюсь, madame Жоржъ чувствуетъ себя хорошо?

Егоръ Карапетовичъ сказалъ, что надежда не обманула его и что сегодня madame уѣхала въ Венсенъ къ мамашѣ, что рисуетъ миніатюры.

— Праздникъ,—подтвердилъ хозяинъ.

Егоръ Карапетовичъ, какъ былъ въ пальто, такъ и сѣлъ въ кресло, только разстегнулся, и заложилъ нога на ногу.

— Я знаю, Горшельдъ, вамъ время дорого, и потому я не медля приступлю къ дѣлу. Дѣло касается нашего милѣйшаго князя.

Горшельдъ, встрѣтившій гостя небрежно, сталъ внимательнѣе, но при этомъ сказалъ:

— Я пойду за ширмы и буду одѣваться, а вы разсказывайте.

Онъ разстегнулъ петли шлафрока, посмотрѣлъ, прищурившись, на гостя и, шлепая туфлями по ковру, скрылся за ширмы.

Егоръ обвелъ глазами комнату. Здѣсь все было попрежнему. Тотъ же коверъ внизу, то же бюро съ дѣлами, уложенными въ систематичномъ порядкѣ, тѣ же Діана и Актеонъ въ англійской гравюрѣ, висящей надъ софой въ золоченой рамѣ. Тѣ же профильные черные силуэты въ рамахъ краснаго дерева,—все попрежнему. Онъ втянулъ въ себя воздухъ и, протирая свой лорнетъ, сказалъ:

— Нашъ милѣйшій князь, кажется, лѣзетъ въ силокъ.

— Вы про кого говорите?—спросилъ хозяинъ изъ-за ширмъ.

— Про очаровательнаго Borіs.

— Почему же онъ лѣзетъ въ силокъ?

— Онъ сидитъ безъ денегъ.

Ширмы вдругъ пошатнулись, какъ будто Горшельдъ собрался упасть въ обморокъ. Но онъ удержалъ «параванъ» за одно изъ копій, которыя составляли, по замыслу художника, главную ихъ основу, и спокойнымъ голосомъ сказалъ:

— Продолжайте, это интересно.

— Онъ сидитъ безъ денегъ,—продолжалъ Жоржъ,—и обратился ко мнѣ съ просьбою достать по крайней мѣрѣ пятьдесятъ тысячъ франковъ.

— Вы что же сдѣлали?

— Я къ вамъ пришелъ.

— Дальше что?

— Что дальше? Мнѣ кажется, это ясно безъ моихъ объясненій. Я далъ вамъ слово сообщать все интересное о князѣ. Вы — управля-

ете всѣми имѣніями его тестя, который ненавидитъ его. Вы каждое воскресенье ѣздите къ нему съ докладомъ.

— Да, я поѣду черезъ двадцать пять минутъ,—сказалъ Горшельдъ.

— Поэтому я и сообщилъ вамъ эту новость. Что такое пятьдесятъ тысячъ франковъ! Для вашего патрона это все равно, что для меня пятьдесятъ сантимовъ. Быть можетъ, онъ дастъ эти деньги, конечно, черезъ подставное лицо, и князь будетъ въ его рукахъ.

Горшельдъ ничего не отвѣтилъ. Слышно было, какъ онъ сопѣлъ носомъ, натягивая, должно быть, сапоги. Потомъ онъ спросилъ:

— Это все, что вы мнѣ хотѣли сказать?

Егоръ Карапетовичъ скорчилъ гримасу, но, подумавши, что хозяинъ можетъ за нимъ слѣдить въ щель между створками ширмъ, замѣтилъ:

— Развѣ эта новость такъ незначительна?

— Нѣтъ, она значительна!—почти про себя буркнулъ хозяинъ.

— Крестьяне сосѣдняго селенія,—продолжалъ Жоржъ,—относятся къ князю подозрительно. Хотя онъ скрываетъ, что онъ бывшій русскій офицеръ и русскій подданный, но въ немъ готовы ваши добрые крестьяне видѣть чуть ли не шпіона. Они если не считаютъ его за русскаго, то во всякомъ случаѣ знаютъ, что онъ не французъ.

— Откуда вамъ все это извѣстно?

— Не все ли вамъ равно?

Горшельдъ вышелъ изъ-за ширмъ. На немъ были узкіе свѣтло-сиреневые штаны, къ которымъ онъ пристегивалъ бретели. Онъ подошелъ къ зеркалу и не торопясь сталъ прицѣплять ихъ, нисколько не стѣсняясь своимъ гостемъ.

— Мнѣ все равно, откуда вы это знаете,—проводя пальцами по мягкому подбородку съ ямочкой, проговорилъ онъ.—Но насколько эти свѣдѣнія достовѣрны?

— Они достовѣрны,—серьезно сказалъ Жоржъ.— Я развѣ приносилъ когда-нибудь ложныя свѣдѣнія?

Въ его голосѣ звучала отчасти обида на то, что ему не повѣрили. Но Горшельдъ не обратилъ на это вниманія.

— Очень важно, это очень важно!—только сказалъ онъ.—Вы не можете себѣ представить, насколько это важно!

Сказавъ это, онъ опять ушелъ за ширмы.

Егоръ Карапетовичъ изумленно похлопалъ вѣками. Онъ именно послѣднему сообщенію и не придавалъ значенія. Впрочемъ, онъ зналъ, что хозяинъ не скажетъ причину важности, и потому направилъ теченіе разговора въ прежнее русло.

— Деньги нужны на неопредѣленный срокъ. Вотъ это такъ важно. Тутъ надо запутать князька. Какъ широкая натура, онъ свысока подпишетъ обязательство, не входя въ детали.

Горшельдъ опять вышелъ изъ-за ширмъ, уже въ бѣломъ жилетѣ.

— И вы хотите его подвести?—иронически спросилъ онъ.

— Я ничего не хочу, мнѣ все равно до него, какъ до того снѣга, который былъ причиной гибели великой арміи.

Горшельдъ похлопалъ себя по жирнымъ бокамъ ладонями и спросилъ:

— Что же, по-вашему, я долженъ сказать моему патрону?

— Вы ему должны дать совѣтъ.

— Какой?

— Вы должны посовѣтовать ему, чтобъ онъ непремѣнно одолжилъ князю просимую сумму. Вы должны нарисовать ему какую хотите картину, положительную или отрицательную, но такъ ли, иначе ли, деньги должны быть.

Горшельдъ надѣлъ голубой фракъ и сталъ выправлять свое жабо.

— Вы ѣдете верхомъ?—спросилъ Егоръ Карапетовичъ, смотря на его шпоры.

— Да,—отвѣтилъ онъ, опрокидывая флаконъ съ духами на платокъ.—До замка всего полтора часа ѣзды средней рысью, а галопомъ можно доѣхать менѣе, чѣмъ въ часъ. Мнѣ надо къ обѣду быть уже въ Парижѣ.

— А если васъ оставитъ обѣдать патронъ?

— Я извинюсь, и скажу, что занятъ.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ не отказывался.

— Когда вы будете на моемъ мѣстѣ, тогда и обѣдайте.

— Я? на вашемъ?—съ дѣланнымъ изумленіемъ спросилъ гость.

— О, господинъ Жоржъ, да неужели я не знаю, вы спите и видите, какъ бы сѣсть на мое мѣсто и грабить направо и налѣво. Вы знаете, что годовой оборотъ, проходящій черезъ мои руки, достигаетъ четырехъ милліоновъ франковъ?

Жоржъ невольно издалъ восклицаніе.

— Ничья смерть васъ не порадовала бы такъ, какъ моя,—останавливаясь предъ нимъ, сказалъ хозяинъ.—Но, другъ мой, никогда и ни въ какомъ случаѣ васъ не возьметъ Сенъ-Дизье своимъ управляющимъ.

Онъ подошелъ къ окну и посмотрѣлъ на улицу.

— Мнѣ уже привели лошадь,—сказалъ онъ.—А потому я сажусь и подвожу итогъ нашему разговору.

Онъ сѣлъ на свое мѣсто у бюро.

— Князь нуждается въ деньгахъ, ему нужно пятьдесятъ тысячъ. Хорошо, я передамъ это моему патрону и безо всякаго давленія съ моей стороны. Онъ отвѣтитъ мнѣ, какъ найдетъ нужнымъ, а, можетъ быть, и совсѣмъ не отвѣтитъ.

Онъ началъ натягивать желтыя перчатки и, натянувъ, взялъ въ руки хлыстъ.

— О результатѣ моего сегодняшняго разговора вы будете знать завтра,—сказалъ онъ.

Жоржъ тоже всталъ и потрепалъ Горшельда по плечу.

— Хе-хе! я зналъ, что васъ обрадуетъ моя новость,—сказалъ онъ.

— Да, я очень обрадованъ,—сказалъ хозяинъ и повернулъ свое каменное, неподвижное лицо съ пухлыми глазками къ гостю.—Только я удивляюсь одному: за что вы хотите мстить князю? У васъ есть старые счеты?

Жоржъ опустилъ глаза.

— Есть,—сказалъ онъ.—Но объ этомъ да позволено мнѣ будетъ умолчать.

— Пожалуйста!—отвѣтилъ хозяинъ.—Между нами та разница, что вы хотите не только сдѣлать дѣло, но и отомстить за что-то прошлое, а я только исполняю свой долгъ.

Онъ не торопясь повернулъ ключь въ замкѣ двери, для чего взялъ хлыстъ подъ мышку. Потомъ онъ попробовалъ, хорошо ли заперъ дверь, и спустился вмѣстѣ съ гостемъ на крыльцо. Рослый малый съ утинымъ лицомъ подвелъ ему вороную лошадь. Горшельдъ протянулъ гостю руку и сказалъ:

— Завтра я извѣщу васъ.

Потомъ онъ вложилъ лѣвую ногу въ стремя, оттолкнулся и перекинулъ ногу черезъ англійское сѣдло. По тому пріему, съ какимъ онъ разобралъ поводья и попятилъ коня назадъ, видно было, что онъ опытный ѣздокъ и дальняя дорога въ замокъ патрона для него дѣло привычное.

Онъ слегка тронулъ шпорой бокъ лошади и съ мѣста поднялъ ее галопомъ. Сдѣлано это было для Жоржа, или такая была у него привычка,—трудно сказать. Легкое облако пыли закрутилось за нимъ и исчезло. Жоржъ какъ-то встряхнулся и пошелъ своей дорогой, помахивая палкой.

Въ сущности, ему рѣшительно не за что было мстить князю. Онъ никогда не видѣлъ отъ князя презрительнаго отношенія ни къ себѣ, ни къ своимъ поступкамъ. И даже, когда въ Петербургѣ князь уплатилъ своимъ кредиторамъ нѣсколько тысячъ процентныхъ денегъ, никогда ни словомъ ни намекомъ онъ не выказалъ своего недовольства. Правда, нажившій кое-что на этомъ займѣ Егоръ Карапетовичъ считалъ, что князь ему долженъ хоть немного былъ дать «ну, тыщенку, ну, хотя бы пятьсотъ рублей», но не въ этомъ заключалась причина его ненависти. Ему казалось, что Борисъ, какъ прирожденный баринъ, ничего не заслуживаетъ, кромѣ эксплоатаціи.

Онъ вышелъ на бульвары и пошелъ внизъ, помахивая палкой и слегка посвистывая. Визитъ къ Горшельду не привелъ его въ хорошее настроеніе, но увеличилъ ту желчь, что съ утра поднималась

въ немъ. Онъ завидовалъ сегодня всѣмъ, въ томъ числѣ и пухлому блондину.

— Обворовываетъ этого стараго идіота,—шепталъ онъ.—Не менѣе тысячъ тридцати франковъ ежегодно прилипаетъ къ его ладонямъ. А туда же корчитъ честнаго малаго! Знаемъ мы этихъ честныхъ. Ужъ если честный хапнетъ, такъ ужъ такъ, что только перья полетятъ... Хорошо, что я ему не отдалъ записную книжечку. Пригодится кому-нибудь другому.

XII.

Между тѣмъ, «честный человѣкъ», покачиваясь на ворономъ иноходцѣ, ѣхалъ по версальской дорогѣ въ превосходномъ настроеніи. Онъ былъ очень доволенъ визитомъ Жоржа, и если не показалъ ему этого, то потому, что вообще не любилъ показывать своихъ чувствъ другимъ. Причинъ этого довольства было много. Во-первыхъ, Жоржъ, очевидно, въ немъ нуждался, это разъ. Второе—пахло въ воздухѣ жаренымъ, и можно было хапнуть и много. Въ-третьихъ, можно было доставить патрону удовольствіе; пусть патронъ не покажетъ что онъ радъ, но все это будетъ большой плюсъ въ пользу управляющаго. Въ-четвертыхъ,—а это чуть ли не самое главное,—онъ позоветъ при первомъ удобномъ случаѣ кривого Пишо, и съ нимъ устроитъ такое дѣло, что чертямъ въ аду будетъ тошно, если вообще тошнитъ когда-нибудь чертей, и если они существуютъ гдѣ-нибудь во вселенной, и если это мѣсто называется адомъ.

Онъ вспоминаетъ, какъ еще мальчикомъ онъ здѣсь, по этой самой дорогѣ, вмѣстѣ съ ватагой мужчинъ и женщинъ, сидѣвшихъ верхомъ по-мужицки на упряжныхъ лошадяхъ, и съ цѣлой оравой пѣшихъ сопровождалъ карету послѣдняго короля, котораго везла чернь въ Парижъ съ требованіями отчета. Онъ помнитъ, какъ онъ долго бѣжалъ возлѣ самой королевской кареты и какъ видѣлъ ясно рыхлое лицо толстаго короля, повидимому, спокойно относившагося къ этой шумихѣ. Тогда онъ бѣжалъ въ коротенькихъ штанахъ и кричалъ что-то вмѣстѣ съ революціонерами. Ему было весело, какъ бываетъ всегда весело подростку, когда онъ бѣжитъ и кричитъ со всѣми, безразлично будь то революціонеры или роялисты.

А теперь? какая разница! Онъ ѣдетъ на своемъ, на своемъ собственномъ скакунѣ. На немъ отличный синій фракъ, за который заплачено портному все до послѣдняго сантима. Онъ никому не долженъ, а сколько у него есть золота и бумагъ въ банкѣ, про это знаетъ только кассиръ банка и онъ самъ.

Онъ вдохнулъ полной грудью живительный осенній воздухъ и громко сказалъ:

— Да, теперь лучше, чѣмъ тогда, когда везли короля.

Потомъ онъ перешелъ мыслями на будущее, на то будущее, что сейчасъ предстояло ему. Онъ обдумывалъ докладъ патрону, обдумывалъ тѣ выраженія, въ какихъ придется ему изложить извѣстіе объ его зятѣ, и думалъ: сумѣетъ патронъ скрыть на своемъ лицѣ радость, или нѣтъ? Онъ бы сумѣлъ скрыть. Но вѣдь онъ только ученикъ своего патрона, не больше.

Ровно въ опредѣленный часъ онъ въѣхалъ во дворъ стариннаго замка. Его поросшія мохомъ башни помнили не только короля-Солнце, но и Карла Седьмого, который когда-то ночевалъ здѣсь.

Горшельдъ сдалъ лошадь на руки красно-ливрейнаго стремяннаго и вошелъ въ вестюбиль замка. Помощникъ швейцара смахнулъ съ него щеткой насѣвшую на дорогѣ пыль и сдалъ на руки старому лакею, который повелъ его наверхъ, показывая давно знакомый путь, но совершая этотъ обрядъ съ такою торжественностью, точно гость былъ впервые въ замкѣ.

Гость слѣдовалъ за нимъ, сжавъ губы, взглядывая мимоходомъ въ зеркала и видя отраженіе своего круглаго блѣднаго лица. Сѣдой лакей, мягко поскрипывая башмаками съ пряжками, велъ его изъ залы въ залу, мимо севрскихъ и китайскихъ фарфоровъ, мимо саксовъ, черезъ старую оружейную комнату.

Въ знакомой пріемной, что была передъ кабинетомъ, представительный лакей повернулся и важно сказалъ:

— Я сейчасъ доложу.

Дверь неслышно отворилась и неслышно затворилась. Сейчасъ же лакей появился снова. Онъ съ глубокимъ поклономъ прошепталъ:

— Просятъ подождать нѣсколько минутъ, они изволятъ заканчивать свои занятія.

Горшельдъ мотнулъ головой и сталъ мѣрить комнату по толстому выцвѣтшему ковру. Часы съ изображеніемъ барана задорно тикали на каминѣ.

Онъ остановился у окна. Запущенный, угрюмый садъ разстилался передъ домомъ. Каскады молчали. Тѣнь отъ деревьевъ была угрюма, какъ сами деревья, и весь садъ казался кладбищемъ. И здѣсь провела свои юные годы Клеръ, отсюда она поѣхала вѣнчаться съ любимымъ человѣкомъ! Отецъ остался одинъ въ огромномъ замкѣ...

Изъ кабинета донесся звукъ колокольчика. Старый лакей опять появился и, распахнувъ двери розоваго дерева съ бронзой, радостно оповѣстилъ:

— Просятъ.

Управляющій вошелъ въ кабинетъ.

По бритому лицу старика Горшельдъ сразу увидѣлъ, что онъ въ духѣ. Онъ сидѣлъ за большимъ рабочимъ столомъ, обложенный

бумагами, въ просторномъ домашнемъ шлафрокѣ. Онъ только что получилъ сообщеніе, что войска Наполеона еще отступили, и это привело его въ прекрасное настроеніе. Чѣмъ большее униженіе суждено его Франціи, тѣмъ лучше. Какъ онъ ни разу не показался при дворѣ корсиканца, онъ, представитель вымиравшаго французскаго рода, такъ онъ готовъ былъ на всякое униженіе передъ своимъ «несчастнымъ другомъ» Людовикомъ Шестнадцатымъ. Онъ терпѣть не могъ этого несчастнаго друга. Это широкое лицо, глупый профиль, ватная безхарактерность, все говорило противъ него. Но онъ былъ представитель королевской власти, и этого довольно. И потому Шарль Сенъ-Дизье готовъ былъ склонить передъ нимъ колѣна и развязать ремень его сапога, въ знакъ того, что онъ преданный ему вассалъ, что не даромъ кровь величайшихъ родовъ Франціи, не даромъ кровь дѣвственницы Іоанны лилась въ защиту призрака священной власти. Но теперь онъ предоставилъ мѣсто тѣмъ «выскочкамъ», тѣмъ, кого его учитель ксендзъ называлъ homo novus, и которые не имѣли ничего общаго съ величіемъ Франціи. Пусть это были люди талантливые, даже геніальные, но между великимъ полководцемъ и императоромъ огромное разстояніе и совмѣстить геній правителя съ геніемъ главнокомандующаго нельзя.

Онъ слѣдилъ по огромной картѣ средней Европы за всѣми движеніями французскихъ войскъ; какъ французъ, онъ желалъ имъ побѣды, какъ внукъ того дѣда, который стоялъ возлѣ трона короля-Солнца, весь осіянный его лучами, онъ былъ радъ за это униженіе.

Онъ встрѣтилъ Горшельда восклицаніемъ:

— А! а я васъ задержалъ на пять минутъ.

Горшельдъ сказалъ что-то вродѣ того, что онъ можетъ и подождать и что Сенъ-Дизье можетъ не стѣсняться.

Сенъ-Дизье сдвинулъ свои черныя брови, какъ два жирныхъ черныхъ червяка, расположившіяся внизу его лба.

— Я знаю, мой милый, что мнѣ можно и чего нельзя,—нравоучительнымъ тономъ сказалъ онъ:—кого я могу заставить ждать, кого не могу. Не вамъ давать мнѣ уроки: вы слишкомъ молоды.

Кровь бросилась въ голову пухлаго блондина. Даже шея его, съ большимъ прыщомъ сбоку, покраснѣла.

— Если вы изволили извиниться предо мной,—сказалъ онъ:—то я изъ чувства деликатности и уваженія къ вамъ нашелъ нужнымъ вамъ отвѣтить.

Старикъ посмотрѣлъ на него и такъ собралъ носъ въ сборки, точно почувствовалъ запахъ чего-то прѣлаго. Но онъ сложилъ руки, пальцами другъ въ друга, и проговорилъ:

— Ну, хорошо. Имѣете ко мнѣ дѣла какія-нибудь?

— Дѣлъ никакихъ нѣтъ,—сказалъ Горшельдъ.—Продажа сѣна для арміи пріостановлена согласно вашему приказанію. Хоть я боюсь...

— Чего?

— Если непріятель вступитъ въ наши предѣлы, то запасы достанутся имъ даромъ. Впрочемъ, мы бы успѣли ихъ истребить.

Сенъ-Дизье засмѣялся.

— Если императоръ Александръ,—не безъ ироніи сказалъ онъ,—найдетъ возможнымъ взять мое сѣно для арміи и ничего не заплатить мнѣ—это его дѣло. Я не варваръ и жечь сѣно не буду, такъ какъ не веду борьбы съ животными.

Горшельдъ покорно наклонилъ голову.

— А еще что?—спросилъ старикъ.

— Ничего. Я узналъ, впрочемъ, одну новость, и достовѣрную.

Глаза старика поднялись съ ожиданіемъ на управляющаго. Онъ видѣлъ по равнодушному тону докладчика, что новость важная.

— Ну?—спросилъ онъ.

Горшельдъ будто внезапно подавился.

— Князь ищетъ денегъ,—сказалъ онъ, дѣлая виноватое лицо, точно извиняясь за него.

— Какой князь?

— Вашъ зять. Онъ ищетъ пятьдесятъ тысячъ франковъ. Очевидно, ему нужно,—такъ какъ за процентами, какъ я узналъ, онъ не стоитъ.

Старикъ помолчалъ. Онъ медленно вертѣлъ своей табакеркой и спокойно смотрѣлъ куда-то въ пространство.

— У него долги?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, имѣніе чистое,—отвѣтилъ Горшельдъ.

— Пятьдесятъ тысячъ... это такіе пустяки... А говорили, что онъ богатъ?..

Онъ опять помолчалъ, пожевавъ губами, и вдругъ спросилъ у управляющаго:

— А его супруга получила свои семьдесятъ пять тысячъ франковъ, что завѣщаны были ея крестной матерью и достались ей, когда она была лѣтъ десяти?

Глаза Горшельда забѣгали.

— Семьдесятъ пять тысячъ?—спросилъ онъ.—Я никогда даже о нихъ не слышалъ.

— Мало ли, мой милый, о чемъ вы не слышали!—пренебрежительно проговорилъ Сенъ-Дизье.—Значитъ, ей не выданы онѣ?

— Сколько я знаю—нѣтъ,—отвѣтилъ Горшельдъ.

— Завтра вы лично свезете ихъ къ владѣтельницѣ. У насъ путаются чужія деньги, а вы даже не знаете?...

— Я къ новому году провѣрялъ всѣ бумаги,—серьезно сказалъ управляющій:—даже слѣда нѣтъ суммъ, о которыхъ вы изволили сказать...

— Это не ваша вина, а вашего предшественника.

— Княгинѣ Клэръ извѣстно объ этомъ наслѣдствѣ?

Старикъ вытянулъ губы.

— Почемъ мнѣ знать, извѣстно ей это, или нѣтъ! Вы свезете завтра ей семьдесятъ пять тысячъ.

— Если это было болѣе двѣнадцати лѣтъ назадъ, то съ тѣхъ поръ успѣли нарасти проценты,—проговорилъ управляющій.

— Вы свезете семьдесятъ пять тысячъ,—крикнулъ старикъ:— и ни о какихъ процентахъ ни она, ни вы говорить не будете. Если эти деньги лежали у насъ въ замкѣ золотомъ, то... Но во всякомъ случаѣ, это не ваше дѣло...

— Слушаю,—проговорилъ Горшельдъ.

— У васъ новый фракъ!—вдругъ воскликнулъ старикъ.—Мнѣ нравится этотъ цвѣтъ.

Горшельдъ отдулся и не сказалъ ни слова.

— Хорошій фракъ,—повторилъ Сенъ-Дизье и, помолчавъ, прибавилъ:

— Я могу не видѣть мою дочь, не видѣть своего зятя. Но моя дочь не можетъ нуждаться.

Онъ ударилъ тетрадкой по столу.

— Моя дочь, отрасль нашего рода, не можетъ не только отказывать себѣ въ необходимомъ, но не можетъ себѣ отказывать даже въ прихотяхъ.

Онъ строго посмотрѣлъ на управляющаго.

— У нихъ нѣтъ дѣтей?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Мой сынъ, Франсуа, умеръ,—продолжалъ старикъ. Но потомъ вдругъ остановился и повторилъ:

— Завтра же вы поѣдете и свезете семьдесятъ пять тысячъ.

Онъ открылъ ящикъ стола, нашелъ какую-то засаленную старую книжку, всю исписанную цифрами, нашелъ что-то, надѣвъ очки и проводя вылощеннымъ ногтемъ по какимъ-то графамъ.

— Клэръ получила въ наслѣдство семьдесятъ тысячъ,—сказалъ онъ.—Но я сказалъ семьдесятъ пять... Вы свезете семьдесятъ пять и возьмете расписку въ семидесяти пяти... А теперь—все. Вы можете итти. Завтра предъ обѣдомъ вы заѣдете ко мнѣ и сообщите, какъ исполненъ мой приказъ. До свиданія!

Старикъ сдѣлалъ что-то вродѣ кивка своей лысой головою. Управляющій поклонился и вышелъ.

XIII.

Утромъ на слѣдующій день вороная лошадь, взмыленная и потная,—должно быть, всадникъ сегодня пускалъ въ ходъ и хлыстъ и шпоры,—остановилась предъ крыльцомъ маленькаго замка.

— Могу я видѣть кого-нибудь изъ хозяевъ?—спросилъ всадникъ выбѣжавшему на стукъ подковъ груму.

— Какъ о васъ сказать?—спросилъ мальчикъ, взявшись за удила лошади.

Горшельдъ не торопясь слѣзъ съ сѣдла, назвалъ свою фамилію и прибавилъ мальчику, повернувшемуся, чтобъ итти:

— По важному дѣлу, прошу немедленно принять.

Онъ заставилъ вороного фыркнуть два раза и тѣмъ освободить ноздри отъ набившейся при скачкѣ пыли. Потомъ онъ перекинулъ черезъ голову ему повода и не безъ любопытства осмотрѣлся. Онъ былъ здѣсь впервые. Все обличало порядокъ и полное довольство.

— Барскія прихоти!—подумалъ онъ про деньги и пощупалъ свой карманъ, гдѣ онѣ лежали, нѣсколько оттопыривая одну сторону фрака.

— Просятъ въ садъ,—сказалъ лакейченокъ, показывая на калитку сада.—По аллеѣ сейчасъ направо,—прибавилъ онъ, и самъ пошелъ съ лошадью къ службамъ, гдѣ былъ конюхъ.

Горшельдъ направился по аллеѣ, потомъ направо. Среди цвѣтника, на большой каменной скамьѣ сидѣлъ князь и держалъ въ рукахъ старую книжку съ краснымъ обрѣзомъ. Онъ вопросительно посмотрѣлъ на приближающагося гостя и, видя, что онъ снялъ шляпу, всталъ со скамьи и спросилъ:

— Чѣмъ могу служить?

— Робертъ Горшельдъ, по важному дѣлу,—сказалъ онъ.

Борисъ показалъ ему на скамью возлѣ себя. Но гость не сѣлъ. Онъ вынулъ пакетъ изъ кармана и не торопясь освободилъ его отъ бумаги.

— Я управляющій всѣми дѣлами вашего тестя, господина Сенъ-Дизье,—сказалъ онъ,—и пріѣхалъ сюда, чтобы сообщить княгинѣ, не можетъ ли она получить тѣ семьдесятъ пять тысячъ ея денегъ, которыя до сихъ поръ находятся у насъ, но принадлежатъ ей по завѣщанію графини Шантильи?

Борисъ удивленно повелъ головою.

— Мнѣ жена никогда о нихъ даже не говорила,—сказалъ онъ.

— Княгиня, можетъ быть, не знаетъ о нихъ даже,—усмѣхаясь возразилъ Горшельдъ.—Вчера, на докладѣ, мнѣ настоятельно приказано сегодня же покончить этотъ вопросъ. Деньги я привезъ съ собою. Ваша супруга благоволитъ пересчитать ихъ и выдать расписку въ полученіи.

Управляющій протянулъ князю свертокъ. Но князь его не взялъ.

— Княгиня одѣвается,—сказалъ онъ.—Я передамъ ей о вашей миссіи, и пусть она считается съ вами.

Онъ пошелъ къ дому, не позвавъ за собою гостя. Песъ выбѣжалъ ему навстрѣчу и подозрительно сталъ обнюхивать гостя. Горшельдъ не любилъ собакъ и поднялъ руки, чтобы онѣ остались въ цѣлости. Что же касается ногъ, онъ о нихъ не особенно безпо-

коился, такъ какъ ботфорты, по его мнѣнію, были надежной защитой отъ собачьихъ попытокъ. Невдалекѣ онъ увидѣлъ стараго садовника, что-то подвязывавшаго на клумбахъ. Потомъ онъ сѣлъ на скамью и сталъ посвистывать. Небо было голубое, погода для осени великолѣпная. Цвѣты еще цвѣли пышно. Гортензіи большими шапками окружали его; настурціи вились по самой скамьѣ, и ихъ огненные фіалы безстрашно смотрѣли на приближавшуюся осень.

Опять появился мальчикъ. Онъ предложилъ Горшельду пройти въ домъ, сказавъ, что его «просятъ».

Въ кабинетѣ онъ увидѣлъ за столомъ князя и стоящую по серединѣ комнаты Клэръ. Она была одѣта въ утренній розовый пеньюаръ, подъ самою грудью перехваченный лентой, концы которой шли до самаго пола.

— Давно не видались,—сказала она гостю, кивая ему головою.— О какихъ деньгахъ вы говорите, Горшельдъ? Я ничего не знаю.

Пухлыя вѣки заморгали, маленькіе глаза зорко посмотрѣли на молодую женщину.

— Я такъ и думалъ, это вы не знаете,—развязно заговорилъ онъ.—Вашъ достопочтенный батюшка поручилъ мнѣ эти деньги свезти къ вамъ сегодня же, чтобъ онѣ не путались между другими. Я исполнилъ его волю, или, вѣрнѣе, его приказъ,—вотъ и все. А что, какъ и почему,—этого я не знаю и не желаю знать. У меня столько дѣлъ, что я не могу вдаваться въ подробности, которыя меня не касаются.

Онъ положилъ пакетъ на край стола.

— Какого рода расписку княгиня должна дать?—спросилъ Борисъ.—Продиктуйте, я напишу, а она подпишетъ.

— Въ какой угодно формѣ, но чтобы изъ нея было видно, что отъ меня деньги такими-то бумагами получены. Не угодно ли посмотрѣть.

Князь небрежно взглянулъ на бумаги и началъ писать. Горшельдъ посмотрѣлъ на княгиню.

— Вы очень поправились,—сказалъ онъ фамильярно.—Счастливъ, что засталъ васъ въ полномъ здоровьѣ.

Она окинула его удивленнымъ взглядомъ и ничего не сказала. Она слѣдила за мужемъ, что писалъ онъ. Потомъ подошла къ столу, подписала новымъ, только что очиненнымъ перомъ свою фамилію,— и спросила:

— Больше вамъ ничего не надо?

— Ничего.

Онъ провелъ платкомъ по блѣдному, толстому лицу, прищурившись, внимательно прочелъ расписку, не торопясь положилъ ее въ карманъ и проговорилъ:

— Имѣю честь кланяться!

«Даже не предложили сѣсть,—косо усмѣхаясь, подумалъ онъ, выѣхавъ изъ воротъ замка.—Они взяли семьдесятъ пять тысячъ франковъ, точно выпили стаканъ воды,—точно это дѣлается ежедневно, точно они привыкли къ этому».

Онъ повернулъ не къ Парижу, а направо, къ небольшому селенію, что виднѣлось своею церковкою изъ-за холмовъ. Да и было время, потому что изъ города къ замку ползло новое облачко пыли. Это ѣхалъ его знакомый, мосье Жоржъ, съ которымъ онъ сейчасъ не имѣлъ нужды и никакой охоты встрѣчаться.

Когда онъ вышелъ изъ кабинета, Клэръ сказала мужу:

— Я ничего не понимаю. Настоящія это бумаги, не фальшивыя?

Князь улыбнулся.

— Настоящія. Онѣ кстати пришли. Тебѣ нужны деньги?

Она отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, возьми ихъ себѣ, мнѣ ничего не надо. Будетъ надо, спрошу,—отвѣтила она.

Онъ положилъ конвертъ въ стѣнной шкапъ. Теперь эти деньги избавляли его отъ необходимости займа и давали возможность расплатиться съ мелкими долгами, образовавшимися за послѣдній годъ, и прожить пока, не думая о будущемъ.

Когда онъ убиралъ деньги въ бюро, во дворѣ опять послышался топотъ.

— Сегодня, кажется, здѣсь раутъ?—замѣтилъ онъ женѣ:—опять пріѣхалъ кто-то.

Въ дверяхъ показалась фигура Боклевскаго. Онъ недовольнымъ голосомъ заявилъ:

— Этотъ, какъ его,—черноногій, маленькій, что въ Петербургѣ все вился, Егоръ Карпычъ, что ли,—пріѣхалъ.

Теперь, послѣ того, какъ деньги были въ шкапу, этого гостя можно было и не принять. Но онъ, какъ бы то ни было, хлопоталъ по его дѣлу и пріѣхалъ за двѣнадцать лье. Поэтому Борисъ велѣлъ его просить въ кабинетъ.

Егоръ Карапетовичъ вошелъ съ неизбѣжной счастливой улыбкой на гладко пробритомъ лицѣ, съ височками и хохолкомъ, во фракѣ и желтыхъ панталонахъ. Онъ успѣлъ сказать два-три пріятныхъ слова Боклевскому и нѣсколько разсѣять то непріятное впечатлѣніе, которое смутно осталось въ немъ отъ прежняго времени, связанное съ проигрышемъ барина, какими-то деньгами и хмурой петербургской погодой.

Клэръ уже вышла, когда Егоръ Карапетовичъ вступилъ въ комнату. Онъ радостно привѣтствовалъ хозяина:

— Какъ вы поживаете? Супруга что? Ну, очень радъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ monsieur George, въ немъ появилась какая-то фамильярность. Попрежнему тонъ его былъ почтите-

ленъ, но въ немъ сквозило какое-то «амикошонство», какъ принято тогда было говорить.

— Ну, драгоцѣнный мой, весь я Парижъ обрыскалъ по вашему дѣлу. Сказать, что успѣшно—не могу,—началъ онъ.—И главная причина временнаго неуспѣха заключается въ томъ, какъ я и предупреждалъ васъ,—въ нашей національности.

— Въ нашей?—переспросилъ съ удивленіемъ князь.—Развѣ мы съ вами одной національности?

— Конечно, мы оба русскіе!—воскликнулъ Егоръ Карапетовичъ.—То-есть были оба русскими. Я перешелъ въ католичество и принялъ здѣшнее подданство.

Онъ захохоталъ, точно провелъ все человѣчество.

— Нашелъ это нужнымъ. Мнѣ все равно—быть грекомъ, русскимъ, англичаниномъ... Я космополитъ и отечества не признаю. Гдѣ я сейчасъ живу,—тамъ мое отечество.

Егоръ Карапетовичъ опять захохоталъ. Онъ былъ, повидимому, счастливъ, несмотря на распри съ женой и на то, что вчера она, выйдя изъ дома утромъ, вернулась только поздно ночью. Правда, она была, по ея словамъ весь, день, въ Венсенѣ у мамаши, но это не помѣшало ему во второмъ часу ночи разыграть бурную сцену. Такія сцены повторялись регулярно раза три въ недѣлю, и послѣ нихъ Егоръ Карапетовичъ, повидимому, былъ лучше настроенъ.

— Я въ своихъ убѣжденіяхъ считаю себя совершенно свободнымъ человѣкомъ,—продолжалъ онъ, закладывая нога на ногу и отваливаясь въ сафьянномъ креслѣ. Онъ теперь сознавалъ себя по отношенію князя нужнымъ человѣкомъ и потому держалъ себя независимо. Онъ вѣрилъ своему credo и считалъ, что долгъ совѣсти обязываетъ его открыто исповѣдывать свою вѣру.

— Революція тѣмъ велика, тѣмъ значеніе ея для человѣчества громадно, что она на первый планъ поставила разумъ. Разумъ одинъ можетъ руководить дѣйствіями человѣка. Если бываютъ несчастья, то оттого только, что люди недостаточно дѣйствуютъ разумно.

— Итакъ, вы денегъ не достали?—спросилъ Борисъ.

— Пока мои поиски были почти безплодны.

— Что значитъ «почти»?

— Почти—такъ какъ не иначе вамъ предлагаютъ денегъ, какъ подъ залогъ недвижимости. Но такъ какъ у васъ недвижимости нѣтъ...

— Да, этотъ замокъ принадлежитъ княгинѣ,—подтвердилъ Борисъ.

— Ну, вообще подъ залогъ такой недвижимости денегъ не дадутъ на обыкновенныхъ условіяхъ,—продолжалъ Егоръ Карапетовичъ.—Замокъ лежитъ какъ разъ на пути союзныхъ войскъ къ Парижу. Кто поручится, что онъ не будетъ сожженъ союзниками?

Кто поручится, что въ эти картины и вазы не будутъ .ть нечего дѣлать стрѣлять изъ пистолетовъ русскіе и нѣмецкіе офицеры?

— Такъ вы пріѣхали ко мнѣ только затѣмъ, чтобы сообщить о безуспѣшности вашихъ розысковъ?—перебилъ его князь.

— Не совсѣмъ такъ,—отвѣчалъ гость.—Я, конечно, пріѣхалъ къ вамъ сообщить о результатахъ поисковъ,—потому что обѣщалъ сообщить ихъ вамъ. Достать деньги можно, давъ документъ на большую сумму, чѣмъ вы получите.

— Въ два раза?

— Около того.

— Вы бы ѣхали домой.

Егоръ Карапетовичъ покраснѣлъ.

— Вамъ, значитъ, не очень нужно,если вы сердитесь?

— Я нисколько не сержусь.

— Ваше предложеніе мнѣ ѣхать домой доказываетъ, что вы сердитесь. Кто даетъ вамъ денегъ, тотъ рискуетъ.

— Чѣмъ?

— Тѣмъ, что онъ не получитъ денегъ обратно... Постойте, не дѣлайте трагическихъ жестовъ, князь. Я говорю, не получитъ въ назначенный срокъ, а значительно позже. Вы можете получить не скоро ваше наслѣдство. Наконецъ,—извините за откровенность,—васъ могутъ... Ну, какъ это сказать деликатнѣе... убить.

— Кто же меня убьетъ?

— Патріоты. Словомъ, кто даетъ, тотъ рискуетъ. Я зналъ, что вы не согласитесь на тѣ условія, что вамъ предлагаютъ,—это ваше дѣло. Но я счелъ своимъ долгомъ передать вамъ.

— Это все?

— Не совсѣмъ. Дня чрезъ два я жду одного человѣчка изъ Брюсселя. Быть можетъ, онъ предложитъ болѣе легкія условія.

Въ кабинетъ вбѣжала собака и зарычала на гостя.

— Она не кусается?—спросилъ онъ.

— Вы ее не укусите, а она не укуситъ,—отвѣтилъ Борисъ.

Егоръ Карапетовичъ хотѣлъ обидѣться,—но, раздумавъ, дѣланно засмѣялся.

— Это очень остроумно,—сказалъ онъ.—Но я не люблю собакъ. У всѣхъ есть свои пристрастія, чудачества и склонности. Я не люблю собакъ.

— А я не люблю людей,—проговорилъ князь.

— То-есть вы ихъ презираете?—подхватилъ гость.—Я тоже ихъ презираю, особенно женщинъ. На что онѣ нужны и чего достойны? Я не средневѣковый рыцарь...

Онъ увидѣлъ, что князь встаетъ, и тоже всталъ.

— Забылъ совсѣмъ,—жена просила вамъ кланяться,—продолжалъ онъ.—Я хотя поздно, но передалъ ея порученіе, и совѣсть моя спокойна.

Онъ посмотрѣлъ въ окно на желтѣющіе листья и сказалъ:

— А помните, князь, Петербургъ? Фонтанку, Новый мостъ? Ха-ха! Хорошее время было. Какъ гвардія пила тогда, какъ кутила! Ну-съ, до свиданія. Я сообщу вамъ, если что будетъ...

— Да вы не хлопочите, не стоитъ,—проговорилъ князь.

Егоръ Карапетовичъ удивился и спросилъ: почему не стоитъ? Князь ему не отвѣтилъ: онъ стоялъ у окна и задумчиво смотрѣлъ въ садъ. Monsieur Жоржъ вышелъ, надѣлъ въ вестибюлѣ плащъ и уже за оградой проговорилъ:

— Аристократы проклятые!

XIV.

Надъ Парижемъ еще висѣло сѣрое утро, еще магазины только отворялись, и одни газетчики, повара, кухарки и служащіе въ лавкахъ шаркали ногами по троттуару, когда три удара въ дверь квартиры въ переулкѣ близъ Шато д'О, усиленно повторяемые черезъ каждыя двѣ минуты, разбудили Горшельда. Онъ надѣлъ туфли и не одѣваясь подошелъ къ двери.

— Кто тамъ ломится?—сердитымъ и хриплымъ со сна голосомъ спросилъ онъ.

— Гаспаръ Пишо,—послышалось въ отвѣтъ:—я уже съ полчаса стучу здѣсь подъ дверью.

Горшельдъ откинулъ мѣдный крючокъ затвора.

— Чортъ возьми!—сказалъ онъ вошедшему кривому мужчинѣ, которому на видъ было лѣтъ шестьдесятъ. Если бы я зналъ, что это вы, я бы еще спалъ.

— Солнце уже давно взошло,—пробормоталъ вошедшій.

— Вы бы вломились часа въ четыре!—продолжалъ хозяинъ.— Ну, входите же! Вы вчера были пьяны?

— Я каждый день пьянъ къ вечеру, ваша милость!—не смущаясь отвѣтилъ кривой.

— Поэтому вчера вы и не пришли на мой зовъ?

— О томъ, что ваша милость были у меня, мнѣ сказали только поздно ночью, когда я вернулся домой. На зарѣ я сейчасъ же побѣжалъ къ вамъ.

— Я такъ и думалъ,—сказалъ Горшельдъ и, приподнявъ крышку кофейника, посмотрѣлъ внутрь и поставилъ его на таганъ.— Теперь вы трезвы?

— Я по утрамъ настолько же трезвъ, насколько пьянъ по вечерамъ,—отвѣтилъ Пишо.

— Вы мнѣ нужны.

— Къ вашимъ услугамъ. Такъ какъ у меня нѣтъ теперь работы, то я весь въ распоряженіи вашей милости.

— Я что-то не помню, чтобы у васъ была когда-нибудь работа,— пробормоталъ сквозь зубы хозяинъ.

— Такъ, иногда... съ большими промежутками бываетъ...

— Большіе промежутки. Когда вы сидите въ тюрьмѣ?

— Не всегда я сижу тамъ,—обидчиво сказалъ Пишо.—Всего я былъ приговоренъ къ тюрьмѣ шесть разъ, и четыре изъ нихъ совершенно несправедливо.

— А два раза по заслугамъ?

— Объ этомъ можно спорить. Все зависитъ отъ того, какъ посмотрѣть на то, что они называли преступленіемъ.

— Кто они?

— Судьи.

— Вы во время террора только случайно не были вздернуты за поджоги?

— Случайно, мосье.

— Вы очень находчивы. Говорятъ вы служили тѣмъ, съ кѣмъ васъ судьба сталкивала? Сегодня за однихъ, завтра за другихъ?

— Я человѣкъ неграмотный, мосье.

— Изо всѣхъ правъ человѣка вы, кажется, свободу дѣйствій признавали выше всего и дѣйствовали, какъ въ данную минуту находили нужнымъ?

— Вы удивительно вѣрно, мосье, поняли мой характеръ.

Горшельдъ ничего не отвѣтилъ на этотъ комплиментъ, а, поднявъ крышку, сталъ мѣшать въ кофейникѣ. Совершивъ эту операцію, онъ откинулся на спинку мягкаго кресла и спросилъ:

— Возлѣ вашего селенія живетъ князь Вязьмитиновъ?

— Живетъ, мосье.

— Имъ довольны или недовольны?

— Кто, мосье?

— Не стройте дурака,—я спрашиваю про крестьянъ?

Пишо скорчилъ удивленную гримасу.

— Быть довольными или недовольными княземъ у крестьянъ нѣтъ причинъ, мосье. Если бы это была эпоха славной революціи, быть можетъ, его бы повѣсили на воротахъ его замка. Но такъ какъ,— слава тебѣ Господи,—времена террора миновали, то онъ живетъ спокойно со своей молодой женой.

— Онъ бываетъ въ церкви?

— Рѣдко, мосье. Чаще моего, но рѣдко.

— Прошу васъ говорить болѣе опредѣленно.

— Я никогда не бываю.

— А онъ?

— Онъ раза два былъ у обѣдни.

— Вы знаете, что онъ не католикъ?

Сѣрый, заплывшій глазъ Пишо остановился на Горшельдѣ.

— А кто же онъ, мосье?

— Онъ греческой вѣры.

— Но онъ полякъ, мосье, а всѣ поляки католики.

— Онъ русскій,—а всѣ русскіе принадлежатъ восточной церкви.

Пишо даже попятился.

— Русскій? Мосье ошибается.

— Я никогда не ошибаюсь.

Горшельдъ поднялъ на него свои глазки и внимательно посмотрѣлъ на своего гостя.

— Ваши финансы плохи?—спросилъ онъ.

— Всегда плохи.

— Отчего?

— Я уже сказалъ, мосье, что въ настоящее время лишенъ работы.

— Вязьмитиновъ—русскій.

Пишо переступилъ съ ноги на ногу.

— Не понимаете? Это для васъ источникъ дохода?

— Я глупъ сталъ отъ времени, мосье, а потому прошу васъ объяснить мнѣ, что вы хотите сказать?

— Гмъ... Вы слыхали, что русскіе стоятъ во главѣ союзной арміи?

— Слыхалъ, мосье.

— Слыхали, что армія эта не сегодня-завтра вступитъ въ предѣлы Франціи?

— Слыхалъ, мосье.

— Знаете ли вы, что она подступитъ, быть можетъ, къ Парижу?

— И это тоже говорили, мосье.

— Что же вы скажете?

— Я думаю, что этого не допустятъ,—чтобы варвары заняли такую столицу, какъ Парижъ, когда у насъ во главѣ войска стоитъ геніальный императоръ.

— Давно ли, Пишо, вы стали монархистомъ?

Пишо на это ничего не отвѣтилъ.

Горшельдъ началъ наливать въ стаканъ ароматную горячую жидкость. Ноздри Пишо раздулись, и онъ, точно завороженный, сталъ внимательно слѣдить за паромъ, клубившимся надъ кофейникомъ.

— Итакъ,—началъ Горшельдъ, ударяя себя ладонью по правому колѣну, въ тактъ своимъ словамъ,—русскіе, пруссаки и всякое отрепье надвигается на насъ. Мы должны дать отпоръ. Мы должны положить свою жизнь, чтобы спасти дорогую родину. Мы должны сжечь наши жилища, и пусть враги встрѣтятъ однѣ развалины. Такъ сдѣлали русскіе—и такъ поступимъ и мы.

— Такъ поступимъ и мы!—какъ эхо; отозвался Пишо.

— Но вѣдь у васъ нѣтъ своего дома?

— Я живу у своего дяди. Но это ничего не значитъ; если явится необходимость, я могу поджечь его домъ.

— Я нисколько, мой другъ, не сомнѣваюсь въ этомъ. Но гораздо лучше, если вы сожжете виллу князя.

Горшельдъ глотнулъ изъ большой чашки.

— Неужели ваши односельцы такъ глупы,—спросилъ онъ:—что не понимаютъ, кто такой Вязьмитиновъ?

— Что же его понимать, мосье?

— Это шпіонъ, русскій обыкновенный шпіонъ. Ему такъ хорошо и удобно шпіонить, сидя въ часѣ ѣзды отъ Парижа и посылая условныя письма въ армію.

— Едва ли это такъ, мосье. Нашъ духовникъ отецъ Жозефъ утверждаетъ, что князь не только полякъ, но и превосходный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ. Когда въ мартѣ умерла старуха Бюветъ, онъ похоронилъ ее на свой счетъ и поставилъ крестъ на ея могилѣ. Э? не всякій сдѣлаетъ это!

— Ну, Пишо, я думаю, вы дали бы су за то, чтобы васъ похвалилъ отецъ Жозефъ въ воскресной проповѣди? А погребеніе Бюветъ для князя было то же, что вамъ затратить одно су.

Онъ опять глотнулъ кофе и блаженно улыбнулся.

— Да, хорошо быть богатымъ,—сказалъ онъ:—лежать въ теплой комнатѣ, въ тепломъ халатѣ и пить горячій кофе. И какъ судьба несправедлива: однимъ дала все, а другимъ ничего. Одни—по пяти разъ въ день могутъ пить кофе. Другіе не могутъ его пить въ пять дней разъ.

Онъ зажмурился и опять глотнулъ.

XV.

— Это вѣковѣчный вопросъ!—продолжалъ онъ:—равномѣрное распредѣленіе богатствъ должно соотвѣтствовать равномѣрному распредѣленію труда.

— Я знаю, ваша милость цѣлые дни въ работѣ,—замѣтилъ Пишо.

— Я цѣлые дни полонъ трудовъ и заботъ,—строго сказалъ Горшельдъ.—Вы уйдете, я сяду за книги. Видите вы эту кучу записокъ и счетовъ? Ихъ надо разнести по счетамъ и графамъ. И это не грошевые счеты. Тутъ есть одинъ въ семьдесятъ пять тысячъ. Что вы на это скажете?

— Это большой капиталъ.

— Я думаю. А знаете ли вы, гдѣ онъ теперь находится? Возлѣ васъ въ замкѣ. Вамъ ничего не стоитъ собраться двумъ десяткамъ человѣкъ и взять эти деньги. Въ кабинетѣ сзади бюро есть вдѣланный въ стѣнѣ ящикъ съ старой дверцей. Два-три удара хорошимъ ломомъ, и дверца не выдержитъ.

— У мосье есть нѣсколько пистолетовъ,—сказалъ задумчиво Пишо.—Я самъ видѣлъ, какъ лѣтомъ князь стрѣлялъ въ цѣль.

— Пусть у него будетъ цѣлый арсеналъ пистолетовъ, но болѣе двухъ за разъ онъ не возьметъ. Ну, убьетъ онъ двоихъ, что же такое?

Пишо похлопалъ глазами.

— Надо будетъ дѣлиться съ меньшимъ числомъ участниковъ, вотъ и все! — продолжалъ пухлый молодой человѣкъ.—Семьдесятъ пять тысячъ большая сумма.

— Нынче правительство очень строго относится къ насилію!— нерѣшительно сказалъ Пишо.—Солдаты могутъ въ завоеванномъ городѣ грабить и жечь. А честнымъ гражданамъ это запрещено.

— Вы считаете себя честнымъ гражданиномъ?—спросилъ удивленно Горшельдъ.

— Я никого не обманулъ, мосье. Да, я убилъ въ то время, когда брали Бастилію и казнили Капета, двадцать восемь человѣкъ,— но они или первые начали драку, или принадлежали къ аристократическому роду.

— Въ этомъ была ихъ вся вина?—спросилъ Горшельдъ.

— Въ этомъ, мосье... Они являлись представителями неправильнаго распредѣленія имуществъ. Они являлись жертвами съ одной стороны, а я—мстителемъ съ другой.

— Такъ что вы не прочь были бы съ головой княгини на палкѣ обойти съ пѣснями вокругъ замка?

Пишо безпокойно сталъ перебирать поля шляпы, что держалъ въ рукахъ.

— Разсчитываться съ женщинами—это дѣло бабъ,—проговорилъ онъ.—Я никогда не посягалъ на ихъ жизнь.

Его взглядъ вдругъ упалъ на стопку пятифранковиковъ, лежавшую возлѣ кофейника и прикрытую до сихъ поръ носовымъ платкомъ Горшельда.

— Вы смотрите на деньги, Пишо?—спросилъ хозяинъ.—Я приготовилъ ихъ для васъ. Возьмите изъ нихъ, сколько вамъ нужно. Тутъ двадцать пять франковъ...

Пишо приблизился, взялъ задумчиво одну монету, потомъ другую.

— Мнѣ довольно десять франковъ, мосье,—сказалъ онъ.

— Вы очень скромны,—замѣтилъ Горшельдъ и распустилъ длинный кошелекъ съ кольцомъ, повидимому, почти пустой.—Я хочу вамъ сдѣлать подарокъ, Пишо,—сказалъ онъ, вытаскивая оттуда большой золотой.—Я хочу подарить вамъ сорокъ франковъ. Посмотрите, какой блестящій червонецъ, съ профилемъ императора и съ отмѣткой 1812. Это великій годъ похода на Москву. Возьмите эту монету, я ничего не имѣю, если вы ее не размѣняете, а по завѣщанію оставите дѣтямъ.

— У меня нѣтъ дѣтей, мосье,—конфузливо замѣтилъ Гаспаръ:— то есть, можетъ быть, они и есть, только я про нихъ никогда ничего не слышалъ.

Молодой человѣкъ нахмурился.

— Я повторяю,—проговорилъ онъ:—что князь русскій. Если вы не только возьмете всѣ деньги, находящіяся въ замкѣ, или, говоря безъ обиняковъ, ограбите его,—но если даже убьете его, когда онъ будетъ стрѣлять въ васъ, убьете, конечно, для самозащиты, всякій судъ васъ оправдаетъ потому уже, что онъ русскій и въ васъ говорилъ болѣе патріотизмъ, чѣмъ звѣрскіе инстинкты. Кто заставляетъ васъ разсказывать вашимъ сообщникамъ, что въ стѣнѣ есть восемьдесятъ тысячъ франковъ? Скажите просто: вѣроятно, тамъ есть деньги.

Пишо переступилъ съ ноги на ногу. Это всегда обозначало у него нерѣшительность.

— Вы какъ будто хотите что сказать, Пишо?—спросилъ хозяинъ и опрокинулъ въ ротъ чашку съ остатками кофе.

— Я хотѣлъ сказать, мосье, что я... окончательно хотѣлъ пойти по пути блаженныхъ...

— Что вы называете путемъ блаженныхъ?

— Путь вѣчнаго спасенія, про который всегда говоритъ отецъ Жозефъ.

— Вы, мой другъ, на это не способны. Довольно того, что у васъ появилось доброе желаніе исполнить это. Удовольствуйтесь только намѣреніемъ.

Пишо положилъ золотой за щеку.

— Вы хорошо дѣлаете, что, какъ мандрилъ, прячете лакомый кусокъ въ укромное мѣсто. Только не проглотите его, а то придется вамъ долго возиться съ нимъ,—онъ достаточно великъ, даже для вашего горла.

— Зачѣмъ глотать, мосье,—отвѣтилъ Пишо.

Хозяинъ всталъ и отряхнулъ крошки булки съ колѣнъ.

— Я очень заинтересованъ, чтобъ вы исполнили то, о чемъ я говорилъ,—сказалъ онъ.—Нѣсколько десятковъ тысячъ франковъ будутъ болѣе способствовать къ приведенію васъ на путь истинный, чѣмъ отдалятъ отъ него. Подумайте хорошенько о всемъ, что я вамъ сказалъ. Помните, что вы будете дѣйствовать въ силу величайшей правды—уравненія правъ человѣка. Нельзя вѣчно лежать на канапэ, не пахать, не жать, не рубить,—и наслаждаться жизнью. Откуда деньги у князя? Отъ его предковъ. А кѣмъ добыты эти деньги? Жалкими рабами, кровавымъ потомъ... Положимъ, Пишо, вы тоже ничего не дѣлаете. Но вы часто спите на навозной соломѣ, и въ правѣ возмущаться существующими порядками.

— Я и возмущаюсь, мосье.

— Я вижу по вашему лицу, что вамъ хочется выпить стаканъ добраго краснаго вина?

— Если мосье будетъ такъ добръ.

— Вы у меня его не получите, Пишо. У меня слишкомъ дорогое вино, и оно вамъ не по рылу. Вы можете зайти въ любую лавочку

и выпить, сколько захотите, да кстати размѣнять сорокъ франковъ. Но вотъ вамъ мой совѣтъ.

Онъ положилъ руку ему на плечо.

— Не напейтесь.

— Я пью, мосье Горшельдъ, только отъ бездѣлья; когда же я занятъ дѣломъ, то не болѣе, какъ подкрѣпляюсь.

— Хорошо, вы подкрѣпитесь, и идите щупать почву среди вашихъ односельчанъ. Да не замедлите,—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Теперь вы идите,—у меня много дѣла. Въ это время вы всегда меня застанете. Приходите,—вы еще получите столько же, сколько получили сегодня. А теперь убирайтесь.

— Счастливо оставаться,—сказалъ Пишо.—Я постараюсь. Не знаю, что выйдетъ, но постараюсь.

Онъ ухмыляясь вышелъ въ переднюю и отперъ дверь на лѣстницу. Хозяинъ вышелъ за нимъ и крикнулъ ему въ щель прежде, чѣмъ захлопнулъ крюкъ.

— Смотрите же, не напейтесь!

Пишо обѣщалъ и, стуча своими подошвами, спустился по каменной лѣстницѣ. Горшельдъ вошелъ въ свою комнату, сдѣлалъ два пируэта, такъ что полы халата раздулись кругомъ его, потомъ упалъ, залился хохотомъ и проговорилъ:

— Вотъ дуракъ-то! Вотъ прирожденный идіотъ!

XVI.

Борисъ, проснувшись утромъ, отдернулъ занавѣсъ окна. Хмурое небо посмотрѣло на него. Нѣсколько золотыхъ листьевъ порхая летѣло съ деревьевъ. Онъ вспомнилъ про вчерашніе два визита,—и ему стало какъ будто свѣтлѣе на душѣ.

Боклевскій, подавая ему сапоги, замѣтилъ:

— Осень начинается, ваше сіятельство.

— Осень,—отвѣтилъ онъ.

— Теперь у насъ въ Знаменскомъ русаковъ травятъ.

— Травятъ,—подтвердилъ князь. Ему показалось, что еще что-то хотѣлъ прибавить его слуга, да не сказалъ.

Клэръ, блѣдная, но, какъ всегда, свѣжая, чистая, сидѣла въ столовой. Онъ наклонился къ ней, цѣлуя ея нѣжную щечку. Ея рука обвила его шею, и она сказала:

— Ты хорошо спалъ, Борисъ?

— Хорошо,—отвѣтилъ онъ.

— Я такъ рада, что ты получилъ вчера эти деньги,—проговорила она.—Мнѣ показалось, что въ послѣднее время ты сталъ безпокоенъ и задумчивъ именно потому, что у тебя не было денегъ и ты не зналъ, откуда взять.

Онъ поцѣловалъ ея руку.

— Я гораздо богаче твоего отца,—смѣясь сказалъ онъ.

— Ты не знаешь, какъ богатъ онъ,—возразила Клэръ.—У него есть нѣсколько замковъ, много земель, много денегъ и въ Лондонѣ и здѣсь.

— Ты не знаешь, какъ мы богаты,—въ свою очередь, сказалъ онъ.—У насъ тоже много замковъ, только они называются помѣстьями... У насъ есть и дома въ Петербургѣ и въ Москвѣ, и тысячъ пятнадцать крестьянъ...

— И у тебя есть крестьяне?—спросила Клэръ.

— Есть.

— Они платятъ тебѣ подати?

— Платятъ. И я могу сдѣлать съ ними, что хочу: могу отдать ихъ въ солдаты, могу сослать ихъ, могу продать.

Брови ея дрогнули.

— Ты можешь продавать людей?

— Могу. У насъ еще есть рабы.

— Значитъ, вы—рабовладѣльцы?

— Мы—рабовладѣльцы. Мы не только можемъ мучить рабовъ и убивать, но и отпускать на свободу.

— Есть такіе, что отпускаютъ?

— Есть.

— А ты?

Борисъ молчалъ, помѣшивая въ чашкѣ ложечкой.

— Я слишкомъ молодымъ покинулъ семью,—сказалъ онъ.—Но теперь, когда ворочусь,—я раскрѣпощу своихъ крестьянъ. Здѣсь, живя во Франціи, я многому научился и на многое сталъ смотрѣть иначе. Заря людской свободы поднялась здѣсь... Во Франціи еще есть остатки феодаловъ... тѣхъ же нашихъ помѣщиковъ, но только подкрашенныхъ цивилизаціей Запада. У нихъ были тѣ же нечеловѣческія права, что и у насъ. Какъ у насъ молодую отъ вѣнца крѣпостные должны были приводить къ помѣщику, такъ и у васъ во Франціи было такое право у феодаловъ. У васъ, можетъ быть, все это было раньше, чѣмъ у насъ, но было...

Большіе глаза Клэръ съ изумленіемъ остановились на мужѣ.

— У насъ тоже это было?—спросила она.—Я никогда объ этомъ не слыхала.

— Радость моя,—всюду и вездѣ одно и то же. Вотъ дождь льется, и по стекламъ нашихъ оконъ бѣгутъ потоки. Въ Россіи такой же дождь,—и также онъ идетъ и въ Китаѣ, и въ Америкѣ, и въ Италіи. Такія же драмы разыгрываются, также вездѣ людей мучаютъ, убиваютъ и жгутъ,—вездѣ одинаковы несчастья и радости...

Онъ замолчалъ. Собака лежала подъ столомъ и изрѣдка вздыхала. Сѣрый день хмурился все больше. Дождь стучалъ по крышѣ и

смачивалъ сбоку веранду. Часы мѣрно тикали во всѣхъ комнатахъ. Въ углахъ собиралась темнота, точно былъ вечеръ, а не полдень. Холодомъ вѣяло отъ оконъ. Мокрыя вѣтки тихо качались въ саду. Рафаэлевская Мадонна смутно проступала изъ полутьмы, и два младенца—Христосъ и Іоаннъ—бѣлѣли по бокамъ сидящей въ полѣ дѣвушки. Осеннія астры увядали въ стеклянной подставкѣ съ водой на его письменномъ столѣ: ихъ Клэръ еще три дня назадъ поставила сюда.

Онъ развернулъ книгу съ краснымъ обрѣзомъ. Это былъ подарокъ Жакелинъ, что онъ нашелъ въ своемъ кабріолетѣ, когда воротился изъ Парижа. Книга была на латинскомъ языкѣ и представляла сводъ сочиненій Плинія Младшаго. Борисъ зналъ латинскій языкъ и здѣсь во Франціи еще больше, отъ нечего дѣлать, освоился съ нимъ. Онъ свободно читалъ теперь, и отецъ Жозефъ помогалъ ему своимъ отличнымъ знаніемъ.

Теперь князь принялся за письмо Плинія къ Тациту, гдѣ онъ описываетъ смерть своего дяди и разрушеніе Помпей. Съ первыхъ строкъ авторъ захватилъ его. Дядя Плинія, извѣстный естествоиспытатель, сталъ звать племянника поѣхать съ нимъ смотрѣть изверженіе вулкана. Издали оно казалось тучей, то молочной, то желтой съ грязными подпалинами, то пепельной, то коричневой,—и она имѣла форму гигантской пиніи. Плинію-дядѣ показалось такое явленіе знаменательнымъ, онъ взялъ либурнскій корабль и думалъ ѣхать съ племянникомъ...

— Ваше сіятельство, патеръ Жузефъ пришелъ,—сказалъ Боклевскій, входя въ кабинетъ.—Къ вамъ просится.

— Жозефъ?—удивился князь.

Жозефъ никогда не бывалъ безъ приглашенія. Должно быть, было что-нибудь важное. Вдобавокъ у Плинія одна фраза оказалась запутанной и непонятной. Борисъ велѣлъ просить его.

Лицо Жозефа было возбуждено, губы судорожно поджимались. Онъ вытиралъ мокрыя руки платкомъ и говорилъ:

— Хотя я въ плащѣ и перчаткахъ, но промокъ.

— Очень радъ васъ видѣть,—сказалъ князь:—какъ вы переведете эту фразу?

Жозефъ прищурился, сразу перевелъ и сказалъ:

— Это Плиній. Превосходная латинская проза.

Онъ закрылъ книгу, какъ бы показывая этимъ, что теперь имъ заниматься не время, и спросилъ:

— Вы, князь, когда думаете ѣхать?

Борисъ не ожидалъ такого вопроса.

— Куда?

— Въ Англію.

— Зимой... какъ-нибудь.

Жозефъ потупилъ глаза и закусилъ нижнюю губу.

— Обстоятельства идутъ быстрѣе, чѣмъ я думалъ,—сказалъ онъ.—И вамъ ѣхать придется немедленно.

— То есть?—спросилъ князь.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Объяснитесь.

Жозефъ оглянулся кругомъ.

— У насъ непокойно въ селеньѣ. Сейчасъ ко мнѣ приходили выборные. Они кричали и махали руками. Знаете, зачѣмъ они ворвались ко мнѣ? Узнать правду, какъ говорили они. И правда эта касается васъ. Они спрашивали: русскій вы или нѣтъ?

Князь захлопнулъ словарь и сталъ внимательнѣе.

— Русскій ли я?

— Они васъ считали за поляка, и я поддерживалъ эту увѣренность. Видя васъ въ церкви, зная, что княгиня, ваша жена, отросль стараго французскаго рода,—васъ они считали католикомъ. Теперь откуда-то до нихъ дошло сообщеніе, что вы православный, и они явились ко мнѣ.

— А что же вы?

— Я сказалъ, что навѣрно не знаю.

— Вы же знаете.

— Мнѣ нужно выиграть время и предупредить васъ. Я считаю своимъ долгомъ остеречь васъ отъ этихъ сумасшедшихъ людей. Что сказать имъ?

— Скажите правду.

— Что вы принадлежите къ восточной церкви? Это невозможно.

— Почему?

— Они потребуютъ, чтобы вы уѣхали отсюда. И это въ лучшемъ случаѣ.

— А въ худшемъ?

— Вы должны быть ко всему готовы. У насъ вообще населеніе деревни настроено противъ васъ.

— Почему же? Что я имъ сдѣлалъ?

— А все это отрыжка революціи. До сихъ поръ девятидесятые годы еще памятны многимъ. Расчетныя книжки, что установлены для рабочихъ императорскимъ правительствомъ, породили недовольство. Неуспѣхъ французскихъ войскъ—толчокъ для всякихъ безпорядковъ. Если они окончательно убѣдятся, какой вы націи,—ваше дѣло проиграно. Бѣжать въ Англію вы должны и должны немедля, или...

— Ну?

— Или то, что я говорилъ вамъ раньше,—принять католичество.

Борисъ наклонился къ духовнику своей жены и сказалъ:

— Никогда!

Жозефъ пожалъ плечами.

— Какъ хотите! Но вамъ надо предпринять какое-нибудь рѣшеніе, и немедля.

— Благодарю васъ, отецъ Жозефъ, за предупрежденіе. Я поговорю съ женою.

Жозефъ поднялся.

— Вы въ закрытомъ экипажѣ?—спросилъ Борисъ.

— Я пѣшкомъ, но подъ зонтикомъ,—отвѣтилъ священникъ.

— Я велю сейчасъ заложить.

— Не трудитесь, я скорѣе дойду—тутъ десять минутъ, если итти не торопясь.

Онъ пожалъ руку князю и еще разъ сказалъ:

— Не медлите...

Дождь лилъ какъ изъ ведра. Деревья гнулись, стѣны замка казались насквозь промоченными. Отецъ Жозефъ подобралъ полы своей сутаны, хорошенько закутался въ плащъ и, раскрывъ зонтикъ, смѣло пошелъ по грязи. Онъ шелъ большими шагами, выставляя свои длинныя ноги въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ. Онъ былъ озабоченъ и все бормоталъ:

— Какое легкомысліе, ахъ, какое легкомысліе!

Подходя къ своему дому, стоявшему возлѣ церковки, онъ увидѣлъ небольшой крытый экипажъ, запряженный парой. Онъ удивился, кто могъ пріѣхать къ нему въ такую погоду, и ускорилъ шагъ. Подойдя къ крыльцу, онъ спросилъ:

— Чей экипажъ?

— Капелланъ monsieur Сенъ-Дизье,—отвѣтилъ кучеръ.

Отецъ Жозефъ еще выше приподнялъ полы и взбѣжалъ по крыльцу, складывая мокрый зонтикъ.

XVI.

Дождь лилъ не переставая. Когда туча набѣгала, дѣлалось темнѣе; когда она проходила, больной свѣтъ проникалъ сквозь небольшіе промежутки тяжелыхъ оконныхъ портьеръ.

Борисъ ходилъ по кабинету. Его безпокоило будущее. Та «недвижимость», которая, повидимому, принадлежала ему, теперь вдругъ какъ будто ускользала отъ него. Будь онъ одинъ—онъ ни на минуту не задумался бы и смотрѣлъ въ будущее такъ же спокойно, какъ всегда. Но теперь онъ связанъ судьбою съ этой маленькой стройной женщиной и онъ долженъ охранять ея покой. Особенно теперь, когда она должна стать матерью. И въ первый разъ онъ почувствовалъ всю тяжесть брачныхъ узъ.

Обѣдъ какъ будто разсѣялъ его. Осунувшееся блѣдное личико Клэръ показалось ему такимъ роднымъ и близкимъ. Онъ не могъ оставаться одинъ въ своемъ кабинетѣ — и долго они вдвоемъ хо-

дили по комнатамъ. Онъ обнялъ ее, и они, крѣпко прижавшись другъ къ другу, все ходили, ходили. Они любили другъ друга, и дождь, стучавшій въ окно, не могъ нарушить ихъ праздничнаго настроенія. И холодъ и мокрые цвѣты на куртинахъ—все было далеко отъ нихъ, а они все ходили по мягкимъ коврамъ по теплымъ комнатамъ.

Сумерки смѣнились тьмою. Вѣтеръ вылъ и гнулъ деревья. Зажглись лампы и свѣчи. Занавѣски плотно задернулись у оконъ.

Вошелъ Боклевскій.

— Дозвольте въ деревню сбѣгать—тамъ пожаръ,—вдругъ сказалъ онъ.

Борисъ отдернулъ драпировку. Зарево играло сквозь деревья. Огненный столбъ дыма вздымался къ небу. Трепетно дрожали въ ночномъ мракѣ вспышки огня. Должно быть, занялось высушенное сѣно,—потому что дымъ былъ полонъ искръ и галокъ.

— Можетъ, помочь надо,—я пожары тушить смолода лютъ,—проговорилъ Лука.

Борисъ отослалъ его. Онъ стоялъ у окна съ женою. Зарево все разрасталось. Остроконечный куполъ деревенской церковки какъ огненный столбъ рисовался на темномъ фонѣ. Теперь ясно слышался неясный говоръ толпы и тотъ шумъ, который всегда сопутствуетъ пожарамъ.

— Я пойду туда,—сказалъ Борисъ.

Онъ накинулъ плащъ и шляпу. Дождь прошелъ. Во дворѣ никого не было,—ворота замка были полуоткрыты. Дорога слабо освѣщалась мерцающимъ отблескомъ пожара. Навстрѣчу ему попалось человѣкъ десять. Они зачѣмъ-то шли съ зажженнымъ фонаремъ и двумя желѣзными ломами. Тотъ, кто несъ фонарь, поднялъ и освѣтилъ лицо князя. Никто не поздоровался, не сказалъ ничего: и князь и они прошли мимо другъ друга молча.

Пройдя нѣсколько шаговъ, Борисъ почему-то остановился. Ему пришла мысль: куда они идутъ? Онъ сталъ смотрѣть. Они подошли къ открытымъ воротамъ замка и остановились. Потомъ они медленно вошли одинъ за другимъ въ ограду.

Князь поворотилъ назадъ. Ясно всплыло впечатлѣніе, что во дворѣ никого нѣтъ. Онъ позволилъ Боклевскому пойти на пожаръ, но пошли всѣ—ушла вся прислуга. Дома оставалась одна Клэръ.

У воротъ стояло двое молодыхъ, совсѣмъ ему незнакомыхъ крестьянъ. Онъ посмотрѣлъ на нихъ, они молча посторонились и пропустили его. Во дворѣ сновало шесть-восемь человѣкъ. Они остановились, когда онъ вошелъ.

— Что вамъ надо?—громко спросилъ онъ.

Они молчали. Если бы прислуга была дома, онъ велѣлъ бы имъ уйти прочь. Но прислуги не было. Онъ уже поднялся на третью ступеньку, когда сзади послышался голосъ:

— Постойте!

Онъ вполоборота остановился и сказалъ:

— Что вамъ надо?

— Мы пришли говорить съ вами.

— Кто вы такіе?

— Не все вамъ равно? Мы крестьяне здѣшняго селенья.

— Вамъ мѣсто на пожарѣ, а не здѣсь.

— Мы знаемъ, гдѣ наше мѣсто, не хуже васъ.

— Ну, мы завтра поговоримъ, теперь темно,—сказалъ Борисъ и сдѣлалъ еще два шага къ двери.

Рослый плечистый малый въ толстой курткѣ удержалъ его за плащъ.

— Мы съ тобой должны сейчасъ побесѣдовать, — проговорилъ онъ.

Борисъ поглядѣлъ на темныя фигуры и сказалъ:

— Хорошо. Будемъ говорить. Я сейчасъ приду.

Онъ отстегнулъ воротъ плаща, бросилъ его на руки плечистаго малаго и вошелъ въ домъ.

— Я воротился,—сказалъ онъ женѣ.

— Съ кѣмъ ты говорилъ?—спросила она.

— Крестьяне о чемъ-то хотятъ спросить меня.

— О чемъ?

— Почемъ я знаю!

Онъ прошелъ въ кабинетъ и снялъ со стѣны два пистолета.

— Зачѣмъ?—спросила Клэръ.

— Они не любятъ огнестрѣльнаго оружія,—больше ничего.

Наружная дверь отворилась, и тяжелые шаги послышались въ вестибюлѣ.

— Ты пойди къ себѣ и запрись,—сказалъ онъ.

— Я останусь здѣсь —проговорила она.

— Какъ хочешь.

Онъ пошелъ навстрѣчу доносившихся шаговъ. Въ гостиную вошли люди, мокрые, распространяя вокругъ запахъ вина. Борисъ присѣлъ на край стола и взвелъ курки.

— Это что жъ такое?—спросилъ плечистый малый.

— Я у себя дома,—отвѣтилъ Борисъ,—и могу дѣлать, что угодно мнѣ, никому, и особенно вамъ, не отдавая отчета.

За рослымъ малымъ стоялъ Пишо. Онъ мутнымъ единственнымъ глазомъ поводилъ по стѣнамъ и тихо повторялъ:

— Вотъ они, пропріетеры-то! Ахъ, какъ живутъ!

— Спрашивайте или убирайтесь вонъ!—крикнулъ Борисъ.

Длинный, худой, съ просѣдью человѣкъ, державшій въ рукахъ ломъ, засмѣялся.

— Какъ поговариваетъ!—сказалъ онъ.

— Мы долго будемъ вздоръ болтать?—спросилъ князь,

— Мы пришли сказать тебѣ, чтобъ ты проваливалъ къ чорту отсюда,—сказалъ рослый малый.—Мы даемъ тебѣ три дня сроку: въ три дня ты долженъ убраться отсюда.

— Ого! вы смѣло предписываете. По какому праву?

— По тому праву, что мы французы. Мы бы могли тебя повѣсить на первомъ деревѣ, какъ во время революціи перевѣшано много вашихъ братьевъ. Но мы хотимъ показать все наше великодушіе.

Теперь князь засмѣялся.

— Ну, а если я не уѣду черезъ три дня?

— Замокъ будетъ сожженъ. Ночью онъ займется съ четырехъ сторонъ.

— Вы не крестьяне, а бродячіе разбойники!—сказалъ Борисъ.

— Мы не разбойники!—возразилъ старикъ съ ломомъ.—Мы истые граждане. У насъ есть дома жены, дѣти и скотъ. Но мы не желаемъ, чтобъ ты оставался здѣсь. Твоя жена можетъ остаться, но ты долженъ уѣхать.

— Это все?—спросилъ князь.

— Нѣтъ, извините —не все,—возразилъ Пишо, какъ-то присѣдая и разводя руками.—Вы должны намъ дать денегъ.

— Сколько?

— Онъ спрашиваетъ: сколько?—засмѣялся Пишо и обратился къ своимъ спутникамъ.—Почемъ мы знаемъ, сколько.

Его смѣхъ не нашелъ отзвука въ его товарищахъ.

— Вы живете въ сто разъ лучше, чѣмъ мы,—сказалъ старикъ.—Мы хотимъ жить въ другихъ условіяхъ. Мы не хотимъ спать на полу и сидѣть въ полутемныхъ сырыхъ комнатахъ, когда у васъ свѣтло и сухо.

— Кто же вамъ мѣшаетъ быть чистоплотными?—иронически спросилъ Борисъ.

— Нужда,—отвѣтилъ старикъ и, поднявши ломъ, ударилъ по близъ стоявшей лампѣ. Ударъ пришелся по самой горѣлкѣ и, раздробивъ ее, погасилъ фитиль.

Это было точно сигналомъ. Одинъ даже сталъ засучивать рукавъ, а Пишо крикнулъ:

— Молодецъ, Жакъ, ей-Богу, молодецъ!

Князь крѣпко сжалъ ручку пистолета, но сдержался и сказалъ:

— Я прощаю, что вы испортили мнѣ лампу. Но если еще кто подниметъ ломъ, я убью его на мѣстѣ.

Онъ поднялъ дуло на уровень ихъ головъ.

— Опустите ваше оружіе, мы его не боимся,—продолжалъ Жакъ, прямо смотря въ маленькое черное отверстіе дула.—Вы лучше подѣлитесь съ нами свóими деньгами.

— Повторяю, сколько вамъ надо?

— На все селеніе намъ надо тысячъ двадцать франковъ,—весело сказалъ Пишо.

— Отчего же не тридцать и не сорокъ?—усмѣхнулся Борисъ.—Просите больше.

— Зачѣмъ намъ сорокъ, когда нужно двадцать?—сказалъ Жакъ.

— Вообще,—заговорилъ рослый,—вы дадите намъ все, что теперь найдется у васъ въ домѣ.

Князь пожалъ плечами.

— Почему же вамъ, а не той деревнѣ, что за рощей? Почему мнѣ не отдать деньги бѣднымъ Парижа, которые въ десять разъ больше нуждаются, чѣмъ вы? У васъ есть дома и земли, а у столичной голи этого нѣтъ.

— Столичная голь!—закричалъ рыжеволосый горбунъ, у котораго все лицо было въ какихъ-то красныхъ пятнахъ.—Я хорошо знаю, что такое парижская голь! У меня сынъ тамъ. Его затянуло въ ихъ топь. Если бъ они всѣ передохли, люди вздохнули бы спокойнѣе. А ты хочешь ихъ поддерживать своими деньгами.

XVIII.

— Дѣти наши спятъ на полу,—повторилъ Жакъ.—Дочери наши въ грязныхъ хлѣвахъ встрѣчаютъ своихъ возлюбленныхъ, и потомъ выходятъ за нихъ замужъ. Когда у нихъ родятся дѣти, они бросаютъ ихъ на рожокъ и уходятъ въ замки въ кормилицы. Ихъ мужья, не стѣсненные женами, безпутничаютъ и пьютъ на тѣ деньги, что добываетъ жена собственнымъ молокомъ. Наши сыновья работаютъ на фабрикахъ. Мои оба сына ушли въ Ліонъ и тамъ на станкахъ ткутъ шелковую матерію. Третьему моему сыну оторвало руку на фабрикѣ, потому что теперь дьяволъ выдумалъ паровые котлы и теперь колеса сами вертятся. На фабрикахъ и заводахъ, кромѣ разврата, ничего нѣтъ,—намъ они не нужны.

— Поэтому я долженъ вамъ отдать свои деньги?—спросилъ князь.

— Поэтому вы намъ должны отдать свои деньги,—проговорилъ весело Пишо.—Мы знаемъ, мы хорошо знаемъ, что у васъ много есть. Такъ много, что намъ и не поднять. Когда насыплемъ въ карманы, они прорвутся отъ тяжести!.. Ха-ха!

Онъ опять сталъ приплясывать и опять повернулся къ спутникамъ, но встрѣтилъ серьезныя лица. Жакъ даже сказалъ:

— Чего ты ломаешься! Не такое время. Мы за дѣломъ пришли. Намъ некогда. Давай намъ деньги сейчасъ же.

— Нѣкоторые изъ васъ пьяны,—возразилъ князь.—Вы протрезвитесь къ завтраму и приходите. Мы поговоримъ и поладимъ. Денегъ у меня нѣтъ, но жена можетъ вамъ дать, сколько захочетъ....

— Если у твоей жены есть деньги, такъ онѣ, значитъ, и у тебя есть,—закричалъ дюжій парень.—Такъ мы и повѣримъ, что ты не

можешь распоряжаться женины деньгами! Посмотрѣлъ бы я, какъ моя жена не позволила бы мнѣ распоряжаться ея имуществомъ.

Его словамъ, очевидно, нашлось сочувствіе среди толпы. Двое улыбнулись: дескать, все это одна отговорка, и то, что принадлежитъ женѣ, принадлежитъ и мужу.

Но Борисъ стоялъ на своемъ.

— Повторяю,—сказалъ онъ:—что денегъ у меня нѣтъ.

— Мы заставимъ тебя показать, гдѣ онѣ спрятаны,—весело сказалъ Пишо.—Ты думаешь, мы не знаемъ, кто у тебя былъ вчера утромъ на вороной лошади и сколько привезъ денегъ? Ты думаешь, мы не видали расписки въ полученіи денегъ?

Борисъ почувствовалъ, что банда, ворвавшаяся въ замокъ, организована заранѣе. Что дѣло было не безъ участія Горшельда, было ему ясно. Онъ рѣшилъ бить крестьянъ тѣмъ же оружіемъ, съ какимъ нападали на него.

— Я думалъ, что вы придете раньше,—сказалъ онъ.—Ждалъ васъ съ утра, но не думалъ, что вы вернетесь ночью, да еще во время пожара, когда каждый порядочный гражданинъ долженъ помогать своему сосѣду.

— Ты насъ не учи, какъ намъ поступать,—сказалъ Жакъ.—Мы поступаемъ такъ, какъ надо, какъ подсказываетъ намъ совѣсть. Если бъ дѣло было двадцать лѣтъ назадъ, ты давно бы болтался на первомъ сучкѣ.

— Ты чего стращаешь насъ пистолетами,—вдругъ заоралъ Пишо.—Не видали мы пистолетовъ! Стрѣляй! Ну, убьешь одного, ну, двоихъ убьешь... Троихъ! А насъ здѣсь одиннадцать. Остальные восемь тебя придушатъ... Стрѣляй! боимся мы тебя, какъ же!

Жакъ взялъ за плечо Пишо и отстранилъ его.

— Мы хорошо знаемъ, кто ты такой,—проговорилъ онъ и уставился прямо на князя.

Тотъ въ первый разъ дрогнулъ.

— Мы знаемъ, что ты русскій — не полякъ, не нѣмецъ, а русскій. Ты изъ племени тѣхъ, что идутъ сюда, что вносятъ сюда весь ужасъ войны. Мой братъ утонулъ при какой-то переправѣ великой арміи. И виновники его смерти были тѣ же проклятые русскіе, что шли противъ насъ. И много десятковъ тысячъ французовъ легло костями на вашихъ степяхъ. И какой же результатъ всего этого? Мы, непобѣдимая армія, валяемся на соломѣ, а ты— живешь, какъ Лазарь богатый, въ виссонъ одѣваешься?..

— Слышалъ я уже это!—проговорилъ князь.

— Мы вѣдь не шутимъ,—продолжалъ Жакъ.—Сначала многіе думали тебя придушить, какъ кошку. Но какая намъ польза въ твоей смерти? Терпѣть тебя, русскаго шпіона, подъ бокомъ у нашего селенія мы не хотимъ. А потому рѣшили, что ты долженъ отсюда убраться.

— Кланяйся и благодари, что на это тебѣ даютъ время,—проговорилъ дюжій.

— Но чтобъ денегъ ты не скрылъ куда, не положилъ ихъ въ банкъ въ Парижѣ, ты долженъ намъ ихъ отдать сейчасъ.

— Да, ты долженъ ихъ отдать намъ сейчасъ!—повторилъ Пишо, приплясывая на мѣстѣ.

— Возьмите все, но уходите сейчасъ вонъ!—прозвучалъ голосъ сзади.

Борисъ оглянулся. Это жена съ горящими глазами стояла въ дверяхъ и, вся дрожа, вызывающе смотрѣла на крестьянъ.

— Съ тобой, гражданка, мы не говоримъ,—весело крикнулъ Пишо.—Мы пришли объясняться съ твоимъ мужемъ. Но ежели ты дашь намъ двадцать тысячъ, мы возьмемъ.

За окнами послышался крупный разговоръ и топанье шаговъ, въ переднюю кто-то вошелъ. Шаги стали звучать ближе и ближе. На порогѣ остановилась костлявая фигура Жозефа; онъ былъ весь мокрый отъ воды и черный отъ сажи. Онъ поводилъ длиннымъ носомъ направо и налѣво, шапки на головѣ не было.

— Ну, я такъ и зналъ, что вы здѣсь!—крикнулъ онъ.

Изъ-за его спины показался Боклевскій, онъ перешелъ на сторону барина, взялъ пистолетъ со стола и сказалъ:

— Чего это челядь сюда навалила?

— Они пришли требовать денегъ и того, чтобы я уѣхалъ немедля,—съ кривой улыбкой сказалъ князь и повторилъ послѣднюю фразу для священника по-французски.

— Черезъ три дня,—поправилъ его Жакъ.

— Кромѣ того, они требуютъ немедля дать имъ денегъ. Жена обѣщала,—продолжалъ Борисъ.

— Ты бы, святой отецъ, шелъ молиться,—посовѣтовалъ Жакъ:—а не путаться, куда тебя не спрашиваютъ.

Жозефъ такъ сжалъ кулаки, какъ того не долженъ бы былъ дѣлать служитель алтаря, и сказалъ:

— Я сейчасъ переговорю съ вами. Но попрошу князя и его супругу оставить насъ глазъ на глазъ.

— Да мы съ вами не хотимъ говорить,—сказалъ Пишо.

Жозефъ шагнулъ къ нему.

— Что ты сказалъ?—сдавленнымъ голосомъ зашипѣлъ онъ.—Ты не хочешь говорить со мною, со мною, твоимъ духовникомъ?.. Да знаешь ли ты, что я нахожусь подъ сѣнью святѣйшей римской церкви, а ты—порожденіе дьявола, достойное ада.

— Ну, что жъ—ада, такъ ада!—добродушно рѣшилъ Пишо.—Коли мнѣ адъ назначенъ,—я заслужилъ его, туда мнѣ и дорога. А теперь намъ деньги надо.

— Прежде я вамъ отвѣчу на тотъ вопросъ, что вы мнѣ поставили утромъ, и на который я вамъ могу отвѣтить те-

перь. Уйдите, князь, и вы, княгиня... Мнѣ нужно поговорить съ ними.

Жозефъ точно выросъ. Онъ выпрямился. Его талія, гибкая не по лѣтамъ, колыхалась, туго перетянутая поясомъ. Разорванная, должно быть, на пожарѣ, сутана волочилась сзади шлейфомъ, отчего онъ только выигрывалъ и во всемъ его видѣ было что-то театральное.

Онъ вывелъ за дверь князя и его жену.

— Ты будешь стоять здѣсь, мой сынъ!—сказалъ онъ Боклевскому и поставилъ его у двери. Тотъ понялъ и остался.

Услышавъ, какъ шаги хозяевъ замолкли въ залѣ, Жозефъ обратился къ крестьянамъ.

— Какія вы деньги требуете себѣ?—спросилъ онъ, скрещивая руки и смотря на нихъ сверху.

— Которыя намъ принадлежатъ!—сурово отвѣтилъ Жакъ.

— Вы ихъ заработали?

— Ихъ заработали такіе же, какъ мы, земледѣльцы. Да не въ этомъ дѣло. Достаточно того, что онъ русскій и что онъ греческой вѣры,—для того, чтобы онъ былъ нашимъ врагомъ.

— Кто вамъ сказалъ, что онъ греческой вѣры?—спокойно спросилъ священникъ.

— Мы знаемъ.

— Отвѣчайте на мой вопросъ: отъ кого вы это слышали?

Жакъ запнулся на секунду, а потомъ сказалъ:

— Пишо это знаетъ изъ вѣрныхъ источниковъ.

— Пишо?—удивился Жозефъ.

Пишо выступилъ.

— Да, отецъ, я знаю это изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ.

— Развѣ въ чемъ-нибудь ему можно вѣрить?'

— Мнѣ ни въ чемъ нельзя вѣрить,—вы правы. Но въ данномъ случаѣ...

— Въ данномъ случаѣ ты такъ же лжешь, какъ во всѣхъ остальныхъ.

Крестьяне переглянулись.

— Онъ сегодня клялся намъ, что это вѣрно,—сказалъ Жакъ.

— Онъ солгалъ.

— Кто же такой этотъ молодчикъ?—спросилъ дюжій малый.

— Не знаю его происхожденія,—проговорилъ Жозефъ:—но что онъ принадлежитъ къ святѣйшей католической церкви, я это знаю. Сегодня былъ у меня капелланъ, который былъ свидѣтелемъ его присоединенія. Я видѣлъ подпись, подтверждающую, что онъ состоитъ на лонѣ римской церкви.

Жакъ обернулся къ Пишо.

— Это что же такое?—спросилъ онъ.

Пишо совсѣмъ размокъ. Онъ потерянно стоялъ и щурился, какъ отъ сильнаго свѣта.

— Это что такое, я тебя спрашиваю?—повторилъ Жакъ.

Пишо развелъ руками.

— Я нагло обманутъ!—проговорилъ онъ.—Если святой отецъ говоритъ правду...

— Вонъ!—загремѣлъ Жозефъ, ударяя кулакомъ по столу и поднимаясь.—Вытолкайте эту пьяную образину, потерявшую образъ человѣческій!

Пишо сопротивлялся, но его спровадили не только во дворъ, но и за ворота замка.

— Ты меня попомнишь, минога!—крикнулъ онъ и рысцой кинулся къ деревнѣ.

— Итакъ, вы вовлечены въ обманъ,—заговорилъ отецъ Жозефъ оставшимся.—Завтра княгиня дастъ крестьянамъ денегъ на поправку уничтоженныхъ пожаромъ зданій и на возстановленіе сгорѣвшаго имущества. За это я вамъ ручаюсь.

— Это насъ не касается!—упрямо смотря въ землю, сказалъ малый.

— То есть, какъ это не касается?—спросилъ священникъ.—Какъ же васъ не касается, что у вашихъ односельчанъ сгорятъ дома, и что имъ дадутъ нѣсколько тысячъ франковъ на постройку?

— Отъ русскаго мы не возьмемъ,—возразилъ малый.

— Это надо спросить тѣхъ, кто погорѣли,—сказалъ Жозефъ.—Да и дастъ не князь, а княгиня, такая же француженка, такая же вѣрная католичка, какъ и вы. Не принимать отъ нея денегъ... это вздоръ, нелѣпость. Во имя дѣтей и внуковъ, наконецъ, во имя общины вы не имѣете право протестовать. Я, вашъ духовный отецъ, настаиваю на этомъ.

Взглядъ его упалъ на разбитую лампу.

— Кто это сдѣлалъ?—строго спросилъ онъ.

— Это ударилъ я ломомъ,—сказалъ Жакъ.

— Зачѣмъ?

— Я не хотѣлъ, чтобъ она горѣла.

— Вы знаете, что такая лампа стоитъ нѣсколько сотъ франковъ?

— Я и знать не хочу.

— Зачѣмъ же ты билъ?

— Я хотѣлъ бить, и билъ. Если бъ она стоила въ тридцать разъ дороже, я и тогда не остановился бы.

— Это содержаніе крестьянской семьи въ теченіе года,—сказалъ священникъ.

Всѣ молчали.

— Если бъ вы отнимали, грабили,—это было бы осмысленнѣе,—продолжалъ Жозефъ.—Продавъ вещи, вы могли жить на вырученныя деньги. Но истреблять добро,—это достойно животныхъ, а не людей.

— Или людей свободныхъ!—сказалъ Жакъ.

— Повторяю: животныхъ!—повторилъ священникъ.—Свободные люди неспособны на насиліе.

Страсти понемногу стали утихать. Отецъ Жозефъ думалъ уже спровадить буяновъ и пойти къ Борису, который ходилъ молча по кабинету. Княгиня сидѣла въ креслахъ и все повторяла:

— Что мы имъ сдѣлали?

Борисъ, подойдя къ стеклянной двери, выходящей на веранду, вдругъ замѣтилъ, что церковь какъ-то неестественно свѣтится внутри. Онъ крикнулъ Боклевскому.

— Скажи отцу Жозефу,—сказалъ онъ, показывая ему на занявшійся костелъ.—Скажи ему: l'église brule.

Башиловъ потащилъ отца Жозефа къ окну и повторилъ два раза слова князя. Священникъ глянулъ въ окно, но только усмѣхнулся.

— Французскіе крестьяне!—сказалъ онъ.—Кто-то поджегъ вашу церковь. Бѣгите ее тушить. Я буду вслѣдъ за вами.

Онъ отворилъ дверь къ князю и крикнулъ ему:

— Завтра утромъ я приду къ вамъ.

XIX.

Ночь прошла тревожно. Хотя пожаръ вскорѣ прекратился, чему содѣйствовало и то, что затихъ вѣтеръ и опять начался дождь, но до утра еще слышался шумъ, долетали крики. Утро застало выжженнымъ большое пространство, на которомъ сгорѣло шесть домовъ, плотно прилѣпленныхъ другъ къ другу. Черная, мокрая масса углей и обгорѣлыхъ головешекъ шипя дымилась и наполняла гарью воздухъ. Печи уныло возвышались среди пожарища и торчали, какъ опаленные въ огнѣ трупы, своими полуобвалившимися трубами. Черные колья, какъ одинокіе пальцы гигантскихъ рукъ, протягивали кверху обуглившіеся концы. Погорѣльцы бродили унылые, запачканные; убогій скарбъ былъ сваленъ кучами на мокрой землѣ, въ сторонѣ отъ пожарища, и какая-то старуха громко кричала и жаловалась на пропавшіе лохмотья.

Отецъ Жозефъ пришелъ въ замокъ утромъ, съ блѣднымъ лицомъ отъ безсонной ночи, но чистый, вымытый, строгій. Борисъ съ Клэръ тоже не спали,—ихъ лица тоже носили слѣды безсонницы.

— Двѣнадцати тысячъ франковъ довольно за глаза,—сказалъ онъ.—Да тысячи на двѣ кое-что сгорѣло въ церкви, которую вовремя успѣли отстоять.

— А причина пожара?—спросилъ Борисъ.

— Поджогъ, конечно.

— Хорошо, княгиня дастъ пятнадцать тысячъ. Они правы,—прибавилъ онъ.

— Кто?

— Крестьяне. Мы должны помочь имъ, это наша обязанность.

Отецъ Жозефъ скорчилъ гримасу.

— Если вы говорите о той любви, которую мы должны проявлять къ ближнему, то правы.

— Нѣтъ, я не про то,—сказалъ князь.—Я говорю, что они въ правѣ требовать, чтобъ Клэръ вознаградила имъ убытки пожара.

— Почему?

— Потому что огромное состояніе ея отца сложилось вѣками, при помощи тѣхъ же поселянъ. Она отдастъ деньги потомкамъ тѣхъ, которые когда-то работали на ея предковъ.

— Охъ, какая коммунистическая теорія!—сказалъ Жозефъ.

— Эти крестьяне такіе же люди, какъ и предки княгини. Развѣ вы дѣлаете различіе между ними?

— О, и большое. Отъ хорошей охотничьей собаки родятся щенки, за которыхъ платятъ дорого, потому что они навѣрно будутъ превосходны на охотѣ, тогда какъ отъ дворняжки, кромѣ глупыхъ псовъ,—но, быть можетъ, вѣрныхъ сторожей,—ничего иного нельзя ожидать. Отъ арабской лошади можетъ родиться только арабская лошадь. Я вѣрю въ кровь и ея силу.

— А почему вы думаете, что наша кровь выше, чѣмъ кровь этихъ крестьянъ? Почему вы думаете, что, благодаря инстинктамъ вашихъ феодаловъ и нашихъ помѣщиковъ, ихъ кровь не разбавлена въ достаточной степени «благородной» кровью?

— Вы соціологъ!—воскликнулъ Жозефъ.—Ну, объ этомъ говорить не будемъ, а вотъ что вы скажите: вы внимательно читали то, что прописывали въ церковной книгѣ въ день вѣнчанья?

Борисъ пожалъ плечами.

— Я, кажется, совсѣмъ не читалъ.

Брови Жозефа сдвинулись.

— Вамъ могли подсунуть то, что вы не хотѣли.

— То есть?

— Ну, скажемъ, обязательство на милліонъ франковъ?

Борисъ засмѣялся.

— Это было въ замкѣ моего тестя. Тамъ на мошенничество не способны. Говорите прямо, если хотите что-нибудь сказать.

— Я ничего не знаю, но ко всему я отношусь осторожно и подозрительно.

Онъ ушелъ. Безотчетное безпокойство еще болѣе овладѣло княземъ.

Онъ рѣшилъ переселиться въ Англію, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Жакелинъ, получившая утромъ отъ Клэръ письмо, тоже пріѣхала къ нимъ и сказала, по обыкновенію одновременно произнося три слова:

— Все цѣнное, все немедля ко мнѣ, на парижскую квартиру. Картины, всѣ библо, все ко мнѣ,—и поѣзжайте въ Лондонъ. Я буду вслѣдъ за вами, и мы отлично проведемъ зиму. Извѣстія, что приходятъ съ театра войны,—ужасны.

Она побыла съ полчаса, повертѣлась, обошла весь домъ, садъ, сказала, что она ужаснулась, увидя пожарище въ деревнѣ; дала племянницѣ двадцать франковъ для покупки гостинцевъ погорѣвшимъ дѣтямъ и сказала, что необходимо деньги изъ парижскихъ банковъ перести въ лондонскій.

— Я не люблю англичанъ,—сказала она:—но не могу не отдать имъ справедливости,—они положительнѣе французовъ.

Все окрасилось въ другой цвѣтъ. И садъ, и самый замокъ потеряли сразу всю прелесть. Холодный вѣтеръ колыхалъ послѣдніе цвѣты. Они пугливо жались къ стѣнамъ дома и къ землѣ. Точно гнѣздо змѣй завелось возлѣ:—за ворота замка перестали выходить иначе, какъ за очень важнымъ дѣломъ. Наняли трехъ ночныхъ сторожей, по рекомендаціи Жозефа, и они ходили всю ночь вокругъ замка, стуча въ желѣзную доску, что повѣсилъ на дворѣ князь. Эти заунывные звуки, разносившіеся гулко въ свѣжемъ, ночномъ воздухѣ, не успокаивали обитателей дома, а, казалось, говорили:

«Не спите, близка опасность!»

Вставали раньше,—какъ только начинало свѣтать. Вытряхали ковры, портьеры, завертывали и укладывали вещи. Изъ Парижа пріѣхалъ человѣкъ, котораго прислала Жакелинъ и который назвался спеціалистомъ по укладкѣ. Онъ укладывалъ посуду, вазы, фарфоръ, вездѣ набросалъ соломы и сѣна, стучалъ молоткомъ по гвоздямъ, заколачивая ими ящики. Деревья все болѣе облетали въ сонномъ, застывшемъ воздухѣ; князь разбиралъ свой столъ, приводилъ въ порядокъ бумаги и полузабытыя дѣла. Онъ чувствовалъ, что большой перегонъ жизненнаго пути пройденъ и заканчивался съ ихъ отъѣздомъ отсюда. Иногда глаза его останавливались на окнахъ, откуда издали была видна деревня, и онъ повторялъ:

— Да, они правы!

XX.

Сундуки были уже всѣ уложены. Картины, статуи и вазы въ ящикахъ поѣхали уже въ Парижъ. Пять парныхъ подводъ тихимъ шагомъ двинулись къ городу. Солнце золотыми волнами обливало окутанные бѣлыми брезентами возы.

Теперь садъ стоялъ полузабытымъ, осиротѣлымъ. Смятая пожелтѣвшая зелень проглядывала на куртинахъ то тамъ, то тутъ, не убранная садовникомъ. Уголъ большой вазы отколотый лежалъ у ея подножья. На дорожкахъ сверкали осенніе опавшіе листья.

Они горѣли на солнцѣ и золотомъ и кровью, сухо шуршали подъ ногами. Иногда по утрамъ ночной иней сверкалъ на нихъ, какъ мелкія розы ювелира. И сердце Клэръ сжималась невольно: не то она вспоминала невозвратное прошлое, не то боялась за неизвѣстное будущее.

Домъ тоже принялъ новый, незнакомый ей видъ. Гдѣ висѣли портреты и картины, остались темные четырехугольники и овалы невыгорѣвшихъ стѣнъ. Висѣли на гвоздяхъ шнурки. Шкапы, люстры, диваны, стулья окутались въ саваны чехловъ. Шторы были сняты съ оконъ, и было непривычно свѣтло въ комнатахъ. За окнами деревья казались задумчивыми, грезившими о какихъ-то кровавыхъ сказкахъ. Казалось, видѣли они далекую змѣю вооруженныхъ людей, медленно ползшую съ востока все ближе и ближе къ Парижу...

Въ кабинетѣ сидѣлъ Борисъ. Передъ нимъ стоялъ Боклевскій. Онъ былъ, противъ обыкновенія, серьезенъ и сосредоточенъ.

— Ну, такъ что же?—спрашивалъ Борисъ.

— А то, что мнѣ въ Петербурхъ надо пробираться,—отвѣчалъ Боклевскій.

— Безъ языка?

— Зачѣмъ мнѣ языкъ? Сытъ буду и безъ языка. А только безпремѣнно мнѣ надлежитъ къ тетушкѣ вашей явиться. Изготовьте вы мнѣ письмецо. Съ чего къ вамъ письма не доходятъ? Что такое? Почему?

— Куда ты поѣдешь, дуракъ?—спросилъ Борисъ.

— Дуракъ—это совсѣмъ другое дѣло,—возразилъ Боклевскій.— Можетъ, я и дуракъ, только никакого прикосновенія къ нашему разговору это не имѣетъ.

— Ты понимаешь, что я привыкъ къ тебѣ?

Лука переступилъ съ ноги на ногу.

— Я это знаю и очень твердо,—не смущаясь отвѣтилъ онъ.—А только при вашемъ капиталѣ невозможно въ такихъ стѣсненіяхъ быть?

Борисъ посмотрѣлъ на него.

— Почемъ ты знаешь мой капиталъ?

— Мнѣ капиталовъ вашихъ не знать?—укоризненно завопилъ Боклевскій.—А Захарьевское? А Марьино? А Знаменская мыза? Нешто это не ваше все? Въ Захарьевскомъ въ одномъ округѣ осемьсотъ душъ. И души-то еще отъ дѣдиньки Василья Никитича, родовыя. А Знаменская мыза?

— Цѣлы ли они?—спросилъ задумчиво Борисъ.

Онъ, въ знакъ полнаго несогласія съ бариномъ, даже руками шлепнулъ по бедрамъ.

— А съ чего жъ имъ не цѣлыми быть? Господи! то есть, что вы говорите!

— Мало послѣ похода французскаго разорено?

— Это что пожжено-то было? Все, что получше, чай, въ землю зарыли, ушли на недѣльку, на три, а потомъ назадъ воротились и откопали. И деревни, и села не сплошь, должно, жгли. Ну, десять избъ сгорѣло, а остальныя цѣлы остались.—Дяденька вашъ, Микита Васильичъ, коли ополченіе собиралъ на свои деньги,—такъ очень они за тѣмъ постоятъ, чтобъ на каждый сгорѣвшій дворъ лѣса дать... И какъ они померли весною, должны же вы отъ нихъ капиталъ получить? А гдѣ онъ, капиталъ? И не иначе, какъ тутъ задержка какая изъ-за военныхъ дѣйствій.

— Зачѣмъ же тебѣ ѣхать?—спросилъ Борисъ.

— Чтобъ все какъ на ладо́нькѣ выложено было, и все въ полной ясности стало. Пущай деньги пришлютъ... А такъ невозможно.

Борисъ посмотрѣлъ на корявый, изрытый лобъ Луки. Онъ стоялъ передъ нимъ въ рабочей курткѣ и въ темныхъ штанахъ, засунутыхъ за голенища сапогъ. Онъ стоялъ спокойно. Его нисколько не пугали тѣ тысячи верстъ, которыя онъ долженъ былъ проѣхать отъ Франціи до Россіи. Онъ зналъ, что ему надо пробраться въ Петербургъ, и этого «надо» было для него совершенно довольно.

— Хорошо, я подумаю,—сказалъ Борисъ.

— Тутъ чего жъ думать,—возразилъ онъ.—Какъ вы двинетесь, такъ и я. Вы только напишите адресокъ вашъ, куда писать. Я какъ пріѣду, въ тотъ же моментъ рапортую вамъ.

Лицо Боклевскаго было еще загорѣлымъ отъ лѣта. Онъ по военному, по старой привычкѣ, все еще держалъ руки по швамъ. Глаза смотрѣли на барина зорко и какъ-то вызывающе. Борисъ понималъ, что онъ все выполнитъ и сдѣлаетъ лучше, чѣмъ десятки писемъ.

— Я и мѣшокъ сложилъ свой,—прибавилъ онъ.—Мнѣ хоть сейчасъ итти, такъ впору.

— Ты развѣ пѣшкомъ пойдешь?—спросилъ Борисъ.

— Гдѣ и подвезутъ,—философически замѣтилъ ех-денщикъ.

Вечеромъ въ тотъ же день, когда луна уже глядѣла съ южной стороны замка и набрасывала желтые квадраты оконъ на незакрытый коврами полъ кабинета, Борисъ позвалъ Луку.

Тотъ вошелъ. Борисъ сидѣлъ за длиннымъ письменнымъ столомъ. Круглый подсвѣчникъ въ восемь свѣчей подъ синимъ колпакомъ горѣлъ передъ нимъ. На маленькой свѣчѣ онъ зажигалъ сургучъ и капалъ имъ на только что конченное и свернутое конвертомъ письмо. Онъ освѣщался и этой свѣчкой и горящимъ сургучомъ снизу, и это огненное освѣщеніе напоминало ту картину, изображающую голландца съ кружкой пива, что висѣла у нихъ въ столовой.

— Я рѣшилъ,—сказалъ Борисъ:—что ты съ нами поѣдешь въ Англію.

Лука вскинулъ на него глазами, но ничего не возразилъ.

— Когда мы устроимся въ Лондонѣ, я посажу тебя на корабль, и ты поплывешь либо въ Кёнигсбергъ,—откуда ужъ недалеко до нашей границы,—либо прямо на Либаву, а не-то и въ Ригу поѣдешь, коли не замерзло еще.

Боклевскій хлопнулъ глазами, хотѣлъ что-то сказать, но удержался.

— Ты что?—спросилъ Борисъ.

— Потонуть можно...—подумавъ, сказалъ Лука.

— Какъ потонуть? Съ чего ты?

— Вода—она глупая. Захлестнетъ волной, и поминай, какъ звали. Ежели по серьезному дѣлу, такъ черезъ нѣмцевъ по сухому пути лучше. Вѣрнѣе.

Борисъ потушилъ свѣчку.

— Глупый ты, глупый!—сказалъ онъ.—Вѣдь тамъ война. Еще попадешься, вздернутъ тебя на сукъ.

— Чего меня вздергивать, что я такое сдѣлалъ?—недовольно отозвался онъ.

— За шпіона примутъ.

— Невозможно. Я сторонкой обойду.

— Ты поѣдешь съ нами въ Лондонъ. Я сказалъ, такъ будетъ,—закончилъ Борисъ.

— Какъ угодно,—недовольно отозвался Лука.

Прошло съ минуту. Борисъ отвалился въ креслѣ и задумчиво смотрѣлъ въ открытыя двери, за которыми смутно рисовалась анфилада уходящихъ вдаль комнатъ. Свѣчи потрескивали подъ колпакомъ, въ каминѣ догорали дрова. Борисъ поднялъ глаза и встрѣтился со взглядомъ денщика.

— Ты сказать еще что хочешь?—спросилъ онъ.

Лука ступилъ два шага къ нему и протянулъ небольшой помятый листокъ съ акварельнымъ видомъ.

— Что это такое?—спросилъ Борисъ, взявъ листокъ въ руки:—кто это рисовалъ?

— Сергѣй Миколаичъ,—вдругъ распускаясь въ улыбку, сказалъ Боклевскій.—А потомъ выбросили. Я изъ сора вынулъ.

На продолговатомъ лоскуткѣ бумаги былъ изображенъ пейзажъ. Подъ густо-синимъ небомъ, между зелени виднѣлась крыша барскаго большого дома. Лѣвѣе, тоже изъ-за деревьевъ, болѣе напоминавшихъ своей формою кочни капусты, глядѣли главы церкви съ колоколенкой и тщательно вырисованными перышкомъ крестами.

— Это Знаменское!—не безъ удовольствія замѣтилъ князь.

— Знаменское?—точно удивился Боклевскій.—То-то я смотрю, какъ бы то знакомое что...

— Зачѣмъ же ты принесъ мнѣ это?..

— Укладалъ я скарбъ свой, и нашелъ... Такъ, можетъ, вамъ пріятно, какъ братца вашего... Годовъ ужъ пятнадцать у меня

картинка это валявшись... Все не къ чему мнѣ. А теперь, такъ какъ въ Знаменское я ѣду... Дозвольте вамъ, какъ сувениръ...

Борисъ понялъ, что это былъ вѣжливый подарокъ. По смущенному лицу Луки онъ видѣлъ, какъ онъ боится, что этотъ подарокъ не будетъ принятъ. Онъ всталъ, отодвинулъ кресло, подошелъ къ нему и положилъ руки на плечи. Посмотрѣвъ ему въ глаза, онъ вдругъ поцѣловалъ его, сказалъ:

— Зачѣмъ ты врешь? Ты всегда зналъ, что это Знаменское. Иди!

Боклевскій повернулся налѣво кругомъ и вышелъ. Входя въ свою каморку, подъ лѣстницей, онъ протеръ грязнымъ платкомъ свои глаза: ихъ все застилало чѣмъ-то постороннимъ, ненужнымъ...

XXI.

Рѣшено было ѣхать на разсвѣтѣ въ наемныхъ экипажахъ до моря, гдѣ легко было найти корабли, шедшіе въ Дувръ. Патеръ вызвался нанять лошадей и устроить все къ ихъ отъѣзду.

Раннія осеннія сумерки уже наступили, когда наканунѣ отъѣзда, усталый, запыленный, въ маленькой телѣжкѣ подъѣхалъ онъ къ замку. Неизбѣжный шелковый зонтикъ былъ съ нимъ. Не было той чистоты и порядка, которые всегда встрѣчали посѣтителей замка. На полу валялись обрывки веревокъ и смятая бумага. Только собака попрежнему мокрымъ носомъ ткнулась въ его костлявую руку и понюхала его пахнувшіе телѣжкой и новой кожей башмаки.

— Мы думали, вы пріѣдете къ обѣду,—сказала Клэръ.

— Я хотѣлъ видѣть содержателя здѣшняго тракта,—сказалъ священникъ въ свое оправданіе.—Онъ былъ въ Парижѣ, и мнѣ пришлось его долго ждать.

— Я вамъ велю сейчасъ накрыть,—предложила хозяйка.

— О, нѣтъ, нѣтъ!—остановилъ ее Жозефъ.—Если вы мнѣ дадите стаканъ лафита и нѣсколько гренковъ или бисквитовъ, съ меня будетъ совершенно довольно.

Но, однако, несмотря на свой отказъ, онъ съѣлъ цѣлую тарелку пюре и огромный кусокъ тетерева, что принесъ наканунѣ егерь. Служитель алтаря, должно быть, былъ очень голоденъ, потому что его кадыкъ такъ и прыгалъ отъ его непрерывнаго глотанія. Между глотками онъ успѣлъ сказать нѣсколько комплиментовъ и супу, и тетереву. Онъ доѣлъ салатъ, что подали ему, самъ приготовивъ его полную тарелку, обильно посоливъ и обливъ прованскимъ масломъ. Онъ выпилъ и мадеры и лафиту, не отказался отъ кофе и пришелъ изъ первнаго въ спокойное состояніе только тогда, когда осушилъ три чашки.

— Вы ѣдете въ самый подходящій моментъ,—сказалъ онъ, въ послѣдній разъ усаживаясь въ свое обычное кресло въ кабинетѣ.

— А что?—спросилъ князь.

Патеръ, какъ всегда, на всякій случай оглянулся.

— Дѣла Франціи совершенно проиграны,—трагическимъ шопотомъ сказалъ онъ:—и одинъ Господь вѣдаетъ, чѣмъ это кончится.

Онъ посмотрѣлъ на потолокъ, за которымъ, по его представленію, находился Зиждитель міра, и сложилъ руки на животикѣ.

— Вы имѣете какія-нибудь новыя свѣдѣнія?—освѣдомился Борисъ.

— И, какъ всегда, самыя достовѣрныя,—замѣтилъ Жозефъ,—прихлебывая бенедиктинъ. — Скоро союзники подступятъ сюда. Вопросъ быстроты ихъ движенія зависитъ отъ множества случайностей. Можетъ быть, это будетъ чрезъ полгода, а, можетъ быть, черезъ нѣсколько недѣль. Они будутъ сидѣть на тѣхъ самыхъ стульяхъ и въ тѣхъ креслахъ, гдѣ сидимъ мы... Вы хорошо сдѣлали, что все отправили въ Парижъ, хотя...

Онъ остановился—или отъ избытка патріотизма, или для того, чтобы выпить новую рюмку бенедиктину.

— Вы не кончили вашу мысль,—сказала Клэръ.

— Я не кончилъ свою мысль, потому что она такъ ужасна,—сказалъ отецъ Жозефъ.

Князь сказалъ спокойно:

— Все равно, вы ее скажите.

— Я боюсь, что русскія пушки не пощадятъ сокровищъ Парижа,—сказалъ онъ,—и что въ огнѣ пожаровъ сгоритъ и то, что вы перевезли въ домъ madame Жакелинт.

— А я не боюсь,—сказалъ Борисъ.—До сихъ поръ русскіе безцѣльно ничего не разрушали и не жгли. Здѣсь больше опасности со стороны крестьянъ.

— Но русскіе сожгли сами себя, начиная съ Москвы и кончая Березиной?

— На всю огромную Россію сожжена только смоленская дорога.

— Но какова дикость самосожженія!—воскликнулъ Жозефъ.

— Это входило въ наши стратегическіе планы. Отступленіе врага было задумано по опустошенной мѣстности. Крестьянамъ, которые не хотѣли, было приказано все сжечь. Если бы они не сожгли, сожгли бы русскіе солдаты.

Жозефъ вытянулъ губы.

— Почему, князь, вы знаете? Почему вы думаете, что это не былъ порывъ патріотизма?

Борисъ пожалъ плечами.

— Потому что мнѣ писали объ этомъ. Потому что русскому духу чужда всякая аффектація, даже патріотическая. Народъ нашъ покоренъ. Онъ перенесъ даже реформы Петра, что было не менѣе тяжело, чѣмъ война прошлаго года. Въ новомъ городѣ умерло столько народа, среди его финскихъ топей, что...

Онъ остановился и началъ ходить.

— Недавно былъ пугачевскій бунтъ,—продолжалъ онъ.—Этотъ бунтъ былъ противъ помѣщиковъ. Это зарница далекой свободы. Если туча прошла мимо, то изъ этого не слѣдуетъ, что она навсегда разсѣялась. Рано или поздно, она налетитъ и многое опустошитъ.

Жозефъ сдѣлалъ значительную мину.

— Ваша страна молодая,—сказалъ онъ:—ей суждено занять видную роль въ концертѣ Европы.

Борисъ опять остановился и сказалъ:

— Будетъ о политикѣ, давайте лучше сыграемъ въ послѣдній разъ въ шахматы.

При свѣтѣ двухъ свѣчей, тускло озарявшихъ кабинетъ, они сѣли за свою обычную игру. Клэръ, усталая, въ новой, непонятной ей истомѣ, легла на софу. Она видѣла игроковъ, какъ они передвигали слоновъ, пѣшки, офицеровъ, щурилась на огонь свѣчей, который лучами расходился во всѣ стороны, точно сіяніе отъ святыхъ въ церквахъ. Два луча—одинъ длинный, другой короткій—задѣвали Жозефа, и лицо его за ними совсѣмъ терялось.

Боклевскій, стараясь не стучать, прошелъ по лаковому полу, и замѣтилъ мимоходомъ, что свѣчи послѣднія, а новыхъ теперь взять неоткуда.

Борисъ ничего не сказалъ и потушилъ одну свѣчку. На каминныхъ часахъ пробило одиннадцать, потомъ и двѣнадцать. Клэръ заснула въ глубинѣ дивана. Жозефъ, отвалившись на спинку кресла, тоже клевалъ носомъ. Борисъ прошелъ къ своему столу. Онъ въ послѣдній разъ отодвинулъ всѣ ящики, посмотрѣлъ, не осталось ли тамъ чего-нибудь важнаго, имѣющаго значеніе.

Темная ночь надвинулась и обняла все вокругъ. Какой-то неясный шумъ послышался на дворѣ. Онъ всталъ и вышелъ на крыльцо. Это говорили бубенчики пріѣхавшихъ четверокъ.

Начались послѣдніе сборы. Баулы, ларцы и ящики размѣстились въ двухъ дорожныхъ каретахъ. Собака, обезпокоенная необычнымъ ночнымъ движеніемъ, недоумѣвая, ходила взадъ и впередъ за людьми, что носили вещи, и иногда рычала. Часы попрежнему тикали и отбивали уплывавшее въ вѣчность время.

Наконецъ всѣ усѣлись въ экипажи. Жозефъ сдѣлалъ видъ, что разстроенъ разлукой. Онъ сказалъ небольшую рѣчь. Упомянулъ о лучшихъ временахъ, говорилъ о счастьи, котораго вполнѣ достойны князь и его супруга. Ему въ подарокъ Борисъ далъ пятьсотъ франковъ, прося охранять замокъ и писать въ Лондонъ, если встрѣтится нужда. Когда карета двинулась, онъ крикнулъ:

— Желаю вамъ маленькаго князя!

П. П. Гнѣдичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЖУРНАЛЬНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ [1].

(Литературныя характеристики и курьезы).

VII.

В. О. Португаловъ и Ломоносовъ.—В. П. Острогорскій и выразительное чтеніе.—Незлобивый рецензентъ.—Два тенора.—Недостроенная Вавилонская башня.—Желѣзнодорожный обличитель.—На юбилеѣ А. И. Поповицкаго.—Покровитель «несчастненькихъ» и «многострадальныхъ».—Репортеръ въ роли лакея.—Фабрика новостей.—Мнимые филантропы.—Авторепортерское свѣдѣніе.—Литературные обѣды.—Споръ о Пушкинѣ.

ПОРТУГАЛОВЪ, В. О.—публицистъ, гигіенистъ, популярный врачъ, боровшійся съ пьянствомъ, и ярый шестидесятникъ. Его статьями молодежь и даже гимназистки зачитывались. Говорятъ, что одна гимназистка на экзаменѣ на вопросъ: какихъ она читала авторовъ?— отвѣтила: «Ломоносова, Фонвизина и Португалова».

Идеалы шестидесятыхъ годовъ Португаловъ проводилъ въ своихъ статьяхъ въ «Новостяхъ». Онъ оставался вѣренъ имъ до конца дней, хотя немало выстрадалъ за нихъ.

Не выходя почти изъ-подъ надзора самарской полиціи, Португаловъ доставлялъ большія огорченія администраціи своими протестами противъ беззаконій провинціальныхъ Держиморъ и угрозами поднять на ноги «весь Петербургъ», «всю Европу».

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXXX, стр. 122.

— Помилуйте!—жаловался однажды губернаторъ прибывшему изъ Петербурга писателю, заинтересовавшемуся португаловскими разоблаченіями въ печати. — Я назначилъ заслуживающаго довѣріе чиновника для производства дознанія, а Португаловъ мнѣ заявляетъ: «Я тогда только успокоюсь, когда вы и меня пріобщите къ слѣдствію, иначе подниму шумъ на весь міръ...»

Только безвременная кончина и успокоила неугомоннаго борца за правду.

В. П. Острогорскій — симпатичнѣйшій педагогъ, писатель-гражданинъ и общій любимецъ: онъ былъ любимъ своими многочисленными учениками, какъ педагогъ, любимъ въ журнальныхъ и художественно-литературныхъ кружкахъ. Въ «Новостяхъ» помѣщалъ иногда литературно-юбилейные очерки.

На литературно-юбилейныхъ обѣдахъ и поминкахъ на В. П. возлагали характеристики чествуемыхъ выдающихся писателей.

Обладая скудными голосовыми средствами,—у Острогорскаго былъ сиплый голосъ,—онъ составилъ прекрасную книгу о выразительномъ чтеніи и ратовалъ за обученіе юношества такому чтенію.

Н. Ѳ. Соловьевъ—композиторъ, профессоръ музыки и самый незлобивый изъ музыкальныхъ критиковъ. Свою незлобивость Соловьевъ объяснялъ тѣмъ, что критикъ долженъ быть учителемъ и другомъ артистовъ, а не хулителемъ quand même, что самый голосистый пѣвецъ можетъ отъ волненія лишиться голоса, если изо дня въ день ругмя ругать его, а второстепенный артистъ можетъ развить свои артистическія данныя, если относиться къ нему благосклонно и доброжелательно и въ безобидной формѣ указывать ему на недочеты. Свои взгляды Соловьевъ иллюстрировалъ фактами изъ артистической жизни.

Вспоминается анекдотъ о двухъ артистахъ-пѣвцахъ—М., обладателѣ дивнаго, чарующаго голоса и плохомъ актерѣ, и Ф., умѣвшемъ владѣть своимъ небольшимъ голосомъ и обладавшемъ большимъ драматическимъ талантомъ.

— Если бы,—сказалъ однажды Ф. М—ву,—я имѣлъ твой голосъ, то покорилъ бы міръ.

— А если бы я,—возразилъ тотъ,—при своемъ неумѣньи играть имѣлъ еще твой голосъ, то ходилъ бы по міру...

Ф. сдѣлалъ блестящую карьеру и теперь антрепренерствуетъ, а М. умираетъ съ голоду, и въ его пользу устраиваются концерты.

Въ «Новостяхъ» о музыкальномъ легкомъ жанрѣ давалъ рецензіи одновременно съ Соловьевымъ солидный государственный мужъ, тайный совѣтникъ Я. И. Плющикъ-Плющевскій, онъ же Дельеръ, передѣлавшій романы Достоевскаго въ драмы.

За суровые отзывы Плющика-Плющевскаго о подвизавшейся въ Кононовскомъ залѣ опереточной труппѣ покойнаго І. І. Сѣтова редакція была лишена рецензентскаго ырнсла. В. О. Михневичъ

разразился тогда по этому поводу остроумнымъ фельетономъ, гдѣ заявилъ, что рецензентъ, дѣйствительно, не подходитъ для сѣтовской оперетки, и редакція отнынѣ будетъ посылать въ театръ своего сторожа Онуфрія, который будетъ доволенъ составомъ труппы бывшаго артиста русской оперы Сѣтова: по Сенькѣ и шапка...

О балетѣ писалъ хорошо извѣстный въ свое время Д. Д. Коровьяковъ. Юристъ по образованію и лекторъ въ драматической школѣ, гдѣ читалъ о декламаціи, Коровьяковъ пуще всего интересовался балетомъ. Надо было видѣть, съ какимъ увлеченіемъ толстый съ горбомъ балетоманъ изображалъ «элеваціи» прославленныхъ танцовщицъ!

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ газеты участвовали два литературныхъ Аякса—покойный Альбовъ и К. С. Баранцевичъ. Они приступили было къ печатанію писавшагося въ четыре руки романа «Вавилонская башня», гдѣ выведены были дѣятели Пушкинскаго клуба. Впрочемъ, канва романа принадлежала Баранцевичу. Это была безпощадная карикатура на тогдашнихъ поэтовъ, беллетристовъ и критиковъ: Фофанова, Соймонова, Алѣева, Скабичевскаго, Оболенскаго и другихъ. Даже себя авторы романа не пощадили. Въ литературныхъ кружкахъ произведеніе Баранцевича и Альбова вызвало такое неудовольствіе, что пришлось конецъ его скомкать. Такимъ образомъ, и литературная «Вавилонская башня» осталась не достроенной...

Талантливый Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, тогда еще молодой писатель, помѣщалъ въ «Новостяхъ» превосходные очерки «Съ Урала».

Въ «Новостяхъ» участвовала масса женщинъ. Достаточно назвать госпожъ Аданъ, Цебрикову, Кашеварову-Рудневу, Клемансъ-Ройе, Бартеневу, Назарьеву, Давыдову, Ламанскую, Некрасову и др. Это былъ цѣлый феминистскій клубъ.

Въ газетѣ участвовали и лица, которыя, строго говоря, къ сонму писателей причислены быть не могутъ. Это были скорѣе поставщики матеріала для статей: ихъ произведенія приходилось облекать въ литературную форму. Нерѣдко такіе авторы не узнавали своихъ произведеній, предполагая, что помѣщенныя въ газетѣ статьи доставлены другими лицами, предвосхитившими ихъ идеи.

Къ числу такихъ авторовъ слѣдуетъ отчасти отнести К. О. де-Скроховскаго, занимавшаго впослѣдствіи должность главнаго контролера Привислинскихъ желѣзныхъ дорогъ.

К. О. де-Скроховскій былъ желѣзнодорожный обличитель.

Онъ всегда изобличалъ желѣзныя дороги, или, вѣрнѣе, бывшее главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, велъ процессъ съ

этимъ обществомъ изъ-за копейки, перебранной у него, и довелъ его до высшей судебной инстанціи. Книга его «Желѣзнодорожное хозяйство и бюрократія», напечатанная въ восьмидесятыхъ годахъ, была сожжена.

Своими разоблаченіями, печатавшимися, кромѣ «Новостей», въ «Гражданинѣ» и «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», де-Скроховскій спасъ, какъ онъ говорилъ, не одинъ милліонъ казнѣ и находился поэтому подъ особымъ покровительствомъ покойнаго Т. И. Филиппова, государственнаго контролера. Наградою за обличительную дѣятельность послужила казенная служба съ хорошимъ окладомъ...

Статьи де-Скроховскаго и инженера Т—го были причиною процесса о диффамаціи, затѣяннаго противъ «Новостей» желѣзнодорожнымъ королемъ Ададуровымъ, представителемъ котораго явился князь А. И. Урусовъ, самъ сотрудникъ «Новостей». Редактору газеты, помнится, инкриминированы были какъ разъ фразы, которыя принадлежали мнѣ и написаны были на основаніи разсказаннаго однимъ изъ инженеровъ, поставлявшихъ обличительный матеріалъ.

Разумѣется, Урусовъ порвалъ тогда съ редакціею, куда являлся иногда корректировать свои рѣчи, внося большое оживленіе. Слушать его было истинное наслажденіе. Онъ чарующе дѣйствовалъ на васъ своимъ симпатичнымъ баритономъ.

Помню, когда Урусовъ корректировалъ свою знаменитую рѣчь по дѣлу люцинскихъ евреевъ, обвинявшихся въ ритуальномъ убійствѣ, онъ съ такимъ негодованіемъ говорилъ объ этомъ и другихъ поклепахъ, что Нотовичъ, замѣтилъ:

— Я не удивлюсь, если евреи изберутъ васъ въ раввины...

Какъ человѣкъ непричастный къ литературѣ, де-Скроховскій на редакціонныхъ собраніяхъ попадалъ иногда въ комическое положеніе.

Вся почти редакціонная семья участвовала въ юбилейномъ чествованіи покойнаго редактора «Паломника» А. И. Поповицкаго, издававшаго до того и «Театральный Листокъ». Поповицкаго уважали и любили, какъ добраго и симпатичнаго человѣка.

Въ юбилейный день явился случайно въ редакцію де-Скроховскій.

— Вы обѣдаете съ нами сегодня у Понсэ?—спросилъ его кто-то.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ онъ.

Народу собралось много. Де-Скроховскій былъ немного изумленъ при видѣ массы незнакомцевъ, изъ коихъ большинство были во фракахъ. Отправляясь на обѣдъ, онъ полагалъ, что многочисленная дружина «Новостей» рѣшила просто отобѣдать и провести хорошо время. Но вотъ, когда, по выраженію обѣденныхъ репортеровъ, въ бокалахъ заискрилось шампанское и кто-то сталъ гово-

рить рѣчь, упоминая про уважаемаго всѣми «Александра Ивановича», де-Скроховскій, недоумѣвая, обратился къ своему сосѣду:

— Скажите на милость, что это за Александръ Ивановичъ и по какому случаю что-то объ немъ тутъ говорятъ?

— Да вѣдь это юбиляръ.

— Какой такой юбиляръ?

— Котораго мы сегодня чествуемъ—Поповицкій.

— Ничего не понимаю. Кто это «мы» и кто Поповицкій? Никогда не слыхивалъ. Что онъ сдѣлалъ?

— Онъ писатель.

— А что онъ писалъ?

Оказалось, что и сосѣдъ былъ не изъ особенно свѣдущихъ людей по части литературы. И онъ, какъ и де-Скроховскій, былъ зѣло сконфуженъ. На выручку де-Скроховскому явился болѣе знакомый съ заслугами юбиляра Г. К. Градовскій.

Конторою газеты «Новости» завѣдывалъ В. Н. Никитинъ, извѣстный писатель, тюрьмовѣдъ и спеціально тюремный филантропъ, авторъ «Многострадальныхъ» и другихъ произведеній изъ быта всевозможныхъ «многострадальныхъ» кантонистовъ, тюремныхъ обитателей и вообще всякихъ униженныхъ, оскорбленныхъ и обездоленныхъ.

Ратуя за интересы этихъ послѣднихъ, Никитинъ вступалъ въ драку со всѣми, кто покушался на благополучіе покровительствуемыхъ имъ «несчастненькихъ».

Въ «Новостяхъ» Никитинъ помѣщалъ статьи по тюремнымъ и другимъ вопросамъ.

Обладая несомнѣннымъ литературнымъ дарованіемъ, Никитинъ, какъ бывшій кантонистъ, учившійся чему-нибудь да какъ-нибудь, не всегда писалъ въ согласіи съ Гротомъ.

Въ качествѣ тюремнаго филантропа, онъ однажды обвинялъ профессора-филантропа чуть ли не въ присвоеніи филантропической копейки...

По репортерской части подвизался въ «Новостяхъ» въ мое время король репортеровъ Юлій Шрейеръ.

Чинъ статскаго совѣтника, прежняя служебная карьера (Шрейеръ занималъ въ Варшавѣ постъ предсѣдателя цензурнаго комитета) и почтенный уже возрастъ не мѣшали королю репортеровъ изгибаться въ три погибели, когда нужно было добыть какое-нибудь цѣнное свѣдѣніе.

Однажды Шрейеръ узналъ, что заправилы одного акціонернаго учрежденія, желая скрыть отъ печати свой обманъ мнѣніями, рѣшили собраться въ ресторанѣ на якобы товарищескій обѣдъ.

— Отчетъ будетъ своевременно вамъ доставленъ,—заявилъ онъ редактору газеты.

И участники конспиративнаго обѣда на слѣдующій день, къ изумленію своему, прочитали въ одной газетѣ всѣ свои сужденія и дебаты. Оказалось, что среди прислуживавшихъ офиціантовъ за обѣдомъ затесался какими-то судьбами «король репортеровъ».

По репортерской части, кромѣ «короля репортеровъ» Ю. О. Шрейера, подвизался и «вице-король» Животовъ, авторъ цѣлаго ряда уголовныхъ романовъ, онъ же редакторъ «Вѣстника общества покровительства животнымъ», устроитель въ Нижнемъ Новгородѣ лоттереи въ пользу общества покровительства животныхъ, за которую генералъ Барановъ отнесся весьма немилостиво къ покровителю животныхъ, державшемуся завѣта: «блаженъ, иже скоты милуетъ». Барановъ усмотрѣлъ какіе-то недочеты въ кассѣ и дефекты въ устройствѣ лоттерейныхъ урнъ.

Голова Животова—была настоящая фабрика новостей. У него всегда имѣлись въ записной книжкѣ и въ карманахъ огромные запасы свѣдѣній. Стоило сказать ему, что хроника скудная, и Животовъ садился за столъ и фабриковалъ новости, пока его не просили «заткнуть фонтанъ».

Среди репортеровъ попадались интересные экземпляры. Поставлялъ въ газету или, вѣрнѣе, во всѣ газеты небольшія замѣтки нѣкто Волокитинъ. Когда-то Волокитинъ былъ юркій и шустрый репортеръ. Но по старости лѣтъ или другимъ причинамъ, онъ сократилъ свою репортерскую дѣятельность и сталъ ограничиваться измышленіемъ слуховъ. Онъ свелъ знакомство съ двумя спившимися субъектами изъ захудалыхъ купцовъ и приписывалъ имъ, съ ихъ согласія, всякія затѣи, которыя имъ и въ голову не приходили, вродѣ учрежденія разныхъ обществъ, благотворительныхъ пріютовъ и т. п. Ни одна изъ этихъ затѣй, разумѣется, осуществлена не была. Такъ какъ фамиліи и званіе мнимыхъ филантроповъ назывались полностью, то газеты попадались на удочку.

Были у Волокитина еще поставщики матеріала въ лицѣ «угличанъ». Дѣло въ томъ, что въ Петербургъ прибыло нѣсколько угличанъ съ цѣлью хлопотать о возвращеніи изъ ссылки изъ Тобольска знаменитаго угличскаго колокола. «Ходоки» или депутаты застряли въ Петербургѣ, обивали пороги всевозможныхъ канцелярій и разныхъ лицъ, и о каждомъ ихъ шагѣ Волокитинъ исправно оповѣщалъ читающую публику. Это было выгодно и для Волокитина, и для депутатовъ, получавшихъ средства отъ пославшихъ ихъ въ столицу земляковъ. Къ депутатамъ примкнули случайно жившіе въ Петербургѣ угличане, возникло цѣлое общество или колонія угличанъ, и съ ихъ жизнью и знакомилъ Волокитинъ. Газеты скоро раскусили недоброкачественность волокитинскихъ свѣдѣній, и его свели на нѣтъ.

Такая же судьба постигла и нѣкоего Э.—поставщика административныхъ новостей, зарабатывавшаго по шестидесяти и болѣе ко-

пеекъ за строчку, смотря по количеству столичныхъ и провинціальныхъ изданій, печатавшихъ сообщенія этого писателя. У него даже была дома цѣлая канцелярія, гдѣ фабриковались эти сообщенія, а фабриковались они такимъ образомъ.

Э. пріобрѣталъ въ государственномъ контролѣ или другомъ учрежденіи проектъ какой-нибудь предполагаемой и часто не осуществляемой реформы и выкраивалъ изъ него замѣтки. Сегодня сообщитъ сущность проекта, завтра отзывъ одного вѣдомства, запрошеннаго по предмету реформы, затѣмъ другого, третьяго и т. д. Такъ какъ въ проектахъ приводились и мнѣнія губернаторовъ, то Э. и ихъ приводилъ, а затѣмъ сталъ варьировать свои прежнія сообщенія. Въ однѣхъ только «Новостяхъ» Э. зарабатывалъ 100—150 руб. въ мѣсяцъ, а когда раскрылся секретъ фабрикаціи имъ сообщеній, то заработокъ его палъ до 20—30 руб. въ мѣсяцъ. И въ другихъ газетахъ стали слѣдовать примѣру «Новостей», и Э. занялся другими дѣлами, сталъ ѣздить по выставкамъ и писать въ газеты отчеты объ экспонатахъ и экспонентахъ, выпускавшіеся потомъ въ видѣ роскошныхъ книгъ и альбомовъ.

Были и репортеры вполнѣ добросовѣстные, честно зарабатывавшіе свои скромные гонорары. Припоминаю такой эпизодъ.

Явившемуся въ редакцію К—скому я заявилъ, что онъ давно уже не доставлялъ ни одного интереснаго свѣдѣнія.

— Что же? Прикажете мнѣ утопиться или утопить кого-нибудь и затѣмъ описать вамъ это?—заявилъ въ шутку К—скій.

На слѣдующій день К—скій явился въ редакцію блѣдный, точно въ воду опущенный.

— Ну, вотъ и накаркали мнѣ!

— Что случилось?

— А случилось то, что я и цѣлая компанія отправились кататься по Невѣ, лодку накренило, всѣ очутились во водѣ, присяжный повѣренный Гребенщиковъ утонулъ, а мы всѣ спаслись; вотъ вамъ и интересное свѣдѣніе очевидца, которое вы желали имѣть...

Поставляли репортерскія свѣдѣнія и извѣстные писатели, и даже именитые обыватели не гнушались заниматься репортерствомъ, т. е. описывать факты и событія, очевидцами коихъ они являлись, и затѣмъ предъявлять требованія объ уплатѣ соотвѣтственнаго гонорара.

Одно время предполагалось распредѣлить репортерскія обязанности между «набольшими».

Отчеты о засѣданіяхъ кредитнаго общества писалъ В. О. Михневичъ, о философскихъ и филологическихъ докладахъ—профессоръ Модестовъ, о врачебныхъ засѣданіяхъ врачи и т. д. Реформа эта не привилась.

Вообще Нотовичъ былъ неистощимъ по части реформъ въ газетѣ, заведенія новыхъ рубрикъ и т. п., но все это не спасало «Новостей» отъ хроническихъ дефицитовъ и полнаго крушенія въ осво-

бодительные дни, когда Нотовича покинули всѣ сотрудники, не сошедшіеся съ нимъ во взглядахъ на тогдашнія событія.

Нотовичъ не вѣрилъ въ близкое торжество всѣхъ конституціонныхъ свободъ, а молодая редакція была другого мнѣнія на этотъ счетъ. Не послѣднюю роль играли и личныя недоразумѣнія съ не особенно уживчивымъ редакторомъ.

Получивъ тогда отъ Нотовича телеграмму съ просьбою заѣхать въ редакцію, я не заставилъ себя долго ждать.

— Вернитесь ко мнѣ и сформируйте мнѣ новую редакцію,— обратился ко мнѣ О. К. Нотовичъ.

Я поблагодарилъ за добрую память, обѣщалъ направить къ нему нѣкоторыхъ товарищей по «Биржевымъ Вѣдомостямъ», оставшихся не у дѣлъ съ переходомъ газеты въ руки кадетовъ, но самъ не пожелалъ фигурировать въ роли «шрейкбрехера». Обѣщаніе я выполнилъ, но ,на бѣду, забастовалъ и фактическій издатель покойный Н. П. Бакъ, отказавъ въ отпускѣ средствъ. «Новости» исчезли навсегда съ журнальнаго горизонта.

Въ то время, къ которому относятся мои воспоминанія, стали прививаться литературные обѣды, устраивавшіеся ежемѣсячно сотрудниками «Новостей» по иниціативѣ И. Ѳ. Василевскаго и В. О. Михневича.

Къ участію въ обѣдахъ привлекались и сотрудники другихъ изданій. Тутъ можно было встрѣчать и престарѣлаго В. П. Безобразова, и В. Д. Спасовича, Е. И. Утина, В. Д. Стоюнина, С. В. Максимова, П. В. Гайдебурова, В. А. Полетику, С. Н. Шубинскаго, И. Ѳ. Горбунова и всю дружину «Новостей». На обѣдахъ произносились рѣчи, говорились экспромты, читались стихотворенія, смѣшилъ всѣхъ неистощимый генералъ Дитятинъ.

Обѣды, какъ нельзя болѣе, способствовали сближенію писателей.

Нѣкоторые обѣды носили характеръ чествованій или поминокъ.

Съ большою торжественностью были обставлены поминки по А. С. Пушкинѣ, по случаю пятидесятилѣтія со дня его кончины.

Помню, какое сильное впечатлѣніе произвела на всѣхъ присутствовавшихъ фраза прекрасной рѣчи Г. К. Градовскаго:

«А вѣдь, господа, Пушкинъ могъ бы быть среди насъ, и мы чествовали бы его по какому-либо другому случаю».

На этомъ же обѣдѣ произошелъ крупный инцидентъ, вызванный рѣчью В. Д. Спасовича. Послѣдній сравнилъ Пушкина съ Альфредомъ Мюссе, Гейне и еще какимъ-то второстепеннымъ польскимъ писателемъ, фамиліи котораго теперь не помню. За обиженную память Пушкина заступился В. А. Полетика и особенно В. В. Комаровъ. Въ спорѣ принялъ участіе и В. И. Модестовъ и другіе, но противники остались при своихъ мнѣніяхъ.

VIII.

Возвращеніе въ Одессу.—Редакціонное пронунціаменто.—П. А. Монтеверде.—Терніи провинціальнаго журналиста.—Недоразумѣнія съ цензурой и администраціей.—Запретныя темы.—Запрещеніе писать о кафешантанныхъ этуаляхъ.—Распря газетъ и ея родоначальникъ въ Одессѣ.—Газетная конкурренція на почвѣ народнаго голода.—Сборникъ «Откликъ» и его сотрудники.—Заколоченное общежитіе имени Пушкина для немощныхъ тружениковъ печати.—Какъ чествовали П.И. Чайковскаго въ Одессѣ.—С. Г. Рубинштейнъ и Чайковскій.—В. И. Стасовъ объ одесситахъ.

Въ концѣ 1888 года я получилъ приглашеніе черезъ композитора Н. Ѳ. Соловьева взять на себя завѣдываніе газетою «Одесскій Листокъ», покинутою всѣмъ редакціоннымъ составомъ. «Пронунціаменто» произошло изъ-за вмѣшательства редактора-издателя въ литературную часть. Не желая выступать въ роли «штрейкбрехера»,— этого моднаго нынче слова тогда еще не было въ нашемъ обиходѣ,— я отклонилъ сдѣланное мнѣ предложеніе. Приглашенъ былъ П. А. Монтеверде, который черезъ нѣкоторое время долженъ былъ уложить свои чемоданы и вернуться въ Петербургъ. Тѣмъ временемъ старая редакція въ полномъ составѣ пристроилась въ другомъ мѣстномъ изданіи.

Получивъ вторичное приглашеніе, я далъ свое согласіе, соблазненный лучшими климатическими условіями и болѣе самостоятельнымъ положеніемъ въ газетѣ.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ статьѣ «Журнальное страстотерпство» мною было уже разсказано отчасти, при какихъ цензурныхъ условіяхъ и административномъ гнетѣ приходилось мнѣ работать въ Одессѣ. Отъ услугъ откликнувшихся на мое приглашеніе петербургскихъ писателей и бывшихъ моихъ коллегъ по «Новостямъ» пришлось скоро отказаться.

Въ Одессѣ, конечно, оказалось немало талантливыхъ и честныхъ писателей и дѣльныхъ газетныхъ работниковъ. Одесса снабжала и столицы своими писательскими силами.

Многострадальнымъ одесскимъ журналистамъ приходилось выбирать темы для своихъ статей съ большой опаской. Имъ разрѣшалось писать только о погодѣ, о внѣшней политикѣ, о театральныхъ зрѣлищахъ и ругать думу и городскую управу. Впрочемъ, и въ этой узкой, отмежеванной журналистамъ области ими встрѣчались большія затрудненія. Нельзя было, напримѣръ, порицать исполненіе кафешантанной «этуали» или артистки, пользовавшейся благоволеніемъ мѣстнаго градоправителя П. А. Зеленого или правителя его канцеляріи. Зато одесскіе журналисты могли безпрепятственно смѣшивать другъ друга съ грязью.

Существовавшій много лѣтъ въ Одессѣ «Новороссійскій Телеграфъ» велъ нескончаемую полемику со своими конкуррентами, возводя на нихъ самыя нелѣпыя обвиненія, хотя формуляръ самого издателя этой газеты не изобиловалъ большими подвигами.

Если престижъ журналиста въ Одессѣ стоялъ не особенно высоко, если въ мѣстной думѣ то и дѣло обзывали мѣстныхъ писателей «шантажистами» и «проходимцами», то это всецѣло заслуга издателя «НовороссійскагоТелеграфа» М. Л. Озимидова, немало постаравшагося для умаленія довѣрія къ печатному слову своими полемическими выпадами.

Публика, воспитанная на газетной ругани, скучала, когда въ номерѣ газеты кого-нибудь не раздѣлывали подъ орѣхъ. Когда въ Одессѣ говорили о журналистѣ, что онъ хорошо пишетъ, то это означало, что онъ мастеръ ругаться.

Чаще всего объектами полемики являлись евреи. Направленіе газеты Озмидова по еврейскому вопросу достаточно извѣстно. Статьи «Новороссійскаго Телеграфа» писались такимъ тономъ, что, какъ выяснилось на судѣ изъ показанія свидѣтеля-священника, наканунѣ погрома въ мѣстечкѣ Ширяевѣ мѣстный корреспондентъ читалъ ихъ толпѣ, какъ правительственныя распоряженія.

Если одна какая-нибудь газета отзывалась хорошо объ игрѣ артиста, то можно было быть заранѣе увѣреннымъ, что ея конкуррентка разругаетъ его въ пухъ и прахъ. Даже общенародныя бѣдствія и имена выдающихся людей не могли объединять одесскихъ журналистовъ.

Когда въ 1891 году въ Россіи вспыхнулъ голодъ со всѣми его ужасами, редакція «Одесскаго Листка» предложила мѣстнымъ журналистамъ выпустить литературный сборникъ въ пользу голодающихъ. Предложеніе это сочувствія не встрѣтило. Издатель «Одесскаго Листка» Навроцкій предпринялъ тогда изданіе на свои личныя средства. На мои приглашенія откликнулись присылкою своихъ произведеній и автографовъ писатели самыхъ противоположныхъ направленій: Вл. Соловьевъ, П. Боборыкинъ, В. Буренинъ, Я. Полонскій, Лѣсковъ, Португаловъ, П. Вейнбергъ, Шеллеръ, Острогорскій, профессоръ Вагнеръ (Котъ-Мурлыка), академикъ Я. Гротъ, профессоръ Н. Гротъ, Иловайскій, Бильбасовъ, П. Менделѣевъ, бывшій военный министръ графъ Д. А. Милютинъ, графъ Л. Н. Толстой, прославшій свою «Суратскую Кофейню», нѣсколько другихъ своихъ произведеній и выдержку изъ статьи «О голодѣ», не попавшія въ сборникъ, по милости одесской цензуры.

Сборникъ, вышедшій подъ заглавіемъ «Отклики», разошелся весь и доставилъ голодающимъ пару тысячъ.

Чтобы помѣшать распространенію «Откликовъ», нѣкоторые одесскіе журналисты выпустили заднимъ числомъ, подъ фирмою обще-

ства вспомоществованія литераторамъ другой сборникъ, не имѣвшій успѣха.

На юбилеѣ «Одесскаго Листка» рѣшено было соорудить въ Одессѣ общежитіе имени Пушкина для немощныхъ тружениковъ печати съ просвѣтительными учрежденіями: школами, аудиторіей, библіотекой и т. п. Дѣло быстро подвинулось впередъ. Собрано было пожертвованій, отъ спектаклей, концертовъ, лоттерей, что-то около двухсотъ тысячъ рублей.

Городъ назначилъ ежегодную субсидію въ пять тысячъ рублей и отвелъ безплатно мѣсто, на которомъ выросло огромное роскошное зданіе общежитія. Претендентовъ на комнаты въ общежитіи изъ писателей было немного: преобладали наборщики, печатники и т. п.

Одного того обстоятельства, что иниціаторомъ дѣла явился издатель «Одесскаго Листка» Навроцкій, было достаточно, чтобы нѣкоторые писатели еще до сооруженія общежитія отнеслись къ нему отрицательно. Впослѣдствіи выяснилось, что затѣя была неудачная. Русскій писатель самолюбивъ, независимъ и въ богадѣльню не идетъ даже тогда, когда ему негдѣ голову приклонить на старости лѣтъ. Нынѣ зданіе Пушкинскаго общежитія заколочено. Вмѣсто писателей тамъ свили гнѣзда вороны, голуби и галки. Впрочемъ, не послѣднюю роль въ крахѣ учрежденія играло неумѣлое хозяйничанье.

Еще примѣръ.

Незадолго до кончины своей гостилъ въ Одессѣ знаменитый нашъ композиторъ П. И. Чайковскій, приглашенный для постановки его операъ. Покойный адвокатъ-писатель Л. А. Куперникъ за своею подписью и за подписью автора этихъ строкъ разослалъ редакціямъ одесскихъ газетъ приглашенія примкнуть къ чествованію особымъ банкетомъ П. И. Чайковскаго, являющагося и донынѣ красой и гордостью родного искусства. На приглашенія изъ всѣхъ одесскихъ газетъ,—а ихъ было нѣсколько,—откликнулись «Вѣдомости Градоначальства» и листокъ нѣмецкихъ колонистовъ юга—«Odessaer Zeitung».

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело на покойнаго композитора такое отношеніе къ нему представителей прессы.

Кстати любопытная подробность, къ моему разсказу прямого отношенія не имѣющая.

Одною изъ первыхъ подписалась на ужинъ Чайковскаго С. Г. Рубинштейнъ—сестра знаменитыхъ піанистовъ и популярная мѣстная преподавательница пѣнія.

С. Г. сдѣлала соотвѣтствующій взносъ, засвидѣтельствовала своею подписью уваженіе П. И. Чайковскому, но на банкетъ не явилась, не пожелавъ, какъ говорили, обидѣть память своего знаменитаго брата А. Г. Рубинштейна, который находился въ дурныхъ отношеніяхъ со своимъ бывшимъ питомцемъ П. И. Чайковскимъ.

Такъ какъ въ сферѣ театральныхъ вопросовъ печатное слово пользовалось относительной свободой, то и туда одесскіе писатели вносили полемическій тонъ. Не послѣднюю роль играло тутъ то обстоятельство, у какого издателя-типографа данный антрепренеръ печаталъ афиши.

До какой безпардонности доходили «рецензіи» «Новороссійскаго Телеграфа», показываетъ слѣдующій фактъ.

Подвизалась въ Одессѣ труппа популярнаго въ свое время Н. К. Милославскаго. По какому-то случаю на сцену выведенъ былъ оселъ, вмѣсто обѣщанныхъ въ афишѣ звѣрей. Въ рецензіи «Новороссійскій Телеграфъ» заявилъ, что, кромѣ «осла Милославскаго», другихъ звѣрей не было.

На слѣдующій день Милославскій въ отдѣлѣ объявленій пустилъ публикацію о томъ, что, кромѣ его осла, на сценѣ находился еще одинъ оселъ—на рецензентскомъ мѣстѣ «Новороссійскаго Телеграфа».

Одесситы были воспитаны на отличной итальянской оперѣ, что подало однажды поводъ пропагандисту русской музыки покойному В. В. Стасову въ письмѣ ко мнѣ (отъ 13-го апрѣля 1889 года) выдать всѣмъ одесситамъ такую нелестную аттестацію: «Одесская публика въ музыкальномъ отношеніи такъ мало образована, что никакая опера, кромѣ итальянской, ей не можетъ быть надобна».

Какъ бы то ни было, успѣхомъ могли пользоваться въ Одессѣ только выдающіеся пѣвцы.

Одному импрессаріо вздумалось удивить одесситовъ пѣніемъ Мазини, когда отъ его нѣкогда дивнаго голоса осталось одно лишь воспоминаніе. Мнѣнія одесскихъ газетъ объ итальянской знаменитости раздѣлились. «Одесскій Листокъ», издатель котораго имѣлъ отношеніе къ устройству концерта, такъ какъ откупилъ сборъ у импрессаріо и поднялъ цѣны, авансомъ восторгался голосомъ артиста. «Одесскимъ Новостямъ», которыми я тогда завѣдывалъ, градоначальникъ Зеленой запрещалъ писать о Мазини, угрожая всевозможными административными карами за, якобы, возбужденіе умовъ сдержанными отзывами о пѣвцѣ и указаніемъ на необычайно высокія цѣны за билеты на концертъ. Въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» былъ сдѣланъ тогда же доносъ на меня, что я, лишенный возможности касаться концертовъ Мазини въ мѣстной газетѣ, посылалъ, будто бы, возбуждающаго свойства телеграммы въ петербургскую газету «Новости».

Болѣе подробно о моихъ злоключеніяхъ по поводу концертовъ Мазини разсказано извѣстнымъ писателемъ г. Діонео въ сборникѣ «Въ защиту слова», вышедшемъ въ 1905 году.

Инцидентъ по поводу Мазини—одинъ изъ многихъ. Онъ характеренъ въ томъ отношеніи, что къ этому «дѣлу» приложили свои руки мѣстные журналисты.

IX.

Типы и силуэты одесскихъ издателей, редакторовъ и писателей.—Издатель съ тремя отчествами.—Голодающая редакція.—Забракованный «Челкашъ» М. Горькаго.—Война издателя и градоначальника.—Градоначальникъ въ роли-редактора.—Издатель-самородокъ.—Изъ развозчика сельтерской воды въ редакторы.—Какъ чествовали уѣзжавшаго писателя.—Отецъ фельетонистовъ.—Популяризація великихъ писателей.—Уроды журнальной семьи.

Среди редакторовъ-издателей одесскихъ газетъ были люди, далекіе отъ меркантильныхъ и любостяжательныхъ стремленій, смотрѣвшіе на служеніе печатному слову, какъ на нѣкое священнодѣйствіе. Но были и такіе, которые торговали оптомъ и въ розницу печатнымъ словомъ.

Много лѣтъ тому назадъ я помѣстилъ въ нынѣ не существующей газетѣ обличительную замѣтку, направленную противъ одного дѣятеля М—на, у котораго рыльцо было въ пуху. На слѣдующій день меня останавливаетъ на улицѣ М—нъ.

— Ну, милый человѣкъ, ваше обличеніе не достигло цѣли. Вы меня только разорили на пятьдесятъ рублей, которые я долженъ былъ уплатить за письмо въ редакцію.

Въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» была особая рубрика въ текстѣ «За и противъ», гдѣ можно было печатать все, что угодно, уплачивая по таксѣ. Въ этой рубрикѣ, какъ выяснилось на судѣ въ 1887 году при разборѣ дѣла двухъ издателей Навроцкаго и Озмидова о клеветѣ, обѣляли за деньги подрядчиковъ, обиравшихъ русскаго солдата во время русско-турецкой войны. Какъ заявилъ допрошенный въ качествѣ свидѣтеля журналистъ С. Т. Герцо-Виноградскій, ему предложили три тысячи рублей за статью въ защиту поставщиковъ Грегера, Горвица и Когана. Предложеніе было отвергнуто, и статья появилась въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» за плату въ пять тысячъ рублей.

Въ текстѣ газетъ попадались иной разъ рекламы пріятелямъ издателя, торговцамъ, рестораторамъ, антрепренерамъ, особливо за хорошо оплачивавшіяся объявленія.

Завѣдывавшимъ газетами журналистамъ приходилось часто вести упорную борьбу со вторженіемъ лавочническаго элемента въ литературу. Мнѣ самому пришлось просить цензора зачеркнуть замѣтку о полученномъ однимъ мануфактуристомъ транспортѣ заграничнаго бархата, на помѣщеніи которой сильно настаивала контора.

— Но я не въ правѣ это дѣлать,—взмолился цензоръ: —тутъ ничего нецензурнаго нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, очеркните только злополучную замѣтку краснымъ карандашомъ...

Цензоръ согласился, и неудобная замѣтка не попала.

Апеллировать къ цензору пришлось мнѣ и въ другой разъ по поводу открытія новаго ресторана.

Дружескія рекламы и сведеніе личныхъ счетовъ широко практиковались на столбцахъ «Новороссійскаго Телеграфа». Но издатель этой нѣкогда либеральной газеты, какъ я уже говорилъ, занимался, главнымъ образомъ, травлей разныхъ инородцевъ. Это не мѣшало нѣкоторымъ утверждать, что, выражаясь словами историка Устрялова, онъ едва ли не былъ жидъ. У Озмидова было цѣлыхъ три «отчества»: Львовичъ, Лукичъ и Павловичъ. Метаморфозу въ направленіи газеты Озмидова приводили въ связь съ недоразумѣніемъ съ мѣстнымъ финансистомъ евреемъ Бродскимъ, лишившимъ его теплаго мѣста въ одномъ изъ банковъ.

Озмидовъ сослужилъ городу службу, какъ гласный, находившійся въ оппозиціи, и немало содѣйствовалъ городскому благоустройству. Онъ былъ по спеціальности архитекторъ, но и его архитекторская и служебная дѣятельность также являлась не разъ предметомъ обличенія въ печати и на судѣ.

Въ одесской печати Озмидовъ не былъ «уникумомъ».

Одинъ, нынѣ покойный, одесскій издатель расплачивался со своими должниками старыми чеками по текущему счету, который былъ раньше исчерпанъ полностью.

Издатель «Одесскихъ Новостей» Старковъ обрекалъ своихъ сотрудниковъ на жизнь впроголодь. Онъ забиралъ не только доходы газеты, но и авансы у объявителей подъ будущія объявленія. Бумагу, отпускавшуюся ему въ кредитъ, С—въ закладывалъ въ ломбардѣ, и ее приходилось выкупать катушками для очередныхъ номеровъ, закладывая кольца и часы сотрудниковъ.

Благодаря такимъ убыточнымъ операціямъ и переплатамъ, бумага обходилась издателю втридорога. И совершенно правъ былъ С—въ, когда онъ однажды воскликнулъ:

— Я единственный издатель въ мірѣ, который не желаетъ распространенія своей газеты: каждый лишній подписчикъ, т. е. потребитель бумаги, приноситъ мнѣ ущербъ...

Когда запасъ бумаги истощился, издатель раздобылъ гдѣ-то оберточную бумагу розоватаго цвѣта и сталъ печатать на ней газету. Въ объявленіи отъ редакціи перемѣна бумаги объяснялась стремленіемъ охранять зрѣніе читателей отъ порчи.

На весь редакціонный составъ выдавалось, послѣ цѣлаго ряда домогательствъ, отъ пятидесяти до семидесяти пяти рублей въ недѣлю. Одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ, довольно извѣстный журналистъ П. Р., получалъ — и весьма неаккуратно — пять-

десятъ рублей въ мѣсяцъ за ежедневныя политическія передовицы, переводы изъ газетъ и литературные обзоры.

Для приглашенія новаго сотрудника, извѣстнаго фельетониста и публициста С. С. Г—ва, потребовавшаго авансъ, завѣдующій редакціей долженъ былъ заложить у своего пріятеля купчую крѣпость на домъ издателя.

Когда завѣдующаго кто-то обвинилъ въ печати, что онъ забраковалъ присланнаго ему М. Горькимъ для напечатанія «Челкаша», тотъ отвѣтилъ:

— М. Горькій, вѣроятно, потребовалъ бы за свою повѣсть какой-нибудь гонораръ, а таковой редакція предложить ему не могла бы: въ лучшемъ случаѣ ему платили бы двѣ копейки за строчку. Но М. Горькій былъ предусмотрителенъ и повѣсти своей въ газету не присылалъ.

Издатель часто уѣзжалъ надолго, забирая всю свободную наличность въ кассѣ, и оставлялъ газету на произволъ судьбы. Многострадальные сотрудники безропотно покорялись этой судьбѣ и даже не проявляли враждебныхъ чувствъ къ издателю, отличавшемуся большимъ добродушіемъ и незлобивостью.

Старковъ живалъ подолгу въ Петербургѣ. Здѣсь онъ однажды нашумѣлъ докладомъ въ астрономическомъ обществѣ о борьбѣ съ наводненіями въ Петербургѣ, какъ явленіемъ, періодически повторяющимся. Онъ совѣтовалъ лить масло въ Неву. Предложеніе это вышутили, какъ нелѣпое.

При всемъ томъ Старковъ, по прежней профессіи—штурманъ дальняго плаванія и учитель математики, былъ человѣкъ съ большими познаніями по астрономіи и математикѣ и хорошій синологъ. Объ его познаніяхъ и умственныхъ запросахъ свидѣтельствовала библіотека, пожертвованная имъ императорской публичной библіотекѣ незадолго до кончины: Старковъ умеръ въ одной изъ петербургскихъ больницъ для душевно-больныхъ.

Въ дурныхъ отношеніяхъ находился постоянно Старковъ съ цензурой и градоначальникомъ Зеленымъ. Въ отсутствіе Старкова Зеленой вымещалъ свою злобу на пишущемъ эти строки, завѣдывавшемъ тогда газетою. Старковъ въ письмахъ своихъ изъ Петербурга успокаивалъ меня сообщеніями, что дни Зеленого сочтены, что въ бытность его въ столицѣ его нигдѣ не принимали, что въ высшемъ «свѣтѣ» извѣстны-де произволъ и чудачества градоначальника.

Находясь въ Одессѣ, Старковъ готовъ былъ лѣзть въ драку съ градоначальникомъ за обиду, нанесенную его сотрудникамъ, и ни за что не уступилъ бы его требованію объ удаленіи изъ редакціи кого-либо изъ нихъ. Кромѣ Старкова, я зналъ еще одного издателя, который имѣлъ мужество противостоять требованію начальства объ

удаленіи сотрудника. Это былъ В. А. Полетика, редакторъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» и «Молвы». Когда, послѣ закрытія «Голоса», Г. К. Градовскій былъ приглашенъ Полетикой, начальникъ главнаго управленія Абаза потребовалъ его устраненія.

— Приглашеніе сотрудниковъ—мое личное дѣло, а не ваше!— отвѣтилъ Полетика Абазѣ.

Рѣшительный отвѣтъ возымѣлъ дѣйствіе: на слѣдующій день Абаза явился съ визитомъ въ редакцію, гдѣ Полетика представилъ ему сидѣвшаго у него въ кабинетѣ «революціонера» Градовскаго...

Не легко дышалось журналистамъ и тогда, когда генералъ Зеленой уѣзжалъ въ отпускъ и его замѣщалъ братъ издателя В. П. Старковъ.

Исправлявшій обязанности градоначальника акушеръ Старковъ также сносился съ редакціей родственной газеты чрезъ посредство приставовъ. Онъ выступалъ и въ роли редактора, требовалъ къ себѣ на просмотръ значительную часть матеріала и производилъ въ немъ большія опустошенія, зачеркивая и вставляя цѣлыя замѣтки на правахъ градоначальника и издательскаго брата. Вчера еще Старковъ любезно пожималъ вамъ руки, а сегодня, въ качествѣ исполняющаго обязанности градоначальника, давалъ чувствовать свою силу. Даже отношенія къ женѣ мѣнялись, когда начальникъ карантиннаго округа превращался въ градоначальника...

Скончавшійся два года назадъ редакторъ-издатель «Одесскаго Листка» В. В. Навроцкій былъ самородокъ въ полномъ смыслѣ этого слова, какъ и назвалъ его И. Н. Потапенко въ посвященномъ ему очеркѣ въ одномъ журналѣ.

Навроцкій никогда ничему не учился, не умѣлъ почти писать, но это не помѣшало ему около сорока лѣтъ издавать газету и быть ея руководителемъ и вдохновителемъ.

— Если бы вы, Василій Васильевичъ,—сказалъ ему на одномъ чествованіи покойный адвокатъ-публицистъ Куперникъ,—родились въ Америкѣ, то, при вашихъ талантахъ, непремѣнно достигли бы наивысшаго въ государствѣ поста—президентскаго.

И надо отдать справедливость Навроцкому: если онъ сдѣлался чуть ли не первымъ лицомъ въ Одессѣ, если весь городъ его зналъ, цѣнилъ, избиралъ на почетныя должности гласнаго и другія, если онъ съ дырявымъ двугривеннымъ въ карманѣ нажилъ крупное состояніе на созданной имъ газетѣ, то всѣмъ этимъ былъ обязанъ своей необычайной энергіи и издательской сноровкѣ.

Навроцкій прибылъ въ Одессу изъ Полтавской губерніи, служилъ мальчикомъ въ типографіи, былъ развозчикомъ сельтерской воды

фирмы «Водолей», а во время франко-прусской войны продавалъ на улицѣ телеграммы о прусскихъ побѣдахъ.

— Базенъ взятъ въ плѣнъ!—выкрикивалъ будущій издатель, собирая пятачки.

Для увеличенія своихъ заработковъ Навроцкій, какъ онъ самъ мнѣ потомъ разсказывалъ, купилъ гдѣ-то мышеловку, въ которой сидѣла фигурка, изображавшая Наполеона III, заказалъ фотографическій снимокъ и пустилъ его въ продажу.

Въ 1873 году Навроцкому пришла въ голову мысль заняться издательствомъ. Имѣя всего нѣсколько рублей въ карманѣ, онъ отправился къ покойному городскому головѣ извѣстному Н. А. Новосельскому и просилъ его выхлопотать ему разрѣшеніе на изданіе «Листка объявленій». Тотъ обѣщалъ, и черезъ нѣкоторое время на стѣнахъ одесскихъ домовъ и заборахъ стала расклеиваться газета, заключавшая, кромѣ объявленій, городскія происшествія. Послѣднія собиралъ самъ редакторъ по городу, записывая ихъ на своихъ манжетахъ. Навроцкій самолично собиралъ и объявленія для своей газеты по магазинамъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и «Одесскій листокъ объявленій» превратился въ большую политическую и литературную газету—«Одесскій Листокъ», существующую и теперь. Не будучи писателемъ, Навроцкій привлекалъ въ газету лучшія провинціальныя и столичныя силы. Успѣхъ газеты способствовалъ и вящшей популярности ея издателя. «Ваську»—какъ звали Навроцкаго—знала вся Одесса, отъ мала до велика. Его немало побаивались дѣльцы, у которыхъ рыльца были въ пуху.

Въ своей газетѣ Навроцкій интересовался преимущественно злобами дня, театральной хроникой и городскими происшествіями. Незнаніе грамоты не мѣшало ему вдохновлять своихъ сотрудниковъ, давать имъ темы и находиться постоянно на стражѣ интересовъ газеты. Работая самъ съ пяти часовъ утра до поздней ночи, онъ требовалъ и отъ сотрудниковъ преданности его дѣлу.

Когда онъ находилъ въ газетѣ невѣрное сообщеніе, то дѣлалъ на ней свои собственноручныя отмѣтки: «чипуха и юрунда, штрафъ въ три рубля».

Система штрафовъ и выговоровъ широко практиковалась въ одесскихъ редакціяхъ. Озмидовъ разсылалъ ежедневно по редакціи, типографіи и конторѣ особые приказы и наказы.

Навроцкій былъ самый усердный читатель своей газеты, которая явилась для него и школой грамоты.

Одинъ изъ вновь назначенныхъ въ Одессу генералъ-губернаторовъ, кажется, графъ Тотлебенъ полюбопытствовалъ, гдѣ кто изъ представлявшихся ему редакторовъ одесскихъ газетъ учился.

Редакторъ «Одесскаго Вѣстника» П. А. Зеленой заявилъ, что онъ питомецъ университета, Озмидовъ кончилъ строительное училище.

— А вы?—обратился генералъ-губернаторъ къ Навроцкому,— гдѣ кончили?

— Въ Полтавской губерніи!—былъ отвѣтъ.

Питомецъ Полтавской губерніи поразилъ однажды своею начитанностью одну даму. Газета была пріостановлена, и Навроцкій отправился въ Петербургъ хлопотать о снятіи съ него кары. Хлопоты его не увѣнчались успѣхомъ, и онъ рѣшилъ испробовать послѣднее средство, чтобы умилостивить начальника главнаго управленія по дѣламъ печати Ѳеоктистова. Онъ отправился къ нему на квартиру и вступилъ въ переговоры со швейцаромъ, которому сунулъ на чай пять рублей. Разсказываю объ этомъ со словъ самого Навроцкаго.

— А скажи-ка, любезный, что больше всего любитъ твоя барыня?—спросилъ издатель.

— Кажись, цвѣты, потому давеча ей все цвѣты приносили... (повидимому, Ѳеоктистова была именинница).

И Навроцкій отправился въ цвѣточный магазинъ, купилъ роскошный букетъ и предсталъ предъ свѣтлыя очи Ѳеоктистовой.

— Ваше превосходительство,—обратился къ ней Навроцкій,— разрѣшите поднести вамъ въ знакъ моего глубочайшаго почтенія...

— Очень вамъ благодарна, но чему я обязана такимъ вашимъ вниманіемъ и чѣмъ я могу быть полезна?—недоумѣвала супруга начальника печати.

— Вы все можете, ваше превосходительство. О, женщины!— сказалъ Шекспиръ...

Цитируя великаго классика по фельетонамъ своего фельетониста барона Икса, Навроцкій упустилъ изъ виду конецъ шекспировской фразы: «ничтожество вамъ имя». Если супруга начальника печати была знакома съ Шекспиромъ, то эффектъ цитаты издателя долженъ былъ быть большой.

Какъ бы то ни было, супруга начальника сумѣла, по словамъ Навроцкаго, убѣдить мужа переложить гнѣвъ на милость...

Насколько Навроцкій былъ нетвердъ въ грамотѣ, свидѣтельствуютъ, напримѣръ, слѣдующіе факты.

Одному изъ своихъ фельетонистовъ, подписывавшемуся Осой, онъ рекомендовалъ однажды отмѣтить въ своей бесѣдѣ заслуги старѣйшаго присяжнаго повѣреннаго Ш—ва, баллотировавшагося на должность первоприсутствующаго сиротскаго суда.

— Вы такъ и пишите: онъ былъ «ветеринаромъ» сословія присяжныхъ повѣренныхъ (читай: ветераномъ)...

Фельетонисту-стихотворцу Маркярону Навроцкій совѣтуетъ поговорить о пріѣздѣ въ Одессу цирка Труцци и новаго капельмейстера городского театра Труффи.

— У васъ и риѳма готова: Труффи—Труцци...

Въ вопросахъ политическихъ, экономическихъ и литературныхъ Навроцкій считалъ себя малосвѣдущимъ и предоставлялъ въ нихъ своему фактическому редактору и сотрудникамъ полнѣйшую свободу.

Разрѣшалъ онъ раздѣлывать подъ орѣхъ мѣстныхъ городскихъ дѣятелей и даже подбадривалъ въ такихъ случаяхъ сотрудниковъ. Чѣмъ больше «раздѣлывали», тѣмъ больше было шансовъ на хорошую розницу, по мнѣнію Навроцкаго.

Въ первый день моего пріѣзда въ Одессу, подписавъ договоръ, въ силу котораго онъ предоставилъ мнѣ фактическое редактированіе газеты, Навроцкій заявилъ мнѣ:

— Раздѣлывайте въ газетѣ, кого хотите, даже меня, пощадите мнѣ одного только человѣка: моего доктора Вдовиковскаго. Касперовской иконѣ Божіей Матери да Вдовиковскому я обязанъ тѣмъ, что, будучи приговоренъ уже къ близкой смерти всѣми врачами и причастившись, я ожилъ снова.

Навроцкій былъ глубоковѣрующій, и въ редакціи служились молебны по случаю каждаго крупнаго событія въ жизни газеты, юбилея сотрудниковъ и т. п.

Не былъ Навроцкій свободенъ отъ нѣкоторыхъ суевѣрій. На обѣдѣ сотрудниковъ въ ресторанѣ оказалось 13 человѣкъ. Навроцкій ни за что не хотѣлъ садиться за столъ и потребовалъ, чтобы привлекли къ литературному обѣду ресторатора, который и возсѣдалъ среди пишущей братіи...

Начальство Навроцкій всегда почиталъ и зѣло боялся его. Зная эту его боязнь, одесскій градоначальникъ, знаменитый Зеленой, не разъ измывался надъ Навроцкимъ, обращался съ нимъ довольно безцеремонно и грубо, требовалъ къ себѣ почти весь газетный матеріалъ, вычеркивалъ и задерживалъ значительную часть его, высылалъ сотрудниковъ за мнимыя провинности, не имѣя на то никакого права.

Особенно огорченъ былъ Навроцкій незаконною высылкой талантливаго фельетониста В. М. Дорошевича, который первымъ дебютнымъ своимъ фельетономъ, въ которомъ разнесъ одесскаго лордъ-мэра Маразли, сразу завоевалъ себѣ успѣхъ. Впрочемъ, Зеленой поспѣшилъ переложить гнѣвъ на милость, но г. Дорошевичъ отвергъ эту милость и лишь впослѣдствіи вернулся въ Одессу, гдѣ еще болѣе выдвинулся, особенно своими талантливыми сахалинскими письмами, такъ очаровавшими Л. Н. Толстого.

Дорошевичъ пользовался среди одесситовъ рѣдкою популярностью. Когда онъ однажды выступилъ съ воззваніемъ о помощи семьѣ умершаго репортера, то въ редакцію посыпались пожертвованія, достигшія въ нѣсколько дней крупной цифры—что-то около 12.000 рублей!.. Это былъ не единственный читательскій откликъ на обращенія и воззванія писателя...

Трепеща передъ начальствомъ, Навроцкій въ сношеніяхъ съ людьми равными обнаруживалъ большую прямоту и излишнюю подчасъ откровенность.

Когда сотрудники собрались чествовать уѣзжавшаго изъ Одессы фельетониста, беллетриста и поэта К—ва, Навроцкій сказалъ чествуемому слѣдующее привѣтствіе:

— А, знаете, вы у меня задаромъ деньги брали, такъ какъ совсѣмъ не умѣли потрафлять публикѣ, писали все больше о необходимости распространять полезныя книжки и бороться съ пьянствомъ.

Всѣ были такъ смущены этимъ неожиданнымъ привѣтствіемъ, что словно воды въ ротъ набрали, а самъ чествуемый поглядывалъ на двери.

— Что же это, господа,—прервалъ молчаніе самый скромный изъ репортеровъ:—мы зазвали человѣка въ ресторанъ подъ предлогомъ чествованія и попросту высѣкли его. Вотъ ужъ благодарю, не ожидалъ!..

Присутствовавшій на чествованіи Л. Е. Оболенскій пытался загладить впечатлѣніе издательской рѣчи, замѣтивъ, что задачи писателя не только потрафлять улицѣ, что чествуемый служилъ газетѣ вѣрою и правдою, будилъ въ читателяхъ хорошія чувства, любовь къ добру, просвѣщенію и т. д.

Среди туземныхъ журналистовъ, какъ я уже говорилъ въ началѣ моихъ воспоминаній, пользовался большою популярностью С. Т. Герцо-Виноградскій, писавшій подъ псевдонимомъ «Баронъ Иксъ».

Молодежь на рукахъ носила любимаго писателя, котораго можно было встрѣчать постоянно въ обществѣ студентовъ...

Вся Одесса буквально зачитывалась фельетонами Икса. Одно время онъ редактировалъ и юмористическо-иллюстрированное приложеніе въ газетѣ—«Пчелку» и надѣлалъ немало шума, когда въ день Пушкинскихъ поминокъ счелъ умѣстнымъ изобразить жену поэта и у ногъ ея—его убійцу Дантеса. Вызванное этимъ рисункомъ негодованіе доставило писателю не мало огорченій.

При цензурныхъ условіяхъ въ провинціи и при одесскомъ «безтемьѣ» талантъ барона Икса зачахъ. Онъ переходилъ постоянно изъ газеты въ газету въ погонѣ за независимостью сужденій. Большой театралъ, Герцо-Виноградскій бросалъ насиженное мѣсто и обрекалъ себя на временную безработицу изъ-за вычеркнутой фразы въ его театральной рецензіи. Редакторы-издатели, которые въ театральныхъ дѣлахъ преслѣдовали свои интересы афишно-типографскаго свойства, не задумывались жертвовать цѣннымъ сотрудникомъ ради интересной прибыли.

Помню такое недоразумѣніе изъ-за замѣтки объ итальянской пѣвицѣ Аркель.

Барону Иксу наканунѣ бенефиса пѣвицы приснился сонъ, что весь городъ у ногъ его любимицы и подноситъ ей цѣлые ювелирные и цвѣточные магазины.

Издатель, который не ладилъ съ антрепренеромъ І. І. Сѣтовымъ, запротестовалъ противъ воспроизведенія въ газетѣ гиперболическаго сна.

— Пусть состоится бенефисъ,—заявилъ онъ барону Иксу,— и тогда пишите правду...

Но фельетонистъ былъ неумолимъ и перенесъ свою дѣятельность въ другую газету.

Столкновенія съ цензурой и издателями не оставались безъ вліянія на психику впечатлительнаго журналиста. За отсутствіемъ матеріала, баронъ Иксъ все чаще и чаще сталъ злоупотреблять цитатами изъ Гейне, Берне, Виктора Гюго, Шекспира и др., способствуя вящшей ихъ популярности.

Въ старѣйшей одесской библіотекѣ Бортневскаго долго выдавали этихъ авторовъ безъ многихъ вырванныхъ страницъ:

— Это все ушло въ фельетоны Икса,—объяснялъ вамъ библіотекарь.

Баронъ Иксъ преждевременно состарился и умеръ 50-ти лѣтъ пенсіонеромъ писательскаго фонда при академіи наукъ.

Баронъ Иксъ по праву считается отцомъ одесскихъ фельетонистовъ и журналистовъ, воспитывавшихся на его талантливыхъ фельетонахъ.

Въ одесской печати принималъ дѣятельное участіе старый заслуженный писатель С. И. Сычевскій. Это былъ рѣдкій знатокъ европейской и русской литературы. Сычевскій наизусть читалъ цѣлыя страницы изъ Шекспира, Шиллера, Виктора Гюго, Алексѣя Толстого и др. Онъ имѣлъ всѣ права на болѣе широкую извѣстность, но, къ сожалѣнію, былъ подверженъ пороку, преждевременно сведшему въ могилу не одного талантливаго русскаго писателя: Сычевскій умеръ въ больницѣ, куда мнѣ пришлось свезти его, когда недугъ его обострился.

С. И. Сычевскій былъ очень близокъ съ однимъ виднымъ желѣзнодорожнымъ дѣятелемъ, занимавшимъ впослѣдствіи высокій административный постъ. По его порученію, Сычевскій составлялъ какія-то записки и однажды предъявилъ мнѣ толстую рукопись имъ написанной работы, вышедшей потомъ за подписью будущаго государственнаго дѣятеля.

Въ теченіе 40 лѣтъ неутомимо проработалъ въ одесскихъ газетахъ, въ качествѣ политическаго обозрѣвателя и фактическаго редактора, скончавшійся въ 1910 году А. С. Попандопуло, который былъ руководителемъ и учителемъ многихъ одесскихъ журналистовъ. Это былъ человѣкъ очень мирный и покладистый, за что его особенно цѣнилъ издатель.

Помню, когда мы съ нимъ помѣнялись ролями, и я изъ завѣдующаго превратился временно въ передовика и фельетониста, онъ передавалъ мнѣ, скрѣпя сердце, директивы, о чемъ и какъ писать или о чемъ совсѣмъ не писать...

— Баронъ Каульбарсъ (командующій войсками) рекомендуетъ объ «измѣнникѣ» Дрейфусѣ отнюдь не писать въ благопріятномъ для него смыслѣ...

— Но развѣ эта «рекомендація» для насъ обязательна?

— Почти... что прикажете дѣлать!

Другая мѣстная газета сумѣла стяжать себѣ симпатіи читающей Одессы своими смѣлыми статьями и сообщеніями въ защиту «измѣнника» и отодвинуть «Одесскій Листокъ» на второй планъ...

С. Т. Герцо-Виноградскій, С. И. Сычевскій и А. С. Попандопуло не единственные одесскіе писатели, которыхъ можно помянуть добрымъ словомъ. Но многіе и посейчасъ подвизаются въ одесской и столичной печати, и для ихъ характеристики не наступило еще время.

Существовала еще въ Одессѣ газета «Южное Обозрѣніе», которая была предпринята мною вмѣстѣ съ покойнымъ профессоромъ Чижовымъ. Я далъ газетѣ названіе, выработалъ программу, послалъ ее на утвержденіе, составилъ объявленіе о подпискѣ, которое уже было разослано въ газеты. Когда надо было приступить къ дѣлу, то Чижовъ заявилъ, что своихъ денегъ на газету не дастъ, и предложилъ кому-нибудь изъ насъ обратиться за субсидіею къ одесскому милліонеру Г. Г. Маразли. Я отклонилъ отъ себя это посредничество. Къ тому же переговоры по дѣламъ газеты Чижовъ назначалъ въ ресторанахъ и пивныхъ и приступалъ къ нимъ послѣ изрядной выпивки, когда у него языкъ заплетался.

Я поспѣшилъ уклониться отъ новой газетной затѣи, и «Южное Обозрѣніе» стало переходить изъ рукъ въ руки, и теперь существуетъ подъ другимъ названіемъ.

Освободительное движеніе произвело большую пертурбацію въ одесской печати. Появились новыя, преимущественно копеечныя газеты, народились новые писатели. Читательскій элементъ сильно увеличился, и тиражъ газетъ достигаетъ небывалыхъ раньше цифръ.

Журнальная семья въ Одессѣ, какъ и всякая другая, не была свободна отъ уродовъ. Долго работавшій въ Одессѣ журналистъ, сотрудничавшій и въ московской газетѣ, учелъ однажды въ мѣстномъ банкѣ вексель за подписью своего издателя. Когда наступилъ срокъ платежа и вексель былъ предъявленъ издателю, тотъ призналъ подпись подложной: она была поддѣлана рукою сотрудника. Инцидентъ былъ улаженъ мирно, и издатель, вознамѣрив-

шійся было посадить сотрудника на скамью подсудимыхъ, удержалъ его въ составѣ редакціи.

Среди одесскихъ журналистовъ были и такіе, которые занимались побочными дѣлами, отнюдь не гармонировавшими съ почетнымъ писательскимъ званіемъ.

Одинъ занимался поставкою куръ въ мѣстную больницу и надувалъ эконома, предъявляя ему для оплаты однѣхъ и тѣхъ же куръ по нѣсколько разъ.

Подвизались въ одесской печати и люди, побывавшіе въ тюрьмѣ. Я зналъ писателя Л—ра, который двукратно судился за подлогъ. Другой, побывавшій въ тюрьмѣ, К—въ изобличенъ былъ въ шпіонствѣ.

Журналистъ Л—скій въ замѣткѣ о торжественномъ молебствіи въ каѳедральномъ соборѣ, просмотрѣнной редакторомъ, сдѣлалъ въ оригиналѣ заднимъ числомъ каверзную поправку такого сорта, что газетѣ угрожала опасность быть закрытой или, въ лучшемъ случаѣ, лишиться своего ни въ чемъ не повиннаго редактора. Поправка была во время замѣчена и исправленное мѣсто возстановлено, но объ этомъ какими-то судьбами стало извѣстно жандармскому управленію. Произведено было дознаніе. Допрошенная управляющая типографіе йподтвердила инкриминировавшуюся Л—му поправку, которую она, какъ и другіе, объяснили его стремленіемъ подвести фактическаго редактора и занять его мѣсто.

По счастью, все кончилось къ общему благополучію и для редактора и для конкуррента, получившаго скоро службу по одному вѣдомству.

На ряду съ туземными уродами, среди журнальной семьи время отъ времени появлялись пришлые писатели съ подмоченными репутаціями. Видное мѣсто въ одной газетѣ занялъ высланный изъ другого города за уголовно-журнальныя дѣянія писатель. Появленіе его вызвало уходъ главныхъ сотрудниковъ и автора этихъ строкъ. Изъ сотрудниковъ, жившихъ внѣ Одессы, покойный В. В. Чуйко извѣстилъ меня, что онъ совершенно индифферентенъ къ составу редакціи и отвѣчаетъ только за свои статьи. Жившій тогда въ Кишиневѣ Л. Е. Оболенскій, подвизавшійся вмѣстѣ съ г. Гофштеттеромъ въ либеральномъ «Бессарабскомъ Вѣстникѣ», прилетѣлъ въ Одессу, чтобы учинить протестъ противъ приглашенія въ «Одесскій Листокъ» неудобнаго сотрудника и примкнуть къ протестантамъ, но остался въ газетѣ на новыхъ условіяхъ.

Если экземпляры съ подмоченной репутаціею выступали на столбцахъ газетъ въ роли моралистовъ, то неудивительно, что менѣе отвѣтственныя газетныя функціи исполняли еще болѣе сомнительные субъекты.

Такъ, разничной продажей въ газетѣ завѣдывали сыновья содержательницы пансіона безъ древнихъ языковъ Вайсманъ. Изъ

нихъ одинъ, Александръ Вайсманъ, прославился своею сыщицко-провокаторскою дѣятельностью на Балканскомъ полуостровѣ, за которую награжденъ орденами и другими знаками отличія. Послѣдніе его не избавили отъ скамьи подсудимыхъ, на которую онъ попалъ за свои уголовныя преступленія. Онъ былъ лишенъ всѣхъ своихъ отличій и правъ состоянія и приговоренъ къ тюремному заключенію...

Вотъ съ какими экземплярами приходилось встрѣчаться на провинціальной журнальной почвѣ!

Гдѣ свѣтъ, тамъ и тѣни...

Много терній по пути провинціальнаго журналиста. Ихъ не перечесть: административный гнетъ, цензурная опека, борьба съ внутренними врагами, въ лицѣ журналистовъ же, и съ внѣшними—обывателями и т. д., и т. д. Все это пришлось мнѣ испытать за мою многолѣтнюю журнальную дѣятельность. Изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ, кто побывалъ въ шкурѣ русскаго журналиста.

Обыватель—тотъ чаще всего сутяжничалъ, тянулъ редактора въ судъ, а сотрудникамъ угрожалъ расправами. Продѣлывалъ это иногда и незаурядный обыватель.

Хорошо извѣстный малороссійскій артистъ Садовскій выступилъ съ угрозами по моему адресу за не совсѣмъ благосклонное отношеніе къ его театру. Когда труппа талантливаго Кропивницкаго раскололась на дюжину отдѣльныхъ труппъ, и публикѣ набилъ оскомину старый репертуаръ съ его пьесами, въ которыхъ мужчины пьютъ «горілку» и «таньцуютъ» гопака, а женщины—льютъ «слізи»,—малороссы принялись сначала за Шекспира, и украинскій Гамлетъ восклицалъ: «чи буты, чи ни буты. Отъ-то заковыка»; затѣмъ стали давать на языкѣ Шевченка «Прекрасную Елену», «Птичекъ пѣвчихъ» и «Гейшъ». Я отмѣтилъ не совсѣмъ желательную эволюцію малороссійскаго театра. И въ результатѣ—издатель газеты Навроцкій получилъ ругательное письмо отъ Садовскаго, а я—не менѣе грозныя письма отъ другихъ почитателей малороссійскаго жанра.

Однажды я получилъ требованіе объ удовлетвореніи—до дуэли включительно. Впрочемъ, на этотъ разъ дѣло шло не о литературномъ моемъ преступленіи, и угроза исходила отъ небезызвѣстнаго поэта Б—ва.

Гипнотизеръ Фельдманъ устроилъ гипнотическій сеансъ въ частномъ кружкѣ журналистовъ. Въ состояніе гипноза приведена была молодая, талантливая писательница, страдавшая истеріею.

— Не хотите ли вы внушить спящей сюжетъ для разсказа или что-либо другое?—обратился ко мнѣ гипнотизеръ.

Я согласился и предложилъ писательницѣ написать разсказъ, случайно проронивъ слова: «она, онъ, вагонъ, гробъ». Тутъ же я предложилъ больной избѣгать сношеній съ дѣйствовавшими угнетающимъ образомъ на ея психику, по отзывамъ близкимъ, неуравновѣшеннымъ поэтомъ Б., фельетонистомъ В. и журналистомъ Г.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ прекрасный разсказъ, гдѣ фигурировала молодая женщина, сопровождающая въ фамильное имѣніе гробъ своего только что скончавшагося мужа и влюбляющаяся въ интереснаго попутчика, сумѣвшаго расположить ее въ свою пользу своимъ сочувствіемъ къ ея утратѣ. Такимъ образомъ, одна часть моего внушенія спавшей писательницѣ (она, онъ, вагонъ, гробъ) была блестяще выполнена. Другая часть и повлекла за собою грозныя требованія со стороны поэта дать ему удовлетвореніе. До барьера дѣло не дошло, поэтъ удовлетворился моимъ объясненіемъ и сталъ присылать мнѣ въ газету свои поэтическія и прозаическія произведенія.

Изъ огня провинціальной журналистики я снова попалъ въ полымя столичной,—незадолго до зарожденія освободительнаго движенія. Здѣсь уже не приходилось имѣть дѣло ни съ административнымъ гнетомъ, ни съ цензурой, ни съ сутяжничающимъ обывателемъ, но зато пришлось посидѣть двукратно на скамьѣ подсудимыхъ по 129 статьѣ, и было многое другое, о чемъ будетъ разсказано въ слѣдующемъ номерѣ «Историческаго Вѣстника»...

А. Кауфманъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ДВУНОГІЙ ЗВѢРЬ [1].

(Изъ человѣческихъ документовъ).

VII.

Графинюшка.

1.

ОЛЗУТЪ сѣрые будни, надвигаются тяжелыми призраками...

Въ непроглядные дни петербургской осени, когда по цѣлымъ недѣлямъ не показывается солнце, а вмѣсто синяго неба висятъ какіе-то сѣрые лохмотья облаковъ и въ промозгломъ воздухѣ всѣ окружающіе предметы точно плачутъ беззвучными слезами,—невольно хочется свѣтлаго, радостнаго хоть на короткое время. И любой человѣкъ, въ комъ еще теплится искра жизни, создаетъ себѣ розовую легенду, старается ей вѣрить и ревниво укрываетъ ее отъ чужихъ мыслей и взоровъ.

Ползутъ сѣрые будни, надвигаются тяжелыми призраками, и вдругъ, словно молнія, загорится что-то яркое, откроются на мигъ прекрасныя дали, забьется сердце предчувствіемъ близкаго счастья... Это—розовая легенда; это—чары

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXXX стр. 150.

ся обмана, а потомъ опять—свинцовое небо, мокрыя улицы, блѣдныя, измученныя лица и только тамъ, гдѣ-то далеко, смутное воспоминанье и робкая надежда... пока не оборвутся и они.

Грушу Портновскую называли «графинюшкой» отчасти по созвучію имени, отчасти за изящество, умѣнье одѣваться и вообще держать себя въ каждомъ кругу.

— Изъ благородныхъ. Панская кровь!—говорили о ней подруги и явно завидовали.

Свое прошлое ей удавалось прятать, и эта таинственность еще больше выдвигала ее.

Полгода какъ появилась Груша въ столицѣ, но о ней уже ходила молва, искали ея знакомства и съ ея прозвищемъ связывали всевозможныя небылицы.

— Если послушать Золя, во всякой модисткѣ скрывается въ зародышѣ герцогиня, а тутъ—несомнѣнное *сіятельство*, ручается моя опытность!.. Портновская—вымышленная кличка,—утверждалъ свѣтскій франтъ, который давно искалъ случая сблизиться съ какой угодно любительницей приключеній, лишь бы она имѣла фамильные гербы:—мы натолкнулись на интересную тайну, вотъ и все...

Такъ создавалась слава «графинюшки».

Стройная, съ притягивающей загадочностью въ глазахъ, съ безукоризненно очерченнымъ профилемъ, она гордо проходила въ толпѣ, какъ бы не замѣчая взглядовъ, заранѣе убѣжденная, что побѣдитъ, и на губахъ у нея пробѣгала мимолетная усмѣшка презрѣнья, когда попадавшіеся навстрѣчу мужчины и женщины неотступно впивались въ нее безчисленными черными точками зрачковъ, то блестящихъ, то поддернутыхъ старческой мутью, то негодующихъ, то полныхъ ласки и робкихъ ожиданій или дерзкаго вызова.

«Мошкара!» вертѣлось на языкѣ сравненье, и Груша ускоряла шаги.

Она не сомнѣвалась, что на житейскомъ аукціонѣ первенство за тѣмъ, кто цѣнитъ не покупаемую на торгахъ вещь, а возможность отбить ее у соперника.

«Можетъ ли такой покупщикъ заслуживать уваженья? Тысячу разъ нѣтъ!..»—рѣшила она въ умѣ и навсегда выработала для всѣхъ общее правило: «ты съ ложью, и я съ ложью; у тебя деньги, у меня тѣло; но о душѣ и не заикайся, самъ выворачивай ее, если есть охота, и я посмѣюсь надъ тобой за свое униженье, за свои обиды... И моихъ думъ ненужно тебѣ знать,—получай пустыя слова. Пускай они тебя потѣшатъ, коль ты довѣрчивъ. Твои-то все равно мимо меня пройдутъ!.. Такъ и запомни. Дружба? любовь? Ладно, поищи-ка ихъ!..»

Размышляла и тихо посмѣивалась. Сладость мести утѣшала ее.

2.

Ползутъ сѣрые будни, надвигаются тяжелыми призраками... Груша поздно ложится спать и, поэтому, встаетъ не раньше часу-двухъ.

Ея небольшая квартира въ первомъ этажѣ съ окнами на улицу прекрасно обставлена.

Нѣтъ роскоши, но много вкуса.

Фрося приходитъ будить, приноситъ кофе.

Груша быстро вскакиваетъ, умывается, набрасываетъ пеньюаръ на плечи.

Постоянная, неотвязчивая, какъ муха, въѣдливая мысль безпокоитъ ее. Она пробуетъ ее пересилить, нерѣшительно беретъ ломтикъ булки съ масломъ, хочетъ ѣсть и вдругъ останавливается съ застывшимъ лицомъ, схватываетъ порывистымъ жестомъ тарелку съ гренками и бутербродами, подбѣгаетъ къ окошку.

— Опять, Аграфена Семенна! Да что вы, креста на васъ нѣту!.. Не ѣмши, не пимши...—ворчитъ Фрося, выглядывая изъ-за дверей.

— Уйди въ кухню. Нечего бурчать! Не умру съ голоду. Чепуху мелешь... Все тебѣ жалко.

Отворяетъ форточку, становится на подоконникъ, всматривается.

На мокромъ тротуарѣ, дрожа отъ холода, лежитъ косматая собака, калачомъ свернулась.

Груша зоветъ ее:

— Мохнатка, Мохнатка... На хлѣба, на...

А вотъ еще какой-то заброшенный, голодный фоксъ, живой скелетъ, тихо плетется, испуганно оглядывается. Ни въ настоящемъ, ни въ прошломъ уже ничего для него не осталось.

Его тоже кличетъ Груша.

Недовѣріе озлобленнаго, покинутаго пса смѣняется жалобнымъ визгомъ собаки, разучившейся радоваться.

Тартинки розданы и гренки тоже.

Закрывается форточка.

Фрося не въ силахъ ворчать.

— Добренькая вы, Аграфена Семенна! Страсть, какая добренькая! Господь наградитъ васъ на томъ свѣтѣ,—причитаетъ она, съ рѣсницъ смахивая слезу.

— Ступай, ступай!... Плакса...

Ушла Фрося, но Грушѣ какъ-то жутко. Она задумывается, запрокинувъ голову на спинку кресла, и смотритъ вверхъ, словно тамъ, на лѣпныхъ украшеньяхъ потолка, разбираетъ невидимыя надписи:

«Бездомныя собаки... бездомныя дѣти... бродячія женщины... За что эти пытки, за что эти мученья!.. Отвратительный, прожор-

ливый городъ! О, какъ я тебя ненавижу, какъ проклинаю тебя съ твоимъ золотомъ, съ твоей ненасытной похотью! Пей нашу кровь, упивайся!.. Палачъ...»

Встала передъ окномъ, забрызганнымъ каплями дождя.

Тащ тся закрытыя извозчичьи пролетки, запачканныя грязью; снуютъ мелкіе продавцы съ лотками; спѣшатъ какія-то пасмурныя фигуры пѣшеходовъ...

Ни свѣтлаго луча, ни улыбки. На всемъ отпечатокъ унынія и жалкой покорности судьбѣ.

Минута слабости, и Груша топаетъ ногой.

«Въ руки себя бери, въ руки, негодница! Не себѣ, такъ другимъ нужна... Еще рано падать...—шепчетъ ей чей-то голосъ:—что толку, если станешь такой же бродячей собакой, какими полны улицы и закоулки! Сволокутъ на Горячее поле, зароютъ въ навозную кучу и сказкѣ конецъ... Глупая!..»

— Фрося, одѣваться!—кричитъ уже окрѣпшій, властный голосъ Портновской, и тутъ же мысленно подбадриваетъ себя Груша: «крѣпись, рабыня! допингу, что ли, тебѣ надо? крѣпись!..»

И Фрося тоже отвѣчаетъ совсѣмъ инымъ голосомъ:

— Слушаю-съ, милая барышня... сейчасъ... А тутъ письмецо къ вамъ, доложить давеча не осмѣлилась... и корзинка съ цвѣточками.

Втащила цвѣты, записку подала, егозитъ.

Уже не Груша, а «графинюшка» передъ ней.

Развернула, прочла страницу, скомкала, нахмурилась.

— Не будетъ отвѣта... и цвѣты обратно...

— Слушаю-съ, милая барышня... Какъ прикажете... Только человѣка нѣту-съ, не дождался...

— Выбросить... Одѣваться, я вамъ сказала! Черное бархатное...

Фрося летаетъ отъ шкапа къ комоду, отъ комода къ туалетному столу.

Шуршатъ шелковыя юбки. Пахнетъ духами. Корзина съ розами и лиліями еще не унесена и наполняетъ комнату запахомъ оранжереи.

— Я сказала—унести цвѣты! Точно покойникъ въ домѣ... Мерзость.

Фрося кряхтитъ надъ тяжелой ношей и не противорѣчитъ.

Она прекрасно изучила свою госпожу и знаетъ безошибочно, когда она—барышня, когда Аграфена Семенна, а когда и просто—«родненькая».

3.

Рѣдко получаются извѣстія изъ другого города, но когда почтальонъ приноситъ конвертъ съ семикопеечной маркой со штемпелемъ изъ какой-то далекой станціи, «графинюшка» опять становится тихой, доброй, безконечно-ласковой Грушей, гладитъ по рукѣ

Фросю, иногда даже поцѣлуетъ въ щеку и проситъ оставить ее одну «на часокъ». Потомъ весь день ходитъ съ заплаканными глазами.

Сегодня пришло такое же письмо, скорѣй, чѣмъ ожидала его Груша. Это почему-то встревожило ее. Она побѣжала въ спальню, заперлась, нервно разорвала конвертъ, стала читать.

«Милая дочечка, спасибо, что не забыла, изъ бѣды выручаешь. Стыдно обижать тебя, да безъ твоей подмоги не обойтись. Маня подрастаетъ, за Колюшу платить въ гимназію. Жизнь все труднѣй. А тутъ, какъ на зло, мать расхворалась. Когда же съ тобой-то увидимся? Все только обѣщаешь пріѣхать. Пишешь, что дѣла твои хорошо обстоятъ, что на государственной службѣ тебя любятъ и дорожатъ тобою. Это за наши молитвы тебя Богъ награждаетъ, славная моя дочечка. А теперь прощай, будь здорова и весела. Мы всѣ тебя обнимаемъ и цѣлуемъ. Стариковская память! И писать вѣдь сѣлъ, чтобы сообщить пріятную вѣсть. Ты помнишь Степу, а теперь Степана Марковича Подлетаева? Собирается въ Питеръ по какимъ-то дѣламъ (получилъ наслѣдство тысячъ двадцать съ хвостикомъ!) и къ тебѣ хочетъ завернуть. Чуетъ моя душа, что онъ и по сію пору не охладѣлъ къ тебѣ, все справляется, какъ да что. Любящій тебя отецъ, Семенъ Портновскій».

На этотъ разъ не было слезъ, съ сухими, лихорадочными глазами дважды перечитала она родительскія строки.

Знакомый почеркъ, крупный, неустойчивый, скользящій книзу, точно язвилъ ее, и, машинально подчиняясь первому порыву, Груша, старательно расправивъ и сложивъ помятый почтовый листокъ, спрятала его въ шкатулку съ прежней перепиской.

«Такъ лучше... Подальше...» И заперла на ключъ.

«Графинюшка» поймала себя на безсознательномъ страхѣ, что въ эту тревожную минуту, когда ея сердце горитъ отъ жгучаго стыда за умышленную ложь и въ рукѣ письмо,—мысль невольно летитъ туда, къ бѣдной семьѣ, живущей на ея деньги, и, почемъ знать, можетъ быть, какъ безпроволочный телеграфъ, передастъ отцу частицу ея думъ и зародитъ въ немъ сомнѣнье, котораго уже ничѣмъ не заглушить....

Долго сидѣла съ напряженнымъ, остановившимся взглядомъ.

«И зачѣмъ онъ ѣдетъ сюда?... Однимъ ударомъ все разрушаетъ. Какъ будто такъ-таки и не было ничего!... *Облетѣли цвѣты, догорѣли огни*... Всюду пойдетъ справляться, знаю его... Придира... А можетъ, уже все извѣстно и Степа давно здѣсь?.. Вотъ и расплата!.. Еще и зданія настоящаго нѣтъ, а кругомъ обломки»...

Неудержимое желанье—скрыть свой позоръ, свою страшную тайну разрумянило ее. Она неувѣренно позвонила и обратилась къ Фросѣ совсѣмъ новымъ, необычнымъ голосомъ, словно въ груди у нея что-то обрывалось, а нельзя было показывать, что невыносимо больно:

— Фрося, ты жалѣешь меня, любишь, бережешь?

Какая-то жалобная струнка звучала въ тихихъ, почти робкихъ, неувѣренныхъ словахъ.

— Ой, родненькая! Да неужто жъ я когда съ тобой...

— Полно, Фрося, постой... я вѣрю... Слушай... Есть такой мужчина... Ахъ, какъ же тебѣ описать-то! Запомни, Фрося, запомни!—говоритъ Груша съ дрожью, съ пылающимъ, сосредоточеннымъ взоромъ:—средняго роста, невысокій, русакъ... на лбу глубокій шрамъ... Понимаешь? Запомни же, Фрося! Если придетъ, подъ шляпу загляни, а узнай... Сразу въ глаза бросится шрамъ... Не пускай ко мнѣ, ради всего святого... выдумай что-нибудь... Усы или онъ съ бородой—не знаю, не помню, а по шраму догадаешься... И пятно родимое возлѣ носа... пятно...

Торопилась, припоминала, наводила Фросю на догадки, вырисовывала портретъ товарища своего дѣтства.

— Слушаю, барышня, слушаю,—отвѣчала перепуганная, сбитая съ толку Фрося:—и на порогъ-то негодяя не пущу.

— Ругаться не надо. Не заслуживаетъ онъ. Негодяемъ не за что называть... Онъ, пожалуй-то, и не очень дурной, а не пускай, если добра мнѣ желаешь. Награду получишь,—сестрой моей будешь. Прошу тебя.

Наклонилась, поцѣловала низенькую, толстую Фросю, посадила рядомъ съ собой, гладила по рукѣ и нѣжно приговаривала:

— Обѣ мы—несчастныя, обѣ мы—бѣдныя... Жалко мнѣ тебя, Фрося... Есть у тебя кто-нибудь изъ родныхъ?

И ярославка Фрося долго разсказывала ей о деревнѣ, о матери, пока совсѣмъ не стемнѣло. Груша любила сумерничать.

Было нѣсколько звонковъ. Всѣмъ пришлось услышать одинъ отвѣтъ:

— Нѣту дома барышни и не сказывали, когда вернутся.

4.

Недѣля прошла, другая, третья... Мѣсяцъ промелькнулъ. Страшный кошмаръ начиналъ тускнѣть, исчезать и мало-по-малу почти растаялъ. Только по временамъ еще оставалась какая-то смутная тѣнь тревоги и то больше по ночамъ, когда не спалось и нервы пошаливали. Правда, бывало какъ-то и днемъ на прогулкахъ, и однажды въ театрѣ ощущеніе чьихъ-то въ упоръ зорко смотрѣвшихъ глазъ, настойчивыхъ, рѣжущихъ, притягивающихъ, такъ что замирало сердце и точно голова кружилась; но едва Груша поворачивалась по направленію этого загадочнаго взора,—все пропадало.

«Фантазія!—утѣшала она себя:—разстроенное воображеніе... Онъ забылъ обо мнѣ, это ясно. Получилъ деньги и до меня ли ему

теперь! Да и слава Богу! Спасена, спасена!.. Пріѣхалъ, пожилъ, погулялъ и обратно... Такъ естественно».

Хотѣлось вѣрить возможнымъ мечтамъ, но все-таки надолго послѣ такихъ переживаній оставался слѣдъ безотчетной боязни и, возвращаясь домой, Груша опять говорила Фросѣ объ особыхъ примѣтахъ Степы и въ сотый разъ брала съ нея клятву, что не впуститъ его ни подъ какимъ видомъ.

Въ концѣ концовъ Фрося больше начинала бояться ужаснаго незнакомца со шрамомъ на лбу и родимымъ пятномъ возлѣ носа, чѣмъ сама Портновская.

Въ уютной квартиркѣ словно поселилось безплотное существо, незамѣтный, но ощущаемый призракъ, который каждую минуту могъ отравить покой хозяйки и ея прислуги.

Настоящаго страха передъ нимъ не было, но было какъ бы предвидѣніе этого страха, ожиданіе его.

— Пропаду на *него*, окаяннаго, нѣту!—бурчала Фрося:—и не згинетъ... Накликалъ кто-то...

Осунулась, загрустила, тайкомъ отъ Груши ходила къ гадалкѣ и, послѣ возвращенія отъ нея, стала еще печальнѣе.

— Ежели бъ не вы, родненькая моя барышня, ушла бы я въ деревню, ей-ей говорю... Вотъ крестъ святой. Ну его къ Богу!—призналась она тутъ въ своихъ сокровенныхъ помыслахъ и разсердилась даже:—трепалка я, что ли!

— Что ты, что ты!.. съ ума сошла...—испугалась Груша:—развѣ теперь могу безъ тебя обойтись? Не всегда же такъ... дай отдышаться... Скоро сама тебя отправлю, снаряжу въ путь, отдохнешь.... Уже недолго, очень недолго... Видишь, я повеселѣла. плюю на него, не боюсь нисколько, изъ одного упрямства впустить къ себѣ не желаю... смѣюсь надъ нимъ. А ты думала? Да и не придетъ вовсе, уѣхалъ давнымъ-давно. Ты что молчишь?... Я не шучу...

Покачала головой Фрося, направилась въ кухню, не повѣрила, что барышня не боится, не такой она раньше бывала, точно подмѣнилъ ее кто или «хвостъ подрѣзалъ», какъ выражалась она посвоему, безконечно обсуждая на разные лады событія послѣдняго мѣсяца.

Затѣмъ точно сжалилась, вернулась и, стоя въ дверяхъ, сказала, запинаясь:

— Простите, Аграфена Семенна, дуру, Христа ради... Никуда-то я безъ васъ не поѣду. Болтаю все попустому. Вѣчно за васъ Богу молюсь. Никакъ къ подушечкѣ прилегли?.. А я-то и не запримѣтила. Ухожу, ухожу...

Ни сонъ ни явь, ни дремота, томленье какое-то охватывало. Груша полулежала, смотря въ окошко.

Уже мгла повисла. Надвигались вечернія сумерки.

По занесенной снѣгомъ улицѣ чертили темный узоръ мелькающія тѣни.

Фонари еще не зажжены.

Пробѣжала собака, лаяла.

Чей-то надрывающій голосъ тянулъ пьяную пѣсню.

Груша по обыкновенію думала:

«Сестру поставлю, брата выведу въ люди... Года четыре—пять, и цѣль моей жизни закончена... Не все ли равно, на какія деньги!.. Вздоръ!.. Деньги не краденныя,—заработаны. Кто смѣетъ упрекать? Кто судья?... Но старики не должны знать, старики не поймутъ... За стариковъ, какъ кошка, глаза выцарапаю,.. Не всякая правда—правда; иная, вѣдь, такая, что хуже обмана. Я и спряталась въ скорлупу со своей правдой... Никому жить не мѣшаю, а лѣзутъ»...

Вскочила, прошлась по комнатѣ, облокотилась о подоконникъ.

Опять назойливыя думы...

«Судьба шагаетъ безъ разбора и по живымъ бьющимся тѣламъ, и по гніющимъ трупамъ, гнететъ слабыхъ, не бережетъ сильныхъ, не замѣчаетъ, кого давитъ, кого тѣснитъ... Ей безразлично, кому что... Пускай! Я не сдамся, поборемся... О, многимъ гораздо тяжелѣй, чѣмъ мнѣ. Я, по крайней мѣрѣ, сознаю, куда иду и зачѣмъ. А грязью все равно закидаютъ... Гм... Сколько этихъ лицемѣровъ, обивающихъ порогъ моей спальни! Двуногіе волки... Унижаются, размѣниваютъ душу, никого не щадятъ, совѣстью торгуютъ, и ихъ деньги—честныя, а мои, отъ нихъ же полученныя,—запачканныя!.. Они воруютъ все, даже имя, чужое счастье, продаютъ убѣжденья, мысли и это—ничего, а я за то, что ихъ же тѣшу, не жалѣю своей молодости, я—не человѣкъ, я—внѣ ихъ круга, я—ничто передъ ихъ женами, сестрами, дочерьми, которыя такъ же лгутъ, какъ и я... Я не имѣю права быть счастливой; не смѣю разсчитывать на ничтожную долю снисхожденья; меня не прощаютъ... Клеймятъ и сейчасъ же ползаютъ у моихъ ногъ, у ногъ *графинюшки*... Неужели моя ложь страшнѣе ихъ лжи? Стоитъ кому-нибудь, вродѣ напомаженнаго Степы, явиться ко мнѣ, бросить косой взглядъ, а потомъ пустить сплетню, и всѣ ему повѣрятъ, а не мнѣ... Для меня нѣтъ оправданья»...

Ноздри раздуваются. Въ глазахъ — огонекъ затравленнаго звѣрка.

«Стереть бы ихъ,—стереть съ лица земли!..»

Но брызнулъ свѣтъ; на улицѣ вспыхнули фонари, и погасли грезы, навѣянныя сумерками.

5.

Послѣ нѣкотораго перерыва Портновская вновь стала всюду появляться, точно вырвавъ изъ памяти всякое воспоминаніе о Степѣ.

Попрежнему принимала и у себя старыхъ и новыхъ знакомыхъ, ищущихъ у нея минутнаго забвенія отъ будничныхъ работъ, отъ разочарованій, отъ лжи, которую наивно замѣняли такою же ложью. Здѣсь, можетъ быть, иные изъ нихъ видѣли въ гордой, обаятельной «графинюшкѣ» хоть слабое воплощенье той именно розовой легенды, что даетъ человѣку намекъ на счастье...

Звонокъ—нетерпѣливый, быстрый, нервный.

Груша только что покормила у форточки своихъ любимцевъ—бродячихъ, бездомныхъ собакъ, едва сдѣлала прическу. По характеру звонка, она порою угадываетъ, кто пришелъ.

«Навѣрно, художникъ», мелькаетъ догадка, и на губахъ уже снисходительная полуулыбка.

Это дѣйствительно Укладовъ, мечтательный, блѣдный, увлекающійся.

— Такъ рано?.. Я еще едва съ постели,—разочарованно бросаетъ она вскользь и протягиваетъ руку, которую тотъ покрываетъ поцѣлуями.

— Рано? Я только тогда и живу, когда солнце... Насыщаюсь его лучами, ловлю тончайшіе оттѣнки переливовъ...—заговорилъ онъ съ обычной горячностью, размахивая руками и откидывая густые, непослушные кудри, но вдругъ остановился, выражая восторгъ — взглядомъ, движеньемъ, всей своей живописной фигурой:—вы такъ колоритны, такъ стильны... Не хочу сказать «красивы»... Въ словѣ «красивая» что-то банальное, избитое...

— Вѣчные комплименты... Живя въ Петербургѣ, я научилась цѣнить ихъ не особенно высоко,—отозвалась Груша, стоя возлѣ зеркала и поправляя волосы.

— Вѣрьте—не вѣрьте, а я буду говорить. Знаете, какъ я васъ называю? «Мистическая дѣвушка Россетти». Странно, но вы—олицетвореніе этого знаменитаго типа...Тамъ, въ европейскихъ галереяхъ я видѣлъ уже ваши черты на его холстахъ. Конечно, лишенные эстетической тенденціи, можетъ, пройдутъ мимо...

Она обернулась и смѣрила его долгимъ, насмѣшливымъ взоромъ.

— Вамъ что-нибудь нужно?.. Вѣдь не мнѣ одной вы такъ поете!.. Насквозь вижу... не первый вы... Натурщицу пріискиваете для новенькой картины?.. э?..

Укладовъ немного смутился.

— Восторгъ мой—искренній, Агриппина Семенна... Но и натурщица нужна. Гдѣ же противорѣчіе?..

Еще двѣ-три фразы, и опять звонокъ, но робкій, едва слышный.

«Камбалинъ... вырвался со службы...»—рѣшаетъ въ умѣ Портновская и сердито сдвигаетъ брови.

— Вотъ и поболтать не удалось, а вы кричали: «рано!» Постоянно такъ. Значитъ, позировать ни-ни?

— Н-не знаю... подумаю... Надѣйтесь.

— И за то спасибо. Ручку!

— Сюда, сюда, въ боковую дверь... осторожнѣй!—торопитъ Груша, и вслѣдъ ему произноситъ вполголоса:—сумасшедшій!

Портновская и на этотъ разъ угадала: пугливо изъ-за портьеры выглянуло полное, бритое лицо пожилого мужчины, съ бородавкой на искѣ.

— Кажется, тутъ постороннихъ нѣтъ?—спрашиваетъ Камбалинъ, и его потѣшный фальцетъ заставляетъ Грушу расхохотаться.

— А зачѣмъ ходишь, если трусишь! Жена воображаетъ, что въ засѣданіи, а господинъ вице-директоръ...

Приземистая фигура, наконецъ, рѣшается выйти изъ-за дверей.

— Здравствуй, милочка... Ну, чмокъ-чмокъ,—говоритъ онъ теперь совершенно спокойно и выпячиваетъ губы, желая сочно поцѣловать ее, но Груша отстраняется, и поцѣлуй виснетъ въ воздухѣ:—потерянное удовольствіе!—жалуется онъ, словно про себя:—какая ты сварливая! и чего разсердилась? Нельзя же мнѣ на показъ! Я—человѣкъ, извѣстный въ обществѣ, и дорожу семейнымъ очагомъ...

Портновская упала въ кресло, залилась смѣхомъ, а потомъ вдругъ смѣхъ этотъ словно застылъ, и она слегка нахмурилась.

— Я терпѣть не могу никакихъ нотацій... слышите?

— М-м... да здѣсь кто-то былъ сейчасъ!.. окурокъ?..—съ неудовольствіемъ визжитъ голосъ вице-директора, пропускающаго мимо ушей ея восклицанье относительно нотацій.

— Да, былъ... обойщикъ... Я позволила выкурить папироску. Даже къ нему ревнуете?..—и, видя, что онъ еще продолжаетъ оставаться въ дурномъ расположеніи духа, принимаетъ выраженье томной усталости:—фи, какъ скучно, дутикъ! Все ты дуешься... Иди поближе, сядь... Я, право, буду думать, что ты меня больше не любишь, дѣдка.

Камбалинъ расплывается въ довольной усмѣшкѣ.

— Ей-Богу, ты—такая странная дѣвчурка! Что же меня влечетъ, какъ не любовь, въ этотъ мятежный пріютъ?.. Да, именно мятежный! Ты—нимфа, увлекающая хитроумнаго Улисса...

Не въ выгодахъ Груши разубѣждать вице-директора въ правотѣ его высокаго мнѣнія о своихъ достоинствахъ, но она все-таки не можетъ удержаться, чтобы не уронить исподтишка:

— А трудолюбивая Пенелопа?.. Работаетъ?.. э?..

На полномъ, бритомъ лицѣ снова—отраженье испуга, обиды.

— Я просилъ уже... Вонъ Поликарповъ, мой бывшій сослуживецъ, отравился, когда до него дошло, что жена живетъ съ начальникомъ отдѣленія. Видишь! Семейный очагъ—моя святыня неприкосновенная.

— Святыня, святыня! чистѣйшая правда...—комически подхватываетъ Портновская, но сейчасъ же мѣняетъ тонъ и роняетъ тихо,

едва слышно:—бѣдный мой, бѣдный Одиссей, какъ мнѣ тебя жалко!.. бездомникъ!.. Я жалѣю всѣхъ бездомныхъ, всѣхъ бродячихъ...

И приземистая фигура съеживается, будто осѣдаетъ, и суживаются глазки, точно готовые расплакаться, часто моргаютъ, и зрачки бѣгаютъ по сторонамъ, какъ мышки, попавшіяся въ ловушку.

— Грушенька... Я не къ тому... Я такой несчастный,—такой несчастный...

«Графинюшка» уже забыла всякое сожалѣнье и сердится.

— А, «надоѣли вы до смерти»!—вырываются у нея слова цыганской пѣсни:—и безъ того горько, скука одолѣваетъ, а тутъ вы всѣ ко мнѣ... со своими печалями, жалобами, да еще нюни распускаете... Ступай-ка къ своей Пенелопѣ! Ждетъ—не дождется тебя... съ женихами сидитъ...

— Зачѣмъ такъ жестоко, зачѣмъ!.. О ней не нужно... не нужно... О тебѣ поговоримъ... Я помню, что обѣщалъ. Вотъ въ конвертѣ, возьми...—и онъ разстегиваетъ сюртукъ дрожащими пальцами, торопится, вынимаетъ и кладетъ на столъ измятый пакетикъ:—я еще немножко посижу... посижу и уйду... Я тамъ, въ сторонкѣ, у камелька... Вѣдь, довольно бранились, теперь и помириться въ пору... Ну, чмокъ-чмокъ...

Сегодня Грушѣ никакъ не удается итти на обычную прогулку. Не успѣла выпроводить вице-директора, явился Вершинскій—худощавый, жилистый, съ мясистыми, чрезмѣрно большими ушами, съ нависшимъ лбомъ и впалыми щеками.

Въ гимназіи, гдѣ онъ преподаетъ исторію и географію, его называютъ Аракчеевымъ.

И въ характерѣ Вершинскаго тоже что-то отъ его двойника: мрачность и грубая чувственность.

— Не догадалась, что вы, г. педагогъ, а то не велѣла бы принимать,—съ отвращеніемъ восклицаетъ Груша, когда его длинная, тонкая шея, прорѣзанная синими жилками, выдѣлилась на зеленомъ фонѣ обоевъ.

— Ругайся, ругайся! Я люблю, когда меня ругаютъ. Въ гимназіи, видишь ли, я издѣваюсь надъ школьниками, а сюда когда прихожу—разрѣшаю, чтобы надо мной издѣвались... Но не очень!.. понимаешь? Не очень... до предѣла... ибо разгнѣваться могу, ха-ха-ха-ха-ха,—и онъ разразился удивительнымъ хохотомъ, не то напоминающимъ странный звукъ поскрипывающихъ качелей, не то заглушенный плачъ совы.

Фрося часто говорила объ этомъ смѣхѣ:

— Какъ лѣшій, прости Господи, заливается,—и всегда крестилась втихомолку.

— И водкой отъ васъ пахнетъ, какъ изъ бочки... Спички нельзя поднести—вспыхнетъ,—продолжаетъ Груша, отмахиваясь носовымъ платкомъ, сильно продушеннымъ, и закашлялась.

— Какой тамъ водкой! Пойди ты, небось, много понимаешь... Ликеры, видишь ли, выпивали, «плошку» смастерили съ мандаринами, коньякомъ и малиновымъ вареньемъ, а теперь, какъ слыхалъ отъ господъ офицеровъ, легкій «дрыгансъ» въ ножкахъ, ха-ха-ха-ха-ха... У насъ мѣстный праздникъ,—престольный, такъ сказать.

— И не стѣсняетесь? Уходите-ка... Я не люблю пьяныхъ.

— И что ты, грѣшная весталка, можешь со мной подѣлать?.. Издѣвайся, издѣвайся!.. Я—ничего... терпѣливъ. Эхъ, да и чертовка же ты! Люблю такихъ... А то какая-нибудь рухлядь, дрыгалка, тьфу!.. Ударь меня плеткой... Я ничего... терпѣливъ. Не хочешь?.. Слушай, за пивомъ можно послать?.. полдюжины, а? Да я съ презрѣннымъ металломъ, не воображай!.. Рѣдко пью, но ужъ если напьюсь—не подходи,—кто мнѣ не по селезенкѣ, первому же попавшемуся—по физіи... А ты меня плеткой стегай, и я—ничего... Но не очень, понимаешь? ха-ха-ха-ха-ха...

Только когда раздался еще одинъ звонокъ и затѣмъ въ передней зазвенѣли шпоры, Груша вздохнула свободнѣй.

— Кто это?—кисло спросилъ Вершинскій и судорожно сморщилъ подбородокъ:—теперь, значитъ, вонъ? адью?

— Ваше дѣло. Непрошеннымъ пришли, безъ разрѣшенія и уйдете.

Глаза ея горѣли лихорадочнымъ блескомъ. Темные круги легли подъ ними, оттѣняя блѣдное, измученное лицо «мистической дѣвушки».

— Не солоно хлебавши?.. здорово!.. Эхъ, чертовка!.. Попадешься мнѣ когда-нибудь...

На порогѣ встрѣтился съ кавалеристомъ, но никакихъ столкновеній не было.

— Pardon, какъ будто я неудачно?.. А, впрочемъ, куда ни шло!..

Груша приняла беззаботный видъ.

— Не стѣсняйтесь, будьте, какъ дома, ротмистръ.

— Жаль, что этотъ болванъ прилѣзъ... разогналъ иллюзію, а, впрочемъ, куда ни шло!.. Я сяду... Я люблю, знаешь, тишину, полумракъ, крѣпкіе духи, кружева, шуршащіе шелка и пылающій, жаркій каминъ... И цвѣты... цвѣты... царство грезъ... Это—восхитительно, восхитительно!.. Но ты—не Груша, нѣтъ! Я буду звать тебя Кларой... Милая Клара...

Онъ закатилъ свѣтлые глаза и погрузился въ мечты.

«Однако, денекъ!—думаетъ Портновская:—часъ отъ часу хуже... Что они? Притворяются или взаправду спятили?..»

Привычная Фрося растапливаетъ каминъ.

Офицеръ медленно курилъ тонкую египетскую папироску.

Голубой дымокъ змѣйкой расплывался и таялъ, смѣшиваясь съ запахомъ приса и опопанакса.

6.

Груша почти готова.

Оставалось надѣть только мѣховой токъ, отдѣланный по модѣ «старымъ золотомъ», и котиковое пальто, принесенные Фросей.

У подъѣзда ожидала тройка, фыркала, и лѣвая пристяжная копытами вздымала снѣгъ, смѣшанный съ пескомъ.

Звенѣли бубенчики. Ямщикъ дремалъ и сквозь сонъ покрикивалъ на лошадей.

Студенты университета, Ветошниковъ и Михаленко, два земляка, увозили «графинюшку» на открытіе загороднаго уголка.

Пригласилъ, собственно, первый—веселый, безшабашный транжира, которому пока все удавалось въ жизни; второй—былъ иного склада: онъ приберегалъ каждую копейку, сознавая, что «судьба-злюка» зорко слѣдитъ за нимъ и жадно ждетъ малѣйшаго промаха, чтобы схватить его желѣзными когтями и не выпускать.

Ветошниковъ смѣялся.

— Ѣдемъ въ злачныя мѣста, а вы оба точно на панихиду собрались.

Михаленко вспыхнулъ и внимательно поглядѣлъ на Грушу.

— Ты знаешь, что я для компаніи, чтобы не разстраивать. Я не люблю кабаковъ... Скучаю въ нихъ.

— Трезвенникъ и цѣломудренникъ!.. Однако посматриваешь направо... Гм... вкусъ у тебя все же хорошъ...—продолжалъ посмѣиваться Ветошниковъ и хлопалъ по плечу, боясь, что онъ разсердится, потомъ порывисто поднялся и подошелъ къ Портновской:—шикъ да и только!.. изумрудное вельветиновое платье... вѣдь такъ?.. мѣховая отдѣлка... матовое личико... Ты просто обворожительна сегодня! Боже!.. Я погибъ.

— Не дурачься,—прошептала Груша, застегивая перчатки и продолжая сохранять серьезность:—у меня плохое предчувствіе, а вотъ ѣду,—наперекоръ здравому смыслу ѣду.

— Чепуха! Бери примѣръ съ меня. Поэтъ сказалъ:

«Я—сынъ моей поры. Она развратна;
Въ ней тлѣнъ и прахъ и мало хрусталю...
Я—сынъ ея, и въ ней люблю всѣ пятна,
Весь ядъ ея люблю»[1]).

— Нашелъ, чѣмъ гордиться!—съ досадой подхватилъ Михаленко, и въ мягкомъ, женственномъ голосѣ его что-то дрогнуло:—постыдился бы Агриппины Семеновны... Она—славный, милый товарищъ. Надо ее уважать, а ты... И твой поэтъ никуда не годится.

[1]) Владиміръ Ж.

Писателю не мѣшало бы пробуждать въ насъ, читателяхъ, бодрыя чувства... надо...

— Не ссориться, иначе я не ѣду,—рѣшительно заявила Груша:— Фрося, одѣваться!

Черезъ нѣсколько минутъ тройка неслась по освѣщеннымъ улицамъ, то пугая, то веселя прохожихъ, у иныхъ вызывая зависть, у другихъ невольный приливъ радости, у третьихъ забытыя воспоминанья, а нѣкоторые даже не замѣчали ея, не слышали ея рѣзваго звона, поглощенные собственными мыслями и тревогами...

Балагурилъ все больше Ветошниковъ.

Михаленко, когда было удобно, подавалъ свои излюбленныя реплики.

— Оглянитесь назадъ, Агриппина Семеновна, на пройденный путь и сбросьте всю эту лживую мишуру... Вы—достойны лучшей доли... Какъ знать? Не суждены ли вамъ великіе порывы?.. Вы—энергичная, смѣлая, бодрая, прекрасная дѣвушка. Передъ вами—будущее...

— Окончится тѣмъ, что ты посватаешься,—небрежно перебилъ его жизнерадостный пріятель и захохоталъ.

— На такихъ, какъ я, не принято жениться! Не безпокойтесь!—рѣзко оборвала Груша и вдругъ наклонилась къ Михаленку близко-близко:—а васъ благодарю, Ваня... да... Рѣдко слышу то, что вы сказали, и вѣрю, что вы—по прямотѣ, вѣрю... дайте, пожму вашу руку... Вы—честный.

— Нѣтъ, господа, такъ не подобаетъ!—возмущался Ветошниковъ:—сегодня съ вами даже пошутить невозможно, сейчасъ контры, недоразумѣнія... высокія фразы,—и онъ затянулъ себѣ подъ носъ:

«Ну же, ямщикъ, погоняй свою троечку!
Ну же, ямщикъ, поскорѣй...»

Залъ, въ который они вошли, казалось, былъ созданъ для «радостей бытія»: ласкающая музыка, нарядная толпа петербургскихъ «открывателей» и «открывательницъ», обиліе цвѣтовъ, много свѣту...

И все-таки чувствовалось, что это все напускное, придуманное, насильно притянутое сюда, что не праздникъ здѣсь, а ползутъ сѣрые будни, надвигаются тяжелыми призраками, и что не здѣсь царство розовой легенды...

Грушу опять мучило ощущенье чьихъ-то острыхъ, рѣжущихъ глазъ, неотступно манящихъ, пронизывающихъ, и оно не проходило, какъ прежде, напротивъ, усиливалось, причиняя прямо физическую боль...

И она рѣшилась, наконецъ, пойти на этотъ упрямый, настойчивый зовъ и взглянуть въ упоръ на невѣдомаго друга или врага, хотя безотчетно и боялась его.

«Нѣтъ, это—врагъ... Друзья такъ не смотрятъ».

— Куда же ты?

— Куда же вы?

И Ветошниковъ, и Михаленко вмѣстѣ обратились къ ней съ одинаковымъ вопросомъ,—такъ поразила она ихъ напряженнымъ выраженіемъ поблѣднѣвшаго лица и страннымъ, сухимъ блескомъ въ глазахъ.

— Я провожу,—добавилъ второй и всталъ.

— Нѣтъ, я не согласна! Посидите. Я скоро вернусь. Останьтесь, говорю вамъ!

Оба студента застыли подъ звукомъ ея ледяного голоса, и даже Ветошниковъ не пытался, по обыкновенію, вышучивать.

Все же они невольно слѣдили за ней, пока Груша не скрылась за поворотомъ, гдѣ стояли пальмы, и видѣли, минуту спустя, какъ неизвѣстный какой-то мужчина тоже поднялся изъ-за столика и пошелъ за ней.

«Можетъ, случайно?»—подумалъ Михаленко.

«За ней или самъ по себѣ?»—мелькнуло въ мозгу Ветошникова.

Груша очутилась въ гостиной, прошлась до трельяжа, затѣмъ быстро повернулась и встрѣтилась лицомъ къ лицу съ Подлетаевымъ.

Навѣрно не узнала бы его, такъ онъ возмужалъ, измѣнился, обросъ рыжеватой бородой, но глубокій шрамъ выдавалъ его и темное пятно возлѣ ноздри.

«Лицо дикой рыси и на лбу—Каинова печать»...—пробѣжалъ, какъ молнія, зигзагъ мысли.

Она вздрогнула и зажмурилась, но черезъ секунду уже поборола волненіе и отвѣчала твердымъ взглядомъ на его неподвижный взглядъ.

Заговорили, не здороваясь, словно только что видѣлись.

— Мнѣ писали, что вы пріѣдете,—безучастно первая обратилась она къ нему, и не было на лицѣ ея ничего, промѣ отчужденности.

Онъ, не отрываясь, продолжалъ разглядывать ее съ ногъ до головы и молчалъ, а когда Груша предложила сѣсть на диванъ, чтобы не обращать вниманія постороннихъ, Подлетаевъ неохотно повиновался и присѣлъ бокомъ, нѣсколько поодаль отъ нея, будто стѣсняясь близкаго сосѣдства.

— Да, я давно въ Петербургѣ, больше мѣсяца, а завтра уѣзжаю,—протянулъ онъ и опустилъ рѣсницы:—я узналъ всю твою подноготную... Справлялся и на службѣ... дуракъ! Думалъ, глупая деревенщина, что дѣйствительно ты служишь. Разъ десятокъ подходилъ къ твоей двери и не рѣшался позвонить. Однажды, какъ мальчишка, потащился за тобой по пятамъ и даже звалъ тебя по имени, но голосъ оборвался, слова застряли въ горлѣ, и ты не услы-

хала. Сколько разъ хотѣлъ заставить твои безстыжіе глаза увидѣть меня и не могъ... Недѣли двѣ шлялся по улицамъ и закоулкамъ, какъ шальной,—себя винилъ, а потомъ отрезвился. «Что ей!—думаю:—дослужилась до *графинюшки*... Чего же еще?..»

Начавъ почти шопотомъ, онъ все возвышалъ голосъ, горячился, и щеки его то блѣднѣли, то краснѣли. Шрамъ ярко выступалъ багровой впадиной, и Груша почему-то не спускала съ него глазъ. Это еще болѣе раздражало Подлетаева.

— Хорошо,—процѣдила она сквозь зубы, когда онъ примолкъ:— съ какой же цѣлью вы такъ долго присматривались ко мнѣ? Развѣ эти восемь лѣтъ вы поинтересовались когда-нибудь моей участью?.. Развѣ я обязана давать вамъ отчетъ въ своихъ поступкахъ?..

— Не мнѣ, а тому, кто поручилъ мнѣ узнать, какъ ты живешь... Неужели ты хотѣла бы, чтобы о немъ говорили: «отецъ той самой, которая...».

— Остановитесь же, довольно! слишкомъ довольно!—вскипѣла Груша и чувствовала, что кровь отливаетъ отъ мозга и голова кружится:—зачѣмъ отца вспоминать!.. И такъ вдосталь натѣшились... его-то не трогайте, по крайней мѣрѣ! Слышите вы, рыцарь?..

«Лицо дикой рыси», какъ подумала о немъ Груша, загорѣлось отъ задѣтаго самолюбія.

— А, вы не просите, вы требуете!.. Вы въ самомъ дѣлѣ—*графинюшка*,—перешелъ онъ на «вы» и выпрямился:—я, стало быть, правильно поступилъ... совѣсть моя теперь чиста.

Они сразу оба поднялись съ дивана, и Портновская вплотную приблизилась и заглянула къ нему прямо въ глаза, безпокойные, бѣгающіе (еще недавно съ неподвижнымъ взглядомъ), и сердитые, и точно сконфуженные, такъ что онъ отступилъ на шагъ. И вдругъ поняла... Углы рта какъ-то опустились; мускулы лица ослабѣли; муть заслонила зрѣніе.

— Думалъ, у твоихъ ногъ буду валяться, милости вымаливать?.. Написалъ отцу?.. да?

— Да... какъ честный человѣкъ... не могъ смолчать.

— Такъ ты бы меня лучше убилъ, а то старика!.. Честный человѣкъ!..—и засмѣялась вдругъ такимъ тихимъ, чужимъ смѣхомъ, въ которомъ вылились и отчаянье, и страданье, и презрѣнье, и пережитыя горести, и разбитая вѣра; по глаза были сухіе и не могли плакать.

Веселый мотивъ несся изъ сосѣдней залы, точно дразнилъ воображенье, обѣщая утѣхи. Мелькали фигуры пріѣзжающихъ и уходящихъ.

— Я знаю,—такъ лучше,—сказалъ Подлетаевъ глухимъ, упавшимъ голосомъ:—ты полагаешь, мнѣ легко?.. Я во имя справедливости, не по злобѣ... Старику надо было прозрѣть... Твои деньги— нехорошія деньги... Согласна?

— Эхъ ты, честный человѣкъ съ хорошими деньгами! А помнишь, когда я ходила въ епархіальное училище и ты еще называлъ меня «пархалочкой», кто обѣщалъ братомъ моимъ быть, горой за меня стоять, э?..

— Сама виновата... ушла отъ насъ... Отрѣзанный ломоть.

— Ушла въ искупительную даль, а ты этого и не понялъ своимъ лбомъ... Лгала передъ отцомъ святой ложью,—ты и этого не уразумѣлъ, справедливый человѣкъ. Всю себя въ жертву принесла, ничего для себя не оставила, кромѣ одинокой муки,—ты и тутъ заклеймилъ меня... Проходи же, проходи, Степа!.. Нѣтъ у меня словъ для тебя... Все сказано...

— Груша...—что-то вродѣ стона вырвалось у него, когда онъ услышалъ свое имя.

Но она ускользнула отъ него, когда онъ пытался ее удержать, и направилась въ залу, гдѣ Ветошниковъ уже сидѣлъ съ какой-то пѣвичкой, а Михаленко мрачно посматривалъ по направленію идущей Груши и волновался.

— Опоздала!.. твое мѣсто занято... Бросила насъ... я обидѣлся... Ну, присядь, все-таки... я шучу...

Замѣтно было, что Ветошниковъ подвыпилъ и говорилъ нетвердо.

Михаленко вскочилъ, какъ ужаленный.

— Агриппина Семеновна, видите, куда вы попали!—вскричалъ онъ, еле сдерживая возмущенье и гнѣвъ на товарища, и тутъ только обратилъ вниманіе на перемѣну ея лица:—что съ вами, Бога ради?.. вамъ нездоровится?

— Проводите меня,—съ трудомъ отвѣчала она и, не смотря на Ветошникова, который въ это время любезничалъ съ новой своей избранницей, повернулась и пошла.

Перекрестные взгляды сопутствовали ей, улыбки, замѣчанія.

Она двигалась, какъ въ туманѣ. «Волки... волки...»—мелькнуло у нея въ мозгу.

— Сядемъ на простого извозчика... Мнѣ, Ваня, много,—много нужно вамъ поразсказать.

Полусонная лошадь бѣжала легкой рысцой.

— Вы обидѣлись на Володю?—спросилъ студентъ, еще не понимая, въ чемъ дѣло:—не стоитъ!.. по пьяному дѣлу.

— На Володю? Кто это—Володя?.. Охъ, я такъ далека и отъ него, и отъ всего этого міра... Они позади остались, на тысячу верстъ... Какъ вы говорили на тройкѣ?... Да, да, помню: «передъ вами—будущее... вы достойны лучшаго... вы—энергичная, смѣлая... прекрасная»... Благодарю васъ, благодарю! Если бы не вы, не ваша вѣра въ меня, можетъ, я бы теперь на себя руки наложила... а вы согрѣли мою душу... благодарю.

Еще недавно гордая, неприступная «графинюшка», — она прислонилась къ его плечу и заплакала тѣми почти беззвучными,

чистыми слезами, которыми плачутъ иногда дѣти послѣ какой-нибудь горькой обиды.

И Михаленко невольно обнялъ ее и старался, какъ могъ, утѣшить, когда она, вздрагивая и всхлипывая, разсказывала повѣсть своей жизни.

— Вы не забыли Некрасова?

«Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы—смѣлымъ терпѣньемъ богаты;
Пусть мирно свершится вашъ путь роковой,
Пусть васъ не смущаютъ утраты!»

Вотъ и я вамъ скажу: бѣгите отсюда, бѣгите изъ этого звѣринаго логовища!.. Я придумаю что-нибудь для васъ... Я и отцу вашему напишу, хоть и незнакомъ съ нимъ... даже поѣду къ нему, если нужно... Успокойтесь!

Не прошло и недѣли, какъ «графинюшка» скрылась съ петербургскаго кругозора, и никто не зналъ, куда.

Одинъ Михаленко, можетъ быть, зналъ.

Онъ твердо вѣрилъ, что Груша не изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя погибаютъ.

— Если она вернется,—вы не узнаете ея.

Такъ говорилъ онъ Ветошникову и другимъ, и глаза у него сіяли, точно онъ вспоминалъ или видѣлъ что-то свѣтлое, хотя кругомъ ползли сѣрые будни, надвигались тяжелыми призраками...

VIII.

Въ сѣтяхъ.

1.

Французская гражданка Сюзаннъ Пье имѣла роскошную квартиру, занимавшую цѣлый этажъ на одной изъ боковыхъ улицъ, прилегавшихъ къ главному проспекту.

Комнаты были изысканно меблированы. Все свидѣтельствовало объ утонченномъ вкусѣ хозяйки.

Почти ежедневно у нея—наплывъ гостей, которыхъ, однако, впускаетъ горничная не иначе, какъ по особому паролю. Это правило распространялось на всѣхъ, за исключеніемъ князя Караксари.

Его блестящій военный мундиръ, обходительность, красивая наружность и связи въ обществѣ служили необходимымъ украшеніемъ салона француженки.

Иные приносили сюда деньги, князь—давалъ вывѣску. Одно другого стоило.

Сюзаннъ, съ своей стороны, предлагала гостямъ то, что они искали и къ чему неудержимо стремились, т. е. игрокамъ—возможность попытать счастье у «золотого стола», любителямъ и любительницамъ приключеній—соотвѣтствующія встрѣчи и знакомства.

Въ распоряженіи француженки имѣлись опытные посредники и посредницы, доводившіе до ея свѣдѣнія о новыхъ лицахъ, которыхъ желательно было бы привлечь въ салонъ.

Разумѣется, глубокая тайна покрывала каждую встрѣчу.

Допускались одинаково и подростки, и старики.

Сюзаннъ Пье богатѣла.

Даже иностранныя конторы обращались иногда къ ней насчетъ поставки «живого товара».

Дѣло расширялось.

Любя искусство, Сюзаннъ устраивала разъ въ мѣсяцъ «эстетическіе вечера», на которые приглашала «избранныхъ».

Князь всегда бывалъ среди нихъ и, когда чувствовалъ себя въ ударѣ, танцовалъ лезгинку съ кинжаломъ.

Тутъ впервые увидѣлъ онъ танцовщицу Мерседесъ.

Она исполняла рѣдкій танецъ, вывезенный съ Востока, «Ночь одалиски».

Подъ нѣжные звуки рыдающихъ скрипокъ склонялись ея колѣни, и танцовщица замирала, потомъ вдругъ зажигались ея глаза, распускались волосы, руки простирались и начинали метаться, словно въ ужасѣ отгоняя кого-то... Послѣ безчисленныхъ оттѣнковъ страха и гнѣва, Мерседесъ тихо поднималась, расправляла гибкій станъ, мчалась, ускользала, вертѣлась вихремъ и падала въ изнеможеніи на пушистый коверъ, а музыка продолжала свой надрывающій душу мотивъ.

Восхищенный князь сидѣлъ затѣмъ между Сюзаннъ и Мерседесъ и, посматривая на обѣихъ любвеобильными глазами, напѣвалъ вполголоса:

«Entre les deux mon coeur balance
Et je ne sais le quel aimer».

2.

Поѣздъ приближался къ городу * **.

Въ вагонѣ 1-го класса мало пассажировъ: какой-то старикъ, не разстающійся съ газетой и сигарой, военный докторъ съ книгой

въ рукѣ и видный мужчина въ штатскомъ, широкоплечій, высокій, съ отличнымъ цвѣтомъ лица, пышащій здоровьемъ.

Онъ медленно пускалъ кольца дыма и о чемъ-то думалъ или просто имѣлъ видъ размышляющаго.

На послѣдней остановкѣ въ вагонъ вошли двѣ француженки въ сопровожденіи офицера, внося крѣпкую струю духовъ, оживленіе и веселость.

Нарядныя, всегда готовыя фразы такъ и полетѣли, закружились, заполонили купе для курящихъ.

Обѣ француженки не отличались красотой, но изящные костюмы, удивительныя шляпы и художественный гримъ дѣлали свое дѣло.

По крайней мѣрѣ ихъ кавалеръ, жгучій брюнетъ южнаго типа, небольшой, но прекрасно сложенный, казался очарованнымъ, и тенорокъ его звучалъ такъ же пронзительно, какъ звучитъ зурна подъ небомъ его родины.

«Актерки!» съ пренебреженіемъ рѣшилъ въ умѣ штатскій и беззаботно покуривалъ, словно не замѣчая вошедшихъ.

Обѣ громко и свободно разговаривали, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ.

Старикъ пріостановилъ чтеніе газеты и бросалъ на нихъ недовольные взоры.

Одна, которую офицеръ называлъ Сюзаннъ, довольно беззастѣнчиво, точно дама, нанимающая въ конторѣ выѣздного лакея, разглядывала въ лорнетъ широкоплечаго сосѣда и наконецъ сказала, почти не понижая голоса и, вѣроятно, разсчитывая, что онъ не понимаетъ по-французски, или нарочно прикидываясь наивной, чтобы поставить незнакомца въ неловкое положеніе:

— Какой красавецъ! Интересно, кто онъ...

— Шведъ,—отвѣчала другая:—посмотри, навѣрно, силачъ... O, mon Dieu! Любить такого мужчину...

Всѣ трое расхохотались.

Старикъ опять сердито обернулся, и только докторъ не отрывался отъ книги.

Штатскій равнодушно закуривалъ новую папиросу, стараясь войти въ роль не понимающаго.

Бываютъ нерѣдко мужчины, не принадлежащіе къ женскимъ поклонникамъ, проходящіе мимо самыхъ обольстительныхъ красавицъ съ видомъ спокойныхъ наблюдателей.

Онъ именно былъ такимъ, хотя и носилъ обручальное кольцо, слѣдовательно, отдалъ дань увлеченью, можетъ быть, разсудочному, холодному, но все-таки увлеченію.

— Прекрасенъ, какъ Аполлонъ... N' est ce pas? И, вообрази, женатъ!.. какая глупость!—вновь подхватила Сюзаннъ.

— Однако, ma chérie, если онъ пойметъ,—прокартавилъ офицеръ.

Но та снова защебетала:

— Давай держать пари, что онъ атлетъ изъ цирка?... Что ты скажешь, Мерседесъ?

— Скорѣй массажистъ...—и, наклонившись къ самому уху Сюзаннъ, что-то прибавила, но такъ осторожно, что даже офицеръ не разобралъ, и обѣ сейчасъ же залились увлекающимъ хохотомъ.

Штатскій не выдержалъ и посмотрѣлъ на нихъ въ упоръ.

Въ это время и старикъ съ газетой метнулъ по направленію штатскаго недоумѣвающій взглядъ, полный соболѣзнованія, точно пытаясь внушить ему на разстояніи какую-то мысль; даже докторъ сталъ прислушиваться и отложилъ книгу.

— Mesdemoiselles,—заговорилъ вдругъ широкоплечій красавецъ на великолѣпномъ французскомъ языкѣ, и чувствовалось, что онъ плѣненъ пѣвучестью собственнаго баритона:—я не имѣю чести принадлежать къ вашей изысканно-вѣжливой національности; я—*русскій* и нисколько отъ этого не страдаю, такъ какъ держу себя въ обществѣ, даю вамъ слово, не хуже нѣкоторыхъ иностранцевъ, и, хотя массажемъ не занимаюсь и въ циркѣ не состою борцомъ, какъ вы полагаете, тѣмъ не менѣе, надѣюсь, вы не возьмете назадъ вашего лестнаго мнѣнія обо мнѣ...

Говорилъ онъ съ достоинствомъ и какъ будто немного сердился и задиралъ, но глаза сохраняли попрежнему пріятное выраженіе самодовольства.

Лицо старика съ газетой сіяло искреннимъ восхищеніемъ. Онъ, видимо, былъ вполнѣ удовлетворенъ.

Француженки лукаво перемигнулись и, пожалуй, готовились продолжать легкую бесѣду съ красавцемъ, но ихъ кавалеръ сразу какъ-то поблѣднѣлъ, началъ шептаться съ ними, и, видя, что поѣздъ уже подходитъ къ платформѣ, рѣзко всталъ и съ вызовомъ обратился къ штатскому по-русски, при чемъ слова произносилъ хотя и правильно, но съ акцентомъ:

— Съ незнакомыми я обыкновенно не разговариваю, но вы позволили себѣ вступить въ бесѣду съ моими дамами, которымъ вы не были представлены...

Голосъ его дрожалъ отъ волненія и въ глазахъ пылали угольки.

— Совершенно вѣрно. Я тоже не бесѣдую съ незнакомыми, а обыкновенно попросту учу ихъ, если они не умѣютъ себя прилично держать.

Офицеръ вспыхнулъ и вынулъ порывистымъ движеніемъ визитную карточку.

Поѣздъ остановился.

Бѣжали носильщики. Мелькали фигуры жандармовъ, таможенныхъ, начальника станціи.

— Прошу покорно... Я къ вашимъ услугамъ.

— Не угодно ли, если такъ, и мою...—и, обращаясь къ старику, который съ окуркомъ сигары въ зубахъ поровнялся съ нимъ, штатскій процѣдилъ, но такъ, что офицеръ, бывшій у дверей, могъ разслышать:—громкая фамилія и хорошій мундиръ, а поступки...

— Милостивый государь, я не позволю!.. Вы мнѣ отвѣтите!..—взвизгнулъ офицеръ и хотѣлъ броситься назадъ, но француженки схватили его подъ руки, стараясь успокоить, хотя онъ и упирался, и вытащили изъ вагона.

На визитныхъ карточкахъ были слѣдующія имена:

1) Князь Эсперъ Эсперовичъ Караксари, N-скаго полка.

2) Ксенофонтъ Максимовичъ Гавриловъ, отставной полковникъ.

3.

Черезъ два-три дня состоялась дуэль, на которой князь былъ смертельно раненъ, а Гавриловъ принужденъ былъ поторопиться отъѣздомъ въ далекое путешествіе «съ научной цѣлью».

Караксари былъ популярнымъ, въ особенности среди дамскаго круга, и его смерть встрѣчена была взрывомъ негодованія по адресу Гаврилова и француженокъ.

Было много опечаленныхъ. Надѣли трауръ.

На француженокъ чуть не показывали пальцами, и въ обществѣ невольно стали интересоваться тѣмъ, кто онѣ такія.

Если профессія Мерседесъ, какъ танцовщицы, не внушала особенныхъ подозрѣній, то положеніе Сюзаннъ, дѣятельность которой обставлялась какой-то тайной полишинеля, развязывало языки и заставляло строить различныя легенды на ея счетъ.

Все это было невыгодно ей, и Сюзаннъ Пье, скрѣпя сердце, рѣшила временно перенести свое учрежденіе въ другой городъ.

Исчезла и Мерседесъ, чтобы не возбуждать излишнихъ толковъ. Имя «убійцы князя» запечатлѣлось въ памяти Сюзаннъ огненными буквами, какъ имя человѣка, который не только лишилъ ее близкаго и очень нужнаго друга, но и разрушилъ ея выгодное дѣло.

Она кипѣла негодованіемъ и дала себѣ слово отомстить «русскому медвѣдю».

Своей довѣренной экономкѣ, Марьѣ Петровнѣ, она оставила рядъ наставленій:

1) слѣдить за настроеніемъ въ городѣ, чтобы, при первой возможности, когда утихнутъ сплетни, вызвать ее обратно;

2) открыть меблированныя комнаты, куда пускать только желательныхъ лицъ, чтобы постоянно имѣть наготовѣ надежный уголокъ;

3) если вернется Гавриловъ, безъ вѣсти пропавшій, немедленно донести ей объ этомъ.

И вотъ роскошная квартира въ бельэтажѣ въ одинъ прекрасный день оказалась запертой.

Швейцаръ всѣмъ объявлялъ: «Барыня уѣхали за границу и неизвѣстно, когда изволятъ вернуться».

Золотой столъ пересталъ собирать звонкую жатву.

Залъ не оглашался больше звуками рояля и скрипокъ.

Въ укромныхъ гостиныхъ не раздавалось влюбленнаго шепота.

Еще наканунѣ состоялся «эстетическій вечеръ», привлекшій нарядную публику. Правда, въ пѣніи и въ декламаціи, въ разговорахъ чувствовалась элегія, и приглашенные чутьемъ угадывали, что среди нихъ должна незримо присутствовать тѣнь князя; но никто не предполагалъ, что это послѣдній вечеръ.

А черезъ мѣсяцъ уже распродавались вещи.

Теперь не сомнѣвались, что Сюзаннъ Пье не вернется назадъ.

Общество, привыкшее скоро забывать самыя дорогія имена, еще разъ на минуту вспомнило князя Караксари и сдало его въ архивъ, гдѣ хранятся милліоны другихъ позабытыхъ именъ...

4.

Прошло нѣсколько лѣтъ.

Гавриловъ снова появился на горизонтѣ.

Любитель сильныхъ ощущеній, онъ не только изъѣздилъ разныя экзотическія страны въ качествѣ путешественника, но и принималъ близкое участіе въ войнѣ буровъ съ англичанами.

Избытокъ силъ, бившихъ ключомъ, заставлялъ отставного полковника искать для нихъ выхода то въ томъ, то въ другомъ предпріятіи, подчасъ рискованномъ, которое, однако, давало нѣкоторое удовлетвореніе его мятущейся душѣ.

Попадаются иногда мощныя натуры, созданныя какъ бы для героическихъ подвиговъ, но современная тусклая жизнь, чуждая понятій о сказочныхъ богатыряхъ, не открываетъ имъ подходящей обстановки, и витязей мы что-то не замѣчаемъ.

Среди повседневной суеты, они теряютъ все свое эпическое обаяніе и нерѣдко вызываютъ у насъ улыбку, вмѣсто восторга.

Можетъ быть, въ эпоху былинъ Гавриловъ занялъ бы мѣсто рядомъ съ Алешей Поповичемъ или кѣмъ-нибудь инымъ, но теперь онъ просто казался «человѣкомъ со странностями», «воякой», «бреттеромъ», даже «авантюристомъ»... Особенно доставалось ему, когда вспоминали случай съ княземъ Караксари... Впрочемъ, сейчасъ же объ этомъ забывали.

Жена Гаврилова, миловидная шатенка съ нѣжными чертами грустнаго лица, хрупкая, скромная, была рада, что мужъ опять вмѣстѣ съ нею...

Подвижной правъ не позволялъ ему, однакожъ, отдыхать, и вотъ «бурскій герой», какъ окрестили его друзья и недруги, началъ читать публичныя лекціи о видѣнномъ и пережитомъ, о Трансваалѣ и пр.

Любопытные переполняли аудиторію.

«Читаетъ *тотъ* Гавриловъ!»—этого было достаточно для матеріальнаго успѣха лекцій.

Какъ-то утромъ пріѣхалъ къ нему на квартиру невысокій блондинъ, лѣтъ тридцати—тридцати пяти, съ рыжеватой бородкой и закрученными кверху жидкими усиками. Заикаясь и, повидимому, конфузясь, онъ разсыпался въ похвалахъ.

— Не пропускалъ ни одного вашего собесѣдованія... Изумительная манера передачи! Радъ представиться вамъ...—торопливо громоздилъ онъ фразу на фразу, искательно улыбался, сверкалъ зрачками и ежеминутно шаркалъ правой ногой.

На лесть падки не одни мелкіе и слабые. Лесть побѣждаетъ крѣпкихъ и сильныхъ съ той же изобрѣтательной находчивостью.

И Гавриловъ увлекся похвалами.

Новый знакомый, Графининъ, занялъ въ его сердцѣ маленькій, но вѣрный уголокъ. Завязалась, если не настоящая дружба, то теплая привязанность.

У сильныхъ—много довѣрчивости.

Графининъ началъ заѣзжать къ нему все чаще и чаще подъ различными предлогами: то осмотрѣть коллекцію вывезенныхъ предметовъ, то получить какое-нибудь разъясненіе.

Въ концѣ концовъ онъ нерѣшительно заявилъ:

— Ксенофонтъ Максимовичъ, я довольно васъ эксплоатировалъ. Больше не въ моготу!.. Хотите или нѣтъ читать мнѣ лекціи на дому, давать уроки?.. Я собираюсь въ Трансвааль и въ Абиссинію поѣду (поэзія моей жизни!)... Множество плановъ!! Ожидается сближеніе Россіи съ Менеликомъ... Сколько перспективъ! Вы понимаете меня? Я—человѣкъ особаго уклада... Желаю выдвинуться... Понимаете меня? Вы—единственный, кто дастъ мнѣ нужную подготовку...

Графининъ точно гипнотизировалъ его узкими, зелеными глазами, какъ-то тревожно бѣгающими по сторонамъ.

Гавриловъ отнѣкивался, потомъ согласился.

Предложенная сумма вознагражденія вполнѣ устраивала его. Онъ любилъ деньги.

Два раза въ недѣлю онъ неизмѣнно посѣщалъ своего слушателя, вводя его въ курсъ этнографіи, исторіи, географіи, даже политики тѣхъ странъ, которыя такъ привлекали Графинина.

Отъ полковника страшно, при этомъ, доставалось сентъ-джемскому кабинету, и уроки воспринимались съ явнымъ удовольствіемъ.

— Хорошо вы говорите, Ксенофонтъ Максимовичъ! Если бы мнѣ да вашъ языкъ...—подшучивалъ Графининъ и какъ-то криво усмѣхался.

Иногда въ его комнату заходила хозяйка квартиры, уже не особенно молодая, но еще не лишенная возможности нравиться.

Въ углахъ ея рта лежало что-то чувственное, и это отталкивало отъ нея Гаврилова... И въ глазахъ ея не было доброты, хотя она и старалась быть доброй.

5.

Лекціи читались мѣсяца полтора.

— Я къ вамъ съ просьбой,—вскричалъ какъ-то Графининъ, обращаясь къ Гаврилову:—завтра у моей хозяюшки, Марьи Петровны, праздничная вечеринка. Именинница и васъ будетъ просить къ себѣ... Не упирайтесь!.. Я знаю васъ...

Когда онъ что-нибудь говорилъ и въ глазахъ его вспыхивалъ зеленоватый огонекъ,—всегда казалось отставному полковнику, что тамъ гдѣ-то глубоко, внутри, у этого невзрачнаго человѣка идетъ какая-то постоянная творческая работа и что слова только мѣшаютъ ее разгадать. Эта будто вдавленная въ плечи голова точно находилась во власти гнетущихъ думъ.

— Нѣтъ, спасибо, не буду... Я не пью, не играю въ карты, за женщинами не ухаживаю... Я—скучный въ веселомъ обществѣ,—подбиралъ доводы Гавриловъ, хотя ему было и неловко отказывать въ просьбѣ.

Вошла Марья Петровна, на этотъ разъ немного изможденная, можетъ—отъ безсонной ночи, можетъ—отъ нездоровья, и зажурчала, складывая губы бантикомъ, словно приготовляясь къ поцѣлую:

— И не прощу вамъ этого!.. Въ кои-то вѣки собралась... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..

— Да вы развѣ подслушивали?—съ неудовольствіемъ спросилъ Графининъ, дѣлая непріятную гримасу.

— Такъ и стану подслушивать, еще бы! Кричите на весь коридоръ, а я проходила...

Въ ея сердитомъ возгласѣ уже не было прежняго журчанья. Чтобы прекратить непріятную сцену, Гавриловъ, неожиданно для самого себя, принялъ приглашеніе.

— Такъ и быть, на часокъ... Не хочу васъ обидѣть,—протянулъ онъ, съ видимымъ усиліемъ, стараясь притвориться любезнымъ, и сейчасъ же подумалъ: «И зачѣмъ я ломаюсь!.. дурака свалялъ... что общаго между мной и этой старой куклой?».

— Вотъ славно!.. Благодарствую... Дайте ручку пожать... Безъ васъ былъ бы и вечеръ не вечеръ.

А Графининъ сверкалъ зрачками и потиралъ ладони.

— Впередъ, Марья Петровна, возьмите себѣ за правило: стучать, когда входите,—бросилъ онъ ей вслѣдъ и усмѣхнулся.

— Ладно ужъ!.. Такой стукъ подыму, что останетесь рады... хоть святыхъ выносить...

«Какъ будто ссорятся и какъ будто забавляются», размышлялъ Гавриловъ, когда они перекидывались колкими фразами. Съ каждымъ днемъ онъ подмѣчалъ разныя странности въ ихъ домѣ, въ которыхъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета, и то хорошее чувство, что сначала вызвалъ въ немъ Графининъ, мало-по-малу замѣнялось смутнымъ сомнѣніемъ, недовѣріемъ... Лекціи стали его тяготить, представлялись ему совершенно ненужными, и онъ уже мечталъ о прекращеніи ихъ.

«Даромъ деньги беру».

Когда, вернувшись, разсказалъ женѣ о приглашеніи, она пожала плечами.

— Охота!.. какой-нибудь игорный притонъ... Еще попадешься!..

Ему захотѣлось подразнить ее.

— Ну, что жъ, опущусь на колѣни передъ твоей кроватью и со слезой жалобно начну ныть: «прости, женушка, твой муженекъ *продувекался*»... — но не выдержалъ и тутъ же засмѣялся.

— Шутка—шуткой, а мнѣ почему-то непріятно, что ты туда идешь.

— На предчувствіяхъ, Настя, нельзя строить жизнь... Гавриловъ не утонетъ и въ огнѣ не сгоритъ... «Рожденный женщиной меня не покоритъ», съ улыбкой перефразировалъ слова Шекспира.

— Это тоже предчувствіе?

— Нѣтъ, это—увѣренность сильнаго,—гордо вскричалъ Гавриловъ и вдругъ задумался.

6.

Въ квартирѣ Марьи Петровны было сильно натоплено и накурено. Маленькія комнаты, убранныя «случайной» мебелью и различными безвкусными бездѣлушками, казались еще меньше, когда (довольно поздно) появилась рослая, широкоплечая фигурка Гаврилова.

Гости, какъ сонныя мухи, бродившіе изъ угла въ уголъ или сидѣвшіе за картами, тоже имѣли отпечатокъ какой-то бутафорской случайности. Исключеніе составляли оживленно бесѣдовавшіе о чемъ-то Графининъ и Тупиковъ,—худой старикъ съ длинной сѣдою бородой, кокетливо подвитой. Изъ-подъ его нависшихъ черныхъ бровей свѣтились смѣющіеся, хитрые глазки, ежеминутно скользившіе по лицу отставного полковника, когда тотъ этого не замѣчалъ.

Именинница юлила, стараясь угодить каждому изъ «почетныхъ» гостей. На остальныхъ не обращала вниманія, точно они служили живой декораціей «безъ рѣчей».

Гавриловъ не зналъ, какъ себя держать, и, немного поболтавъ, порывался уйти, но его не пускали. Особенно лѣзли изъ кожи Графининъ и Тупиковъ, чтобы всячески занять его, и ледъ, наконецъ, сломался.

Ксенофонтъ Максимовичъ безпрекословно усѣлся за карты.

«Э, да все равно!—подумалъ онъ:—держу себя недотрогой... Надо же и ихъ пожалѣть... Надоѣлъ имъ порядкомъ... Какіе любезные, а я—настоящій индѣйскій пѣтухъ...»

— Какъ стоитъ барометръ?—таинственно спросила Марья Петровна, когда Тупиковъ подошелъ къ ней и не было постороннихъ свидѣтелей.

Лицо его вдругъ приняло непріятный видъ, точно онъ проглотилъ что-то невкусное, но глазки неизмѣнно посмѣивались.

— Все хорошо, что хорошо кончается, —еле слышно процѣдилъ онъ, держа въ зубахъ папиросу и усиленно дымя:—Сусаннѣ Карловнѣ заготовилъ телеграмму...

— Я боялась, что не придетъ... Помните одно: мы обѣщали и намъ обѣщали...

— Дѣйствуйте по хозяйству... Такъ-то лучше!—перебилъ онъ ее и повернулся къ окну.

Марья Петровна проплыла въ сосѣднюю комнату, и черезъ нѣсколько минутъ донесся стукъ тарелокъ.

Графининъ игралъ сосредоточенно и дѣлалъ недовольное лицо, когда подходилъ Тупиковъ.

— Вы — положительно «porte-malheur», — съ досадой шепталъ онъ.

Подали вино и разлили по стаканамъ. Одинъ Гавриловъ не пилъ, даже губами не притронулся.

Ему необыкновенно везло, и щеки его разгорались румянцемъ. Старикъ съ длинной бородой похаживалъ около играющихъ и загадочно улыбался.

— Новичковъ Богъ любитъ,—приговаривалъ онъ.

— Вы еще поиграйте. Тѣ отужинаютъ, а потомъ и мы сядемъ, а иначе тѣсно, повернуться негдѣ...—оправдывалась хозяйка, ежеминутно перебѣгавшая изъ комнаты въ комнату, и томно поглядывала на полковника.

Игра шла съ повышеннымъ азартомъ.

Графининъ проигрывалъ и волновался.

Уже было довольно поздно, когда положили карты и перекочевали въ столовую.

— Не подозрѣвалъ, что я увлекусь зеленымъ полемъ... Ахъ, какъ я засидѣлся! Что-то небывалое... Жена безпокоится... Да я и не ужинаю, — сказалъ Гавриловъ, пытаясь ускользнуть въ переднюю:—видите, уже многіе уѣхали, пока мы картежничали!

— Совсѣмъ нѣтъ!—немного смутившись, преувеличенно горячо запротестовала Марья Петровна, становясь въ дверяхъ и не пропуская его:—кто, правда, ушелъ, а кто—въ сосѣдней квартирѣ, банчокъ открыли... тоже, вѣдь, моя! Не слыхали развѣ? Первая очередь откушала, теперь чередъ для второй, болѣе почетной, а вы—наипочетнѣйшій. Выпейте же хоть рюмку за мое здоровье.

— О, я—непьющій!... Горбатаго могила исправитъ.

Тупиковъ замахалъ руками.

— Полковникъ, дама проситъ, а вы... не вѣрю, не вѣрю! Незачѣмъ водки, вина выпейте... а то вотъ этого... моего... какъ, бишь, его?.. Марья Петровна, забыли? а? Еще просили... я старался, стариной тряхнулъ. Признаться, давно оставилъ всѣ хозяйственныя заготовки... Гдѣ мнѣ, старику! Ну, ради именинъ почтенной Марьи Петровны...

— Господи, въ самомъ дѣлѣ!.. Эка память!..

Всплеснула руками и убѣжала.

Графининъ и Тупиковъ пересмѣивались не то лукаво, не то сконфуженно.

— Пальчики оближете!

— Превкусно!

Въ одинъ голосъ протянули оба.

— Да что это такое?—заинтересовался Гавриловъ.

— Умственная штука! — подтвердилъ старикъ, поглаживая бороду:—мы называемъ «лампопо̀...» У Даля, конечно, нѣтъ подобнаго словца. На корку, видите ли, солдатскаго хлѣба съ мукой наливается пиво, и все это ставится въ духовку часа на два... Попробуйте! Я отъ одного офицера научился. Гурманъ былъ!

Говоритъ, а у самого плотоядное выраженье и губы причмокиваютъ.

Тутъ и Марья Петровна пришла съ глинянымъ сосудомъ.

Въ комнатѣ запахло пивомъ и еще чѣмъ-то, чего не могъ разобрать Гавриловъ.

«Какіе домовитые!»—подумалъ онъ.

— Покушайте балычка, ветчинки... А это на закусочку... за мое здоровьице,—пѣла Марья Петровна, какъ-то избѣгая его взгляда.

Ксенофонтъ Максимовичъ сознавалъ, что находится точно подъ какимъ-то назойливымъ гипнозомъ.

Невѣдомый кругъ словно замкнулъ его и все суживался и суживался.

Всѣ были до крайности предупредительны, всѣ улыбались и съ заискивающимъ видомъ угощали его и смотрѣли на него масляными глазами.

Именинница налила въ стаканъ таинственное «лампопо» и поднесла полковнику.

— За мое здоровье, господинъ герой (при этомъ она бросила вызывающій взоръ, но сейчасъ же отвела глаза), а то я могу подумать, что вы не такой храбрецъ, какъ о васъ ходятъ слухи... На дуэляхъ сражались, на войнѣ бились, а здѣсь... —и, не договоривъ, она сдѣлала презрительную гримасу и опустила стаканъ.

Руки Графинина и Тупикова потянулись къ недопитому вину. Гавриловъ нервно повелъ бровями. Малѣйшій намекъ на то, что онъ трусливъ, раздражалъ его. Уравновѣшенный и невозмутимый, онъ мгновенно терялъ обычное самообладаніе.

Впрочемъ, на этотъ разъ Гавриловъ сдержался, и только бѣглая усмѣшка искривила линію рта.

— Хорошо, я сдѣлаю исключеніе, разъ вы почему-то требуете... А вы что же, господа, этого самаго «лампопо?» Эге, да и вы не пьете!

— Мы—подъ конецъ, у насъ еще рюмочныя недоимки,—отшучивался Тупиковъ и покраснѣлъ:—это вѣдь моя стряпня... Ее не слѣдуетъ мѣшать съ другими напитками.

— За ваше здоровье, Марья Петровна.

Гавриловъ мигомъ осушилъ стаканъ, но не успѣлъ чокнуться: что-то густое, туманное залило ему зрачки. Казалось, будто потухло электричество и какая-то свинцовая тяжесть опустилась на голову и придавила все тѣло.

Онъ потерялъ сознаніе...

7.

Тревога Настасьи Николаевны, жены Гаврилова, росла съ каждымъ часомъ.

Три часа... половина... четыре... половина... пять...

Она не ложилась спать, ходила по освѣщеннымъ комнатамъ и строила самыя ужасныя предположенія относительно мужа: и хулиганы-то его убили, и ограбили-то его, и разрывъ-то сердца съ нимъ приключился, и многое другое. Лишь въ началѣ шестого, когда на дворѣ еще было совсѣмъ темно, Гаврилова, сидя въ прихожей съ измученнымъ, осунувшимся лицомъ уловила чуткимъ слухомъ отдаленные, а затѣмъ болѣе близкіе шаги по лѣстницѣ, негромкіе голоса.

Не ожидая звонка, она уже сама отворила дверь, выскочила на площадку и ахнула: Графининъ и швейцаръ осторожно несли полковника.

Настасья Николаевна взялась за голову, и сдавленный крикъ замеръ у нея на губахъ.

Медленно двинулись въ комнаты точно съ покойникомъ. Укладывая Ксенофонта Максимовича на кушетку въ гостиной, Графининъ говорилъ вкрадчиво и сладко:

— Ради Создателя, не безпокойтесь и его не безпокойте. Не привыкъ пить, а его уговорили, не понимаю—зачѣмъ... Это бы-

ваетъ съ нашимъ братомъ! Сномъ все пройдетъ... Повѣрьте опытности, голубушка! Ему дано успокоительное... Больше ничего не требуется. Пускай онъ спитъ! Я загляну провѣдать. До вечера...

Настасья Николаевна не удерживала. Его странная фамильярность, эта «голубушка»—совсѣмъ ей не нравились.

Слезы катились у нея по щекамъ. Она не желала даже смотрѣть на мужа, «такъ грубо оскорбившаго вдругъ лучшія чувства». «Пьяницъ» ненавидѣла и не оправдывала.

Потушила лампу, присѣла въ углу комнаты, задумалась, вздохнула и, противъ собственнаго желанія, задремала въ креслѣ.

Проснулась, когда было свѣтло, и вотъ сразу вспомнила, какъ принесли Ксенофонта Максимовича.

Обида поднялась въ душѣ...

Подскочила Гаврилова къ кушеткѣ, заглянула мужу въ лицо, стала расталкивать, звать по имени.

Отставной полковникъ не подавалъ никакихъ признаковъ жизни.

Тогда негодованье, гнѣвъ, досада смѣнились бурнымъ отчаяньемъ и, пока не прибѣжала заспанная прислуга, она, какъ потерянная, металась и кричала:

— Умеръ, умеръ... Господи!... помогите же!... доктора!... Опоили, проклятые... умеръ....

Дальнѣйшія звенья нисколько не разъяснили Настасьѣ Николаевнѣ, скорѣй запутали эту темную страницу изъ жизни ея мужа.

Явившійся врачъ заподозрѣлъ отравленіе.

Изъ кармана сюртука больного вынули толстый бумажникъ съ деньгами, часы... Все было въ сохранности. Слѣдовательно, корысть исключалась изъ поводовъ къ преступленью.

Была еще найдена тутъ же съ бумажникомъ визитная карточка покойнаго князя Караксари съ траурной каймой.

Гаврилова отвезли въ больницу, гдѣ подтвердили фактъ отравленія какимъ-то ядомъ и переломъ двухъ реберъ. Положеніе признали серьезнымъ, но не безнадежнымъ.

Пока Ксенофонтъ Максимовичъ находился на излеченіи, ничего не помня изъ того, что произошло съ нимъ послѣ выпитаго стакана странной настойки, Настасья Николаевна съ знакомымъ адвокатомъ отправилась къ Графинину, который ни разу больше не заѣзжалъ.

Добытыя свѣдѣнія оказались мало утѣшительными: Марья Петровна куда-то совсѣмъ уѣхала, распродавъ обстановку на другой же день послѣ именинъ, а Графининъ никогда и не жилъ у нея, по сообщенію домовой конторы; даже фамиліи такой никто не слышалъ.

О Тупиковѣ тоже не имѣли понятія.

Гавриловъ, поправившись, наотрѣзъ отказался начинать уголовное дѣло.

— Месть за князя?.. Но кто мститъ? — только разъ вырвалось у него восклицаніе, когда жена вспомнила о таинственной визитной карточкѣ.

Вскорѣ началась русско-японская война, и неутомимый Гавриловъ поступилъ въ дѣйствующую армію, но въ первомъ же сраженіи какая-то шальная пуля положила его на мѣстѣ.

Осторожная Сюзаннъ Пье такъ и не возобновляла своихъ «эстетическихъ вечеровъ» въ городѣ * * *.

Повидимому, другое мѣсто, гдѣ она обосновалась, не было для нея убыточнымъ.

У нея опять видѣли въ качествѣ экономки Марью Петровну, но она уже имѣла гораздо болѣе независимую осанку.

В. Умановъ-Каплуновскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ)

ОДИНЪ ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МОГИКАНЪ.

ДНИМЪ изъ крупныхъ по таланту и рѣзко выдающихся литературныхъ дѣятелей современнаго мнѣ литературнаго кружка былъ Петръ Ивановичъ Кичеевъ, многосторонняя дѣятельность котораго выдвинула бы его несомнѣнно, ежели не на первый, то на очень видный планъ въ средѣ его литературныхъ современниковъ, ежели бы не его до крайности тревожная натура, внесшая столько драматическихъ и даже трагическихъ моментовъ въ его кипучую, полную волненій жизнь.

Кичеевъ былъ прекрасный поэтъ и владѣлъ стихомъ, какъ мало кто имъ владѣетъ... Театръ онъ зналъ въ совершенствѣ, и ежели никогда самъ не написалъ ничего выдающагося для сцены, то былъ исключительно умѣлымъ и всегда почти безпристрастнымъ цѣнителемъ какъ драматическихъ произведеній, такъ и ихъ исполнителей на всѣхъ сценахъ.

Къ критическимъ статьямъ его артисты относились съ большимъ вниманіемъ и его безцеремонной и ѣдкой сатиры боялись, какъ огня.

Кромѣ того, вслѣдствіе своего подробнаго знакомства со сценой, онъ былъ такимъ преподавателемъ сценическаго искусства, о ка-

кихъ наши быстро расплодившіеся драматическіе классы и школы и понятія не имѣютъ!

Ко всему этому онъ былъ человѣкъ рѣдкой души и отзывчивости, и попавшій въ бѣду товарищъ ни у кого не могъ встрѣтить ни того братскаго участія, ни той братской помощи, которую онъ встрѣчалъ у Петра Кичеева, а между тѣмъ никто не пережилъ такихъ громкихъ и вѣскихъ скандаловъ, какіе пережилъ онъ, испытавшій на своемъ вѣку всѣ невзгоды, начиная отъ мелкихъ столкновеній съ администраціей, вплоть до лишенія правъ и ссылки въ каторжныя работы включительно.

Началомъ всѣхъ его бѣдствій и злоключеній была его горячая любовь къ красавицѣ-сестрѣ, увлеченной какимъ-то студентомъ, бросившимъ ее въ ту минуту, когда она готовилась быть матерью. Узнавъ о положеніи сестры, Кичеевъ не сталъ ее упрекать, отъ души посовѣтовалъ ей не бросать ни въ чемъ неповиннаго ребенка, и когда она назвала ему имя соблазнителя, то Кичеевъ вскользь вспомнилъ, что онъ его какъ-то разъ или два видѣлъ и встрѣчалъ съ сестрою. На вопросъ, гдѣ въ настоящую минуту отецъ несчастнаго ребенка, сестра отвѣтила, что онъ уѣхалъ и неизвѣстно, когда вернется, и собранныя Кичеевымъ на сторонѣ справки подтвердили это сообщеніе. Нечего было дѣлать, приходилось покориться горькой участи, и когда у молодой красавицы Екатерины Ивановны родилась дочь, то мать самоотверженно стала сама кормить ее, не имѣя средствъ для найма кормилицы. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, когда однажды Кичеевъ издали увидѣлъ на Тверскомъ бульварѣ гнуснаго соблазнителя сестры. Въ привычкахъ Кичеева было всегда носить съ собой въ карманѣ револьверъ. При видѣ ненавистнаго ему студента онъ вскочилъ, не задумываясь, быстро догналъ врага и почти въ упоръ выстрѣлилъ въ него. Выстрѣлъ былъ мѣткій, пуля попала въ цѣль, студентъ былъ убитъ наповалъ. На выстрѣлъ сбѣжалась публика, подбѣжали дежурные чины полиціи, словно изъ-подъ земли выросли два доктора, но имъ уже нечего было дѣлать, и сбѣжавшійся народъ живымъ кольцомъ оцѣпилъ и убійцу и жертву убійства.

Схваченный за руки, Кичеевъ и не пробовалъ защищаться. Онъ убѣжденно сказалъ, что совершилъ актъ высшей справедливости, и, самъ отдаваясь въ руки полиціи, ни на минуту не отрекаясь отъ совершеннаго преступленія, выразилъ желаніе только прямо въ лицо взглянуть сраженному врагу. Едва сдерживаемый полиціантами, онъ ринулся впередъ и быстро нагнулся надъ лежавшимъ еще на аллеѣ трупомъ убитаго студента, но тутъ изъ его груди вырвался нечеловѣческій крикъ, и онъ, до той минуту сохранявшій полное спокойствіе, внезапно истерически зарыдалъ.

— Ошибся!... ошибся!... Не онъ!... Я не того убилъ!.. — въ глубокомъ, невыразимомъ отчаяніи повторялъ несчастный Кичеевъ,

дѣйствительно въ порывѣ слѣпого гнѣва выстрѣлившій въ совершенно ему незнакомаго человѣка, обманутый наружнымъ сходствомъ.

Тутъ же на мѣстѣ арестованный, Кичеевъ былъ препровожденъ въ одиночную камеру Тверского частнаго дома, и здѣсь подавленное состояніе его было такъ сильно, что по приговору мѣстнаго врача ему угрожало безповоротное безуміе.

Его успокаивали, какъ могли, но изъ-подъ ареста его было невозможно освободить, и докторъ могъ только настоять на томъ, чтобы допросъ его былъ отложенъ на болѣе или менѣе продолжительное время, и чтобы до тѣхъ поръ къ нему положительно никого не допускали. Допущены были только посѣщенія сестры, но и то не иначе, какъ съ разрѣшенія каждый разъ частнаго врача и въ присутствіи прокурора или его помощника.

Всѣ эти подробности я позднѣе слышала отъ самого Кичеева, который между прочимъ передавалъ мнѣ слѣдующій курьезный случай.

Однажды въ его камеру явился дежурный старшій городовой (то же, что въ настоящую минуту околоточный надзиратель) и передалъ ему, что его въ пріемной спрашиваетъ какой-то господинъ, заручившійся пропускнымъ билетомъ отъ прокурора для свиданія съ нимъ. Кичееву этотъ визитъ нимало не улыбался, онъ никого къ себѣ не вызывалъ, никого положительно не ждалъ, и отвѣтилъ, что онъ не желаетъ никого видѣть и отъ всякаго свиданія наотрѣзъ отказывается. Тогда явился уже дежурный офицеръ, который и уговорилъ Кичеева принять пріѣхавшаго къ нему посѣтителя, убѣждая его, что отказать неловко и что отказъ этотъ можетъ пасть на нихъ и надѣлать имъ непріятностей.

— Газеты тутъ, батюшка, запутаны!..—прибавилъ онъ:—а намъ, какъ вы сами знаете, съ газетами ссориться не расчетъ.

Нечего было дѣлать, пришлось покориться необходимости и выйти къ досадному посѣтителю, который оказывался именно тѣмъ непрошеннымъ гостемъ, что хуже татарина считается. Пройдя вмѣстѣ съ дежурнымъ офицеромъ черезъ дворъ, на которомъ возвышалось зданіе полицейской тюрьмы, Кичеевъ вошелъ въ канцелярію частнаго дома, гдѣ ему навстрѣчу всталъ совершенно ему незнакомый человѣкъ, фамильярно протянувшій ему руку. Видъ непрошеннаго посѣтителя, очевидно, пришедшаго только изъ любопытства, взбѣсилъ Кичеева, и онъ, не подавая ему руки, рѣзко, почти грубо спросилъ его:

— Кто вы и что вамъ угодно?..

— Я глубоко интересуюсь вами, Петръ Ивановичъ! — развязно отвѣтилъ незнакомецъ.—Я принимаю въ васъ искреннее участіе и пріѣхалъ, чтобы своимъ присутствіемъ доказать это вамъ!

— Это все, что вамъ нужно?..—тѣмъ же непривѣтливымъ тономъ продолжалъ свой допросъ, Кичеевъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я хотѣлъ дать вамъ доказательства моего участія, и вотъ привезъ вамъ... небольшое стихотвореніе, которое я завтра же напечатаю вмѣстѣ съ тѣми біографическими свѣдѣніями, въ которыхъ вы мнѣ, надѣюсь, не откажете?..

И прежде, нежели озадаченный Кичеевъ успѣлъ опомниться, незнакомецъ сталъ въ позу и трагическимъ тономъ, съ легкимъ завываніемъ началъ:

«Нашла виноватаго пуля,
«Погибъ въ половинѣ іюля...»

Дальше, по его собственному сознанію, Кичеевъ уже ничего не слыхалъ. Онъ успѣлъ только громко воскликнуть: «дуракъ», и впалъ въ такой истерическій припадокъ, что пришлось немедленно вызвать доктора и почти на рукахъ отнести его обратно въ одиночную камеру.

Впослѣдствіи Кичееву приходилось не разъ встрѣчаться съ этимъ господиномъ въ московскихъ редакціяхъ, и никогда ни при какихъ встрѣчахъ оригинальный посѣтитель не получалъ отъ него иного привѣтствія, какъ: «Здравствуй, дуракъ!» Онъ увѣрялъ, что этотъ непризнанный стихотворецъ былъ глупъ «до святости», и въ минуты особо тяжкихъ испытаній,—а такихъ минутъ въ многострадальной жизни Кичеева встрѣчалось не мало,—онъ пресерьезно обращался къ своему «дураку» съ просьбой помолиться за него.

— Ты блаженный!—говорилъ онъ:—ты святой!.. Ты только по оплошности и недосмотру не взятъ живымъ на небо!.. Ты что ни скажешь, тебя, дурака, на небѣ послушаютъ, потому что ты нищій духомъ, а это, братъ, степень высокая!

Вообще оригинальнѣе и самобытнѣе Петра Кичеева трудно было себѣ что-нибудь представить, и судьба, выпавшая ему на долю, была такъ же оригинальна, какъ и онъ самъ.

Сосланный за убійство на каторгу, Кичеевъ бѣжалъ, затѣмъ былъ амнистированъ, послѣ этого вновь попалъ подъ судъ по какому-то политическому дѣлу и долгое время содержался въ московскомъ тюремномъ замкѣ, въ такъ называемой Пугачевской башнѣ, гдѣ, по преданію, нѣкоторое время содержался Пугачевъ. Одно это указаніе уже достаточно поясняетъ ту степень строгаго ареста, который выпалъ долю на Кичеева, и онъ, даже объ этомъ говорившій въ шутливомъ тонѣ, передавалъ страшныя подробности о своемъ сидѣніи въ Пугачевской башнѣ. По его словамъ, тѣсная, какъ гробъ, камера и вышиной немногимъ отличалась отъ гроба, и въ ней во весь ростъ встать было невозможно. Воздухъ въ ней былъ такой спертый, что имъ трудно было дышать, а крысы, разгу-

ливавшія по ней, были такъ смѣлы, что бороться съ ними было совершенно невозможно, и Кичееву приходилось, довольствуясь только корками приносимаго ему хлѣба, весь мякишъ оставлять крысѣ, которая приходила къ нему за этой ежедневной данью съ аккуратностью самаго безпощаднаго кредитора. На полу стоять было и холодно и страшно потому, что крысы приходили по нѣсколько разомъ, и несчастный, завидѣвъ ихъ, вскакивалъ на своихъ нарахъ и стоялъ тамъ, согнувшись почти вдвое, такъ какъ выпрямиться во весь ростъ на нарахъ было нельзя.

Какъ ни закалила его жизнь, но объ этой эпохѣ онъ вспоминалъ съ ужасомъ и прямо говорилъ, что ежели бы что-либо въ этомъ родѣ повторилось, то онъ непремѣнно бы лишилъ себя жизни.

Изъ этого заключенія онъ опять усланъ былъ куда-то далеко и, возвратясь въ Москву, опять отданъ былъ за что-то подъ судъ. Здѣсь въ его положеніе вошелъ членъ окружнаго суда Сумбулъ, человѣкъ необыкновенно добрый и гуманный и къ тому же или съ дѣтства знавшій Кичеева, или даже бывшій съ нимъ въ какомъ-то отдаленномъ родствѣ.

Желая дать ему возможность хоть немножко отдохнуть въ антрактахъ между всѣми судами, на которыхъ ему предстояло фигурировать, онъ взялъ его на поруки, внеся за него залогъ въ 10,000 рублей. Кичеевъ далъ ему слово никуда не отлучаться безъ разрѣшенія суда, а самъ тѣмъ временемъ уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ на ярмарку и оттуда вскорѣ получено было извѣстіе объ его самоубійствѣ. Въ пригородной мѣстности, на крутомъ берегу рѣки, найдено было платье несчастнаго, и въ карманѣ его записка съ просьбой никого въ его смерти не винить, такъ какъ жить онъ болѣе не въ силахъ. О самоубійствѣ его было сообщено въ московскій окружный судъ, гдѣ находилось въ производствѣ дѣло о немъ, а добрякъ Сумбулъ былъ поставленъ въ горькую необходимость поплатиться внесеннымъ имъ залогомъ.

Сумбулу въ уваженіе того положенія, какое онъ занималъ въ судѣ, обѣщано было, что часть его залога будетъ возвращена, и всѣ мало-по-малу начали забывать о талантливомъ и неугомонномъ неудачникѣ, когда изъ Сербіи, которая въ это время вся кишѣла русскими добровольцами, получена была корреспонденція, сообщавшая о томъ, что въ крагуевацкомъ госпиталѣ лежитъ опасно раненый русскій поэтъ Кичеевъ, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ зачислившійся въ ряды сербской арміи и выказавшій чудеса храбрости. Онъ былъ опасно раненъ въ одной изъ смѣлыхъ вылазокъ, въ которыхъ принималъ участіе охотникомъ.

Въ ту минуту, когда получена была эта корреспонденція, больной герой уже поправлялся и надѣялся скоро выписаться изъ больницы. Въ армію онъ зачислился подъ какимъ-то вымышленнымъ именемъ, но его тотчасъ узнали по прекраснымъ стихамъ, ка-

кіе онъ посвящалъ Черняеву и его сподвижникамъ, и, узнанный, онъ уже пересталъ скрываться.

Корреспонденція эта, полученная и прочитанная въ Москвѣ, надѣлала много переполоха, въ Сербію послано было распоряженіе объ арестѣ Кичеева, и онъ, на время болѣзни изолированный отъ остальныхъ больныхъ и окруженный особо приставленнымъ къ нему карауломъ,—тотчасъ по выпискѣ изъ больницы препровожденъ былъ въ Москву и здѣсь снова подвергнутъ аресту.

Чѣмъ окончился судъ надъ нимъ, я хорошенько не знаю, я познакомилась съ нимъ уже послѣ всѣхъ этихъ горькихъ перипетій, но самъ онъ разсказывалъ о подробностяхъ суда съ тѣмъ юморомъ, который былъ ему одному присущъ. Между прочимъ онъ совершенно серьезно увѣрялъ, что вызванные на судъ эксперты-психіатры единодушно признали его ненормальнымъ и одержимымъ именно той формой сумасшествія, какой до него страдали Магометъ, Наполеонъ, Неронъ и, кажется, еще Христоферъ Колумбъ.

Откуда у него въ мозгу сложился такой сумбуръ именъ и представленій, одинъ Богъ вѣдаетъ, но разсказывалъ онъ весь этотъ вздоръ съ такимъ серьезнымъ видомъ, что трудно было разобрать, шутитъ онъ, или на самомъ дѣлѣ вѣритъ въ то, что говоритъ.

Рѣзокъ онъ былъ до крайности, и я знала людей, почти ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ не пассовавшихъ, которые готовы были отступиться отъ крупныхъ интересовъ, лишь бы не вступать въ пререканія въ Петромъ Ивановичемъ.

Нуждался онъ всегда страшно, но знамя своей рѣзкой правды держалъ высоко и всегда смѣло отстаивалъ всѣ разъ высказанныя имъ мнѣнія, какъ бы они не были странны и необычайны.

Въ послѣдніе годы своей литературной дѣятельности онъ былъ редакторомъ созданной въ Москвѣ докторомъ Раммомъ газеты «Новости сезона», и хотя это редакторство давало ему возможность существовать въ такую минуту, когда никакихъ другихъ рессурсовъ у него не было, это все-таки не мѣшало ему самымъ безцеремоннымъ образомъ относиться къ Рамму, котораго онъ пресерьезно увѣрялъ, что у него «мозги бараньи».

— Хорошій вы человѣкъ, Владимиръ Ивановичъ, и душа у васъ хоть и жидовская, а есть, ну, а мозги у васъ бараньи!..—сокрушеннымъ тономъ говорилъ онъ, не стѣсняясь многочисленной аудиторіей, при которой ему приходилось исповѣдывать эти нелестныя истины.

Ежели Раммъ пробовалъ протестовать противъ такого прямолинейнаго убѣжденія, Кичеевъ убѣдительно качалъ головой и настойчиво повторялъ:

— Нѣтъ, нѣтъ и не говорите!.. Бараньи, положительно бараньи!..

Послѣдствія показали, что онъ жестоко ошибался... Издатель всяческихъ изданій Раммъ еще о сю пору продолжаетъ часто на-

поминать о себѣ публикѣ, терпящей немало отъ его изобрѣтательности.

Умеръ Кичеевъ въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ полнѣйшемъ забвеніи и, конечно, въ самой непроглядной бѣдности, и проводить его въ могилу не нашлось охотниковъ, несмотря на то, что при жизни онъ всегда братски шелъ на выручку всякаго, кто обращался къ нему съ какой бы то ни было просьбой.

Какъ литераторъ и въ особенности какъ поэтъ, Кичеевъ былъ человѣкъ способный, но его участіе въ періодической прессѣ ограничивалось всецѣло театральной критикой, которую онъ, постоянно нуждаясь въ деньгахъ, низводилъ до такого мизернаго заработка, что не только себя обезцѣнивалъ, но и другимъ работать мѣшалъ. Какъ велико было его семейство, я въ точности сказать не умѣю, я лично помню только его дочь, маленькую и очень способную бѣлокуренькую дѣвочку, которую онъ почему-то называлъ Сарра Бернаръ и которую любилъ до обожанія.

По поводу этой маленькой Сарры Бернаръ мнѣ припоминается одна изъ невозможныхъ выходокъ Петра Ивановича, едва очень дорого не поплатившагося за свою дерзкую находчивость. При помѣщеніи Сарры Бернаръ въ одну изъ московскихъ гимназій потребовалось свидѣтельство о званіи родителей, и какому-то остроумному учрежденію пришло въ коллективную голову выдать дѣвочкѣ удостовѣреніе въ томъ, что она «дочь ссыльно-каторжнаго». Такая непомѣрная глупость, само собой разумѣется, взбѣсила Кичеева, который и отправился по начальству, съ цѣлью по возможности исправить такую нелестную аттестацію. Въ числѣ лицъ, къ которымъ ему пришлось обратиться, былъ одинъ изъ многочисленныхъ на Руси князей Голицыныхъ, имѣвшій прямое касательство къ тому учрежденію, изъ котораго выдано было остроумное свидѣтельство. Онъ думалъ, что князь, какъ человѣкъ развитой, пойметь всю несообразность такой официальной бумаги и распорядится ея измѣненіемъ, тѣмъ болѣе, что «ссыльно-каторжнымъ» Кичеевъ уже давнымъ-давно не былъ, даже получилъ разрѣшеніе на повсемѣстное жительство во всей Россійской имперіи.

Но его надеждѣ на просвѣщенную гуманность князя не суждено было оправдаться. Князь принялъ его свысока и съ видимымъ недоумѣніемъ спросилъ:

— Что же вамъ угодно? И въ чемъ заключается ваша претензія?

Кичеевъ взбѣсился и, сверкнувъ глазами, отвѣтилъ:

— Мнѣ угодно, чтобы дочери моей, по крайней мѣрѣ, не ставилось въ вину несчастіе ея отца.

— Но... ежели то, что написано... дѣйствительная правда?

— Во-первыхъ, это не такъ, потому что ежели бы я былъ ссыльно-каторжный, то въ данную минуту я находился бы въ сибирскихъ

рудникахъ, а не въ кабинетѣ вашего сіятельства, но, предположивъ даже, что я каторжникъ, не вижу, почему мое прошлое должно быть полностью «прописано» въ свидѣтельствѣ моей дочери? Такое наслѣдственное ошельмованіе, сколько мнѣ извѣстно, не практикуется. Вѣдь исторически извѣстно, напримѣръ, что одинъ изъ князей Голицыныхъ былъ придворнымъ шутомъ, а между тѣмъ я никогда не видалъ, чтобы его потомки на визитныхъ карточкахъ своихъ проставляли: «Князь Голицынъ, прямой потомокъ придворнаго шута».

Легко себѣ представить то впечатлѣніе, какое было произведено на князя этой необычайной выходкой, и всѣ принимавшіе участіе въ судьбѣ Кичеева сильно испугались за него, но онъ всѣхъ ободрялъ, увѣряя, что князь Голицынъ не будетъ такъ глупъ, чтобы придать извѣстность своему разговору съ нимъ и, навѣрное, догадается промолчать. Предположеніе его оказалось справедливымъ, и князь дѣйствительно догадался промолчать.

Въ послѣдніе годы литературной дѣятельности Кичеева у него произошло знаменитое столкновеніе съ женой трагика Россова, которая, въ отмщеніе за строгій отзывъ театральнаго критика объ игрѣ ея супруга, ударила Кичеева наотмашь по лицу бывшимъ у нея въ рукахъ мѣшечкомъ, въ которомъ, по несчастной случайности, въ это время лежалъ бинокль. Ударъ былъ настолько силенъ, что Кичеевъ чуть не лишился глаза, но никакого дѣла не затѣялъ и никакого преслѣдованія противъ не въ мѣру воинственной дамы не возбудилъ, найдя, что съ бабой связываться не стоитъ.

— За глупость не судятъ!..—презрительно отозвался онъ, великодушно и совершенно справедливо разсуждая, что умная женщина никогда не дошла бы до такого поступка.

Щедрый самъ въ тѣ рѣдкія минуты, когда судьба давала ему возможность быть щедрымъ, Кичеевъ и самъ не находилъ ни неловкимъ, ни обиднымъ для себя обращаться за матерьяльными услугами къ другимъ, и въ театральномъ мірѣ всегда носились слухи о томъ, что онъ прибѣгалъ къ богатымъ артистамъ за посильной помощью въ особенно трудныя минуты. Ежели это и правда, то въ укоръ это ему поставлено быть не можетъ, потому что на его рецензіи и отзывы объ артистахъ это не вліяло, и кредитора своего, ежели бы онъ дурно исполнилъ роль, Кичеевъ разругалъ бы такъ же безпощадно, какъ и самаго яраго своего врага.

Въ антипатіяхъ своихъ Кичеевъ былъ безпощаденъ и, нуждаясь и почти голодая, онъ демонстративно не подавалъ руки богатымъ и вліятельнымъ газетнымъ сотрудникамъ, дѣятельность которыхъ казалась ему предосудительной и несогласной съ достоинствомъ литератора.

Глубокій и убѣжденный атеистъ въ теченіе всей своей долгой жизни, онъ, въ виду надвигавшейся смерти, измѣнилъ свои религіозныя убѣжденія, и я помню, какъ мы всѣ, въ бытность его еще

редакторомъ «Новостей сезона», были обрадованы извѣстіемъ, что Кичеевъ, лежавшій въ самомъ помѣщеніи редакціи, готовится къ исповѣди и причастію и что ожидается прибытіе священника со св. дарами. Отъ этой болѣзни онъ выздоровѣлъ совершенно и мнѣ неизвѣстно, вернулся ли онъ затѣмъ къ прежнему безвѣрію, или остался при вновь сложившихся христіанскихъ убѣжденіяхъ.

Въ общемъ итогѣ русская литература въ лицѣ П. И. Кичеева похоронила крупную, не использованную литературную силу и товарища, отзывчиваго и сердечнаго человѣка.

А. Соколова.

АНЕКДОТИЧЕСКІЙ АРХІЕПИСКОПЪ.

(Изъ недавняго прошлаго).

ОДНОЙ изъ небольшихъ и захолустныхъ сѣверныхъ епархій—Олонецкой—въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ управлялъ замѣчательный въ своемъ родѣ архіепископъ Аркадій. Получивъ только семинарское образованіе, онъ выдвинулся модною тогда миссіонерскою дѣятельностью среди старообрядцевъ, удостоенъ былъ архіерейскаго сана и, прослуживъ на епархіи десять лѣтъ съ небольшимъ, оставилъ по себѣ—какъ объ администраторѣ—такую память, что среди духовенства и до сихъ поръ разсказывается о немъ множество анекдотовъ и даже передаются цѣлыя легенды о владыкѣ «сфинксѣ».

Дѣятельность владыки Аркадія была настолько выдающеюся, что онъ награжденъ былъ саномъ архіепископа и высочайше пожалованъ брильянтовымъ крестомъ для ношенія на клобукѣ, что еще—въ то недавнее время—было чрезвычайною рѣдкостью и для лицъ съ академическимъ образованіемъ и высокими учеными степенями, присужденными за выдающіяся научно-богословскія изслѣдованія. Человѣкъ абсолютно безкорыстный, преданный своему служенію до самозабвенія, безусловно умный, владыка Аркадій представлялъ въ своей дѣятельности, дѣйствительно, живой ходячій анекдотъ, такъ что свѣжій человѣкъ, особенно не принадлежавшій къ духовному званію, и тогда на многія дѣйствія владыки не могъ смотрѣть иначе, какъ на совершенно непонятныя. Всѣ тогда признавали его умъ, и никто не сомнѣвался въ томъ, что

онъ все совершалъ для достиженія благихъ цѣлей, но нерѣдко самыхъ дѣйствій владыки рѣшительно никто не понималъ. Эти дѣйствія часто казались очень странными, неодобрительными, даже иногда жестокими.

Лишь только теперь, когда улеглись страсти, нерѣдко возбуждавшіяся дѣйствіями владыки Аркадія, можно съ достовѣрностью опредѣлить, что странность и неодобрительность многихъ его дѣйствій обусловливались исключительно горячимъ желаніемъ владыки—сдѣлать всѣхъ такими же дѣятельными, до забвенія личной жизни, какъ и онъ самъ. Владыка Аркадій съ ранняго утра и до поздняго вечера былъ въ трудахъ исполненія своего долга, можно сказать—горѣлъ въ работѣ. Много сдѣлалъ онъ для просвѣщенія ввѣреннаго ему темнаго края и, прежде всего, требовалъ отъ духовенства истоваго—безъ всякихъ пропусковъ—совершенія богослуженія и твердаго знанія церковнаго устава. Самъ же онъ зналъ наизусть всю Библію и рѣшительно всѣ многочисленныя церковно-богослужебныя книги. Располагалъ, затѣмъ, владыка Аркадій подчиненное ему духовенство къ обученію своихъ дѣтей грамотѣ и поощрялъ всякаго хотя бы и за малые труды въ этомъ направленіи. И если много страннаго, рѣзкаго, а, можетъ быть, и жестокаго обнаруживалось иногда въ дѣйствіяхъ владыки Аркадія, то да проститъ ему это Богъ за то неизмѣримое добро, какое сдѣлалъ онъ для епархіи! Да и времена тогда были суровыя, нравы и обычаи тяжелые, а потому, при всемъ своемъ умѣ, и выдающійся среди другихъ архіереевъ владыка Аркадій былъ все-таки человѣкомъ своего времени и, желая достичь—во что бы то ни стало—намѣченныхъ имъ цѣлей, естественно, не чуждъ былъ и ошибокъ.

Теперь жизнь духовенства далеко ушла отъ анекдота. Въ средѣ духовенства идетъ дѣятельный процессъ зарожденія и развитія новыхъ духовныхъ силъ. За послѣднія пять-шесть лѣтъ духовенство пережило и измѣнилось больше, чѣмъ въ обычное время за десятки лѣтъ. Рѣзко измѣнились также условія его жизни и дѣятельности. Пронесшіеся бурные «освободительные» годы оставили неизгладимый слѣдъ на духовенствѣ и взаимоотношеніяхъ между нимъ и паствой. Появились запросы, какихъ не было, пробудилось критическое отношеніе къ дѣйствительности, сознаніе необходимости пересмотра привычнаго уклада жизни. Правда, періодъ увлеченія смѣнился теперь затишьемъ, но это—не мертвенный покой бездѣятельности, а спокойное начало строительства, спокойный, безъ излишней торопливости, пересмотръ недостатковъ и несовершенствъ жизни церковной и личной. Опытъ послѣднихъ лѣтъ—повторяемъ—многому научилъ, далъ незабываемый урокъ, пробудилъ сознаніе необходимости работы и стремленіе къ ней.

Но, съ другой стороны, и «анекдотическое» прошлое жизни духовенства не является безынтереснымъ: оно даетъ тоже много очень

хорошихъ уроковъ, небезполезныхъ при началѣ новаго строительства. И въ этомъ отношеніи жизнь и дѣятельность такихъ типичныхъ лицъ изъ эпохи духовнаго «анекдота», каковъ архіепископъ Аркадій,—помимо возбуждаемаго ими историческаго интереса, представляются безусловно не лишенными глубокаго значенія: многому могутъ научить онѣ тѣхъ, кому предстоитъ руководящая роль въ жизни духовенства.

Я не задаюсь цѣлью дать полную характеристику или оцѣнку жизни и дѣятельности архіепископа Аркадія, такъ какъ для этого было бы слишкомъ мало размѣра обычной журнальной статьи. У архіепископа Аркадія, несомнѣнно, будетъ свой историкъ, который и оцѣнитъ всесторонне этого огромнаго «анекдотическаго» владыку. Я же, въ рядѣ очерковъ, не связанныхъ между собою какимъ-либо опредѣленнымъ планомъ и не облеченныхъ въ строго литературную форму, постараюсь обрисовать архіепископа Аркадія такъ, какъ представляется онъ мнѣ самому и какъ разсказываютъ о немъ въ епархіи, которою онъ управлялъ.

I.

Каверзы.

Такъ назывались странныя и совершенно непонятныя, а также, повидимому, жестокія дѣйствія владыки Аркадія.

Не получивъ высшаго богословскаго образованія, владыка Аркадій личною жизнью старался показать, что никакой дипломъ не достаточенъ для того, чтобы сдѣлать человѣка совершеннымъ, а что, напротивъ—чѣмъ выше дипломъ, тѣмъ больше требуетъ онъ отъ человѣка труда и усилій для своего оправданія, какъ показателя научныхъ знаній, съ одной стороны, и осуществленія ихъ въ самой жизни человѣка, съ другой. Онъ смотрѣлъ на всѣхъ дѣятелей духовно-учебныхъ заведеній, какъ на неусыпныхъ тружениковъ, обязанныхъ заботиться, прежде всего, о своемъ собственномъ совершенствованіи и въ наукахъ, какія кто преподаетъ, и непремѣнно—въ жизни, чтобы служить безукоризненнымъ примѣромъ для своихъ питомцевъ—будущихъ пастырей церкви.

Зная глубоко человѣческую природу, склонную слѣдовать въ своей дѣятельности наличнымъ впечатлѣніямъ окружающей обстановки и, по этой причинѣ, въ большинствѣ случаевъ мало расположенную къ самоуглубленію и усовершенствованію въ научномъ и религіозно-нравственномъ отношеніи, владыка Аркадій велъ преподавателей духовной семинаріи къ пріобрѣтенію знаній въ области преподаваемыхъ ими наукъ противъ ихъ воли, такъ сказать, силою, въ то же время и виду не показывая, что онъ сознаетъ

Архіепископъ олонецкій Аркадій.

свое насиліе надъ ними. Въ этомъ случаѣ онъ употреблялъ обыкновенно слѣдующій оригинальный пріемъ.

Владыка выписывалъ рѣшительно все, что выходило тогда въ духовной литературѣ. И вотъ получалась съ почты какая-либо книжка богословскаго содержанія. Владыка оставлялъ всякія текущія занятія и основательно знакомился съ полученною книгою. Надѣлаетъ разныхъ замѣтокъ, наставитъ на поляхъ всевозможныхъ знаковъ, своимъ быстрымъ и проницательнымъ умомъ опредѣлитъ общія достоинства и недостатки книги, глубину или по-

верхностность отдѣльныхъ мыслей. Проходило, обыкновенно, два-три дня и, наконецъ, владыка, кончивъ работу, хлопаетъ въ ладоши. Выбѣгаетъ изъ служительской комнаты келейникъ и, остановившись, какъ статуя, замираетъ на одномъ мѣстѣ.

— Живой ногой, Карпушка, въ семинарію!—приказываетъ владыка.—Пять минутъ осталось до конца уроковъ... какъ пробьетъ звонокъ, пригласи ко мнѣ профессора Завулонова! Да скорѣй бѣги, время уходитъ...

Келейникъ исчезаетъ, какъ духъ, а владыка, потирая руки, съ загадочной улыбкой быстро ходитъ по комнатѣ, живо представляя себѣ, какую недовольную физіономію скорчитъ профессоръ Завулоновъ...

Преподаватель церковной исторіи Завулоновъ держалъ себя съ достоинствомъ и терпѣть не могъ, если кто начиналъ при немъ обнаруживать претензію выказывать знанія по церковной исторіи, почему-либо неизвѣстныя ему, Завулонову. Въ разговорахъ онъ всегда держалъ себя такъ, словно дѣлалъ великое одолженіе своему собесѣднику, и въ то же время показывалъ видъ, что умъ его занятъ чѣмъ-то болѣе важнымъ и что поэтому время ему очень дорого. Владыкѣ все это было хорошо извѣстно.

— А, Дмитрій Иванычъ, Дмитрій Иванычъ!—раскрывая, какъ бы для объятія, руки, встрѣчалъ Завулонова владыка.—Книжку вотъ я получилъ! Читалъ, читалъ... Зачитываюсь, а многаго не понимаю, многаго не знаю... Гдѣ мнѣ, убогому... Ученье мое, сами знаете, недалекое... Дай, думаю, попрошу-ка я Дмитрія Иваныча! Онъ знатокъ въ этомъ дѣлѣ! Ну, и вотъ—ужъ не поскучайте со старикомъ!

— Карпушка!—звалъ владыка келейника:—обѣдъ готовъ? Подавай...—и, радушно обращаясь къ Завулонову, приглашалъ:

— Пока пойдемте-ка, Дмитрій Иванычъ, пообѣдаемъ вмѣстѣ по-монашески! А тамъ и за дѣло...

Обѣдъ всегда простой—уха да каша, въ скоромные дни еще стаканъ молока—быстро проходитъ въ отрывочныхъ разговорахъ о семинарской жизни, объ урокахъ, объ успѣхахъ и поведеніи воспитанниковъ, вскользь о семинарскомъ начальствѣ и преподавателяхъ и порядкахъ въ семинаріи. И надо было быть очень опытнымъ и искуснымъ, чтобы не выдать въ разговорѣ чего-либо, набрасывающаго тѣнь на семинарію и на семинарскіе порядки... Вывѣдывать владыка умѣлъ!

— Итакъ, за дѣло, Дмитрій Иванычъ! — скажетъ владыка послѣ обѣда и, подавъ Завулонову книгу, велитъ читать вслухъ. А самъ сядетъ въ кресло, подопретъ голову рукой, закроетъ глаза и слушаетъ.

— А вотъ, вотъ! Мысль-то какая! Смотрите, какъ тонко и какъ вѣрно и глубоко! Вѣдь эта мысль у Григорія Богослова въ шестомъ

огласительномъ словѣ есть...—перебьетъ владыка и опять слушаетъ, закрывъ глаза.

А затѣмъ снова на чемъ-нибудь остановитъ чтеца и снова восхищается или глубиною, или формой изложенія, или вообще тонкостью оборотовъ рѣчи. И такъ за четыре-пять часовъ обратитъ вниманіе чтеца на всѣ отмѣченныя имъ заранѣе въ книгѣ чѣмъ-либо замѣчательныя мѣста.

— Вотъ, мы и поработали...—вставая, говоритъ владыка.—Да, ай-ай, какъ времени-то ужъ много! Да ладно—не даромъ времечко-то пропало! Не потеряли мы его съ вами, Дмитрій Иванычъ. Слава Богу!

— Ну,и спасибо вамъ, что не отказались посидѣть со мной,—ласково говорилъ, прощаясь съ Завулоновымъ, владыка.

Усталый, разбитый, въ отвратительномъ настроеніи духа уходитъ изъ архіерейскаго дома Завулоновъ, а владыка, оставшись одинъ, загадочно повторяетъ:

— Не даромъ провели время! Не потеряли времени...

А у самого уже опять играетъ на лицѣ загадочная улыбка. Это значитъ, что опять кому-либо готовится каверза...

Семинарія находилась недалеко—минутахъ въ пяти ходьбы—отъ архіерейскаго дома, а потому тамъ всѣ были въ постоянной тревогѣ, ожидая то самого владыку, который иногда по нѣсколько дней подъ рядъ бывалъ въ семинаріи, то келейника съ какимъ-нибудь приказаніемъ. И лишь только показывалась на семинарскомъ дворѣ долговязая фигура келейника Карпушки, какъ кто-либо изъ преподавателей съ тоскою говорилъ:

— По чью-то душу сегодня посолъ идетъ?

И всѣ ждали, въ какомъ-то тупомъ состояніи,—точно неизбѣжность какая надвигается и нѣтъ способовъ отъ нея избавиться.

— Ивана Петровича владыка проситъ сейчасъ къ себѣ,—докладываетъ явившійся въ учительскую комнату семинарскій служитель.

У всѣхъ вырывается вздохъ облегченія. А преподаватель священнаго писанія Иванъ Петровичъ Гущинъ краснѣетъ до корней волосъ,—точно онъ Богъ знаетъ какое предосудительное дѣло сдѣлалъ,—срывается съ мѣста и быстро уходитъ.

Гущинъ былъ знающій и опытный преподаватель, но любилъ ежедневно за обѣдомъ искусственно возбуждать аппетитъ... Владыка зналъ это и, по всей вѣроятности, имѣлъ благое намѣреніе—излечить Гущина отъ указанной привычки. Призоветъ его къ себѣ и дастъ какую-либо новую богословскую книгу, комично извиняясь, что онъ хочетъ воспользоваться знаніями и опытомъ Ивана Петровича.

— Ужъ простите, ради Бога, старика, Иванъ Петровичъ,—заговоритъ владыка:—самому рѣшительно нѣтъ времени ознакомиться

съ книгой, а по первымъ страницамъ, которыя я просмотрѣлъ, вижу, что книга достойна вниманія. Прочитайте, пожалуйста, а потомъ, какъ-нибудь на досугѣ, и передадите мнѣ ея содержаніе... Что будешь дѣлать? Все охота знать, а времени ни на что не хватаетъ...

— Такъ ужъ, этакъ денька черезъ три, сами и приходите, а то забыть могу о книгѣ-то...—говоритъ владыка, провожая Ивана Петровича.—Старъ сталъ и память хромать начинаетъ! А бывало, еще лѣтъ десятокъ тому назадъ, все, что прочитаешь, что увидишь или услышишь, все вотъ какъ на ладони написано! А теперь часто забываюсь... Вотъ, чего ужъ—въ семинаріи давно не былъ! А почти каждый день собираюсь. Утромъ встаю и думаю—сегодня ужъ непремѣнно схожу! А тамъ то одно, то другое—и забудешь. Плоха память стала! Плоха...

А между тѣмъ эта плохая память все записала, чтобы ужъ никогда не забыть: и болтающуюся пуговицу на вицъ-мундирѣ Ивана Петровича, и грязноватую манишку, и потъ, начавшій выступать на его лицѣ, и то, что лицо это давно совсѣмъ не брито... Все это, при случаѣ, будетъ припомнено и высказано семинаристамъ, съ приправою злѣйшаго сарказма, на тему: «О, будущіе пастыри, апостолы Христовы! Блюдитеся! Все доброе, что рекутъ вамъ человѣцы-книжницы,—слушайте, но по дѣламъ ихъ не поступайте! Вѣдь, если внѣшность человѣка неисправна, то въ душѣ у него—тьма кольми?»

Иногда только что уйдетъ отъ владыки кто-либо изъ преподавателей, совершенно переконфуженный и мокрый отъ испарины, какъ тотъ опять кричитъ келейнику:

— Карпушка! Рабе лукавый и лѣнивый! Гдѣ ты тамъ?

Является Карпушка, какъ встрепанный, пережевывая кусокъ чего-либо, схваченнаго на ходу.

— Сбѣгай-ка въ семинарію, позови отца ректора! Да не окошеливайся! Знаю я тебя, лодыря... Пожалуй, сначала пообѣдаешь, а сходить потомъ удосужишься... У-у, лѣнивецъ...

Звонокъ. Владыка, жизнерадостный, въ выцвѣтшей коричневой рясѣ нараспашку, въ сдвинутой на затылокъ черной скуфеечкѣ, быстрыми шагами идетъ навстрѣчу ректору семинаріи.

— Отецъ архимандритъ, отецъ архимандритъ! Какъ я радъ видѣть васъ! Садитесь-ка, садитесь,—любезно-приглашаетъ онъ ректора.—А я вотъ только что докончилъ чтеніе книжки... Замѣчательная и достойная, чтобы ее прочелъ всякій профессоръ. Я, при особомъ отношеніи на имя семинарскаго правленія, приношу ее въ даръ семинарской библіотекѣ. Вотъ, люди пишутъ, да еще какъ пишутъ! Что бы и нашимъ профессорамъ пробудиться? Уснули вѣдь... Уснули вѣдь, добрѣйшій отецъ ректо-оръ! Разбудите-ка, разбудите своихъ соратниковъ! Вспомните, какое выраженіе-то у

святого отца сильное, обращенное къ лѣнивцамъ: «иди, лѣниве, ко мравію (муравью) и научися»...

— Вотъ хоть бы этотъ Иванъ Петровичъ Гущинъ: неглупый вѣдь человѣкъ. Могъ бы и самъ что-нибудь написать... А опустился! Въ самомъ дѣлѣ, что у васъ въ семинаріи? Профессора отбываютъ повинность... Мертвечина! Вотъ и будите-ка, будите сонливыхъ и лѣнивыхъ! Дѣлайте, доколѣ день есть, а то пріидетъ нощь—и тогда дѣлати никто же можетъ...

— Такъ вотъ, возьмите-ка книжку-то, и съ Богомъ!—встаетъ владыка, показывая, что аудіенція кончена.—А у меня тутъ на сегодня еще дѣлъ—во-о сколько!

Возвратясь въ семинарію, ректоръ тотчасъ же читаетъ учителямъ отношеніе владыки. Въ отношеніи владыкою написанъ похвальный отзывъ о книгѣ, въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ, а въ концѣ приписано: «Хорошо люди пишутъ! И находятъ время писать. А professores seminarii dormiu-unt!»

Одно время ректоръ и инспекторъ семинаріи—оба были въ санѣ архимандрита, и между ними не существовало должныхъ отношеній. Инспекторъ былъ постояннымъ антагонистомъ ректора, и, кажется, никто не помнилъ случая, когда бы они были въ чемъ-нибудь согласны. Инспекторъ страдалъ запоями и потому былъ далеко не безупреченъ въ служебномъ отношеніи. Особенно во время своей «болѣзни» онъ былъ для ректора сущимъ наказаніемъ. Рыжій, свирѣпый, растрепанный, инспекторъ какъ разъ въ эти болѣзненные періоды и дѣлалъ попытки показать свои педагогическіе таланты и «мудрую» инспекторскую дѣятельность. И ничего другого нельзя было съ нимъ подѣлать въ такихъ случаяхъ, какъ запирать въ отдѣльной комнатѣ.

Владыка очень хорошо зналъ недружелюбныя отношенія архимандритовъ и,—Богъ знаетъ для чего, да самому ему вѣдомо было объ этомъ,—постоянно натравливалъ ихъ одного на другого. Случалось, что владыка такъ раздувалъ непріязнь между архимандритами, что они не находили болѣе возможнымъ и служить вмѣстѣ, ибо дѣло доходило до открытой вражды. А это-то и доставляло, повидимому, великое удовольствіе владыкѣ, и онъ ни которому изъ нихъ рѣшительно не позволялъ оставить службу въ семинаріи.

Одинъ разъ ректоръ былъ по дѣлу у владыки. Поговорили. Благодушно простились. При уходѣ ректора, владыка, словно что-то вспомнивъ, и говоритъ:

— Кстати, отецъ ректоръ! Пришлите-ка ко мнѣ отца инспектора.

А самъ такъ многозначительно посмотрѣлъ на ректора, что у того пошли по спинѣ мурашки...

«Ужъ устроитъ каверзу,—думалъ ректоръ по дорогѣ въ семинарію.—Владыка хорошъ, да и инспекторъ—штука!»

Отецъ инспекторъ не замедлилъ явиться къ владыкѣ. Войдя въ пріемную, онъ вразвалку направился къ нему со сложенными для принятія благословенія руками.

— Ну, что у васъ тамъ такое вышло опять, отецъ инспекторъ?— почти шопотомъ, таинственно заговорилъ владыка.—Былъ сейчасъ отецъ ректоръ... Ужъ такого-то наговорилъ на васъ, что волосъ дыбомъ становится! Отецъ инспекторъ, говоритъ, и такой-то и сякой-то... И не архимандритомъ бы ему быть и не инспекторомъ семинаріи! Да ему бы, говоритъ, самое подходящее мѣсто тамъ, куда Макаръ и телятъ не гоняетъ...

— Ой-ой-ой, отецъ инспекторъ, отецъ инспекто-о-оръ!—зажимая виски ладонями, восклицалъ владыка.—Какъ же мы жить-то теперь станемъ, бѣдный отецъ инспекторъ?!

Инспекторъ, блѣдный, со сжатыми кулаками, едва сдерживаясь, началъ ворочать налившимися кровью глазами и хрипло бормотать по адресу ректора: «Ахъ, онъ! Князь тьмы... Да я ему... Не ручаюсь за себя...»

— Не поддавайтесь, не поддавайтесь, отецъ инспекторъ!—подливалъ масла въ огонь владыка.—Этакъ вамъ, пожалуй, и житья не будетъ... Долго ли вѣдь, обидѣть человѣка-то?

Разозленный до крайности, инспекторъ, по возвращеніи въ семинарію, набрасывался на ректора и до изступленія поносилъ его самымъ безпощаднымъ образомъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ. Ректоръ, разобиженный до слезъ, снова идетъ къ владыкѣ, чтобы разъяснить причину гнѣва инспектора и спросить совѣта, какъ ему теперь быть.

А владыка уже давно ждетъ у окна и высматриваетъ изъ-за шторы.

«Прибѣжитъ, обязательно прибѣжитъ...—думаетъ онъ, весело хихикая. А самъ съ воодушевленіемъ читаетъ какую-то книгу богословскаго содержанія, вслухъ произнося слова. И все-таки посматриваетъ на улицу.

— Началось!—отложивъ книгу и потирая отъ удовольствія руки, со смѣхомъ заговорилъ владыка.—Отецъ ректоръ бѣжитъ... Будетъ теперь потѣха. Баталія настоящая! Такъ его! Отецъ инспекторъ умѣетъ ругаться... А отецъ ректоръ ученъ больно... А мы вотъ его и поскребемъ скребочкомъ... Горденекъ ученостью-то, а мы тебя и поучимъ добродѣтели братолюбія! И потерпи отъ брата своего! А братъ-то тебѣ—отецъ инспекторъ... Хи-хи-хи, любезнѣйшій! А и лютъ отецъ инспекторъ! Свяжись-ка съ нимъ...

Какъ ни въ чемъ не бывало, съ удивленіемъ встрѣтилъ владыка ректора семинаріи.

— Сейчасъ были и опять?—и, не давая ректору заговорить, какъ бы опасаясь, чтобы тотъ его не перебилъ, началъ съ крайнимъ изумленіемъ сообщать:—А отецъ инспекторъ-то мнѣ на васъ чего только и не наговорилъ! Ужасъ беретъ! И вы такой и вы сякой...

— И даже знаете, что говорилъ?—принимая таинственный видъ и подходя вплотную къ ректору, спросилъ владыка.—Что будто вы употребляете всевозможные способы тамъ, въ Петербургѣ, черезъ знакомыхъ, чтобы меня удалили на покой, а вамъ самимъ бы на мое мѣсто...

Ректоръ, пораженный и красный, какъ ракъ, стоитъ, не зная, что сказать. А владыка весело продолжаетъ:

— Вотъ вѣдь, бѣдный отецъ ректоръ, какъ можно наговорить на человѣка-то! А вы его по-начальнически, отца инспектора-то! Нечего церемониться... Рапортецъ на него, да и все тутъ. Иначе вѣдь житья вамъ не дастъ... И не дастъ! Я самъ его боюсь. О, свирѣпъ онъ!

— Ну, подите, отецъ ректоръ,—прощается владыка:—да построже съ инспекторомъ-то! Я васъ въ обиду не дамъ... Развѣ я васъ не знаю? Нѣтъ, отецъ инспекторъ, руки коротки да и зубы худы, чтобы тебѣ поймать и съѣсть отца ректора! Такихъ отцовъ инспекторовъ-то цѣлые запасы валяются по разнымъ захолустьямъ... Ну ихъ къ Богу! Нѣтъ, нѣтъ, отецъ ректоръ,—построже, построже! Да и посмѣлѣе!

Такъ и раздувалъ постоянно владыка «огонь», и это какъ будто доставляло ему великое удовольствіе.

Въ захолустномъ городишкѣ, какъ водится, не существовало въ то, хотя и недавнее еще, время, рѣшительно никакихъ разумныхъ развлеченій—въ видѣ театровъ, концертовъ и т. п., гдѣ бы можно было отдохнуть отъ обычной служебной дѣятельности. Поэтому служилое населеніе пользовалось всякимъ ничтожнымъ случаемъ, чтобы гдѣ-нибудь собраться и провести вечеръ за картами, танцами и другими незатѣйливыми увеселеніями. И учителя духовно-учебныхъ заведеній держались плотнымъ кружкомъ и въ именины—свои и своихъ женъ, а также и по нѣкоторымъ другимъ, иногда совершенно пустымъ поводамъ, устраивали,—какъ попросту тогда называлось,—пирушки.

Соберутся гости иной разъ сразу послѣ уроковъ. Пируютъ сначала осторожно, ибо знаютъ, что владыкѣ извѣстно ихъ времяпровожденіе,—онъ всегда за нѣсколько дней узналъ, гдѣ и по какому поводу устраивается пирушка,—а потому и не позволяютъ себѣ лишней свободы въ употребленіи питей, такъ какъ владыка можетъ «потревожить» во всякое время. Подобные случаи бывали нерѣдки...

Но владыка очень хорошо зналъ эту осторожность педагоговъ и «тревожилъ» ихъ совсѣмъ не тогда, когда они этого ожидали. Обыкновенно онъ въ семь часовъ уже ложился спать. Это знали

всѣ, а потому часовъ съ восьми пирушка начинала принимать болѣе непринужденный характеръ. Педагоги становились шумливѣе и въ разговорѣ смѣлѣе. Къ десяти же часамъ веселье достигало своего апогея. Раздавались уже нестройныя пѣсни подвыпившихъ и неистовые крики и пьяный хохотъ успѣвшихъ упиться.

И вотъ въ это-то самое «горячее» время, какъ снѣгъ на голову, вдругъ появлялся среди пирующихъ долговязый Карпушка и передавалъ приказаніе: безотлагательно пожаловать къ владыкѣ по важному дѣлу такому-то преподавателю... Начиналось неописуемое смятеніе, ибо владыка зналъ, кого позвать: всегда звалъ непремѣнно того, кто не могъ явиться. А на другой день владыка обязательно проводилъ на семинарскихъ урокахъ почти все учебное время. И на каждомъ урокѣ, призывая учениковъ къ болѣе усерднымъ занятіямъ науками, громогласно восклицалъ:

— О, юноши духовные! Трезвитеся и бодрствуйте, ибо супостатъ вашъ діаволъ ищетъ, кого поглотити-и... А трезвиться и бодрствовать теперь легко намъ, когда ветхій завѣтъ, какъ тѣнь грядущихъ благъ, прошелъ и на помощь намъ пришла Божія благодать... Такъ-то, други мои-и!—И, какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, начиналъ пѣть догматикъ: «прейде сѣнь законная, благодати пришедши»...

Ни одному же изъ преподавателей владыка ничего не говорилъ. А между тѣмъ своими восторженными восклицаніями и вдохновеннымъ пѣніемъ церковныхъ пѣснопѣній буквально рыматывалъ за день душу у каждаго изъ нихъ.

Эти восклицанія владыки и особенно его старческое, дребезжащее пѣніе, которымъ онъ всегда любилъ подкрѣплять свои рѣчи, терзали, какъ скрипъ пилы по желѣзу, всѣ внутренности не въ мѣру повеселившихся наканунѣ педагоговъ.

При всякомъ удобномъ случаѣ владыка давалъ понять, что какъ начальствующіе, такъ и учащіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ непремѣнно всегда и вездѣ обязаны показывать воспитанникамъ примѣръ доброй христіанской жизни. Поэтому онъ строго требовалъ, чтобы они обязательно присутствовали во всѣ воскресные и праздничные дни въ каѳедральномъ соборѣ за богослуженіями, которыя почти всегда совершалъ онъ самъ и при томъ рѣшительно безъ всякихъ сокращеній. Всенощная поэтому продолжалась не менѣе четырехъ часовъ, а иногда и дольше. Простому народу это нравилось, и онъ охотно выстаивалъ всю службу до конца. Чиновники же, которыхъ въ городѣ было сравнительно немного, если и заходили ко всенощной въ соборъ, то обыкновенно стояли гдѣ-нибудь въ углу или около стѣнъ, чтобы, въ случаѣ усталости, можно было привалиться, и при первой возможности уходили...

Одни только педагоги духовно-учебныхъ заведеній, какъ непосредственно и безусловно зависимые отъ архіерея, не дерзали явно выходить изъ церкви, а придумывали всевозможныя «хитрости». Изобрѣтательность же въ этомъ отношеніи была далеко не легкой: владыка употреблялъ разные способы для провѣрки того, аккуратно ли посѣщаютъ духовные педагоги богослуженія...

Никому не было въ диковинку, если владыка на другой день послѣ какого-либо праздника вызывалъ къ себѣ то одного, то другого преподавателя: къ этому всѣ привыкли, какъ къ явленію, ставшему вполнѣ естественнымъ. Напротивъ, если послѣ праздника проходилъ день или два, и владыка никого не потревожилъ, событіе это считалось изъ ряду вонъ выходящимъ, и всѣ были увѣрены, что это не спроста.

— Готовится, вѣрно, за что-нибудь разнести или каверзу опять какую-нибудь придумалъ...—тоскливо говорили въ такихъ случаяхъ въ учительской комнатѣ.

И вотъ при обычномъ теченіи жизни вызываетъ къ себѣ владыка кого-либо изъ преподавателей, по самому, повидимому, пустѣйшему поводу, на дѣлѣ же, чтобы удостовѣриться, былъ ли тотъ за всенощной подъ воскресенье и всю ли службу выстоялъ... Вызывалъ онъ для этой цѣли большею частью тѣхъ преподавателей, относительно исправности которыхъ въ этомъ отношеніи закрадывалось въ его душу сомнѣніе. И всегда владыка умѣлъ придумать поводъ къ вызову преподавателя. Кажется, въ голову никому бы не пришло, а онъ умѣлъ воспользоваться всякимъ предметомъ и обстоятельствомъ...

— Такъ, такъ... Гос-по-ди, прежде, даже до конца не погибну, спа-а-си мя...—тихо мурлычетъ про себя владыка, медленно похаживая взадъ и впередъ по кабинету и обѣими руками перебирая связанныя изъ черной шерсти узловатыя четки... Точно весь онъ объятъ молитвеннымъ настроеніемъ... На самомъ же дѣлѣ—на умѣ у него совсѣмъ не то... Вдругъ, остановившись. онъ хлопаетъ въ ладоши и кричитъ своимъ рѣзкимъ голосомъ:

— Карпушка-а!

— Сбѣгай въ семинарію,—приказываетъ онъ явившемуся келейнику: — попроси ко мнѣ профессора Егора Васильевича Оглоблина!

Оглоблинъ—преподаватель греческаго языка, трезвой жизни и во всемъ порядочный человѣкъ—находился у владыки въ подозрѣніи относительно исполненія требованій христіанской жизни. Единственною причиною этого было то, что онъ переводилъ съ учениками съ греческаго языка на русскій «Иліаду» Гомера. «А тамъ, въ этой самой Иліадѣ,—говаривалъ владыка,—ой, что говорится, и про боговъ языческихъ богомерзкихъ... и про войну изъ-за безнравственной причины... и прочее»...

Оглоблинъ, коренастый, пышащій здоровьемъ человѣкъ, чистенькій, опрятный, нѣсколько свободный въ манерахъ,—чего владыка терпѣть не могъ въ духовныхъ педагогахъ,—скоро является на зовъ.

— Егоръ Васильевичъ! Егоръ Васильевичъ!—точно какого задушевнаго пріятеля, встрѣчаетъ его владыка, еще издали идя ему навстрѣчу.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте!—благословляя Оглоблина, говоритъ онъ.—Какъ васъ Богъ хранитъ? Какъ идутъ у васъ успѣхи въ греко-эллинской премудрости?

— Да ничего, ваше высокопреосвященство!—стараясь быть развязнымъ, но смущенно отвѣчаетъ Оглоблинъ.—Слава Богу, учимся помаленьку! Особенно блестящихъ успѣховъ нѣтъ, чтобы сказать на отлично, а на добропорядочно и иные на довольно хорошо—всѣ ученики стараются. Лѣнивыхъ, смѣю доложить, нѣтъ...

— Ой-ой-ой! А, впрочемъ, въ скромномъ смиреніи великая похвала себѣ,—не то укоризненно, не то шутливо, какимъ-то плачевнымъ голосомъ говоритъ владыка.

— А я, знаете, и пригласилъ-то васъ къ себѣ,—продолжалъ онъ,—по поводу преподаванія греческаго языка... Сокровище вѣдь я нашелъ настоящее! Рылся тутъ, въ библіотекѣ, въ старомъ книжномъ хламѣ и вотъ что нашелъ!—указалъ владыка на лежавшую на столѣ почернѣвшую отъ времени толстую, въ пашковыхъ коркахъ книгу.

— Вѣдь, это Шеревеллій! Лексиконъ, въ которомъ можно разыскать всѣ основные корни словъ греческаго языка-а! Вѣдь это неоцѣненная книга для пониманія священнаго писанія Новаго Завѣта, написаннаго первоначально на греческомъ языкѣ... Вѣдь это, Егоръ Васильевичъ, прямо талисманъ, который небесную радость можетъ возбудить въ душѣ благочестиваго христіанина, любящаго размышлять о глаголахъ живота вѣчнаго.

— Вотъ я,—подойдя къ столу, положилъ владыка руку на книгу,—читаю, напримѣръ, всегда чудное, всегда восхищающее, все существо охватывающее страхомъ и трепетомъ, до забвенія всякаго личнаго бытія, зачаровывающее событіе о благовѣщеніи архангела Гавріила Пресвятой Дѣвѣ о рожденіи отъ Нея Предвѣчнаго Бога Слова... С м у т и с я о с л о в е с и... Что это такое с м у т и с я? Мы понимаемъ, что значитъ — смутиться въ обычномъ значеніи. Но что значитъ смущеніе Пресвятой Дѣвы отъ словъ архангела? Она жила при храмѣ на половину небесною жизнію и не знала смущенія въ нашемъ смыслѣ. Въ Назаретѣ, у старца Іосифа, Она оставалась такою же полунебесною и смущеніе въ человѣческомъ смыслѣ для Нея было неизвѣстно. Что же значитъ смутися?—поднимаетъ владыка глаза на покраснѣвшаго, какъ ракъ, Оглоблина.—А вотъ надо справиться въ греческомъ! Тамъ это слово обо-

значается *διεταράχτε*... Вотъ Шеревеллій-то и помогъ! По коренному составу, это слово значитъ: ужасомъ была объята, была испугана... Да! Все въ душѣ Ея перевернулось отъ словъ архангела. И смѣшались вмѣстѣ страхъ предъ Богомъ-Вседержителемъ и радость отъ предсказанія о рожденіи отъ Нея Мессіи Спасителя...

— А хорошо третьяго дня за всенощной догматикъ пѣли!— неожиданно перемѣнилъ владыка разговоръ.—А канонархъ-то какъ выкрикивалъ! Слышали? Ну, и голосъ! Какъ по-вашему?— обратился онъ къ Оглоблину.

— Да, голосъ хорошій...—замялся тотъ.

— Годился бы въ протодіаконы? По-моему, такъ очень подходящъ... Стараго-то ужъ пора на покой: худъ сталъ... Такъ подходящъ?—хитро посмотрѣлъ владыка на Оглоблина.—Согласны вы со мной, Егоръ Васильевичъ?

— Да... согласенъ...—едва пробормоталъ совсѣмъ какъ-то опустившійся отъ смущенія Оглоблинъ.

— Такъ... такъ...—весело потирая руки, говорилъ владыка, провожая Оглоблина.—Неужели вы гдѣ-нибудь видѣли, чтобы протодіакономъ былъ теноръ! Хе-хе-хе...

На такихъ неожиданныхъ вопросахъ часто попадались въ разставленную владыкой «ловушку» не бывшіе за богослуженіемъ или ушедшіе раньше времени изъ церкви учителя семинаріи. А такъ какъ выстоять всю службу было трудновато, да иногда и некогда почему-либо было итти въ церковь, то учителя и придумали «хитрость», чтобы къ отвѣту на неожиданные вопросы владыки всякому быть всегда готовымъ. Они устроили дежурства поочередно ходить въ соборъ къ службамъ. Часто ходили по двое: одинъ простоитъ половину службы, а затѣмъ его смѣняетъ другой, который и достаиваетъ до конца. Дежурные эти должны были утромъ въ первый учебный послѣ праздника день давать полный отчетъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ ими за богослуженіемъ: кто служилъ, какое Евангеліе читалось, на какой гласъ пѣли «Господи воззвахъ», что пѣлось по нотамъ и что простымъ напѣвомъ, о чемъ говорилось въ проповѣди и прочее т. п.

Въ общемъ, это хорошо помогало. Правда, невозможно было предвидѣть всякій вопросъ, какой могъ предложить владыка, а потому въ отвѣтахъ промахи были неизбѣжны. Но неправильный отвѣтъ на какой-нибудь частный вопросъ изобличалъ вопрошаемаго большею частью лишь въ разсѣянности и недостаточной внимательности во время богослуженія. А это уже было полбѣды.

Введеніе во храмъ Богородицы—храмовой праздникъ въ крестовой церкви. Такъ какъ крестовая церковь—это домовая церковь владыки, то послѣ торжественной литургіи и молебна у него всегда

полагалось «утѣшеніе братіи», какъ называлъ владыка обѣдъ. Къ обѣду вмѣстѣ съ другими гостями приглашались обязательно и всѣ сослужившіе ему за богослуженіемъ.

Послѣ общей молитвы и благословенія стола владыкой всѣ садятся и чинно закусываютъ. Бутылокъ со всевозможными питіями много, но никто къ нимъ не прикасается; всѣ чувствуютъ какую-то неловкость... И владыка это хорошо знаетъ.

Наконецъ онъ, видя, что неловкость эта достигла достаточной степени, обращается, какъ бы спохватившись, къ ректору семинаріи:

— Ахъ, отецъ архимандритъ! Что же это вы? Клюйте-ка, клюйте!— указывая на бутылки, говоритъ онъ.—А мнѣ это и ни къ чему...

— Да клевать-то нельзя,—невозмутимо отвѣчаетъ отецъ ректоръ:—бутылки-то, ваше высокопреосвященство, не откупорены даже...

— Карпушка! Ахъ, злодѣй! Ахъ, душегубъ! Что ты со мной только ни продѣлываешь, нечестивецъ...—горячится владыка, хотя по его строгому наказу ни одна бутылка и не была откупорена келейникомъ. Ахъ, лиходѣй! И присрамилъ же для такого праздника! Откупоривай скорѣе, бестія! Вѣдь у порядочнаго человѣка нынѣ и аппетита не бываетъ безъ возбужденія! Развѣ не знаешь этого?

Намекъ на возбужденіе аппетита относился къ страдавшему извѣстной «келейной болѣзнью» инспектору семинаріи, тоже архимандриту.

Наконецъ бутылки откупорены. Отецъ ректоръ семинаріи наливаетъ себѣ рюмку водки, выпиваетъ и основательно принимается за закуску. Владыка же наливаетъ себѣ полный стаканъ воды и, впадая въ лирическій тонъ, обращается къ ректору:

— Вотъ напитокъ богоданный, чистый и безпримѣсный, какъ хрусталь! Въ немъ оживленіе тѣлесныхъ силъ, врачевство противъ всякихъ болѣзней, очищеніе всего вредоноснаго въ организмѣ... О, уважаемый отецъ ректоръ! Вода—вѣдь это восхищеніе, это божественный нектаръ, вѣдь она кровь очищаетъ... веселитъ все существо человѣка и къ Богу, Творцу вселенныя, неудержимо влечетъ нашу грѣховную душу-у...

— Воду-то, ваше высокопреосвященство, и звѣри пьютъ,—попрежнему невозмутимо говоритъ ректоръ, продолжая закусывать:— а вино—и въ писаніи сказано—веселитъ сердце человѣка...

— Ну, ну, отецъ ректоръ! Я вѣдь человѣкъ неученый, гдѣ мнѣ? Всякаго звѣря не вспомнишь во время...—ехидно отражаетъ ударъ владыка.—Кушайте-ка, кушайте, братіе, во славу Божію, и не осудите меня убогаго.

А самъ въ это время смотритъ на всѣхъ такимъ взглядомъ, который ясно говоритъ: «Ужъ и напьетесь же вы, голубчики, сегодня гдѣ-нибудь! А мнѣ все это будетъ извѣстно отъ вѣрныхъ

людей... И видно будетъ, что цѣннѣе: ваша ли ученость, или мое убожество?»

Наушничество и доносы владыкѣ были развиты до крайнихъ размѣровъ и доходили иногда до удивительныхъ курьезовъ. Случилось разъ ректору семинаріи поѣхать на ревизію духовнаго училища въ отдаленный уѣздный городъ. На пути туда онъ остановился ночевать въ другомъ уѣздномъ городѣ, у знакомаго протоіерея—настоятеля городского собра. Была суббота, и потому ректоръ присутствовалъ за всенощной въ алтарѣ. На другой день онъ распростился съ гостепріимнымъ хозяиномъ и уѣхалъ по назначенію.

По возвращеніи съ ревизіи ректоръ явился къ владыкѣ, какъ водится, съ докладомъ.

— А, отецъ ректоръ! Съ пріѣздомъ, съ пріѣздомъ...—весело встрѣтилъ его владыка.—Все ли благополучно? Какъ ѣздилось? А вотъ тутъ про васъ что пишутъ!—вдругъ, взявъ со стола письмо, продолжалъ владыка.—Читайте-ка, вотъ! Читайте!

Въ письмѣ сообщалось, что отецъ ректоръ, въ бытность его за всенощнымъ бдѣніемъ въ городѣ N—скѣ, стоя въ алтарѣ, многократно нюхалъ за богослуженіемъ табакъ. Авторъ письма, совершавшій богослуженіе, возмущался этимъ, какъ дѣйствіемъ, не только позорнымъ, но и грѣховнымъ и для духовной особы, стоящей во главѣ духовной семинаріи, воспитывающей будущихъ пастырей церкви, совершенно не извинительнымъ...

— А что?—заговорилъ владыка, когда ректоръ дочиталъ письмо.—Вотъ вѣдь какъ надо быть осторожнымъ, отецъ архимандритъ! И соблазнились малыи сіи... А вѣдь знаете—аще кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ—лучше бы ему камень на шею, да въ пучину морскую. Да и сами посудите, отецъ ректоръ! Что за мерзкая привычка пристрастіе къ табаку...—И на лицѣ владыки появилось презрительное, смѣшанное съ брезгливостью выраженіе, точно предъ нимъ было, дѣйствительно, что-то очень скверное.—А тутъ еще этого мерзкаго дѣла не стыдятся и передъ людьми... Да еще въ святѣйшемъ мѣстѣ-ѣ! Э-эхъ, ужъ! И вправду вѣдь,—стоите во главѣ заведенія, воспитывающаго будущихъ священниковъ... О, о, какъ надо заботиться о семинаріи-то!..

И самъ владыка въ своихъ заботахъ буквально д о п е к а л ъ семинарію. И въ урочное, и не въ урочное время нѣсколько разъ въ недѣлю бывалъ онъ въ семинаріи. Иногда придетъ запросто, неофиціально, чтобы никто изъ начальствующихъ и не зналъ...

Вотъ, напримѣръ, случай, которому трудно повѣрить. А между тѣмъ случай этотъ, дѣйствительно, былъ и есть еще много старцевъ-священниковъ, помнящихъ этотъ случай и даже принимавшихъ въ немъ участіе.

Было время экзаменовъ передъ лѣтними каникулами. А тутъ владыка особенно изощрялся, чтобы «перехитрить» учащихъ и ярко отмѣтить тѣ или другіе недочеты въ ихъ учебной дѣятельности. Въ день, назначенный для экзамена въ выпускномъ классѣ по нравственному богословію, которое преподавалъ ректоръ семинаріи, владыка явился въ семинарію ровно въ пять часовъ утра, когда все еще спало крѣпкимъ сномъ. Въ легкой рясѣ, съ палочкой въ рукѣ, въ скуфьѣ вмѣстѣ клобука вошелъ онъ на семинарскій дворъ. Только что вставшій швейцаръ вышелъ въ это время со шваброй, чтобы подмести соръ на парадной лѣстницѣ. Увидавъ владыку, онъ бросился было бѣжать—доложить начальству.

— Эй, слышь ты!—закричалъ владыка:—не валяй дурака! Слушай хорошенько... Ступай въ спальню богословскаго класса и тихонько всѣхъ перебуди. Скажи, чтобы сейчасъ же въ классъ, по одному, безъ шуму шли... Архіерей, молъ, стоитъ у дверей. Да помни, чтобы никакого шуму! А самъ тамъ и стой—ни шагу! Если же вздумаешь улизнуть и разбудить начальство или хоть кого-нибудь—будетъ плохо!..

Десяти минутъ не прошло, какъ весь богословскій классъ былъ за партами, а дрожащій отъ страха швейцаръ стоялъ въ коридорѣ у дверей, не смѣя сдѣлать шага въ ту или другую сторону. Во всей семинаріи—гробовая тишина...

Владыка вынулъ изъ портфеля списокъ учениковъ и началъ экзаменъ.

— Ну, скажи, juvenis,—обращается онъ къ одному изъ учениковъ:—что есть нравственность?

— Нравственность, или этика,—отъ греческаго эфосъ—нравъ обычай,—есть отличительный признакъ духовно-нравственныхъ существъ отъ всѣхъ земныхъ твореній,—скороговоркой затараторилъ семинаристъ,—и настолько возвышаетъ его надъ всѣми земнородными живыми тварями, что это духовно-нравственное существо—человѣкъ—малымъ чѣмъ умаленъ отъ ангеловъ и славою и честію вѣнчанъ отъ Бога, но такъ какъ...

— Постой, постой,—замахалъ руками владыка.—Все это, можетъ быть, и очень хорошо... А вотъ скажи-ка мнѣ: сквернными словами ругаешься?

— Бываетъ...—смущенно и какимъ-то упавшимъ голосомъ проговорилъ семинаристъ.

— Ну, такъ вотъ, это и есть нравственность твоя,—поучаетъ владыка:—стыдно—это значитъ, что совѣсть твоя признала твой поступокъ сквернымъ, да еще и подсказала тебѣ, что этимъ ты унижаешь свое человѣческое достоинство и самъ себя топчешь въ грязь. А вотъ и въ лекціяхъ-то у тебя говорится, что Господь малымъ чѣмъ умалилъ человѣка, сравнительно съ ангелами... А ты, вопреки Божію милосердію, позоришь самого себя, когда произносишь скверныя слова! Противникомъ Божіимъ являешься...

— О, всемилосердный Господи! Прости ты этихъ неразумныхъ юношей, готовящихся служить Тебѣ и вести къ Себѣ людей, какихъ Ты поручишь имъ... Просвѣти Ты ихъ, Свѣтъ истинный!..

Долго такъ молитвенно восклицалъ владыка. Любилъ вездѣ воодушевленіе... Каждаго семинариста спросилъ, съ каждымъ поговорилъ, какъ и съ первымъ, поставилъ всѣмъ баллы и, благословивъ каждаго, пошелъ домой. А на прощанье сказалъ:

— Экзаменъ у васъ кончился и больше не будетъ! Никому не говорите, что я былъ тутъ... Смотрите, узнаю—бѣда!

Утромъ, въ половинѣ девятаго, ректоръ торжественно, при орденахъ, отправился къ владыкѣ съ приглашеніемъ на свой экзаменъ.

— Ну, что, любезнѣйшій pater rector, чѣмъ порадуете?—весело встрѣтилъ ректора владыка.

— А благодать-то на улицѣ какая!..—благословляя его, продолжалъ онъ:—жаворонки поютъ. Всякая птичка Божія... О, Господи, какъ ты милостивъ къ намъ, грѣшнымъ! Хорошо-о! Садитесь-ка да выкладывайте, съ чѣмъ пожаловали?

— Покорнѣйше прошу на экзаменъ, выше высокопреосвященство!—съ низкимъ поклономъ произнесъ ректоръ.—Сегодня по нравственному богословію... мой экзаменъ...

— Хе-хе, любезнѣйшій о. архимандритъ! Это ужъ кого другого приглашайте, а не меня! Экзаменъ уже давно кончился и больше не будетъ!

Съ этими словами владыка всталъ, подошелъ къ столу и, взявъ экзаменаціонный списокъ съ выставленными имъ баллами и уже имъ подписанный, подалъ его оторопѣвшему ректору.

Ректоръ посмотрѣлъ на списокъ и, совершенно обезкураженный, заговорилъ:

— Да какъ же это, владыко! Что же теперь дѣлать? Вѣдь профессора придутъ на экзаменъ!

— Э, добрѣйшій о. ректоръ! Спать намъ некогда и дважды экзаменъ производить совсѣмъ неразумно. Помните-ка, что Петръ-то Великій въ это время уже обѣдать садился, наработавшись вволю, а мы только съ постели встаемъ и на экзаменъ собираемся Работайте, работайте-е, дондеже день есть...

— А теперь простите, почтеннѣйшій, мнѣ надо своими дѣлами заниматься,—рѣшительно благословилъ владыка окончательно сконфуженнаго ректора...

Случаи, подобные описаннымъ, передаются цѣлыми десятками. Но и того, что приведено, вполнѣ достаточно, чтобы понять, насколько мѣры, принимавшіяся владыкой Аркадіемъ въ цѣляхъ воспитанія духовныхъ педагоговъ, могли казаться этимъ послѣднимъ странными и не только совершенно непонятными, а даже и безсмысленными.

Но въ то время, какъ «каверзы» владыки Аркадія по отношенію къ духовнымъ педагогамъ носили, въ общемъ, добродушный характеръ и рѣдко шли дальше сарказмовъ и легкихъ издѣвательствъ,—воздѣйствіе его на подчиненное духовенство было совсѣмъ инымъ: оно носило уже ярко выраженный характеръ тяжелаго гнета.

II.

Гнетъ.

Чтобы пріучить духовенство къ тщательности въ исполненіи служебнаго долга и особенно къ смиренію, главному, по его мнѣнію, качеству священнослужителя, владыка Аркадій былъ особенно строгъ и чрезмѣрно требователенъ. Еще при опредѣленіи на мѣста онъ употреблялъ всевозможные способы, чтобы «испытать терпѣніе» желающаго получить священный санъ или занять мѣсто причетника.

И, дѣйствительно, надо было запастись невѣроятнымъ терпѣніемъ, чтобы безропотно перенести иногда очень продолжительный и въ высшей степени унизительный искусъ. Владыка тонко умѣлъ угадать наиболѣе чувствительныя струны въ душѣ просителя и мѣтко ударялъ по нимъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. И чѣмъ безропотнѣе и терпѣливѣе былъ испытуемый, тѣмъ ожесточеннѣе и грубѣе становились испытанія... Вотъ, въ общемъ, примѣръ того, какъ обычно происходило при архіепископѣ Аркадіи назначеніе на священнослужительскія мѣста и самое посвященіе въ духовный санъ.

Является окончившій курсъ семинаріи, съ прошеніемъ объ опредѣленіи на свободное священническое мѣсто. Владыка, благословивъ просителя, дружескимъ тономъ спрашиваетъ:

— Ну, что, за какимъ дѣломъ пожаловалъ? Не обижаетъ ли кто, храни Богъ, тебя, безпомощнаго? Въ обиду не дамъ! Ну, что же?

— Священническое мѣсто занять желаю...—отвѣчаетъ проситель, ободренный покровительственнымъ отношеніемъ владыки.

— А, вотъ, хорошо! Вотъ-то хорошо!—съ восторгомъ восклицаетъ владыка.—Будущій пастырь—служитель Христовъ! О, боголюбезнѣйшій, гряди во имя Господне... А куда просишься?

— Въ Козій Рогъ, ваше преосвященство...

— Ну, вотъ, и слава Богу! А то, вѣдь, туда не скоро найдется охотникъ... Далеко очень, да и дорогъ-то лѣтомъ нѣтъ... Похвально, очень похвально! А ты кончилъ курсъ или не изъ кончалыхъ?

— Кончилъ, нынѣшнимъ лѣтомъ...

— Слава тебѣ, Господи!—восклицаетъ владыка.—Въ Козьемъ-то Рогѣ будетъ священникъ изъ кончившихъ курсъ! Да тамъ еще

и не бывало такихъ... Ну, слава Богу, слава Богу. Давай прошеніе...

— Такъ, такъ...—разсматриваетъ владыка прошеніе.—Добре... А спой-ка на седьмой гласъ догматикъ! Вотъ обиходъ...—подаетъ владыка, взявъ со стола всегда лежавшій тамъ «Обиходъ», книгу церковнаго нотнаго пѣнія.

Проситель старательно пѣлъ. И если гдѣ дѣлалъ ошибку, владыка начиналъ охать и стонать, сѣтуя на то, что почти некого въ священники ставить:

— Просятся, а сами пѣть не умѣютъ! Что же это за пастырь будетъ? Какъ же онъ будетъ отъ причетниковъ требовать правильнаго пѣнія или чтенія? А вѣдь безъ этого что же и за служба будетъ? О, Господи, доколѣ-ѣ?...

И на прошеніи владыка тутъ же писалъ резолюцію, опредѣляющую просителя въ монастырь на мѣсяцъ, для наученія церковному пѣнію. Если же испытуемый пропѣлъ требуемое правильно,—ему давалось пропѣть другое, затѣмъ третье. А потомъ владыка заставлялъ читать что-нибудь по богослужебнымъ книгамъ. Если и чтеніе оказывалось правильнымъ,—чего, однако, почти никогда не бывало,—то проситель опредѣлялся на искомую должность.

Но, повторяемъ, этого почти никогда не бывало: владыку удовлетворить было трудно. Въ самомъ лучшемъ случаѣ дѣло кончалось тѣмъ, что проситель прикомандировывался на недѣлю ежедневно ходить ко всѣмъ службамъ въ крестовую церковь и пѣть на клиросѣ. А большею частію для наученія пѣнію просители отсылались куда-нибудь въ монастырь, на мѣсяцъ и на два. Да еще и послѣ этого иногда снова должны были возвращаться на новый срокъ въ тѣ же монастыри.

По выдержаніи новаго испытанія въ пѣніи, въ знаніи священной исторіи и богословія и многихъ другихъ отраслей человѣческаго вѣдѣнія, проситель опредѣлялся наконецъ на мѣсто.

Послѣ исполненія всевозможныхъ формальностей, консисторскихъ справокъ, присяги, исповѣди у духовника назначался и день посвященія ставленника въ архіерейской церкви. И тутъ ставленнику все нужно было разузнать отъ келейника, чтобы посвященіе прошло благополучно, ибо это послѣднее случалось очень рѣдко: и тутъ владыка продолжалъ учить ставленника и смиренію и бодрствованію. Бывали, напримѣръ, такіе случаи.

Наканунѣ посвященія владыка призываетъ къ себѣ ставленника и говоритъ:

— Завтра въ это время благодать діаконства уже будетъ почивать на главѣ твоей! Готовься усердно къ сему великому дару, къ воспріятію божественной благодати! Туне пріясте—туне дадите...

На другой день—для ставленника великій день—приходитъ онъ въ крестовую церковь, гдѣ назначено архіерейское служеніе,—

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛІОТЕКА

приходитъ ровно въ девять часовъ, когда только что долженъ начаться звонъ къ обѣднѣ... И—о, ужасъ! Обѣдня уже началась... Читаютъ Апостолъ... Несчастный ставленникъ чуть въ обморокъ не падаетъ... Дрожащій, весь въ холодномъ поту, онъ падаетъ на колѣни и въ изнеможеніи прислоняется къ стѣнѣ, тутъ же, у дверей церковныхъ. Народу въ церкви почти никого нѣтъ; день будній. Старушекъ десятокъ—вотъ и всѣ богомольцы.

А владыка служитъ, какъ всегда—воодушевленный, сіяющій, изрѣдка посматривая на ставленника.

Кончается служба... Владыка торжественно идетъ домой... Ставленникъ въ ноги...

— Надо въ свое время приходить, голубчикъ!—говоритъ владыка.—Я вотъ для тебя нарочно служилъ! Думаешь, у меня дѣла нѣтъ, отъ нечего дѣлать служу?.. А я думалъ: вотъ посвящу тебя поскорѣй—поскорѣе и въ приходъ пріѣдешь... Тамъ тоже давно ждутъ... А ты вотъ видишь—не торопишься, знать, въ городѣ пожить хочется подольше... А я все-таки постараюсь тебя поскорѣе отсюда отправить на приходъ, жаль прихожанъ... Приходи послѣзавтра, въ субботу. Ужъ отслужу для тебя другой разъ на недѣлѣ...

Въ субботу ставленникъ приходитъ въ церковь въ восемь часовъ—по обыкновенному расчету за часъ до звона къ обѣднѣ. Увы! Уже поютъ «Херувимскую»...

Ставленникъ не входитъ и въ церковь, ибо его бьетъ лихорадка.

Послѣ обѣдни та же сцена съ владыкой.

— О, вы лѣнивіи, о, нерадивіи!—восклицаетъ онъ.—Что же мнѣ дѣлать то-о? Второй разъ на недѣлѣ служу, чтобы поскорѣе пастыря послать на приходъ, а пастырь не радитъ, не торопится! О, Іисусе сладчайшій, вразуми Ты неразумн-ы-ыхъ!..

— Ну, завтра въ соборъ приходи ужъ,—обращается владыка къ ставленнику:—звонъ въ девять часовъ.

Въ соборѣ время службы мѣнять было неудобно, и владыка туда прибывалъ всегда аккуратно, въ половинѣ десятаго. Наконецъ-то ставленникъ получалъ благодать діаконства. Тутъ же владыка послѣ обѣдни объявлялъ ему день для посвященія въ священники, въ крестовой церкви, на предстоящей же недѣлѣ.

И начиналась опять «исторія». Въ семь часовъ иногда придетъ ставленникъ въ церковь, а уже обѣдня къ концу! Въ половинѣ пятаго часа утра иногда владыка начиналъ литургію.

Если же ставленникъ приходилъ къ обѣднѣ рано, когда владыка еще не выходилъ изъ своихъ покоевъ, то, узнавши отъ келейника, что ставленникъ уже тутъ, владыка иногда объявлялъ, что ему что-то нездоровится и что служить поэтому онъ не можетъ...

Бывали случаи, что ставленники тутъ гдѣ-нибудь и ночевали у слугъ архіерейскихъ. Въ такихъ случаяхъ владыка обыкновенно былъ милостивъ, ибо любилъ «бдительныхъ»...

Можно себѣ представить, какія муки переживалъ ставленникъ за двѣ-три недѣли своего посвященія въ священныя степени... Иногда, буквально, едва душа въ тѣлѣ держится...

Былъ даже такой случай. Послѣ инспектора семинаріи архимандрита инспекторомъ состоялъ свѣтскій человѣкъ изъ учителей семинаріи, уже пожилой—лѣтъ сорока пяти, магистръ богословія. Почему-то владыка пожелалъ, чтобы инспекторъ принялъ священный санъ, а такъ какъ насильно сдѣлать это было нельзя, то онъ и началъ соблазнять инспектора хитростью. Раза четыре на недѣлѣ позоветъ за какимъ-нибудь дѣломъ, переговорить, а затѣмъ и начнетъ насѣдать:

— Почтеннѣйшій Петръ Васильевичъ, будьте вы священникомъ! Что прекраснѣе для семинаріи—какъ инспекторъ священникъ? Я и протоіереемъ сразу же сдѣлаю, а вѣдь до протоіерейства-то люди десятки лѣтъ служатъ! Соглашайтесь, будете довольны!

И такъ каждый разъ. Инспекторъ едва отговорится.

Наконецъ владыка началъ настойчиво просить:

— Ну, сдѣлайте это для меня, достоуважаемый Петръ Васильевичъ! Утѣшьте стараго человѣка,—успокойте! Я и за семинарію буду спокоенъ,—ректоромъ сдѣлаю! И супруга ваша рада будетъ...

Согласился наконецъ инспекторъ. Посвященіе въ священники состоялось въ Вербное воскресенье. Послѣ обѣдни владыка въ восторгѣ поздравляетъ новорукоположеннаго съ благодатію священства и, напоминая ему слова изъ апостольскаго чтенія на тотъ день, говоритъ, обнимая и лобызая:

— О, іерее! Елика суть честна, елика суть праведна, елика пречиста, елика доброхвальна,—аще кая добродѣтель, и аще кая похвала—сія помышляйте-е! Вотъ тебѣ программа на всю жизнь... Въ сихъ поучайся, въ сихъ пребывай...

Для захолустнаго городка цѣлое событіе совершилось: инспекторъ семинаріи принялъ священный санъ. Значитъ, ректоромъ будетъ.

А между тѣмъ этого самаго инспектора въ тотъ же вечеръ зоветъ владыка къ себѣ и безъ церемоніи говоритъ:

— Были у меня тутъ мужички. Тридцать пять верстъ отсюда церковь есть, приписная къ Векшинскому приходу. Просили меня прислать къ нимъ священника, послужить въ Страстную недѣлю и Пасху. Ахъ, думаю, вотъ я удружу вамъ, мужички! Есть, говорю, священникъ, да еще какой! Во всей губерніи нѣтъ такого—ученый... Вотъ и поѣзжай-ка завтра, отецъ Петръ, и утѣшь сѣрую братію...

У инспектора въ головѣ помутилось.

— Не могу, владыка,—забормоталъ онъ.—Я инспекторъ семинаріи, а потомъ—семья у меня... Какъ же такіе великіе дни да и св. Пасху семья безъ меня встрѣтитъ?..

— Ой-ой-ой, сколько наговорилъ,—возразилъ владыка.—Ой, какой великій человѣкъ... Инспекторъ семинаріи, вишь!.. Да, вчера былъ инспекторъ, а сегодня іерей,—и инспекторомъ всякую минуту можешь перестать быть! А за непослушаніе епископу іерей да извержется изъ сана... Слыхалъ такое правило-то? Такъ завтра утромъ поѣзжай...

— У меня малютка сынъ очень нездоровъ, безъ меня помереть можетъ,—пошытался еще о. Петръ.

— Этого не знаю,—сказалъ владыка:—а завтра ты поѣзжай... Не забывай правила, какія я сказалъ...

И поѣхалъ о. Петръ въ глухую деревню на всю Страстную недѣлю и Пасху, а дороги уже рушились, ростепель... А дома въ семьѣ оставилъ слезы и тоску... Сынъ больной, дѣйствительно, безъ него умеръ...

Это былъ единственный сынъ у о. Петра. А ректоромъ о. Петра владыка все-таки сдѣлалъ.

Любилъ учить смиренію владыка Аркадій и высшее епархіальное духовенство, особенно ученыхъ, т.-е. лицъ съ академическимъ образованіемъ. Вотъ два случая.

Въ Великій четвергъ на Страстной недѣлѣ назначено торжественное служеніе литургіи въ крестовой, архіерейской церкви. Въ числѣ сослужащихъ владыкѣ за богослуженіемъ—и ректоръ семинаріи, архимандритъ.

Всѣ священнослужители выходятъ для встрѣчи владыки къ дверямъ его покоевъ. Стоятъ пять минутъ, десять... Нѣтъ и нѣтъ владыки... Наконецъ отворяется дверь, и келейникъ объявляетъ:

— Владыка служить не будетъ, а проситъ о ректора облачиться и начинать литургію.

Священнослужители уходятъ къ царскимъ дверямъ, читаютъ входныя молитвы, уходятъ въ алтарь и облачаются въ ризы. А владыка въ это время зорко слѣдитъ изъ своихъ комнатъ черезъ щель двери, ведущей въ церковь. И—только бы начинать литургію,—какъ въ алтарѣ появляется келейникъ.

— Владыка надумалъ самъ служить!—объявляетъ онъ.

Всѣ въ смущеніи разоблачаются и снова идутъ къ дверямъ архіерейскихъ комнатъ, встрѣчать—по чину—владыку.

Стоятъ и ждутъ. И опять вмѣсто владыки появляется келейникъ и говоритъ:

— Нѣтъ, владыка не осмѣливается служить! Вѣрно, что ли, нездоровится... Просилъ служить безъ него.

Всѣ опять съ конфузомъ удаляются въ алтарь, въ высшей степени дивятся поведенію владыки, но облачаются къ служенію... и только бы начинать литургію, какъ снова является келейникъ

— Владыка проситъ обождать... Рѣшилъ служить...

Снова идетъ разоблаченіе служащихъ, снова ожиданіе архіерея у дверей и та же исторія: келейникъ заявляетъ, что владыка извиняется и проситъ служить безъ него...

Почти до слезъ разобиженные служащіе входятъ въ алтарь, облачаются и готовы начать литургію, а келейникъ опять тутъ, какъ тутъ.

— Владыка будетъ служить...

Опять всѣ разоблачаются и идутъ встрѣчать владыку. Но первенствующій изъ служащихъ, архимандритъ, ректоръ семинаріи, одѣваетъ шубу и идетъ, вмѣсто встрѣчи архіерея, къ выходу.

Видя это, разгнѣванный владыка отворяетъ дверь и кричитъ:

— Куда ты? Куда ты, ослушникъ? Какъ осмѣлился отъ службы уйти! Я вотъ тебя!

Но ректоръ ушелъ. Владыка же вышелъ и служилъ литургію. А на ослушника онъ донесъ въ синодъ. Вскорѣ ректоръ семинаріи «за ослушаніе епископа» былъ переведенъ въ число братіи одного изъ захолустныхъ монастырей.

А вотъ другой случай.

Ректору семинаріи нужно было говорить въ каѳедральномъ соборѣ очередную проповѣдь, которую онъ представлялъ по обыкновенію на предварительную цензуру самому владыкѣ. Просмотрѣвъ проповѣдь, владыка призвалъ къ себѣ цензора проповѣдей, протоіерея, преподавателя семинаріи, и приказалъ ему раскритиковать ректорскую проповѣдь, указавъ, гдѣ и въ какихъ выраженіяхъ это сдѣлать.

— Хорошенько его, хорошенько, о. Ѳедоръ!—говорилъ владыка.—Не бойся! Ты, какъ профессоръ семинаріи, подчиненъ ректору, но, какъ цензоръ проповѣдей, имѣешь право и зачеркнуть его проповѣдь...

— Вотъ такъ!—показалъ владыка, дѣйствительно, поставивъ крестъ на всѣхъ страницахъ проповѣди.

— Да какъ же, владыко святый?—дѣлая послѣднюю попытку отказаться отъ критики ректорской проповѣди, замѣтилъ цензоръ.—Вѣдь проповѣди отца ректора у меня въ цензурѣ никогда не бывали.

— А вотъ теперь пусть отецъ ректоръ знаетъ, что цензоръ и надъ его проповѣдями есть...—хитро посмѣиваясь, говорилъ владыка.

По настоянію владыки, цензоръ написалъ неодобрительную рецензію и не призналъ проповѣдь годною къ произнесенію. Проповѣдь же владыка оставилъ у себя, тогда какъ, обыкновенно, отсылалъ проповѣднику дня за два до произнесенія.

Ректоръ ждетъ проповѣдь отъ владыки, а ея нѣтъ какъ нѣтъ! «Что же это значитъ?» думаетъ ректоръ. Нѣтъ проповѣди и наканунѣ произнесенія... «Ну,—думаетъ ректоръ,—вѣрно, послѣ всенощной пришлетъ»... Прошла и всенощная—проповѣди нѣтъ...

Сильное безпокойство овладѣваетъ ректоромъ. «Что за искушеніе! Завтра служить литургію съ владыкой въ каѳедральномъ соборѣ... Вѣрно, пришлетъ утромъ»...

Но вотъ и утро, а проповѣди нѣтъ! Поѣхалъ ректоръ въ соборъ къ обѣднѣ... «Значитъ, отдастъ тамъ», думаетъ.... Вскорѣ прибылъ и владыка. Поздоровались... Служатъ обѣдню, а проповѣди ректору владыка не даетъ... Наконецъ служащіе причастились и ректору надо итти произносить проповѣдь...

Владыка вынимаетъ изъ кармана тетрадку и, указывая на нее пальцемъ подошедшему ректору, съ язвительной улыбкой говоритъ:

— Смотрите-ка, о. ректоръ,—всю, вѣдь, проповѣдь исчеркалъ о. Ѳедоръ! А на поляхъ-то что написалъ! А резолюція-то какая! Не одобряетъ къ произнесенію... Хе-хе-хе...

А о. Ѳедоръ стоитъ тутъ же, по другую сторону престола, не смѣя глазъ поднять на своего начальника, ректора.

Гнѣвъ овладѣлъ ректоромъ, и неизвѣстно, что бы могло тутъ произойти, но ректоръ сдержался и, не ожидая окончанія литургіи, уѣхалъ домой. А на другой день онъ написалъ въ синодъ жалобу на владыку, приложивъ къ ней и злополучную проповѣдь.

Жалоба эта была оставлена безъ послѣдствій и отослана владыкѣ вмѣстѣ съ проповѣдью. Долго послѣ этого при всякомъ удобномъ случаѣ подсмѣивался владыка надъ ректоромъ и намекалъ на «неудачную попытку»...

Въ высшей степени строгъ былъ владыка Аркадій къ провинившемуся духовенству. Онъ не стѣснялся наказывать назначеніемъ на «черныя работы» даже священниковъ.

Рядомъ съ городомъ, въ дремучемъ лѣсу, тянувшемся на десятки верстъ, и сейчасъ находится архіерейская дача, съ хуторскимъ хозяйствомъ. На этомъ хуторѣ, обыкновенно, и работало провинившееся чѣмъ-либо духовенство. Лѣтомъ владыка всегда жилъ на этой дачѣ и любилъ гулять по двору, гдѣ работали провинившіеся... Ходитъ и распѣваетъ церковныя пѣснопѣнія, время отъ времени обращаясь къ работающимъ съ ѣдкими замѣчаніями.

— Что, отецъ Кузьма, вспотѣлъ?—скажетъ, бывало, владыка.—Здѣсь чарочки не дадутъ, а работать заставляютъ? Хи-хи... то-то и оно-то...

Отецъ Кузьма угрюмо молчитъ, обѣими руками опершись на навозныя вилы, которыми онъ накладывалъ на телѣгу навозъ.

— Да-а-а!—вздыхалъ владыка, сдвигая на затылокъ скуфью.—Вотъ іерей Божій! Служить бы ему у престола Господня, таинства небесныя совершать... А онъ вотъ навозъ ковыряетъ... Ай, стыдъ какой!

— Владыко святый,—не выдерживаетъ о. Кузьма:—я вѣдь и дома тоже работаю! Тоже навозъ ковыряю... Семью кормлю трудами рукъ своихъ...

— А, ты вонъ какой! Еще и съ языкомъ безъ привязи...—начиналъ горячиться владыка.—Да понимаешь ли ты, несчастный, что дома ты работаешь во славу Божію, а здѣсь ты въ умѣ ругаешь меня на чемъ свѣтъ стоитъ? И на работѣ твоей нѣтъ благословенія Божія!

— Богъ съ вами, владыко,—утирая заскорузлымъ рукавомъ балахона невольно скатившуюся слезу, говоритъ о. Кузьма.—Я и здѣсь работаю во славу Божію, какъ нѣкогда пастыри-мученики въ каменоломняхъ... Съ тою только разницею, что во время работы вспоминаю и слезы своей жены, которая принуждена теперь вмѣсто меня ковырять навозъ... Время-то вездѣ одно... А она не праздна...

— Ладно... Знаю васъ, пьяницъ...—машетъ рукою владыка и, смущенный, убѣгаетъ. «Вретъ все Кузьма», думаетъ онъ.—«А ну, какъ правду говоритъ?» точно подсказываетъ кто владыкѣ...

— Э-эхъ! Вскую мя отринулъ еси отъ лица Твоего, Свѣте незаходимый... И покрыла мя есть чуждая тьма, окаяннаго...—мурлычетъ въ раздумьи, владыка, точно силясь разгадать, что же это за тьма покрыла его...

Очень часто, усмотрѣвъ какія-либо упущенія въ каѳедральномъ соборѣ или узнавъ о неисправности въ службѣ соборянъ, владыка перемѣщалъ соборныхъ священниковъ въ самыя бѣдныя села, а на ихъ мѣсто переводилъ священниковъ изъ селъ.

III.

Благорасположеніе.

Насколько владыка Аркадій строгъ и суровъ былъ къ неисправнымъ, нерадивымъ и провинившимся, настолько онъ былъ ласковъ и снисходителенъ къ людямъ усернымъ и выдающимся какою-либо дѣятельностью. Особенно любилъ онъ и всегда отличалъ заботящихся о просвѣщеніи народа черезъ обученіе его грамотѣ.

Узнаетъ, напримѣръ, владыка, что понамарь какого-нибудь захолустнаго села учитъ въ своей избѣ по зимамъ деревенскихъ ребятъ грамотѣ, и пишетъ ему собственноручное письмо, въ родѣ слѣдующаго:

«Достойнѣйшій Платонъ Петровичъ! Какъ сердце мое взыгралось радостію, когда мнѣ довелось узнать, что у тебя школа... О, какое великое дѣло ты дѣлаешь! Ты научишь читать десятокъ дѣтей, а они своимъ чтеніемъ доставятъ радость сотнямъ безграмотныхъ. Ты выучишь другой десятокъ дѣтей, а они будутъ утѣшать новыя

сотни... За всю-то жизнь ты сколькимъ тысячамъ безграмотныхъ людей доставишь духовную радость черезъ выученныхъ тобою грамотѣ! А самъ ты, безвѣстный труженикъ, даже и не догадываешься о своемъ удивительно великомъ дѣлѣ...

«О, святая простота! Трудись, и помогай тебѣ Богъ! Благословеніе Божіе да почіетъ на твоемъ домѣ! Какъ-нибудь пріѣзжай ко мнѣ. Хочется тебя видѣть и расцѣловать. Молись и за меня, грѣшника, а я тебя въ молитвахъ поминаю»...

Захолустный понамарь, получивши такое письмо, вставляетъ его въ рамку, за стекло, и привѣшиваетъ на стѣнѣ около божницы. И каждый день, какъ молится Богу, поминаетъ въ молитвахъ, обливаясь слезами умиленія, «милостиваго владыку»... А надъ обученіемъ ребятъ трудится онъ послѣ этого съ удвоеннымъ рвеніемъ.

Обученіе тогда совершалось въ самой простой обстановкѣ обыденной деревенской жизни и въ теченіе всего дня. Въ единственной комнатѣ, правильнѣе — въ простой деревенской избѣ, гдѣ и хлѣбы и всякую стряпню жена понамаря готовитъ и пойло для скота, въ переднемъ углу, за большимъ обѣденнымъ столомъ сидятъ съ букварями и деревянными указками ученики и твердятъ во весь голосъ заданныя упражненія. Понамарь Платонъ Петровичъ примостился тутъ же, рядомъ со столомъ, у окна, и занимается своимъ дѣломъ. Онъ чеботарь—шьетъ сапоги. Время отъ времени онъ покрикиваетъ на школьниковъ, замѣтивъ у кого-либо изъ нихъ ошибку въ «затверживаніи». А ошибокъ случалось немало!

Возлѣ Платона Петровича на скамейкѣ всегда лежала «шелопуга»—ремень съ широкимъ кускомъ кожи на концѣ. Это для того, чтобы когда кто-либо изъ учениковъ заглядится въ окно или на другое что—хлопнуть его по спинѣ и тѣмъ привести къ порядку.

И выучивалъ Петровичъ ребятъ «мараковать», т.-е. разбирать по складамъ грамоту, вытверживать часословъ и два или три псалма изъ псалтири, медленно списывать изреченія съ прописей, писать цифры до сотни и пѣть нѣсколько церковныхъ пѣснопѣній. Учиться ребята ходили сколько кому вздумается. Иной ходитъ зиму, другой—двѣ, три, а то и четыре.

Такъ просвѣщали тогда темный народъ церковники и почти всѣ на одинъ манеръ и по одной программѣ. Вотъ такихъ-то педагоговъ и любилъ и отмѣчалъ владыка Аркадій, будь это священникъ, дьяконъ или причетникъ и даже понамарь. Если кто-нибудь изъ такихъ являлся къ владыкѣ по какому-нибудь дѣлу, тотъ былъ очень радъ и всегда угощалъ явившагося обѣдомъ.

Сидитъ гдѣ-нибудь въ углу владычной пріемной какой-нибудь понамарь и жмется. У него и дѣла никакого нѣтъ до владыки. Онъ просто привезъ батюшкина сына въ семинарію: батюшкѣ некого больше было послать въ городъ съ лошадью... И домой бы сразу надо, да не посмѣлъ не явиться, потому—въ письмѣ ему,

понамарю, десницею самого владыки написано: «Будешь въ городѣ—смотри, зайди ко мнѣ». Какъ же можно не зайти? Вотъ и зашелъ, и сидитъ въ темномъ углу, точно для того, чтобы никто его не увидѣлъ...

— Понамарь изъ Заозерья... Платонъ Свистуновъ...—точно нехотя роняетъ, между прочимъ, келейникъ, переставляя стулья и обтирая съ нихъ пыль.

— Какой Свистуновъ? гдѣ онъ?..—сердито спрашиваетъ владыка.

— Давно ужъ сидитъ въ пріемной... Что приросъ къ мѣсту... не шевельнется...—ухмыляясь отвѣчаетъ келейникъ.

— Свистуновъ? Платонъ Свистуновъ...

Минуты двѣ-три владыка стоитъ въ раздумьи.

— Ахъ, ты, бестія!—наконецъ въ гнѣвѣ набрасывается владыка на опѣшившаго келейника.—Что ты дѣлаешь, закоснѣлый нерадивецъ? Да вѣдь это—Платонъ Петровичъ, котораго пальца ты не стоишь! Вотъ кто тамъ у тебя сидитъ...

И владыка бросается въ пріемную встрѣчать понамаря Свистунова, точно мать родную, съ которою лѣтъ десять не видался...

— Ужели я удостоился такой милости Божіей, что Платонъ Петровичъ навѣстить меня, убогаго, вздумалъ?—неподдѣльно радостнымъ голосомъ кричитъ онъ.—Да за что же это мнѣ счастье такое, милосердный Господи-и?..

А Платонъ Петровичъ, поклонившись по обычаю того времени въ ноги, такъ и лежитъ на полу, вздрагивая отъ рыданій всѣмъ своимъ мощнымъ тѣломъ. Владыка наклоняется надъ нимъ и, похлопывая его по широкой спинѣ, говоритъ прерывающимся отъ волненія голосомъ:

— Да встань же, Платонъ Петровичъ! Полно! Этакъ, пожалуй, мы съ тобой ничего и не поговоримъ...

Поднимается понамарь весь заплаканный. Силится онъ засунуть руку въ карманъ подрясника, чтобы вынуть оттуда бумажный платокъ и утереть носъ, и не можетъ.

А владыка уже цѣлуетъ его, со смѣхомъ приговаривая:

— Вонъ ты какой, Платонъ Петровичъ! Я думалъ, что ты въ родѣ меня, сухой старикашка, а ты Голіафъ! Ну, пойдемъ-ка, дорогой, побесѣдуемъ! У меня, братъ, такіе дорогіе гости не часто бываютъ.

— Ты, Карпушка, обѣдъ торопи! Сегодня мы пораньше обѣдать будемъ съ гостемъ...—скажетъ владыка келейнику, а понамаря посадитъ на диванъ, самъ сядетъ рядомъ, и начнется бесѣда. Да еще какая! При простотѣ и ласкѣ владыки понамарь скоро увлекается и, забывая, что съ нимъ разговариваетъ архіерей, начинаетъ спорить, доказывать что-нибудь и утверждать, что онъ лучше это знаетъ, чѣмъ тотъ, кто самъ не учитъ ребятъ.

— Да какъ же,—разводя руками, непринужденно ораторствуетъ понамарь:—ему, канальцу, мальчишкѣ-то, твердишь, твердишь: ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій, Богъ, Божество, Богородица... А онъ, шельмецъ, за тобой-то повторяетъ, а самъ такъ и впился глазами въ таракана и руку протянулъ ,чтобы, значитъ, стрекнуть его... Ну, и тутъ самое что ни на есть время — тяпнуть его по спинѣ шелопугой...

— Ха-ха-ха... Платонъ Петровичъ! — по-дѣтски хохочетъ владыка за обѣдомъ, угощая Свистунова.—Кушай на здоровье! Каша добрая! Я такъ люблю такую... Да кушай досыта! Обѣдъ вѣдь у меня простой... Люблю картошку, грибки... Такъ шелопугой, говоришь?—опять хохочетъ владыка.—Ха-ха-ха...

— Да ужъ вѣрнѣе нѣтъ ничего...—говоритъ сконфуженный понамарь.

Послѣ обѣда владыка наберетъ въ подарокъ гостю разныхъ книгъ, прикажетъ келейнику увязать ихъ въ холстину и затѣмъ распростится съ гостемъ, точно съ роднымъ или близкимъ ему человѣкомъ.

И такіе труженики никогда не забывались владыкою. Онъ при всякомъ удобномъ случаѣ писалъ имъ одобрительныя и благодарственныя письма, посылалъ книги и просто поклоны и, наконецъ, опредѣлялъ на священническія мѣста.

Вотъ еще примѣръ простого, дружелюбнаго отношенія владыки Аркадія къ «работающему» духовенству.

Пріѣхалъ въ городъ по дѣлу священникъ, а также зашелъ и къ владыкѣ. Владыка былъ лѣтомъ у этого священника въ селѣ и всѣмъ остался очень доволенъ. Священникъ, пожилой, обстоятельный и серьезный, дѣйствительно былъ выдающимся дѣятелемъ.

— А, о. Матвѣй! Вотъ удружилъ!—встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями владыка.—Спасибо, что вспомнилъ меня, грѣшнаго. Обѣдать со мною будешь! Ужъ никакъ не увернешься! Въ кои-то вѣки удостоилъ...

За обѣдомъ—самый разнообразный разговоръ. Между прочимъ, владыка вдругъ и говоритъ:

— Ну, о. Матвѣй, не могу я забыть, какъ въ церкви-то у тебя. Ужъ такъ хорошо! И служишь ты прекрасно... А знаешь ли ты уставъ-то церковный?

— Полноте глупости-то говорить, владыка!—совершенно спроста возразилъ ему о. Матвѣй.—На что мнѣ знать уставъ? Уставъ у меня всегда передъ глазами лежитъ въ алтарѣ на столикѣ... Какъ нужно, сейчасъ и посмотрю... Вотъ и все!

Владыка, требовавшій отъ духовенства точнаго знанія устава и ссылавшій за незнаніе его въ монастыри на тяжкія работы, только ухмыльнулся и какъ-то извинительно сказалъ:

— Ну, ну... Вишь, ты какой занозистый, о. Матвѣй!..

Придетъ къ владыкѣ какая-либо духовная вдова съ прошеніемъ о пособіи или объ опредѣленіи въ просфорни—всякую обласкаетъ, посочувствуетъ ей, поохаетъ, ободритъ...

— Ахъ, ты, болѣзная моя...—говоритъ онъ.—Такъ дѣтокъ-то, говоришь, трое у тебя осталось?

— Трое владыка, три дѣвочки...—съ рыданіемъ выговариваетъ вдова.—Какъ я съ ними жить буду? Ужъ и сама не знаю...

— Ну, ну... Промыселъ Божій помни, матушка-а! Ужъ если о птицахъ небесныхъ заботится Господь, то кольми паче о васъ, маловѣри-и? Пособьишко-то, вѣдь, малое дадутъ... Рублей десять въ годъ, не больше... А ты въ просфорни поступай! Ужъ я тебя устрою! Вотъ и сыта будешь...

Просфорни при сельскихъ церквахъ жалованье получали тогда ничтожное—отъ шести до десяти рублей въ годъ. Но осенью онѣ собирали по всему приходу такъ называемую «новь»—зерновой хлѣбъ, ленъ, шерсть и проч., какъ доброхотное даяніе. Во всѣ же праздники, когда духовенство ходитъ по приходу, вмѣстѣ съ нимъ и просфорня собирала въ свою пользу пироги и печеный хлѣбъ. Въ Петровъ постъ просфорня производила сборъ «петровщины»—яйца и сметану съ каждаго дома. Кромѣ того, причтъ церковный давалъ просфорнѣ небольшой кусокъ усадебной земли подъ огородъ, а иногда полоску и въ полѣ. Такимъ образомъ, просфорнямъ жилось довольно сносно; особенно, если приходъ былъ побогаче.

Потому-то владыка и старался устраивать осиротѣвшія семьи духовенства на мѣста просфоренъ.

IV.

Снисхожденіе.

Весьма интересны были отношенія владыки Аркадія къ духовной консисторіи. И въ настоящее время консисторская волокита всѣмъ извѣстна и—нечего грѣха таить—взяточничество, подъ разнообразными деликатными видами, и нынѣ преспокойно продолжаетъ существовать, какъ чуть ли не главный двигатель дѣлъ на тѣхъ или другихъ консисторскихъ стадіяхъ. А въ описываемое время консисторіи вообще представляли собою такія учрежденія, въ которыхъ безъ взятокъ не дѣлалось рѣшительно ничего.

А владыка Аркадій, какъ человѣкъ своего времени, самъ будучи безсребренникомъ, на консисторское взяточничество смотрѣлъ какъ на нѣчто не только не предосудительное, но даже какъ бы узаконенное. Взяточничество представлялось ему не какъ зло,—проявленіе преступной воли—и вошедшее въ пословицу выраже-

ніе взяточниковъ «сухая ложка ротъ деретъ»—не какъ проявленіе дурныхъ наклонностей, а какъ нѣчто неизбѣжное со стороны принимающаго взятку и похвальное со стороны дающаго. Въ послѣднемъ случаѣ взятка даже поощрялась владыкою.

Одинъ разъ, на шестой недѣлѣ Великаго поста, пришелъ къ владыкѣ по дѣлу ректоръ семинаріи. Владыка былъ занятъ съ экономомъ архіерейскаго дома. Поздоровавшись съ ректоромъ, онъ сказалъ:

— Ужъ извините, о. ректоръ! Я минуточку докончу тутъ нужное дѣло съ экономомъ. Посидите пока, а я сейчасъ...

— Ну, такъ пиши, о. экономъ, какъ я началъ диктовать: пудъ, значитъ, секретарю... По десяти фунтовъ столоначальникамъ... Ну, а писцамъ я пошлю деньгами по полтинѣ... Записалъ?

— Записалъ, владыка,—отвѣтилъ экономъ.

— Такъ завтра непремѣнно пошли... Ну, а пока ступай!

— Пасха святая близко,—обратился владыка по уходѣ эконома къ ректору:—такъ я вотъ консисторцамъ гостинцы посылаю... Секретарю пудъ коровьяго масла изъ хозяйства архіерейскаго хутора, а столоначальникамъ по десяти фунтиковъ... Остальной мелкой братіи деньжишекъ малую толику...

— Нельзя, знаете!—продолжалъ владыка.—Жалованьишко малое получаютъ, а жить надо чѣмъ-нибудь... Да и призадобрить не мѣшаетъ... Съ секретаремъ консисторіи надо въ ладахъ жить, а нѣтъ—подведетъ такую штуку, что и-и! Вѣдь онъ у насъ все равно, что прокуроръ... Да и примѣръ другимъ надо подать! Самъ будешь добрымъ, и къ тебѣ будутъ всѣ добры... Вездѣ даютъ, вездѣ и берутъ... Да и спасибо, что берутъ,—возьмутъ, такъ и сдѣлаютъ, что тебѣ нужно. И при томъ безъ задержки... О-охъ, о. ректоръ, безъ этого нельзя!

— Такъ-то оно такъ, ваше высокопреосвященство, но давать-то за то, что и такъ должны дѣлать,—преступно...—замѣтилъ внимательно слушавшій ректоръ.

— Кто же этого не знаетъ?—замахалъ руками владыка.—Да, ваше высокопреподобіе! Да не дайте вы гривенника моему келейнику Карпушкѣ о праздникѣ, такъ онъ отъ васъ и рыло свое отворачивать будетъ, а въ другой разъ и шубу съ васъ не сниметъ и калоши не подастъ! Будетъ услуживать въ это время другимъ, а если никого нѣтъ, то представится, что чѣмъ-то неотложнымъ занятъ и вамъ услужить не можетъ... Кто его знаетъ? Возьметъ да при вашемъ входѣ руку въ трубу по самое плечо и запихаетъ. И будетъ еще ворчать: «ахъ разбойники, ахъ, душегубы! а вѣдь пожаръ могъ случиться»...

— Нѣтъ, о. ректоръ! Дать вездѣ надо...—закончилъ владыка.

И консисторія брала и ничего безъ «даяній» не дѣлала. Брала, правда, по нынѣшнимъ временамъ—пустяки, но вѣдь тогда и

времена были другія и цѣна деньгамъ была не та, да и жизнь недорого стоила. Три рубля составляли въ то время большія деньги, которыми секретарь консисторіи вполнѣ удовлетворялся въ безконечномъ множествѣ случаевъ.

Система взятокъ въ консисторіи, благодаря естественной наблюдательности чиновниковъ и развитію у нихъ чутья въ этомъ направленіи, достигала такого совершенства, что каждый большой и маленькій чиновникъ безошибочно угадывалъ, что именно онъ, лично, можетъ получить съ того или иного просителя. Какъ только проситель вступалъ въ консисторію, такъ съ перваго же шага мытарства и начинались. И счастливъ былъ тотъ, кто зналъ, какъ и чѣмъ могъ откупиться на каждой ступени этихъ мытарствъ. Неопытные и недогадливые или же черезчуръ скупые теряли время не сутками, а недѣлями—и то никакого толку не добивались. Дѣло ихъ лежало безъ движенія, изъ-за «собиранія» справокъ...

При входѣ въ консисторію просителя встрѣчалъ сторожъ, который сразу же опредѣлялъ, что за птица проситель и по очень ли нужному дѣлу онъ явился, или такъ, по пустяковому. Сторожъ угадывалъ, надо ли просителю поклониться и если надо, то какъ... и какъ нужно спросить: «къ кому пожаловали», или «что надо», или просто—только посмотрѣть на вошедшаго и показать видъ, что у него дѣла много... Если проситель вынималъ изъ кармана кошелекъ и подавалъ семитку или гривну, то сторожъ подобострастно суетился и моментально убѣгалъ докладывать. Онъ и секретарю сообщалъ, что посѣтитель—человѣкъ стоящій...

Секретарь принималъ въ кабинетѣ обязательно одинъ на одинъ. При входѣ посѣтителя,—если послѣдній уже бывалъ здѣсь и ублаготворялъ секретаря, лично или черезъ чьи-либо руки,—секретарь любезно шелъ къ нему навстрѣчу и привѣтствовалъ. А потомъ, усадивъ посѣтителя на стулъ, вступалъ съ нимъ въ интимную бесѣду—и дѣло скоро налаживалось...

— Для васъ все сдѣлаемъ наискорѣйшимъ образомъ...—увѣрялъ секретарь посѣтителя.

Если же посѣтитель вступалъ въ консисторію въ первый разъ, то секретарь, не отрываясь отъ перебиранія и разсматриванія бумагъ, сухо спрашивалъ: «Что, отче, скажете? Я васъ слушаю»...

Смотря по важности дѣла, посѣтитель, наученный заранѣе кѣмъ-либо, тоже за «благодарность»,—дѣйствовалъ навѣрняка, и— какъ бы иногда худо дѣло его ни было—благополучно выкручивался. Даже за большія преступленія отдѣлывался пустякомъ, денежнымъ штрафомъ въ нѣсколько рублей или монастырскимъ послушаніемъ на извѣстный срокъ, который во время самаго отбыванія могъ быть и укороченъ.

— Ужъ иначе нельзя!—любезно говорилъ секретарь.—Сами знаете, что за это полагается? Посидите немного въ монастырѣ,

а тамъ мы васъ и изведемъ оттуда за хорошее поведеніе! Дадимъ знать настоятелю, чтобы заготовилъ хорошій отзывъ...

— Да ужъ не оставьте...—кланяясь, говорилъ благодарный проситель.—Вѣкъ не забуду вашу услугу...

Насколько консисторскіе чиновники были безцеремонны воспользоваться хоть чѣмъ-нибудь, можно видѣть изъ слѣдующаго случая.

Дьяконъ одного бѣднаго села, привезшій послѣ каникулъ своего сына въ духовное училище, зашелъ въ консисторію по просьбѣ вдовы псаломщика—справиться о назначеніи ей пособія. Чиновникъ, къ которому онъ обратился за справкой, вдругъ спросилъ:

— Что у тебя карманъ оттопырился? Что тамъ?

— Да два огурца... Домой поѣду, такъ дорогой закусить...

— Давай ихъ сюда!—властно сказалъ чиновникъ.—Ты себѣ купишь снова...

И дьяконъ безпрекословно отдалъ просимое...

Все это владыка хорошо зналъ и не считалъ особенно предосудительнымъ.

— И вездѣ это есть и нигдѣ безъ этого не обходится,—говорилъ онъ, вздыхая, когда кто-нибудь заговаривалъ случайно о разныхъ поборахъ съ просителей въ консисторіи. — Да вѣдь говорится же: худа безъ добра не бываетъ...—какъ бы въ оправданіе присовокуплялъ владыка:—дѣла скорѣе дѣлаются, да и чиновники добрѣе къ просителямъ.

Такое снисходительное отношеніе владыки Аркадія къ консисторскимъ поборамъ объясняется, по всей вѣроятности, еще и тѣмъ, что эти поборы не представляли, въ большинствѣ случаевъ, большой тяжести для дающихъ. Главные подарки были натурою, т.-е. тѣмъ, что у духовенства было не покупное, а свое. Въ подарокъ «нужному человѣку» привозилось обычно—лукошко рѣпы или картофеля, грибы, ягоды, коровье масло и т. п.

Но, допуская мелкіе поборы, какъ необходимое и всеобщее тогда зло, владыка, однако, зорко слѣдилъ, чтобы поборы не превратились въ лихоимство и вымогательство.

Какъ памятникъ своего служенія въ епархіи, архіепископъ Аркадій воздвигъ величественный каѳедральный соборъ рѣшительно изъ ничего. Денегъ на постройку не было никакихъ. Рѣшено было учинить сборъ и для сбора послать каѳедральнаго протоіерея по всѣмъ городамъ, куда только онъ вздумаетъ... И тутъ мудрый владыка, съ одной стороны, подъ вліяніемъ, можетъ быть, мысли: «сухая ложка ротъ деретъ», а съ другой—изъ опасенія не ввести сборщика въ искушеніе утаить часть сбора,—официально назна-

чилъ въ пользу сборщика пять процентовъ съ собранной на соборъ суммы.

На закладку собора владыка привлекъ весь городъ, заявивъ, что всякій личнымъ трудомъ долженъ принять участіе въ основаніи соборнаго храма. И, дѣйствительно, явились и старый и малый, съ различными орудіями для работы. По окончаніи молебна владыка сказалъ одушевленную рѣчь и въ концѣ ея громогласно воскликнулъ:

— Гдѣ моя любезная мотыга? Дайте мнѣ мотыгу-у! Своими руками мы будемъ строить храмъ Создателю вселенной... О, Господи, благослови!

Съ этими словами владыка, въ полномъ облаченіи, взялъ въ руки желѣзную лопату и началъ копать землю. За нимъ принялся за работу и народъ—рыть ровъ подъ фундаментъ, по намѣченной архитекторомъ чертѣ...

Владыка работалъ минутъ десять, а потомъ, молча благословивъ всѣхъ общимъ осѣненіемъ рукъ, тихо возвратился въ старый деревянный соборъ и оттуда отбылъ въ раздумьи домой, точно предчувствуя, что подъ воздвигаемымъ соборомъ не приведетъ ему Богъ сложить свои кости...

Дѣйствительно, скоро онъ былъ уволенъ на покой, споткнувшись наконецъ на одной изъ своихъ «каверзъ», доложенной Синоду однимъ изъ ректоровъ, назначеннымъ въ архіереи.

Скончался владыка Аркадій на покоѣ, въ Александро-Свирскомъ монастырѣ, близъ города Олонца, гдѣ и погребенъ на монастырскомъ кладбищѣ. Келіи владыки, съ небольшою домовою церковью,— гдѣ онъ жилъ на покоѣ,—остаются въ неприкосновенности, со всею скромнѣйшею обстановкою, какъ было при немъ.

Х. Толшемскій.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПОЭТѢ-САТИРИКѢ П. В. ШУМАХЕРѢ.

У МЕНЯ есть одна знакомая старуха-генеральша, которая постоянно беретъ у меня книги для чтенія.

— Вы не можете себѣ представить, какая гора воспоминаній выросла передо мной, когда я прочитала статью А. М. Бѣлова «Забытый поэтъ-сатирикъ»,—сказала она мнѣ, возвращая книжку «Историческаго Вѣстника».—Петръ Васильевичъ Шумахеръ былъ мой хорошій знакомый. Въ Иркутскѣ, когда онъ состоялъ при генералѣ-губернаторѣ Корсаковѣ, онъ у насъ бывалъ чуть ли не каждый день. Какъ много я могла бы разсказать о немъ!

— Такъ разскажите.

— Стара я очень стала. Житейскія невзгоды отшибли память. Когда читала о Шумахерѣ, онъ стоялъ передо мной, какъ живой, и картины пережитого проносились одна за другой. Прошло нѣсколько дней, и то, что такъ живо и яркими красками рисовалось мнѣ, исчезло изъ моей памяти. Повседневная жизнь съ ея заботами о насущномъ хлѣбѣ все ненасытно поглощаетъ. Постараюсь припомнить и разобраться въ моихъ воспоминаніяхъ, хотя теперь это мнѣ и трудно будетъ. Такъ какъ я буду разсказывать о жизни Шумахера въ Иркутскѣ, я по необходимости должна буду коснуться и тогдашней общественной жизни въ этотъ городѣ.

Какъ вамъ извѣстно, мой мужъ былъ военнымъ,—послѣ нѣкотораго молчанія начала она.—Въ 1865 году, въ чинѣ полковника, онъ былъ назначенъ въ Иркутскъ на одну изъ видныхъ должностей по военному вѣдомству.

Послѣ долгаго и утомительнаго путешествія пріѣхали мы, наконецъ, въ Иркутскъ. Первое впечатлѣніе на меня, коренную жительницу Петербурга, въ которомъ я родилась и жила до замужества, городъ произвелъ болѣе, чѣмъ неблагопріятное. Со слезами на глазахъ я разсматривала деревянные домишки на узкихъ и грязныхъ улицахъ и думала только объ одномъ, долго ли мнѣ придется жить въ этомъ скверномъ, скучномъ городѣ. Въ это время мое вниманіе привлекли люди въ какихъ-то странныхъ костюмахъ, которые сидѣли на землѣ на площади и ѣли, повидимому, съ величайшимъ наслажденіемъ что-то бѣлое, длинное. На мой вопросъ, что это за люди, ямщикъ объяснилъ, что это буряты и что ѣдятъ они сальныя свѣчи. Меня это обстоятельство и поразило и забавило. Долго не могла я забыть объ этомъ бурятскомъ лакомствѣ и поэтому, при всякомъ удобномъ случаѣ, разспрашивала о бурятахъ и объ ихъ правахъ и обычаяхъ. Къ сожалѣнію, теперь все перезабыла. Помню только о довольно странномъ способѣ леченія ими лихорадки. Больного раздѣваютъ догола, привязываютъ къ нему большой камень и на веревкѣ опускаютъ его въ рѣку или озеро нѣсколько разъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не посинѣетъ отъ холода. Тогда его завязываютъ въ шкуры и накладываютъ на него теплыя одежды, подъ которыми держатъ до появленія у него сильнѣйшей испарины, съ появленіемъ которой болѣзнь безслѣдно исчезаетъ.

Не подумайте, однако, что въ Иркутскѣ были одни буряты. Въ то время было тамъ очень много интеллигентныхъ людей, благодаря большому количеству сосланныхъ туда послѣ возстанія образованныхъ поляковъ. Въ числѣ ихъ были помѣщики, литераторы, доктора, музыканты. На всѣхъ балахъ и въ театрѣ игралъ прекраснѣйшій оркестръ изъ тридцати поляковъ. Жили всѣ очень весело. По крайней мѣрѣ, я была въ этомъ увѣрена. Я была молода, веселилась и мнѣ казалось, что и всѣмъ тогда было весело.

Однако я обѣщала вамъ разсказать о Шумахерѣ и до сихъ поръ еще не упомянула о немъ.

При первой же встрѣчѣ Петръ Васильевичъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. При дальнѣйшемъ знакомствѣ я убѣдилась, что это былъ не только удивительно умный, но и неимовѣрно хитрый человѣкъ. Несмотря на то, что онъ воспитывался у ксендзовъ, онъ былъ полнѣйшій атеистъ. Литературу и иностранные языки онъ зналъ великолѣпно. Для общества это былъ незамѣнимый человѣкъ. Онъ очень любилъ разсказывать. Когда онъ начиналъ говорить, пересыпая рѣчь шутками и остротами, всѣ умолкали. Дѣйствительно, имъ можно было заслушаться, такъ интересно онъ велъ разговоръ. Къ сожалѣнію, онъ былъ большой циникъ, и, не стѣсняясь присутствіемъ женщинъ, говорилъ непозволительныя вещи. Утверждая, что необходимо серьезное мѣшать съ веселымъ, онъ постоянно выкидывалъ разныя дурачества. Несмотря на то, что въ Иркутскѣ

была сильно развита карточная игра, онъ никогда въ карты не игралъ, но зато пилъ, и очень много пилъ. Водку иначе онъ не пилъ, какъ большими чайными стаканами. Съ своими друзьями, фотографомъ Брюнъ-де-Сентъ-Ипполитомъ и докторомъ Персинымъ, за одинъ присѣстъ обыкновенно выпивали четверть ведра. Несмотря на невѣроятное количество выпиваемыхъ имъ спиртныхъ напитковъ, я пьянымъ его никогда не видѣла. Это была сильная и закаленная натура. Выходя на улицу, онъ не одѣвалъ ни шубы, ни пальто, и въ самые сильные морозы щеголялъ въ одномъ сюртукѣ. Домашній костюмъ его былъ—длинная женская рубашка и больше ничего.

Въ Иркутскѣ онъ ничего не дѣлалъ. Ежедневно кутилъ, дурачился и веселился. Говорили мнѣ, что будто бы онъ писалъ исторію Амура, но я этому не вѣрила. Иногда онъ, дѣйствительно, исчезалъ куда-то на неопредѣленное время вмѣстѣ съ Брюнъ-де-Сентъ-Ипполитомъ. Возвратившись, онъ разсказывалъ, что ѣздилъ осматривать разныя историческія мѣста. Я относилась къ этимъ разсказамъ съ большимъ недовѣріемъ. Мнѣ казалось, что ѣздилъ онъ вовсе не съ научною цѣлью, а просто отдохнуть отъ безконечныхъ кутежей. Вообще онъ всегда такъ говорилъ, что трудно было уловить, правду ли онъ говоритъ, или вретъ.

Врать онъ любилъ вообще. Если же онъ замѣчалъ, что кто-нибудь вѣритъ его болтовнѣ, того онъ совершенно, что называется, одурачивалъ. Въ этомъ отношеніи попался къ нему въ руки адъютантъ начальника штаба Пороховъ, надъ которымъ онъ просто потѣшался. Будучи, какъ я уже сказала, атеистомъ и не вѣря нисколько въ загробную жизнь, Шумахеръ увѣрилъ Порохова, что онъ, какъ сильный медіумъ, имѣетъ постоянное общеніе съ духами. Тотчасъ же было устроено нѣсколько спиритическихъ сеансовъ при полной темнотѣ. Трескъ въ столикѣ, постукиванье и разговоръ по азбукѣ произвели на Порохова большое впечатлѣніе. Скоро Шумахеръ увѣрилъ его, что къ нему особенно благосклонно относится и покровительствуетъ ему духъ Клеопатры. Онъ такъ часто и такъ много сталъ передавать ему отъ имени духа поученій и предсказаній, что Пороховъ ничего не предпринималъ, предварительно не посовѣтовавшись съ Клеопатрой, конечно, черезъ Шумахера. Въ отсутствіи Порохова, разсказывая о сеансахъ, Шумахеръ съ хохотомъ передавалъ, какой именно совѣтъ дастъ Порохову Клеопатра на слѣдующій день.

Пороховъ безусловно подчинялся волѣ Клеопатры и исполнялъ ея совѣты. Однако въ послѣдній разъ, передъ своею трагическою смертью, онъ отнесся критически къ предсказанію Клеопатры.

Теперь я хочу вамъ разсказать о смерти Порохова.

Какъ я вамъ говорила, въ Иркутскѣ жило на свободѣ много сосланныхъ поляковъ. Еще больше ихъ было въ тюрьмахъ. По ту

сторону Байкала, на станціи Посольскъ, ихъ было въ тюрьмѣ тысяча человѣкъ. Въ городѣ часто говорили, что тюрьма эта охраняется только десятью конвойными, и, находя такую охрану недостаточной, постоянно ждали бунта. И дѣйствительно, въ іюнѣ мѣсяцѣ дали знать, что арестанты взбунтовались. Они перебили конвойныхъ и, разломавъ окружавшій дворъ тюрьмы частоколъ, ушли. Вооружились они пиками, которыя смастерили изъ жердей частокола и большихъ гвоздей, которыми были утыканы доски наверху частокола.

Начальникомъ штаба въ Иркутскѣ былъ Кукель, полякъ. Всѣ служившіе у него офицеры были тоже поляки, кромѣ одного Порохова. Поэтому Кукель, посылая въ погоню за бѣжавшими арестантами казаковъ, начальствованіе надъ ними поручилъ Порохову. Извиняясь, что такое опасное порученіе онъ даетъ ему, Кукель объяснилъ, что онъ не можетъ послать въ эту командировку поляка. Отъ Кукеля Пороховъ прямо поѣхалъ къ Шумахеру. Тотчасъ же былъ приведенъ въ движеніе столикъ, и отъ имени Клеопатры Шумахеръ объявилъ, что командировка окончится вполнѣ благополучно. Пороховъ задумался и сказалъ:

— Въ первый разъ я не вѣрю Клеопатрѣ, потому что предчувствіе мнѣ говоритъ совершенно иное.

Видя удрученное состояніе Порохова, многіе давали ему совѣтъ отказаться отъ этой командировки, но онъ отвѣчалъ всѣмъ одною и тою же фразой, что долгъ службы для него выше всего и что если бы онъ даже зналъ, что его ждетъ тамъ смерть, онъ все-таки поѣхалъ бы. Передъ отъѣздомъ ему давали совѣты держаться самому вдали, не горячиться и даже не брать съ собой револьвера. Онъ благодарилъ за совѣты и прощался, какъ бы отправляясь умирать. И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней было получено извѣстіе, что Пороховъ убитъ.

Преслѣдуя бѣжавшихъ, онъ скоро напалъ на ихъ слѣдъ и, обогнавъ, сѣлъ въ засаду. Разсыпавъ казаковъ по опушкѣ лѣса, онъ спрятался въ кустахъ, не оставивъ около себя ни одного казака. Увидѣвъ проходившихъ вблизи четырехъ арестантовъ, Пороховъ не выдержалъ, выстрѣлилъ въ нихъ изъ револьвера и промахнулся. Тѣ бросились на него и прежде, чѣмъ подоспѣли на помощь казаки, закололи его пиками. На тѣлѣ было найдено четырнадцать ранъ.

Пороховъ былъ прекрасный человѣкъ, его всѣ любили и поэтому долго оплакивали этого «человѣка долга службы».

Часть бѣжавшихъ поляковъ была поймана, немногимъ удалось скрыться, остальные же погибли въ тундрахъ.

Съ Шумахеромъ было много разныхъ приключеній. Я хорошо помню объ одномъ бывшемъ съ нимъ случаѣ потому, что въ теченіе долгаго времени мужчины потѣшались надъ Шумахеромъ. Обыкновенно онъ высмѣивалъ всякаго, а здѣсь онъ самъ попался на зу-

бокъ, и всѣ были рады отомстить ему. Случай былъ довольно оригинальный.

Въ февралѣ мѣсяцѣ у китайцевъ бываетъ праздникъ, носящій названіе «Бѣлый мѣсяцъ». Проѣзжавшіе изъ Маймачина въ Кяхту богатые китайскіе купцы остановились въ Иркутскѣ и устроили торжественныя празднества. Шумахеръ заинтересовался ими и отправился къ купцамъ въ гости. Его приняли очень радушно и стали поить и кормить. Шумахеръ пилъ всѣ напитки и пробовалъ всѣ китайскія кушанья. Въ особенности ему понравились какіе-то красные шарики. Его сейчасъ же предупредили, что много шариковъ нельзя ѣсть, но онъ не послушалъ и сталъ отправлять въ свою богатырскую утробу одинъ шарикъ за другимъ. Впослѣдствіи оказалось, что это было сильное возбуждающее средство. Послѣдствія невоздержанія были для Шумахера довольно печальны. Не успѣлъ онъ доѣсть послѣдній шарикъ, какъ почувствовалъ себя нехорошо. Онъ пришелъ въ такое возбужденное состояніе, что его сначала обливали холодной водой, а потомъ должны были пригласить доктора.

Оказывалъ ему врачебную помощь докторъ Вишневскій, также сосланный полякъ. Это былъ опытный врачъ и хорошій, добрый человѣкъ, всегда готовый оказать помощь ближнему. У него на первомъ планѣ была наука, и поэтому онъ не былъ «заядлымъ» польскимъ патріотомъ. Онъ разсказывалъ, и ему вѣрили, что во время польскаго возстанія онъ жилъ въ Кіевѣ, занимался наукой, практикой и не думалъ принимать какое бы то ни было, хотя бы косвенное, участіе въ польскомъ движеніи. Однажды къ нему явились неожиданно нѣсколько человѣкъ польскихъ эмиссаровъ и предложили ему отправиться съ ними «до лясу» оказывать помощь больнымъ и раненымъ. На предложеніе его откупиться деньгами онъ получилъ отказъ. Тогда онъ заявилъ, что ѣхать не желаетъ. Ко лбу былъ приставленъ револьверъ и былъ предоставленъ выборъ: или онъ сію минуту отправляется съ ними, или будетъ убитъ, какъ «измѣнникъ». Пришлось подчиниться. Черезъ мѣсяцъ онъ былъ задержанъ и затѣмъ сосланъ въ Сибирь.

Умеръ онъ также неожиданно. Въ одномъ семействѣ, гдѣ онъ былъ постояннымъ врачомъ, онъ приласкалъ комнатную собачку. Та неожиданно укусила его за палецъ. На небольшую ранку онъ не обратилъ вниманія. Черезъ нѣсколько дней выяснилось, что собачка эта страдала бѣшенствомъ. О прививкахъ тогда не знали, и Вишневскій сталъ замѣчать, что у него появляются всѣ признаки водобоязни. Черезъ шесть недѣль онъ потребовалъ, чтобы его связали и отправили въ больницу, гдѣ онъ и умеръ. Мужъ мой одинъ разъ навѣстилъ его въ больницѣ. Вишневскій его узналъ.

— Закурите папиросу, вложите ее мнѣ въ ротъ и быстро отдерните руку. Иначе я могу укусить,—сказалъ онъ.

Послѣ нѣсколькихъ затяжекъ Вишневскій крикнулъ:

— Я больше не въ силахъ себя удержать. Сейчасъ брошусь кусаться. Уходите!..

Со слезами на глазахъ мужъ ушелъ и больше его уже не видѣлъ.

Теперь я вамъ разскажу объ одной изъ продѣлокъ Шумахера.

Наканунѣ какого-то торжественнаго дня, въ который обыкновенно губернаторъ Шалашниковъ бывалъ въ театрѣ, въ городѣ распространился слухъ, что на слѣдующій день Шумахеръ обѣщалъ своимъ пріятелямъ устроить какой-нибудь скандалъ въ театрѣ. Объ этомъ знали всѣ, кромѣ, конечно, начальства, и поэтому театръ былъ полонъ. Шла «Аскольдова могила». Шумахеръ сидѣлъ въ первомъ ряду. Не успѣлъ взвиться занавѣсъ, какъ Шумахеръ началъ чихать. Прошло нѣсколько минутъ, Шумахеръ чихать не переставалъ. Публика начинаетъ волноваться и смѣяться. Губернаторъ, сидѣвшій въ своей ложѣ, морщится и дѣлаетъ знакъ полицеймейстеру Думанскому. Этотъ срывается съ мѣста, летитъ въ ложу губернатора, получаетъ инструкціи, подбѣгаетъ къ Шумахеру и шепчетъ ему на ухо. Шумахеръ въ отвѣтъ киваетъ ему головой и чихаетъ. Думанскій начинаетъ его уговаривать. Шумахеръ безнадежно разводитъ руками, поднимается съ мѣста и, не переставая чихать на ходу, идетъ въ бельэтажъ, усаживается тамъ и продолжаетъ чихать. Губернаторъ опять зоветъ къ себѣ полицеймейстера. Публика давно уже не смотритъ на сцену, а слѣдитъ съ интересомъ за разыгрывающейся комедіей въ партерѣ. Изъ ложи губернатора полицеймейстеръ опять бѣжитъ къ Шумахеру и ведетъ его къ губернатору. Шумахеръ входитъ въ губернаторскую ложу, почтительно кланяется и чихаетъ. Губернаторъ, повидимому, кипятится и что-то сердито говоритъ Шумахеру. Въ отвѣтъ на это тотъ киваетъ головой и опять чихаетъ. Затѣмъ, сопровождаемый дружнымъ хохотомъ публики, продолжаетъ чихать безъ конца, медленно направляется къ выходу и уходитъ изъ театра.

А вотъ еще одна изъ его продѣлокъ. Одинъ изъ вліятельныхъ лицъ въ городѣ былъ женатъ на богатой, но малообразованной купчихѣ. Послѣ смерти мужа она стала заниматься широкой благотворительностью, пріобрѣла поэтому большую извѣстность и вездѣ была желанной гостьей.

Однажды генералъ-губернаторъ Корсаковъ давалъ раутъ. Получивъ письменное приглашеніе, благотворительница попросила пришедшаго къ ней Шумахера объяснить ей слово раутъ.

— Какъ? вы не знаете, что это значитъ?! Это очень интересное зрѣлище,—сталъ импровизировать Шумахеръ.—Балы могутъ давать всѣ смертные, но рауты только великіе міра сего. Собственно говоря, раутъ это тотъ же балъ, но при особенной обстановкѣ. Начнется этотъ раутъ очень торжественно. На особенномъ, богато убранномъ тронѣ генералъ-губернаторъ будетъ сидѣть по срединѣ зала.

Всѣ приглашенные на раутъ въ теченіе получаса будутъ ходить кругомъ парами. Впереди всѣхъ будетъ барабанщикъ и выбиваетъ дробь, за нимъ дамы и потомъ мужчины. Передъ началомъ шествія адъютанты и чиновники особыхъ порученій устанавливаютъ пары по росту. Впереди идутъ болѣе высокаго роста и самые маленькіе сзади. Такъ какъ вы очень высокаго роста, несомнѣнно, вамъ будетъ оказана особая честь, и вы пойдете въ первой парѣ сейчасъ же вслѣдъ за барабанщикомъ.

Дама поблагодарила за объясненіе, которому безусловно повѣрила. Въ этотъ же день она написала Корсакову письмо, въ которомъ, благодаря за приглашеніе на раутъ, выразила сожалѣніе, что не можетъ быть на немъ по болѣзни.

Послѣ раута на слѣдующій же день генералъ-губернаторъ заѣхалъ провѣдать больную благотворительницу. Найдя ее совершенно здоровой, Корсаковъ понялъ, что болѣзнь была фиктивная и что дама отказалась отъ приглашенія по какой-нибудь другой причинѣ. Поговоривъ немного, онъ попросилъ хозяйку сказать ему откровенно, почему она не захотѣла пріѣхать къ нему въ гости. Та обиженнымъ тономъ отвѣтила, что она не молоденькая, да если бы была и помоложе, то и тогда бы не пошла на раутъ, такъ какъ считаетъ для себя унизительнымъ ходить вслѣдъ за барабанщикомъ. Корсаковъ, что называется, раскрылъ ротъ отъ удивленія. Заподозрѣвъ, что дама сошла съ ума, онъ перемѣнилъ разговоръ. Убѣдившись, однако, что она разумно отвѣчаетъ на всѣ вопросы, онъ попросилъ объяснить ему, о какомъ она упоминаетъ барабанщикѣ. Когда, наконецъ, изъ ея дальнѣйшаго разсказа онъ понялъ, какъ подшутилъ надъ ней Шумахеръ, онъ сталъ хохотать, какъ безумный. Въ теченіе долгаго времени хохоталъ и весь городъ.

По дѣламъ благотворительности дама эта бывала часто и у архіерея. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Шумахеръ для продолженія своихъ надъ ней насмѣшекъ по слѣдующему поводу.

Однажды архіерей въ проповѣди своей, направленной противъ безумной роскоши, привелъ не совсѣмъ удачный примѣръ, сказавъ, что дамы «даже кальсоны и тѣ шьютъ батистовыя».

Узнавъ объ этомъ, Шумахеръ, при первой же встрѣчѣ въ обществѣ съ благотворительницей, сталъ разспрашивать ее, часто ли она бываетъ у архіерея, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, спросилъ, не можетъ ли она, въ такомъ случаѣ, объяснить ему, отъ кого архіерей пріобрѣтаетъ такія подробныя свѣдѣнія о дамскомъ туалетѣ, какія даже ему, свѣтскому человѣку, неизвѣстны.

Кстати скажу еще нѣсколько словъ объ архіереѣ. Стоило ему сѣсть на пароходъ, какъ Байкалъ начиналъ волноваться. Какъ ни избѣгалъ архіерей ѣздить водою, но иногда приходилось, потому что другого пути не было. Увидѣвъ архіерея на пристани, многіе изъ отправлявшихся въ путь откладывали свою поѣздку и возвра-

щались домой. И они были правы. Каждая поѣздка архіерея сопровождалась бурей. Тотъ путь, который пароходъ проходилъ обыкновенно въ теченіе девяти дней, продѣлывался около двухъ недѣль. Объяснить причину было невозможно, съ фактомъ же приходилось считаться.

Какъ я уже говорила, Шумахеръ бывалъ у насъ очень часто. О многомъ мы съ нимъ переговорили и немало поспорили. Нужна была извѣстная опытность, чтобы примѣниться къ его способу изложенія мыслей. Разсказывая что-нибудь, онъ не могъ не начать фантазировать и прибавлять отсебятину, такъ что, слушая его, необходимо было смотрѣть ему прямо въ лгаза и улавливать моменты, когда онъ перестанетъ говорить правду. Спорила я съ нимъ всегда по вопросамъ религіознымъ. Какъ я уже сказала, онъ былъ атеистомъ, я же и тогда, хотя была молода, но была уже глубоко вѣрующей. Такъ какъ онъ любилъ касаться этой темы, споры у меня съ нимъ бывали чуть ли не ежедневные.

Послѣ переѣзда моего изъ Иркутска въ Петербургъ я вела съ нимъ дѣятельную переписку. Всѣ письма его были на французскомъ языкѣ. Писалъ онъ по разнымъ вопросамъ, преимущественно по тѣмъ же религіознымъ. Къ величайшему моему огорченію, вся переписка, заключавшаяся въ двухъ большихъ пачкахъ его писемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ у меня пропала. Исчезъ также и данный имъ мнѣ на память передъ моимъ отъѣздомъ изъ Иркутска его портретъ, на оборотѣ котораго имъ были написаны слѣдующіе стихи:

Желалъ бы очень посмотрѣть я,
Какъ вы, прабабушка, шестидесяти лѣтъ,
На рубежѣ двадцатаго столѣтья
Съ нѣмою грустію возьмете мой портретъ;
Какъ на него, съ улыбкой дѣтской глядя,
Вашъ баловень, любимый внукъ,
Васъ спроситъ: «бабушка, кто это, толстый дядя?»
Скажите: «это былъ мой другъ».

М. Ф. Чулицкій.

ТЕАТРЪ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

(Изъ далекаго прошлаго).

I.

Провинція добраго стараго времени.—Бродячія труппы.—Выходцевъ и его антреприза.—Семья Новиковыхъ.—Харьковскій антрепренеръ Дюковъ и его актеры.

ВО ВТОРОЙ половинѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія губернскій городъ Полтава представлялъ собою порядочное захолустье. На главныхъ улицахъ—досчатые тротуары, полусгнившіе, называвшіеся на обывательскомъ языкѣ «пѣшеходами»; черезъ улицы болтались протянутыя между деревьями веревки, съ привязанными по серединѣ уличными фонарями. Губернаторъ, типичный щедринскій помпадуръ, необычайно сухой и высокій, всѣ свои помыслы сосредоточивалъ на «внѣдреніи» политической благонадежности во «ввѣренной» его превосходительству губерніи и не обращалъ никакого вниманія на все остальное. Когда ему болѣе смѣлые обыватели дерзали говорить, что не худо бы «столицѣ Малороссіи» немножко пообчиститься и облагообразиться, напыщенный и въ достаточной степени злобный помпадуръ сердито отвѣчалъ, что въ другихъ губерніяхъ еще хуже.

Вотъ въ этомъ-то глухомъ провинціальномъ городкѣ интеллигенція сумѣла, несмотря на условія тогдашней жизни, жить сплоченно и весело. Зимой Полтава оживлялась съѣздомъ помѣщиковъ съ извѣстнымъ княземъ Львомъ Кочубеемъ во главѣ. На первомъ

мѣстѣ стоялъ театръ, которымъ положительно бредило мѣстное общество. Среди любителей, постоянныхъ участниковъ спектаклей, выдѣлялись: душа полтавскаго общества той эпохи А. М. Абаза съ женой, А. И. Пальмъ съ женой, Башкирцевъ (отецъ Маріи Башкирцевой), князь и княгиня Долгоруковы, двѣ дочери начальницы полтавскаго института Л. Ѳ. и Е. Ѳ. Дейтрихъ (сестры нынѣшняго члена государственнаго совѣта В. Ѳ. Дейтриха), молодой Милорадовичъ, котораго всѣ фамильярно называли Гришей, и другіе. Когда любители однажды поставили «Женитьбу» Гоголя, на спектаклѣ присутствовала жившая въ Полтавѣ сестра великаго писателя Анна Васильевна Гоголь-Яновская.

Постояннаго театра въ городѣ не было. Наѣзжали всевозможныя бродячія провинціальныя труппы. Одна изъ такихъ труппъ была составлена мѣстнымъ учителемъ танцевъ Аведиковымъ; главный актеръ этой труппы, онъ же и декораторъ, Максинъ, игравшій первыхъ любовниковъ, выходилъ на сцену въ блестящихъ мелкихъ резиновыхъ калошахъ вмѣсто лакированныхъ ботинокъ. Пріѣзжала итальянская оперная труппа подъ управленіемъ бассо-буффо Камарано. Примадонны Аббати (сопрано) и Баратти (контральто) плѣняли полтавцевъ, подѣлившихся на двѣ партіи. Самъ Камарано производилъ фуроръ въ комическихъ операхъ «Донъ-Кекко», «Фальшивые монетчики» и «Криспино и его кума». Въ первой изъ этихъ оперъ донъ-Кекко выходитъ измоченный дождемъ; Камарано, для реальности, передъ выходомъ велѣлъ себя окачивать изъ ведра настоящей водой и, появляясь передъ зрителями дѣйствительно насквозь промокшимъ, вызывалъ цѣлую бурю восторговъ.

Наѣзжалъ и пользовавшійся громадной популярностью на югѣ актеръ Выходцевъ со своею труппой, каждую роль, будь то проза или стихи, говорившій своими словами и уснащавшій ее глупыми добавленіями и пошлыми остротами на потѣху райка. Каждое свое появленіе на сценѣ Выходцевъ неизмѣнно сопровождалъ отчаянно-громкими возгласами за кулисами, напримѣръ: «Хо-хо-хо!» или «Вотъ и я иду», или «А ну-ка, нажаривай!». Раекъ узнавалъ голосъ своего любимца и встрѣчалъ Выходцева громовыми рукоплесканіями и криками «браво! браво!»

Вотъ образчики выходцевскихъ добавленій и измѣненій. Въ мольеровскомъ «Донъ-Жуанѣ», шедшемъ въ какой-то невозможной передѣлкѣ, Выходцевъ, играя Лепорелло, называвшагося почему-то Педрилло, въ сценѣ со статуей командора на кладбищѣ, каждый разъ говорилъ:

— Господинъ командиръ, пожалуйте къ моему барину кушать мятныя (!) котлеты...

Когда Выходцева спрашивали:

— Откуда вы, Григорій Алексѣевичъ, взяли мятныя котлеты?

Онъ отвѣчалъ:

— А что жъ, станемъ еще мы покойника кормить настоящими котлетами!

Въ концѣ пьесы, когда донъ-Жуанъ проваливался съ командоромъ, на сцену выбѣгало нѣсколько статистовъ въ костюмахъ балаганныхъ чертей; черти гонялись за Педрилло, а тотъ отъ нихъ увертывался. Въ разгарѣ бѣготни занавѣсъ падалъ; Выходцевъ, оставаясь передъ занавѣсомъ, обращался къ публикѣ, грозя пальцемъ, съ такими словами:

— И всѣмъ такъ будетъ, кто не хочетъ къ намъ въ театръ ходить!

Въ сценѣ съ донъ-Жуаномъ, передъ появленіемъ статуи командора, Выходцевъ произносилъ такую фразу... на малороссійскомъ языкѣ:

— Въ (у) Педрилло усе горло сгорило,—добавляя по-русски:— Дайте, господинъ баринъ, стаканчикъ запеканки (наливки).

Играя Фамусова, въ первой сценѣ съ Лизой Выходцевъ такъ «передѣлалъ» Грибоѣдова:

— Я баринъ, а ты паршивая дѣвчонка на всю улицу гремишь и симфоніи разводишь. Брысь!

Публика гоготала, а интеллигенція смотрѣла на Выходцева, какъ на балаганнаго шута, и незлобиво смѣялась, прощая чудаку его нелѣпыя выходки. Однако и у Выходцева была роль, въ которой онъ не дѣлалъ никакихъ добавленій и, будучи, несомнѣнно талантливымъ по натурѣ комикомъ, игралъ безусловно хорошо: Левъ Гурычъ Синичкинъ, въ водевилѣ того же названія, передѣланномъ извѣстнымъ водевилистомъ Ленскимъ изъ французской пьесы «Le père de la débutante».

Выходцевъ первый поставилъ въ Полтавѣ оффенбаховскаго «Орфея въ аду». Анонсъ о постановкѣ оперетки, съ ума сводившей всю Европу, взбудоражилъ всѣхъ полтавцевъ. Мѣстный стихоплетъ, учитель гимназіи Ст. Павл. Стеблинъ-Каминскій (братъ его былъ въ то время полтавскимъ полицеймейстеромъ), сейчасъ же написалъ цѣлое стихотвореніе «Посланіе къ полтавцамъ», шибко ходившее по рукамъ и начинавшееся такимъ перломъ стихокропанія стараго учителя:

«Ахъ, ахъ, ахъ, ахъ,
И въ Полтавѣ Оффенбахъ».

Постановка и исполненіе были, разумѣется, въ выходцевскомъ вкусѣ. Роль Общественнаго Мнѣнія играла маленькая дѣвочка (лѣтъ девяти) и первый свой монологъ, съ большими сокращеніями, не декламировала, а пѣла на мотивъ русской пѣсни «Во саду ли, въ огородѣ». Выходцевъ объяснялъ эту «вольность» такъ:

— Пусть французы кургузые знаютъ, что и у насъ есть хорошія пѣсни!

Роль Купидона играла жена Выходцева, толстѣйшая немолодая особа, являвшаяся въ столь откровенномъ костюмѣ, что изъ райка на первомъ представленіи дружно кричали:

— Выходцева! поди одѣнься, безстыдница!

Въ финалѣ второй картины, когда Купидонъ, сидя на табуретѣ у ногъ Юпитера, вертится, Выходцевъ, поднимая бутафорскую молнію и замахиваясь ею, кричалъ:

— Не вертись, какъ дзыга (волчокъ), а то я тебѣ всю морду сейчасъ разобью!

Въ той же картинѣ, когда Геба читаетъ стихотвореніе на модную въ тѣ времена тему о свободѣ женщинъ, Выходцевъ, послѣ декламаціи, обращался къ Гебѣ съ такими словами:

— Гэба! Иды соби съ нэба, намъ тоби не треба,—ищи себѣ хлѣба у другихъ антрепренеровъ, а Выходцевъ не такой дуракъ!

Актеры у Выходцева были на всѣ руки: сегодня трагикъ, завтра комикъ, сегодня драматическій любовникъ, завтра танцоръ. Напримѣръ, вотъ что гласила одна изъ афишъ временъ выходцевской антрепризы:

«Сегодня, въ бенефисъ г. и г-жи Міодушевскихъ представлена будетъ въ первый разъ по возобновленіи историческая (!) драма въ трехъ дѣйствіяхъ и двѣнадцати картинахъ «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», съ пожаромъ, разрушеніемъ и бенгальскими огнями. Роль Жоржа де-Жермани исполнитъ бенефиціантъ, роль его страдающей жены исполнитъ бенефиціантка. Въ заключеніе спектакля бенефиціанты протанцуютъ малороссійскій танецъ «Казачекъ» съ новыми фигурами».

Конецъ шестидесятыхъ и начало семидесятыхъ годовъ ознаменовались крупнымъ переворотомъ въ полтавской театральной жизни. На смѣну балаганныхъ фигляровъ и балаганныхъ представленій явились настоящіе артисты. Систематически посѣщали Полтаву двѣ труппы: извѣстнаго актера Никифора Ивановича Новикова и харьковскаго антрепренера Николая Николаевича Дюкова, причемъ труппа Дюкова пріѣзжала ежегодно во время Ильинской ярмарки. Н. И. Новиковъ, получившій впослѣдствіи широкую извѣстность по всей Россіи и приглашенный затѣмъ въ Петербургъ на императорскую сцену, былъ, дѣйствительно, выдающимся талантомъ. Въ составѣ его труппы находились всѣ члены даровитой новиковской семьи: мать (комическая старуха), жена (водевильная актриса) и три сестры—драматическая актриса Наталья Ивановна Степанова, яркій талантъ которой захватывалъ зрителя, ingénue Варвара Ивановна Лаврова и субретка Шелехова. Мужъ Натальи Ивановны, впослѣдствіи также извѣстный Петербургу комикъ Николай Петровичъ Никоновъ-Ивановъ, былъ цѣннымъ самородкомъ, не получившимъ, къ сожалѣнію, необходимой шлифовки. Старинный двухактный водевиль «Бродяги», съ Никифоромъ Ивановичемъ

Новиковымъ въ роли Роберта и Николаемъ Петровичемъ Новиковымъ-Ивановымъ въ роли Бертрама, не сходилъ съ репертуара. Мужъ Варвары Ивановны Лавровой, актеръ Лавровъ, былъ наименѣе талантливымъ изо всей артистической семьи, но и онъ стоялъ неизмѣримо выше всѣхъ выходцевскихъ актеровъ, вмѣстѣ взятыхъ. Наталья Ивановна Степанова въ «Горькой судьбинѣ» (Елизавета), «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ», «Грозѣ», мелодрамѣ «Дѣтскій докторъ» и другихъ заставляла плакать весь зрительный залъ. Однажды третій актъ «Горькой судьбины» пришлось прервать и опустить занавѣсъ, такъ какъ въ театрѣ поднялись истерическія рыданія, заглушавшія слова исполнителей. Самъ Никифоръ Ивановичъ Новиковъ производилъ одинаково сильное впечатлѣніе какъ въ сильно драматическихъ, такъ и въ комическихъ роляхъ. Идеальный Левъ Красновъ и Ананій Яковлевъ былъ въ то же время безподобнымъ Сквозникъ-Дмухановскимъ и Репетиловымъ. Даже въ такой вымученной и скучнѣйшей пьесѣ, какъ «Расточитель» Лѣскова, Новиковъ умудрился создать изъ Князева необычайно типичное, жизненное лицо. Слабенькая драма Чернышева «Отецъ семейства» съ участіемъ Новикова смотрѣлась съ напряженнымъ интересомъ. И глубоко неправы тѣ поверхностные лѣтописцы, которые утверждали, что Никифоръ Ивановичъ Новиковъ былъ раздутой провинціальной знаменитостью, сошедшей на нѣтъ при вступленіи въ ряды дѣятелей Александринскаго театра. Это сущій вздоръ. Никогда Новиковъ въ Петербургѣ не «сходилъ на нѣтъ»; если же, подъ конецъ своей жизни, образъ его, какъ актера императорскихъ театровъ, нѣсколько и потускнѣлъ, то виноваты въ этомъ были, во-первыхъ, серьезная болѣзнь Новикова и, во-вторыхъ, тогдашній современный репертуаръ, не дававшій возможности Никифору Ивановичу развернуть во всю ширь свой мощный талантъ; да и вообще многія, чисто закулисныя обстоятельства складывались такъ, что у Новикова опускались руки.

Харьковскій антрепренеръ Николай Николаевичъ Дюковъ первый показалъ Полтавѣ правильно и солидно организованное театральное дѣло. Большая труппа, въ которой находились крупныя провинціальныя артистическія силы, тщательная срепетовка, разнообразный репертуаръ, прекрасные по тому времени костюмы и декораціи—все это сразу же обратило на себя вниманіе публики, валомъ валившей въ театръ. Постановкой трагедіи Алексѣя Толстого «Смерть Іоанна Грознаго» Дюковъ произвелъ сенсацію; въ теченіе полутора мѣсяца сезона трагедія шла десять разъ при переполненномъ театрѣ,—фактъ безпримѣрный. Въ труппѣ Дюкова, насчитывавшей немало выдающихся актеровъ того времени, блистали неподдѣльнымъ юморомъ и комическимъ талантомъ комикъ Аркадій Большаковъ и молодая веселая актриса Марья Николаевна Акенфьева. Смотрѣть на эту парочку, впослѣдствіи сочетавшуюся

законнымъ бракомъ, было истиннымъ наслажденіемъ; какой-нибудь пустенькій водевильчикъ исполнялся ими концертно. Дюковъ, отдавая дань зарождавшейся модѣ на оперетку, поставилъ, впервые въ Полтавѣ, «Прекрасную Елену», «Синюю бороду» и другія только что появлявшіеся въ переводѣ на русскій языкъ шедевры Оффенбаха. Въ «Птичкахъ пѣвчихъ» Акенфьева (Перикола), несмотря на маленькій голосъ, производила фуроръ. Съ постановкой «Птичекъ пѣвчихъ» не обошлось безъ курьеза. Одинъ изъ видныхъ чиновниковъ (молва упорно называла тогдашняго прокурора окружнаго суда Непорожнева, любившаго изображать изъ себя «недреманное око» и частенько отличавшагося довольно эксцентрическими выходками въ области вмѣшательства въ мирную обывательскую жизнь), присутствовавшій на первомъ представленіи оперетки, возмутился глумленіемъ надъ губернаторскою властью и сообщилъ объ этомъ его превосходительству начальнику губерніи. Тотъ призвалъ полицеймейстера, разнесъ его и приказалъ сдѣлать внушеніе антрепренеру. Полицеймейстеръ струхнулъ и поспѣшно вызвалъ къ себѣ Дюкова.

— У васъ тамъ осмѣиваютъ губернатора! Кто это смѣетъ?—рѣзко началъ полицеймейстеръ.

Дюковъ, отличавшійся хладнокровіемъ и сдержанностью, почесалъ себѣ лѣвую бакенбарду (любимый «жестъ» Дюкова, когда бывали какія-нибудь непріятности по театру) и замѣтилъ, что никто никого не осмѣиваетъ и что актеры говорятъ на сценѣ и дѣлаютъ только то, что разрѣшено въ цензурованномъ экземплярѣ пьесы.

— Не можетъ быть! никогда цензура не разрѣшитъ смѣяться надъ правительственной властью.

Дюковъ сказалъ, что сейчасъ привезетъ цензурованный экземпляръ, поѣхалъ въ театръ, взялъ пьесу и привезъ полицеймейстеру. Тотъ посмотрѣлъ, увидѣлъ, что фигурируетъ въ опереткѣ, дѣйствительно, губернаторъ, и поскакалъ къ начальнику губерніи съ экстреннымъ докладомъ. О чемъ совѣщались оскорбленныя власти—неизвѣстно, но Дюкову было приказано, чтобы впредь, при представленіи «Птичекъ пѣвчихъ», каждый разъ, когда говорится слово «губернаторъ», непремѣнно добавлялось: «города Лима въ Перу», чтобы публика не подумала,—добавилъ полицеймейстеръ,—что рѣчь идетъ о мѣстномъ начальникѣ губерніи. Приказаніе, конечно, исполнялось въ точности. Публика, узнавшая объ «инцидентѣ», много смѣялась и когда, на одномъ изъ представленій, актеръ, игравшій роль Панателлы, забылъ сдѣлать добавленіе и сказалъ просто «губернаторъ», то изъ райка послышались дружные голоса:

— Губернаторъ города Лима въ Перу, не забывай, а то посидишь за рѣшеткой.

Партеръ встрѣтилъ «райскіе» голоса дружными апплодисментами и смѣхомъ.

Большимъ успѣхомъ пользовался гремѣвшій по южной Россіи молодой трагикъ Любскій. Талантъ это былъ выдающійся. Однако пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ дѣлало то, что въ игрѣ Любскаго не было середины: или онъ игралъ вдохновенно, блестяще, потрясая весь зрительный залъ, или бормоталъ что-то подъ носъ, отбарабанивая, какъ школьникъ, заученный урокъ. Разъ, играя Франца Моора въ шиллеровскихъ «Разбойникахъ», Любскій до того увлекся, что на самомъ дѣлѣ затянулъ себѣ шелковымъ шнуркомъ, привязаннымъ къ креслу, петлю на шеѣ. Когда занавѣсъ опустился, актеры съ ужасомъ увидѣли, что Любскій лежитъ безъ движенія, съ багровымъ лицомъ, и храпитъ. Бросились къ нему.

— Онъ задушилъ себя! задушилъ! Доктора! Спасайте!..

Еле разрѣзали петлю, вынули Любскаго, начали приводить въ чувство и еле-еле спасли. При первомъ представленіи «Гамлета» Любскій, блистательно сыгравъ первые три акта, во время сцены сумасшествія Офеліи въ четвертомъ актѣ, когда Гамлетъ не появляется на сценѣ, напился мертвецки пьянымъ и свалился въ уборной подъ скамейку, гдѣ и заснулъ. Начинается пятый актъ, а Любскаго нѣтъ. Искали, искали, такъ и не нашли. Дѣлать нечего: нарядили въ костюмъ Гамлета второстепеннаго актера Малевскаго, а публикѣ анонсировали, что «по внезапной болѣзни г. Любскаго роль Гамлета докончитъ экспромптомъ г. Малевскій». Кончился спектакль, всѣ разошлись. Среди ночи Любскій проснулся, выпрыгнулъ изъ окна уборной въ садъ (театръ былъ въ городскомъ саду) и въ костюмѣ и гримѣ пошелъ по улицѣ искать, нѣтъ ли гдѣ кабачка или ресторанчика, гдѣ можно было бы опохмелиться. Въ результатѣ датскій принцъ попалъ въ полицію, гдѣ его продержали до утра, а затѣмъ на извозчикѣ повезли прямо въ театръ (актеры жили тогда въ театрѣ, гдѣ для нихъ было особое помѣщеніе). Шедшіе въ гимназію гимназисты, увидавъ своего любимца, подбѣжали къ извозчику, столкнули сидѣвшаго на козлахъ полицейскаго, схватили Любскаго на руки и отнесли его въ театръ. Гимназическое начальство посадило семерыхъ зачинщиковъ въ карцеръ на сутки, но затѣмъ по просьбѣ Любскаго, ѣздившаго къ директору, арестованныхъ выпустили, сбавивъ имъ въ четверти одинъ баллъ за поведеніе.

На амплуа трагиковъ съ Любскимъ пытался конкурировать трагикъ Михаилъ Ѳедоровичъ Яковлевъ, актеръ старинной школы, ни за что не хотѣвшій примириться съ мыслью, что рычанье, вмѣсто рѣчи, ворочанье бѣлками, патетическія завыванія и другіе пріемы доморощеннаго «трагизма» вышли изъ моды и даже въ тѣ времена возбуждали только улыбку. Михаилъ Ѳедоровичъ, раздраженный успѣхами Любскаго, разъ до того обозлился, что въ день именинъ Любскаго послалъ ему въ подарокъ коробку ваксы и двѣ сапожныя щетки. Любскій, догадавшись, отъ кого присланъ такой подарокъ, пошелъ къ Яковлеву.

— Михаилъ Ѳедоровичъ! сердечно благодарю васъ за вниманіе и ласку. Объясните только, сдѣлайте милость, какъ понимать вашъ презентъ?

— И понимать не надо,—рѣзко отвѣтилъ Яковлевъ:—ты только и годишься, какъ актеръ, чтобы чистить намъ, артистамъ, сапоги!..

Любскій, засмѣявшись, ушелъ, но не остался въ долгу у Яковлева. Въ день бенефиса Михаила Ѳедоровича «могикану русскаго театра», какъ называлъ себя Яковлевъ, Любскій поднесъ въ красивомъ картонажѣ, перевязанномъ розовой лентой, пару телячьихъ мозговъ. Яковлевъ страшно разсердился и грозилъ «убить, какъ собаку», Любскаго. Разумѣется, добродушный трагикъ никогда не привелъ бы угрозы въ исполненіе, но Дюковъ, ревниво оберегавшій свою актерскую семью отъ всякихъ скандаловъ, вмѣшался и въ тотъ же вечеръ помирилъ Любскаго съ Михаиломъ Ѳедоровичемъ. Впослѣдствіи, несмотря на разницу въ лѣтахъ, оба трагика сдѣлались пріятелями.

Яковлевъ очень часто оговаривался на сценѣ, что служило поводомъ къ гомерическому хохоту публики. Въ драмѣ «Парижскій ветошникъ» главное дѣйствующее лицо, проводивъ любимую дѣвушку, возвращается на сцену и съ горечью восклицаетъ:

— Ахъ ты, скука, скука!

Яковлевъ, смущенный тѣмъ, что публика вызвала за удачно проведенную сцену драматическую актрису, подойдя къ авапсценѣ, оговорился и патетически прокричалъ:

— Ахъ ты сука, сука!..

Весь зрительный залъ расхохотался. Въ мелодрамѣ «Лондонскій звонарь», въ сценѣ съ графомъ, на вопросъ: «Кто ты?» вмѣсто «лондонскій звонарь!» рѣзко отчеканилъ:

— Лондонскій свинарь!

И долго-долго дразнили добряка Михаила Ѳедоровича этимъ «свинаремъ». Въ драмѣ «Эсмеральда или четыре рода любви» (сценической передѣлкѣ романа Гюго «Notre Dame de Paris») Квазимодо, котораго игралъ Яковлевъ, по уходѣ Клодъ-де-Фрелло, послѣ объясненія съ Эсмеральдой, угрожающе говоритъ вслѣдъ: «Трепещи меня, проклятый синдикъ!»

Яковлевъ сказалъ.

— Трепещи меня, сиклятый пиндикъ!

Публика, привыкшая къ яковлевскимъ оговоркамъ, каждый спектакль съ участіемъ Яковлева ожидала, что трагикъ непремѣнно ее насмѣшитъ, такъ оно неизмѣнно и бывало.

Когда Дюковъ въ одинъ изъ годовъ почему-то не привезъ своей труппы, Полтава была неподдѣльно огорчена. Вмѣсто Дюкова явился изъ близкаго къ Полтавѣ Кременчуга какой-то антрепренеръ Глейзманъ, юркій еврейчикъ, объявившій, что привезъ первоклассную труппу «русскихъ драматическихъ актеровъ» и что ре-

пертуаръ составленъ изъ новыхъ пьесъ, «никогда не игранныхъ предъ почтеннѣйшей полтавской публикой». Для открытія сезона поставлена была, дѣйствительно въ первый разъ въ Полтавѣ, переводная мелодрама «Дебора». Публика наполнила театръ, думая, что обѣщанія ловкаго антрепренера хоть отчасти оправдаются. Первый дебютъ вышелъ вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ, окончившись грандіознымъ скандаломъ. «Первоклассные русскіе драматическіе актеры» оказались плохими любителями, сплошь евреями, да еще отвратительно говорившими по-русски, съ сильнымъ еврейскимъ акцентомъ. По первому же абцугу Дебора, выйдя на сцену съ отцомъ и подойдя къ стоявшей скамьѣ, сказала (словъ этихъ, кажется, въ пьесѣ не было):

— Пашматри, атець, какой ждѣсъ пилъ (какая здѣсь пыль).

— Выжу, дочке, выжу,—отвѣтилъ отецъ.

Въ публикѣ начался свистъ, а затѣмъ сначала отдѣльные возгласы «вонъ», потомъ дружные крики:

— Вонъ! долой со сцены! Опустите занавѣсъ!

Растерянные Дебора и ея отецъ не знали, что имъ дѣлать, поднялись со скамьи, подошли къ авансценѣ, начали размахивать руками, пытаясь что-то сказать, но въ зрительномъ залѣ бушевала такая буря, что занавѣсъ опустили. Тогда публика начала вызывать антрепренера.

— Глейзмана! Глейзмана!

Глейзманъ не выходилъ. Партеръ, поддержанный райкомъ, неистовствовалъ:

— Деньги обратно! деньги обратно!

Публика хлынула къ кассѣ, гдѣ блѣдный, какъ полотно, Глейзманъ и перепуганный кассиръ, подъ наблюденіемъ полицеймейстера, начали выдавать обратно деньги за купленные билеты. Понятно, на другой же день Глейзмана и его труппы и слѣдъ простылъ.

Черезъ двѣ недѣли пріѣхалъ Никифоръ Ивановичъ Новиковъ,— и сразу глейзмановскій скандалъ былъ позабытъ. Снова восхищали всѣхъ и каждаго любимые актеры и актрисы. Когда вышелъ на сцену Новиковъ—Ананій Яковлевъ (шла «Горькая судьбина»), апплодисменты и крики «браво» длились, какъ замѣтилъ по часамъ одинъ изъ театраловъ, шесть минутъ, а это цѣлая вѣчность въ театрѣ! Послѣ «Горькой судьбины» поставленъ былъ извѣстный водевиль П. Григорьева «Ямщики, или какъ гуляетъ староста Семенъ Иванычъ»; старосту игралъ Новиковъ, еврея-смотрителя почтовой станціи—Новиковъ-Ивановъ, ямщика Степку—жена Новикова Елизавета Николаевна. Произошелъ небывалый въ лѣтописяхъ русскаго театра случай: по окончаніи «Ямщиковъ» вся публика, какъ одинъ человѣкъ, потребовала, чтобы весь водевиль, отъ начала до конца, былъ повторенъ. Актеры подчинились энтузіазму полтав-

цевъ, занавѣсъ былъ поднятъ, и весь водевиль сыгранъ второй разъ. Это былъ послѣдній пріѣздъ труппы Н. И. Новикова, труппы, о которой долго вспоминала Полтава; на ея долю выпало любоваться пышнымъ расцвѣтомъ всѣхъ членовъ талантливой семьи Новиковыхъ.

На слѣдующій годъ снова пріѣхалъ Дюковъ и въ первый разъ поставилъ «Русскую свадьбу» Сухонина. Постановка этой интересной картины жизни нашихъ предковъ превзошла всѣ дюковскія постановки. На второмъ представленіи «Русской свадьбы» присутствовалъ пріѣхавшій въ Полтаву концертировать Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ; дня черезъ три, во время своего второго концерта, Антонъ Григорьевичъ, на одинъ изъ многочисленныхъ бисовъ, сыгралъ экспромтъ собственной композиціи на тему пѣсни шута изъ «Русской свадьбы», особенно ему понравившейся, сыгралъ, конечно, такъ, какъ всегда игралъ нашъ знаменитый піанистъ. Капельмейстеръ оркестра Дюкова, молодой и очень танантливый Лисовскій-Козловскій, разсказывая, какъ его послѣ «Русской свадьбы» позвалъ къ себѣ Антонъ Григорьевичъ, какъ разспрашивалъ объ его музыкальномъ образованіи и хвалилъ, не могъ удержаться отъ волненія и восторженно повторялъ:

— Какое громадное счастье! со мной говорилъ самъ Рубинштейнъ!..

Послѣдней большой постановкой Дюкова въ Полтавѣ былъ шекспировскій «Отелло» съ Любскимъ. Роль венеціанскаго мавра совершенно не удалась талантливому трагику; Любскій такъ утрировалъ въ передачѣ моментовъ безумной ревности Отелло, что вызывалъ легкій смѣхъ. Послѣ перваго представленія трагедія была снята съ репертуара и больше не повторялась. Неудачу съ «Отелло» загладилъ крупный успѣхъ лермонтовскаго «Маскарада», гдѣ Любскій въ Арбенинѣ превзошелъ самого себя. Впослѣдствіи Любскій спился, скитался грязный и оборванный по провинціи, и умеръ, всѣми забытый, въ крайней бѣдности.

Въ опереткахъ пѣвучія роли исполнялись дочерью Дюкова Дубровичъ, вышедшей вскорѣ замужъ за телеграфиста Форкатти, поступившаго въ дюковскую труппу, и Лентовскимъ, пользовавшимся значительнымъ успѣхомъ. Лентовскій прямо отъ Дюкова поѣхалъ въ Москву, гдѣ послѣ удачнаго дебюта былъ принятъ на императорскую сцену; но не она создала Лентовскому широкую популярность. Лентовскій, подъ фамиліей Рюбанъ, выступалъ въ концертахъ и на сценахъ клубовъ, какъ исполнитель входившихъ въ моду съ легкой руки Монахова (въ Петербургѣ) комическихъ куплетовъ, эти-то куплеты и положили начало театральнымъ тріумфамъ этой талантливой натуры, отличавшейся необыкновенной энергіей и организаторскими способностями. Лентовскій первый создалъ въ Москвѣ въ широкомъ масштабѣ частный театръ и

достигъ колоссальнаго успѣха. Имя Лентовскаго въ теченіе долгаго времени гремѣло не только въ обѣихъ столицахъ, но и по всей Россіи.

У Дюкова же начиналъ свою сценическую карьеру Ивановъ-Козельскій. Изъ остальныхъ актеровъ дюковской труппы, кромѣ ранѣе упомянутыхъ, слѣдуетъ отмѣтить: Стружкина, Горева, сестеръ Фанни и Ольгу Козловскихъ, Андреева-Бурлака и другихъ. Послѣ Дюкова Харьковъ не имѣлъ, да, вѣроятно, и не будетъ имѣть такой блестящей драматической труппы, а о Полтавѣ и говорить нечего. Полтавскій театръ въ настоящее время занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ среди провинціальныхъ театровъ. Sic transit!

II.

Театръ въ Самарѣ. — Антрепренеръ Нѣмовъ и его труппа. — Самарскіе театралы.— Бѣглый раскольникъ.—Антреприза пензенскаго помѣщика.—П. П. Васильевъ, П. А. Никитинъ и Н. К. Милославскій.

Въ семидесятыхъ годахъ городъ Самара былъ включенъ въ число «мѣстъ не столь отдаленныхъ», куда по приговорамъ окружныхъ судовъ ссылались обвиненные въ различныхъ «не тяжкихъ» преступленіяхъ и проступкахъ. Хотя суды ссылали «въ Самарскую губернію», но тогдашній губернаторъ, человѣкъ мягкій и сердечный, зря не свирѣпствовалъ и разрѣшалъ всѣмъ интеллигентнымъ ссыльнымъ жить въ губернскомъ городѣ. Въ тѣ времена желѣзная дорога доходила лишь до Сызрани и зимой можно было добраться до Самары только на лошадяхъ. Городъ жилъ исключительно торговлей хлѣбнымъ зерномъ, и на этой торговлѣ зиждилось все благосостояніе обывателей. Хорошій урожай, отправка зерна большая—городъ оживленъ, жизнь кипитъ весельемъ, купцы бойко торгуютъ; урожай плохъ—городъ замираетъ, все уныло, пустынно. Тонъ всей самарской жизни половины семидесятыхъ годовъ задавали г.г. «пшеничники»,—такъ назывались скупщики и оптовые торговцы пшеницей.

Кромѣ неизбѣжныхъ клубовъ, для удовольствія горожанъ имѣлись: лѣтомъ—Струковскій садъ на берегу Волги, гдѣ, какъ полагается провинціальному саду, имѣлся «буфетъ», а зимой—театръ, стоявшій на площади, передѣланный изъ хлѣбнаго амбара.

Изъ антрепренеровъ симпатіями «публики» пользовался Иванъ Константиновичъ Нѣмовъ, сухощавый человѣкъ съ густыми черными усами, чахоточный, нервный и раздражительный. На афишкахъ Нѣмовъ называлъ себя «артистомъ императорскихъ театровъ», хотя на вопросы, въ какомъ именно императорскомъ театрѣ онъ служилъ и какое мѣсто занималъ,—Нѣмовъ отмалчивался. Велъ онъ театральное дѣло вполнѣ по-провинціальному. Жена его,

Надежда Николаевна Нѣмова, довольно красивая молодая женщина, главенствовала въ женскомъ персоналѣ труппы, играя, какъ опытная лицедѣйка, исключительно выигрышныя роли. Нѣмова обладала небольшимъ симпатичнымъ голоскомъ и пѣла въ водевиляхъ и опереткахъ. Въ сезонъ 1874—1875 гг. въ составѣ труппы Нѣмова были: драматическая актриса Лаврецкая-Черкасова, мужъ ея комикъ Черкасовъ (впослѣдствіи небезызвѣстный на югѣ антрепренеръ), молодая ingénue comique Лебедева, любовникъ и фатъ Аркадьевъ (настоящая фамилія его Лангаммеръ, служилъ до Самары въ Петербургѣ въ Александринскомъ театрѣ на небольшихъ роляхъ), старый комикъ Глушковскій и другіе.

На роляхъ вторыхъ резонеровъ былъ преинтересный типъ—прогорѣвшій помѣщикъ-аристократъ князь Иванъ Яковлевичъ Болховской, поступившій на сцену, какъ онъ увѣрялъ, изъ любви къ искусству и выбравшій себѣ псевдонимъ Далье.

— Зачѣмъ вы, Иванъ Яковлевичъ, взяли французскую фамилію?—спрашивали его.

— Ахъ, mon cher, все-таки, знаете, не могу отстать отъ барскихъ привычекъ!—отвѣчалъ онъ.

При чемъ тутъ были барскія привычки,—Далье не пояснялъ.

Всѣмъ и каждому Иванъ Яковлевичъ разсказывалъ, что онъ разводится съ женой (жившей въ Самарѣ же) и что «княгиня Болховская» выходитъ замужъ за самарскаго присяжнаго повѣреннаго Павла Аркадьевича Андріевскаго, черезъ нѣсколько лѣтъ переѣхавшаго въ Кіевъ и издававшаго тамъ газету «Кіевская Заря». Какъ актеръ, Далье былъ совершеннымъ ничтожествомъ, но въ Самарѣ всѣ его знали и поэтому добродушно апплодировали ему, хотя прогорѣвшій князь выступалъ въ самыхъ незначительныхъ роляхъ.

Въ то время въ Самарѣ жилъ сосланный туда Петръ Ивановичъ Кичеевъ, впослѣдствіи небезызвѣстный поэтъ и театральный критикъ, размѣнявшій, къ сожалѣнію, свой недюжинный литературный талантъ на пятачки московской уличной прессы. Кичеевъ былъ записнымъ театраломъ, усердно посѣщалъ спектакли нѣмовской труппы и пописывалъ театральныя рецензіи въ маленькой мѣстной газетѣ «Самарскій Листокъ Объявленій». Однажды въ рецензіи о «Бѣдности не порокъ» Кичеевъ разразился громовымъ обвиненіемъ въ бездарности самого Нѣмова, игравшаго Любима Торцова. «Такъ сыграетъ каждый плохой любитель», писалъ Кичеевъ. Нѣмовъ, зная, что Кичеевъ считаетъ себя талантливымъ актеромъ на драматическія и характерныя роли, встрѣтивъ Кичеева въ театрѣ, въ антрактѣ подошелъ къ нему.

— Вотъ вы, Петръ Ивановичъ, раздѣлали меня подъ орѣхъ, а сами, поди-ка, еще хуже меня сыграете.

— Хуже васъ?—иронически отвѣтилъ Кичеевъ:—да развѣ можно сыграть хуже васъ?

— А я вамъ докажу, что можно,—отвѣтилъ Нѣмовъ.—Сыграйте-ка!.. Я спеціально для васъ повторю «Бѣдность не порокъ», хотя увѣренъ, что не будетъ никакого сбора.

— Вы это серьезно?—спросилъ Кичеевъ.

— Конечно, серьезно. Когда вы можете выступить?

— Да хоть черезъ недѣлю,—храбро отвѣтилъ Кичеевъ.

— Ну, по рукамъ.

Черезъ недѣлю афиша гласила, что «сегодня, для перваго дебюта Петра Иванова, представлена будетъ комедія А. Н. Островскаго «Бѣдность не порокъ». Сбору, какъ предвидѣлъ опытный Нѣмовъ, не было никакого, но Кичеевъ не унывалъ и передъ выходомъ сказалъ помощнику режисера:

— Я имъ покажу, какъ надо играть Островскаго.

Бѣдный Петръ Ивановичъ былъ жестоко наказанъ за свою самоувѣренность: онъ торжественно провалился. Человѣкъ пятьдесятъ собравшейся «публики» безжалостно ошикали дебютанта. На Кичеева это такъ повліяло, что онъ до самаго отъѣзда изъ Самары больше не писалъ театральныхъ рецензій и никогда уже не дерзалъ публично выступать на театральныхъ подмосткахъ. Въ одной изъ своихъ первыхъ рецензій о нѣмовскихъ спектакляхъ Кичеевъ посвятилъ чудаку Далье слѣдующее четыреститіе:

«Въ гостиной онъ—актеръ,
Въ театрѣ—полотеръ,
И авторамъ на диво
Молчитъ краснорѣчиво»...

Далье ужасно обидѣлся и просилъ передать Кичееву, что лучше краснорѣчиво молчать, чѣмъ печатно говорить глупости. Къ концу сезона Далье буквально обожалъ, какъ институтка, Кичеева и съ гордостью говорилъ:

— Петръ Иванычъ—мой лучшій другъ; такихъ свѣтлыхъ головъ днемъ съ огнемъ не сыщешь. Я опустился, но Кичеевъ разбудилъ во мнѣ человѣка, и я чувствую, что ко мнѣ возвращается человѣческое достоинство.

Самымъ талантливымъ въ труппѣ Нѣмова былъ комикъ Глушковскій, несмотря на то, что талантъ его шелъ уже къ закату и что его одолѣвали физическіе недуги—глухота и ожирѣніе. Нѣкоторыя роли Глушковскій игралъ прямо-таки виртуозно. Природный юморъ въ соединеніи съ недюжиннымъ талантомъ выдвигали Глушковскаго изъ рядовъ современныхъ ему актеровъ, а между тѣмъ, благодаря скромности и робкой неувѣренности въ своихъ силахъ, Глушковскій скитался по маленькимъ провинціальнымъ городамъ, не мечтая даже о крупныхъ провинціальныхъ театрахъ, гдѣ онъ занялъ бы первое мѣсто. Въ веселой комедіи съ пѣніемъ

«Со ступеньки на ступеньку» (довольно удачной передѣлкѣ нѣмецкой Posse mit Gesang «Fon Stuffe zu Stuffe») въ одной изъ картинъ сидитъ за столомъ въ увеселительномъ саду подвыпившій купецъ, періодически повторяющій одну и ту же фразу «Бутылку пива!» Изъ этой роли Глушковскій дѣлалъ такую крупную и интересную фигуру, что все вниманіе публики только на ней и сосредоточивалось. Курослѣпова въ комедіи Островскаго «Горячее сердце» Глушковскій игралъ въ полномъ смыслѣ слова артистически. Дикой въ «Грозѣ», Ляпкинъ-Тяпкинъ въ «Ревизорѣ», Яичница въ «Женитьбѣ», старый докторъ Гловъ въ водевилѣ Баженова «Бѣдовая бабушка»—были настоящими шедеврами Петра Кузьмича Глушковскаго.

Въ самарскомъ обществѣ, посѣщавшемъ усердно театръ, образовалась цѣлая группа театраловъ, считавшихся въ актерской семьѣ своими людьми. Во главѣ ихъ находился мѣстный полицеймейстеръ Иванъ Николаевичъ Пикаръ, одно время служившій въ Петербургѣ, а затѣмъ за какую-то провинность переведенный въ Самару. Пикаръ, образованный и общительный человѣкъ, отличался постоянно веселымъ расположеніемъ духа; онъ острилъ, балагурилъ, являлся неисчерпаемымъ источникомъ всевозможныхъ анекдотовъ. Актеры его ужасно любили, и онъ платилъ имъ тѣмъ же. На своемъ вѣку онъ перевидалъ всѣхъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ артистовъ и поэтому считался строгимъ цѣнителемъ театра. Пикаръ довольно зло и остроумно при всякомъ удобномъ случаѣ поднималъ на смѣхъ упомянутаго выше адвоката Андріевскаго, пользовавшагося въ самарскомъ обществѣ довольно сомнительной репутаціей. Андріевскій, чванный и напыщенный, считалъ себя необыкновеннымъ знатокомъ драматическаго искусства, а на самомъ дѣлѣ ничего въ немъ не смыслилъ. Словесныя схватки между добродушнѣйшимъ Пикаромъ и зеленѣющимъ отъ злости заносчивымъ Андріевскимъ обыкновенно происходили въ театральномъ буфетѣ; Андріевскій неизмѣнно оставался побѣжденнымъ и удалялся подъ аккомпаниментъ дружнаго хохота всѣхъ присутствовавшихъ на этихъ забавныхъ турнирахъ; подливалъ масло въ огонь Кичеевъ, органически не переваривавшій нахальства и чванливой самоувѣренности. Любимымъ удовольствіемъ Пикара было въ присутствіи приглашенныхъ имъ актеровъ и театраловъ устраивать по фальшивой тревогѣ выѣзды пожарной команды!..

— Вы посмотрите, какой у меня брандмейстеръ!—самодовольно хвалился Пикаръ, указывая на дюжаго дѣтину въ блестяще начищенной пожарной каскѣ.—А вотъ эта парочка пѣгихъ?.. А каковъ брандспойтъ? И въ столицахъ не найдете!

Когда окружающіе поддакивали и разсыпались въ похвалахъ, Пикаръ везъ всѣхъ гостей къ себѣ домой и угощалъ ихъ шампанскимъ.

Однажды, часовъ въ шесть вечера, въ двадцатипятиградусный морозъ съ вѣтромъ, когда добрый хозяинъ собаки не выгонитъ на улицу, въ уборную къ только что пріѣхавшему въ театръ Нѣмову робко вошелъ худощавый молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ, безъ всякой растительности на лицѣ, одѣтый въ тоненькій рваный пиджакъ, наброшенный на темносинюю косоворотку.

— Что тебѣ надо?—закричалъ разсерженный Нѣмовъ, увидавъ незнакомца.

— Я къ вамъ съ просьбой, Иванъ Константиновичъ. Слыхалъ я, что вы человѣкъ добрый. Возьмите меня!

— Куда? Полный комплектъ рабочихъ на сценѣ имѣется, капельдинеровъ больше не надо, куда жъ я тебя возьму?

— Въ актеры.

— Что-о?

Нѣмовъ разинулъ ротъ отъ удивленія. Молодой человѣкъ, дрожа отъ холода и волненія, разсказалъ, что онъ сынъ богатаго самарскаго купца раскольника, что отецъ не позволяетъ ему учиться и заставляетъ помогать приказчикамъ въ хлѣбномъ амбарѣ, что онъ, тайкомъ отъ отца, каждый вечеръ бѣгалъ въ театръ и такъ полюбилъ театръ, что рѣшилъ во что бы то ни стало пойти въ актеры.

— Вчера отецъ уѣхалъ недѣли на три въ Бузулукъ (уѣздный городъ Самарской губерніи),—продолжалъ молодой человѣкъ:—а сегодня утромъ я совсѣмъ убѣжалъ изъ дому и больше туда никогда не вернусь. Весь день я скитался по городу, насилу дождался вечера. Если вы меня не возьмете,—я повѣшусь, другого выхода мнѣ нѣтъ. Позвольте мнѣ и жить въ театрѣ, я гдѣ-нибудь найду себѣ уголочекъ.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ Нѣмовъ.

— Василій Иванычъ!

— Ну, вотъ что, Василій Иванычъ. Прежде всего—подите въ каморку къ ламповщику Семену...

— Знаю, знаю!—радостно закричалъ молодой человѣкъ.

— И погрѣйтесь, да велите, отъ моего имени, чтобы онъ васъ накормилъ, а потомъ потолкуемъ, послѣ спектакля.

— Стало быть, вы меня не выгоните? Какое счастье!—обрадовался бѣглый раскольникъ.

Черезъ два дня въ труппѣ Нѣмова прибавился одинъ актеръ «на вторыя роли»—Васильевъ. Оказалось, что у молодого человѣка, помимо страстнаго желанія поступить на сцену, былъ и несомнѣнный талантъ. Въ концу сезона Васильевъ началъ замѣтно выдѣляться, а черезъ два года я его видѣлъ уже настоящимъ актеромъ. Въ судьбѣ Васильева принялъ большое усердіе Пикаръ. Отецъ Васильева, вернувшись въ Самару и узнавъ о бѣгствѣ сына, только рукой махнулъ и не дѣлалъ никакихъ попытокъ отыскать его.

Разумѣется, старикъ не зналъ, что сынъ пошелъ въ актеры, и не узналъ этого, какъ мнѣ потомъ разсказывалъ Василій Ивановичъ, до самой смерти.

Зимній сезонъ 1876—1877 года начался въ самарскомъ театрѣ антрепризой помѣщика Пензенской губерніи князя Кутыева. Молодой князекъ, страстный любитель театра, соблазнился и, забросивъ собственное хозяйство и заложивъ имѣніе, пустился въ рискованное театральное предпріятіе. Среди сезона у Кутыева не хватило денегъ, актеры начали, по обыкновенію, ссориться; Кутыеву надоѣли театральныя дрязги, надоѣли постоянные займы, и онъ отказался, передавъ театръ самимъ актерамъ, образовавшимъ товарищество.

Театральныя дѣла шли неважно, да и не мудрено: въ Самарской губерніи свирѣпствовалъ голодъ. Но, несмотря на рядъ неудачъ, въ теченіе этого сезона самарская публика увидѣла на сценѣ своего театра трехъ знаменитостей: артистовъ императорскихъ театровъ Павла Васильевича Васильева 2-го, Павла Александровича Никитина и Николая Карловича Милославскаго.

Павелъ Васильевичъ Васильевъ, имя котораго, какъ громадной театральной величины, никогда не умретъ въ исторіи русскаго театра, пріѣхалъ въ Самару на четыре спектакля. Нечего и говорить, что театръ былъ переполненъ и знаменитый артистъ сдѣлался предметомъ шумныхъ овацій публики, изумленной не только талантомъ Павла Васильевича, но и невиданными до тѣхъ поръ пріемами сценическаго исполненія. Расплюевъ («Свадьба Кречинскаго») и Любимъ Торцовъ («Бѣдность не порокъ»)—перлы творчества красы и гордости русскаго театра П. В. Васильева. Для третьей гастроли Павелъ Васильевичъ выступилъ въ Львѣ Красновѣ («Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ»), но въ этой роли артистъ, благодаря своей смѣшной фигурѣ и тембру голоса, не производилъ цѣльнаго впечатлѣнія, хотя моментами потрясалъ своею игрой весь зрительный залъ. Павелъ Васильевичъ, идеальный комическій актеръ, имѣлъ удивительное пристрастіе къ трагическимъ или сильно драматическимъ ролямъ. Давно ужъ онъ лелѣялъ мысль сыграть Гамлета и не скрывалъ своего страстнаго желанія. Въ бесѣдѣ объ этомъ съ актерами Павелъ Васильевичъ, предупреждая весьма естественные вопросы относительно пригодности такой фигуры и такого голоса для олицетворенія мечтательнаго принца-философа, настойчиво увѣрялъ, что по Гервинусу (!) и другимъ комментаторамъ Шекспира, Гамлетъ долженъ быть небольшого роста, толстый, съ короткой шеей, выше среднихъ лѣтъ и съ хриплымъ голосомъ. По этому вопросу Павелъ Васильевичъ не терпѣлъ никакихъ возраженій и сурово обрывалъ спорщика возгласомъ:

— Что вы тамъ понимаете?!

Павелъ Васильевичъ, для прощальнаго бенефиса-гастроли въ Самарѣ, хотѣлъ во что бы то ни стало поставить «Гамлета», но недостатокъ времени помѣшалъ знаменитому комику добровольно выставить себя на публичное позорище. Вмѣсто проектированнаго «Гамлета» поставлена была модная тогда въ Петербургѣ комедія съ куплетами «Петербургскіе коготи», въ которой Васильевъ морилъ со смѣху въ роли Антоши Безноженскаго, и старинная одноактная комедія-водевиль «Незнакомые знакомцы», гдѣ одно появленіе Павла Васильевича, игравшаго Дерюгина, въ коротенькомъ военномъ сюртукѣ и потертой военной фуражкѣ съ большимъ козырькомъ, вызывало гомерическій хохотъ. Васильевъ, вѣчно враждовавшій съ другимъ корифеемъ тогдашней императорской сцены Василіемъ Васильевичемъ Самойловымъ, придирался къ каждому случаю, чтобы обругать Самойлова гаеромъ, шарлатаномъ и фокусникомъ. Самойловъ платилъ Васильеву тѣмъ же. Что возбудило такую непримиримую вражду,—непонятно. Оба занимали совершенно различное амплуа, оба были одинаково крупными талантами, оба пользовались одинаковымъ успѣхомъ, и одинъ не могъ переварить другого!

При отъѣздѣ Павла Васильевича изъ Самары общество устроило столичной знаменитости торжественные проводы. Театралъ-полицеймейстеръ И. Н. Пикаръ, за прощальнымъ ужиномъ, привѣтствовалъ отъѣзжающаго теплой рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ:

— Примите, дорогой Павелъ Васильевичъ, нашу горячую любовь, вызванную близкимъ знакомствомъ съ вами, и нашу неподдѣльную скорбь, вызываемую горестной разлукой. На берегахъ Невы не забывайте о гостепріимной Волгѣ. Склоняя передъ вами голову, я отъ лица всей Самары говорю вамъ: до скораго свиданья.

Вслѣдъ за полицеймейстеромъ поднялся П. И. Кичеевъ и произнесъ слѣдующій экспромтъ:

Къ брегамъ Невы россійско-финскимъ
Онъ ѣдетъ,—Волга замутилась
И предъ талантомъ исполинскимъ
Сама полиція склонилась.

Популярнѣйшій чтецъ-декламаторъ Павелъ Александровичъ Никитинъ, изъѣздившій почти всю Россію, пріѣхалъ въ Самару въ первый разъ. Какъ актеръ, онъ выступилъ въ драмѣ Дьяченка «Жертва за жертву», комедіи князя Кугушева «Корнетъ Отлетаевъ», передѣлкѣ комедіи Сарду «Nos intimes»—«Друзья-пріятели», одноактной комедіи въ стихахъ Н. И. Куликова «Которая изъ двухъ» и въ «Горѣ отъ ума». Всѣ эти роли были отдѣланы у Никитина до мелочей; Чацкаго игралъ онъ посредственно, но читалъ грибоѣдовскіе стихи удивительно, въ особенности монологи «А

судьи кто?» и «Не образумлюсь,—виноватъ». Успѣхъ Никитина можно назвать бѣшенымъ. Затѣмъ Никитинъ нѣсколько разъ выступалъ, въ заключеніе спектаклей, какъ чтецъ—и тутъ уже театръ просто ревѣлъ онъ восторга. Юмористическія стихотворенія Пушкарева, Минаева, Петра Вейнберга, Жулева, «Грѣшница» А. Толстого, «Поля» Майкова, «Парадный подъѣздъ» Некрасова—вызывали нескончаемыя рукоплесканія. Въ Самарѣ Никитинъ вздумалъ сыграть Хлестакова, но попытка оказалась неудачной. Зато въ популярной въ тѣ времена комедіи въ стихахъ «Житейская школа» Никитинъ былъ художественъ.

Актеры, получившіе передъ пріѣздомъ Никитина въ свое распоряженіе отъ Кутыева театръ и устроившіеся на товарищескихъ началахъ, упросили Петра Александровича, приглашеннаго на двѣ недѣли, стать во главѣ товарищества и остаться до конца сезона. Никитинъ согласился и повелъ дѣло блестяще: товарищи за послѣдніе полтора мѣсяца получили свое жалованье полнымъ рублемъ. Послѣднимъ спектаклемъ въ сезонѣ шла «Житейская школа»; по болѣзни одного изъ актеровъ роль его (очень маленькая) была передана за четыре дня до спектакля актеру Желѣзникову, отличавшемуся тѣмъ, что никогда не училъ ролей. «Житейская школа», какъ я сказалъ, написана стихами, а стиховъ вѣдь «своими словами» не скажешь. Однако Желѣзниковъ остался вѣренъ себѣ, и своей маленькой роли все-таки не потрудился выучить, понадѣясь на суфлера. По пьесѣ Желѣзниковъ долженъ былъ въ сценѣ съ Никитинымъ, сказать:

«Вы говорите—да, а что какъ вдругъ да нѣтъ?
«Что дѣлать станете? ну-съ, дайте-ка отвѣтъ!?»

Желѣзниковъ, поймавъ на лету крики суфлера, сказалъ:

«Вы говорите да, а я говорю нѣтъ,
«Вотъ вамъ и весь отвѣтъ».

Никитинъ расхохотался и тотчасъ же отвѣтилъ Желѣзникову слѣдующимъ экспромтомъ:

«Сперва ты выучи-ка роль,
А ужъ затѣмъ играть изволь...
Для насъ же неучи—великіе нахалы,
Достоинъ свиста ты всей театральной залы».

Публика тогда сообразила, въ чемъ дѣло, и отвѣтила на никитинскую отповѣдь взрывомъ апплодисментовъ.

Третьимъ и послѣднимъ гастролеромъ сезона 1876—77 г.г. былъ Николай Карловичъ Милославскій, о которомъ во всевозможныхъ лѣтописяхъ, запискахъ, дневникахъ т. п. разсыпано множество анекдотовъ. Современники Милославскаго, рѣшившіе подѣлиться съ русскимъ читателемъ воспоминаніями объ этой оригинальной личности, словно спеціализировались на анекдотахъ о популярномъ южномъ антрепренерѣ и, во всякомъ случаѣ, незаурядномъ сцени-

ческомъ дѣятелѣ. И никто изъ этихъ современниковъ не разсказалъ своихъ впечатлѣній о Милославскомъ-артистѣ, словно Николай Карловичъ только затѣмъ и посвятилъ себя театральнымъ подмосткамъ, чтобы и на сценѣ и въ закулисной жизни разыгрывать анекдоты въ лицахъ. Милославскій, по тѣмъ временамъ, когда театры были заполнены необразованными и невѣжественными людьми, могъ считаться самымъ образованнымъ, воспитаннымъ и начитаннымъ изъ своихъ сверстниковъ. Вотъ эти-то качества Милославскій и утилизировалъ, добавивъ необходимую дозу смѣлости, граничащей съ нахальствомъ. Умъ и образованіе, въ связи съ житейской ловкостью, создали Милославскому успѣхъ. Таланта же, дара Божьяго, управляющаго сердцами и чувствами зрителей, у Милославскаго не было. Поэтому смѣшно и досадно было читать нерѣдко появлявшіяся въ печати конца семидесятыхъ годовъ сравненія Милославскаго съ В. В. Самойловымъ, И. В. Самариновымъ, С. В. Шумскимъ и др. крупными талантами отечественнаго театра. Игра Милославскаго была умная, выученная; въ техникѣ онъ достигалъ виртуозности, но отсутствіе таланта сказывалось въ каждой роли, какъ бы таковая ни была детально отдѣлана. Провинціальная публика семидесятыхъ годовъ была воспитана на грубой, топорной игрѣ большинства тогдашнихъ провинціальныхъ лицедѣевъ; образованные, умные актеры являлись единицами. Вотъ къ этимъ-то единицамъ и принадлежалъ Н. К. Милославскій. Въ «Старомъ баринѣ» и «Ришелье» Милославскій до смѣшного копировалъ В. В. Самойлова, и только люди, не видавшіе оригинала, могли восхищаться блѣдной копіей.

Въ Самарѣ Николай Карловичъ выступилъ въ «Старомъ баринѣ»; для второго выхода Николая Карловича поставлена была драма «Смерть Ляпунова». Пріѣзжій гость имѣлъ внѣшній успѣхъ, но сборовъ не дѣлалъ. Третьей ролью Милославскаго былъ Жоржъ Дорси въ «Гувернерѣ» Дьяченка. Какъ бы то ни было, а знакомство самарской публики съ Милославскимъ имѣло, до извѣстной степени, воспитательное значеніе. Публика поняла, до какого совершенства можетъ доходить театральная техника и какихъ результатовъ на сценѣ можно достигнуть исключительно умомъ, образованіемъ и широкою опытностью. Наиболѣе понравился самарскимъ театраламъ Николай Карловичъ въ роли донъ-Сезара-де-Базанъ въ комедіи «Испанскій дворянинъ»; роль эту артистъ исполнялъ, съ внѣшней стороны, вполнѣ артистически и давалъ цѣльный, выдержанный типъ, а не карикатуру, какъ это было у другихъ провинціальныхъ исполнителей донъ-Сезара.

Послѣ «кутыевскаго» сезона самарскій театръ переходилъ изъ рукъ въ руки. Одно время онъ даже вспомнилъ о былыхъ своихъ успѣхахъ, когда антрепренерствовалъ актеръ Новиковъ (однофа-

милецъ извѣстныхъ Новиковыхъ). Но мало-по-малу Самара, какъ театральный городъ, падала, и въ настоящее время самарскій театръ считается однимъ изъ захудалыхъ.

III.

Вершители судебъ провинціальныхъ театровъ. — Крупные и мелкіе антрепренеры.— Наплывъ новыхъ лицедѣевъ.—Какъ заманивали публику.—Ростовскій антрепренеръ Вальяно.—Крахъ провинціи.

Кто же въ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ насаждалъ въ провинціи драматическое искусство? Въ чьихъ рукахъ находилась судьба русскаго драматическаго театра?

Наиболѣе «видными» антрепренерами той эпохи считались: Дюковъ въ Харьковѣ (о немъ говорилось уже въ первой главѣ этихъ краткихъ и отрывочныхъ воспоминаній), Смольковъ—въ Нижнемъ-Новгородѣ, Павловъ—въ Тулѣ и Калугѣ, Кастровскій—въ Саратовѣ, Медвѣдевъ—въ Казани, Лаухинъ—въ Орлѣ, Максимовъ—въ Одессѣ и Вальяно—въ Ростовѣ-на-Дону и Таганрогѣ.

Кромѣ Дюкова, наибольшею популярностью пользовался казанскій антрепренеръ Петръ Михайловичъ Медвѣдевъ, изъ школы котораго (медвѣдевскій театръ былъ настоящей школой для актеровъ) вышли почти всѣ выдающіеся артисты, впослѣдствіи составившіе себѣ крупное имя на казенныхъ и частныхъ сценахъ обѣихъ столицъ. Самъ Медвѣдевъ, на склонѣ своей дѣятельности, попалъ въ Александринскій театръ и даже одно время занималъ мѣсто режиссера, но звѣзда Медвѣдева начала тускнѣть еще до переѣзда его въ Петербургъ и быстро закатилась. Настали иныя времена, отъ театра требовалось уже не то, что десять-пятнадцать лѣтъ назадъ, и Петръ Михайловичъ очутился въ самомъ безпомощномъ положеніи.

Нижегородскій Смольковъ, орловскій Лаухинъ, саратовскій Кастровскій—всѣ были типичными провинціальными антрепренерами, преслѣдующими чисто коммерческіе интересы и весьма мало заботящимися объ искусствѣ, которое служило имъ источникомъ наживы. Въ труппахъ всѣхъ трехъ попадались хорошіе, талантливые актеры, но въ то время на хорошихъ актеровъ былъ большой урожай.

Михаилъ Андреевичъ Максимовъ, старый актеръ, бывшій артистъ императорскихъ театровъ, выѣзжалъ въ Одессѣ больше на опереткѣ. Мелкіе провинціальные антрепренеры—Матковскій, Семенъ Никодимовичъ Новиковъ и др.—сдѣлали изъ театровъ совсѣмъ мелочныя лавочки и своимъ веденіемъ театральнаго дѣла напоминали ловкихъ торгашей, не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ драматическому искусству.

Актеровъ съ каждымъ годомъ плодилось все больше и больше; всѣхъ неудачниковъ, выгнанныхъ за лѣнь гимназистовъ, бѣсящихся съ жиру провинціальныхъ барышень, мелкихъ приказчиковъ, прогнанныхъ со службы маленькихъ чиновниковъ плѣняли будущіе лавры, сравнительная незначительность предстоявшаго «театральнаго» труда, абсолютная легкость заработать ежемѣсячно рублей сорокъ-пятьдесятъ, а то и болѣе, веселая жизнь театральной богемы и проч. Великимъ постомъ, когда, по изстари заведенному обычаю, въ Москвѣ начинается съѣздъ провинціальныхъ Гарриковъ на актерскую биржу, бритыя физіономіи и набѣленныя вызывающія женскія лица на каждомъ шагу попадались по улицамъ Бѣлокаменной. Въ излюбленныхъ маленькихъ актерскихъ ресторанчикахъ появлялись все новые и новые служители Мельпомены.

Тульско-калужскій антрепренеръ Павловъ, прозванный въ театральныхъ кружкахъ «Червончикомъ», первый сообразилъ, что разъ предложеніе превышаетъ спросъ, то, значитъ, и актерское жалованье должно понизиться, а доброкачественность актера—пустое дѣло: главное—забористая афиша и заманчивый репертуаръ. И вотъ, съ легкой руки «Червончика», на актерской биржѣ появились герои за сто рублей въ мѣсяцъ, драматическія актрисы за сто пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, любовники и фаты не свыше семидесяти пяти рублей и т. д. Разумѣется, каждая пьеса проваливалась, но антрепренеръ не унывалъ, такъ какъ все равно приходилось не повторять пьесъ, ставить ежеспектакльно или новыя, или въ первый разъ возобновленныя. Сборы хоть были неважные, но и расходы по содержанію труппы сократились по крайней мѣрѣ на половину.

Театральное дѣло мало-по-малу падало. Прогары антрепренеровъ приняли характеръ какой-то эпидеміи. Чтобы какъ-нибудь заставить публику ходить въ театръ, практиковались самые антихудожественные, болѣе того—шарлатанскіе пріемы. Театральная провинція изощрялась въ изобрѣтательности: бенефиціанты объявляли безпроигрышную лоттерею, при чемъ главнымъ выигрышемъ являлась лошадь или большой серебряный самоваръ; афишки составлялись во вкусѣ захолустныхъ цирковъ; на афишкахъ пьеса расписывалась по дѣйствіямъ съ самыми кричащими названіями. Вотъ, напримѣръ, какъ была составлена афиша одного изъ спектаклей въ Воронежѣ:

«Съ новой блестящей помпезной обстановкой представлена будетъ въ первый разъ идущая съ громаднымъ успѣхомъ на императорскихъ сценахъ бытовая и салонная драма знаменитаго драматурга Николая Антиповича Потѣхина «Злоба дня» въ четырехъ дѣйствіяхъ и двѣнадцати картинахъ. Дѣйствіе первое, картина первая—«Въ пѣдрахъ генеральской семьи», картина вторая—«Блуд-

ный сынъ», картина третья—«За что же гибель?» Дѣйствіе второе, картина четвертая—«Желѣзнодорожный тузъ купеческаго званія», картина пятая—«У сынка Сережи морозъ по кожѣ», картина шестая—«Помяни царя Давида и всю кротость его». Дѣйствіе третье, картина седьмая—«Роковой день», картина восьмая—«Генеральша влюбилась», картина девятая—«Попка куснулъ». Дѣйствіе четвертое, картина десятая—«Балъ въ оранжереѣ», картина одиннадцатая—«Милый дороже жизни», картина двѣнадцатая—«Она застрѣлилась, бѣдная голубка!»

Провинціальный театръ возвращался къ временамъ Выходцева и ему подобныхъ!

Среди антрепренеровъ не университетскихъ второстепенныхъ провинціальныхъ городовъ рѣзко выдавался Григорій Ставровичъ Вальяно, антрепренеръ-любитель, горячій поклонникъ театра, брезгливо относившійся вообще къ театральному шарлатанству, все глубже и глубже пускавшему корни.

По происхожденію таганрогскій грекъ, блестящій гусаръ, богатый помѣщикъ, Вальяно до того увлекся театромъ, что въ одинъ прекрасный день сразу порвалъ всѣ связи съ прошлымъ, бросилъ военную службу, отказался отъ общества, въ которомъ вращался, и сдѣлался антрепренеромъ и актеромъ, всецѣло отдавшись театру. Смѣлый шагъ Вальяно вызвалъ въ его роднѣ и въ обществѣ суровое осужденіе, а частью и недоумѣніе. Какъ? пренебречь будущей карьерой? промѣнять «свѣтъ» на театральные подмостки? превратиться въ жалкаго фигляра, когда въ жизни все кругомъ только улыбалось? Непонятно, необъяснимо!

Оставивъ въ сторонѣ всякія матерьяльныя соображенія, Вальяно собралъ большую и удачную по своему подбору труппу и взялъ въ аренду два театра: въ Ростовѣ-на-Дону и сосѣднемъ Таганрогѣ. Постояннымъ мѣстопребываніемъ труппы былъ Ростовъ, а въ Таганрогъ посылалась нѣсколько разъ въ мѣсяцъ часть труппы. Репертуаръ составлялся изъ драмъ, комедій, водевилей и, впослѣдствіи, оперетокъ. Самъ Вальяно всѣ свои симпатіи перенесъ на оперетку. Зная хорошо музыку и отлично владѣя французскимъ и нѣмецкимъ языками, Вальяно завелъ сношенія съ Парижемъ и Вѣной, откуда, изъ первыхъ рукъ, получалъ новыя оперетки и самъ же переводилъ или передѣлывалъ ихъ для русской сцены. Кромѣ «Прекрасной Елены», «Орфея въ аду» и «Периколы», всѣ остальныя оперетки ставились на русскомъ языкѣ въ Ростовѣ у Вальяно, а затѣмъ уже на другихъ русскихъ театрахъ, включая и столичные.

Работоспособность Вальяно была изумительной. Онъ спалъ не болѣе четырехъ-пяти часовъ въ сутки, большею частью сидя въ креслѣ, а все остальное время посвящалъ работѣ. Оперетки онъ переводилъ по ночамъ и непремѣнно стоя за конторкой. Будучи недюжиннымъ художникомъ, Вальяно самъ рисовалъ модели ко-

стюмовъ, дѣлалъ макеты для декорацій, а зачастую самъ рисовалъ декораціи. Онъ не жалѣлъ денегъ на постановку и обставлялъ пьесы подчасъ роскошно. На квартирѣ его въ громадномъ залѣ цѣлые дни и вечера шились костюмы, изготовлялись бутафорскія вещи и проч. Постановка оперетты Лекока «La fille de madame Angot» въ маленькомъ ростовскомъ зимнемъ театрѣ (нынѣ уже не существующемъ) обошлась Вальяно въ три съ половиною тысячи, что, по тѣмъ временамъ, для провинціи считалось просто сумасшествіемъ. Страстный любитель играть, Вальяно участвовалъ въ каждомъ спектаклѣ, въ то же время режиссируя, ставя лично каждую новую пьесу. Вальяно дышалъ театромъ, внѣ театра его ничто не интересовало, безъ театра онъ не могъ прожить ни одного часа.

Ростовская публика переполняла театръ, аншлагъ на театральной кассѣ «всѣ билеты проданы» былъ почти обычнымъ явленіемъ, и тѣмъ не менѣе фанатикъ-антрепренеръ не избѣгнулъ общей антрепренерской участи: влѣзъ въ долги, спустивъ все свое состояніе въ два-три года, и прогорѣлъ... Со слезами на глазахъ покидалъ онъ любимый Ростовъ, гдѣ началась его театральная дѣятельность, Ростовъ, носившій на рукахъ своего антрепренера.

Больной, съ разбитыми нервами и пустыми карманами, бѣднякъ Григорій Ставровичъ переселился въ Петербургъ и вынужденъ былъ, спрятавъ въ дальній ящикъ самолюбіе, подвизаться у Ёгарева, передъ полупьяной кафешантанной публикой. Затѣмъ старикъ перекочевалъ въ Москву къ пріютившему его Лентовскому. У Лентовскаго Вальяно работалъ, пока хватало силъ; изъ Москвы поѣхалъ опять въ Петербургъ, гдѣ пробылъ недолго, а оттуда въ провинцію, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Богачъ-помѣщикъ, свѣтскій левъ, душа аристократическаго общества, окончилъ свое житейское поприще больнымъ, всѣми забытымъ бѣднякомъ!

По стопамъ Вальяно пошли и многіе крупнѣйшіе провинціальные антрепренеры, не выдержавъ борьбы съ безпощадьемъ и равнодушіемъ загадочнаго сфинкса, называемаго публикой. Солидные антрепренеры старились, прогорали, уходили на покой, а на смѣну имъ появлялись ловкачи-шарлатаны, надувавшіе толпу и безсовѣстно эксплоатировавшіе довѣрчиваго простяка-актера. Лучшіе провинціальные актеры потянулись къ столицамъ: часть поступила въ императорскіе театры, часть нашла широкое поле дѣятельности на частныхъ сценахъ Москвы, гдѣ появились, послѣдовательно смѣняя другъ друга, умѣлые и солидные антрепренры: Танѣевъ, Лентовскій, Бренко и Коршъ.

Провинція переживала періодъ упадка драматическаго театра. Растерзанную драму добивали сперва оперетка, а потомъ опера, занявшая почетное мѣсто во всѣхъ крупныхъ провинціальныхъ городахъ. Москва съ чисто русскимъ радушіемъ встрѣчала зарожде-

ніе частныхъ театровъ, крѣпнущихъ и развивающихся, а въ то же время въ Петербургѣ нарождался новый типъ частнаго театра—театра при буфетѣ различныхъ увеселительныхъ садовъ, со специфической буфетно-садовой публикой, собственными, по мѣткому выраженію В. П. Буренина, распивочно-бутербродными рецензентами, за извѣстную мзду возносившими до небесъ различныхъ поваровъ, буфетчиковъ и кухонныхъ мужиковъ, сдѣлавшихся театральными антрепренерами.

Театръ въ провинціи и посейчасъ находится въ критическомъ положеніи. Хорошо «работаютъ» пять-шесть провинціальныхъ городовъ, а въ остальныхъ театры влачатъ самое жалкое существованіе.

Пять-шесть на всю необъятную Русь!

Г. А. Пальмъ.

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ.

(Путевыя впечатлѣнія).

Я ТОЛЬКО что вернулся изъ дѣловой поѣздки вглубь Россіи, что въ послѣднее время мнѣ случалось дѣлать много разъ и по своимъ и по служебнымъ надобностямъ.

Приходилось главнымъ образомъ заглядывать въ убогія деревни и иногда проводить по нѣсколько дней сряду въ захолустныхъ «медвѣжьихъ углахъ».

Всюду глушь необъятная, безпробудная тишь, сонное царство... Даже какъ-то странно думать, сидя въ этихъ забытыхъ небомъ уголкахъ, что, вѣдь, это страна, гдѣ толкуютъ о «парламентскихъ функціяхъ», «группахъ» государственнаго совѣта и реформѣ избирательнаго права.

Приходилось бесѣдовать съ мѣстными землевладѣльцами... Есть милые, добрые люди, не безъ образованья, выписывающіе газеты и журналы. Чего же лучше!

— Ну, что: какъ у васъ тутъ?—спрашиваю, бывало, кого-нибудь побойчѣе.

— Да что же, ничего... Живемъ—хлѣбъ жуемъ...

— А какъ насчетъ направленья у васъ здѣсь?

— Какого то-есть направленья?—удивляется чистосердечно собесѣдникъ, и его добродушное, пухлое лицо съ русской бѣлокурой бородкой и сѣрыми обывательскими глядѣлками расплывается въ недоумѣвающую улыбку.

— Да кто вашъ депутатъ въ государственной думѣ?

— Порфирій Демьянычъ Ермошкинъ.

— Ну, вотъ какой же онъ партіи?

— Націоналистъ, кажется... Да, вѣдь, это что жъ, не все ли равно?

— Какъ «не все ли равно»? Да у васъ въ уѣздѣ-то направленье-то какое же?

— Да всякаго здѣсь бываетъ... А намъ вотъ главное насчетъ бы нашихъ дѣловъ здѣшнихъ... желѣзная вотъ дорога теперь...

— Да, вѣдь, ихъ, дѣла-то ваши, надо же провести въ думѣ чрезъ партію.

— А ну ихъ къ Богу, всѣ эти ваши партіи,—говоритъ, позѣвывая, другой «милый» помѣщикъ:—и къ чему это ихъ такъ много наплодили?

— А что, господа,—мѣняя тонъ, обращается онъ къ намъ обоимъ:—не пора ли и червячка заморить? Самый теперь настоящій адмиральскій часъ,—и онъ подноситъ намъ подъ носъ свой золотой хронометръ съ аккуратно стоящей на двѣнадцати стрѣлкой.

— Конечно,—любезно соглашаюсь я, но все-таки пытаюсь предложить еще вопросъ:—Ну, а скажите, вотъ этотъ самый депутатъ вашъ Ермошкинъ выступалъ уже въ думѣ? И какъ, удачно?

Собесѣдники въ нерѣшительности посматриваютъ другъ на друга, а потомъ на меня.

— А кто его тамъ знаетъ?—говоритъ первый. —Кажется, что-то будто говорилъ... Пишетъ онъ намъ, видите ли, рѣдко...

— А думскіе отчеты въ газетахъ? Развѣ не читаете?

Помѣщики пересмѣиваются.

— А лѣнь, батенька, все это прочитывать... Такую уйму пишутъ... иной разъ и не пересмотришь всего...

Что бы сказали на это наши Родичевы, такъ отважно утверждавшіе о полной подготовленности всей Россіи къ «новому режиму»?

Въ другой губерніи завожу разговоръ съ земскимъ начальникомъ.

— Что въ вашемъ участкѣ подѣлывается? Съ народомъ справляетесь?

— Ахъ, ужъ и не говорите!—махаетъ рукой земскій начальникъ съ краснымъ носомъ и сиповатымъ баскомъ, изъ бывшихъ военныхъ, вышедшій изъ полка «по недоразумѣнію»,—съ нимъ просто сладу нѣтъ! Тихоней прикидывается, а вы посмотрите-ка на дѣла нашихъ канцелярій: все сплошь завалено дѣлами о конокрадствѣ и лѣсопорубкахъ... И при этомъ всѣ пьютъ, канальи, поголовно, даже дѣтей малыхъ спаиваютъ!

— Зачѣмъ же дѣтей-то?

— Да ужъ повѣрьте,—любой крестьянскій мальчишка 12—14 лѣтъ преисправно тянетъ сивуху... И бабы тоже...

— Неужели и бабы?

— И бабы и дѣвки—всѣ пьютъ-съ!

— А вотъ вы бы ихъ, по возможности, просвѣтили: разъясняли бы имъ понемножку ихъ дикость, школку бы, что ли, устроили,— говорю я не безъ колебанія.

— Да что вы?!—хохочетъ земскій.—Развѣ что съ этими пропойцами можно сдѣлать? Въ холодную при волости посадить,— тамъ очухается... Жаль, что пороть этихъ мерзавцевъ нельзя!

И это говоритъ при всѣхъ чиновникъ, назначенный законодателемъ быть попечителемъ народнымъ, судьей праведнымъ, защитникомъ, добрымъ совѣтникомъ!..

Другой земскій начальникъ за большимъ ужиномъ у мѣстнаго «воротилы» громогласно утверждалъ:

— Никакого интереса въ народѣ къ думѣ нѣтъ! Ему поставьте ведро водки,—вотъ и все, что ему надо. И всѣ эти грабежи, разбои, осады дворянскихъ усадебъ, поджоги,—все это вовсе не было «революціоннымъ движеніемъ», какъ наивно предполагаютъ господа «эсеры» и «эсдеки», а просто жаждой легкой наживы, зудомъ попользоваться чужимъ добромъ, побарствовать на даровщинку, всѣ барскія снѣди пожрать, всѣ вина осушить, а усадьбу и домъ спалить, чтобъ и «духу барскаго» не оставалось...

Ему, конечно, возражали:

— Позвольте, вы слишкомъ мрачно рисуете нашего крестьянина! Конечно, въ то время, о которомъ вы говорите, въ немъ проснулись дикіе инстинкты, но, вѣдь, это подъ вліяніемъ пропаганды...

— Ахъ, оставьте, пожалуйста, эту «пропаганду» и этихъ всѣхъ «анархистовъ», приписывающихъ себѣ подготовку событій 1905—1906 годовъ,—возражалъ земскій начальникъ:—это все вздоръ, самообманъ. Раскидывались по деревнямъ прокламаціи, а ихъ крестьяне на «цыгарки» употребляли. Ходили сюда разные «соціалисты» и пытались толковать нашимъ мужикамъ объ ихъ общественныхъ и иныхъ правахъ, но чѣмъ же это обыкновенно кончалось?..

— Чѣмъ же?—полюбопытствовали присутствовавшіе.

— А вотъ-съ чѣмъ: поговоритъ, поговоритъ этотъ самый «соціалъ-демократъ» доморощенный, мужикъ его будто слушаетъ, а потомъ и преподнесетъ: «это точно что... правильно, значитъ, а твоя милость на косушку намъ, значитъ, пожалуй,—за твое здоровье выпьемъ».

Вице-губернаторъ, исполнявшій обязанности начальника губерніи, съ торжествомъ разсказывалъ мнѣ о только что подавленномъ имъ въ зародышѣ рабочемъ бунтѣ на фабрикѣ.

— Дѣло теперь передано судебной власти,—закончилъ онъ свой разговоръ:—и виновные будутъ наказаны... Да это, вѣдь, имъ какъ съ гуся вода... А жаль,—прибавилъ онъ вдругъ, помолчавъ:—что до нихъ теперь нельзя пальцемъ дотронуться, а то бы вотъ ихъ, до суда-то, выпороть бы нещадно...

И полная рука юнаго «администратора» съ короткими пальцами, украшенная рубиномъ на мизинцѣ, сложилась въ напряженный кулакъ и съ шумомъ опустилась на зеленое сукно письменнаго стола.

Это «нещадно» рѣзнуло по ушамъ чѣмъ-то давно прошедшимъ. Нашихъ рабовъ безправныхъ били «нещадно» только до Александра I, и въ его царствованіе это ужасное слово было уже совсѣмъ исключено изъ нашего кодекса.

У меня не нашлось словъ продолжать бесѣду съ этимъ представителемъ правительственной власти XX вѣка, сладко мечтающимъ о нещадной поркѣ.

Провинціальные «батюшки», съ которыми мнѣ доводилось встрѣчаться,—въ унынiи и тяготѣ... Безспорно, ихъ положенье до такой степени трудно и безвыходно, что дальше итти некуда, и нужно только удивляться, что находятся еще люди, которые добровольно подвергаютъ себя безконечной пыткѣ быть въ порабощенiи у прихода и существовать съ презрѣніемъ бросаемой имъ, наравнѣ съ нищими, милостыней, подъ лицемѣрнымъ названіемъ «доброхотнаго даянія».

Главнымъ образомъ, конечно, страдаетъ деревенское духовенство, такъ какъ быть въ матеріальной зависимости отъ нашего мужика—это чего-нибудь да стоитъ! Священники особенно жалуются на молодое крестьянское поколѣніе, отъ котораго имъ приходится терпѣть всевозможныя издѣвательства и самую отборную брань.

У деревенскаго причта есть, правда, свой «церковный надѣлъ», но мало того, что эти надѣлы въ огромномъ большинствѣ случаевъ запольные, никогда не видавшіе удобренія,—какъ трудно найти въ наше время дешевый и добросовѣстный земледѣльческій трудъ и до какихъ баснословныхъ цѣнъ доходятъ кормовые продукты! Содержать собственный скотъ для деревенскаго причта становится совершенно немыслимымъ, и священникъ поневолѣ радъ уступить свой надѣлъ въ аренду или въ «испольную» обработку, но въ послѣднемъ случаѣ, при современномъ развращенiи деревни, «церковныя копны» то и дѣло таинственно исчезаютъ съ поля, а какъ причту за ними усмотрѣть?

— Одна была у насъ надежда—на государственную думу, но до сихъ поръ она не оправдалась,—съ скорбной улыбкой сказалъ мнѣ одинъ уѣздный священникъ изъ Пензы.—Да и можно ли чего отъ думы ждать для нашего брата? Тамъ, вѣдь, все больше о правахъ человѣчества разсуждаютъ, кадетскую «тактику» преподносятъ да хохочутъ надъ добровольнымъ комикомъ Пуришкевичемъ...

И священникъ, съ нервнымъ молодымъ лицомъ и добрыми глазами, въ которыхъ уже виднѣлась тоска и покорность своей горькой долѣ, безотрадно махнулъ рукой.

— Потерпите,—сказалъ я:—все по-хорошему устроится...

— А развѣ мы не терпимъ? Всю жизнь только и терпимъ...

И, прощаясь и крѣпко пожимая мнѣ руку, прибавилъ:

— Пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ!

Вотъ она, эта «матушка Русь»—безконечныя поля направо и налѣво, убогія селенія, церкви на курьихъ ножкахъ, угрюмые лѣса и столь же угрюмыя лица крестьянъ съ выраженіемъ притупленности и равнодушія.

Повсюду безнадежность, унынie, апатія...

Но заѣзжайте въ самую деревенскую глубь, гдѣ я только что побывалъ, и тамъ васъ ожидаютъ уже такіе неожиданные и до трагизма грустные «курьезы», что диву дивишься и невольно опускаются руки.

Вотъ что мнѣ разсказывалъ одинъ мѣстный помѣщикъ, гостепріимствомъ котораго я пользовался въ теченіе нѣсколькихъ дней.

— Наступило холодное время, начались заморозки, надо и топить печи, а подходящихъ дровъ въ нашихъ мѣстахъ не сразу иной разъ добудешь... Случайно купилъ я прекрасныя бревна, но претолстѣйшія, а наколоть некому,—прислугѣ не подъ силу. Ну, что жъ, думаю, надо кого-нибудь съ деревни позвать помочь. Зову кухарку. Сходи, говорю, сейчасъ, пожалуйста, въ деревню и попроси кого знаешь прійти къ намъ эти бревна вотъ на дрова наколоть; скажи,—на чай баринъ хорошо каждому заплатитъ. Чрезъ малость времени кухарка возвращается... но одна. «Никто,—говоритъ,—не идетъ».—Неужели некому?—«Какъ некому?! А вотъ не идутъ: неохота имъ, значитъ».—Да почему же? За работу, вѣдь, заплатимъ.—«Говорила я, а имъ все одно,—никто не идетъ, не нужно имъ...»

Помѣщикъ остановился и недоумѣвающе посмотрѣлъ на меня.

— Вы слышите: «не нужно имъ»? Деньги въ руки суютъ, приди только на какіе-нибудь полчаса,—вотъ работа, но никто не идетъ... И денегъ не надо: работать неохота! Какъ вамъ вотъ это понравится?

Я тоже въ недоумѣніи молчалъ.

— И такъ теперь у насъ во всемъ,—продолжалъ мой собесѣдникъ.—Деревенька у насъ бѣдная,—никакихъ постороннихъ заработковъ, никакихъ отхожихъ промысловъ и въ поминѣ нѣтъ. Вѣдь, вотъ тутъ, кажется, какъ не дорожить, коли какая ни на есть работишка подвернется,—вѣдь, каждый лишній грошъ здѣсь пригодится... И вотъ какая картина: никому ничего не нужно! Дровъ за деньги наколоть,—ужъ это ли не пустяки?—и того не хотятъ! И денегъ вашихъ не надо,—работать, молъ, не хотимъ... Пальцемъ шевельнуть не хотятъ: всѣ въ какой-то дремѣ. Нѣтъ энергіи, нѣтъ воли, нѣтъ самодѣятельности, предпріимчивости!

Ничего никому не нужно! Какая-то безконечная, за душу щемящая обломовщина... Какая-то мертвая зыбь!..

Да, дѣйствительно, что за спящее царство эта наша русская деревня, которой рѣшительно ни до чего нѣтъ дѣла! Иной разъ въ ней и купить что-нибудь крайне трудно. Никто не старается продать, и вотъ вся эта живность и молочные продукты остаются безъ потребленія. Предложеніе играетъ въ прятки, а спросъ долженъ его самъ всюду разыскивать съ большими хлопотами.

Недавно на то же самое горько жаловались въ газетахъ съ сѣвера, изъ Архангельской губерніи, и съ Поволжья.

И не въ одной, конечно, деревнѣ бьетъ въ глаза это больное равнодушіе къ собственнымъ нуждамъ и чисто обломовское отношеніе къ окружающему міру, а вообще внутри страны. Вездѣ все та же невозможность достать просто, удобно и легко все то, что въ данную минуту требуется, при несомнѣнной, однако, наличности требуемаго гдѣ-то тутъ же вблизи, и то же странное равнодушіе населенія къ заработку, рядомъ съ вопіющей нуждой.

Нигдѣ никому ничего не нужно!

Благодаря нашимъ писателямъ-классикамъ, мы издавна привыкли смотрѣть на русскаго «барина», только какъ на лѣнивца и лежебоку. Цѣлый рядъ мастерски нарисованныхъ портретовъ у насъ предъ глазами... Обломовы, Райскіе, Маниловы, Тентетниковы, Рудины, Веретьевы, Потугины, Литвиновы, Лежневы—одинъ другого стоятъ. Одновременно господа «народники» усердно рекомендовали намъ «русскаго мужичка» съ самой похвальной стороны, какъ нашего поильца и кормильца и трудолюбивую пчелку, волею злого рока поставленнаго въ невозможность развернуть свою кипучую энергію, которой, будто бы, нѣтъ предѣловъ.

Конечно, все это было предвзятой утрировкой, но мы, однако, наивно вѣрили въ барскую «обломовщину» и мужицкую мощь.

И вотъ какъ теперь все измѣнилось и обнаружилось.

Обломовы, истративъ выкупные платежи, вскочили-таки наконецъ съ своихъ мягкихъ пуховиковъ и пошли въ земскіе начальники, Райскіе стали земцами, Рудины заняли каѳедры въ университетахъ, Веретьевы, бросивъ гитару и водку, занялись хозяйствомъ, Потугины пошли въ чиновники, а Литвиновы и Лежневы стали строить винокуренные заводы... Однакоже наша родная лѣнь, наша врожденная обломовщина не перевелась, но давно засѣла и сидитъ тамъ, гдѣ ее прежде не хотѣли видѣть!...

Загляните-ка хорошенько въ русскую деревню,—да развѣ это не самая настоящая обломовщина? Тысячу лѣтъ живемъ мы на свѣтѣ, а правильно пахать до сихъ поръ еще не научились,—самаго что ни на есть нужнѣйшаго для себя дѣла за тысячу лѣтъ дѣлать не приноровились!

И какъ теперь чувствуютъ себя «великія тѣни» сантиментальнаго Добролюбова и скороспѣло мыслившаго Писарева? Гдѣ же онѣ, эти народныя силы? Гдѣ же онъ, этотъ дивный мужичокъ, который однимъ своимъ видомъ долженъ жестоко стыдить баръ-лежебокъ?

Гдѣ? Онъ лежитъ полупьяный въ своей убогой хибаркѣ, а когда придутъ и позовутъ на какой-нибудь заработокъ и предложатъ деньги, въ которыхъ онъ всегда такъ нуждается, онъ только лѣниво отмахнется: работать ему неохота и ничего ему не нужно...

Теперь уже нечего все сваливать на «соціальный строй». Онъ перемѣнился кореннымъ образомъ, и тотъ, кто вправду хочетъ работать, можетъ всюду приложить свои силы, свою энергію и Богомъ данные таланты.

Но развѣ можно работать съ пользой для страны съ такой обломовщиной? Ее прежде всего надо искоренить, съ ней прежде всего надо бороться!

И это въ XX вѣкѣ, наканунѣ уже четвертой государственной думы съ ея «фракціями» и при наличности либеральныхъ группъ въ государственномъ совѣтѣ!

Наверху—дикость, втайнѣ мечтающая о «нещадной» поркѣ, внизу—безпробудный сонъ, апатія, полное отвращеніе что-либо дѣлать, чего-либо добиваться.

Невеселая картина...

С. У—цъ.

КНЯЗЬ Д. М. ПОЖАРСКІЙ И ЕГО УСЫПАЛЬНИЦА.

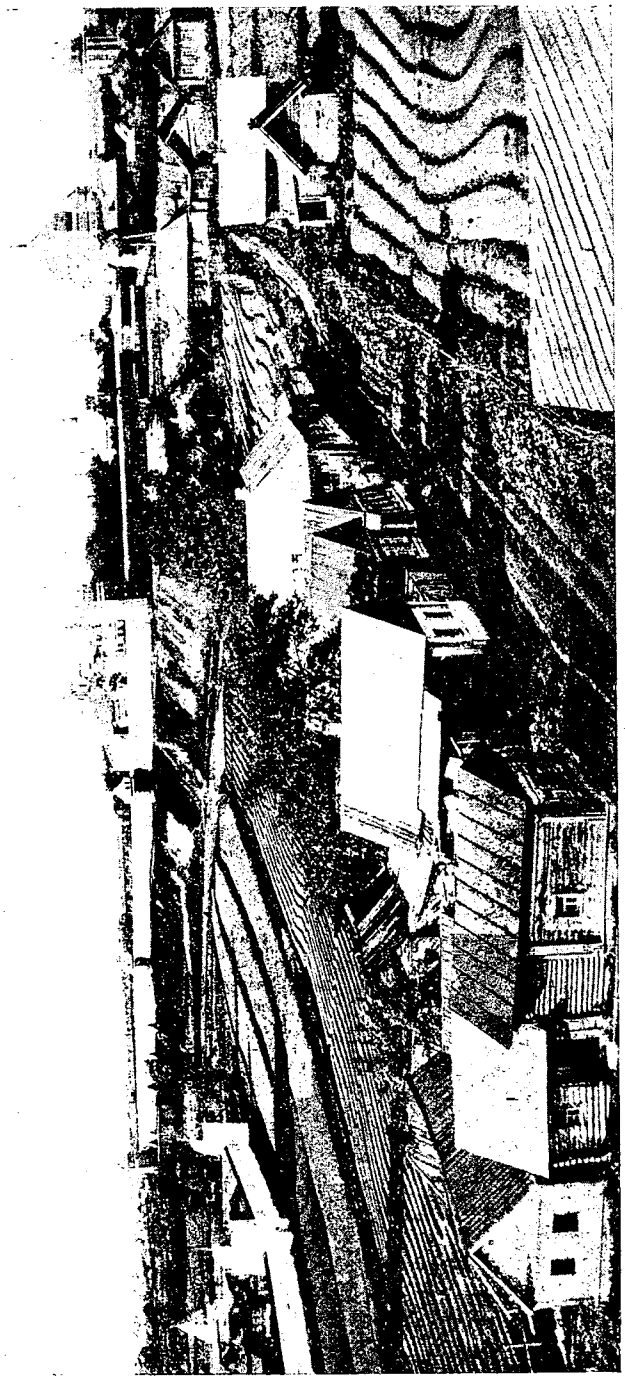
ВЪ НОЯБРѢ настоящаго года исполняется триста лѣтъ со времени окончательнаго освобожденія Москвы отъ поляковъ, а 21-го февраля 1913 г.—триста лѣтъ со дня избранія на русскій престолъ Михаила Ѳеодоровича, родоначальнкиа нынѣ царствующаго дома Романовыхъ. Однимъ изъ главныхъ вершителей этихъ двухъ важнѣйшихъ и тѣсно связанныхъ между собою историческихъ событій былъ князь *Дмитрій Михайловичъ Пожарскій*. Вполнѣ естественно, на нашъ взглядъ, вспомнить въ настоящій моментъ объ этомъ великомъ народномъ вождѣ, и мы, желая это сдѣлать, вовсе не имѣемъ въ виду повторять всѣмъ извѣстные историческіе факты, въ которыхъ участвовалъ князь Д. М. Пожарскій, а сообщимъ лишь нѣкоторыя, мало доступныя широкой публикѣ свѣдѣнія объ его родичахъ и о знаменитой обители, пользовавшейся большимъ вниманіемъ князей Пожарскихъ въ XVI и XVII вв. и хранящей прахъ народнаго вождя и великолѣпный памятникъ надъ нимъ, воздвигнутый въ 1885 году, обители, бывшей многіе годы «монастыремъ-крѣпостью».

Обитель эта—*Спасо-Евѳиміевъ* монастырь въ гор. Суздалѣ, основанный въ 1350-хъ годахъ современникомъ и «близкимъ духовнымъ собесѣдникомъ» преподобнаго Сергія Радонежскаго—инокомъ *Евѳиміемъ*. За 50 лѣтъ своего управленія Спасскимъ монастыремъ

архимандритъ Евѳимій построилъ въ немъ три церкви: 1) храмъ въ честь Преображенія Господня, ставшій главнымъ соборнымъ храмомъ и сохранившій архитектурный стиль храмовъ второй половины XVI в. до нашихъ дней; 2) каменную церковь во имя преподобнаго Іоанна Лѣствичника и 3) деревянную во имя св. Николая Чудотворца. Будучи самъ великимъ подвижникомъ, онъ и жизнь монастырской братіи довелъ до извѣстнаго идеала, благодаря чему основанная имъ обитель вскорѣ стала какъ бы мѣстной святыней для всѣхъ классовъ населенія бывшаго Суздальскаго княжества. Но особенными ревнителями и щедрыми жертвователями были потомки суздальскихъ и стародубскихъ удѣльныхъ князей и нѣкоторые частные вотчинники. Обрѣтеніе мощей преподобнаго Евѳимія въ 1507 году, во время перестройки Спасо-Преображенскаго храма, и затѣмъ канонизація ихъ на Московскомъ соборѣ 1547 года еще болѣе подняли значеніе обители, куда теперь потянулось все, что такъ или иначе тяготѣло къ Суздалю, и понесло свои разнообразныя жертвы. Немудрено, поэтому, что Спасскій монастырь уже къ концу XVI в. былъ богатѣйшимъ монастыремъ на Руси.

Одними изъ щедрыхъ жертвователей его въ XVI вѣкѣ и потомъ въ XVII вѣкѣ были князья *Пожарскіе*. Потомки князей Стародубскихъ, князья Пожарскіе получили свое прозваніе отъ вотчины «Пожаръ», первымъ владѣльцемъ которой и вмѣстѣ первымъ княземъ Пожарскимъ былъ *Василій Андреевичъ*. Сынъ его *Данило* послѣ 1438 года промѣнялъ «Пожаръ» на «Мугрѣево», а внукъ *Ѳедоръ Даниловичъ* къ послѣднему имѣнію вернулъ часть бывшей вотчины — с. Троицкое съ деревнями, и, благодаря этому, уже въ началѣ XVI вѣка у князей Пожарскихъ были вотчины въ двухъ пунктахъ бывшаго Стародубскаго княжества—въ «Пожарѣ» и «Мугрѣевѣ», по сосѣдству съ Суздалемъ. Послѣдняя вотчина была въ родѣ прямыхъ предковъ князя Д. М. Пожарскаго, каковыми были слѣдующія лица: прадѣдъ *Иванъ Третьякъ*, по очень правдоподобному предположенію Л. М. Савелова [1]), одно лицо съ инокомъ Елизаріемъ, по душѣ котораго дѣлалъ вкладъ его сынъ въ Спасо-Евѳиміевъ монастырь; дѣдъ *Ѳедоръ Ивановичъ Нѣмой*, въ иночествѣ Ѳеодоритъ, бывшій въ 1550 г. въ числѣ боярскихъ дѣтей 3-й статьи и въ составѣ московскаго дворянства, и отецъ *Михаилъ Ѳедоровичъ Глухой*, умершій въ 1588 году. Кромѣ Дмитрія Михайловича, по прозвищу Хромого (род. 1-го ноября 1578 г.; ум. 20-го апрѣля 1642 г.), у Михаила Ѳедоровича были еще дѣти: *Василій Михайловичъ*, бывшій стольникомъ въ 1588 г. и умершій инокомъ Вассіаномъ, *Юрій Михайловичъ*, о которомъ ничего не-

[1]) См. родословіе князей Пожарскихъ, сост. Л. М. Савеловымъ въ «Лѣтописи историко-родословнаго общества въ Москвѣ», 1906 г., вып. 2—3.



Видъ Спасскаго монастыря.

извѣстно, и *Дарья Михайловна*, род. въ 1753 г. и бывшая замужемъ за княземъ Никитой Андреевичемъ Хованскимъ. Самъ Дмитрій Михайловичъ имѣлъ троихъ сыновей: стольника и воеводу *Петра*, имѣвшаго только двухъ дочерей; стольника и рынду при пріемахъ и отпускахъ иностранныхъ пословъ *Ѳедора*, умершаго въ 1633 г. безпотомно, и воеводу и окольничаго, вѣдавшаго челобитнымъ приказомъ, *Ивана Дмитріевича*, сыновья котораго Семенъ и Юрій Ивановичи скончались безпотомно, а съ ними прекратился и родъ князей Пожарскихъ въ 1685 году.

Въ моментъ прибытія пословъ изъ Нижняго Новгорода князь Д. М. Пожарскій проживалъ въ своей вотчинѣ—Мугрѣевѣ. Здѣсь, по свѣдѣніямъ писцовыхъ книгъ 1628—1630 г.г., было тогда двѣ церкви: одна во имя св. Николая Чудотворца, «древяна вверхъ шатровая», съ придѣлами Иліи пророка, св. благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба, Никиты переяславскаго чудотворца и мученика Луппа, и другая, тоже деревянная, теплая, въ честь Пресвятыя Троицы, съ придѣлами во имя св. Алексія, митрополита московскаго, и преподобнаго Сергія Радонежскаго. По смерти Дмитрія Михайловича Мургѣевская вотчина перешла къ его старшему сыну Петру, а въ 1653 г. была дана въ приданое дочери князя Петра Дмитріевича—Аннѣ, при выходѣ ея замужъ за Аѳ. Бор. Репнина и во второй разъ въ 1655 г. за Ивана Андреевича Милославскаго. Въ 1669 г. Мугрѣево перешло въ приданое другой дочери Петра Дмитріевича Евдокіи при выходѣ ея замужъ за второго мужа, князя Юрія Алексѣевича Долгорукова. Въ родѣ князей Долгоруковыхъ оно оставалось до второй четверти XVIII в., а потомъ стало переходить къ разнымъ владѣльцамъ.

Изъ сородичей князя Д. М. Пожарскаго, въ качествѣ болѣе или менѣе крупныхъ дѣятелей, можно назвать лишь трехъ лицъ: *Дмитрія Петровича*, по прозванію *Лопата*, участвовавшаго въ 1612 году при занятіи Ярославля и Москвы, бывшаго воеводою въ Самарѣ (1614 г.), Твери (1618—1619 гг.), на Двинѣ (1621—1623 гг.), въ Верхотурьѣ (1625—1627 гг.) и Псковѣ (1628—1629гг.) и умершаго въ званіи московскаго дворянина въ 1641 г.; брата предыдущаго, *Романа Петровича*, по прозванію *Перелыга*, подписавшаго въ 1613 г. грамоту объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича и бывшаго воеводой въ Брянскѣ (1626—1628гг.) и Вязьмѣ (1631—1632 гг.) и межевымъ судьей въ Брянскѣ (1634 г.) и сына послѣдняго *Семена Романовича*, окольничаго и воеводу, плѣненнаго въ Конотопскомъ бою и убитаго, по приказанію крымскаго хана, въ 1659 г. Недаромъ же въ мѣстническихъ спорахъ съ Д. М. Пожарскимъ противники утверждали: «Князья Пожарскіе при прежнихъ государехъ опричь городничихъ и губныхъ старостъ нигдѣ не бывали».

Спасо-Преображенскій храмъ въ Спасскомъ монастырѣ.

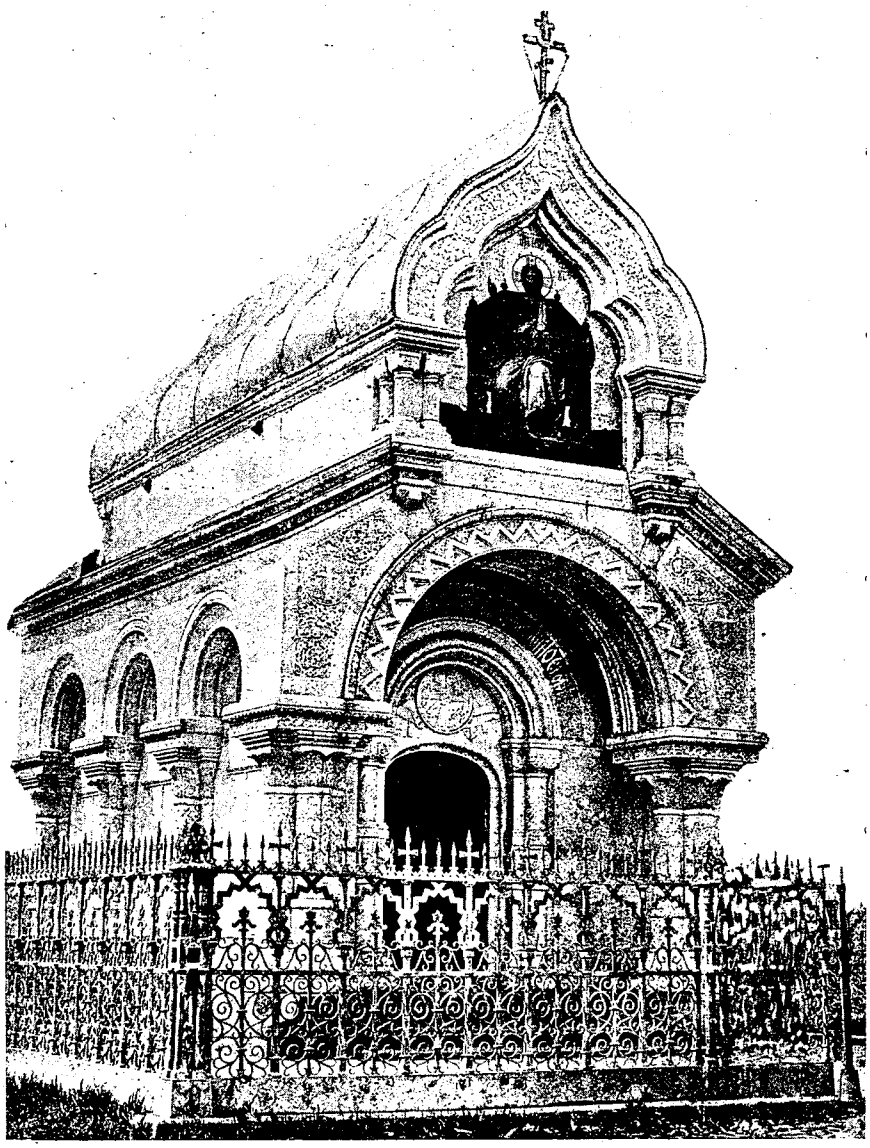
Князья Пожарскіе, какъ уже сказано выше, были очень щедрыми жертвователями въ Спасо-Евѳиміевъ монастырь, какъ вотчинами, деревнями, пустошами и проч., такъ и разными цѣнными предметами, но прежде, чѣмъ говорить объ этихъ пожертвованіяхъ,—«вкладахъ по душѣ»,—продолжимъ вкратцѣ исторію Спасо-Евѳиміева монастыря. Въ годину лихолѣтья богатѣйшая обитель подверглась жестокому разоренію. Ею овладѣлъ Лисовскій со своею шайкой и обратилъ въ укрѣпленный лагерь, обнеся новымъ острогомъ. Разоривъ монастырь, его шайка сильно пограбила и разорила монастырскія вотчины. Понадобилось не мало времени и трудовъ, чтобы оправиться отъ такого разоренія; однако уже по описи монастыря 1660 г. видно, что храмы его въ то время были богато украшены святыми иконами, утварью и ризницей; при монастырѣ была богатая по тому времени библіотека, состоявшая изъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ; въ «казенной кельѣ» было много дорогой серебряной посуды. Большая часть келій и другихъ монастырскихъ построекъ были каменныя. Въ монастырѣ было 118 человѣкъ монашествующей братіи» [1]).

По переписнымъ книгамъ 1678 г. въ вотчинахъ Спасо-Евѳиміева монастыря насчитывалось 2936 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ съ населеніемъ въ 10.300 душъ мужского пола. Нѣсколько лѣтъ спустя въ монастырѣ выстраивается новая каменная церковь во имя святого Николая Чудотворца и при ней больничныя каменныя кельи; самый монастырь обносится высокою каменною оградою съ двѣнадцатью башнями. Ограда эта въ настоящее время имѣетъ въ окружности 542 сажени, высотою въ три съ половиной—четыре аршина; толщина стѣнъ около трехъ аршинъ. Изъ двѣнадцати башенъ наиболѣе высокая надъ святыми воротами, болѣе одиннадцати саженъ высоты, четырехугольная башня съ бойницами и окнами, имѣвшая назначеніе сторожевого пункта. Какъ ограда, такъ и башни придаютъ монастырю видъ крѣпостного сооруженія для защиты отъ нападенія внѣшнихъ враговъ. Такою крѣпостью была и Троице-Сергіева лавра, выдержавшая шестнадцатимѣсячную осаду поляковъ.

Съ первыхъ годовъ XVIII вѣка положеніе монастырей, какъ извѣстно, мѣняется; призываемые указами Петра Великаго на службу государству, они несутъ разныя повинности, отзывавшіяся тяжело на ихъ благосостояніи. Введеніемъ въ 1764 г. для монастырей штатнаго содержанія Спаса-Евѳиміева обитель перестаетъ быть монастыремъ-вотчинникомъ и зачисляется во второй классъ, съ братіей въ семнадцать человѣкъ. Хотя въ 1865 г. монастырь

---

[1]) См. «Суздаль и его достопамятности» въ XIV книгѣ «Трудовъ владимирской ученой архивной коммиссіи» (М. 1912.).



Памятникъ надъ могилою князя Пожарскаго.

и былъ возведенъ на степень первокласснаго, но теперь является богатымъ болѣе историческими преданіями.

Главную святыню соборнаго Спасо-Преображенскаго храма составляютъ мощи преподобнаго Евѳимія, хранящіяся въ особой ракѣ, деревянной, обложенной внутри и снаружи серебромъ съ серебряно-позолоченными клеймами. При ракѣ находятся и вещи, принадлежавшія, по преданію, святому Евѳимію: желѣзныя вериги, мѣдный крестъ напрестольный, митра, шитая золотомъ и серебромъ по вишневому атласу, и евангеліе. Въ храмѣ находится и Корсунская икона Божіей Матери, почитаемая чудотворною далеко за предѣлы Суздаля. Кромѣ этого собора, въ монастырѣ имѣются еще церкви Успенская, святого Николая Чудотворца и Благовѣщенская и оригинальной архитектуры звонница (колокольня).

Особенное вниманіе обители преподобнаго Евѳимія князья Пожарскіе стали оказывать со второй четверти XVI столѣтія, послѣ открытія мощей преподобнаго и съ началомъ церковнаго его прославленія. Въ 1527 г. князь Данило Семеновичъ далъ въ монастырь «по душѣ его» свою вотчину (четыре деревни) и, дѣлая этотъ вкладъ, прибавилъ, что, если данныя деревни архимандриту «не полюбятся», то вмѣсто нихъ онъ дастъ «мѣринъ сѣръ, сани да два рубля денегъ». Далѣе, начиная съ 1557 г., почти ежегодно текли пожертвованія деревнями, пустошами и даже селами отъ князей Пожарскихъ. Въ частности Дмитрій Михайловичъ впервые пожертвовалъ монастырю деревню Три Дворища въ 1587 г. Въ 1604 г. «приложилъ» паникадило, хранящееся и понынѣ въ монастырской ризницѣ; въ 1608 г. по зятѣ своемъ Никитѣ Хованскомъ онъ далъ деревню Елисѣеву и половину деревни Череповой въ Мугрѣевѣ; въ 1615 г.— напрестольное евангеліе въ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ и украшенномъ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Къ концѣ евангелія имѣется собственноручная надпись Дмитрія Михайловича такого содержанія: «лѣта 7123 году октября въ 14 день при державѣ великова государя и великова князя Михаила Ѳеодоровича всея русіи царства его въ лѣта при архимандритѣ Митрофанѣ далъ въ домъ Всемилостивому Спасу и великому чудотворцу Евфимію бояринъ князь Димитрей Михайловичъ Пожарской съ матерью своею со княгинею Маріею Ѳедоровною сію книгу глаголемое святое Евангеліе». Въ 1618 г. на средства его былъ перелитъ разбившійся въ пожаръ 1610 г. поліелейный колоколъ вѣсомъ въ 335 пудовъ. Въ 1633 г. было дано «по душѣ» сына его Ѳедора село Петроково, и, кромѣ того, въ разное время «приложены»: образъ Преображенія Господня, серебряный золоченый съ драгоцѣнными украшеніями, сохранившійся донынѣ; книги: уставъ новой печати, прологъ, толкованіе на Дѣянія апостоловъ, Потребникъ, Маргеритъ, Многосложный свитокъ объ иконномъ поклоненіи и Минея мѣсячная.

Символическое изображеніе князя Пожарскаго, находящееся въ кельѣ настоятеля Спасскаго монастыря.

Послѣ смерти Дмитрія Михайловича отъ семьи его поступили въ монастырь слѣдующіе вклады: образъ Казанской Богоматери въ кіотѣ, богато украшенный драгоцѣнными камнями и жемчугомъ; образъ митрополита Алексія московскаго; «ризы—бархатъ золоченой цвѣтной персидской, ердань и крестъ и звѣзда шиты золотомъ и серебромъ, по червчатому бархату (бархатъ взятъ съ его вкладной шубы); плащаница, шитая золотомъ и серебромъ по червчатому атласу; шапка серебряная (митра) низана жемчугомъ; ризы, «камка двоеличная индѣйская»; палица, «на ней Нерукотворенный образъ Спасовъ шитъ золотомъ и серебромъ» и много другого.

Какъ личныя пожертвованія Дмитрія Михайловича, такъ и его женъ и сыновей, свидѣтельствующія о весьма благоговѣйномъ отношеніи ихъ къ обители преподобнаго Евѳимія, дали возможность историкамъ, начиная съ А. Ѳ. Малиновскаго, предположить, что эта обитель, въ которой еще въ XVI вѣкѣ погребались члены рода князей Пожарскихъ, и была мѣстомъ «упокоенія» нашего великаго вождя народнаго ополченія 1612 г. Въ 1852 г. графъ А. С. Уваровъ, слѣдуя монастырской описи 1660 г., нашелъ въ Преображенскомъ храмѣ мѣсто разобранной, по приказу архимандрита Ефрема, въ 1766 г. «полатки», т. е. общей родовой усыпальницы князей Хованскихъ и Пожарскихъ, которая была устроена Ив. Никит. Хованскимъ и Ив. Дм. Пожарскимъ, сыномъ Дмитрія Михайловича; вскрылъ эту «полатку» и въ числѣ находившихся въ ней труповъ особая комиссія признала и трупъ народнаго вождя. Тогда же императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ соорудить на мѣстѣ могилы надгробный памятникъ и открыть съ этой цѣлью по всей имперіи добровольную подписку. Къ 1858 г. подписка дала 75,000 рублей; немедленно было приступлено къ сооруженію памятника, но послѣдній, по всегдашнему обычаю нашихъ строительныхъ комиссій, былъ оконченъ и освященъ лишь въ 1885 году. «Памятникъ построенъ изъ бѣлаго итальянскаго мрамора въ стилѣ надгробныхъ палатокъ XVII вѣка, со входомъ съ восточной стороны. Входъ закрывается тяжелою бронзовою дверью художественной работы, съ рельфными изображеніями Минина и Пожарскаго. Въ верхней части двери изображенъ торжественный моментъ призванія князя Пожарскаго нижегородскими послами на великое дѣло освобожденія отечества отъ враговъ; въ нижней части изображенъ моментъ битвы на Срѣтенкѣ, въ Москвѣ, 19-го марта 1611 г., когда онъ былъ раненъ. По краямъ двери вязью написаны слова его, сказанныя на призывъ Минина: «*Мужаемся и укрѣпимся о людехъ нашихъ и о градехъ Бога Нашего и Господь сотворитъ благое очами своима*». Надъ дверною аркою написаны слова: «*боярину князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому благодарное потомство*». На фронтонѣ помѣщено мозаичное изображеніе Спасителя, сидящаго на престолѣ. На наружныхъ стѣнахъ памятника славянскими буквами вырѣзано крат-

кое сказаніе о подвигахъ князя Пожарскаго, взятое изъ лѣтописи о мятежахъ. Внутри надъ могилою сдѣлано небольшое мраморное надгробіе; на западной стѣнѣ помѣщена мозаичная икона Казанской Богоматери, съ которой онъ выступилъ въ походъ; предъ иконой поставленъ массивный бронзовый вызолоченный подсвѣчникъ художественной работы. Въ этомъ подсвѣчникѣ должна теплиться неугасимая лампада, для чего былъ присланъ въ монастырь особый капиталъ въ тысячу рублей [1]).

Памятникъ, обнесенный чугунною оградою, сооруженъ по проекту академика Горностаева; всѣ работы производились подъ наблюденіемъ академіи художествъ, въ вѣдѣніи которой памятникъ находится и въ настоящее время. По устройствѣ памятника были приняты мѣры и къ охраненію различныхъ священныхъ предметовъ, пожертвованныхъ самимъ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ и его семьей, а именно устроенъ массивный дубовый шкапъ съ зеркальными стеклами.

Въ кельи архимандрита монастыря находится еще символическое изображеніе князя Пожарскаго, очевидно, недавняго времени. Послѣдній представленъ на немъ вручающимъ скипетръ дому Романовыхъ, что явствуетъ изъ надписи наверху: «Царствующій домъ Романовыхъ». Внизу изображенія неискусно скопированная подпись Пожарскаго.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о той печальной извѣстности, какую имѣлъ Спасо-Евѳиміевъ монастырь, какъ «крѣпость», какъ мѣсто заключенія, въ теченіе почти ста сорока лѣтъ, начиная съ 1766 г. по 1905 годъ.

Первоначально, до 1764 г., въ Спасо-Евѳиміевъ монастырь, равно и какъ и въ другіе монастыри, заключали только «безумствующихъ колодниковъ», содержавшихся на монастырскія средства. Съ учрежденіемъ же въ этомъ году монастырскихъ штатовъ, монастыри не могли уже содержать колодниковъ на свои средства; были назначены особыя суммы отъ правительства, но въ то же время избрали для этой цѣли лишь нѣкоторые, болѣе укрѣпленные монастыри; для средней Россіи центральнымъ пунктомъ оказался суздальскій Спасо-Евѳиміевъ монастырь. Къ 1 января 1767 г. сюда были присланы изъ разныхъ монастырей первые десять «безумствующихъ колодниковъ». Помѣщены они были въ больничныхъ кельяхъ при Никольской церкви; для надзора за ними былъ приставленъ военный караулъ, подчиненный архимандриту. Впослѣдствіи, съ увеличеніемъ числа заключенныхъ, для нихъ были отведены другія зданія, а во второй половинѣ XIX столѣтія всѣ заключенные

[1]) См. «Суздаль и его достопамятности», стр. 72—73.

были сосредоточены въ одномъ низкомъ и длинномъ каменномъ зданіи, гдѣ была для нихъ устроена и особая каменная церковь въ честь Корсунской иконы Божіей Матери. Зданіе это было обнесено высокою каменною оградою съ крѣпкими воротами. Въ кондѣ зданія находились камеры для «секретныхъ арестантовъ».

За сто сорокъ лѣтъ въ крѣпости перебывало 380 заключенныхъ, изъ которыхъ 63 присланы были до 1800 г., а остальные въ теченіе XIX и перваго пятилѣтія XX столѣтія. Изъ этихъ заключенныхъ около трети были лица духовнаго званія, представители чернаго и бѣлаго духовенства, сосланные въ крѣпость за уклоненіе отъ православной вѣры или за дурное поведеніе, уже послѣ испытанія всѣхъ мѣръ церковной дисциплины. Заключались въ крѣпость, по просьбѣ родителей, и свѣтскіе молодые люди, за позорное и развратное поведеніе, а также по волѣ начальства офицеры и гражданскіе чины. Значительную долю составляли «безумствующіе» разныхъ категорій, ненормальные въ разныхъ формахъ люди. Были здѣсь и старообрядческіе епископы, представители молоканства, штундизма и среди нихъ начальникъ скопческой секты Кондратій Селивановъ; наконецъ, сюда попадали священники, подозрѣвавшіеся въ участіи въ польскомъ мятежѣ, въ имеретинскомъ возстаніи на Кавказѣ, въ сношеніяхъ съ политическими эмигрантами и прочіе.

Къ сожалѣнію, любопытный архивный матеріалъ по «крѣпости» еще не разобранъ. Едва ли не единственный Н. Маклаковъ опубликовалъ два дѣла за 1820 и 1821 гг. о буйныхъ арестантахъ («Труды Владимирской архивной комиссіи», т. II, 1901 г.), но и изъ нихъ видно, какія хлопоты и безпокойство доставляли монастырскимъ и губернскимъ властямъ эти «безумствующіе», безусловно вліявшіе и на уменьшеніе числа богомольцевъ въ монастырѣ.

В. Рудаковъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРІИ ПЕТЕРГОФСКОЙ ДАЧИ № 2.

ВЪ АВГУСТОВСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ я прочелъ статью «Петергофская дача № 2» и у меня невольно явилось желаніе написать продолженіе ея исторіи.

Дачѣ этой посчастливилось. Имѣя, по словамъ г-жи Мариной, своимъ архитекторомъ государя Николая Павловича, она очень недолго, послѣ продажи семьею Соломко, находилась въ рукахъ какихъ-то нѣмцевъ-сапожниковъ, не успѣвшихъ испортить ее выжиманіемъ возможныхъ доходовъ, и уже въ 1875 г. вновь перешла къ старой дворянской семьѣ, поддерживавшей добрыя традиціи симпатичной старины до сего времени.

Родоначальницей новыхъ владѣльцевъ являлась вдова генералъ-адъютанта генерала-отъ-кавалеріи барона Ивана Карловича Сталь-фонъ-Гольштейнъ [1]) баронесса Марья Карловна, урожденная Гербель.

Оставшись послѣ смерти мужа съ многочисленной семьей и имѣя двухъ сыновей въ Уланскомъ Ея Величества полку [2]), Марья

---

[1]) Началъ службу въ гвардейской конно-артиллерійской бригадѣ. Командовалъ лейбъ-гвардіи Драгунскимъ полкомъ, 2-й легкой кавалерійской дивизіею, 6-мъ армейскимъ корпусомъ. Умеръ въ 1868 году членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ.

[2]) Старшій сынъ Владимиръ Ивановичъ, теперь генералъ-лейтенантъ, помощникъ коменданта петербургской крѣпости; младшій—Алексѣй Ивановичъ, генералъ-майоръ, завѣдующій дворомъ великаго князя Петра Николаевича.

Карловна переѣхала въ Петергофъ и жила тамъ зиму и лѣто до тѣхъ поръ, пока болѣзни и необходимость въ постоянной медицинской помощи не заставили ее переселиться въ Петербургъ всего за нѣсколько лѣтъ до кончины, послѣдовавшей въ 1895 году.

Теперь этой дачей владѣютъ дочери ея баронесса Александра Ивановна и вдова генералъ-адъютанта Бобрикова [1]) Елизавета Ивановна.

Дача, судя по описанію г-жи Мариной, осталась почти такою же. Существуетъ и бельведеръ съ цвѣтными стеклами, существуютъ старыя тѣнистыя деревья, существуетъ и прудъ, въ которомъ до сихъ поръ «будто бы водятся караси».

Какъ въ былое время Агнія Львовна являлась главой семьи и блюстительницей семейныхъ традицій, такъ и позднѣйшая владѣтельница дачи баронесса Марья Карловна проживала здѣсь счастливые дни, окруженная многочисленными дѣтьми, внуками и внучками, сохранившими до сихъ поръ теплое чувство къ доброй и милой бабушкѣ Машѣ. Любя свою дачу, имѣя какъ бы прирожденныя способности къ хозяйству и домоводству, баронесса Марья Карловна все время заботилась объ ея благоустройствѣ и усовершенствованіи. Какъ только подъ лучами весенняго солнца подсыхалъ огромный окружающій дачу садъ, она съ корзинкой для неизмѣннаго вязанья на рукѣ и въ сопровожденіи дворника Кирилла обходила свои владѣнія, указывая, что пересадить, что подсадить, что подчистить. Результатомъ этихъ хлопотъ вскорѣ явился обширный садъ, разведенный на пустырѣ, примыкающемъ къ дачѣ по Александрійской улицѣ, новые кусты крыжовника, черной смородины, образцовый порядокъ въ саду и огородъ. Внуки и внучки не отставали отъ бабушки и, подражая ей, развели въ углу сада маленькій садикъ изъ папоротниковъ, извѣстный въ семьѣ подъ именемъ «симбирскаго», такъ какъ устраивали его дѣти симбирскаго вице-губернатора В. А. Тройницкаго [2]), женатаго на дочери Марьи Карловны—Софіи Ивановнѣ.

Тамъ, гдѣ былъ птичникъ, т. е. подъ окнами столовой, превращенной теперь въ классную, уже въ позднѣйшее время, маленькой дочерью Елизаветы Ивановны былъ устроенъ тоже небольшой садикъ, названный «французскимъ».

Симбирскій садъ до сихъ поръ существуетъ, папоротники достигли огромныхъ размѣровъ, а забота объ его благоустройствѣ переходитъ преемственно на очередныхъ младшихъ представителей семьи.

---

[1]) Н. И. Бобриковъ—финляндскій генералъ-губернаторъ. Предательски убитъ Шауманомъ въ 1904 году.

[2]) Нынѣ членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ. Дочь его Марія Владимировна замужемъ за подполковникомъ генеральнаго штаба Ю. Н. Плющевскимъ-Плющикомъ. авторомъ этой замѣтки.

Никакихъ построекъ въ новомъ декадентскомъ стилѣ на мѣстѣ старой дачи не возведено, но кухня съ людской и баней баронессой Марьей Карловной передѣлана въ уютную маленькую дачу, въ которой она жила съ младшей дочерью Елизаветой Ивановной, вышедшей замужъ за Н. И. Бобрикова уже послѣ ея кончины.

Эта маленькая дача до сихъ поръ еще носитъ слѣды хлопотъ и заботъ бабушки. Каждая вещь здѣсь имѣетъ свою исторію. Портреты родственниковъ и друзей въ красивыхъ генеральскихъ мундирахъ николаевскаго и александровскаго времени, старая бронза, старая мебель, старинная, потемнѣвшая отъ времени картина въ столовой, не то произведеніе одного изъ фламандскихъ мастеровъ, не то работа крѣпостного живописца, выцвѣтшіе дагеротипы, являются какъ бы живыми свидѣтелями давно минувшаго, даютъ неуловимый уютъ, свойственный обстановкѣ и людямъ начала и середины минувшаго вѣка.

Къ этой дачѣ была придѣлана выходившая въ садъ огромная стеклянная веранда, исполнявшая роль гостиной, и только нѣсколько лѣтъ назадъ къ ней же пристроили двѣ небольшихъ комнаты.

Хозяйственныя постройки, заботами все той же Маріи Карловны, также нѣсколько измѣнились. На мѣстѣ стараго развалившагося сарая возвели новый съ помѣщеніемъ для дворника, которое вышло столь обширнымъ и красивымъ, что его передѣлали въ дачу, выстроивъ для дворника отдѣльную избу. Крытый ходъ изъ кухни сняли, частью за ветхостью, а главное потому, что самая кухня превратилась въ самостоятельную дачу.

Все остальное почти не измѣнилось. Комнаты, конечно, распланированы иначе, но въ нихъ можно узнать и прежнее распредѣленіе. Узкій балконъ по лицевому фасаду существуетъ, а вмѣсто прежняго широкаго крыльца, выходящаго въ садъ, устроена крытая стеклянная веранда.

Верхній этажъ попрежнему остался низкимъ, но имѣетъ самостоятельный парадный ходъ со двора.

Жизнь на старой дачѣ, повидимому, тоже сохранила свой прежній, какъ бы заповѣдный характеръ. Центромъ, все объединяющимъ, была Марія Карловна. Вокругъ нея собиралось, развивалось и росло многочисленное поколѣніе ея внуковъ и внучекъ, которые то временно, то постоянно проживали въ Петергофѣ.

Здѣсь жила ея вторая дочь, княгиня Гагарина [1]), съ мужемъ, двумя дочерьми и двумя сыновьями, сюда пріѣхала, овдовѣвъ, ея

---

[1]) Князь Василій Владимировичъ Гагаринъ долгое время былъ чиновникомъ особыхъ порученій при государственномъ контролерѣ.

старшая дочь графиня де-Тулузъ-Лотрекъ [1]) съ четырьмя дочерьми, сюда же пріѣзжала гостить изъ Симбирска и Софья Ивановна Тройницкая съ мужемъ и дѣтьми.

Все это многочисленное поколѣніе находило пріютъ, уютъ и ласку подъ гостепріимнымъ кровомъ. За столъ садилось до тридцати человѣкъ, и баронессѣ Вѣрѣ Ивановнѣ (четвертая дочь) приходилось немало хлопотать въ качествѣ завѣдующей хозяйствомъ, чтобы удовлетворить и ублажить всѣхъ.

А что происходило 22-го іюля, въ день именинъ хозяйки!

Многочисленные гости увеличивали и безъ того огромную семью. Многіе пріѣзжали съ ночевкой. Всѣхъ надо было устроить, размѣстить. Много было шуму, бѣготни, много было и веселья. До сихъ поръ вспоминаютъ, какъ одному изъ племянниковъ, огромнаго роста, досталось, въ качествѣ одѣяла, купое кувръ-пье, къ немалому удивленію ночевавшаго съ нимъ въ одной комнатѣ другого свойственника, небольшого и кругленькаго, который, закутавшись въ одѣяло нормальныхъ размѣровъ, издѣвался надъ нимъ, не выражая ни малѣйшаго желанія помѣняться.

Молодежь веселилась во-всю, старички играли въ преферансъ, до котораго Марія Карловна была большая охотница. Вечеромъ составлялись танцы подъ звуки стараго рояля, на которомъ всегда съ удовольствіемъ играла баронесса Александра Ивановна.

Этотъ рояль, за его почтенный возрастъ, извѣстный таперъ Альквистъ называлъ Ноевымъ ковчегомъ. Иногда ставились любительскіе спектакли. Играли водевили, легкія пьесы. Мечтали поставить и оперу, въ которой долженъ былъ участвовать извѣстный артистъ императорскихъ театровъ Яковлевъ, бывшій тогда уланскимъ офицеромъ. Роль театра исполнялъ старый сарай, пришедшій въ концѣ концовъ въ такую ветхость, что, по выраженію князя Гагарина (beau-fils Маріи Карловны), угрожалъ рухнуть отъ однихъ аплодисментовъ.

Генералъ Баумгартенъ—тогдашній завѣдывающій петергофскимъ дворцовымъ управленіемъ, безъ разрѣшенія котораго не могли производиться постройки въ районѣ города, будучи самъ большой театралъ, въ шутку увѣрялъ послѣ замѣны стараго сарая новымъ, что онъ утверждалъ постройку театра, а возведеніе столь прозаическаго строенія является для него сюрпризомъ.

Зимой жизнь гостепріимной дачи измѣнялась мало. Петергофская молодежь, уланы и конно-гренадеры цѣнили домъ баронессы за ласковый пріемъ и за возможность весело провести время среди ея

---

[1]) Графъ де-Тулузъ-Лотрекъ былъ начальникомъ 4-й Кавказской кавалерійской дивизіи. За годъ до смерти (1881 г) былъ назначенъ состоять при великомъ князя Михаилѣ Николаевичѣ.

взрослыхъ дочерей и подрастающихъ внучекъ, а постоянные обитатели города, среди которыхъ Марья Карловна считалась почетной представительницей, собирались къ ней по вторникамъ повинтить и поболтать.

Самое распредѣленіе комнатъ мѣнялось сравнительно часто, въ зависимости отъ даннаго состава семьи. При полномъ комплектѣ внизу жила Марія Карловна сама съ незамужними дочерьми и сыномъ Алексѣемъ Ивановичемъ—уланскимъ офицеромъ, а наверху помѣщались Гагарины и Лотреки; при уменьшенномъ составѣ—пустовалъ то верхъ, то низъ, а находившіеся налицо перемѣщались въ маленькія дачи. Иногда освободившееся помѣщеніе на лѣто сдавалось.

Въ то время, когда низъ дачи занималъ генералъ-адъютантъ Семеко съ женой, къ нему неоднократно пріѣзжали великій князь Михаилъ Николаевичъ съ великой княгиней Ольгой Ѳеодоровной. Въ одно изъ посѣщеній великой княгинѣ такъ понравился тогда еще не передѣланный въ веранду балконъ-крыльцо, что она, обращаясь къ мужу, въ шутку просила построить ей такой же въ Михайловкѣ.

Послѣ смерти Маріи Карловны незамужнія дочери ея переселились окончательно въ Петербургъ и пріѣзжали въ Петергофъ только на лѣто. Въ этотъ періодъ времени низъ большой дачи сдавался на круглый годъ, какъ зимняя квартира; сами баронессы, пріѣзжая лѣтомъ, занимали маленькую, такъ называемую бабушкину дачу, а верхъ и другая дача либо сдавались, либо уступались тѣмъ изъ членовъ семьи, кого Петергофъ, какъ дачное мѣсто, въ данное время устраивалъ.

Послѣ трагической кончины Николая Ивановича Бобрикова и послѣ смерти баронессы Вѣры Ивановны произошло послѣднее перемѣщеніе, и теперь на большой дачѣ обыкновенно живетъ Елизавета Ивановна Бобрикова съ дочерью и баронесса Александра Ивановна, а на маленькой—семья Софіи Ивановны Тройницкой.

Большая дача, какъ ей и подобаетъ, стоитъ во главѣ колоніи. Здѣсь проводятъ лѣто двѣ княжны Гагарины, дочери Елены Ивановны, сюда ежегодно на іюль и часть августа пріѣзжаетъ изъ Ревеля отдохнуть племянница барона Ивана Карловича—баронесса Елизавета Густавовна фонъ-деръ-Ховенъ, пользующаяся въ Прибалтійскомъ краѣ большимъ уваженіемъ за свою педагогическую дѣятельность, сюда постоянно пріѣзжаетъ со Знаменки (четыре версты отъ Петергофа) кто-нибудь изъ семьи Алексѣя Ивановича, который живетъ тамъ, какъ управляющій дворомъ великаго князя Петра Николаевича.

Въ праздники и въ дни семейныхъ торжествъ большая дача особенно оживаетъ. Попрежнему за столъ садятся до сорока—пятидесяти

человѣкъ Сталевскаго потомства съ мужьями и женами, попрежнему здѣсь бываетъ шумно и весело.

Вотъ въ краткихъ словахъ продолженіе «Исторіи Петергофской дачи № 2». Хорошая, прочная дача не только сохранилась въ полномъ порядкѣ, но ей удалось удержать въ своихъ стѣнахъ славныя традиціи симпатичной дворянской старины почти на протяженіи цѣлаго вѣка.

Ю. Плющевскій-Плющикъ.

ПЕРІОДЪ ТВЕРДОЙ ВЛАСТИ [1].

(Историческіе очерки).

I. Внутренняя политика Россіи въ эпоху восьмидесятыхъ годовъ.

XXXII.

ЕСЛИ ГРАФЪ Д. А. Толстой и К. П. Побѣдоносцевъ являлись своего рода идейными вдохновителями внутренней политики Россіи въ описываемую эпоху, то и остальные сотрудники и сподвижники императора Александра III въ достаточной послѣдовательности проводили въ своихъ вѣдомствахъ тѣ начала порядка и твердой власти, осуществленіе которыхъ Царь-Миротворецъ поставилъ ближайшею задачею своимъ министрамъ въ интересахъ успокоенія Россіи послѣ смутныхъ годовъ предыдущаго царствованія. Всѣ эти сподвижники представляли собою то однородное единство, которое въ государственной жизни восьмидесятыхъ годовъ давало ей вполнѣ опредѣленный отцвѣтъ, внося сюда каждый въ отдѣльности свою любопытную индивидуальность, съ которою верховный правитель Россіи легко мирился и которую въ послѣдовательномъ рядѣ реформъ умѣлъ подчинять цѣлостности своей программы государственнаго управленія. Изъ числа такихъ дѣятелей мы остановимся на своеобразныхъ фигурахъ Тертія Ивановича Филиппова, графа Ивана Давидовича Делянова и Михаила Николаевича Островскаго. Всѣмъ имъ суждено было въ тотъ періодъ играть вы-

[1] Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. CXXX, стр. 297.

дающіяся роли въ дѣлахъ внутренняго управленія и ближайшимъ образомъ осуществлять программу своего повелителя.

Какъ свидѣтельствуетъ юбилейное изданіе «Государственнаго Контроля» [1]), послѣ Дмитрія Мартыновича Сольскаго государственнымъ контролеромъ былъ назначенъ 26-го іюля 1889 года товарищъ государственнаго контролера сенаторъ Тертій Ивановичъ Филипповъ, снискавшій себѣ еще въ молодые годы широкую извѣстность, какъ литераторъ и публицистъ, а въ болѣе зрѣлые—и какъ видный общественный дѣятель.

Т. И. Филипповъ получилъ образованіе въ императорскомъ московскомъ университетѣ, по историко-филологическому факультету. Въ 1850 году онъ поступилъ на службу въ 1-ю московскую гимназію старшимъ учителемъ русской словесности и въ томъ же году, вмѣстѣ съ А. Н. Островскимъ, принялъ энергичное участіе въ журналѣ «Москвитянинъ», издававшемся въ то время извѣстнымъ профессоромъ русской исторіи М. П. Погодинымъ, а также въ «Московскомъ Сборникѣ». По предложенію оберъ-прокурора святѣйшаго синода графа А. П. Толстого, Тертій Ивановичъ перешелъ на службу по вѣдомству святѣйшаго синода и съ увлеченіемъ отдался церковному дѣлу, принявъ самое близкое участіе въ разработкѣ многихъ церковныхъ вопросовъ—въ частности вопросовъ раскола и старообрядчества и положенія православной церкви на Востокѣ. За защиту первенствующаго положенія іерусалимской церкви Т. И. Филипповъ въ 1883 году получилъ, по грамотѣ іерусалимскаго патріарха Никодима, званіе епитропа Гроба Господня и представителя іерусалимскаго патріаршаго престола. По приглашенію государственнаго контролера В. А. Татаринова, Тертій Ивановичъ перешелъ въ 1864 году на службу въ государственный контроль на должность помощника управляющаго временною ревизіонною комиссіею, а черезъ семь лѣтъ, будучи уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, былъ сдѣланъ управляющимъ этою комиссіею. Въ 1878 году Т. И. Филипповъ былъ назначенъ товарищемъ при государственномъ контролерѣ статсъ-секретарѣ Д. М. Сольскомъ и въ этой должности оставался все время пребыванія во главѣ вѣдомства Дмитрія Мартыновича, являясь, такимъ образомъ, его ближайшимъ сотрудникомъ. Кромѣ того, на него было возложено предсѣдательствованіе въ особой организаціонной комиссіи, учрежденной для предварительнаго обсужденія вопросовъ по улучшенію кассоваго и ревизіоннаго порядка и существующей системы счетоводства и отчетности. Принималъ онъ также участіе въ качествѣ члена отъ государственнаго контроля и въ комиссіяхъ подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта статсъ-секретаря Каханова по преобразованію губернскаго и уѣзднаго администра-

[1]) «Государственный контроль. 1811—1911».

тивнаго управленія и подъ предсѣдательствомъ варшавскаго архіепископа Леонтія по вопросу объ обезпеченіи за духовенствомъ надлежащаго участія въ дѣлѣ народнаго образованія.

Произведенный въ 1889 году въ дѣйствительные тайные совѣтники, Т. И. Филипповъ въ томъ же году, 26-го іюля, былъ назначенъ государственнымъ контролеромъ, а вскорѣ и членомъ комитета финансовъ. Званіе же сенатора было ему пожаловано въ 1883 году. Вступивъ въ управленіе вѣдомствомъ, Тертій Ивановичъ обратилъ прежде всего вниманіе на необходимость составленія новыхъ ревизіонныхъ руководствъ, такъ какъ нѣкоторыя, составленныя еще при В. А. Татариновѣ, инструкціи не отвѣчали измѣнившимся и усложнившимся послѣ реформы условіямъ ревизіи. При Т. И. Филипповѣ были сдѣланы нѣкоторыя преобразованія въ центральныхъ учрежденіяхъ. Такъ, по закону 9-го іюня 1896 г. былъ образованъ департаментъ желѣзнодорожной отчетности изъ бывшаго желѣзнодорожнаго отдѣла, а по закону 12-го февраля 1896 года въ составѣ департамента гражданской отчетности было учреждено особое отдѣленіе для ревизіи государственныхъ кредитныхъ учрежденій; съ 1892 года начала дѣйствовать, какъ постоянное учрежденіе, комиссія для повѣрки денежной и матеріальной отчетности управленій государственнаго контроля. При Тертіи Ивановичѣ былъ между прочимъ разрѣшенъ доступъ на вольнонаемную службу по учрежденіямъ государственнаго контроля и лицамъ женскаго пола.

Служебная дѣятельность не мѣшала Тертію Ивановичу принимать живое участіе во многихъ обществахъ, поставившихъ себѣ цѣлью интересы научные, литературные, художественные или религіозные. Такъ, онъ состоялъ дѣятельнымъ членомъ славянскаго благотворительнаго комитета, общества любителей духовнаго просвѣщенія, союза ревнителей чистоты русскаго языка и др. Но особенную память онъ оставилъ по себѣ въ императорскомъ географическомъ обществѣ по собиранію русскихъ пѣсенныхъ напѣвовъ. По его почину при географическомъ обществѣ въ 1884 году возникла особая пѣсенная комиссія, и по его же ходатайству этой комиссіи были дарованы средства для снаряженія особыхъ экспедицій по собиранію русскихъ пѣсенъ съ напѣвами въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Признательное общество избрало за это Т. И. Филиппова въ 1882 году въ свои почетные члены. Такимъ же избраніемъ въ почетные члены академіи наукъ, московской духовной академіи и общества исторіи и древностей россійскихъ были почтены и другія заслуги Т. И. Филиппова въ области исторіи, литературы и искусства. Кромѣ того, онъ состоялъ почетнымъ членомъ константинопольскихъ филологическаго и средневѣкового археологическихъ обществъ, археологическаго общества въ Аѳинахъ и др. Изъ сочиненій его наиболѣе извѣстны: «Сборникъ о старообрядчествѣ», «Современные церковные вопросы» и «Сборникъ Т. И. Филиппова».

Скончался Тертій Ивановичъ на посту государственнаго контролера 30-го ноября 1899 года.

Таковъ сухой перечень фактовъ изъ жизни и послужного списка Т. И. Филиппова, изъ какового перечня на насъ выглядываетъ характерный образъ мецената-сановника, придававшаго своимъ участіемъ въ дѣлѣ государственнаго управленія послѣднему особый народно-національностическій оттѣнокъ, столь родственный и близкій самому тогдашнему вершителю судебъ Россіи.

Обращаясь отъ этого перечня къ живымъ воспоминаніямъ о Т. И. Филипповѣ, мы отмѣтимъ прежде всего уже знакомыя намъ воспоминанія князя В. П. Мещерскаго, дающія такой богатый матеріалъ для характеристики эпохи императора Александра III. Издатель «Гражданина» повѣствуетъ слѣдующее [1]):

«Тертій Ивановичъ Филипповъ былъ очень интересной и оригинальной личностью въ созвѣздіи нашихъ выдававшихся государственныхъ людей. Рядомъ съ Вышнеградскимъ онъ, подобно ему, сталъ подниматься кверху съ самыхъ скромныхъ ступеней жизненной лѣстницы. Онъ былъ уроженецъ Ржева, Тверской губерніи, сынъ, сколько помнится, мѣстнаго аптекаря, и съ перваго до послѣдняго шага своей поднимавшейся въ гору жизни онъ былъ обязанъ исключительно самому себѣ, то-есть труду, энергіи и своимъ способностямъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ нашихъ близкихъ отношеній я не запомню, чтобы хоть разъ Т. И. Филипповъ у кого-нибудь заискивалъ или творилъ себѣ компромиссами и уступками въ угоду сильнымъ друзей отъ мамоны. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ онъ жилъ въ бѣдности и поддерживалъ свое существованіе частными уроками и затѣмъ литературною работою. На этомъ поприщѣ онъ успѣлъ создать себѣ имя. Съ молодыхъ лѣтъ онъ уже считался авторитетомъ въ знаніи русской словесности и въ церковныхъ вопросахъ. Знаніе первой ему доставило мѣсто преподавателя въ одной изъ гимназій московскаго учебнаго округа. Потомъ знаніе церковныхъ вопросовъ было причиною начала его карьеры на государственной службѣ. Его успѣлъ узнать и оцѣнить одинъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей того времени, графъ Александръ Петровичъ Толстой, который, по назначеніи его оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода послѣ генерала Ахматова, пригласилъ Филиппова въ директоры своей канцеляріи. Графъ А. П. Толстой былъ не легкаго характера, и, не взирая на это и на то, что должность начальника канцеляріи при немъ не допускала проявленія иниціативы, Т. И. Филипповъ сумѣлъ своимъ тактомъ и своею ревностью къ интересамъ православной церкви создать себѣ и авторитетное положеніе и имя. Послѣ ухода графа Толстого Т. И. Филипповъ оставилъ службу въ вѣдомствѣ святѣйшаго синода и перешелъ, по

[1]) Кн. В. П. Мещерскій. «Мои воспоминанія». Ч. III. (1881—1894 г.).

странной случайности, въ вѣдомство, къ которому онъ всего менѣе былъ подготовленъ. Казалось, его призваніемъ было двигаться на службѣ или педагогической, или въ вѣдомствѣ церкви, но и съ тою и съ другою областями онъ простился навсегда и пошелъ на зовъ создателя новаго учрежденія—государственнаго контроля—Татаринова, который для своего новаго и труднаго дѣла искалъ, какъ Діогенъ съ фонаремъ, наиболѣе способныхъ людей и въ числѣ таковыхъ остановился на Т. И. Филипповѣ. Когда я узналъ отъ Т. И. о поворотѣ его на служебномъ пути, я ему сказалъ: «Не хочется васъ поздравлять, Тертій Ивановичъ».—«Отчего такъ?» спрашиваетъ онъ.—«Оттого, что вы мѣняете столь полныя жизнью поприща дѣятельности для ума и для души—церковь и школу—на мертвыя цифры, для которыхъ всегда найдутся способные люди, а для церкви или для школы вы очень нужны, и Филипповыхъ не скоро найдешь».—«Спасибо за ваши слова,—отвѣтилъ мнѣ Филипповъ:—правда, что сердце мое лежитъ къ тѣмъ двумъ вѣдомствамъ, которыя я оставилъ: къ школѣ, съ которой я началъ свою жизненную дѣятельность, и къ церкви, на службѣ которой я отдавалъ всю свою душу, но я иду, куда Богъ ведетъ, и, къ тому же, знаю, что въ тѣхъ двухъ вѣдомствахъ у меня врагъ; врагъ этотъ—мой языкъ, онъ мнѣ не далъ бы тамъ ни простора, ни успѣха, а въ государственномъ контролѣ языкъ можно держать за зубами».

«Въ Россіи это явленіе нерѣдкое,— говоритъ князь Мещерскій:—человѣкъ, подготовленный образованіемъ и призваніемъ къ извѣстной дѣятельности, случайно попадаетъ на поприще совершенно ему чужое. Т. И. Филипповъ былъ призванъ или къ должности оберъ-прокурора синода, или къ должности министра народнаго просвѣщенія, а попалъ въ государственный контроль и дошелъ въ немъ до должности государственнаго контролера. Хорошо, что онъ, съ его способностями, справился и съ этою дѣятельностью, а вѣдь вѣроятнѣе было предвидѣть, что онъ именно потому не справился бы съ дѣятельностью въ совсѣмъ чужомъ ему вѣдомствѣ, что совсѣмъ не былъ къ ней подготовленъ. Въ началѣ своей новой дѣятельности онъ еще настолько былъ духомъ близокъ къ церковному міру, что, во всеоружіи своихъ познаній и вдохновленный догматическою правдою, выступилъ въ печати обличителемъ самовольнаго отдѣленія болгарской церкви отъ константинопольскаго патріархата и этимъ вызвалъ къ себѣ сочувствіе всѣхъ восточныхъ патріарховъ, болѣе теплое и искреннее, чѣмъ то, съ которымъ отнесся къ его труду нашъ святѣйшій синодъ. Этотъ трудъ былъ лебединою пѣснью Т. И. Филиппова въ области церковной, и талантливое перо его, столь ярко проявившееся на зарѣ его жизни въ московской «Бесѣдѣ» славянофиловъ и гораздо позже въ «Гражданинѣ», навсегда перешло къ корректурамъ и къ подписямъ по государственному контролю. На моихъ литературныхъ средахъ Т. И. Филипповъ былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ собесѣд-

никовъ и, какъ пріятель Достоевскаго, Майкова, Полонскаго, Писемскаго, Страхова и другихъ моихъ гостей, привѣтствовался ими съ самымъ искреннимъ радушіемъ. Онъ услаждалъ насъ своимъ остроуміемъ, изумлялъ своею памятью и внушалъ къ себѣ уваженіе своими непоколебимо твердыми убѣжденіями и принципами во всѣхъ вопросахъ, какъ церковныхъ, такъ политическихъ и литературныхъ. И подчасъ, когда онъ уходилъ раньше другихъ моихъ гостей, всѣ въ одинъ голосъ говорили: какъ жаль, что государственный контроль отнялъ у Россіи такой крупный талантъ и такую мощную умственную силу. Сколько бы онъ могъ создать прекраснаго своимъ умомъ, своими знаніями и своимъ талантомъ!

«Но, увы, пришла минута, когда іерархическое возвышеніе Филиппова до министерскаго поста начало свое психическое дѣйствіе и на его духовную личность; съ одной стороны, мало-по-малу началъ проникать въ него ядъ самообольщенія отъ власти и отъ поклоненія отъ него зависѣвшихъ людей, а съ другой стороны, у него явилась слабая струна—избытокъ самолюбивой чувствительности. Онъ обижался отъ каждаго малѣйшаго укола своего самолюбія. даже въ мелочахъ будничныхъ, какъ, напримѣръ, если кто-нибудь слишкомъ неглиже ему поклонится или скажетъ недостаточно почтительное слово. А за оскорбленіе въ служебной сферѣ онъ мстилъ. Помню, какъ вчера, маленькій образчикъ проявленія оскорбленнаго самолюбія въ пустякахъ, во время игры у меня въ винтъ. Одинъ изъ игравшихъ, въ отвѣтъ на довольно жесткій упрекъ Филиппова по адресу его партнера за неправильный ходъ, отвѣтилъ ему: «Вольно же было вамъ лѣзть». Гляжу, нашъ Тертій Ивановичъ вздрогнулъ, какъ ужаленный въ своемъ величіи этими словами, и мы услыхали, какъ онъ произнесъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ: «Позвольте вамъ замѣтить, что государственный контролеръ никогда никуда не лѣзетъ». Его злосчастный партнеръ погибъ въ его глазахъ навсегда. Но, увы, рядомъ съ этимъ комическимъ мимолетнымъ эпизодомъ я запомнилъ цѣлую политическую драму, въ которой палъ одинъ изъ министровъ жертвой мести Филиппова за обиду, имъ нанесенную его самолюбію. Это было въ послѣдніе годы жизни Т. И. Филиппова. Жертвою его мести палъ назначенный Александромъ III министромъ путей сообщенія А. К. Кривошеинъ. Назначенный въ 1892 году, онъ въ концѣ 1894 года былъ удаленъ отъ должности по представленію Филиппова, обвинявшаго его въ некрасивыхъ злоупотребленіяхъ властью, между прочимъ въ томъ, что онъ принялъ на себя поставку дровъ изъ своей дачи на одну изъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ по возвышенной цѣнѣ. Это обвиненіе не было доказано; впослѣдствіи я узналъ, что данныя, приведенныя въ основу этого обвиненія, были невѣрны, но, само собою разумѣется, въ виду официальнаго представленія государственнаго контролера, увольненіе Кривошеина было неизбѣжно. Такой конецъ краткой дѣятельности Кривошеина

въ должности министра я предвидѣлъ рано или поздно и предупреждалъ его объ опасности отъ мести Филиппова, ибо отъ него слыхалъ, что онъ не могъ простить Кривошеину его черезчуръ абсолютное неухаживаніе за нимъ, которое называлъ *игнорированіемъ его личности*. Кривошеинъ былъ способный человѣкъ, онъ успѣлъ сдѣлать немало хорошаго и полезнаго на посту министра и обѣщалъ многое еще сдѣлать, а въ такомъ грубомъ проявленіи корыстолюбія, какъ то, въ которомъ его обвинилъ Филипповъ, онъ уже потому не могъ быть виновнымъ, что не могъ въ такихъ жидовскихъ аферахъ нуждаться, ибо имѣлъ большое собственное состояніе. Незадолго до смерти Филиппова я съ нимъ видѣлся и сказалъ ему: «На вашей душѣ тяжкій грѣхъ, Тертій Ивановичъ: вы оклеветали Кривошеина».—«Я исполнилъ свой долгъ», отвѣтилъ онъ. «Нѣтъ,—сказалъ я:—вашъ долгъ былъ провѣрить строго и всесторонне обвиненіе; вы этого не сдѣлали, а основали обвиненіе на непровѣренныхъ данныхъ». Это было одно изъ послѣднихъ моихъ свиданій съ Филипповымъ. Какъ далекъ онъ былъ въ то время отъ Филиппова своей весны!»

XXXIII.

Т. И. Филипповъ въ своей религіозно-философской и просвѣтительной дѣятельности приходился не по душѣ всевластному оберъ-прокурору святѣйшаго синода, и его назначеніе на высокій отвѣтственный постъ государственнаго контролера произошло помимо воли К. П. Побѣдоносцева. Въ данномъ случаѣ Александръ III не послѣдовалъ указаніямъ своего постояннаго совѣтника, проводившаго на эту должность другого кандидата. Побѣдоносцевъ въ своемъ нежеланіи дать ходъ Филиппову какъ будто руководился эгоистическимъ чувствомъ соревнованія, не желая терпѣть рядомъ съ собою на верхахъ бюрократической лѣстницы такого же знатока церковныхъ вопросовъ, каковымъ былъ онъ, и притомъ въ освѣщеніи этихъ вопросовъ болѣе мягкимъ и теплымъ свѣтомъ.

Его исповѣданіе вѣры наиболѣе полно представлено въ статьяхъ и замѣткахъ, ему посвященныхъ Аѳ. Вас. Васильевымъ въ его книгѣ «Міру—народу мой отчетъ за прожитое время» [1]). Извѣстный славянофилъ и видный общественный дѣятель г. Васильевъ на разныхъ ступеняхъ русской жизни имѣлъ возможность поработать совмѣстно съ Тертіемъ Ивановичемъ, слизко его изучить и, благодаря этому, въ любовью и теплымъ чувствомъ нарисовать его духовный обликъ безъ наличія на своей красочной палитрѣ той «пыли земли», которую подсыпалъ въ свои воспоминанія князь Мещерскій во имя обѣленія

[1]) Сборникъ статей, докладовъ, рѣчей, стиховъ и замѣтокъ по вопросамъ христіанской нравственности, права, государственнаго управленія и хозяйства. Спб. 1908 г.

министра Кривошеина, съ коимъ былъ связанъ узами дружбы и выгодныхъ себѣ дѣловыхъ отношеній.

Характеризуя Филиппова въ статьѣ «Памяти Тертія Ивановича Филиппова», Аѳ. Вас. Васильевъ говоритъ:

«Это былъ прежде всего искренній, не по имени только, христіанинъ; и не мертва, но дѣятельна была его вѣра. Онъ непостыдно исповѣдывалъ ее и жилъ по ней: ею опредѣлялъ онъ свои отношенія и обязанности къ церкви, къ государству, обществу и отдѣльнымъ людямъ.

«Вотъ, въ 1854 г., слѣдовательно, въ началѣ своего почти полувѣкового жизненнаго подвига, учитель русской исторіи и словесности первой московской гимназіи, Т. И. Филипповъ произноситъ въ торжественномъ собраніи гимназіи замѣчательную рѣчь «О началахъ русскаго воспитанія», въ которой онъ такъ впервые исповѣдалъ намъ свою задушевную мысль, свое твердое убѣжденіе въ томъ, что религія, и именно христіанство и православіе, есть единственно прочная и вѣрная основа истинно человѣческаго воспитанія и единственно вѣрное руководящее начало жизни и для отдѣльнаго человѣка, и для цѣлаго народа:

«Основаніемъ дѣлу воспитанія служитъ религія: она воспитываетъ въ насъ тѣ общія вѣчныя, всеобщія стихіи духа, которыя необходимы всякому человѣку безъ различія мѣста, времени и народности. Хотя она собственно приготовляетъ насъ къ жизни, ожидающей человѣка по ту сторону гроба, но въ ней находится единственное руководство и для нашего земного пути: ибо только тотъ способенъ пройти безпреткновенно путь земной жизни, кто видитъ въ ней пріуготовленіе къ вѣчности, а не заключаетъ въ ея тѣсные предѣлы всѣхъ своихъ ожиданій. Науки и искусства суть цвѣтъ человѣческой дѣятельности: онѣ не только украшаютъ и услаждаютъ нашу жизнь, но и составляютъ существенную ея принадлежность, безъ коей нѣтъ полноты жизни; однако благо человѣку и народу, который отводитъ имъ въ составѣ своей жизни принадлежащее имъ мѣсто и не теряетъ изъ виду ихъ отношенія къ высшей, духовной дѣятельности человѣка—религіозной. Въ противномъ случаѣ изъ орудій блага онѣ становятся источникомъ частнаго и общественнаго зла, разрушаютъ внутренній міръ человѣка и благосостояніе общества.

«Мы знаемъ, что Западъ стоитъ во главѣ человѣчества въ дѣлѣ знаній и искусства, однако замѣчаемъ тамъ крайнее смущеніе совѣсти въ отдѣльныхъ лицахъ и страшное колебаніе всѣхъ общественныхъ основъ въ государствахъ. Причины тому очевидны. Оторвавшись отъ истинныхъ начала жизни, проповѣданныхъ Евангеліемъ, западный человѣкъ ищетъ для нея новыхъ основаній и, разумѣется, не находитъ: ибо ихъ нѣтъ. Все, что бы ни создалъ человѣкъ самъ отъ себя, взамѣнъ отвергнутой имъ истины, все будетъ

ложь: до истинныхъ законовъ человѣческаго естества не можетъ возвыситься наше поврежденное умствованіе,—они открыты только божественному вѣдѣнію. Итакъ, въ основаніе христіанскаго воспитанія должно положить ученіе христіанское: оно одно можетъ указать человѣку, въ чемъ состоитъ истинное просвѣщеніе, истинная добродѣтель и истинное счастіе, безъ него онъ нигдѣ и ни въ

Тертій Ивановичъ Филипповъ.

какомъ случаѣ не можетъ быть ни счастливъ самъ, ни полезенъ другимъ.

«Но, говоря о христіанскомъ воспитаніи, мы не должны забывать и того, что оно должно быть не какое иное, какъ предлагаемое православною церковью: ибо единственная и неизмѣнная хранительница правой вѣры въ то же время есть по необходимости и единственная сокровищница истиннаго разумѣнія вещей и чистыхъ нравственныхъ понятій. Кромѣ исключительной истины и чистоты

своего ученія, православіе дорого русскому народу и по безчисленнымъ благодѣяніямъ, которыя оно оказало ему въ теченіе его исторіи... Оно и до конца жизни нашего народа да будетъ ея неизмѣннымъ основаніемъ, источникомъ нашего величія и славы, нашею первою похвалою!»

«Эта глубокая преданность провославію и «похвала» имъ не имѣли въ Т. И. ничего общаго съ встрѣчающимися нерѣдко у насъ самомнѣніемъ и самохвальствомъ своею вѣрою, или съ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ другимъ, хотя бы и уклонившимся отъ истины, исповѣданіямъ. Въ напечатанной имъ въ 1862 году въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статьѣ «О несторіанахъ» Т. И., порицая наше собственное сонливое равнодушіе и бездѣйствіе, съ величайшимъ уваженіемъ и похвалою отзывается о миссіонерской, благотворительной и просвѣтительной дѣятельности на азіатскомъ Востокѣ протестантовъ американскихъ. «Во имя христіанской любви они распространяютъ между этими забытыми міромъ людьми свѣтъ знанія и блага гражданственности, предоставляя дѣло единомыслія и согласія въ предметахъ вѣры свободному произволенію самихъ несторіанъ». Съ такимъ же уваженіемъ и похвалой говоритъ онъ и о представителяхъ англиканской, такъ называемой «высокой церкви», о ихъ горячемъ участіи въ судьбѣ всѣхъ древнихъ неправославныхъ исповѣданій Востока и о глубокомъ изслѣдованіи ими писаній древнихъ отцовъ церкви и вообще церковныхъ древностей. Не одобряя, наоборотъ, нетерпѣливую религіозную жадность латинскихъ миссіонеровъ, которую, скажемъ мы отъ себя, наши братья галичане такъ образно называютъ «душехватствомъ», Т. И. говоритъ, что такая «религіозная жадность должна быть чужда всякому, кто въ отношеніяхъ съ разномыслящими христіанами желалъ бы прійти къ успѣшному и въ то же время достойному концу. Между посѣвомъ и жатвою должно быть порядочное разстояніе времени, въ подобныхъ дѣлахъ неблагоразумно и недостойно просвѣщеннаго духовнаго правительства желать непремѣнно полнаго и немедленнаго успѣха. Немалый успѣхъ слѣдуетъ видѣть и въ томъ, если между разномыслящими церквами устанавливаются братолюбивыя и довѣрчивыя сношенія». Но осторожное отношеніе къ убѣжденіямъ иновѣрцевъ не должно переходить въ полное равнодушіе къ ихъ религіозному состоянію. «Мы далеки отъ ласкательства или ослѣпленія и признаемъ не только ложною, но и совершенно безнравственною мысль, которую, впрочемъ, имѣютъ нѣкоторые члены нашей церкви: будто бы обладающимъ истиною довольно стоять въ ней и нѣтъ обязанности ходить съ ея благовѣствованіями по всему лицу земли». «Даръ истины и вѣры дается не для скупого храненія, а для независтнаго сообщенія всѣмъ, кто по судьбамъ Промысла еще не озаренъ ихъ свѣтомъ».

Продолжая свои воспоминанія, г. Васильевъ повѣствуетъ:

«Въ 1862 году изданъ Тертіемъ Ивановичемъ первый сборникъ его статей, посвященныхъ современнымъ церковнымъ вопросамъ, и именно: греко-болгарской церковной распрѣ, или, какъ самъ онъ говоритъ, точнѣе опредѣляя свою мысль,—«болгарской церковной смутѣ», и—«нуждамъ единовѣрія». «Не побѣдити ищемъ,—говоритъ онъ въ эпиграфѣ къ этой книгѣ словами Григорія Богослова:—по пріяти братію, ихже разлученіемъ терзаемся». Этими словами какъ нельзя лучше опредѣлены цѣль и духъ посвященныхъ церковнымъ вопросамъ статей, которыя покойный Т. И. считалъ едва ли не важнѣйшимъ дѣломъ своей жизни. Не «побѣдить», т. е. не мѣрами внѣшняго принужденія заставить смолкнуть церковныя несогласія, но справедливымъ изъясненіемъ истины и каноническимъ постановленіемъ единственно законной въ подобныхъ дѣлахъ власти—церковнаго собора—надѣялся онъ достигнуть вожделѣннаго мира церковнаго—«пріяти братію, ихже разлученіемъ терзаемся...»

«Не буду долго останавливаться на отношеніяхъ Т. И. къ государству и на его служебныхъ передъ нимъ заслугахъ. Онѣ у всѣхъ, имѣвшихъ очи и уши, чтобы видѣть и слышать,—на памяти и на виду. Замѣчу только, что и въ этихъ, зачастую трудныхъ дѣлахъ онъ, ополчась за правое дѣло, прислушивался только къ голосу своей христіанской совѣсти и совѣтамъ тѣхъ людей, въ которыхъ ощущалъ присутствіе той же вѣрующей совѣсти, и не справлялся съ числомъ и силами противоборствовавшихъ ему и потворствовавшихъ злу враговъ, вѣруя, что Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ.

«Въ вопросахъ государственной и народной жизни Т. И. Филипповъ, по собственному его свидѣтельству, являлся сторонникомъ «охранительныхъ началъ». Обязанностью каждаго убѣжденнаго человѣка выходить на защиту этихъ началъ, побѣда коихъ недостаточно еще въ общественномъ сознаніи утверждена и обезпечена,—объясняетъ онъ, между прочимъ, изданіе второго своего сборника. «Обязанность эту,—говоритъ онъ въ предисловіи къ этому сборнику,—я признаю во всей ея силѣ, и кто удостоитъ взглянуть въ издаваемую мною книгу, тотъ увидитъ, что въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ я служилъ этимъ началамъ неизмѣнно, въ свободѣ искренняго исповѣданія, и не тогда только, когда это было покойно и выгодно, но и въ самый разгаръ бѣшеныхъ противъ нихъ ополченій, когда борьбу съ ними вели не одни Чернышевскіе и Благосвѣтловы, но и разные Савлы, выжидавшіе лишь благопріятныхъ для себя обстоятельствъ, чтобы объявить себя внезапно обращенными Павлами... И вотъ я предстою передъ моимъ благосклоннымъ и неблагосклоннымъ читателемъ, какъ давній, убѣжденный и вѣрный послѣдователь направленія охранительнаго. Считаю, однако, нужнымъ оговориться: есть охранитель и охранитель. Вѣдь и опричникъ говоритъ, что онъ охранитель, и даже гордится тѣмъ, что онъ песъ. «Ни! но и худшій пса», сказалъ бы я такому охранителю, который

своимъ нечистымъ прикосновеніемъ оскверняетъ непорочное само по себѣ исповѣдываніе.

«Я имѣю основаніе надѣяться, что даже недоброжелательно относящіеся къ моему направленію судьи не пожелаютъ обидѣть меня смѣшеніемъ съ такими охранителями, но, чтобы еще болѣе оберечь себя отъ опасности подобнаго смѣшенія, я укрылъ свои произведенія подъ сѣнь имени И. В. Кирѣевскаго. Это имя крѣпкій и надежный щитъ... Онъ былъ надо мной отъ дней моей юности, онъ осѣнялъ первыя незрѣлыя попытки моей литературной дѣятельности. И если отъ юности до перваго псаломскаго предѣла жизни (котораго я уже достигъ) я оставался неизмѣнно вѣренъ своему образу мысли, то право на посвященіе моей книги непорочной памяти Ивана Васильевича Кирѣевскаго я могу счесть за мною. Могу съ тѣмъ вмѣстѣ выразить надежду, что вѣрность исповѣданію, котораго я держался всю жизнь, сохранится и до ея не очень уже далекаго конца».

«И эта надежда остаться вѣрнымъ тому направленію, которое Т. И. называетъ охранительнымъ и которое мы, не обинуясь, назовемъ славянофильскимъ, въ первоначальномъ, чистомъ его значеніи,—направленію Хомякова, К. Аксакова, Самарина, Кирѣевскаго,—эта надежда пребывала съ нимъ неизмѣнно, и онъ не измѣнилъ ей»,—свидѣтельствуетъ г. Васильевъ.

«Есть охранитель и охранитель,—говоритъ онъ.—Не къ охранителямъ, исполненнымъ зложелательства и проповѣдующимъ всякую опричину и косность, принадлежалъ Т. И. Филипповъ. Можно охранять драгоцѣнные историческіе національные преданія и завѣты и въ то же врéмя въ нихъ самихъ черпать указанія и силу для движенія впередъ.

«Въ новизнахъ твоего царствованія,—говорятъ типичные представители охранительныхъ началъ, наши старовѣры, императору Александру II,—наша старина намъ слышится». Не охранители ли историческихъ нашихъ началъ—славянофилы Хомяковъ, Юр. Самаринъ, Н. Милютинъ и другіе сотрудники Т. И. Филиппова по «Русской Бесѣдѣ» и прилагавшемуся къ ней «Сельскому Благоустройству»,—явились дѣятельнѣйшими сотрудниками императора Александра II въ его вѣчно благословенномъ дѣлѣ—освобожденіи крестьянъ и надѣленіи ихъ землею.

«Къ такимъ именно охранителямъ принадлежитъ и незабвенный нашъ Т. И. Филипповъ. Охраняя то, что есть въ русской жизни дѣйствительно цѣннаго, онъ радовался всякой хорошей новизнѣ и готовъ былъ не только содѣйствовать, но первый двинуть впередъ всякое благое начинаніе.

«Онъ первый широко открылъ двери подвѣдомственнаго ему правительственнаго учрежденія женскому труду, и едва ли не послѣднимъ его значительнымъ дѣломъ передъ кончиною были послан-

ныя имъ государственному совѣту замѣчанія на первую главу проекта уголовнаго уложенія, гдѣ онъ рѣшительно высказался противъ оставленія въ числѣ уголовныхъ наказаній, даже за политическія преступленія, смертной казни.

«Если смертная казнь,—говорится въ этихъ замѣчаніяхъ,—безполезна въ смыслѣ устрашенія и отклоненія отъ общихъ преступленій, не удерживая даже отъ мелкихъ кражъ у самой висѣлицы казнимыхъ за кражу,—то тѣмъ болѣе она не только недѣйствительна, но прямо вредна въ примѣненіи къ преступленіямъ государственнымъ, ибо въ однихъ случаяхъ она надѣваетъ на дѣйствительныхъ преступниковъ, въ глазахъ ихъ единомышленниковъ, вѣнецъ мученичества, а въ другихъ отымаетъ у самого же государства и у человѣчества преданнѣйшихъ добру слугъ.

«Смертная казнь Казеріо, убійцы Карно, не удержала его современника Лукези отъ убійства Елизаветы Австрійской. Послѣдній, какъ сообщали телеграммы, выразилъ даже сожалѣніе, что швейцарскій законъ, оставляя ему жизнь, лишаетъ его тѣмъ самымъ возможности показать примѣръ своимъ единомышленникамъ, какъ надо умирать. Достоевскій же былъ судимъ, какъ государственный преступникъ, и приговоренъ къ смерти, теперь же къ памяти его благоговѣйно относится не только русское общество, но и русская государственная власть: если бы онъ былъ казненъ, какая была бы это огромная потеря для Россіи! Голгоѳа—вѣчный укоръ и осужденіе смертной казни. Изъ трехъ на ней распятыхъ одинъ былъ Богочеловѣкъ, беззаконно осужденный, другой осужденъ былъ справедливо по дѣламъ своимъ, но нравственное его существо уже переродилось, и онъ во время совершенія надъ нимъ казни былъ праведникомъ, достойнымъ быть въ раю со Христомъ.

«И Моисей былъ политическимъ убійцей, и Савлъ—злодѣемъ, и по человѣческому суду они справедливо могли подвергнуться казни; но не была ли бы ихъ казнь величайшимъ злодѣяніемъ въ отношеніи всего человѣчества!

«Лучшія преданія отдаленнѣйшей русской старины, связанныя съ священною для Россіи памятью двухъ Владимировъ:—Равноапостольнаго и Мономаха, побуждаютъ исключить изъ издаваемаго на порогѣ двадцатаго вѣка закона такую безполезную и противохристіанскую мѣру взысканія, какъ смертная казнь».

XXXIV.

Обращаясь къ характеристикѣ его, какъ дѣятеля Славянскаго благотворительнаго общества, Аѳ. Вас. Васильевъ свидѣтельствуетъ:

«Т. И. Филипповъ былъ однимъ изъ учредителей петербургскаго отдѣла славянскаго комитета, до переѣзда же своего въ Петербургъ стоялъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ такими основопо-

ложниками и отцами славянофильства, какъ Хомяковъ и Кирѣевскіе, и руководилъ важнѣйшимъ изъ славянофильскихъ изданій— «Русскою Бесѣдою». Когда же на славянскомъ югѣ разыгралась гроза, и для нашихъ славянскихъ комитетовъ настала пора рѣшительно дѣйствовать, беря при этомъ на себя всю полноту отвѣтственности, такъ какъ приходилось дѣлать то, что требовали общественный долгъ и чувство, но на что нельзя было просить разрѣшеній и указаній,—тогда стоявшее во главѣ славянскаго комитета «исполнительное присутствіе» сочло себя не въ силахъ справиться съ поставленной временемъ задачей и само отошло въ сторону, а на его мѣсто стала избранная въ сентябрѣ 1875 года общимъ собраніемъ «комиссія для сбора пожертвованій», которая, просуществовавъ тринадцать мѣсяцевъ, собрала на славянское дѣло болѣе милліона рублей, напечатала и разбросала по лицу всей земли Русской болѣе милліона листковъ разнаго содержанія и вида воззваній, накормила и одѣла тысячи несчастныхъ нашихъ братій за Балканами и Дунаемъ и выслала на помощь имъ тысячи русскихъ добровольцевъ—вольныхъ ратниковъ за славянскую свободу. Словомъ, за годъ времени эта комиссія по сбору сдѣлала для славянскаго дѣла и русскаго самосознанія неизмѣримо больше, нежели славянскіе комитеты и общества за все остальное время ихъ существованія, и, что особенно важно, она впервые призвала къ самоопредѣляющему и рѣшающему участію въ политическомъ событіи русскій народъ послѣ двухвѣкового, полнаго, хотя и невольнаго отчужденія его отъ всякой политики.

«Дѣятельнѣйшимъ членомъ, а затѣмъ предсѣдателемъ этой, скажу не обинуясь, знаменитой комиссіи по сбору былъ незабвенный нашъ Т. И. Филипповъ, не побоявшійся и въ этомъ, какъ и въ церковномъ дѣлѣ, взять на себя odium всякаго рода подозрѣній и превратныхъ толкованій, которымъ подвергалась комиссія по сбору и ея предсѣдатель и со стороны органовъ петербургской печати, изъ которыхъ одни, какъ «Биржевыя Вѣдомости» (Полетики) или «Голосъ» Краевскаго, враждебно относились вообще къ славянскому дѣлу или къ тому направленію, какое оно приняло, другіе—свора мелкой печати—сводили путемъ нападокъ на комиссію чьи-то старые счеты съ однимъ изъ ея членовъ, заправлявшимъ прежде дѣлами одного клуба [1]).

«... Не слѣдуетъ забывать, что по отношенію къ славянскому движенію и дѣятельности нашихъ славянскихъ комитетовъ правительство тогда двоилось. Одни изъ сотрудниковъ императора Александра II, какъ, напримѣръ, Абаза и Милютинъ, съ наслѣдникомъ цесаревичемъ во главѣ, сочувствовали славянскому движенію, другіе близкіе къ государю люди, едва ли не большинство,

[1]) В. И. Аристовымъ. *Авт.*

относились враждебно и къ самому движенію, и къ участвовавшимъ въ немъ и до нѣкоторой степени руководившимъ имъ комитетамъ. Въ числѣ этихъ лицъ были такіе могущественные въ то время люди, какъ министры: Горчаковъ, Валуевъ и начальникъ Третьяго Отдѣленія графъ Шуваловъ; самъ императоръ Александръ II долгое время смотрѣлъ на славянское дѣло одинаково съ ними. И вотъ, даже въ то время, какъ наши мобилизованные полки стояли уже близъ границы, въ правительственныхъ кругахъ все еще держалась, трудно, впрочемъ, сказать, на чемъ основанная, увѣренность, что войны не будетъ, и шла рѣчь о закрытіи славянскихъ комитетовъ.

«Для того, чтобы такъ бодро итти противъ этой волны во главѣ встрѣчнаго ей теченія, какъ шелъ Тертій Ивановичъ, требовалось большое гражданское мужество. При оцѣнкѣ этого его подвига не забудемъ и того, что въ то время Т. И. занималъ второстепенное, хотя и видное, служебное положеніе, что его непосредственный начальникъ А. С. Грейгъ неодобрительно относился къ участію Т. И. въ славянскомъ дѣлѣ, и что у него на рукахъ была семья, и онъ былъ въ сущности ничего не имѣвшимъ, кромѣ небольшого домика въ глухомъ уѣздномъ городѣ бѣднякомъ, который жилъ однимъ двадцатымъ числомъ...

«Я сказалъ только о трехъ важныхъ сторонахъ дѣятельности Т. И. Филиппова, но остается еще много другихъ, быть можетъ, не менѣе важныхъ ея сторонъ. Слѣдовало бы сказать еще, именно о взглядѣ его на задачи, способы и программы воспитанія, о значеніи въ дѣлѣ воспитанія церковно-славянскаго языка, о томъ, какъ глубоко зналъ Т. И. этотъ языкъ и особенно языкъ русскій, какъ проникновенно и вмѣстѣ художественно изъяснялъ онъ смыслъ отдѣльныхъ его реченій, напримѣръ, въ спорѣ съ Буслаевымъ—объ истолкованіи имъ слова «міръ», тождественнаго съ греческимъ «космосъ»,—какъ совмѣщающаго въ себѣ понятія мѣры, порядка и красоты, о глубокомъ знаніи имъ русской пѣсни и вообще народнаго творчества въ области звуковъ и слова, и о томъ, какъ много сдѣлано имъ для сохраненія уцѣлѣвшихъ еще драгоцѣнныхъ его остатковъ и слѣдовъ. Слѣдовало бы сказать о необыкновенной его отзывчивости на всякую обращенную къ нему просьбу о помощи, и особенно о той сильной поддержкѣ, какую оказывалъ онъ вдохновеннымъ труженикамъ, работавшимъ въ одномъ съ нимъ направленіи на пользу народной жизни и народнаго творчества. Кто, какъ не онъ, оказалъ могущественную поддержку В. В. Андрееву? Такъ же задушевно отнесся онъ и къ дѣлу трудовыхъ артелей Н. В. Левицкаго. Познакомленный мною съ нимъ, онъ готовился оказать такую же поддержку и артельному дѣлу, какая была имъ оказана народной музыкѣ и пѣсни».

Показанія г. Васильева, особенно въ той ихъ части, которая касается вопроса о смертной казни, чрезвычайно характерны, какъ

равно характерно и отношеніе Филиппова къ вопросу о привлеченіи къ государственной службѣ представителей писательскаго сословія [1]), женщинъ, о его меценатствѣ и дѣятельности на пользу укрѣпленія и развитія народнаго творчества.

Въ лицѣ Филиппова, такимъ образомъ, русская государственность имѣла типичнаго представителя, который какъ бы разряжалъ сухую бюрократичность, вливая въ нее интеллигентныя струи и спеціально-національностическія начала, благодаря чему она теряла свою сухость и въ ней начинала чувствоваться пульсація жизни. Въ немъ государственность какъ бы сливалась съ общественностью и роднилась съ коренными устоями русской жизни, которые онъ утверждалъ изъ быта, преданій и лѣтописей русской исторіи. Человѣкъ живой, отзывчивый и многосторонній, онъ, правда, давалъ нерѣдко пищу злымъ языкамъ, и съ его именемъ сплошь и рядомъ связывались анекдоты, почерпавшіе свое происхожденіе изъ свойствъ его характера, привычекъ и вкусовъ. Но эти анекдоты задѣвали его преимущественно какъ частнаго человѣка, но ни малѣйшимъ образомъ не набрасывали на него тѣнь, какъ на государственнаго дѣятеля. По должности государственнаго контролера онъ стоялъ на высотѣ призванія, и никакія соображенія «кумовства», угодливости и дружбы не останавливали его начинаній тогда, когда нужно было поднять свой «контрольный» голосъ. Благодаря этому, въ его лицѣ императоръ Александръ III имѣлъ вѣрнаго слугу, который работалъ на пользу Россіи и для упорядоченія ея государственнаго хозяйства не только за страхъ, но и за совѣсть.

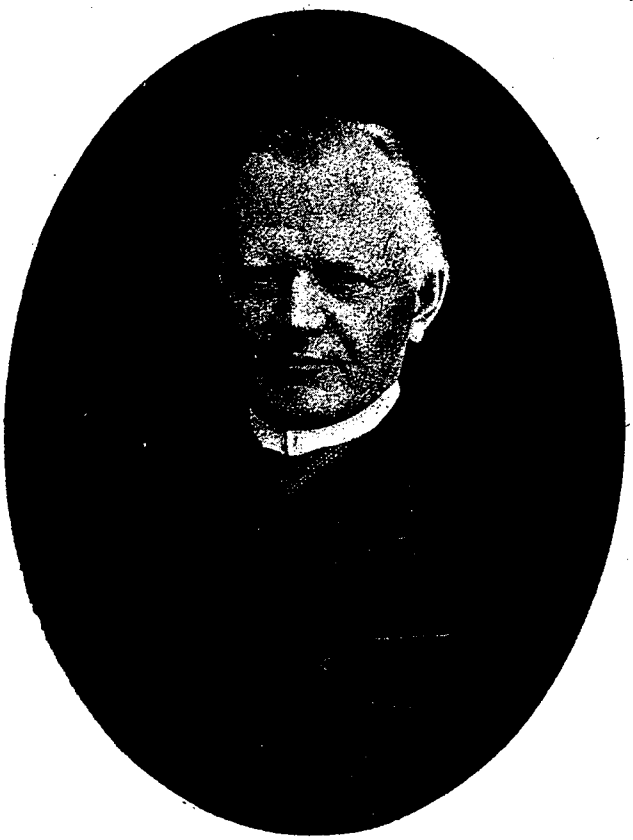
Не столь яркимъ и многостороннимъ былъ и другой представитель тогдашней государственности, министръ государственныхъ имуществъ, Михаилъ Николаевичъ Островскій, попавшій также на верхи іерархической лѣстницы изъ нѣдръ государственнаго контроля.

Родной братъ извѣстнаго нашего драматурга А. Н. Островскаго, онъ родился въ Москвѣ въ 1827 году. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ московской первой гимназіи; въ 1849 году, по окончаніи московскаго университета со степенью кандидата, покойный состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при симбирскомъ гражданскомъ губернаторѣ. Съ 1864 года, уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, онъ получалъ командировки въ города Псковъ, Ревель, Митаву и губерніи: Тамбовскую, Воронежскую, Харьковскую и др., для собиранія необходимыхъ свѣдѣній по образованію мѣстныхъ контрольныхъ учрежденій. Въ тайные совѣтники М. Н. произведенъ въ 1871 году, а въ слѣдующемъ назначенъ товарищемъ государственнаго контролера, въ 1882 году сенаторомъ.

---

[1]) Объ этомъ у Аѳ. В. Васильева имѣются особыя указанія въ той же статьѣ.

Въ статсъ-секретари его императорскаго величества покойный пожалованъ въ 1876 году; въ 1878 году назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Опредѣленный къ присутствованію въ департаментѣ государственной экономіи, М. Н. въ 1879 году былъ назначенъ предсѣдателемъ особой комиссіи, учрежденной для пересмотра узаконеній о казенныхъ заготовкахъ для арміи и флота, почетнымъ опекуномъ опекунскаго совѣта учрежденій императрицы Маріи и



Михаилъ Николаевичъ Островскій.

членомъ особыхъ комиссій для разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ отчетовъ, совѣта императорскаго человѣколюбиваго общества и комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Въ 1881 году М. Н. получилъ отвѣтственный постъ министра государственныхъ имуществъ, съ оставленіемъ въ прежнихъ званіяхъ.

М. Н. Островскій, человѣкъ высокихъ нравственныхъ качествъ, былъ назначенъ министромъ государственныхъ имуществъ въ такое время, когда это министерство заставляло говорить о себѣ

не въ связи съ нуждами сельскаго хозяйства, а скорѣе въ связи съ такъ называемыми «уфимскими хищеніями». Крупною заслугою покойнаго является упорядоченіе оброчныхъ статей и установленіе выгоднаго какъ для казеннаго, такъ и для народнаго хозяйства порядка отдачи ихъ въ аренду. М. Н. Островскому принадлежитъ также заслуга относительно проведенія закона 1-го апрѣля 1888 года объ охранѣ лѣсовъ. Особенно ярко выдѣлялись его заботы о сельско-хозяйственномъ образованіи, въ связи съ общей тогдашней тенденціей къ упроченію у насъ профессіональнаго образованія.

Мы уже знаемъ, что въ началѣ царствованія Александра III М. Н. Островскому суждено было сыграть рѣшающую роль на томъ историческомъ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ государя императора, гдѣ слушался проектъ графа Н. П. Игнатьева по созыву земскаго собора. Онъ былъ тотъ, который выступилъ оппонентомъ министру внутреннихъ дѣлъ и, какъ знатокъ русскаго государственнаго права и русской исторіи, нанесъ этому проекту такіе сильные удары, послѣ чего идея этихъ соборовъ, какъ государственнаго установленія, была навсегда похоронена. Ему же суждено было, какъ увидимъ далѣе, играть и нѣкоторую роль въ обсужденіи вопроса о борьбѣ противъ шумныхъ безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, разыгравшихся съ особенною силою въ періодъ 80-хъ годовъ.

XXXV.

На ряду со всѣми очерченными выше дѣятелями государственнаго механизма при императорѣ Александрѣ III чрезвычайно оригинальною фигурою рисуется личность министра народнаго просвѣщенія графа Ивана Давидовича Делянова, назначеннаго въ 1882 году на смѣну барону Николаи. Деляновъ былъ свой человѣкъ въ бюрократическомъ мірѣ, пережилъ вмѣстѣ съ нимъ разныя вѣянія и, имѣя за собою громадный опытъ жизни, отлично умѣлъ приспособляться и къ тѣмъ многочисленнымъ служебнымъ постамъ, которые ему въ разные періоды его службы приходилось занимать, и къ той общественной средѣ, въ которой суждено было дѣйствовать.

И. Д. Деляновъ родился въ 1818 году и, получивъ прекрасное для своего времени домашнее воспитаніе, впослѣдствіи поступилъ въ московскую гимназію, а затѣмъ въ московскій же университетъ на юридическій факультетъ, гдѣ былъ на счету трудолюбиваго и прекраснаго занимающагося студента. Такъ, въ 1835 году онъ участвовалъ совмѣстно съ другими товарищами по факультету въ переводѣ съ французскаго языка «Исторіи среднихъ вѣковъ» профессора Демишеля, изданномъ Погодинымъ на слѣдующій годъ отдѣльною книгою. Сверстниками его и товарищами по университету были

4099 0
88

студенты-словесники, столь извѣстные впослѣдствіи въ исторіи нашей науки и литературы—М. Н. Катковъ и Ѳ. И. Буслаевъ, съ коими покойный И. Д. Деляновъ сохранилъ наилучшія отношенія на всю жизнь; также былъ его товарищемъ по факультету извѣстный директоръ Публичной библіотеки А. Ѳ. Бычковъ. По окончаніи университета, 20 лѣтъ отъ роду, первымъ кандидатомъ, онъ въ 1838 году поступилъ на службу въ бывшее II отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, гдѣ подъ руководствомъ графа Блудова занимался работами по составленію уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Эти работы, гдѣ онъ проявилъ отличныя способности и которыя имъ были прекрасно исполнены, обратили на него особенное вниманіе графа Блудова, и онъ сталъ съ тѣхъ поръ возлагать самыя разнообразныя и отвѣтственныя порученія на своего молодого подчиненнаго, дѣлая его участникомъ на засѣданіяхъ многочисленныхъ въ то время комиссій. Благодаря этому, онъ скоро выдѣлился изъ среды петербургскихъ чиновниковъ, и уже въ 1854 г. мы видимъ его въ отвѣтственномъ званіи управляющаго дѣлами секретнаго комитета о раскольникахъ. Гуманное и просвѣщенное отношеніе къ раскольничьему вопросу имѣло слѣдствіемъ постановленіе о допущеніи раскольниковъ имѣть свои училища или же учиться въ общихъ школахъ, посѣщая уроки православнаго законоучителя или не посѣщая. На либеральный складъ образа мыслей молодого петербургскаго администратора имѣла въ тотъ періодъ времени особенное вліяніе атмосфера гостиной графини А. Д. Блудовой, гдѣ онъ встрѣчался съ представителями тогдашняго славянофильства, а также его близость съ извѣстнымъ профессоромъ и цензоромъ А. В. Никитенкомъ, съ которымъ онъ сошелся послѣ своего назначенія членомъ главнаго цензурнаго управленія. Здѣсь онъ, подобно Никитенку, былъ врагомъ крайности въ ту или другую сторону и былъ проникнутъ идеей взаимнаго довѣрія и дружнаго взаимодѣйствія власти и печати на пользу благоразумнаго и умѣреннаго прогресса.

На сороковомъ году жизни, уже въ чинѣ тайнаго совѣтника, онъ перешелъ на службу по вѣдомству народнаго просвѣщенія, гдѣ на первыхъ порахъ занялъ постъ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа. По этому поводу ректоръ здѣшняго университета Плетневъ писалъ князю Вяземскому: «Нашъ Деляновъ вышелъ прекрасный попечитель. Онъ добръ, откровененъ и во всемъ дѣйствуетъ, какъ надобно благородному, скромному и честному человѣку». Дѣйствительно, новый попечитель какъ нельзя больше являлъ своей личностью полное согласіе съ тогдашнимъ настроеніемъ правящихъ классовъ и въ своей дѣятельности, въ качествѣ руководителя учебнаго округа, вполнѣ отвѣчалъ освободительнымъ и либеральнымъ вѣяніямъ, которыя въ такомъ изобиліи носились въ воздухѣ того историческаго періода нашей жизни. Иванъ Давидо-

вичъ по своемъ назначеніи на новый постъ проявилъ кипучую дѣятельность по управленію обширнымъ тогда петербургскимъ учебнымъ округомъ, непрестанно посѣщая столичныя и провинціальныя подвѣдомственныя учебныя заведенія, знакомясь лично съ составомъ учащихъ и учащихся. Мягкій отъ природы, съ добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ, онъ дѣйствительно любилъ молодежь и, благодаря своему тогдашнему нескрываемому свободомыслію, пользовался среди студентовъ широкою популярностью. Насколько силенъ былъ въ немъ тогда духъ либерализма, показываетъ то, что онъ считалъ даже профессора Ор. Миллера слишкомъ консервативнымъ, а потому и нежелательнымъ членомъ профессорской корпораціи. Черезъ тридцать лѣтъ тотъ же Деляновъ, уже на посту министра народнаго просвѣщенія, подписалъ тому же Ор. Миллеру отставку за вредное политическое направленіе! Tempora mutantur et nos mutamur in illis!

Студенты часто искали защиты попечителя противъ придирчивыхъ требованій старой инспекціи и нерѣдко ее находили: попечитель становился на ихъ сторону, искусно предупреждая серьезныя столкновенія. По поводу тогда ужъ возникшихъ студенческихъ волненій онъ, подобно Никитенку, полагалъ, что эти безпорядки и волненія суть печальныя послѣдствія прежняго крайняго угнетенія и что они могутъ быть устранены только лучшею организаціею университетскаго преподаванія и всей вообще университетской жизни. Начала, которыя потомъ легли въ основу устава 1863 года, постепенно вырабатывались въ комиссіяхъ, собиравшихся подъ предсѣдательствомъ Делянова. Впослѣдствіи ему же пришлось объявить войну этому уставу и высказаться рѣшительно противъ тѣхъ началъ, которыя онъ защищалъ въ 1863 году.

Избранный въ 1859 г. академіею наукъ почетнымъ членомъ, онъ въ томъ же году въ первый разъ вступилъ временно въ завѣдываніе, вмѣсто А. С. Норова, учебною частію нѣкоторыхъ женскихъ институтовъ. Съ этихъ поръ и до назначенія его директоромъ департамента народнаго просвѣщенія дѣятельность его была всецѣло посвящена воспитанію и образованію юношества. Въ 1865 году, при Головнинѣ, не было товарища министра, и управленіе министерствомъ, за отсутствіемъ Головнина, было ввѣрено Делянову, который удостоился за это высочайшей признательности. Тогда же состоялось его назначеніе сенаторомъ, а годъ спустя онъ занялъ постъ товарища министра народнаго просвѣщенія, оставаясь директоромъ Публичной библіотеки (въ эту должность онъ вступилъ еще въ 1860 г.) и присутствуя постоянно въ собраніяхъ первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи правительствующаго сената. Являясь въ теченіе восьми лѣтъ ревностнымъ помощникомъ министра графа Д. А. Толстого по введенію у насъ классической системы образованія, И. Д. Деляновъ нерѣдко въ отсутствіе министра

замѣнялъ его и въ общей сложности за этотъ періодъ времени управлялъ самостоятельно министерствомъ три года. Помимо этихъ обязанностей, онъ въ 1871 г. былъ назначенъ членомъ совѣта Павловскаго института по учебной части и принималъ весьма близкое участіе въ разныхъ комиссіяхъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія и IV отдѣленія собственной его величества канцеляріи. Въ 1867 г. Деляновъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ, а въ 1874 —членомъ государственнаго совѣта съ увольненіемъ отъ должности товарища министра народнаго просвѣщенія. Съ этого времени до 1882 г. дѣятельность его сосредоточивалась, съ одной стороны, въ государственномъ совѣтѣ и въ Публичной библіотекѣ, а съ другой—въ вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи, гдѣ въ 1877 г. онъ исполнялъ обязанности, особымъ высочайшимъ повелѣніемъ на него возложенныя, а съ 1880 г. управлялъ этимъ вѣдомствомъ на правахъ главноуправляющаго. Въ 1882 г. онъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Вспоминая объ этомъ назначеніи, князь В. П. Мещерскій говоритъ [1]):

«Послѣ неудачи назначенія Н. М. Баранова градоначальникомъ вторая неудача оказалась въ выборѣ министра народнаго просвѣщенія въ лицѣ барона Николаи. Я имѣлъ случай только разъ бесѣдовать съ барономъ Николаи во время его управленія министерствомъ, и, признаюсь, все время, пока сидѣлъ у него, доискивался въ его разговорѣ узнать: кто онъ по убѣжденіямъ своимъ, и такъ и не могъ доискаться. Это впечатлѣніе врѣзалось мнѣ въ память, какъ нѣчто рѣдкое, ибо трудно себѣ представить въ роли министра человѣка, про котораго нельзя сказать, какихъ онъ убѣжденій. Словоохотливымъ онъ не былъ, но все же говорилъ и высказывалъ мысли; по временамъ казалось, что онъ будто не изъ либераловъ того времени, а потомъ скажетъ что-то такое, что свидѣтельствуетъ объ его неохотѣ быть консервативнаго направленія. Его уволили въ началѣ 1882 года, и на его мѣсто назначенъ былъ всѣмъ извѣстный и симпатичный Иванъ Давыдовичъ Деляновъ, человѣкъ не новый для вѣдомства, такъ какъ онъ долго былъ попечителемъ петербургскаго учебнаго округа. Еще задолго до его назначенія я видѣлся съ нимъ послѣ моей бесѣды съ барономъ Николаи и высказалъ ему мои впечатлѣнія объ этомъ человѣкѣ. Деляновъ тонко-насмѣшливо меня слушалъ и затѣмъ съ своимъ мѣткимъ юморомъ опредѣлилъ барона Николаи такъ: «онъ умный человѣкъ, все понимаетъ, и благонамѣренный, но, какъ бы вамъ сказать, онъ не умѣетъ быть министромъ». Затѣмъ, когда назначили Делянова министромъ на мѣсто барона Николаи, я къ нему явился и, припомнивъ нашъ разговоръ о Ни-

[1]) Кн. В. П. Мещерскій. «Мои воспоминанія». Ч. III. (1881—1894 гг.).

колаи, говорю ему: «Ну, а вы, Иванъ Давыдовичъ, сумѣете быть министромъ?»

«— Ну, не знаю,—отвѣтилъ милый старикъ:—попробую; вѣдь критиковать министра легко, быть министромъ трудно, особливо просвѣщенія... Ну, какое у насъ нынче просвѣщеніе, тьма кромѣшная повсюду да либеральная слякоть.... Вѣдь Лорисъ-Меликовъ и школу-то всю испакостилъ, людей съ панталыку сбилъ. Надо съ азбуки начинать... Ну, Богъ дастъ, какъ-нибудь справимся.

«Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ лакея.

«— Что?

«— Студентъ, ваше выс—ство, желаетъ видѣть.

«Министръ сморщился.

«— Скажи, что я утромъ принимаю.

«— Онъ говоритъ, что очень нужно.

«— Ну, пускай подождетъ въ гостиной, приду къ нему.

«Припоминаю эту сцену потому, что въ ней вылился весь милый, добрый и простой Деляновъ. Ну, какой бы министръ принялъ какого-то студента въ четвертомъ часу дня? А онъ, какъ сказали: очень нужно,—сейчасъ же принялъ.

«Самая обстановка Ивана Давыдовича отличалась своей простотой отъ обстановокъ всѣхъ другихъ министровъ. Во-первыхъ, у него не было даже пріемной комнаты, а просители принимались въ гостиной. Затѣмъ не было курьера, а когда уходилъ лакей, то пришедшій входилъ въ кабинетъ министра прямо безъ доклада, и изъ глубины кабинета раздавалось удивленное, но всегда гостепріимное, ласковое: «А!» Кабинетъ представлялъ узкую комнату въ одно окно, выходящее на дворъ, гдѣ по срединѣ стоялъ письменный столъ, у окна кресло, въ которомъ сидѣлъ спрятанный имъ министръ, два-три стула, шкапы съ книгами, масса книгъ, разбросанныхъ по столамъ и на полу, и больше ничего.

«Бывало, войдешь къ нему и застанешь картину: за столомъ сидитъ министръ, передъ нимъ стоитъ студентъ или курсистка.

«— Здравствуйте,—говоритъ онъ входящему.—Вотъ пишу записку рекомендательную, не знаю, выйдетъ ли прокъ, а все-таки пишу.

«И такихъ записокъ онъ писалъ десятки въ день, никогда никому не отказывая.

«Потомъ бывала такая сцена. Одинъ изъ важныхъ лицъ въ министерствѣ былъ Георгіевскій. Министръ пишетъ ему записку и даетъ ее просителю.

«— Ну, вотъ, идите: онъ бѣдовый, и я даже его боюсь,—говорилъ, улыбаясь, министръ про своего подчиненнаго:—но, Богъ дастъ, смилуется.

«Тутъ кстати припомнить прелестный эпизодъ съ однимъ студентомъ, пришедшимъ къ министру просить о помилованіи, такъ какъ онъ былъ исключенъ изъ университета.

«— А за что васъ исключили?—спросилъ министръ.

«— Право, не знаю, ваше в—ство.

«— Ужъ чѣмъ-нибудь да провинились?

«— Ей-Богу, не помню...

«— Ну, припомните хорошенько; можетъ быть, вы были въ компаніи товарищей, весело поужинали, развязался языкъ и, когда къ слову пришлось, вашего министра старымъ дуракомъ назвали?

«Когда министръ кончилъ свои слова, передъ нимъ уже стояло другое лицо, въ видѣ бѣлой мраморной статуи, у которой единственными признаками жизни были капли холоднаго пота, выступившія на лбу.

«Студентъ схватилъ себя за голову...

«— Ваше в—ство... простите... Ваши слова во мнѣ вдругъ пробудили совсѣмъ забытое воспоминаніе; да, я былъ однажды пьянъ и говорилъ что-то противъ васъ... я смутно помню... Да, это было... Простите...

«— Ну, вотъ видите, мораль та, что лучше слишкомъ много не пить. А вѣдь я могъ бы обидѣться,—прибавилъ, добродушно-лукаво улыбаясь, министръ:—потому пословица говоритъ: «что у пьянаго на языкѣ, то у трезваго на умѣ».

«— Простите. Больше ничего не могу сказать,—прошепталъ студентъ, возвращенный къ жизни добротою министра.

«— Ну, идите, я васъ велю принять въ московскій университетъ.

«И такихъ жизней много спасъ на своемъ вѣку Иванъ Давыдовичъ Деляновъ и какъ попечитель округа, и какъ министръ народнаго просвѣщенія.

«Оттого назначеніе Делянова министромъ народнаго просвѣщенія было встрѣчено съ огромнымъ сочувствіемъ во всѣхъ слояхъ общества. Либералы одни поморщились, потому что Деляновъ былъ другомъ Каткова, а Катковъ изображалъ собою двойной столпъ: консерватизма и классицизма.

«Но, радуясь назначенію Делянова, никто изъ знавшихъ его не дѣлалъ себѣ иллюзій и не ждалъ отъ него ни крутыхъ и крупныхъ дѣйствій, ни подвиговъ энергіи».

XXXVI.

При назначеніи на постъ министра народнаго просвѣщенія И. Д. Делянову было преподано высочайшее указаніе дѣйствовать въ подвѣдомственной ему области согласно съ духомъ мѣропріятій министерства внутреннихъ дѣлъ, проводимыхъ въ то время графомъ Д. А. Толстымъ. По сему предмету онъ удостоился рескрипта отъ 15-го мая 1882 года, гдѣ, между прочимъ, говорилось: «Призвавъ васъ на тяжелый отвѣтственный постъ министера народнаго просвѣщенія, я не сомнѣваюсь, что многолѣтняя на этомъ поприщѣ

опытность ваша, искреннее ваше усердіе помогутъ мнѣ, въ пользу грядущимъ поколѣніямъ и во славу отечества, окончательно установить дѣло народнаго образованія на прочныхъ основахъ и не только одного расширенія научныхъ средствъ, но еще и яснаго пониманія достигаемыхъ этимъ истинно-человѣческихъ цѣлей: правды, добра и любви къ ближнимъ». Оцѣнивая черезъ шесть лѣтъ службу министра народнаго просвѣщенія и возводя его въ графское достоинство, императоръ Александръ III всемилостивѣйше сказалъ ему въ высочайшемъ на его имя рескриптѣ: «Опытность ваша на учебно-административномъ поприщѣ, ваша справедливость и человѣколюбіе побудили меня съ полнымъ довѣріемъ поручить вамъ важный и отвѣтственный постъ министра народнаго просвѣщенія. Обдуманно и неуклонно устрояемое дѣло университетскаго образованія служитъ предметомъ особыхъ заботъ вашихъ. Вами обращено должное вниманіе на устройство техническихъ и профессіональныхъ училищъ, столь необходимыхъ на пользу нашего отечества. По указаніямъ вашимъ, начальное обученіе въ народныхъ школахъ въ духѣ постояннаго общенія съ церковью направляется къ одной цѣли съ недавно возникшими на благо народа церковно-приходскими школами. Постепенное, но непреклонное направленіе, даваемое подъ руководствомъ вашимъ устройству учебнаго дѣла на одинакихъ началахъ во всей Россіи, упрочиваетъ въ будущемъ господство русскаго языка на всѣхъ окраинахъ нашей имперіи».

Мѣропріятія министерства народнаго просвѣщенія за время его управленія графомъ Деляновымъ въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ сводились къ слѣдующимъ даннымъ [1]).

Въ 1887 году составленъ новый уставъ россійскихъ императорскихъ университетовъ; открытъ университетъ въ Томскѣ; пересмотрѣны (въ 1890 г.) учебные планы классическихъ гимназій, причемъ главныя перемѣны коснулись древнихъ языковъ: на счетъ послѣднихъ расширено преподаваніе русскаго языка; ограниченъ процентъ евреевъ, допускаемыхъ въ высшія и среднія учебныя заведенія; открытъ харьковскій технологическій институтъ; измѣненъ уставъ петербургскаго технологическаго института и утвержденъ уставъ коммерческаго училища въ Харьковѣ; затѣмъ были расширены и организованы: Комиссаровское техническое училище въ Москвѣ, красноуфимское Пермской губерніи реальное училище, приспособленное къ сельско-хозяйственнымъ потребностямъ, иркутское техническое училище; пересмотрѣнъ уставъ реальныхъ училищъ 1888 года; выработано положеніе о среднихъ и низшихъ техническихъ и промышленныхъ училищахъ и образована особая комиссія для дальнѣйшаго направленія дѣла; открыто нѣсколько

---

[1]) Настоящія свѣдѣнія заимствованы изъ нашего некролога гр. И. Д. Делянова, напечатаннаго въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1988 г., № 2.

такихъ училищъ: въ Казани, Екатеринославѣ, Петрозаводскѣ, Златоустѣ, Брянскѣ; въ посадахъ Павловѣ, Клинцахъ и др. Закрытые въ 1886 году высшіе женскіе курсы были вновь открыты въ 1889 г. на измѣненныхъ основаніяхъ; пересмотрѣно положеніе объ учительскихъ семинаріяхъ и, наконецъ, въ видахъ объединенія

Графъ Иванъ Давидовичъ Деляновъ.

окраинъ съ иновѣрнымъ населеніемъ, въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія приняты изъ министерства внутреннихъ дѣлъ до 2.000 сельскихъ школъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Для управленія этими школами образованы дирекціи и нѣсколько инспекцій, и выработаны особыя правила для завѣдыванія этими училищами. Въ прибалтійскихъ же губерніяхъ преобразованы и открыты вновь болѣе двадцати городскихъ училищъ, открыты

русскія прогимназіи въ Полангенѣ, русскія реальныя училища въ Ригѣ и другихъ городахъ; введено обязательное преподаваніе на русскомъ языкѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, пользующихся правами казенныхъ училищъ. Въ томъ же духѣ произведены весьма значительныя преобразованія въ императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ, рижскомъ политехническомъ и многихъ другихъ училищахъ; вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія при графѣ И. Д. Деляновѣ подчинены всѣ школы, существующія при протестантскихъ церквахъ, а также всѣ иновѣрческія школы Юго-Западнаго края; издано новое положеніе о городскихъ училищахъ варшавскаго учебнаго округа; къ вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія присоединены послѣдовательно: кавказскій учебный округъ, кавказскій музей, тифлисская публичная библіотека и физическая обсерваторія и городскія школы Терской области.

Изъ разсмотрѣнія этихъ главныхъ моментовъ жизни министерства народнаго просвѣщенія при покойномъ графѣ Деляновѣ мы убѣждаемся, что наибольшее вниманіе тутъ обращалось на преобразованіе окраинныхъ школъ, на подчиненіе ихъ министерскому надзору, что находилось въ непосредственной связи съ общей программой внутренней политики прошлаго царствованія. Кромѣ того, большинство мѣропріятій по своему характеру носятъ здѣсь ограничительный отпечатокъ, придающій дѣятельности министра какъ бы иное освѣщеніе, нежели оно носило на себѣ въ предыдущіе годы его дѣятельности, какъ попечителя округа. Это объясняется опять-таки всѣми авторами некрологовъ почившаго графа тѣми общими вліяніями, которыя наступили въ нашемъ отечествѣ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда во внутренней политикѣ произошелъ крутой переломъ, и правительство отъ принциповъ «диктатуры сердца» перешло къ усиленію власти и строгому административному режиму. Силою вещей, И. Д. Деляновъ какъ бы былъ унесенъ потокомъ времени отъ тѣхъ основъ, коимъ служилъ до 1880 годовъ, но было бы жестокою несправедливостью утверждать, будто онъ цѣликомъ невозвратно ушелъ отъ стараго къ новому и не дѣлалъ попытокъ примиренія былого съ настоящимъ, нѣтъ, такія попытки именно имъ дѣлались во все время своего министерства, а потому придаютъ этому времени, если въ него всмотрѣться внимательнѣе, въ высшей степени любопытный, оригинальный характеръ. Правильнѣе всего это время было бы назвать періодомъ ликвидаціи наслѣдія, оставленнаго Россіи графомъ Д. А. Толстымъ и его единомышленникомъ, знаменитымъ публицистомъ Страстного бульвара. Ликвидація эта, правда, совершалась чрезвычайно медленно, осторожно, но во всякомъ случаѣ совершалась, и ходъ ея довольно удачно обрисованъ въ статьѣ г. Н. А. «Наши гимназіи и графъ Деляновъ», напечатанной вскорѣ послѣ смерти министра [1]).

[1]) «Новое Время», № 7851.

«Дѣйствующая нынѣ система нашей средней школы, какъ извѣстно, была унаслѣдована графомъ Деляновымъ отъ его предшественника по управленію министерствомъ, графа Толстого,—говоритъ авторъ.—Нужно сознаться, это наслѣдіе было не изъ особенно пріятныхъ, потому что введенная въ 1871 году графомъ Толстымъ система была выкроена изъ чужого матеріала, по готовымъ шаблонамъ, не пришлась намъ впору и потому прививалась туго, какъ нѣчто чуждое и насильно навязанное. Широкообразованный и въ высшей степени гуманный, покойный графъ Деляновъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ кто-либо другой, чувствовалъ несовершенство этой системы, но, признавая вредъ радикальной ломки, такъ сказать, основы народнаго просвѣщенія, онъ избралъ другой путь и въ теченіе всего времени своего управленія министерствомъ (16 лѣтъ) старался постепенно сгладить крайности толстовскаго (вѣрнѣе—«катковскаго») классицизма. Это дѣлалось сначала, такъ сказать, административнымъ путемъ, при посредствѣ циркуляровъ, которыми дѣлались «разъясненія», «дополненія» и, наконецъ, «упрощенія» въ дѣйствующей системѣ, пока, наконецъ, не назрѣла реформа, осуществленная въ 1890 году извѣстною комиссіей изъ спеціалистовъ, профессоровъ и учителей, подъ предсѣдательствомъ князя Волконскаго (тогда товарища министра народнаго просвѣщенія). На обязанность комиссіи возлагалось: 1) Сохраняя нынѣ дѣйствующую систему классическаго образованія, сократить и упростить программы, съ цѣлью облегченія учениковъ при прохожденіи ими курса, безъ ущерба, однако, для основательности образованія, причемъ главное вниманіе должно быть обращено на необходимость исключенія изъ программъ подробностей, составляющихъ излишнее обремененіе для учащихся. 2) Сосредоточить изученіе грамматическаго матеріала языковъ въ низшихъ классахъ (до V включительно) и посвятить большее количество времени на чтеніе древнихъ авторовъ въ старшихъ классахъ (VI, VII и VIII), чтобы ученики гимназій, оканчивая курсъ, могли понимать и толково переводить тѣхъ латинскихъ и греческихъ писателей, произведенія коихъ составляли предметъ занятій въ гимназіи. 3) Облегчить домашнюю подготовку уроковъ. 4) Обсудить вопросъ о совершенномъ устраненіи изъ употребленія тѣхъ учебниковъ, которые, по своей обширности и обилію излишняго для средней школы матеріала, значительно затрудняютъ прохожденіе курса, и о мѣрахъ къ тому, чтобы вызвать появленіе учебныхъ руководствъ, сколь можно болѣе упрощенныхъ и сокращенныхъ, но не въ ущербъ основательности образованія, и при томъ по цѣнѣ своей возможно дешевыхъ. 5) Устроить классныя занятія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ такихъ расчетомъ времени, чтобы ученики могли заниматься гимнастикой и, если возможно, музыкой и рисованіемъ,—и 6) распредѣлить болѣе правильно и равномѣрно занятія по днямъ недѣли, причемъ коснуться вопроса о классныхъ

наставникахъ, а равно и результатовъ, достигнутыхъ институтомъ классныхъ наставниковъ въ періодъ семнадцатилѣтняго существованія его. Въ результатѣ двухлѣтнихъ трудовъ этой комиссіи въ зиму 1888—1889 годовъ явились новые, нынѣ дѣйствующіе планы и программы, въ которыхъ подверглись наибольшему измѣненію именно классическіе языки; былъ сокращенъ въ значительной степени грамматическій матеріалъ и классное время, отводившееся ранѣе на долю древнихъ языковъ. Такимъ образомъ, реформа 1890 года объединила прежнія распоряженія и, казалось, подвинула въ значительной степени разрѣшеніе вопроса о нашей средней общеобразовательной школѣ въ желательномъ направленіи».

Но реформа 1890 года не удовлетворила ни общества, ни самого министерства, которое нѣсколько времени спустя рѣшительно высказалось за необходимость кореннаго «органическаго» преобразованія нашей средней школы. По этому предмету мы читаемъ въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія»[1]), что многіе профессора университетовъ жалуются на неподготовленность студентовъ къ университетскому ученію: «филологи—на неподготовленность ихъ къ филологическимъ студіямъ; естественники—на неподготовленность ихъ къ наблюденіямъ изучаемыхъ явленій, на неумѣніе ихъ ни видѣть, ни слышать, ни обонять; историки—на неподготовленность ихъ къ историческому пониманію; иные—на неумѣнье ихъ излагать свои мысли на родномъ языкѣ, такъ что профессоръ не хуже учителя родного языка принужденъ скучать за исправленіемъ письменныхъ работъ студентовъ по наукамъ; всѣ же вообще—на ученическое отношеніе къ дѣлу, на механическое усвоеніе знаній и равнодушіе къ интересамъ науки... Явно, что между гимназіей и университетомъ существуетъ теперь какъ бы нѣкоторая пропасть, которая замѣтно все болѣе и болѣе увеличивается».

Чтобы сгладить эту рѣзкую аномалію въ соотношеніяхъ нашихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, были министерствомъ въ послѣднее время выработаны новыя программы, гдѣ сдѣланы существенныя измѣненія сравнительно съ программами 1890 года. «Такъ, по древнимъ языкамъ главнѣйшею задачею поставлено чтеніе авторовъ и переводъ ихъ на толковый русскій языкъ; грамматикѣ же отведено второстепенное мѣсто, и она будетъ впредь проходиться въ размѣрѣ, какой безусловно необходимъ для вышеуказанной основной задачи изученія древнихъ языковъ. Наиболѣе же симпатичною стороною перемѣнъ въ методахъ и способахъ преподаванія этихъ предметовъ слѣдуетъ признать совершенное устраненіе такъ называемыхъ экстемпоралій, имѣвшихъ не дидактическій, а экзаменаціонный характеръ. Взамѣнъ экстемпоралій вво-

[1]) 1895 года, № 5.

дятся письменныя упражненія въ классѣ, выполняемыя при помощи пособій (словарей и текста съ толкованіями) и при дѣятельномъ участіи въ работѣ самого преподавателя.

«По русскому языку и словесности, кромѣ сокращенія (особенно въ области древней словесности), дано новое распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ, болѣе соотвѣтствующее раціональной постановкѣ изученія этого предмета, и обращено особенное вниманіе на письменныя работы. Что же касается до церковно-славянскаго языка, то изученіе этого предмета поставлено въ надлежащія рамки, потребность въ которыхъ давно чувствовалась въ виду отсутствія удовлетворительныхъ учебниковъ по этому предмету и увлеченія филологическими подробностями нѣкоторыхъ, особенно молодыхъ преподавателей. Обращено, наконецъ, вниманіе на возобновленіе литературныхъ бесѣдъ, которыя, помимо своего общеобразовательнаго значенія, много способствуютъ знакомству съ избранными произведеніями классической литературы.

«По географіи и исторіи признано возможнымъ сдѣлать тоже весьма существенныя сокращенія, для избѣжанія обремененія памяти учениковъ совершенно излишними подробностями, а также сдѣланы значительныя измѣненія и въ постановкѣ изученія этихъ предметовъ.

«По математикѣ и физикѣ сдѣланы существенныя измѣненія, особенно въ теоретической сторонѣ предмета, предложеніемъ нѣкоторыхъ упрощенныхъ выводовъ. Наиболѣе же симпатичнымъ является рекомендація преподавателямъ разучивать предметъ въ классѣ, особенно въ младшемъ возрастѣ.

«Одновременно съ введеніемъ новыхъ программъ въ петербургскомъ учебномъ округѣ, министерство народнаго просвѣщенія образовало особую комиссію для разсмотрѣнія этихъ программъ, въ видахъ введенія ихъ въ остальныхъ округахъ имперіи. Названная комиссія успѣла до рождественскихъ каникулъ разсмотрѣть только программы по русскому языку, исторіи и математикѣ».

Такимъ образомъ, если сопоставить первоначальное состояніе нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, относящееся къ началу семидесятыхъ годовъ, съ тѣмъ же состояніемъ, въ коемъ мы находимъ ихъ ко дню смерти графа Делянова, мы увидимъ, что въ классической системѣ графа Толстого сдѣлано уже немало существенныхъ измѣненій, въ значительной степени придающихъ среднимъ учебныхъ заведеніямъ уже иной характеръ, нежели тотъ, который желалъ видѣть создатель знаменитой системы.

То же самое можно сказать и про университетскій уставъ 1884 г., который былъ введенъ въ началѣ министерства графа Делянова и который имъ же съ теченіемъ времени былъ понемногу реформированъ. «При вступленіи его въ министерство сохранили свое положеніе ближайшіе сотрудники графа Толстого,—читаемъ мы

по этому предмету въ офиціальномъ некрологѣ министерскаго журнала.—Тѣмъ не менѣе онъ не безъ колебанія рѣшился на внесеніе проекта въ государственный совѣтъ; московскому другу [1]) пришлось печатно дѣлать строгія напоминанія о послѣдовательности и соединенныхъ съ нею обязательствахъ. Когда реформа прошла, то уже на первыхъ порахъ она была проводима не съ тою суровостью и непреклонностью, какъ сначала предполагалось, затѣмъ послѣдовали измѣненія, устраняющія то, что въ ней было наиболѣе тягостнаго. Здѣсь сказался личный характеръ министра, примирительный и смягчающій. Государственные экзамены сближены съ университетскимъ преподаваніемъ и связаны непосредственно съ окончаніемъ четырехлѣтняго курса, не требуя еще новой затраты времени и обыкновенно скудныхъ матеріальныхъ средствъ у нашей учащейся молодежи. Теперь поставленъ на очередь вопросъ о гонорарѣ, имѣющій весьма существенное значеніе и касающійся самыхъ основъ реформы».

Постепенное смягченіе классической системы и возвращеніе университетамъ ихъ прежняго значенія, съ одной стороны, и съ другой—насажденіе въ нашемъ отечествѣ преимущественно разсадниковъ опытнаго знанія, вотъ тотъ ликвидаціонный ходъ наслѣдія графа Д. А. Толстого, руководить которымъ выпало на долю графу Делянову. Полной ликвидаціи и созданія на опустѣломъ мѣстѣ чего-нибудь новаго, живого, согласнаго съ духомъ времени и громкими запросами общества И. Д. Делянову не суждено было увидать, какъ равно мы не видимъ полнаго упорядоченія нашего школьнаго дѣла и о сю пору, какъ въ высшихъ, такъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

XXXVII.

Изъ всѣхъ заботъ и мѣропріятій по учебному дѣлу въ ту эпоху особеннымъ вниманіемъ министерства и его главы пользовался вопросъ о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ въ теченіе всѣхъ восьмидесятыхъ годовъ шли непрерывные безпорядки, имѣвшіе подъ собою, какъ на то указывалось неоднократно въ нашихъ очеркахъ, политическую подкладку. Объ этихъ безпорядкахъ мы въ свое время еще будемъ говорить въ связи съ революціонными теченіями того времени, какъ равно у насъ будетъ описано участіе здѣшняго студенчества въ дѣлѣ 1-го марта 1887 года, котораго я уже касался въ своей статьѣ: «Въ тюремномъ заключеніи» [2]).

Безпорядки эти въ 1881 году связывались съ цареубійствомъ на Екатерининскомъ каналѣ, и въ результатѣ ихъ, однако, ока-

[1]) То-есть Каткову.

[2]) «Историческій Вѣстникъ», 1906 г. іюнь.

залось не столь много пострадавшихъ, какъ того можно было ожидать. Осенью 1882 года эти безпорядки возобновились, охватили собой не только университеты, но и спеціальныя высшія учебныя заведенія и особенно шумно проявились въ петербургскомъ Лѣсномъ институтѣ. Тогда, по всеподданнѣйшему докладу министра государственныхъ имуществъ М. Н. Островскаго, послѣдовало высочайшее повелѣніе: «вопросъ о томъ, какія общія мѣры могутъ быть приняты къ устраненію на будущее время подобныхъ прискорбныхъ явленій въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, разсмотрѣть въ совѣщаніи г.г. министровъ народнаго просвѣщенія, военнаго, внутреннихъ дѣлъ, путей сообщенія и государственныхъ имуществъ, а также управляющаго морскимъ министерствомъ и оберъ-прокурора святѣйшаго синода». На этомъ совѣщаніи К. П. Побѣдоносцевымъ было предложено [1]) отдавать въ дисциплинарные батальоны и роты тѣхъ изъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, которые за свое дерзкое поведеніе и грубое неповиновеніе начальству не только заслуживаютъ исключенія, но и требуютъ особыхъ мѣръ для ихъ исправленія. Предложеніе это было сдѣлано уже послѣ того, какъ первоначальная мысль, на которой останавливалось совѣщаніе, именно о принудительномъ привлеченіи къ отбыванію воинской повинности, съ лишеніемъ всѣхъ льготъ по оной, молодыхъ людей, уволенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за безпорядки, встрѣтила сильнѣйшія возраженія со стороны представителей военнаго и морского вѣдомствъ—генералъ-адъютантовъ П. С. Ванновскаго и И. А. Шестакова. Совѣщаніе гг. министровъ постановило поручить особой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ товарища министра народнаго просвѣщенія, изъ представителей отъ министерства народнаго просвѣщенія, государственныхъ имуществъ, военнаго и внутреннихъ дѣлъ подробно разсмотрѣть и окончательно разработать вышеозначенную мѣру. Комиссія эта, состоявшая подъ предсѣдательствомъ князя М. С. Волконскаго, изъ тайныхъ совѣтниковъ В. И. Вешнякова и А. И. Георгіевскаго, генеральнаго штаба генералъ-майора Н. И. Петрова и дѣйствительнаго статскаго совѣтника В. К. Плеве, въ засѣданіяхъ 27-го ноября, 1-го, 3-го, 7-го и 15-го декабря 1882 года, подвергла обстоятельному разсмотрѣнію вопросъ объ отдачѣ уволенныхъ изъ учебныхъ заведеній за безпорядки въ дисциплинарные батальоны, нашла эту мысль непримѣнимою, особенно же къ массѣ участниковъ въ студенческихъ безпорядкахъ, выяснила, благодаря особенно заявленіямъ В. К. Плеве, весь вредъ, причиняемый студенческими безпорядками и ихъ послѣдствіемъ—исключеніемъ

[1]) «Матеріалы по исторіи студенческаго движенія въ Россіи». Выпускъ I. Матеріалы эти извлечены изъ книги А. И. Георгіевскаго: «Краткій очеркъ правительственныхъ мѣръ и предначертаній противъ студенческихъ безпорядковъ».

виновныхъ изъ учебныхъ заведеній, и подвергла подробному разсмотрѣнію мысль о привлеченіи исключаемыхъ за безпорядки студентовъ тотчасъ же къ исполненію воинской повинности, съ лишеніемъ льготъ, которыя вообще установлены уставомъ объ оной.

Но, отклонивъ мысль объ отдачѣ уволенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за безпорядки въ дисциплинарные батальоны, комиссія испросила себѣ разрѣшеніе разсмотрѣть вопросъ о привлеченіи означенныхъ лицъ въ ряды войскъ для отбыванія общей для всѣхъ гражданъ воинской повинности, но безъ вынутія жребія, хотя и на положеніи жеребьевыхъ. Мысль эта возникла въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, какъ свидѣтельствуютъ указанные «Матеріалы по исторіи студенческаго движенія въ Россіи», еще въ 1879 году при обсужденіи вопроса объ устройствѣ университетской инспекціи на предположенныхъ въ то время основаніяхъ. Она была заявлена тайнымъ совѣтникомъ Георгіевскимъ тѣмъ изъ генералъ-губернаторовъ, которые командовали и войсками соотвѣтственныхъ военныхъ округовъ, и нѣкоторые изъ нихъ не были противъ осуществленія этой мѣры, особенно въ мѣстахъ казарменнаго расположенія войскъ. Затѣмъ въ 1880 г. главнымъ начальникомъ верховной распорядительной комиссіи графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ былъ возбужденъ довольно близко соприкасающійся съ этою мѣрою вопросъ объ образованіи изъ лицъ, подлежащихъ, вслѣдствіе своей политической неблагонадежности, надзору полиціи, особыхъ военныхъ командъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ имперіи; но военное министерство признало неудобнымъ учреждать команды изъ нижнихъ чиновъ, завѣдомо неблагонадежныхъ, такъ какъ подобныя команды не могутъ быть полезны ни для какого рода военной службы, не говоря уже о томъ, что собранныя въ такія команды лица, оставаясь постоянно въ обществѣ людей одинаковаго превратнаго образа мыслей, могутъ не только поддерживать, хотя и въ тайнѣ, эти убѣжденія, но и измышлять систематическія правила для преступнаго осуществленія ихъ убѣжденій по окончаніи службы. Въ концѣ 1880 г., именно 24-го декабря, состоялось высочайшее повелѣніе, установившее слѣдующія временныя правила о порядкѣ отбыванія воинской повинности лицами, высланными за участіе въ революціонной пропагандѣ административнымъ порядкомъ подъ надзоръ полиціи: 1) лица эти не принимаются на службу ни въ сухопутныя войска, ни во флотъ на правахъ вольноопредѣляющихся, но привлекаются къ исполненію воинской повинности исключительно жеребьевымъ порядкомъ; 2) тѣ изъ означенныхъ лицъ, которыя, по доставшемуся имъ нумеру жребія, будутъ подлежать поступленію на службу, зачисляются въ части войскъ отдаленныхъ округовъ, при чемъ наиболѣе упорные изъ пропагандистовъ назначаются въ

войска, расположенныя въ Туркестанскомъ краѣ; 3) за ними вообще устанавливается особо бдительный надзоръ со стороны военнаго начальства, и 4) начальники частей, при увольненіи въ запасъ означенныхъ лицъ, сообщаютъ о томъ мѣстному губернатору, вмѣстѣ со свѣдѣніями о ихъ поведеніи во время состоянія на службѣ. Губернаторъ со своей стороны входитъ въ сношеніе съ гражданскимъ начальствомъ тѣхъ мѣстностей, куда отправляются такія лица, для установленія надъ ними негласнаго наблюденія въ теченіе одного года, не стѣсняя ихъ, однако, ни въ свободѣ передвиженія, ни въ способахъ пріисканія занятій и средствъ къ жизни.

Высочайшее повелѣніе это не было обнародовано во всеобщее свѣдѣніе и повлекло за собою лишь секретныя распоряженія. Высочайше назначенная 25-го мая 1881 г. комиссія подъ предсѣдательствомъ графа И. Д. Делянова, со своей стороны, «признавая, что высшую, во многихъ случаяхъ неизбѣжную и единственную мѣру наказанія, зависящую отъ власти учебнаго начальства, составляетъ удаленіе виновныхъ изъ учебнаго заведенія, обратила вниманіе на опасность и вредъ празднаго блужданія удаленныхъ и высказала желаніе, чтобы приняты были мѣры для своевременнаго и даже ускореннаго отбыванія таковыми лежащей на нихъ воинской повинности, касательно же лишенія наиболѣе виновныхъ такихъ льготъ, которыя имъ предоставлены, и сосредоточенія таковыхъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ государства предполагала войти въ дальнѣйшее обсужденіе; но въ виду заявленія одного изъ своихъ членовъ, что вопросъ этотъ уже обсуждается въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, комиссія воздержалась отъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія. И дѣйствительно, 19-го сентября 1881 г. министерство внутреннихъ дѣлъ сдѣлало на этомъ пути дальнѣйшій шагъ, войдя, съ высочайшаго разрѣшенія, въ сношеніе съ военнымъ министерствомъ объ отбываніи поднадзорными воинской повинности на правахъ вынувшихъ жребій, съ лишеніемъ ихъ льготъ по образованію и семейному положенію. Проводя то начало, что высланный за политическую неблагонадежность тѣмъ самымъ лишается нѣкоторыхъ правъ, министерство внутреннихъ дѣлъ полагало вполнѣ соотвѣтственнымъ измѣнить, по отношенію къ административно-ссыльнымъ, общеустановленную форму отбытія воинской повинности въ томъ смыслѣ, что всякое лицо, подвергнутое за политическую неблагонадежность полицейскому надзору и подлежащее отбытію воинской повинности, перестаетъ пользоваться льготами, указанными въ уставѣ по воинской повинности, по семейному положенію, а также по образованію, и обязательно зачисляется, на правахъ вынувшихъ жребій, въ опредѣленныя военнымъ начальствомъ части войскъ или же въ особыя военныя команды въ отдаленныхъ мѣстностяхъ. Со введеніемъ такой мѣры, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, правительство имѣло

бы возможность, съ одной стороны, сократить въ значительной степени весьма обременительную для него административную ссылку, а съ другой—сдѣлать военную службу для упомянутыхъ лицъ наилучшимъ средствомъ исправленія.

Военное министерство не нашло возможнымъ согласиться съ такимъ предположеніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ виду того, что «лишеніе поднадзорныхъ, отбывающихъ воинскую повинность, дарованныхъ закономъ правъ на льготы по образованію и семейному положенію, имѣя характеръ карательной мѣры, обратитъ тѣмъ самымъ военную службу въ наказаніе. Въ такомъ видѣ предполагаемая мѣра должна поколебать законъ о воинской повинности въ самомъ существенномъ основаніи его, ибо эта повинность не есть наказаніе, а священная обязанность каждаго русскаго подданнаго (ст. 1 уст. о воинск. пов.) и притомъ такая обязанность, къ исполненію которой не допускаются порочные люди, лишенные правъ состоянія или особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію присвоенныхъ (№ 16 уст. о воинск. пов.). Сверхъ того означенная карательная мѣра была бы въ противорѣчіи со ст. 2115 ч. кн. 1 св. воен. пост., на основаніи которой состоящіе на службѣ въ военномъ вѣдомствѣ сохраняютъ права состоянія и присвоенныя имъ преимущества по образованію и учеными степенями пріобрѣтенныя. Кромѣ того, военное министерство указало на то, что по ст. 36 правилъ, приложенныхъ къ указу правительствующему сенату отъ 4-го сентября 1881 г., административная ссылка назначается на время отъ одного года до пяти лѣтъ, по уставу же о воинской повинности срокъ службы въ войскахъ, расположенныхъ въ Европейской Россіи, опредѣленъ въ 6 лѣтъ, а въ дальнихъ областяхъ въ 7 лѣтъ, а потому, при отбываніи воинской повинности высланными административнымъ порядкомъ безъ права на сокращенные сроки, всѣ они, оставаясь одинаковые сроки въ рядахъ войскъ, подверглись бы такимъ образомъ одинаковому наказанію, несмотря на различіе своей виновности. Отклоняя затѣмъ вопросъ объ образованіи особыхъ военныхъ командъ изъ лицъ, политически неблагонадежныхъ, по соображеніямъ, которыя были приведены выше, генералъ-адъютантъ Ванновскій высказалъ, что если, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, военная служба для означенныхъ лицъ признается средствомъ исправленія, то было бы послѣдовательнѣе сформировать изъ нихъ не обыкновенныя воинскія команды, а дисциплинарныя или, по крайней мѣрѣ, одинаково съ дисциплинарными организованныя команды, съ особымъ наблюдательнымъ составомъ изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, что, кромѣ увеличенія военныхъ расходовъ, не можетъ представить какихъ-либо особыхъ затрудненій. Впрочемъ, приводя доводы противъ образованія изъ политически неблагонадежныхъ лицъ

особыхъ командъ (обыкновенныхъ), военное министерство высказывало ту мысль, что «лица, политически неблагонадежныя, при распредѣленіи ихъ по различнымъ частямъ войскъ, подъ строгимъ надзоромъ и подъ вліяніемъ войсковой среды, скорѣе могутъ измѣнить свои неразумныя убѣжденія», нежели будучи собраны въ отдѣльныя, только изъ нихъ однихъ составленныя команды. Какъ бы то ни было, однакоже бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютантъ графъ Игнатьевъ въ письмѣ своемъ къ военному министру отъ 25-го октября 1881 г. высказался въ томъ смыслѣ, что, «будучи поставленъ въ необходимость не настаивать на своемъ предположеніи объ обращеніи въ ряды войскъ лицъ поднадзорныхъ, въ видѣ карательной для нихъ мѣры», онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, находилъ полезнымъ осуществленіе предположенія относительно зачисленія подвергнутыхъ полицейскому надзору лицъ, поступившихъ уже въ военную службу на общемъ основаніи, въ особыя дисциплинарныя команды, сформированныя въ отдаленныхъ мѣстностяхъ имперіи съ тѣмъ, чтобы мѣра эта была примѣнена также ко всѣмъ, состоящимъ подъ надзоромъ полиціи за политическую неблагонадежность лицамъ, которыя впредь будутъ поступать въ войска. Эту же мѣру, въ письмѣ своемъ къ военному министру отъ 4-го декабря 1881 г., графъ Игнатьевъ считалъ полезнымъ распространить и на увольняемыхъ за безпорядки изъ высшихъ учебныхъ заведеній. «Характеръ безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ,—писалъ графъ Игнатьевъ,—нерѣдко бываетъ таковъ, что эти безпорядки являются результатомъ дѣятельности тѣхъ злоумышленниковъ, которые стремятся къ ниспроверженію существующаго государственнаго порядка и находятъ между воспитанниками учебныхъ заведеній лицъ, имъ не только сочувствующихъ, но и начинающихъ проявлять свое сочувствіе въ формѣ подстрекательствъ къ различнымъ волненіямъ среди своихъ сотоварищей, причемъ волненія эти служатъ для многихъ первымъ шагомъ на пути къ дѣятельности, направленной прямо къ колебанію существующаго порядка. Посему къ воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній, замѣшаннымъ въ подобныя волненія, вполнѣ примѣнима мѣра, соотвѣтствующая вышеприведенной, а именно для молодыхъ людей, уволенныхъ изъ учебныхъ заведеній за участіе въ безпорядкахъ или признанныхъ въ университетахъ университетскимъ судомъ въ сихъ безпорядкахъ виновными въ качествѣ зачинщиковъ или подстрекателей, данныя имъ для окончанія образованія отсрочки немедленно прекращаются, и они немедленно, не ожидая общаго срока, призываются въ войска. Мѣра сія для осуществленія своего требуетъ лишь, чтобы военное министерство для подобныхъ молодыхъ людей назначало особыя части, образованныя по типу, указанному въ отношеніи военнаго министра отъ 6-го октября 1881 г. за № 419, и отданныя подъ управле-

ніе особо надежныхъ начальниковъ, способныхъ къ тому особому надзору, который необходимъ для командованія частями, пополняемыми вышеозначеннымъ порядкомъ». Наконецъ, министромъ народнаго просвѣщенія 14-го мая 1882 г. были утверждены правила, въ силу коихъ: 1) воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, арестованные по какому-либо политическому дѣлу и затѣмъ освобожденные безъ всякихъ послѣдствій съ выдачею о томъ удостовѣренія подлежащей властью, безпрепятственно допускаются къ продолженію курса ученія; 2) признанные участвовавшими въ тайныхъ сообществахъ, но по легкомыслію, безъ обдуманнаго намѣренія, могутъ быть, по усмотрѣнію начальства высшаго учебнаго заведенія, уволены изъ заведенія на одинъ, на два или на три года, съ правомъ или безъ права тотчасъ же вступить въ другое учебное заведеніе, и, наконецъ, 3) изобличенные въ злонамѣренномъ участіи въ тайномъ противоправительственномъ сообществѣ или въ политической противоправительственной агитаціи, и при томъ или преданные въ обычномъ порядкѣ суду и признанные въ какомъ-либо государственномъ преступленіи виновными, или за преступленія того же свойства подвергнутые взысканію въ административномъ порядкѣ, т.-е. по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, удостоенному высочайшаго утвержденія, или понесшіе за доказанную политическую ихъ неблагонадежность взысканіе въ порядкѣ закона о государственной охранѣ, подвергаются со стороны учебнаго начальства исключенію навсегда изъ учебнаго заведенія, съ лишеніемъ права поступать въ какія бы то ни было учебныя заведенія, но могутъ быть вновь приняты въ то же или въ другое высшее учебное заведеніе, равно какъ и лица вышеозначенной второй категоріи, по сношенію подлежащаго министра съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и по испрошеніи на то высочайшаго соизволенія и при соблюденіи еще двухъ слѣдующихъ условій: а) если исключенный изъ заведенія въ теченіе не менѣе двухъ лѣтъ послѣ окончательнаго освобожденія отъ наложеннаго на него подлежащею властью взысканія и притомъ непремѣнно послѣ отбытія воинской повинности докажетъ, что онъ вполнѣ раскаялся и порвалъ всякія связи съ сообщниками, и б) если кто-либо изъ преподавателей или чиновъ инспекціи приметъ его подъ ближайшій свой надзоръ и руководство. Отбытіе воинской повинности во всѣхъ подобныхъ случаяхъ признавалось какъ бы средствомъ къ исправленію и какъ бы ручательствомъ, что исправленіе дѣйствительно достигнуто; такую силу и значеніе придаютъ вообще правительственныя лица, болѣе, впрочемъ, гражданскаго, чѣмъ военнаго вѣдомства, военной дисциплинѣ и военной средѣ, какъ бы способнымъ отрезвить и охладить самыя разгоряченныя головы. Лица же военнаго вѣдомства, скорѣе, напротивъ, опасаются, какъ бы отъ вліянія этихъ сравнительно

весьма немногочисленныхъ горячихъ головъ не пострадало нравственное здоровье самой этой среды. Такъ, между прочимъ, и въ комиссіи конца 1882 г. при министерствѣ народнаго просвѣщенія представитель военнаго министерства генералъ-майоръ Н. И. Петровъ высказывался все время самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ принудительнаго привлеченія въ армію студентовъ, уволенныхъ за участіе въ безпорядкахъ, и, по приказанію г. военнаго министра, отказался отъ участія въ обсужденіи подробностей этой мѣры и отъ подписанія относящагося къ сему журнала, но изъявилъ готовность быть въ самомъ засѣданіи и давать объясненія комиссіи по вопросамъ, касающимся военнаго вѣдомства.

XXXVIII.

Убѣждаясь доводами комиссіи, особое совѣщаніе гг. министровъ съ участіемъ въ этотъ разъ министра юстиціи, въ засѣданіи своемъ 18-го марта 1883 г., отказалось отъ первоначальной своей мысли отдавать въ дисциплинарные батальоны и роты всѣхъ исключенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за дерзкое поведеніе и грубое неповиновеніе начальству и рѣшилось предложить эту мѣру лишь для случаевъ исключительныхъ, когда проступокъ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ и требуетъ примѣрнаго наказанія, распространивъ ту же мѣру взысканія и въ тѣхъ же исключительныхъ случаяхъ и па воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, если они не моложе 18-ти лѣтъ. По отношенію же къ массѣ молодыхъ людей, увольняемыхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за безпорядки, управляющій морскимъ министерствомъ предложилъ, а военный министръ генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій, съ своей стороны, одобрилъ нижеслѣдующую мѣру: «Воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, исключаемые изъ оныхъ за дерзкое поведеніе, за грубое неповиновеніе начальству, за подготовленіе безпорядковъ или производство ихъ скопомъ въ стѣнахъ заведеній и внѣ оныхъ, если при этомъ они не изобличаются въ участіи въ противозаконныхъ тайныхъ сообществахъ или въ политической противоправительственной агитаціи, лишаются всѣхъ пріобрѣтенныхъ уже ими льготъ по образованію и хотя бы даже они вынули по жеребью освобождающій отъ повинности нумеръ, обращаются къ вынутію жеребья, при чемъ въ случаѣ поступленія на службу обязаны прослужить шесть лѣтъ; по военному начальству предоставляется ходатайствовать, въ случаѣ одобрительнаго поведенія, о сокращеніи этого срока». Хотя нѣкоторые члены совѣщанія оставались неизмѣнно при томъ убѣжденіи, которое было высказано ими еще 20-го ноября 1882 г., что обязательное «привлеченіе участниковъ въ безпорядкахъ къ

отбыванію воинской повинности безъ вынутія жеребья болѣе всего могло бы воздерживать и постороннихъ агитаторовъ, и болѣе испорченныхъ изъ студентовъ отъ организаціи безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а всѣхъ другихъ студентовъ отъ участія въ оныхъ, въ случаѣ же принятія въ нихъ участія и затѣмъ исключенія изъ учебнаго заведенія могло бы наиболѣе содѣйствовать ихъ отрезвленію и огражденію отъ окончательнаго вовлеченія въ ряды крамольниковъ», и большинство совѣщанія было того же мнѣнія, тѣмъ не менѣе, «желая по возможности достигнуть соглашенія съ военнымъ министромъ и съ управляющимъ морскимъ министерствомъ, совѣщаніе рѣшилось воспользоваться для настоящаго времени, впредь до указанія дальнѣйшаго опыта, предложенною генералъ-адъютантами Ванновскимъ и Шестаковымъ мѣрою. Особое совѣщаніе не отрицало возможности, что опасеніе подвергнуться лишенію льготъ по образованію и по семейному положенію, а въ случаѣ особенно дерзкихъ поступковъ и быть отдану въ дисциплинарные батальоны, до нѣкоторой степени въ состояніи будетъ образумить учащуюся молодежь и воздержать ее отъ безпорядковъ скопомъ или заговоромъ. Но при этомъ совѣщаніе не скрывало отъ себя многихъ неудобствъ этой полумѣры, а именно, что по жеребью поступаютъ въ армію не болѣе $^1/_4$ всѣхъ вынимающихъ оный, что обстоятельство это, извѣстное и всѣмъ учащимся, значительно будетъ ослаблять дѣйствіе на нихъ этой мѣры, что положеніе трехъ четвертей всѣхъ привлеченныхъ къ жеребью и оставшихся свободными отъ поступленія въ армію будетъ представлять всѣ тѣ же неудобства и опасности, какъ и нынѣшнее положеніе исключенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, что жребій можетъ поблагопріятствовать наиболѣе участвовавшимъ въ организаціи и производствѣ безпорядковъ и, напротивъ, оказаться неблагопріятнымъ для лицъ, наименѣе виновныхъ. Тѣмъ не-менѣе и эта мѣра въ видѣ опыта могла бы быть испробована».

Совѣщаніе затѣмъ опредѣлило, что отдача въ дисциплинарные батальоны или роты можетъ состояться лишь по рѣшенію особаго совѣщанія, состоящаго при департаментѣ полиціи изъ представителей отъ министровъ юстиціи, военнаго, внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и того вѣдомства, къ которому принадлежитъ исключаемый (п. 1-й), при чемъ постановленіе сего совѣщанія подлежитъ утвержденію министра внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ тѣмъ изъ министровъ, въ вѣдѣніи коего находится учебное заведеніе, къ коему принадлежитъ исключаемый (п. 6-й); что порядокъ содержанія исключенныхъ молодыхъ людей въ этихъ батальонахъ опредѣляется особыми правилами, которыя устанавливаются военнымъ министромъ примѣнительно къ общему положенію о дисциплинарныхъ батальонахъ (п. 2-й); что дѣла по разсмотрѣнію проступковъ, подвергающихъ воспитанниковъ исклю-

ченію изъ учебныхъ заведеній, съ обращеніемъ ихъ въ дисциплинарные батальоны и роты или къ отбыванію воинской повинности съ лишеніемъ всѣхъ льготъ, разсматриваются порядкомъ, указаннымъ комиссіей князя Волконскаго въ п. 6-мъ ея положеній, и что мѣры эти распространяются и на всѣхъ нынѣ состоящихъ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (п. 4-й). На журналѣ особаго по сему предмету совѣщанія гг. министровъ государю императору благоугодно было собственноручно написать (въ Москвѣ, 27-го мая 1883 г.): «Я согласенъ на эти мѣры въ видѣ опыта, но полагаю, что онѣ будутъ недостаточны и не принесутъ той пользы, которую ожидаютъ», и возвратить оный министру государственныхъ имуществъ. При этомъ, въ виду выраженнаго статсъ-секретаремъ Островскимъ сомнѣнія, чтобы комитетъ министровъ рѣшился принять предлагамыя особымъ совѣщаніемъ мѣры, когда онѣ самимъ государемъ императоромъ признаются недостаточными, а также и вслѣдствіе заявленія, что и большинство совѣщанія рѣшилось принять мѣры, предложенныя военнымъ министромъ и управляющимъ морскимъ министерствомъ лишь во избѣжаніе разногласія съ ними, а не по убѣжденію въ ихъ достаточности и практичности, его императорское величество всемилостивѣйше разрѣшилъ особому совѣщанію подвергнуть вновь эти вопросы обсужденію, не стѣсняясь положенною на журналѣ высочайшею резолюціей, и объ окончательномъ заключеніи совѣщанія представить на высочайшее усмотрѣніе.

20-го іюня 1883 г. состоялось третье совѣщаніе гг. министровъ, которое, за исключеніемъ лишь военнаго министра и управляющаго морскимъ министерствомъ, взамѣнъ сдѣланнаго имъ 18-го марта предложенія, постановило, что «воспитанники высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній за нанесеніе оскорбленія начальству дѣйствіемъ подвергаются отдачѣ въ дисциплинарные батальоны и роты» (п. 1-й); «воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, исключаемые изъ оныхъ за грубое неповиновеніе начальству и за производство безпорядковъ скопомъ въ стѣнахъ заведеній и внѣ оныхъ, если притомъ они не изобличаются въ принадлежности къ противозаконнымъ тайнымъ сообществамъ, лишаются всѣхъ пріобрѣтенныхъ уже ими льготъ по образованію, а равно и принадлежащихъ имъ по семейному положенію, и хотя бы даже они вынули уже по жеребью освобождающій отъ повинности нумеръ, обращаются принудительно, вслѣдъ за исключеніемъ, къ отправленію воинской повинности, безъ вынутія жеребья, и на положеніи жеребьевыхъ правилъ они обязаны прослужить въ военной службѣ шесть лѣтъ; но военному начальству предоставляется ходатайствовать въ случаѣ одобрительнаго ихъ поведенія о сокращеніи имъ этого срока» (п. 2-й). «О принужденныхъ къ обязательному отбыванію воинской повинности, безъ жеребья, съ лишеніемъ пріобрѣтен-

ныхъ уже льготъ по образованію и по семейному положенію, сообщаются подробные списки подлежащимъ министромъ военному министру съ обозначеніемъ именъ, отчествъ, фамилій и проступковъ каждаго лица, дабы военное начальство могло установить должное наблюденіе за поведеніемъ таковыхъ молодыхъ людей въ арміи». Прочіе пункты были сохранены въ прежней ихъ редакціи. По прочтеніи журнала совѣщанія по сему предмету и приложеннаго къ нему особаго мнѣнія генералъ-адъютантовъ Ванновскаго и Шестакова, его императорское величество 30-го января 1884 г. высочайше повелѣть соизволилъ разсмотрѣть это дѣло въ комитетѣ г.г. министровъ съ приглашеніемъ въ это засѣданіе великихъ князей Владимира Александровича, Алексѣя Александровича и Николая Николаевича Старшаго. Засѣданіе по сему дѣлу состоялось въ февралѣ 1884 г. 14 особъ (ихъ императорскія высочества великіе князья Владимиръ Александровичъ, Алексѣй Александровичъ, Николай Николаевичъ Старшій и Михаилъ Николаевичъ, генералъ-адъютантъ Барановъ, статсъ-секретари: баронъ Николаи, Сольскій и Гротъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Стояновскій, генералъ-адъютантъ Ванновскій, дѣйствительный тайный совѣтникъ Фришъ, генералъ-адъютантъ Шестаковъ и тайные совѣтники Бунге и Влангали) высказались противъ предложенной большинствомъ совѣщанія мѣры, а предсѣдатель комитета министровъ графъ Н. Хр. Рейтернъ и пять членовъ (дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Толстой, статсъ-секретари: Деляновъ, Островскій и Набоковъ и генералъ-адъютантъ Посьетъ) за оную.

Когда журналъ засѣданія комитета министровъ по настоящему предмету былъ представленъ государю императору, на немъ послѣдовала 20-го февраля 1884 г. собственноручная его императорскаго величества резолюція: «*Не раздѣляя опасеній и мнѣній четырнадцати особъ, полагаю отложить окончательное рѣшеніе этого дѣла до утвержденія новаго университетскаго устава*».

Этотъ уставъ былъ высочайше утвержденъ 23-го августа 1884 года, но дѣло о лишеніи виновныхъ въ студенческихъ безпорядкахъ льготъ по воинской повинности болѣе не возобновлялось.

Новый университетскій уставъ, какъ равно и нѣкоторыя дополненія къ нему, послѣдовавшія въ 1887 году, являлся для первой половины восьмидесятыхъ годовъ своего рода боевымъ вопросомъ въ нашей литературѣ, усматривавшей въ немъ посягательство на тѣ общественныя свободы, которыя были завоеваны въ «эпоху великихъ реформъ». Когда новый университетскій уставъ былъ высочайше утвержденъ, гдѣ былой автономіи университета наносился опредѣленный ударъ, главный лидеръ этого устава въ нашей литературѣ М. Н. Катковъ усматривалъ въ этомъ громкую и славную побѣду правительства надъ обществомъ и либеральной бюрократіей. Привѣтствуя начинанія правительства въ этомъ направленіи,

онъ бросилъ свою крылатую фразу: «Итакъ, господа, встаньте, правительство идетъ, правительство возвращается!.. Не вѣрите?» Онъ считалъ новый университетскій уставъ первою органическою мѣрою новаго царствованія по проявленію въ странѣ началъ сильной и твердой власти, причемъ рекомендовалъ продолжать слѣдовать тѣмъ же путемъ въ мѣропріятіяхъ по отношенію земства и судебныхъ учрежденій.

Университетскія преобразованія, осуществленныя графомъ И. Д. Деляновымъ, согласно идейной программѣ графа Д. А. Толстого и К. П. Побѣдоносцева, были дѣйствительно тѣмъ рубежомъ, за которымъ послѣдовали реформы земская и судебная, и, такимъ образомъ, ему, былому либералу шестидесятыхъ годовъ, пришлось первому изъ министровъ вести борьбу противъ тѣхъ началъ русской жизни, которымъ двадцать лѣтъ назадъ онъ такъ горячо сочувствовалъ. Но эти преобразованія не достигли своей прямой политической и культурной задачи, подъ эгидой которой онѣ проводились. Во все пребываніе графа Делянова у власти безпорядки во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ непрерывно продолжались. Явно было, что корень ихъ лежитъ не въ организаціи академической жизни, а въ чемъ-то, покоящемся за предѣлами ея, куда власть министра народнаго просвѣщенія не распространялась.

Если Т. И. Филипповъ на своемъ посту вносилъ въ окружающую его бюрократическую жизнь и сферы, такъ или иначе съ нею соприкасающіяся, элементъ меценатской культурности, то графъ Деляновъ распространялъ вокругъ себя элементы человѣческаго доброжелательства, мягкости и гуманности, о которыхъ уже упоминалъ князь Мещерскій и которыя очень ярко сказались въ его рѣчи къ молодежи, произнесенной при открытіи реформированнаго Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Обращаясь и къ учащимъ, и къ учащимся сдѣсь, онъ говорилъ [1]):

«Привѣтствую край съ этою новою дарованною ему монаршею милостью и, покорнѣйше прося его высокопревосходительство г. начальника края принять институтъ въ его обновленномъ составѣ подъ свое высокое покровительство, поручаю это заведеніе попеченію и охранѣ попечителя варшавскаго учебнаго округа, ближайшаго начальства и членовъ учебнаго состава. Уповаю, что единомысленная единодушная охрана эта поставитъ институтъ на высоту его призванія. Среди заботъ и трудовъ нашего служенія будемъ воодушевляться христіанскою любовью, которая не ищетъ своего и требуетъ, чтобы знающіе и сильные помогали незнающимъ и слабымъ, а не себѣ угождали. Пусть ввѣренное намъ юношество видитъ въ насъ образецъ усердія къ дѣлу, доброжелательство, справедливость, готов-

[1]) «С.-Петербургскія Вѣдомости», 897 года, № 376.

ность содѣйствовать его благу всѣми зависящими отъ насъ способами. Будемъ помнить, что мы всѣ—дѣти одного Творца вселенной, сыны одного отца-государя, сердцу коего одинаково близки и высокіе и низкіе, имущіе и неимущіе, и учащіе и учащіеся, къ какому бы роду или племени они ни принадлежали, лишь бы они были вѣрными подданными и исполняли долгъ свой не за страхъ, а за совѣсть. Призываю на институтъ миръ, тишину, спокойствіе, безъ которыхъ немыслимо преуспѣяніе никакого учебнаго заведенія. Обращаюсь теперь къ вамъ, молодые люди, и, въ лицѣ вашемъ, ко всѣмъ тѣмъ, которые поступятъ въ институтъ послѣ васъ. Вы поступили сюда для пріобрѣтеній знаній въ разныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, не только полезныхъ для васъ, но даже необходимыхъ для всѣхъ народовъ, обитающихъ въ Россіи. Все, что здѣсь вы пріобрѣтете хорошаго для себя, будетъ полезно и для общества. При вступленіи сюда вамъ были предъявлены правила, въ коихъ опредѣлены ваши обязанности. Вы дали обязательство въ точномъ ихъ выполненіи. Между институтомъ и вами заключенъ нѣкоторымъ образомъ договоръ, но договоръ для васъ самый легкій и льготный: институтъ требуетъ отъ васъ исполненія извѣстныхъ правилъ, пока вы въ немъ находитесь, а вы, съ своей стороны, имѣете право во всякое время, безъ задержки и стѣсненія, оставить его, если, по мнѣнію того или другого изъ васъ, заведеніе налагаетъ на васъ бремя неудоборосимое. Оставаясь же въ институтѣ, помните, друзья мои, говорю вамъ силою души моей, помните, что вы здѣсь не кто другіе, какъ учащіеся, подчиненные начальству и наставникамъ вашимъ, что вы поступили сюда не для веселья, но для борьбы съ невзгодами жизни,—отъ которыхъ да избавитъ васъ Господь Богъ!—для того, чтобы работать надъ умственнымъ и нравственнымъ своимъ развитіемъ, подъ руководствомъ людей знанія и опыта научнаго и житейскаго. Знаю, друзья мои, что въ молодыхъ лѣтахъ люди часто увлекаются и принимаютъ воображаемое за дѣйствительное и желаемое за существующее или легко осуществимое. Прошедшее многихъ нашихъ учебныхъ заведеній и тяжелыя времена, которыя они переживали, ясно показываютъ, какъ опасны бываютъ иногда увлеченія. Посему не давайте слишкомъ много воли воображенію; въ особенности же удаляйте отъ себя въ высшей степени ложную мысль о какомъ-то государственномъ значеніи студенчества, о томъ, что вы будто бы имѣете право устраивать жизнь учрежденія по собственнымъ планамъ. Друзья мои, говорю съ вами не какъ министръ, не какъ человѣкъ съ силою и властію, потому что все это преходяще: сегодня полонъ жизни, а завтра хладенъ и бездыханенъ. Говорю вамъ это просто, какъ отецъ, радѣющій о дѣтяхъ своихъ, говорю отъ полноты сердца, любящаго человѣчество вообще и молодежь въ особенности, говорю по участію и состраданію къ вашимъ родителямъ, которые нерѣдко жертвуютъ послѣдними рублями, да хорошо

когда они есть, а то и послѣдними копейками, обращая въ деньги домашній скарбъ, лишая себя всего необходимаго, чтобы только дать вамъ средства къ образованію. Имѣйте всегда передъ умственнымъ взоромъ вашимъ отчаянную скорбь родителей, которые нерѣдко вмѣсто ожидаемой отъ дѣтей радости и помощи видятъ ихъ гибнущими въ безднѣ грѣха и преступленій. Не забывайте словъ поэта:

«Не долженъ сынъ смотрѣть спокойно
На слезы матери родной».

«Въ заключеніе выражаю не только увѣренность, но и убѣжденіе, что всѣ добрыя стремленія ваши найдутъ въ начальникахъ и наставникахъ вашихъ опплотъ и поддержку, какъ въ стѣнахъ института, такъ и внѣ оныхъ, что они употребятъ всѣ усилія, чтобы обогатить васъ познаніями, чтобы утвердить васъ въ покорности Провидѣнію, въ безпредѣльной преданности престолу, что они внесутъ въ жизнь вашу тотъ свѣтъ и ту теплоту, которые освѣжаютъ и ободряютъ молодое сердце, и постараются влить въ душу вашу силу и энергію для достиженія намѣченныхъ благихъ цѣлей и для борьбы съ невзгодами жизни, отъ которыхъ да избавитъ васъ Господь Богъ!»

Въ заключеніе общей характеристики Ивана Давидовича приведемъ эпизодъ изъ его жизни, въ свое время разсказанный княземъ В. П. Мещерскимъ. Эпизодъ этотъ относится къ царствованію государя Александра III, когда въ петербургскомъ университетѣ шли безпрерывные безпорядки, направленные главнымъ образомъ противъ личности тогдашняго ректора М. И. Владиславлева. Одинъ изъ министровъ дѣйствительно подалъ государю записку, въ которой излагалъ свое мнѣніе по университетскимъ безпорядкамъ и совѣтовалъ государю смѣну ректора, въ видахъ успокоенія молодежи. Государь передалъ эту записку И. Д. Делянову, тогда еще не бывшему графомъ, и спросилъ его мнѣнія по этому вопросу.

— Что жъ,—отвѣтилъ министръ:—если вашему величеству угодно, я смѣню ректора, это очень легко, и, пожалуй, студенты на время успокоятся, но только на время и потомъ хуже будетъ, молодежь легкомысленна, скажутъ себѣ: мы смѣнили ректора, такъ мы, значитъ, сила, кого захотимъ, того и смѣнимъ. И чуть что—они и на новаго ректора пойдутъ походомъ... Ну, а про меня скажутъ: ишь подлецъ какой, предалъ, какъ Пилатъ, своего честнаго подчиненнаго, чтобы подслужиться; да я и самъ про себя это скажу.

— Нѣтъ,—сказалъ государь:—этого не будетъ; пусть ректоръ остается.

Наступилъ 50-лѣтній юбилей Делянова; вѣрный своей скромности, онъ уѣхалъ въ провинцію прятаться отъ чествованія... Получилъ онъ графскій титулъ и говоритъ государю: «Ваше величество,

не по дѣламъ моимъ вы меня наградили, какія у меня заслуги, и какой я графъ!»

— Нѣтъ, по дѣламъ вашимъ я васъ наградилъ, графъ,—отвѣтилъ государь:—я цѣню въ васъ вашу честность и стойкость. А помните, два года назадъ эпизодъ съ Владиславлевымъ... Я его не забылъ...

Эти бесѣды между царемъ и его министромъ очень характерны и рисуютъ обоихъ въ удивительно симпатичномъ, тепломъ освѣщеніи.

Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕРВЫЙ ГОСПИТАЛЬ ВЪ АБИССИНІИ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

НЫНѢ, когда русскій госпиталь въ Аддисъ-Абебѣ (столицѣ Абиссиніи) прекратилъ свою дѣятельность, когда постоянная миссія наша въ Абиссиніи, съ особымъ медицинскимъ при ней отдѣломъ, свелась къ пребыванію тамъ лишь одного повѣреннаго въ дѣлахъ и одного же врача, съ дѣятельностью спеціально для потребностей состава миссіи (повѣренный въ дѣлахъ, его жена, драгоманъ, два-три русскихъ слуги, нѣсколько десятковъ абиссинскихъ слугъ), когда дѣло, потребовавшее значительныхъ расходовъ, но зато блестяще поставленное и приносившее громадную пользу, помимо спеціально медицинской, еще какъ свѣточъ знаній и разсадникъ культуры и гуманныхъ идей, исходящихъ изъ единовѣрной Россіи, сошло почти на нѣтъ,—теперь, можетъ быть, наступило время разсказать исторію возникновенія, роста и жизни перваго госпиталя въ Абиссиніи и перваго, вѣроятно, и единственнаго, русскаго лечебнаго заведенія въ Африкѣ.

Къ сожалѣнію, цифровыя данныя будутъ лишь обнимать періоды съ 1898 по 1900 г. и съ 1903 до 1905 г., т. е. тѣ годы, въ теченіе которыхъ въ госпиталѣ работали авторъ настоящей замѣтки и д-ръ Бровцынъ, такъ какъ матеріалы за промежуточные годы въ госпиталѣ не сохранились, а имѣются ли данныя за 1905 г. (вторая половина) и за 1906 и часть 1907 г., намъ неизвѣстно.

Въ началѣ марта 1896 г. въ Европѣ было получено извѣстіе о разгромѣ, которому подверглась въ Восточной Африкѣ итальянская армія въ сраженіи съ абиссинцами подъ городомъ Адуей. Маленькій городокъ въ сѣверной Абиссиніи въ провинціи Тигрэ (14° 10′ сѣв. широты и 36° восточной долготы отъ Парижа), до этого времени почти никому неизвѣстный, привлекъ къ себѣ вниманіе всего міра. Въ Россіи тогда мало кто интересовался тѣмъ, что гдѣ-то въ далекой Африкѣ итальянцы ведутъ какую-то войну, еще менѣе интересовались, чѣмъ была вызвана эта война и что за люди абиссинцы, и только, когда эти абиссинцы разбили прекрасно организованную европейскую армію, заговорили и въ Россіи объ этомъ интересномъ, родственномъ намъ по вѣрѣ черномъ народѣ и объ его славномъ вождѣ-побѣдителѣ негусѣ Менеликѣ.

Правда, лѣтомъ 1895 года въ Петербургъ пріѣзжало посольство отъ императора Эѳіопіи негуса Менелика съ подарками къ Государю Императору, пробыло оно въ Петербургѣ около мѣсяца, пробыло почти незамѣтно и также почти незамѣтно уѣхало въ свою далекую таинственную страну.

Извѣстіе о томъ, что снабженная всѣми новѣйшими усовершенствованіями въ области военной техники, хорошо дисциплинированная итальянская армія, со всею артиллеріею, подверглась почти полному уничтоженію со стороны людей, вооруженныхъ лишь копьями, саблями и щитами (тогда не знали, что у абиссинцевъ имѣлись и винтовки, правда, въ очень небольшомъ количествѣ и далеко несовершенныя) поразило всѣхъ, какъ громомъ.

Такъ какъ, по дополнительнымъ свѣдѣніямъ, выяснилось, что потери съ обѣихъ сторонъ были громадныя [1]), а медицинская помощь на сторонѣ абиссинцевъ совершенно отсутствовала, то россійское общество Краснаго Креста рѣшило немедленно организовать и выслать санитарный отрядъ для обѣихъ воюющихъ сторонъ съ цѣлью оказанія пособія пострадавшимъ.

Тогда еще никто не зналъ и даже не могъ предполагать, что битва подъ Адуей была финаломъ борьбы, борьбы, которую велъ за свою независимость и самостоятельность маленькій геройскій на-

---

[1]) Считаю не лишнимъ привести данныя о числѣ участвовавшихъ въ бою и о потеряхъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ (бѣжавшихъ, во главѣ съ начальникомъ арміи генераломъ Баратьери, было всего около 500) съ обѣихъ сторонъ: со стороны итальянцевъ принимало участіе около 17.000 при 62 орудіяхъ; убито, ранено и взято въ плѣнъ два генерала (?),296 офицеровъ и 14.275 нижнихъ чиновъ (Н. Орловъ. «Итальянцы въ Абиссиніи»); два генерала, 383 офицера и 11.000 нижнихъ чиновъ убитыхъ и тяжело раненыхъ, одинъ генералъ, 41 офицеръ и 3.600 нижнихъ чиновъ—плѣнныхъ (Елецъ. («Императоръ Менеликъ и война его съ Италіей»); число абиссинцевъ, принимавшихъ участіе въ сраженіи, надо считать около 80.000,что же касается потерь, то точно опредѣлить число невозможно, слѣдуетъ считать убитыхъ отъ 4 до 5 тысячъ и раненыхъ отъ 6 до 10 тысячъ; плѣнныхъ, по понятнымъ причинамъ, не было.

родъ, вооруженный копьемъ и мечомъ, противъ одной изъ великихъ европейскихъ державъ, имѣвшей въ своемъ распоряженіи все, что могъ придумать человѣческій умъ для истребленія себѣ подобныхъ.

Посылка отряда Краснаго Креста и послужила началомъ правильныхъ сношеній Россіи съ Абиссиніей, причемъ спустя шесть лѣтъ, въ 1902 году, учреждена и постоянная миссія.

Отрядъ, снаряженный Краснымъ Крестомъ, на что, благодаря крайней энергіи участниковъ экспедиціи, потребовалось всего десять дней, отправился изъ Петербурга 25-го марта и состоялъ изъ семи врачей, одного фармацевта, четырехъ студентовъ-медиковъ старшихъ курсовъ, четырехъ классныхъ фельдшеровъ, двадцати сестеръ милосердія и шестнадцати санитаровъ изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

Такой же отрядъ одно время предполагалось отправить и въ распоряженіе главнокомандующаго итальянской арміей, но Италія категорически отказалась отъ всякой помощи и даже, разрѣшивъ вначалѣ отряду, предназначенному для Абиссиніи, прослѣдовать на театръ военныхъ дѣйствій черезъ принадлежащій ей на Красномъ морѣ портъ Массову, затѣмъ совершенно неожиданно, когда отрядъ находился въ Александріи, отказала въ томъ.

Такъ какъ другіе пути были въ то время мало извѣстны, а для Россіи и вовсе почти неизвѣстны, а между тѣмъ приближался періодъ дождей, когда передвиженія въ тропическихъ странахъ становятся крайне затруднительными,—часть отряда, а именно всѣхъ сестеръ милосердія, пришлось изъ Александріи отправить обратно въ Россію.

Несмотря, впрочемъ, на это, отрядъ Краснаго Креста, высадившись во французскомъ портѣ Джибути (за Бабъ-Эль-Мандебскимъ проливомъ, на южномъ берегу Таджурскаго залива), т.е. уже на совершенно противоположномъ концѣ театра военныхъ дѣйствій, послѣ тяжелаго пути чрезъ Сомалійскую пустыню и Данакильскую степь, благополучно прибылъ въ столицу Абиссиніи Аддисъ-Абебу. Въ предѣлахъ Абиссиніи отряду пришлось перенести всѣ трудности пути вслѣдствіе того, что подошло время большого періода дождей [1]), бывшее особенно тяжелымъ въ этомъ году. По пути отрядъ выдѣлилъ часть своего персонала для оказанія пособія больнымъ и раненымъ изъ арміи раса Маконена, правителя Харрарійской области, и оставилъ его въ городѣ Харрарѣ, резиденціи раса (350 километровъ отъ Джибути, около 600 отъ Аддисъ-Абебы).

Санитарный отрядъ пробылъ въ Абиссиніи около полугода. Дѣятельность его была очень разнообразна и плодотворна. Полный

---

[1]) По-абиссински «кромтъ». Охватываетъ наши лѣтніе мѣсяца съ мая по сентябрь, оканчиваясь около 17-го сентября (весенній абиссинскій праздникъ Маскаля—Воздвиженіе св. Креста).

отчетъ о ней представилъ бы громадный интересъ, и остается только пожалѣть, что до сихъ поръ онъ не составленъ и не изданъ [1]).

По отъѣздѣ отряда Краснаго Креста негусъ Менеликъ началъ тотчасъ же хлопотать передъ русскимъ правительствомъ о присылкѣ изъ Россіи вновь врачей, взамѣнъ уѣхавшихъ, такъ какъ онъ самъ и народъ, впервые познакомившіеся съ методами леченія и увидавшіе блестящіе результаты леченія и операцій, были поражены всѣмъ ими видѣннымъ.

Просьба его была уважена. Въ составъ чрезвычайной миссіи, отправившейся по высочайшему повелѣнію въ Абиссинію въ октябрѣ 1897 года, вошелъ особый отдѣлъ—санитарный, состоявшій изъ двухъ врачей, одного фармацевта и двухъ классныхъ фельдшеровъ. Во главѣ посольства находился П. М. Власовъ, почти всю свою жизнь проведшій въ Персіи и отлично изучившій Востокъ, его потребности и нужды [2]). Онъ понималъ все громадное значеніе, которое могутъ и должны имѣть врачи въ Абиссиніи въ дѣлѣ распространенія русскаго вліянія, и сдѣлалъ все, чтобы медицинскій отдѣлъ былъ обставленъ и снабженъ, насколько возможно, богато.

Миссія прибыла въ Джибути 8-го ноября. Здѣсь въ ожиданіи снаряженія каравана пришлось прожить около мѣсяца, и здѣсь уже началась дѣятельность отряда.

За помощью обращалось все мѣстное и окрестное населеніе, европейцы и туземцы-сомали, но въ широкихъ размѣрахъ она проявилась по вступленіи миссіи въ предѣлы Абиссиніи, такъ какъ во время пути ежедневно приходилось оказывать врачебную и хирургическую помощь значительному количеству являвшихся изъ окрестныхъ мѣстностей туземныхъ жителей

Мѣсяцъ спустя по прибытіи миссіи въ Аддисъ-Абебу, резиденцію негуса Менелика, въ началѣ марта 1898 года былъ открытъ госпиталь съ амбулаторіей, хотя пріемъ и оказаніе помощи больнымъ и раненымъ не прерывались почти вовсе.

Санитарный отдѣлъ миссіи расположился въ томъ же самомъ помѣщеніи, гдѣ находился ранѣе и отрядъ Краснаго Креста, на западной окраинѣ города, у подножья горнаго хребта Экка-Марьямъ на высокомъ склонѣ берега горной рѣки Кабаны, притока Акакэ, впадающей въ Авашъ, въ верстѣ разстоянія отъ помѣщенія миссіи, находящейся на другомъ берегу рѣки Кабаны.

Для нуждавшихся въ госпитальномъ леченіи больныхъ и раненыхъ были поставлены оставленныя отрядомъ Краснаго Креста наши

---

[1]) Въ 1897 г. вышелъ краткій отчетъ главноуполномоченнаго въ Абиссиніи Н. К. Шведова: «Русскій Красный Крестъ въ Абиссиніи въ 1896 году».

[2]) Умеръ въ Тегеранѣ въ 1903 году отъ крупознаго воспаленія легкихъ, будучи нашимъ посланникомъ въ Персіи.

У перехода черезъ р. Эреръ.

Въ зарослях около Мулю.

русскія палатки офицерскаго образца; для большаго удобства палатки эти были соединены по двѣ и по три вмѣстѣ.

Для амбулаторіи негусъ Менеликъ предоставилъ большую, круглой формы, абиссинскую палатку, діаметромъ около шести метровъ; двумя перегородками изъ бумажной ткани (абужедди) палатка эта была раздѣлена на три части: въ средней производилась запись больныхъ, выдача имъ очередныхъ билетовъ и лекарствъ, а изъ боковыхъ—въ одной принимались больные, требовавшіе хирургическаго леченія, а въ другой съ внутренними, венерическими, кожными, ушными и глазными болѣзнями.

Подъ операціонную также была дана императоромъ Менеликомъ такого же типа палатка, но меньшихъ размѣровъ, около четырехъ метровъ въ діаметрѣ.

До наступленія періода дождей, абиссинской зимы, т. е. до второй половины мая, дѣло шло сравнительно благополучно, но вотъ дожди пошли каждый день, пошли настоящіе тропическіе ливни, съ грозами по цѣлымъ часамъ, и скоро земля превратилась въ жидкую кашу, а сама мѣстность въ болото; палатки перестали просыхать и начали пропускать чрезъ себя воду и гнить.

Во время пріема толпы больныхъ, укрываясь отъ дождя и непогоды, стали наполнять амбулаторную палатку,—нечѣмъ было дышать, невозможно становилось работать.

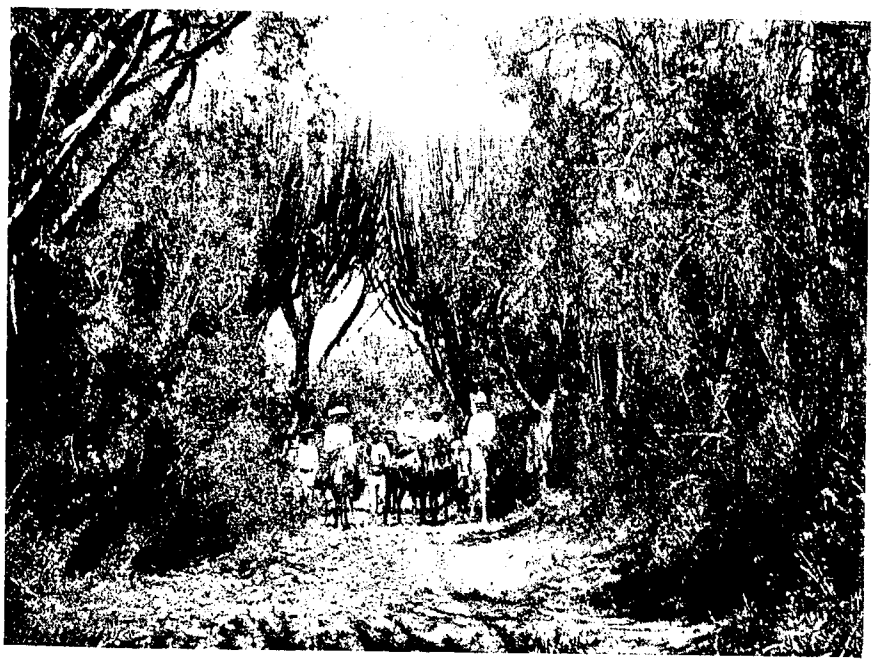
А въ палаткахъ, гдѣ лежали больные и оперированные, было и того хуже: тамъ стояла сплошная, непролазная грязь. Чтобы согрѣться, больные разводили костры, въ палаткахъ стояли чадъ и дымъ; тутъ же они готовили себѣ пищу, тутъ хранили убитыхъ барановъ и запасы провизіи; тутъ же, не желая мокнуть подъ дождемъ и стыть отъ холода, отправляли всѣ свои естественныя потребности, выкапывая для этой цѣли въ землѣ ямку (айн-мэдыръ—земляной глазъ).

Въ операціонной палаткѣ часто во время производства операціи дождь пробивалъ матерію и вода каплями падала и на оперируемаго, и на оперирующаго, и на присутствующихъ.

Всѣ эти неудобства, а съ ними и много другихъ привели къ концѣ концовъ къ тому, что негусъ Менеликъ послушался совѣтовъ и убѣжденій врачей о необходимости выстроить постоянный госпиталь, гдѣ бы больные не подвергались вліянію перемѣнъ погоды и который въ то же время стоилъ бы дешевле, нежели палатки, выдерживавшія только одинъ періодъ дождей.

Въ октябрѣ 1898 года, съ уходомъ Менелика въ походъ противъ возставшаго раса Мангаши, сына покойнаго императора Іоанна, и приступлено было къ постройкѣ перваго въ Абиссиніи госпиталя, причемъ имѣлось въ виду всѣ постройки закончить къ марту слѣдующаго 1898 года.

Милюзы въ Данакильской степи.



Канделябровидные молочаи на Манджирѣ.

Госпиталь былъ построенъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ въ 1896 г. находился временный госпиталь русскаго Краснаго Креста, рядомъ съ помѣщеніемъ санитарнаго отдѣла русской миссіи, ея временнымъ госпиталемъ и амбулаторіей, на берегу рѣки Кабаны.

Постройка госпиталя не мѣшала правильному теченію дѣлъ, и только пришлось убрать двѣ палатки, т. е. уменьшить число коечныхъ больныхъ, что не легло особенной тяжестью на населеніе, такъ какъ съ уходомъ Менелика въ походъ городъ совершенно опустѣлъ.

Домъ построенъ по плану швейцарскаго инженера Ильга, проживавшаго въ Абиссиніи, при дворѣ негуса, свыше двадцати лѣтъ и занимавшаго тогда постъ совѣтника по иностраннымъ дѣламъ.

Къ сожалѣнію, добрыя отношенія между посланникомъ Власовымъ и Ильгомъ во время постройки госпиталя были нарушены, почему, при составленіи плана и расчетахъ, русскіе врачи не принимали участія, и для насъ явилось неожиданностью, что на другой день по отбытіи императора въ походъ прибылъ министръ двора Азагъ Гезау съ заявленіемъ, что со слѣдующаго дня начнется, по приказанію негуса, постройка госпиталя.

Впослѣдствіи, благодаря этому обстоятельству, многое пришлось передѣлать и измѣнить, такъ какъ многое не соотвѣтствовало требованіямъ и назначенію.

Госпитальное зданіе построено абиссинскими рабочими такъ, какъ строятъ всѣ дома въ Абиссиніи, но по наружному виду оно явилось совершенно новымъ и произвело переворотъ въ постройкѣ домовъ въ Аддисъ-Абебѣ.

Построено оно было изъ камня, тутъ же ломаемаго, очень рыхлаго и легко вывѣтривающагося известняка; вмѣсто извести при постройкѣ служила жидкая липкая грязь, смѣшанная съ тонкой, нѣжной соломой тэфа (наиболѣе распространенное хлѣбное растеніе изъ семейства просовыхъ), для чего солома замѣшивалась тутъ же въ ямкахъ вмѣстѣ съ грязью и подвергалась броженію.

Домъ одноэтажный, имѣющій форму длиннаго четырехугольника съ закругленными углами; размѣры его по длинѣ 24,5 метра, по ширинѣ 9,5 метра. Въ средней части помѣщаются шесть отдѣльныхъ квадратныхъ комнатъ по четыре метра въ длину и ширину, по три комнаты съ каждой стороны коридора въ 1,5 метра ширины, идущаго по серединѣ; каждая комната имѣетъ дверь въ коридоръ и большое окно: отдѣлены комнаты одна отъ другой деревянными перегородками изъ расколотыхъ на щепы тиссовыхъ досокъ, вымазанныхъ глиной съ тэфовой соломой; перегородки вышиною въ три метра и не доходятъ до потолка.

Полъ въ зданіи изъ толстаго слоя известняка, разбитаго на мелкія части, плотно утрамбованнаго; потолка, какъ и во всѣхъ абиссинскихъ постройкахъ, начиная съ дворцовъ вельможъ и кончая хижиной бѣдняка, не имѣется. Крыша соломенная, изъ очень тол-

Рѣка Кабана, протекающая между миссіей и госпиталемъ.

Въѣздъ въ госпиталь.

стаго слоя особой высохшей на корню травы, причемъ отдѣльные пучки переплетены узкими лентами разноцвѣтныхъ матерій и привязаны такими же лентами къ поперечнымъ тонкимъ лучинамъ изъ тиссоваго дерева, со свойственнымъ въ дѣлѣ покрытія крышъ абиссинцамъ искусствомъ.

Домъ снаружи и внутри выбѣленъ бѣлою клеевою краской.

Въ каждой палатѣ поставлено по четыре кровати (альга); по двѣ вдоль боковыхъ стѣнъ. Кровати абиссинскаго типа: на рамѣ изъ деревянныхъ брусьевъ, шириною около двухъ вершковъ, укрѣпленной на четырехъ толстыхъ точеныхъ ножкахъ, натянута частая сѣтка изъ переплетающихся воловьихъ сыромятныхъ ремней, шириною въ $1^1/_4$—$1^1/_2$ пальца [1]); поверхъ сѣтки обыкновенно кладется коверъ. Въ госпиталѣ, вмѣсто ковровъ, положены парусинные мѣшки, набитые сѣномъ, а поверхъ простыни, подушки и одѣяло. Кровать описаннаго типа довольно удобна и покойна, и въ достаточной степени гигіенична.

Такимъ образомъ, въ шести комнатахъ имѣлось 24 кровати, въ случаѣ необходимости число это могло быть увеличено до 30, такъ какъ у стѣны съ окномъ вполнѣ свободно можно было поставить еще по одной кровати въ каждой комнатѣ, тѣмъ болѣе, что высота оконъ отъ полу была одинъ метръ.

Изъ краевыхъ помѣщеній во время постройки госпиталя одно предназначалось для амбулаторіи, а другое для операціонной, причемъ имѣлось въ виду послѣднюю отдѣлить плотною дверью. Впослѣдствіи прибывшему изъ похода негусу были выяснены всѣ неудобства такого совмѣстительства въ одномъ зданіи и амбулаторіи, и госпитальныхъ палатъ, и операціонной,—и для послѣдней было рѣшено выстроить отдѣльное помѣщеніе, что и было вскорѣ исполнено.

Амбулаторія устроена по тому же типу, какъ и прежняя въ палаткѣ, т. е. комната двумя перегородками изъ абужедди раздѣлена на три части. Средняя для записи больныхъ, здѣсь же имѣется большой столъ съ необходимыми растворами и лекарствами въ жидкомъ видѣ и мазями, шкапъ съ прочими медикаментами и умывальникъ.

Одна изъ боковыхъ частей приспособлена для пріема хирургическихъ больныхъ, а также для оказанія первой помощи приносимымъ раненымъ и для производства различныхъ легкихъ операцій; другая для пріема съ внутренними и прочими болѣзнями.

Крыша поддерживается внутренними стѣнами, отдѣляющими коридоръ отъ палатъ, а снаружи деревянными столбами, поставлен-

---

[1]) Ремень вырѣзывается изъ цѣлой шкуры одинъ; шкура намачивается и растягивается на землѣ, причемъ плотно прибивается къ ней колышками; ремень начинаютъ вырѣзывать отъ средины, идя концентрическими кругами къ наружнымъ частямъ кожи.

ными вокругъ всего дома на разстояніи отъ него на 1,5 метра и между собою на два метра. Пространство между стѣнами дома и этими столбами все заполнено мелкимъ камнемъ и плотно утрамбовано. Такимъ образомъ получается нѣчто вродѣ веранды; въ ненастное время года здѣсь же прогуливаются больные, находящіеся въ госпиталѣ, а во время амбулаторныхъ пріемовъ ожидаютъ своей очереди приходящіе за помощью.

Другое краевое помѣщеніе двумя бамбуковыми перегородками раздѣлено на три части:—средняя является продолженіемъ кори-

Видъ госпиталя со стороны города.

дора, расположеннаго по срединѣ зданія, а изъ боковыхъ—одна предназначалась для помѣщенія больныхъ, другая для храненія расходнаго бѣлья и различныхъ принадлежностей ухода за больными.

Вскорѣ послѣ окончанія постройки госпиталя было приступлено къ постройкѣ отдѣльной операціонной: на разстояніи восьми метровъ отъ госпиталя выстроенъ небольшой круглой формы деревянный домъ, абиссинскаго типа.

Стѣны изъ толстыхъ щепъ тиссоваго дерева (taxus baccata), врытыхъ на поларшина въ землю; снаружи и внутри залѣплены жидкой грязью съ тэфовой соломой и вымазаны гладко жидкой гли-

ной, точно также смѣшанной съ мелко-изрубленной соломой тэфа и затѣмъ выбѣлены, полъ цементный, крыша соломенная, потолка не имѣется. Съ трехъ сторонъ дома подъ прямымъ угломъ другъ къ другу имѣется три небольшихъ окна со стеклами, на четвертой сторонѣ дверь. Внутри всѣ деревянныя части, а равно поддерживающій крышу проходящій по срединѣ столбъ выкрашены бѣлой эмалевой краской.

Въ операціонной имѣется составной изъ двухъ частей столъ для производства операцій, шкапъ для инструментовъ, столъ для растворовъ, столъ для необходимыхъ при операціи инструментовъ и столъ, гдѣ помѣщается умывальный приборъ. Всѣ столы и шкапы со всѣхъ сторонъ выкрашены бѣлымъ риполиномъ.

Почти всѣ инструменты и приборы пріобрѣтены на заводѣ военно-врачебныхъ заготовленій.

По окончаніи постройки госпиталя и операціонной имѣлось въ виду приступить тотчасъ же къ постройкѣ новаго помѣщенія для аптеки, отдѣльныхъ помѣщеній для кухни, для прислуги, а также кладовыхъ для храненія запаснаго бѣлья, различныхъ госпитальныхъ принадлежностей, перевязочнаго матеріала и проч., но, въ силу различныхъ условій, планъ этотъ былъ приведенъ много позднѣе, а именно въ 1903—1904 годахъ.

Постройка госпитальнаго зданія, помимо цѣли, для которой оно строилось, представляла еще особенный интересъ въ томъ отношеніи, что домъ этотъ является новшествомъ въ строительномъ дѣлѣ.

Обыкновенно дома въ Абиссиніи строятся одноэтажные, круглые, различныхъ размѣровъ,—изъ дерева или камня. Есть, правда, нѣсколько церквей въ покинутой столицѣ Энтото двухъэтажныхъ не круглой формы, но выстроены они индусами по индусскимъ же образцамъ; есть и продолговатые дома, но комнаты въ нихъ расположены въ одинъ рядъ, а не въ два, какъ въ госпитальномъ зданіи.

Не даромъ негусъ Менеликъ очень гордился своею новой постройкой и каждому прибывавшему въ Аддисъ-Абебу знатному человѣку настоятельно совѣтовалъ посмотрѣть на госпиталь.

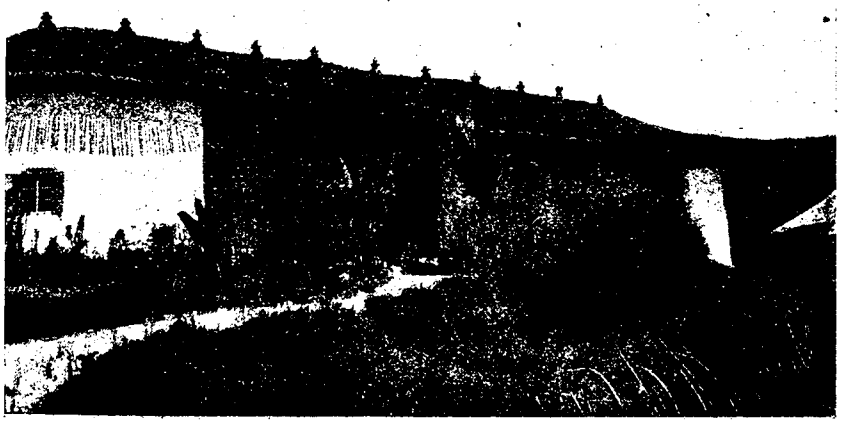
Негусъ Годжама, блестящій Текля-Хайманотъ, съ любопытствомъ осматривалъ постройку, восхищался ею, но тутъ же прибавилъ:

— А все-таки въ такомъ домѣ я бы не согласился жить, мнѣ бы все казалось, что онъ упадетъ.

Вся европейская колонія пріѣзжала смотрѣть новый домъ-госпиталь, и всѣ поражались и удивлялись тому, чего достигли русскіе врачи.

Только человѣкъ, жившій въ Абиссиніи и хорошо ознакомившійся съ мѣстными условіями и укладомъ жизни, можетъ понять, насколько дѣйствительно трудно было выполненіе сдѣланнаго,

Императоръ Менеликъ по выходѣ изъ операціонной.



Зданіе миссіи.

Профессоръ медицинскаго факультета парижскаго университета Р. Вюрцъ, прибывшій въ столицу Эѳіопіи со спеціальною цѣлью организовать на широкихъ началахъ оспопрививаніе и предохранительную прививку чумы рогатаго скота, въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ едва могъ добиться кое-какихъ передѣлокъ въ отведенномъ ему помѣщеніи: около двухъ мѣсяцевъ онъ ожидалъ, неоднократно обращаясь съ просьбами даже къ самому императору, чтобы ему увеличили оконное отверстіе и вставили рамы въ два маленькихъ стекла; столько же времени ему пришлось ожидать изготовленія двухъ небольшихъ столовъ, необходимыхъ для лабораторной работы.

Прибывъ въ русскій госпиталь, онъ былъ пораженъ видѣннымъ и высказалъ прямо:

— Да я вижу, что отношенія Менелика къ русскимъ врачамъ совершенно иныя, чѣмъ къ кому-либо, и вы можете этимъ гордиться.

Много лестнаго для имени русскаго врача пришлось выслушать отъ посѣтившаго госпиталь англійскаго врача Р. Кетлица и члена германской научно-дипломатической миссіи д-ра Фольбрехта.

Фактически госпиталь началъ функціонировать съ лѣта 1899 г., хотя капитальныя работы были закончены лишь къ осени этого года, а внутренняя отдѣлка потребовала еще значительнаго времени.

Конечно, далеко не совершененъ былъ этотъ первенецъ Абиссиніи, далеко ему до европейскихъ собратьевъ, но важенъ былъ починъ, важно начало.

Россія можетъ гордиться: принесенная ею крупная жертва не пропала даромъ, она дала богатый плодъ. Пройдутъ года, много, можетъ, будетъ въ Абиссиніи лечебныхъ заведеній, но первый госпиталь есть всецѣло дѣло Россіи, русскихъ врачей. Въ темное сознаніе людей она внесла свѣтъ, не путемъ насилія, а путемъ разума и высокой гуманной идеи оказанія помощи больному и раненому.

Къ глубокому сожалѣнію, впослѣдствіи многое измѣнилось. Дѣло, богатое по идеѣ и по его первоначальному осуществленію, дѣло, которое, казалось бы, имѣло всѣ данныя, чтобы окрѣпнуть и разрастаться все болѣе и болѣе, по прошествіи уже нѣсколькихъ лѣтъ пострадало въ самой основѣ своей, и въ 1907 году госпиталь закрылся, имущество его частью было перевезено въ распоряженіе миссіи, частью распродано, а само помѣщеніе было передано императору Менелику, распоряженіемъ котораго завѣдывающимъ госпиталемъ былъ назначенъ уроженецъ острова Мартиники, французскій врачъ Витальенъ. Русская миссія спокойно отошла отъ своего дѣтища, передавъ его въ чужія руки, и какъ будто никогда не была хозяйкой великаго дѣла.

Здѣсь считаю не лишнимъ привести списокъ лицъ медицинскаго персонала, работавшихъ въ Абиссиніи.

Въ экспедиціи Краснаго Креста 1896 г. приняли участіе слѣдующія лица: врачи Г. В. Бобинъ, Н. П. Бровцынъ, Л. Д. Глинскій, Ф. Ф. Гольцингеръ, М. А. Перфильевъ, Б. А. Родзевичъ, К. А. Якса-Быковскій, фармацевтъ А. П. Вильде; студенты-медики (нынѣ врачи) К. Н. Кречунеско, П. П. Миллеръ, Г. Г. Федоровъ, П. В. Щусевъ; классные фельдшера и кандидаты на классную должность—П. К. Кузнецовъ, С. Э. Сасонъ, П. Рошковскій, В. Филипповъ и Ф. Павловъ.

Медицинскій отдѣлъ чрезвычайной миссіи, отправившейся въ октябрѣ 1897 года, составляли врачи: Н. П. Бровцынъ и М. И. Лебединскій; фармацевтъ Б. Г. Лукьяновъ и классные фельдшера П. К. Кузнецовъ и С. Э. Сасонъ.

Въ началѣ 1901 года означенныхъ лицъ смѣнили вновь прибывшіе врачи А. Н. Коріандеръ и А. Е. Корсунскій и фельдшера-кандидаты на классную должность А. П. Ниловъ и А. А. Пѣтуховъ.

Въ 1903 году (въ началѣ) вновь прибыли врачи Н. П. Бровцынъ и М. И. Лебединскій, фармацевтъ Б. Г. Лукьяновъ и классный фельдшеръ С. Э. Сасонъ, причемъ изъ находившихся ранѣе остался классный фельдшеръ Пѣтуховъ, перешедшій на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ.

Всѣ выше перечисленныя лица были командируемы изъ состава чиновъ военнаго вѣдомства, кромѣ врачей Гольцингера и Быковскаго.

Въ 1905 году прибыли въ Аддисъ-Абебу лица постояннаго состава миссіи, зачисленные по министерству иностранныхъ дѣлъ, врачъ Н. А. Владыкинъ и фармацевтъ Б. Э. Бушманъ, пробывшіе—первый около двухъ лѣтъ, второй немного больше года.

Въ настоящее время находится въ Аддисъ-Абебѣ врачъ А. И. Кохановскій.

Дѣятельность госпиталя распадается на два самостоятельныхъ отдѣла: собственно госпиталь и амбулаторіи при немъ.

За періодъ времени съ 5-го марта 1898 г. по 20-е января 1900 года, т. е. за одинъ годъ и 10 мѣсяцевъ въ госпиталѣ находилось на излеченіи 338 человѣкъ, а съ 1-го апрѣля 1903 г. по 18-е февраля 1905 г., т. е. за одинъ годъ и десять съ половиною мѣсяцевъ—355; приходящихъ больныхъ принято въ первый періодъ 10,237 (не считая повторныхъ), а за второй 21,237, повторныхъ за первый періодъ принято 15,589 въ Аддисъ-Абебѣ (въ 1898 г.—4,489 и въ 1899 г.—10,600), сверхъ того тогда же, во время похода негуса Менелика въ Тигрэ противъ раса Мангаши, принято 6,219 человѣкъ; за второй періодъ число повторныхъ 27,916 (въ 1903 г.—9,816 и въ 1904 г.—18,100). Число оспопрививаній за второй періодъ—1,754.

Приведенныя цифры слѣдуетъ считать ниже дѣйствительныхъ, такъ какъ въ книги о больныхъ рѣдко заносились тѣ больные изъ болѣе или менѣе знатныхъ людей, которые, пріѣзжая на домъ къ вра-

чамъ съ визитами, въ сопровожденіи иногда большой свиты, обращались за помощью для себя, своихъ близкихъ и слугъ. А такихъ посѣтителей бывало въ день иногда по нѣсколько человѣкъ.

Операцій сдѣлано за первый періодъ 629, изъ нихъ подъ хлороформеннымъ наркозомъ 160, подъ мѣстной анестезіей 184, а за второй періодъ 581, причемъ 194 подъ хлороформомъ и 259 подъ мѣстной анестезіей.

Въ виду небольшихъ размѣровъ госпиталя и ограниченнаго числа кроватей, въ госпиталь на излеченіе принимались главнымъ образомъ требовавшіе хирургическаго вмѣшательства (въ первый періодъ многіе раненые въ битвѣ подъ Адуей), а съ внутренними болѣзнями или очень тяжелые, или когда имѣлось достаточное количество свободныхъ мѣстъ.

Услугами госпиталя пользовалось въ широкихъ размѣрахъ все населеніе Абиссиніи, безъ различія сословій и классовъ, начиная съ императора, императрицы, ихъ родственниковъ и лицъ приближенныхъ, митрополитовъ и кончая полуголодными, полуголыми поденщиками гурауги и неграми-рабами.

Вся европейская колонія, отъ посланниковъ великихъ державъ до послѣднихъ ихъ слугъ, частныя лица всѣхъ державъ: французы, англичане, итальянцы, греки, армяне, индусы, всѣ обращались постоянно къ помощи русскихъ врачей и русскаго госпиталя. Двери госпиталя были широко открыты для всѣхъ ночью и днемъ.

Госпиталь видѣлъ въ своихъ стѣнахъ людей всевозможныхъ религій: за помощью шли и христіане, и мусульмане, и послѣдователи ученія браминовъ, и язычники. Главный контингентъ стаціонарныхъ больныхъ состоялъ изъ людей средняго и низшаго класса, но ложились часто въ госпиталь, какъ больные или для производства операцій, и люди богатые или высокаго положенія, даже главный священникъ всего абиссинскаго духовенства, лицо наиболѣе почитаемое всей страной, Ичачэ-Габро-Сэлясіе, старикъ 95 лѣтъ, по личному совѣту и настоянію негуса Менелика, заболѣвъ тяжело, легъ въ госпиталь, гдѣ и пробылъ свыше мѣсяца, выйдя изъ него совершенно оправившимся и сохранивъ о госпиталѣ почти благоговѣйное воспоминаніе.

Императоръ Менеликъ былъ очень частымъ посѣтителемъ госпиталя, присутствуя многократно при производствѣ операцій; всѣ знатныя лица считали своимъ долгомъ навѣщать госпиталь, знакомиться съ постановкой дѣла, методами леченій и производствомъ операцій.

М. И. Лебединскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Smolensk. Les origines. L'epopée de Smolensk en 1812 d'après des documents inédits. Par le baron de Baye. Paris. Librairie academique. Perrin et C-ie. 1912. Prix 5 franc.

Смоленскъ, его возникновеніе. Эпопея 1812 года. По неизданнымъ документамъ составилъ баронъ де-Бэ. Парижъ. 1912.

БАРОНЪ де-Бэ, очень хорошо владѣющій русскимъ языкомъ и въ своихъ изслѣдованіяхъ о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи всегда очень безпристрастно относящійся къ Россіи, ко дню столѣтней годовщины жестокихъ битвъ подъ Смоленскомъ 4—6 августа 1812 года составилъ очень любопытную и живо написанную книгу, подъ выше приведеннымъ заглавіемъ, которая собственно раздѣляется на двѣ главныя части. Первая, составленная преимущественно по русскимъ изслѣдованіямъ (какъ-то: Никитина, «Исторія города Смоленска»; Грачева, «Путеводитель по Смоленску»; Мурзакевича, «Исторія города Смоленска»; «Историческое обозрѣніе города Смоленска». С.-Петербургъ. 1894 г. и многихъ другихъ), имѣетъ предметомъ краткій историческій очеркъ самаго города Смоленска, упоминаемаго лѣтописцами уже въ десятомъ вѣкѣ, въ которомъ княжившій съ 1078 года около 38 лѣтъ Владиміръ Мономахъ, основалъ въ 1101 году церковь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время возвышается извѣстный Успенскій соборъ, заложенный въ 1677 году и оконченный лишь въ 1772 году. Въ эту церковь Владиміръ Мономахъ поставилъ икону Божіей Матери, такъ называемой Одигитріи (что значитъ: укрывающая путь). По преданію, этою иконою, принадлежавшею императору Константину Багрянородному, была благословлена имъ его дочь Анна при отъѣздѣ ея въ Россію

для вступленія ея въ предстоявшій бракъ съ отцомъ Владимира Мономаха великимъ княземъ Всеволодомъ. Равнымъ образомъ де-Бэ, посѣтившій лично Смоленскъ, съ большимъ сочувствіемъ говоритъ и о другихъ достопримѣчательностяхъ города и особенно довольно много объ его знаменитыхъ стѣнахъ въ 2½ сажени толщины и въ три яруса, такъ сказать, сооруженныхъ еще Борисомъ Годуновымъ въ 1602 году на протяженіи пяти верстъ вокругъ города. Въ виду важности его въ стратегическомъ отношеніи Смоленскъ являлся въ то время сильнымъ оплотомъ противъ Польскаго королевства, у котораго онъ былъ отвоеванъ царемъ Василіемъ Іоанновичемъ въ 1514 году. Во время наступившаго позднѣе смутнаго времени король польскій Сигизмундъ, желая пріобрѣсти себѣ этотъ городъ, осадилъ его 29-го сентября 1609 года, при чемъ мужественною обороною Смоленска прославились бояринъ Михаилъ Борисовичъ Шейнъ и его товарищъ князь Петръ Горчаковъ. Шейнъ оборонялся въ теченіе двухъ лѣтъ. Посланный ему на подкрѣпленіе отрядъ войска въ 38 тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ князя Дмитрія Шуйскаго, брата царя Василія, былъ разбитъ гетманомъ Жолкевскимъ, но Шейнъ и обыватели Смоленска не падали духомъ и съ успѣхомъ отбивали неоднократные приступы поляковъ, даже на двадцатомъ мѣсяцѣ осады. Осажденные наконецъ стали терпѣть отъ недостатка продовольствія, наличный составъ гарнизона очень уменьшился, къ тому же среди его появилась цынга (скорбутъ), такъ что число здоровыхъ было не болѣе 400 человѣкъ. Въ это время при содѣйствіи измѣнника, указавшаго полякамъ наиболѣе слабую часть стѣны, имъ удалось пробить въ ней брешь, чрезъ которую и ворвались въ городъ 30-го іюня 1611 года. Тогда началась страшная борьба холоднымъ оружіемъ на улицахъ и стѣнахъ города, по трупамъ поляки дошли до большой церкви Божьей Матери, гдѣ укрывались семейства храбрыхъ защитниковъ съ ихъ имуществомъ, тутъ же были и склады пороха. Видя, что нѣтъ спасенія, укрывшіеся въ храмѣ зажгли эти склады и взлетѣли всѣ на воздухъ. Шейнъ тѣмъ не менѣе съ небольшимъ числомъ войновъ держался въ башнѣ (получившей названіе Шейна башня), не желая пережить паденія Смоленска. Только по усиленнымъ просьбамъ жены и дочери онъ наконецъ сдался Потоцкому. Позднѣе, въ 1630 году, Шейнъ и окольничій Измайловъ были отправлены отвоевать этотъ городъ. Но Шейнъ, столь доблестно оборонявшій городъ, не могъ имъ овладѣть въ то время и только гораздо позднѣе, въ 1654 году, царь Алексѣй Михайловичъ при содѣйствіи казаковъ возвратилъ себѣ Смоленскъ послѣ двухмѣсячной осады съ бомбардированіемъ и нѣсколькихъ приступовъ. Съ тѣхъ поръ Смоленскъ непрерывно принадлежитъ Россіи, и стѣны его оказали не малую ему услугу и въ войнѣ 1812 года при попыткѣ Наполеона I овладѣть имъ. Извѣстно, что при вторженіи Наполеона въ предѣлы Россіи въ 1812 году наши обѣ арміи, Багратіона и Барклая-де-Толли, стоявшія близъ западной границы, стали отходить въ предѣлы отечества съ намѣреніемъ также соединиться въ одну армію, но этого послѣдняго долго не могли достигнуть, потому что Наполеонъ предупреждалъ ихъ соединеніе, занимая ранѣе своими войсками назначенныя къ тому мѣста, какъ-то: Минскъ, Борисовъ, Могилевъ. Императоръ Александръ I въ письмѣ къ адмиралу Чичагову не одобрялъ образа дѣйствій ни Багратіона,

ни Барклая (это письмо въ «Воспоминаніяхъ адмирала Чичагова». Лейпцигъ. 1862 года. стр. 126, на французскомъ языкѣ) и въ то же время находилъ, что Наполеонъ сдѣлалъ большую ошибку, допустивъ ихъ соединеніе въ Смоленскѣ, которое онъ былъ въ состояніи не допустить, направившись самъ на Смоленскъ изъ Могилева и Орши. Подойдя къ Смоленску, армія Наполеона, какъ сообщаетъ Ланжеронъ, имѣла только треть своего первоначальнаго состава; кромѣ того, отъ непрерывныхъ дождей съ начала выступленія изъ Ковны до Вильны въ теченіе трехъ недѣль ощущался недостатокъ въ продовольствіи и въ фуражѣ для лошадей, отъ котораго погибло до 30.000 лошадей. Въ Смоленскѣ Наполеонъ имѣлъ въ строю только 150.000 человѣкъ, при Бородинѣ—только 134.000 человѣкъ, такъ что его армія на пути отъ Ковны до Бородина потеряла болѣе 125.000 человѣкъ. Предоставляя читателямъ непосредственно самимъ ознакомиться съ подробнымъ и притомъ безпристрастнымъ изложеніемъ барона де-Бэ всѣхъ военныхъ дѣйствій, происходившихъ въ первыхъ числахъ августа подъ Смоленскомъ и ближайшихъ къ нему мѣстахъ, что составляетъ вторую часть его любопытнаго труда,—мы упомянемъ лишь, что подъ Смоленскомъ произошли упорныя и кровопролитныя сраженія, покрывшія славою Дохтурова, Невѣровскаго и Раевскаго,—Наполеонъ, несмотря на упорныя атаки корпусовъ Нея и Даву, не могъ овладѣть городомъ. Онъ возымѣлъ намѣреніе обойти Смоленскъ съ другой стороны, наведя мостъ, чтобы отрѣзать русскимъ отступленіе къ Москвѣ, но это намѣреніе не было приведено имъ въ исполненіе, и битва вокругъ Смоленска снова возобновилась. Наполеонъ надѣялся, что въ ней приметъ участіе вся русская армія, но она ограничилась только обороною города съ большимъ ожесточеніемъ и удержала за собою всѣ предмѣстья города до вечера. Но ночью русскія войска получили приказаніе очистить городъ, что и исполнили безъ затрудненія и на другой день утромъ французы вступили въ Смоленскъ, почти весь зажженный непріятельскими снарядами. Множество труповъ покрывали улицы и площади; большинство жителей покинули городъ. Наполеонъ назначилъ сперва генерала Делаборда, а потомъ Шарпантье управлять городомъ и всею областью, приказалъ привести городъ въ оборонительное положеніе и вытребовать цѣлый артиллерійскій полкъ и три осадныя батареи изъ Магдебурга. Замѣчательно, что въ это почти время генералъ Шварценбергъ, бывшій въ войскахъ Наполеона, писалъ въ великой тайны Меттерниху что «положеніе великой арміи безвыходное», а извѣстный Дюрокъ, оберъ-гофмаршалъ Наполеона, немного ранѣе писалъ: «Императоръ не добьется мира ни въ Смоленскѣ, ни въ Москвѣ, онъ только будетъ находиться въ большемъ отдаленіи отъ Франціи. Миръ будетъ ускользать отъ насъ, какъ и русская армія отъ сраженія съ нами, но когда непріятель увидитъ, что мы обезсилены походомъ, когда большая часть нашей кавалеріи очутится безъ лошадей, русскіе попытаются дать намъ большое сраженіе; потерпѣвъ пораженіе, они спокойно отойдутъ еще далѣе, не будучи преслѣдуемы нами, быстро соберутъ подкрѣпленія, потому что они у себя дома, тогда какъ мы...» и т. д.

По словамъ де-Бэ, многіе генералы совѣтовали не итти далѣе въ глубь Россіи, при приближающейся осени. но остановиться на Днѣпрѣ, сдѣлавъ Смо-

ленскъ главнымъ центромъ зимняго расположенія войскъ, заняться устройствомъ арміи и заготовленіемъ всего для нея необходимаго ко второй кампаніи, которую должно въ 1813 году начать съ наступленіемъ хорошей погоды, а тѣмъ временемъ поднять Польшу, откуда можно было бы достать армію въ сто тысячъ человѣкъ. Но польскіе генералы, пользовавшіеся въ то время большимъ расположеніемъ Наполеона, побуждали его, по словамъ герцога Невшательскаго, итти въ Москву, чтобы этимъ прежде всего облегчить страну отъ тягостей, которыя она испытала бы при расположеніи французской арміи въ предѣлахъ Польши; они же завѣрили Наполеона, что онъ свободно, безъ выстрѣла, вступитъ въ первопрестольную столицу, а разъ Москва въ его рукахъ,—русскіе принуждены будутъ заключить миръ съ нимъ. По словамъ же другихъ, предположеніе ограничиться въ первую кампанію достиженіемъ истоковъ Двины и Днѣстра обсуждалось еще ранѣе, до начала войны, въ Парижѣ. Наполеонъ, любившій вести войну непродолжительно и быстро заключать миръ, не согласился съ подобнымъ предположеніемъ. Поэтому въ Смоленскѣ таковое и не обсуждалось, а только шла рѣчь о томъ, двинуться ли на Москву, или Петербургъ. Какъ извѣстно, Наполеонъ пошелъ въ Москву скоро и возвращался въ бѣдственномъ положеніи чрезъ тотъ же Смоленскъ, имѣя не болѣе 42.000 солдатъ. При этомъ онъ приказалъ разстрѣлять подъ стѣнами Смоленска полковника Энгельгардта и дворянина Шубина, двухъ помѣщиковъ Смоленской губерніи, составившихъ партизанскіе отряды, которые были захвачены въ плѣнъ французами. Позднѣе императоръ Николай I приказалъ соорудить памятникъ этимъ вѣрнымъ сынамъ отечества. Описаніемъ этого послѣдняго пребыванія Наполеона въ Смоленскѣ и заканчивается любопытное и прекрасно изложенное изслѣдованіе барона де-Бэ, которое снабжено весьма интересными приложеніями, а также очень хорошими гравюрами, преимущественно относящимися къ Смоленску.

П. Майковъ.

Б. Б. Глинскій. Революціонный періодъ русской исторіи. (1861—1881 гг.). Историческіе очерки. Ч. I, съ 40 портретами и иллюстраціями. Стр. 528. Ч. II, съ 59 портретами и иллюстраціями. Стр. 554. Изд. т-ва А. С. Суворина «Новое Время». Спб. 1913. Цѣна за обѣ части 5 руб. 50 коп.

Русское общество двухъ послѣднихъ десятилѣтій съ особымъ вниманіемъ обращалось къ «60-мъ» годамъ XIX в., интересуясь всякимъ проявленіемъ тогдашней общественной мысли и настроенія, знакомясь и съ революціонными выступленіями того времени, которыя до событій 1905 года пріобрѣтали для многихъ идейно-симпатичный характеръ. Послѣ недавней революціи отношеніе къ революціоннымъ и террористическимъ актамъ стало совершенно инымъ, однако вниманіе и интересъ къ 60—80-мъ годамъ хотя и ослабѣли, но все же продолжали быть весьма значительными. Къ тому же годы смягченія цензурныхъ условій сдѣлали возможнымъ появленіе множества новаго, весьма любопытнаго и важнаго матеріала, освѣщающаго недавнюю, но подернутую туманомъ конспирацій и запретовъ эпоху: появились разсказы и воспоминанія стариковъ,

ущѣлѣвшихъ еще отъ того времени (Пантелѣева, Обручева и др.), напечатанъ богатый матеріалъ изъ слѣдственныхъ дѣлъ надъ революціонными дѣятелями и лицами, привлекавшимися къ суду по обвиненію ихъ въ политическихъ преступленіяхъ (дѣла «великоруссцевъ», «воскресниковъ», «Чернышевскаго», «193-хъ», «1-го марта» и проч.).

Уже были попытки связать имѣющійся въ печати разрозненный матеріалъ въ одно послѣдовательное историческое изложеніе. Таковы, напримѣръ, книги: Туна, «Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи»; Сватикова, «Общественное движеніе въ Россіи»; Лемке, «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ» (ср. его же, «Политическіе процессы Михайлова, Писарева и Чернышевскаго») и наиболѣе обработанная книга А. А. Корнилова «Общественное движеніе при Александрѣ II (1855—1881 гг.)». Этими книгами намѣчены были основныя вѣхи въ изображеніи общественнаго и революціоннаго движенія 60—80 годовъ XIX вѣка. Но онѣ или давали сырой матеріалъ въ мало обработанной формѣ, какъ, напримѣръ, книги Лемке, или давали схемы, которыя недостаточно вводили читателя въ живую, конкретную обстановку, съ бытовыми подробностями.

Примирить схемы съ бытомъ, объединить въ одинъ общій разсказъ событія 60—80-хъ годовъ, собрать многочисленныя разбросанныя по отдѣльнымъ изданіямъ свѣдѣнія объ этой эпохѣ и беретъ на себя авторъ «историческихъ очерковъ» г. Глинскій. «Не претендуя на оригинальность своей работы,—читаемъ въ предисловіи первой части,—авторъ отводитъ ей скромное мѣсто популяризаціи уже имѣющихся въ печати источниковъ, разбросанныхъ въ многочисленныхъ журналахъ, книгахъ и брошюрахъ, вышедшихъ по преимуществу въ 1905—1906 гг., доступъ къ которымъ по большей части для читателя затруднителенъ или почти невозможенъ; онъ исходитъ изъ того, что «популярная компановка обширнаго матеріала необходима, дабы не только спеціалисты по исторіи и любители ея, знакомые со всѣми источниками ея, но и широкая читающая публика имѣла правильное пониманіе о судьбахъ родной земли за вторую половину XIX столѣтія». Историческіе очерки г. Глинскаго первоначально печатались на страницахъ «Историческаго Вѣстника», а теперь вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ видѣ двухъ, обширныхъ по объему, частей.

Не пытаясь изложить содержаніе обширной работы Б. Б. Глинскаго, я напомню основную манеру разсказа и характеристикъ, къ которымъ прибѣгаетъ авторъ. Онъ противопоставляетъ двѣ силы: правительство и общество, и въ «реальныхъ фактахъ русской жизни» слѣдитъ за взаимоотношеніемъ и борьбой этихъ силъ, останавливаясь даже и на крайнихъ, порой жестокихъ и кровавыхъ, выпадахъ той и другой стороны. Предъ взоромъ читателя проходитъ рядъ правительственныхъ дѣятелей (Валуевъ, графъ Д. Толстой, Лорисъ-Меликовъ и др.) съ ихъ программами реформъ, съ одной стороны, съ ихъ медлительностью, колебаніями и боязнью, съ другой, боязнью передъ «конституціей», которая казалась ненужной и несвоевременной, противъ которой боролись мѣрами репрессій. Предъ читателями проходитъ также длинный рядъ либеральныхъ и революціонныхъ дѣятелей: Герценъ, Бакунинъ, Чернышевскій, Михайловъ, Писаревъ, Серно-Соловьевичъ, «воскресники», «нечаевцы», Лавровъ, Ткачевъ, «чайковцы»,

Кравчинскій, народники, пропагандисты, «террористы», Вѣра Засуличъ, Морозовъ, Желябовъ, Перовская, Рысаковъ и множество другихъ. Книга заканчивается разсказомъ объ ужасномъ событіи 1-го марта, которое унесло въ могилу императора Александра II, но оно же развѣяло и уничтожило самихъ террористовъ.

Приступая къ разбору книги г. Глинскаго, укажу на нѣкоторые неизбѣжные во всякой работѣ недочеты. Прежде всего отмѣчу, что авторъ не пользуется всей той литературой, которая имѣется о времени Александра II, что ведетъ къ нѣкоторой неясности и неполнотѣ изложенія. Такъ, напримѣръ, относительно виднѣйшихъ публицистовъ того времени Чернышевскаго и Добролюбова г. Глинскій лишь кратко, и то объ одномъ Чернышевскомъ, замѣчаетъ, что онъ былъ «поклонникомъ нѣмецкаго философа Фейербаха» (стр. 72), тогда какъ извѣстно, что горячимъ поклонникомъ того же философа былъ и Добролюбовъ; извѣстно и то, что Фейербахъ, вообще, оказалъ сильнѣйшее вліяніе на мысль и настроеніе передовыхъ круговъ общества (Собр. соч. Н. А. Добролюбова, изд. «Дѣятель», подъ ред. Е. Аничкова, т. I, 56, 68). Кстати отмѣчу маленькій курьезъ: на слѣдующей страницѣ (73) г. Глинскій, цитируя Иванова-Разумника, пишетъ: «по словамъ г. Разумника»... Разумникъ не фамилія, а имя. О Герценѣ авторъ не цитируетъ статей Н. А. Котляревскаго (печатались въ «Вѣстн. Европы»), превосходно разъяснившаго упадокъ популярности Герцена.

Затѣмъ укажу, что г. Глинскій написалъ книгу собственно не на основаніи «источниковъ» только, но и на основаніи пособій историческихъ и литературныхъ, изъ которыхъ онъ часто беретъ свѣдѣнія, не прибѣгая къ первоисточникамъ. У него цитируются работы С. А. Венгерова, Н. И. Карѣева, Е. Соловьева (Андреевича), Русанова (Н. Кудрина), Лемке, Корнилова, Татищева и др. Иногда же авторъ нейдетъ къ самому источнику, а заимствуетъ выдержку изъ него по другой книгѣ, впрочемъ, указывая на это въ примѣчаніи (напримѣръ, стр. 258, 381). Наконецъ отмѣчу излишнее увлеченіе автора цитатами и выдержками изъ другихъ книгъ.

Но всѣ эти недочеты съ избыткомъ покрываются тѣми значительными достоинствами, которыя имѣютъ историческіе очерки г. Глинскаго. Если имѣть въ виду ту главную цѣль, которую поставилъ себѣ авторъ, то она имъ вполнѣ достигнута. Имъ собранъ живой и богатый фактическій матеріалъ, онъ широко захватилъ намѣченную имъ эпоху, далъ фактически полное, мѣстами очень яркое изображеніе правительственныхъ мѣропріятій, общественныхъ настроеній и революціонныхъ выступленій за два послѣднихъ десятилѣтія царствованія императора Александра II; изложены событія съ возможной объективностью, въ мягкихъ тонахъ, безъ особыхъ нападокъ, порицаній и похвалъ той или другой изъ борющихся сторонъ; съ внѣшней стороны изложеніе—ясное и живое. Очерки иллюстрированы многочисленными хорошо исполненными портретами и снимками (около 100), набраны отчетливымъ шрифтомъ и оттиснуты на хорошей бумагѣ. Книгу В. В. Глинскаго можно смѣло рекомендовать широкому кругу читателей, которые прочтутъ ее съ пользой и интересомъ.

М. Клочковъ.

Курскій Сборникъ. Изданіе курскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей секретаря комитета Н. Н. Златоверховникова, выпускъ VII. Курскъ. 1912. Кратній историческій очеркъ Курскаго края. Составилъ Н. Н. Златоверховниковъ. Курскъ. 1912.

При поразительной бѣдности не только историческихъ сочиненій и изданій, но даже статей въ періодическихъ изданіяхъ о Курскомъ краѣ появленіе въ свѣтъ двухъ книгъ одного изъ выдающихся мѣстныхъ дѣятелей на научномъ поприщѣ представляетъ отрадное явленіе. Благопріятное впечатлѣніе усиливается вслѣдствіе ближайшаго ознакомленія съ новымъ выпускомъ «Курскаго Сборника» и «историческаго очерка». Здѣсь находимъ нѣсколько работъ сотрудниковъ «Сборника», которыя заключаютъ въ себѣ данныя интересныя не только для курянъ, но и для другихъ читателей. Во главѣ «Сборника» находимъ статью «Годъ священной памяти», гдѣ сообщены новыя свѣдѣнія изъ исторіи Отечественной войны, въ особенности о проявленіи горячаго патріотизма населенія. Такъ, напримѣръ, курскій помѣщикъ, офицеръ Флоръ Михайловичъ Абросимовъ писалъ курскому губернатору А. Н. Нелидову: «Я за всеавгустѣйшаго всероссійскаго императора и за всю царскую фамилію и за все отечество желаю вступить въ ополченіе и стать охотно въ шеренгу подъ ружье; когда двинется ополченіе въ походъ, то и меня послать туда въ первомъ отрядѣ, ибо я—русскій человѣкъ, а русское имя есть твердая вѣрность, желаю служить на собственномъ моемъ коштѣ». Курское дворянство послѣ 1812 года не пожелало избрать въ губернскіе предводители иного лица, кромѣ героя Бородинскаго боя, генералъ-майора Ивана Михайловича Ушакова, раненаго въ этомъ бою и получившаго орденъ святого Георгія Побѣдоносца, который, будучи предводителемъ, оставленъ былъ самимъ государемъ Александромъ I на дѣйствительной военной службѣ, что представляетъ чрезвычайно рѣдкій случай въ исторіи русскаго дворянства. Интересенъ также тотъ фактъ, что всѣ сословія Курской губерніи приписывали благоразумнымъ, корректнымъ и гуманнымъ дѣйствіямъ губернатора Нелидова легкость, съ которою населеніе Курской губерніи выполнило многочисленныя и тяжелыя повинности для содѣйствія успѣху борьбы съ Наполеономъ. «Въ другихъ губерніяхъ, гдѣ мы владѣемъ имѣніями,—сказано было въ приговорѣ курскихъ дворянъ,—мы не видѣли такихъ благодѣтельныхъ распоряженій, какія видимъ здѣсь, какъ несравненное противъ прочихъ губерній облегченіе, такъ и самое правосудіе, оказываемое А. И. Нелидовымъ съ человѣколюбіемъ и кротостью». Ему были поднесены адресъ и особая золотая медаль дворянствомъ, серебряное блюдо купечествомъ. Какимъ чувствомъ любви окружали А. И. Нелидова купеческое и мѣщанское общества городовъ Курской губерніи, видно изъ того, что черезъ десять лѣтъ послѣ Отечественной войны, когда Нелидовъ былъ уже давно частнымъ человѣкомъ, эти общества не забыли его, поднесли ему прекрасный портретъ съ надписью и постановили помѣстить его въ думѣ. «Если кто-либо,—писалъ Нелидову городской голова,—прежде могъ заподозрѣть лесть въ поступкѣ нашемъ, то пусть нынѣшній нашъ поступокъ подтвердитъ искрен-

ность нашихъ чувствъ. Дѣти наши должны узнать благодѣтеля отцовъ своихъ». Портретъ Нелидова былъ написанъ извѣстнымъ художникомъ Рембауромъ.

Для біографіи безсмертнаго Пушкина весьма цѣнно въ «Сборникѣ» сообщеніе, доселѣ неизвѣстное, взятое изъ фамильныхъ бумагъ состоявшаго при государѣ наслѣдникѣ цесаревичѣ Александрѣ Николаевичѣ генералъ-лейтенанта С. А. Юрьевича объ отношеніи цесаревича къ смерти А. С. Пушкина. Въ дневникѣ Юрьевича за январь 1837 года было написано:

«29, пятница. Поэтъ нашъ А. Пушкинъ умеръ сегодня около полудня (онъ третьяго дня былъ раненъ на дуэли съ Дантесомъ). Жуковскій сообщилъ эту вѣсть великому князю съ подробностями о его кончинѣ и причинѣ дуэли. Великій князь искренно пожалѣлъ о невозвратной потерѣ необыкновеннаго таланта, обѣщавшаго много еще для русской литературы». Весьма интересны матеріалы для этнографіи Курскаго края, напримѣръ, «приказка» подъ заглавіемъ: «Чого люды не роблять по праздныкамъ», полный ритуалъ народной современной свадьбы, изложенный В. В. Таряниковымъ. Ограничиваясь, въ виду краткости замѣтки, только упоминаніемъ объ этихъ матеріалахъ, мы считаемъ долгомъ обратить вниманіе всѣхъ провинціальныхъ дѣятелей по мѣстной исторіи на ученый архивъ императорскаго русскаго географическаго общества. Этотъ архивъ обыкновенно остается внѣ вѣдѣнія ихъ, вслѣдствіе незнанія того, что въ указанномъ архивѣ хранятся, въ большомъ числѣ, рукописи для исторіи, географіи и этнографіи разныхъ мѣстностей Россіи, гдѣ находится множество данныхъ для исторіи нашихъ провинцій. Такъ, напримѣръ, авторъ статьи объ архивѣ императорскаго русскаго географическаго общества Д. К. Зеленинъ даетъ описаніе 44-хъ рукописей о Курской губерніи, поступившихъ въ ученый архивъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ отъ разныхъ лицъ, к торыя имѣли въ виду подѣлиться своими историко-этнографическими изслѣдованіями съ географическимъ обществомъ. Содержаніе этихъ рукописей въ большинствѣ случаевъ оказывается неизвѣстнымъ для людей, хорошо знающихъ и систематически изучавшихъ прошлое Курскаго края... То же, разумѣется, должно сказать и о другихъ краяхъ нашего обширнаго отечества. Описи ученаго архива, говоритъ г. Зеленинъ, до сихъ поръ не существуетъ, и богатѣйшій матеріалъ, заключающійся въ немъ, доступенъ и извѣстенъ весьма немногимъ. «Краткій историческій очеркъ Курскаго края» представляетъ первый опытъ изложенія, въ конспективномъ видѣ, прошлой жизни этого края и можетъ быть прочтенъ съ интересомъ для знакомства съ нѣкоторыми болѣе или менѣе значительными событіями Курской исторіи.

А. Танковъ.

С. Горяиновъ. 1812. Документы государственнаго и с.-петербургскаго главнаго архивовъ. Изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ. Спб. 1912. 19+562+184 стр. Ц. 5 руб.

Среди многочисленныхъ изданій матеріаловъ и документовъ, относящихся къ «священной памяти двѣнадцатому году», изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ, внимательно приготовленное къ печати С. М. Горяиновымъ, занимаетъ

одно изъ видныхъ мѣстъ. Въ немъ въ хронологическомъ порядкѣ кратко описано громадное число, именно 15.171 номеръ документовъ, хранящихся въ государственномъ и петербургскомъ главномъ архивахъ, и напечатаны въ подлинникѣ: 1) 140 записокъ Александра I къ канцлеру графу Румянцову; 2) два проекта рескриптовъ графу Голенищеву-Кутузову, рапортъ послѣдняго императору Александру I (отъ 20-го апрѣля); 3) проектъ «инструкціи новому главнокомандующему (Чичагову) и 24 письма изъ переписки Александра I съ адмираломъ Чичаговымъ; 4) письмо Наполеона изъ Москвы 8 (20-го сентября) Александру I, просьба Мюрата Наполеону и перехваченное письмо неаполитанской королевы ему же, и 5) вѣдомость о числѣ истребленныхъ труповъ по изгнаніи непріятеля изъ Россіи (430.707 человѣческихъ труповъ, 230.677 скотскихъ).

Въ концѣ книги приложенъ алфавитный указатель личныхъ именъ, облегчающій справки и розыски нужныхъ документовъ. **М. К.**

В. Г. Дружининъ. Писанія русскихъ старообрядцевъ. Перечень списковъ, составленный по печатнымъ описаніямъ рукописныхъ собраній. Изданіе императорской археографической комиссіи. Спб. 1912. Стр. XIV+534. Цѣна 3 рубля.

При изученіи литературы русскаго старообрядчества изслѣдователю приходится разыскивать интересующія его произведенія въ рукописныхъ собраніяхъ, для чего необходимо пересматривать описанія рукописей; описанія эти часто находятся съ трудомъ; кромѣ того, нужно имѣть въ виду также собранія, еще вовсе не описанныя. Указатель г. Дружинина имѣетъ своею цѣлью облегчить работу изслѣдователя, представляя свѣдѣнія о памятникахъ старообрядческой литературы изъ напечатанныхъ описаній рукописей. Для этого составитель воспользовался всѣми извѣстными ему, какъ историку раскола, описаніями рукописей и отчетами общественныхъ книгохранилищъ. Въ основу его труда положены описанія: Хлудовскаго собранія рукописей, сдѣланное А. И. Поповымъ, и собранія Богданова, описанное И. А. Бычковымъ. Изъ ненапечатанныхъ описаній г. Дружининъ воспользовался лишь 1) рукописнымъ описаніемъ собранія рукописей Рогожскаго кладбища въ Москвѣ, составленнымъ о. Власовымъ, и 2) указаніями на нѣкоторыя рукописи изъ собранія, принадлежащаго изслѣдователю (въ библіотекѣ г. Дружинина въ настоящее время находится 680 старообрядческихъ рукописей).

Перечень состоитъ изъ двухъ частей.

Въ первой помѣщены сочиненія въ алфавитномъ порядкѣ именъ ихъ авторовъ; во второй—перечислены сочиненія безыменныя по алфавиту перваго слова заглавій, а гдѣ заглавія нѣтъ, то по первому слову начала текста. Письма и посланія соединены и расположены по именамъ ихъ отправителей или адресатовъ. Для облегченія нахожденія текстовъ приложенъ указатель, въ которомъ помѣщены начальныя строки памятниковъ, расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ перваго слова строки.

Почтенный трудъ г. Дружинина, безъ сомнѣнія, облегчитъ и упроститъ работы изслѣдователей старообрядчества. Иллюстрируемъ это примѣромъ. Положимъ, изслѣдователю попадается въ пріобрѣтенномъ имъ рукописномъ сборникѣ статья, авторъ коей ему неизвѣстенъ, начинающаяся со словъ: «Человѣкъ есть вещь дивна велія и прекрасная». Обращаясь къ указателю начальныхъ строкъ, изслѣдователь видитъ, что свѣдѣнія объ этой статьѣ можно найти на стр. 117-й труда г. Дружинина. На данной страницѣ онъ усматриваетъ, что указанными словами начинается «Слово о человѣкѣ», принадлежащее перу Андрея Денисова, которое находится также въ сборникѣ № 268 Хлудовскаго собранія, начинаясь на л. 123, и въ сборникѣ № 531 собранія В. Г. Дружинина на л. 136. Такимъ образомъ опредѣляется сразу авторъ статьи, и указываются для могущаго понадобиться сравненія тѣ сборники, въ коихъ она также встрѣчается, и книгохранилища, гдѣ эти сборники находятся. Какъ изданіе справочное и библіографическое, книга г. Дружинина является цѣннымъ вкладомъ въ литературу вопроса о старообрядчествѣ. **В. В. Т.**

И. И. Соневицкій. Холмщина. Очерки прошлаго. Спб. 1912. Стр. 53. Цѣна 65 коп.

Въ числѣ законопроектовъ, вызвавшихъ при своемъ прохожденіи въ законодательныхъ учрежденіяхъ большой интересъ всего общества, былъ благополучно завершившійся законопроектъ объ учрежденіи особой Холмской губерніи. Исторія этой древне-русской окраины для очень многихъ совершенно неизвѣстна, а если и имѣются кой-какія свѣдѣнія, то, почерпнутыя изъ періодической печати и обработанныя подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, они носятъ узко-партійный характеръ. Первой болѣе или менѣе безпристрастной попыткой напомнить прошлое забытаго края являются очерки г. Соневицкаго, знакомящіе читателя въ легкой и живой формѣ съ событіями развитія Холмщины, имѣвшими мѣсто въ теченіе послѣдняго полустолѣтія. Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что его очерки «не имѣютъ характера компилятивнаго труда. Составляя ихъ, авторъ не пользовался ни печатными, ни рукописными источниками, а описалъ лишь то, что ему сдѣлалось извѣстнымъ изъ офиціальныхъ источниковъ за время продолжительной государственной слѵжбы въ губерніяхъ Царства Польскаго, причемъ съ нѣкоторыми изъ дѣятелей Холмщины, положившихъ не мало заслугъ для ея обновленія, былъ знакомъ лично и по ихъ разсказамъ составилъ настоящее, далеко не полное описаніе ея судебъ».

На ряду съ положительными сторонами исторіи Холмщины авторъ не замалчиваетъ и отрицательныхъ; такъ, напримѣръ, мы узнаемъ объ участіи военной силы въ 1875 г. въ дѣлѣ насажденія православія среди уніатовъ и въ увѣщеваніи «упорствующихъ» и т. п. Это безпристрастіе автора въ изложеніи историческихъ фактовъ подкупаетъ читателя, и книга прочитывается съ большимъ интересомъ, тѣмъ болѣе, что самый вопросъ о Холмщинѣ еще до сихъ поръ не потерялъ своей остроты. **М—о.**

Н. Н. Соболевъ. Набойка въ Россіи. Исторія и способъ работы. Москва. 1912. Стр. 107. Цѣна 75 коп.

Считая Индію «классической страной набивного дѣла», авторъ распространеніе послѣдняго ведетъ черезъ Финикію, Палестину, Египетъ, Византію въ Италію, Францію, Германію и Англію, полагая, однако, что «въ Россіи возникновеніе набивного дѣла не было зависимо отъ тѣхъ причинъ, которыя оказывали свое вліяніе на Западѣ». Въ этомъ дѣлѣ Россія всецѣло находилась подъ вліяніемъ Востока «не только вслѣдствіе политической зависимости, но и вслѣдствіе постояннаго оживленнаго товарообмѣна. Продукты, вывозимые русскими изъ своей страны, обмѣнивались на товары, зачастую вызывавшіе у насъ подражаніе».

До нашего времени набоекъ сохранилось главнымъ образомъ въ музеяхъ и церквахъ сравнительно много, хотя и болѣе поздняго происхожденія. «Что окрашиваніе тканей и набойка существовали уже въ XII вѣкѣ на Руси, на это указываютъ намъ части церковной одежды, оставшейся послѣ святителя Варлаама Хутынскаго (умершаго 1193 г.). Одежды эти подложены лазоревой крашениной».

Перенося иностранный рисунокъ на отечественную почву, наши набойщики перерабатывали его согласно своему національному творчеству и такимъ образомъ создавали все новыя и новыя композиціи. И дѣйствительно, многочисленныя названія показываютъ, насколько разнообразны были самые рисунки. Да оно и понятно, такъ какъ не только иностранное вліяніе давало темы и матеріалъ для тѣхъ или иныхъ рисунковъ набойки, но и окружающая природа, животный и растительный міръ, вышивки одеждъ, деревянная рѣзьба домовыхъ украшеній, творческія произведенія народной фантазіи, первыя лубочныя картины, узорныя кафели печей, украшенія рукописей и первыхъ печатныхъ книгъ,—все это нашло откликъ въ рисункахъ набивныхъ тканей.

Вообще настоящую книгу можно порекомендовать любителямъ нашей древнерусской старины, владѣльцамъ коллекцій набоекъ и хранителямъ музеевъ, такъ какъ почти въ каждомъ изъ нихъ (музеевъ) сохранились или набивная доска, или же образцы набойки. А если вовсе не имѣется этого, то настоящая книга, можетъ быть, толкнетъ на собраніе образцовой коллекціи набоекъ, которую и въ наши дни, хотя и съ большимъ трудомъ, но возможно все-таки еще составить, и которая, по нашему мнѣнію, все же необходима почти для каждаго музея.

Съ внѣшней стороны книга производитъ прекрасное впечатлѣніе, а недорогая цѣна даетъ возможность болѣе широкимъ кругамъ ознакомиться съ нею. Масса снимковъ (есть и въ краскахъ) съ набоекъ, раскрашенныхъ матерій и моментовъ набойнаго производства. Кстати маленькая подробность: обложка книги также представляетъ собою одинъ изъ многочисленныхъ образцовъ набивной матеріи натуральнаго цвѣта.

Д. Бочковъ.

Графъ К. А. Хрептовичъ-Бутеневъ. Замѣтка о военныхъ дѣйствіяхъ въ 1812 году въ мѣстности Новогрудскаго и Ошмянскаго уѣздовъ. Петербургъ. 1911. Стр. 20 Цѣна не обозначена.

Среди обширной литературы, вызванной юбилеемъ 1812 года, нельзя не обратить вниманія на изданную подъ редакціей извѣстнаго историка событій наполеоновскихъ войнъ г. Военскаго брошюру графа К. А. Хрептовича-Бутеневъ о военныхъ дѣйствіяхъ въ 1812 году въ мѣстности Новогрудскаго и Ошмянскаго уѣздовъ, гдѣ расположены имѣнія автора брошюры, чѣмъ отчасти и объясняется его интересъ къ событіямъ, разыгравшимся въ 1812 году именно въ указанной мѣстности.

Графъ К. А. Хрептовичъ-Бутеневъ сынъ извѣстнаго дипломата первой половины прошлаго вѣка А. П. Бутенева, современника и очевидца-участника кампаніи 1812 года, оставившаго объ этой эпохѣ любопытные мемуары, напечатанные въ «Русскомъ Архивѣ» въ 1881—1884 гг.; кромѣ того, авторъ названной выше брошюры приходится внучатнымъ племянникомъ другому выдающемуся дѣятелю того же времени, графу Адаму Хрептовичу, стоявшему во главѣ временнаго правительства, избраннаго французами для гражданскаго управленія Литвой.

На основаніи печатныхъ матеріаловъ и вообще литературы, посвященной знаменательной эпохѣ 1812 года, а также по даннымъ семейнаго архива и документамъ хозяйственнаго управленія своихъ имѣній Щорсъ, Вишнева и Башенковичей, около которыхъ разыгрывались крупныя событія кампаніи 1812 года, авторъ освѣщаетъ детально военныя дѣйствія, происходившія въ предѣлахъ Ошмянскаго и Новогрудскаго уѣздовъ, исправляя по этимъ новымъ, неизвѣстнымъ еще въ исторической литературѣ матеріаламъ ошибки такихъ авторитетныхъ изслѣдователей, какъ Михайловскій-Данилевскій, Богдановичъ, Харкевичъ и другіе.

Между прочимъ авторъ брошюры «О военныхъ дѣйствіяхъ въ Новогрудскомъ и Ошмянскомъ уѣздахъ» даетъ отвѣты на слѣдующіе вопросы, имѣющіе весьма существенное значеніе для правильнаго пониманія движенія нашихъ армій послѣ перехода Наполеона черезъ Нѣманъ, для сосредоточенія у Смоленска, а именно: 1) дѣйствительно ли 21-го іюня присоединился къ Багратіону въ Новогрудкѣ генералъ Невѣровскій съ 27-й пѣхотной дивизіей? На этотъ вопросъ, пользуясь записями въ хозяйственныхъ книгахъ своей Щорсовской экономіи, графъ Хрептовичъ-Бутеневъ отвѣчаетъ, что въ дѣйствительности дивизія Невѣровскаго присоединилась ко второй арміи, слѣдуя форсированными маршами изъ Минска, около Кореличей, т.-е. за Новогрудкомъ, при томъ двумя днями позднѣе.

2) Былъ ли князь Багратіонъ съ VII пѣхотнымъ корпусомъ на ночлегѣ въ Новомъ Сверженѣ съ 24-го на 25-ое іюня? На этотъ вопросъ, на основаніи чисто топографическихъ данныхъ указанной мѣстности и другихъ соображеній и сопоставленій, авторъ брошюры даетъ отрицательный отвѣтъ, устанавливая, что князь Багратіонъ лично произвелъ лишь кавалерійскую рекогносцировку въ направленіи Новаго Свержня, для соединенія съ отрядомъ Дорохова, а

вторая армія двинута была имъ 25-го іюня изъ Мира прямымъ путемъ на Несвижъ, по столбовой дорогѣ.

3) Какимъ именно путемъ присоединился къ арміи князя Багратіона атаманъ Платовъ, прибывшій изъ Ивья въ Бакшты 23-го іюня? Руководствуясь детальнымъ знаніемъ мѣстности, гдѣ совершились упомянутыя событія, авторъ брошюры даетъ объясненіе, какъ именно совершилось внезапное появленіе казаковъ Платова около Вишневъ, едва не окончившееся плѣненіемъ маршала Даву, а затѣмъ устанавливаетъ движеніе отряда Платова не черезъ болота и лѣса, пересѣченные массою рѣчекъ у Волжина черезъ Камень и Хатово, а изъ Бакшть къ Николаеву и далѣе тѣмъ же путемъ, по которому двигалась и вся вторая армія.

Нельзя не поблагодарить графа Хрептовича-Бутенева за его изслѣдованіе, основанное, какъ мы сказали, на неизвѣстныхъ до сихъ поръ еще архивныхъ матеріалахъ, и не пожелать, чтобы побольше появилось такихъ изслѣдованій, освѣщающихъ детали военныхъ дѣйствій великой эпохи 1812 года, необходимыхъ для правильнаго пониманія крупныхъ событій приснопамятной борьбы съ Наполеономъ въ предѣлахъ Россіи.

В. Мустофинъ.

Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго правительствующаго синода. Томъ XIV (1734). Спб. 1910 г. VI+1128 стран. Цѣна 3 руб. 25 коп.—Томъ XX (1740 г.). Спб. 1908 г. VII+1216 стран. Цѣна 3 руб. 50 коп.—Томъ XXIII (1743 г.). Спб. 1911 г. VII+1120 стран. Цѣна 3 руб. 25 коп.—Т. XXVI (1746 г.). Спб. 1907 г. VIII+874 стран. Цѣна 3 руб. 25 коп.—Т. XXXI (1751 г.). Спб. 1909 г. III+806 стран. Цѣна 2 руб. 75 коп. Т. XXXIX (1759 г.). Спб. 1910 г. VII+848 стран. Цѣна 2 руб. 75 коп.

Существующая съ 1865 года и состоящая нынѣ подъ предсѣдательствомъ академика тайнаго совѣтника А. И. Соболевскаго высочайше учрежденная при святѣйшемъ синодѣ комиссія по описанію синодальнаго архива издаетъ томъ за томомъ «Описаніе хранящихся въ архивѣ документовъ и дѣлъ» и имѣетъ въ настоящее время вышедшими изъ печати 21 томъ, печатающимися въ четырехъ типографіяхъ 15 томовъ и готовящимися къ печати такое же количество томовъ. Всѣ эти томы содержатъ въ себѣ массу не использованнаго еще, въ большинствѣ случаевъ чрезвычайно важнаго, а иногда и единственнаго церковно-историческаго матеріала. Матеріалы эти имѣютъ громадное значеніе для составленія біографій выдающихся лицъ, имѣвшихъ то или иное отношеніе къ духовному вѣдомству, для исторіи епархій, ихъ административныхъ органовъ, церквей, монастырей, духовно-учебныхъ заведеній и миссій, для исторіи раскола, ересей, сектъ и т. д. Разсматривая вышеперечисленные томы «Описанія документовъ и дѣлъ», мы переносимся въ отдаленныя времена царствованія императрицъ Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны, совершенно противоположныя по характеру правленія одного другому. Присутствуемъ на судѣ и допросахъ длиннаго ряда духовныхъ лицъ, начиная съ епископовъ и кончая церковниками, обвиняемыхъ въ измѣнѣ, въ неотправленіи положенныхъ бого-

служеній, въ уклоненіи отъ присяги, въ ложномъ сказываніи «слова и дѣла», въ нарушеніи указовъ о непостриженіи въ монашество, въ волшебствѣ, колдовствѣ, въ почитаніи за святого юродиваго и т. п.; видимъ и помилованіе всѣхъ этихъ безъ вины виноватыхъ лицъ, начавшееся сряду послѣ кончины Анны Іоанновны. Путешествуемъ вмѣстѣ съ миссіонерами въ Осетію, Якутскъ, Камчатку, Китай; ѣдемъ по Волгѣ и встрѣчаемся съ калмыками, мордвою, чувашами, черемисами, вотяками, лопарями, самоѣдами и раскольниками всѣхъ толковъ и согласій. Слышимъ стоны родителей при тяжелыхъ разборахъ дѣтей духовенства во время аннинскаго правленія, читаемъ и о прекращеніи этой жестокой мѣры собиранія войска; узнаемъ о секуляризаціи церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, длившейся около года и какъ бы предвозвѣстившей законодательный актъ екатерининскаго времени; о защитѣ православныхъ въ Польшѣ отъ притѣсненія уніатовъ; объ устройствѣ православныхъ церквей во вновь завоеванныхъ городахъ Кенигсбергѣ, Пиллау и Мемелѣ; видимъ распоряженія святѣйшаго синода объ улучшеніи нравственнаго состоянія духовенства, а также по дѣламъ брачнымъ, заботы объ улучшеніи иконописанія; получаемъ интересныя свѣдѣнія объ издательской дѣятельности святѣйшаго синода (закончено начатое въ 1712 году печатаніе библіи); встрѣчаемъ извѣстіе, какъ благочестивые цари пріобщались святыхъ тайнъ; знакомимся съ началомъ дѣятельности знаменитаго борца за права церкви митрополита Арсенія Мацѣевича; находимъ осмотръ и описаніе всѣхъ петербургскихъ и московскихъ церквей того времени и проч. и проч.

Къ сожалѣнію, нѣкоторые предшествующіе перечисленнымъ томы «Описанія» составляютъ уже библіографическую рѣдкость, а иные, какъ съ II-го по VIII-й, продаются съ уступкою до 75 проц., такъ какъ печатались въ большомъ количествѣ экземпляровъ. М—ловъ.

Бытъ и нравы русской арміи послѣ 1812 г. По письмамъ генерала Фези изъ Польши и Кавказа. Перевелъ съ рѣдкой рукописи и обработалъ шт.-кап. В. Н. Жилинскій. Изданіе В. Березовскаго. 1912 Стр. 208. Цѣна 1 руб. 20 коп.

Подъ этимъ заглавіемъ г. Жилинскимъ изданъ сборникъ писемъ извѣстнаго русскаго генералъ-лейтенанта Фези, швейцарца по происхожденію, поступившаго на русскую службу и весьма успѣшно, благодаря своей ловкости и способностямъ, сдѣлавшаго военную карьеру. Письма эти, обнимая періодъ съ 1813 по 1844 г., адресованы къ отцу Фези, жившему въ Швейцаріи, отличаются искренностью и правдивостью и характеризуютъ бытъ, нравы, мирную службу и боевую дѣятельность нашихъ войскъ въ Польшѣ и на Кавказѣ. Въ 1816 году, по ходатайству графа Каподистрія и цесаревича Константина Павловича, швейцарской службы майоръ Фези, по высочайшему повелѣнію, былъ принятъ капитаномъ въ квартировавшій тогда въ Варшавѣ первый батальонъ Финляндскаго полка, изъ котораго былъ вслѣдъ засимъ сформированъ лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ. Двадцати пяти лѣтъ отъ роду Фези уже былъ полковникомъ, а въ двадцать восемь лѣтъ командовалъ Житомирскимъ полкомъ и притомъ командо

валъ настолько хорошо, что постоянно получалъ высочайшія благодарности, въ 1830 году онъ уже произведенъ въ генералы и въ этомъ чинѣ участвовалъ въ польской войнѣ. Такая быстрая карьера Фези объясняется тогдашними порядками, легкостью, съ которою онъ усвоилъ себѣ русскій языкъ, а также умѣньемъ сойтись съ товарищами и понравиться великому князю Константину Павловичу, который, главнымъ образомъ, и вывелъ его въ люди. «Сегодня, въ часъ дня,—пишетъ Фези,—я далъ чудный завтракъ въ честь моихъ обоихъ полковниковъ и также многихъ другихъ офицеровъ и двухъ адъютантовъ великаго князя, завтракъ съ бѣлымъ и краснымъ бордо, мадерою, шамбертеномъ, шампанскимъ, ликерами и кофе, причемъ всѣ подвыпили»... и далѣе: «вообще говоря, я со всѣми старшими офицерами въ хорошихъ отношеніяхъ, но моя главная опора самъ великій князь, который чрезвычайно пришелся мнѣ по сердцу; вы не можете себѣ представить, какъ онъ привѣтливъ и добръ; онъ можетъ сердиться, но скоро успокаивается»... Этотъ бойкій фронтовикъ настолько успѣлъ ознакомиться съ нашими порядками и со всею обстановкой, что далъ слѣдующую характеристику своихъ новыхъ соотечественниковъ: «русскіе, при обычной обстановкѣ, предаются лѣни и всѣмъ ея послѣдствіямъ; они избѣгаютъ всякой работы, требующей терпѣнія и настойчивости; только чрезвычайныя событія могутъ пробудить русскаго отъ его глубокаго сна; тогда имъ овладѣваетъ неудержимый порывъ, и онъ побѣждаетъ непреодолимыя препятствія. Но потомъ онъ снова предается праздности и лѣни, и въ этомъ состояніи главною забавою являются карты и женщины, въ жертву которымъ онъ приноситъ все свое достояніе. Лишь только у русскаго завелся грошъ въ карманѣ, онъ кутитъ во всю, не заботясь о будущемъ». Отсюда ясно, съ безпощадною логикою прибавляетъ Фези, что не потребуется ни большого ума, ни большого таланта, чтобы выдѣлиться среди русскихъ, причемъ приводитъ въ примѣръ цѣлый рядъ иностранцевъ, занимавшихъ въ то время высшія государственныя должности. Но, кромѣ свѣтскаго лоска и умѣнья ладить съ людьми, молодой швейцарецъ въ теченіе своей карьеры выказалъ немало боевыхъ достоинствъ въ польскую войну и въ дѣлахъ съ горцами на Кавказѣ; всегда лично храбрый и распорядительный, онъ кончилъ свою карьеру въ чинѣ генералъ-лейтенанта, въ должности начальника дивизіи и имѣя орденъ св. Георгія 4-й степени и ленту Бѣлаго Орла. Вообще въ предлагаемой небольшой книжкѣ найдется немало матеріала для характеристики того времени. Переводъ обработанъ тщательно; книжка снабжена портретами и рисунками.

Л. Н.

Я. Л. Барсковъ. Памятники первыхъ лѣтъ русскаго старообрядчества. Съ тринадцатью таблицами снимковъ. Спб. 1912. Стр. XVI + 426. Цѣна 2 рубля.

Въ 1834 г. при учрежденіи государственнаго архива въ него поступили драгоцѣнные историческіе матеріалы изъ комнатъ Зимняго дворца и дѣла давно упразднепныхъ учрежденій, какъ, напримѣръ, тайнаго приказа или тайной канцеляріи. Ранѣе дѣла эти болѣе ста лѣтъ хранились въ кладовыхъ петровскихъ коллегій, помѣщавшихся въ зданіи, занимаемомъ нынѣ петербургскимъ

университетомъ. При передачѣ ихъ въ государственный архивъ «многія дѣла представляли собою или вороха легкой трухи, или увѣсистыя глыбы, распадавшіяся на мелкія части при попыткѣ отдѣлить плотно прилегавшіе одинъ къ другому листы».

При посѣщеніи государемъ императоромъ 8-го марта 1900 г. государственнаго архива Его Императорское Величество изволилъ обратить свое вниманіе на ветхія дѣла, пострадавшія отъ наводненія 1824 года. Началась кропотливая работа по расчлененію и раскладкѣ полуистлѣвшихъ бумагъ, которая производилась однимъ изъ дѣлопроизводителей архива г. Цитовичемъ. Когда послѣдній приступилъ къ составленію описи документовъ по карточной системѣ, онъ столкнулся съ группой докладовъ и челобитныхъ на имя царя Алексѣя Михайловича. За разъясненіями по поводу найденнаго г. Цитовичъ обратился къ Я. Л. Барскову, который и опредѣлилъ, что эти документы представляютъ не что иное, какъ рѣдкостные автографы дѣятелей старообрядчества XVII вѣка и нѣкоторыхъ ихъ православныхъ противниковъ, какъ, напримѣръ, письма протопопа Аввакума, митрополита Газскаго Паисія Лигарида, патріарха Никона, митрополита Іоакима и другихъ, допросы разныхъ лицъ, челобитныя, житіе протопопа Аввакума, житіе инока Епифанія,—частью извѣстные наукѣ только по спискамъ, но большею частью вновь открытые. Г. министръ иностранныхъ дѣлъ разрѣшилъ г. Барскову напечатать эти списки въ «Лѣтописи занятій императорской археографической комиссіи».

По мнѣнію г. Барскова, изъ памятниковъ, которые впервые становятся доступны изслѣдователямъ, наибольшаго вниманія заслуживаютъ письма. Для изученія XVII вѣка русскіе историки обладаютъ богатымъ матеріаломъ рукописнымъ и печатнымъ, но матеріалъ этотъ по преимуществу дѣловой, актовый или книжный; письма же въ немъ встрѣчаются очень рѣдко. Напечатанныя г. Барсковымъ нѣкоторыя письма поборницъ старообрядчества, боярынь Ѳ. П. Морозовой и Е. И. Леонтьевой и братьевъ послѣдней представляютъ образцы интимной переписки русскаго дворянскаго круга XVII вѣка; написаны они не книжнымъ, а живымъ русскимъ слогомъ. Они, кромѣ того, расширяютъ извѣстный наукѣ кругъ единомышленниковъ Аввакума и даютъ картину сношеній «пустозерскихъ узниковъ» съ Москвою, Мезенью и Соловками. Памятники «Извѣтъ старца Серапіона» и «Посланіе инока Аврамія» содержатъ въ себѣ новыя извѣстія о послѣдователяхъ одного изъ учителей старообрядчества Капитона.

Къ памятникамъ приложено одиннадцать таблицъ снимковъ и указатель, въ который внесены имена личныя и названія географическія.

В. В. Т.

Памятники древне-русской литературы. Выпускъ I. Житія преподобнаго Авраамія Смоленскаго и службы ему. Приготовилъ къ печати С. П. Розановъ. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1912. Стр. XXVI+166. Цѣна 2 руб.

Изданіемъ текстовъ житія Авраамія Смоленскаго древнѣйшей редакціи открывается новая серія памятниковъ древне-русской письменности, давно уже задуманная академіей наукъ. Если не считать издаваемыхъ археографической комиссіей Миней-Четьихъ митрополита Макарія (главнымъ образомъ по одному списку), то «Памятники» являются полной научной новостью въ изученіи старинной русской литературы, и наша академія въ данномъ случаѣ слѣдуетъ примѣру юго-славянской, загребской академіи, давно уже давшей единственную въ своемъ родѣ серію—«Хорватскіе писатели». Объ изданіи отдѣльныхъ памятниковъ и цѣлыхъ группъ ихъ, конечно, мы не говоримъ. Они были и раньше. Новостью же оказывается здѣсь извѣстная система, и можно только привѣтствовать начинаніе академіи и выразить пожеланіе поскорѣе видѣть окончаніе изданія памятниковъ XI—XIV вѣковъ.

Редакторомъ «Памятниковъ древне-русской литературы» приглашенъ академикъ В. М. Истринъ, одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ спеціалистовъ въ данной области, и, судя по первому выпуску, имъ приняты всѣ мѣры, чтобы изданіе академіи наукъ стояло на высотѣ.

На основаніи агіографическихъ памятниковъ, С. П. Розановъ даетъ въ предисловіи характеристику замѣчательнаго святителя XII—XIII в. «Игуменъ одного изъ монастырей города Смоленска, Авраамій явился крупнымъ дѣятелемъ въ современной ему церковно-общественной жизни. Человѣкъ способный, самостоятельный и съ сильнымъ характеромъ, онъ не умѣстился въ обычныя, установившіяся тогда рамки церковной дѣятельности, и не только столкнулся съ толпой другихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, но и сталъ центромъ интересовъ и борьбы всѣхъ слоевъ современнаго ему смоленскаго общества. И въ концѣ концовъ, послѣ ряда пораженій, униженій, страданій, вышелъ полнымъ побѣдителемъ, а по смерти былъ увѣнчанъ званіемъ небеснаго покровителя града и земли Смоленской». Дѣятельность преподобнаго Авраамія и описана въ его житіи, составленномъ приблизительно около половины XIII столѣтія ученикомъ его Ефремомъ. «Для такой древней эпохи мы и вообще владѣемъ очень небольшимъ количествомъ памятниковъ,—продолжаетъ С. Розановъ:—если же принять во вниманіе, что этотъ памятникъ вскрываетъ намъ интереснѣйшія страницы изъ жизни не только самого Авраамія, для котораго, кстати, этотъ источникъ и единственный, но и цѣлаго центральнаго областного города, то цѣнность этого памятника становится вполнѣ очевидной. Вотъ почему его не обходилъ и не обойдетъ ни одинъ изъ историковъ не только Смоленска, но и вообще русской церковно-общественной жизни той эпохи. Къ сожалѣнію, до насъ не дошелъ не только подлинникъ этого житія, но и ни одинъ изъ его списковъ ранѣе начала XVI столѣтія. Тѣмъ не менѣе всѣ извѣстные теперь списки XVI и XVII столѣтій представляютъ собою въ общемъ одну редакцію, восходящую, несомнѣнно, къ Ефремовской. Четыре пред-

шествующія изданія этого житія (въ «Прав. Собес.» за 1858 годъ; въ «Смол. Епарх. Вѣд.» за 1875 годъ; тамъ же за 1905 годъ и въ «Смол. Стар.» вып. 1, 1909 годъ) основывались на спискахъ случайныхъ и при томъ то дефектныхъ, то въ смѣшеніи съ позднѣйшими передѣлками. Впрочемъ, ни одинъ изъ извѣстныхъ списковъ не сохранилъ намъ текста житія его въ первоначальномъ, не искаженномъ видѣ: есть темныя мѣста, не поддающіяся возстановленію и при сравненіи всѣхъ извѣстныхъ списковъ». При такихъ условіяхъ, работа представляла большія затрудненія.

Прежде всего, для работы приведены въ извѣстность всѣ списки агіографическихъ памятниковъ, посвященныхъ Авраамію. Эта часть изданія составлена очень внимательно: кромѣ общихъ свѣдѣній, сообщаются и мелкія, въ большинствѣ случаевъ характерныя особенности списковъ, а иногда и описки. Изъ такихъ списковъ подведены варіанты къ основнымъ. О житіи, какъ литературномъ памятникѣ, говорится немного, именно, что «по содержанію оно основывается на сообщеніяхъ очевидцевъ и собственныхъ воспоминаніяхъ автора; въ обработкѣ же видно вліяніе житій: Авраамія Затворника, Ѳеодосія Печерскаго, Саввы Освященнаго, сочиненій Ефрема Сирина, Іоанна Златоустаго и нѣкоторыхъ учительныхъ сборниковъ».

Очень цѣнны свѣдѣнія объ изображеніяхъ Авраамія (часто вмѣстѣ съ Меркуріемъ Смоленскимъ). Пять изъ нихъ изданы на отдѣльныхъ листахъ изъ рукописи XVII вѣка и по иконамъ XVII—XVIII вв. Цѣнны и свѣдѣнія о болѣе позднихъ передѣлкахъ житія Авраамія Смоленскаго. Первая изъ нихъ, изъ сборника бывшей Новгородско-Софійской библіотеки XVI вѣка, «довольно тщательная и совершена, повидимому, въ Богородицкомъ Авраміевскомъ монастырѣ. Судя по тому, что здѣсь вмѣсто Ефремовской похвалы читается другая, вновь составленная похвала, а авторъ передѣлки называетъ себя составителемъ житія, можно предполагать, что здѣсь мы встрѣчаемся съ обновленіемъ житія послѣ какого-то, повидимому, неблагопріятнаго для города Смоленска періода, когда едва нашелся лишь одинъ ветхій экземпляръ житія, безъ похвалы, «да не въ конець забвенію сія предана будутъ». Авторъ говоритъ, что онъ написалъ, «елика слышахъ отъ добрѣ вѣдящихъ его житіе и терпѣніе», но новыхъ фактовъ здѣсь мы не находимъ, кромѣ общихъ свѣдѣній, что «въ самый часъ исхода... (Авраамій) святыхъ и пречистыхъ таинъ... причастися... и, еще молитвѣ въ устѣхъ его суще, предастъ Госповеди душу свою», да что ему «отъ Бога даровашеся изрядная чюдеса: лукавыхъ духовъ отгнаніе, недугомъ различнымъ исцѣленіе, слѣпымъ прозрѣніе...» Стиль переработки и слѣды книжныхъ вліяній какъ въ текстѣ самаго житія, такъ и особенно въ похвалѣ, составленной въ духѣ старыхъ житій, по мнѣнію С. Розанова, говорятъ за то, что, авторъ былъ человѣкъ не только начитанный, но и имѣлъ навыкъ въ литературной работѣ».

Кромѣ житій полной и сокращенной редакцій и передѣлокъ, въ первый выпускъ «Памятниковъ древне-русской литературы» вошли и богослужебные тексты, «Молитва св. Авраамія» и выписки изъ иконописнаго подлинника.

Начало сдѣлано, и можно ожидать выхода дальнѣйшихъ выпусковъ «Памятниковъ», которые должны положить прочное основаніе для серьезнаго изученія древне-русской письменности домонгольскаго періода. **И. А.**

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ 1911 г. Тома XVI-го книжка 1-я. Спб. 1911. Стр. 350. Тома XVI-го книжка 2-я. Спб. 1911. Стр. 351. Цѣна каждой книжки 1 р. 50 к.

Обѣ книжки названныхъ «Извѣстій» представляютъ большой научный интересъ, хотя первая изъ нихъ посвящена работамъ болѣе историко-филологическаго характера, имѣющимъ спеціальное назначеніе. Только одна статья «Раннія этнографическія работы Н. И. Костомарова», принадлежащая перу А. С. Грушевскаго, имѣетъ болѣе широкій общественный интересъ. Не перечисляя здѣсь всѣхъ работъ, напечатанныхъ въ первой книжкѣ «Извѣстій», мы назовемъ, по крайней мѣрѣ, болѣе крупныя изъ нихъ. Таковы, по нашему мнѣнію: 1) «Изъ исторіи Кіева и Днѣпра въ былевомъ эпосѣ», Станислава Рожницкаго, который усматриваетъ тѣсную связь древне-скандинавскаго Kænugardr съ былинными: Кыянъ-городомъ, Кіянъ-градомъ, Кіяновымъ градомъ и Кіевомъ-градомъ и затѣмъ варяжскихъ Нѣпръ и Нѣпровскій городъ съ Днѣпромъ и Кіевомъ, и 2) «Источники, время составленія и личность составителя ѳеодосіевской редакціи «Житія Саввы Сербскаго», С. П. Розанова. На поставленные вопросы изслѣдователь резюмируетъ свой отвѣтъ въ такихъ словахъ: «Такимъ образомъ, представляется, что Ѳеодосій, родомъ изъ Солуни, около 1322 г. приходитъ въ Хиландарскій монастырь. Какъ человѣкъ образованный, съ одной стороны, и знакомый съ неизвѣстными хиландарцамъ болгарскими преданіями о жизни Саввы Сербскаго, онъ обращаетъ на себя вниманіе старца Ѳеодула, давно уже искавшаго новаго біографа для Саввы. Ѳеодулъ и поручаетъ ему составить новое житіе Саввы, давъ ему тѣ матеріалы, которые, повидимому, были собраны еще при Никодимѣ, включая сюда и тѣ преданія, которыя слышалъ Ѳеодулъ еще отъ Доментіана, ученика св. Саввы. Ѳеодосій, повидимому, собиралъ преданія и по другимъ монастырямъ Аѳона и вмѣстѣ провѣрилъ, исправилъ и дополнилъ свой основной источникъ «Житіе Доментіана».

Что же касается второй книжки (стр. 181) «Извѣстій», то она должна возбуждать къ себѣ особое вниманіе не только нашихъ историковъ литературы, но и широкихъ круговъ общества. Во главѣ ея находимъ неизвѣстныя доселѣ и впервые печатаемыя стихотворенія Н. М. Языкова и В. А. Жуковскаго. Напечатавшій ихъ съ своими примѣчаніями И. А. Бычковъ говоритъ въ предисловіи слѣдующее: «Въ 1902 г. императорская публичная библіотека пріобрѣла цѣлый рядъ стихотвореній Н. М. Языкова, частью въ подлинникахъ, частью въ спискахъ, а также копіи съ нѣсколькихъ произведеній В. А. Жуковскаго. Эти рукописи нѣкогда принадлежали Маріи Николаевнѣ Дириной, бывшей съ 1827 г. замужемъ за профессоромъ русскаго права въ дерптскомъ университетѣ Александромъ фонъ-Рейтцемъ; отъ нея онѣ перешли къ ея дочери М. А. Сарычевой, въ имѣньи которой (въ Гдовскомъ уѣздѣ) долго и хранились. Н. М. Языковъ, въ бытность свою студентомъ дерптскаго университета, увлекался нѣкоторое время М. Н. Дириной и, какъ извѣстно, воспѣвалъ ее въ своихъ стихотвореніяхъ. Нѣсколько новыхъ его стихотвореній, посвященныхъ М. Н. Дириной, нашлось и въ бумагахъ, поступившихъ въ библіотеку. Въ этихъ же бума-

гахъ имѣются и другія стихотворенія Языкова, относящіяся къ дерптскому періоду его жизни, оставшіяся доселѣ не изданными. Новое пріобрѣтеніе библіотеки, содержа такимъ образомъ цѣнныя дополненія къ печатнымъ изданіямъ стихотвореній Языкова, имѣетъ значеніе и въ другихъ отношеніяхъ. Оно является важнымъ для хронологіи произведеній Языкова, такъ какъ на многихъ его стихотвореніяхъ означено время ихъ написанія. Къ тексту извѣстныхъ въ печати стихотвореній Языкова рукописи его изъ собранія М. Н. Дириной даютъ немало варіантовъ и возстановляютъ первоначальное чтеніе стиховъ, измѣненныхъ по цензурнымъ соображеніямъ, а также пропуски, иногда въ нѣсколько строкъ, допущенные по тѣмъ же соображеніямъ... Стихотворенія Жуковскаго, хранящіяся въ бумагахъ М. Н. Дириной, за исключеніемъ двухъ, въ печати тоже не появлялись. Мнѣ не встрѣчалось указаній, чтобы гдѣ-либо имѣлись подлинники этихъ неизданныхъ стихотвореній; тѣмъ большое значеніе пріобрѣтаютъ дошедшіе до насъ ихъ списки».

Изъ стихотвореній Н. М. Языкова напечатаны: 1) «Пѣсни», 2) «Островокъ», 3) «Поздравленіе Маріи Николаевнѣ», 4) стихотвореніе, «писанное, очевидно, къ ней же», 5) «Мой апокалипсисъ», большое стихотвореніе съ стихотворными «примѣчаніями» и «эпилогомъ», и 6) «Вторая присяга» (1826 г.).

А изъ стихотвореній В. А. Жуковскаго находимъ, во-первыхъ, большую шуточную пьесу или «греческую балладу»—«Муретово. 1811.», два небольшихъ стихотворенія: «Призваніе» и «Персидская пѣсня», «Посланіе» (въ 170 строкъ) и два небольшихъ стихотворенія, по поводу найденнаго имъ перстня—Аполлонова голова.

Любопытно самое заглавіе «греческой баллады» — «Муретово». Вотъ оно: «Елена Ивановна Протасова, ино Дружба, нетерпѣніе и капуста. Греческая баллада, преложенная на русскіе нравы Маремьяномъ Даниловичемъ Жуковятниковымъ (т. е. самимъ В. А. Жуковскимъ), предсѣдателемъ комиссіи о построеніи муретовскаго дома, авторомъ тѣсной конюшни, огнедышащимъ экс-президентомъ стараго огорода, кавалеромъ ордена трехъ печенокъ и командиромъ Галиматьи».

Далѣе, въ своемъ довольно пространномъ изслѣдованіи «Кольцовъ и народная лирика (Опытъ параллельнаго анализа)» А. И. Некрасовъ, рѣшая вопросъ объ отношеніи пѣсенъ Кольцова къ народной лирикѣ, приходитъ къ такому выводу: «Въ Кольцовѣ вовсе не было той народной непосредственности, о которой хочется думать, имѣя въ виду форму и языкъ его пѣсенъ. Ихъ содержаніе говоритъ намъ противное. Кольцовъ стоитъ подъ вліяніемъ основныхъ теченій русской литературы и гораздо ближе къ сентиментально-романтическому, чѣмъ къ реалистическому ея лагерю. Налетъ сентиментальныхъ и романтическихъ чертъ сильно сказывается во всѣхъ его стихотвореніяхъ вплоть до послѣдняго. Кольцовъ взялъ у народа форму пѣсенъ и часть ихъ содержанія. Послѣднее онъ добавилъ и переработалъ соотвѣтственно своему складу и вкусу, довольно далекимъ отъ склада и вкуса народа, и лишь въ такомъ видѣ пѣсни Кольцова стали достояніемъ русской литературы» (стр. 134—135).

Наконецъ, любопытными для историка литературы являются и небольшія статьи: «Гоголь въ славянскихъ переводахъ (Библіографическая замѣтка)»,

П. А. Заболотскаго и «Къ литературной исторіи «Горя отъ ума». (Несостоявшееся изданіе комедіи подъ редакціей П. Е. Басистова, 1857 г.)» Н. К. Пиксанова, автора недавно вышедшей книжки «А. С. Грибоѣдовъ. Біографическій очеркъ. (Съ иллюстраціями). Отдѣльный оттискъ изъ перваго тома «Полнаго собранія сочиненій А. С. Грибоѣдова», изд. разряда изящной словесности императорской академіи наукъ».

Послѣ всѣхъ этихъ весьма интересныхъ сообщеній, касающихся новой русской литературы въ ея лучшихъ представителяхъ, помѣщены, въ концѣ книжки, «Мелкіе тексты и замѣтки по старинной славянской и русской литературамъ. LVI—LXX», А. И. Яцимирскаго, составляющіе продолженіе его кропотливой и цѣнной работы, печатающейся въ «Извѣстіяхъ» уже нѣсколько лѣтъ.

В. Рудаковъ.

Ѳ. И. Тютчевъ. Полное собраніе сочиненій. Съ критико-біографическимъ очеркомъ В. Я. Брюсова, библіографическимъ указателемъ, примѣчаніями, варіантами, факсимиле и портретомъ. Изданіе шестое, исправленное и дополненное. Редакція изданія П. В. Быкова. Изданіе товарищества А. Ф. Маркса. С.-Петербургъ. 1912. Стр. XLVII+694. Ц. 3 р.

Со времени послѣдняго изданія сочиненій Тютчева прошло 12 лѣтъ, но оно уже съ половины 900-хъ годовъ стало библіографической рѣдкостью, и случайные экземпляры, попадавшіе къ букинистамъ, продавались по цѣнѣ, во много разъ выше номинальной. Такой не прекращающійся спросъ на сочиненія Тютчева въ наше время представляется понятнымъ. Путь, по которому пошла русская поэзія, во многихъ отношеніяхъ воспитанная на тютчевскихъ образцахъ, подготовилъ читателя къ пониманію какъ философской и художественной стороны тютчевскаго творчества, такъ и своеобразныхъ техническихъ его пріемовъ.

Тютчевъ подлинно одинъ изъ «вѣчныхъ спутниковъ» всякаго литературно-образованнаго человѣка. Несмотря на то, что начало его творческой дѣятельности восходитъ къ 1820 году, онъ не устарѣлъ и способенъ въ полной мѣрѣ отвѣчать наиболѣе глубокимъ запросамъ современной души. Въ этомъ отношеніи характерно, что средній читатель склоненъ относить поэзію Тютчева къ эпохѣ его позднѣйшихъ современниковъ Майкова, Фета и Полонскаго, забывая или не зная, что наиболѣе проникновенныя стихотворенія Тютчева, какъ «Silentium», «О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной», «Не то, что мните вы—природа»... и т. д. появились въ печати въ 30-хъ гг. при жизни и съ благословенія Пушкина.

Самобытный политическій мыслитель, заставлявшій своими публицистическими выступленіями въ заграничной прессѣ прислушиваться къ своему голосу дипломатическіе круги Европы,—Тютчевъ отзывался въ своей поэзіи и на политическія темы. Неизмѣнно остроумный, владѣвшій въ совершенствѣ язвительной мѣткостью стиха, онъ былъ любимцемъ тогдашняго образованнаго общества, ловившаго на лету и восторженно повторявшаго его злободневныя строфы. Но этой стороной творчества Тютчевъ принадлежитъ уже

исторіи, и правъ былъ редакторъ настоящаго изданія, выдѣливъ тютчевскія политическія стихотворенія, равно какъ и его политическія статьи, въ особый отдѣлъ.

Возрожденіе интереса къ Тютчеву въ наше время замѣчается не только среди поэтовъ и цѣнителей поэзіи, но также и въ средѣ ученыхъ изслѣдователей литературы и психологіи художественнаго творчества. Не говоря о нынѣ здравствующихъ Д. Н. Овсянико-Куликовскомъ, А. Г. Горнфельдѣ и др., посвятившихъ много вниманія Тютчеву, его поэзіей съ увлеченіемъ занимался, какъ достовѣрно извѣстно пишущему эти строки, знаменитый лингвистъ, покойный профессоръ А. А. Потебня, оставившій о Тютчевѣ драгоцѣнныя замѣтки, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще полностью не изданныя.

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе несомнѣнное значеніе Тютчева для нашего времени, нельзя не привѣтствовать намѣренія редактора новаго изданія сочиненій Тютчева какъ бы подвести имъ итоги тютчевской роли въ нашей литературѣ.

Изданіе открывается вступительной статьею г. Брюсова, которая распадается на двѣ далеко не равноцѣнныя части: насколько блѣденъ и вялъ очеркъ жизни Тютчева, настолько, наоборотъ, блестяща характеристика его творчества, столь близкаго многими мотивами поэзіи самого г. Брюсова.

Вполнѣ добросовѣстно, хотя и безъ живого участія къ личности характеризуемаго писателя, г. Брюсовъ излагаетъ біографическія данныя о Тютчевѣ, причемъ наиболѣе интересными здѣсь являются страницы, посвященныя позднему увлеченію Тютчева г-жою Денисьевою, съ такою яркостью озарившему послѣднимъ свѣтомъ поэзію Тютчева. Впрочемъ, первыя свѣдѣнія объ этомъ романѣ появились въ 1903 году на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (Т. XCIII, № 7, іюль, Ѳ. Т. «Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ.—Матеріалы къ его біографіи»),—намекъ же на это событіе можно найти еще въ воспоминаніяхъ А. А. Фета.

Нѣкоторыя частности въ очеркѣ г. Брюсова вызываютъ возраженія. Такъ, напримѣръ, едва ли правильно видѣть въ довольно двусмысленномъ стихотвореніи «Декабристамъ»—проявленіе юношескаго свободомыслія Тютчева. Сомнительно также предположеніе г. Брюсова о томъ, что статья Некрасова о творчествѣ Тютчева оказала такое вліяніе на поэта, что онъ сталъ охотнѣе появляться въ печати. Сомнительнымъ это является потому, что въ свое время на Тютчева не оказалъ такого вліянія даже отзывъ Пушкина. Болѣе, чѣмъ кто-либо изъ русскихъ лириковъ, Тютчевъ былъ «самъ свой высшій судъ».

Что касается характеристики поэзіи Тютчева, то ее безъ преувеличеній слѣдуетъ признать блестящею. Съ чуткой тонкостью вскрываетъ г. Брюсовъ роковую антитезу поэзіи Тютчева: съ одной стороны—пантеистическое обожествленіе природы и вызываемое ею воспѣваніе «блеска проявленій» дневного міра, съ другой же—проникновеніе въ «ночной хаосъ», рождающій тѣ «страшныя пѣсни», которыя взрываютъ въ смятенномъ сердцѣ «порой неистовые звуки». Г. Брюсовъ не дѣлаетъ вывода, который напрашивается самъ собою: быть можетъ, именно этою-то раздвоенностью и близка намъ особенно «вѣщая», какъ самъ онъ называлъ ее, душа поэта.

Въ стремленіи систематизировать поэзію Тютчева г. Брюсовъ не останавливается на тѣхъ,—мы сказали бы,—«срывахъ», когда Тютчевъ бывалъ одинаково далекъ какъ отъ пантеистическаго воспріятія міра, такъ и отъ чувства хаоса и когда струны его души звучали тѣмъ, что Ницше называетъ «Menschliches, allzu Menschliches». Эти «срывы», минуты человѣческой слабости и безнадежности, отражены въ стихотвореніяхъ «Слезы», «Не разсуждай, не хлопочи» и, въ особенности, «О этотъ югъ, о эта Ницца». Въ послѣднемъ—г. Брюсовъ напрасно видитъ проявленіе безсилія передъ прелестью природы,—оно продиктовано поэту чувствомъ горя отъ потери любимаго человѣка. Въ пользу этого предположенія говорятъ какъ дата написанія стихотворенія, такъ и свидѣтельство А. А. Фета.

Въ послѣдней главѣ очерка о тютчевскомъ творчествѣ г. Брюсовъ останавливается на литературныхъ вліяніяхъ въ поэзіи Тютчева, на пріемахъ его творчества и, въ частности, на формахъ и структурѣ его стиха. Эти замѣчанія г. Брюсова отличаются особенною цѣнностью.

Очень интересны приводимые г. Брюсовымъ примѣры звукоподражательности въ стихахъ Тютчева. Къ нимъ хочется прибавить еще кощунственно пропускаемую въ хрестоматіяхъ послѣднюю строфу «Весенней грозы».

Переходимъ къ тексту сочиненій Тютчева.

Нужно отдать справедливость редактору настоящаго изданія, онъ положилъ на него много трудовъ. Текстъ стихотвореній дѣйствительно провѣренъ и тщательно исправленъ. Кромѣ того,—что крайне важно,—дано много неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ варіантовъ. Изданіе обогащено пятнадцатью новыми стихотвореніями, среди которыхъ встрѣчаются истинные шедевры, какъ, напримѣръ: «Вотъ бреду я вдоль большой дороги», или «Опять стою я надъ Невой». Кстати, принадлежащее къ этому циклу стихотвореніе «Сегодня, другъ, пятнадцать лѣтъ минуло...» очень напоминаетъ по настроенію одинъ изъ сонетовъ Петрарки.

Заслуживаютъ самой горячей похвалы мастерски составленныя и подробныя примѣчанія, въ которыхъ встрѣчаются чрезвычайно интересные комментаріи къ стихотвореніямъ и политическимъ статьямъ. Весьма полезна извлеченная изъ печатныхъ источниковъ «Тютчевіана»: это—первый опытъ и, конечно, онъ не можетъ быть исчерпывающе полнымъ. Въ заключеніе дана заботливо собранная библіографія произведеній Тютчева. Въ ней отмѣтимъ одинъ пропускъ: составителемъ забытъ прекрасный сборникъ нѣмецкихъ переводовъ изъ Тютчева, сдѣланныхъ Ф. Ф. Фидлеромъ.

Вообще же сочиненія Тютчева въ изданіи т-ва Марксъ, несмотря на частичные недосмотры и промахи, являются настоящимъ подаркомъ для любителей русской поэзіи и почитателей Тютчева. Можно радоваться, что редакція этого изданія попала въ руки такихъ глубокихъ знатоковъ нашей литературы, какими являются г. г. Брюсовъ и Быковъ, не пожалѣвшіе трудовъ и времени и сдѣлавшіе дѣйствительно все возможное, чтобы дать намъ изданіе сочиненій Тютчева, достойное имени этого великаго поэта.

Сергѣй фонъ-Штейнъ.

Наталія Грушко. Стихи. Спб. 1912 г. Стр. 78. Цѣна 1 руб.

Поэтическое дарованіе госпожи Грушко внѣ сомнѣній, но ему подчасъ недостаетъ продуманности и ровности въ исполненіи. Это, конечно, объясняется молодостью поэтессы. Наиболѣе закончены въ ея стихахъ образы изстрадавшагося «Безсилья», скрываемаго гордымъ видомъ человѣка, боящагося выдать свое горе толпѣ; въ томъ же духѣ хороша «Волна», гдѣ авторъ сравниваетъ насмѣшливо душу съ пескомъ и, бравируя, замѣчаетъ: что напишетъ въ ней одна жизненная волна—безслѣдно сотретъ другая... Недурно опоэтизирована борьба трезваго разума со сказкой земли и ея иллюзіями; хороша у поэтессы и жажда счастья, солнца, пѣсенъ и цвѣтовъ; ея робкое влеченье «къ сильной, ласковой рукѣ» или грѣшная и знойная страсть «съ улыбкою святой»... Поэтично воспроизведены ею «Малороссійскіе мотивы», страсти «Послушницы» и собственныя признанія въ томъ, что «жизнь безъ счастья надоѣла» и что, отвертываясь отъ прежняго друга, она ищетъ съ другимъ «прежней яркой ласки».

Кромѣ лирики, молодой поэтессѣ прекрасно удаются и бытовые стихи: «Пьяница», «На улицѣ», «Призывъ», «Предатель» и т. д.

Но рядомъ съ красивыми поэтическими стихотвореніями у госпожи Грушко имѣются стихи послабѣе и, такъ какъ въ юности полезнѣе самокритика, чѣмъ сплошныя похвалы, то укажемъ ей на цѣлый рядъ милыхъ бездѣлушекъ, навѣянныхъ какъ будто музой К. М. Фофанова. Всѣ эти ея «утра» и «вечера», съ блѣдными туманами, съ поющими по рѣкѣ тростниками о заповѣдныхъ сказкахъ, зори лучистыя, одежды серебристыя, дымка прозрачной вуали, бѣлыя ночи съ брачными пѣснями въ воздухѣ—прямое наслѣдіе Фофановской поэзіи. Слабы и произведенія, о внутреннемъ смыслѣ которыхъ поэтесса, повидимому, мало думаетъ. Напримѣръ: свиданіе во время снѣжной мятели, гдѣ «ей» на снѣгу «вкусить отъ жизни древа не помогъ премудрый змѣй», потому что «мятель съ разгульнымъ свистомъ слѣдъ «его» замела... Видимо, что когда «ея» душа «слиться жаждала съ его», онъ просто струсилъ и убѣжалъ... Ну, можно ли одухотворять подобныя картины поэтическимъ пастроеніемъ? А между тѣмъ, къ сожалѣнію, у госпожи Грушко попадаются такіе образцы, ничтожные по содержанію. Конечно, при большей вдумчивости за работой и большей требовательности къ своему дарованію, поэтесса легко избѣгнетъ указанныхъ недостатковъ, такъ какъ всѣ они только ошибки молодости.

А. Фаресовъ.

Извѣстія общества Толстовскаго музея. 1911. №№ 3, 4 и 5. Цѣна 3 р.

«Извѣстія» Толстовскаго музея, хотя и вышли объемистымъ томомъ съ многочисленнымъ перечнемъ отдѣльныхъ статей въ оглавленіи,—въ общемъ представляютъ мало разнообразія.

Большинство матеріаловъ, какъ-то: письма Толстого и къ Толстому, газетныя извѣстія, сгруппированныя по поводу отдѣльныхъ эпизодовъ жизни или

смерти великаго писателя, выставочные отчеты—все это въ свое время, въ той или иной мѣрѣ, уже было извѣстно въ публикѣ.

Наибольшій интересъ настоящихъ «Извѣстій» представляетъ собою корректурный текстъ очерка «Севастополь въ августѣ 1855 года» съ поправками И. С. Тургенева и Чернышевскаго. Большинство поправокъ принадлежитъ перу Чернышевскаго, и характеръ ихъ сводится въ общемъ къ сокращеніямъ въ обрисовкахъ деталей того или иного художественнаго образа. Поправки эти немногочисленны и никакого существеннаго вліянія въ характеръ произведенія Л. Н. Толстого не вносятъ.

Далѣе, очень полно представлены отчеты о толстовскихъ выставкахъ въ Петербургѣ и Москвѣ,—съ приложеніемъ двадцати трехъ недурно исполненныхъ фотографическихъ снимковъ съ отдѣльныхъ уголковъ выставокъ. Весьма подробно также приведена и отчетность посѣщаемости петербургскаго Толстовскаго музея. За время съ 27-го марта 1911 года по 1-е января 1912 года музей посѣтило болѣе пяти тысячъ человѣкъ.

Но все это въ настоящее время не представляетъ собою уже интереса свѣжей новости и служитъ лишь залогомъ памяти для потомства. Съ этой только точки зрѣнія и можно цѣнить громадный, исполненный съ величайшей любовью и тщательностью трудъ общества Толстовскаго музея.

А. Нечаева.

А. М. Брянскій и В. П. Лачиновъ. «Глаголинъ и его роли». Отзывы и портреты. Изданіе 3. Элькиндъ. Спб. 1912. Стр. 44. Съ 23 рис.

Изъ молодыхъ актеровъ нашего времени Глаголинъ, безспорно, выдающійся сценическій талантъ, при томъ талантъ, который, не надѣясь на одно вдохновеніе, совершенствуется замѣтно и въ техникѣ своего искусства.

Вотъ именно это качество его, какъ артиста, и даетъ ему полное право на вниманіе критики и общества.

Данная книга представляетъ собою краткую біографію артиста, пришедшаго къ извѣстности совершенно самостоятельнымъ путемъ, благодаря лишь упорному труду надъ своими способностями и истинному актерскому таланту, рядъ отзывовъ объ исполненіи имъ нѣкоторыхъ ролей, какъ, напримѣръ, Димитрія Самозванца, Орлеанской Дѣвы, Хлестакова, Бальзаминова, маркиза Позы и многихъ другихъ, и статьи А. М. Брянскаго, кратко, но мѣтко опредѣлившаго дарованіе Глаголина.

Между прочимъ авторъ только что вышеупомянутой статьи совершенно справедливо отмѣчаетъ, что «Шерлокъ Холмсъ» и «Милый Жоржъ», за которые артистъ въ свое время получилъ немало упрековъ, съ точки зрѣнія чисто театральной остаются блестящими созданіями Глаголина.

А. М. Брянскій находитъ даже историческое оправданіе для Глаголина: «развѣ не получалъ такіе же упреки великій Мартыновъ? А между тѣмъ въ водевиляхъ Мартыновъ оставилъ цѣлую галерею блестящихъ артистическихъ созданій, въ которыхъ со всею щедростью проявилъ божественный даръ своей актерской души».

Простота, естественность, замѣчательная способность быть разнообразнымъ въ творчествѣ, полное перевоплощеніе въ изображаемую личность, блестящая внутренняя и внѣшняя техника, чуждая рутины, банальности и пошлости—вотъ яркія, характеристическія черты таланта Глаголина, выдѣленныя этою книгою.

Слабая сторона книги заключается въ томъ, что отзывы не полны и расположены не хронологически, что не даетъ возможности послѣдовательно прослѣдить ростъ таланта артиста. Надо оговориться, что отзывы собраны только болѣе-основательные и похвальные, что, конечно, сдѣлано не безъ умысла. Составители книги, видимо, разумно воспользовались благороднымъ совѣтомъ французскаго драматурга Мари-Жозефъ-Шенье, сказавшаго, что «невѣжда не видитъ красотъ, хулитель не хочетъ ихъ видѣть, критикъ ихъ видитъ и указываетъ на нихъ».

Приложенные къ книгѣ рисунки изображаютъ артиста въ различныхъ роляхъ и въ жизни. Особенно хорошъ портретъ, выполненный пастелью художникомъ П. Шмаровымъ и прекрасно переданный въ краскахъ искусною на этотъ счетъ типографіею Вильборгъ и Голике.

А. Рябовъ.

Переселеніе и землеустройство за Ураломъ въ 1906—1910 г.г. и отчетъ по переселенію и землеустройству за 1910 годъ. Изданіе переселенческаго управленія главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Спб. 1911. Стр. 501, съ 12 картами.

Внушительный фоліантъ, составленный учрежденіемъ, вѣдающимъ переселеніе, детально знакомитъ съ дѣятельностью правительства въ области переселенія за послѣднія пять лѣтъ. Послѣднее пятилѣтіе, по словамъ составителей отчета, является наиболѣе характернымъ періодомъ переселенческаго движенія на Уралѣ. Періодъ этотъ ознаменовался осуществленіемъ закона 6-го іюня 1904 года о свободѣ переселенія сельскихъ обывателей и мѣщанъ-землепашцевъ на казенныя земли Азіатской Россіи, вызвавшаго небывалый подъемъ переселенія. Такъ, въ 1906—1910 г.г. прослѣдовало въ Сибирь переселенцевъ 2.516,075 душъ обоего пола (въ четыре сибирскія губерніи—1.485,143, или 59 процентовъ, въ Степной край—770,211, или 31 процентъ и въ области Дальняго Востока—260,721, или 10 процентовъ). Насколько увеличилась волна переселенія, видно, напримѣръ, изъ того, что въ теченіе предшествующаго десятилѣтія 1896—1905 г.г. переселенцевъ прослѣдовало только 1.279,909 душъ.

Однако, не всѣ эти переселенцы нашли подходящія для себя земли и прочно осѣли на новыхъ мѣстахъ. Трудныя условія водворенія вынуждали многихъ, даже уже начавшихъ обзаводиться хозяйствомъ, возвращаться обратно на родину, и за періодъ 1906—1910 г.г. возвратилось 264,031 человѣкъ.

Между прочимъ, замѣчается увеличеніе движенія переселенцевъ въ Степной край, объясняемое тѣмъ, что послѣ недавнихъ обслѣдованій хозяйственнаго

быта киргизовъ обращены подъ переселеніе крестьянъ значительные излишки годныхъ для земледѣльческой культуры государственныхъ земель, находившихся въ пользованіи кочевниковъ. Отведенный для переселенцевъ за послѣдніе годы земельный фондъ въ степныхъ областяхъ исчисляется милліонами десятинъ. Переселенческое вѣдомство находитъ, что киргизы утратили нужду въ тѣхъ огромныхъ земельныхъ пространствахъ, на которыхъ раньше бродили стада кочевниковъ... Въ видѣ же компенсаціи киргизамъ отводились надѣлы для занятія ихъ земледѣліемъ. Однако переходъ киргизовъ къ осѣдлости происходилъ довольно медленно и, какъ отмѣчаетъ само вѣдомство, «для большей части многоскотныхъ киргизскихъ хозяйствъ, еще далеко не приспособившихся къ интенсивному использованію степныхъ пространствъ, такой переходъ на ограниченные осѣдлые надѣлы представляется пока преждевременнымъ. Они не научились еще заготовлять запасовъ сѣна для скота, травосѣяніе же имъ недоступно. Невольно, поэтому, напрашивается вопросъ, не преждевременно ли вообще было изъятіе изъ киргизскаго землепользованія земельныхъ «излишковъ». По крайней мѣрѣ въ періодической прессѣ указывалось на болѣзненность подобной земельной операціи, къ тому же грозящей паденіемъ скотоводства. Точно такія же заявленія раздавались въ печати по поводу землеустройства въ Восточной Сибири, гдѣ изъ пользованія бурятъ были изъяты огромные участки земли. Взволнованные и обиженные буряты посылали депутаціи въ Петербургъ, ходатайствуя не уменьшать ихъ доли, такъ какъ иначе имъ грозитъ разореніе. Какъ извѣстно, результатомъ землеустроительныхъ работъ было то, что инородцы массами переселялись на Витимъ, несмотря на суровый климатъ (въ концѣ мая выпадаютъ иней).

Не одни, однако, инородцы оставались недовольны работами землеустроительныхъ комиссій. Стоитъ припомнить исторію землеустройства села Павловскаго на Алтаѣ. Здѣсь, какъ извѣстно, на почвѣ недовольства землеустройствомъ русское населеніе произвело крупные безпорядки, за которые около двухсотъ человѣкъ заключены въ тюрьму. Впослѣдствіи же выяснилось, что протесты крестьянъ села Павловскаго были совершенно правильны.

Къ сожалѣнію, переселенческое вѣдомство въ своемъ отчетѣ обходитъ молча тѣневыя стороны дѣятельности его чиновъ; тѣмъ не менѣе появленіе въ печати изданія, подобнаго этому, нельзя не привѣтствовать.

Въ немъ заключаются всѣ мѣропріятія правительства къ содѣйствію переселенію, къ улучшенію перевозокъ переселенцевъ въ новую для нихъ страну и вообще по устройству ихъ на новомъ мѣстѣ. Цѣлый рядъ діаграммъ и таблицъ наглядно показываетъ, что именно сдѣлано правительствомъ для переселенцевъ во всѣхъ областяхъ жизни и, въ связи съ этимъ, по землеустройству старожиловъ, надѣлы которыхъ приводились въ извѣстность поземельно-устроительными комиссіями въ виду стремленія старожиловъ къ внутринадѣльному межеванію, такъ какъ порядокъ общиннаго землепользованія, вредно отражавшійся на условіяхъ ихъ быта, вызывалъ общее недовольство.

Для всѣхъ, интересующихся вопросами колонизаціи Сибири, для которой главнѣйшимъ двигателемъ экономической жизни является именно переселеніе,— рецензируемое изданіе представляетъ значительную цѣнность. Но оно, пови-

димому, въ продажу не предназначается и, къ сожалѣнію, не для всѣхъ будетъ доступно.

Въ книгѣ много картъ, фотографій и плановъ, исполненныхъ въ высшей степени художественно.

Вит. Ткачукъ.

В. А. Мелиховъ. Культъ римскихъ императоровъ. Харьковъ. 1912.

Въ русской литературѣ не существуетъ спеціальнаго изслѣдованія о культѣ римскихъ императоровъ, который при посредствѣ Византіи отразился на Московской Руси. Этотъ пробѣлъ до извѣстной степени пополняетъ маленькая книжка г. Мелихова. Поклоненіе императору началось со временъ Августа III. Въ организованномъ при Августѣ почитаніи божественности императорской особы основная религіозная идея была почерпнута изъ древняго вѣрованія римлянъ въ геніевъ и мановъ. Кромѣ того, въ культѣ императоровъ отразилось и вліяніе Востока, гдѣ почитаніе правителей играло видную роль въ Египтѣ и азіатскихъ монархіяхъ. Съ Востока же была воспринята и политическая идея культа, по возможности приспособленная къ римскимъ понятіямъ. Впослѣдствіи религіозное и государственное значеніе императорскаго культа тѣсно переплелись другъ съ другомъ и образовали настолько прочную религіозно-политическую идею, что она, преобразованная подъ вліяніемъ христіанства, въ видѣ пережитковъ продолжала существовать много вѣковъ спустя послѣ окончательнаго упраздненія божественнаго почитанія императоровъ.

П. Б.

Ладо. Сборникъ литературно-общественный, посвященный нарождающейся русской національ-демократіи. Спб. 1911 Стр. 240. Ц. 1 р. 25 к.

Сборникъ Ладо (славянское—согласіе) представляетъ собою знаменательное и любопытное явленіе нашихъ дней. Не даромъ онъ привлекъ къ себѣ вниманіе всей печати, а въ лѣвой ея части удостоился ярыхъ нападокъ. Идеи, заложенныя въ этомъ сборникѣ, отнимаютъ у враговъ русской національной мысли поводъ къ нападкамъ, будто бы русскому націонализму сочувствуютъ лишь нѣкоторые помѣщичьи и чиновные круги, будто бы въ русскомъ націонализмѣ нѣтъ творческихъ демократическихъ началъ. Ладо состоитъ изъ двухъ частей: беллетристической и публицистической. Въ послѣдней развивается широкая послѣдовательная національ-демократическая программа въ рядѣ очерковъ, написанныхъ съ пониманіемъ и знаніемъ дѣла, талантливо и мѣстами даже вдохновенно. Русской космополитической и потерявшей чувство здоровой государственности интеллигенціи сказано немало горькихъ истинъ и отдана справедливость честнымъ журналистамъ оппозиціоннаго лагеря Струве и Булгакову вмѣстѣ съ остальными сотрудниками столь нашумѣвшихъ «Вѣхъ». «Ладо» исходитъ изъ общеславянской идеи, но державной русской народности отводитъ подобающее ей господствующее мѣсто. Свѣтлое будущее русскаго народа зависитъ отъ силы возрождающагося національнаго чувства. «Націонализмъ,—говоритъ одинъ изъ

сотрудниковъ «Ладо» г. Балясный,—это культъ всего лучшаго на Руси, соединенный со стремленіемъ обновить, просвѣтить, возвеличить свой народъ и родину и закрѣпить за формами ея государственнаго и народнаго бытія русскія начала». Съ прозорливостью историка и общественнаго дѣятеля вкладываетъ руки въ наши общественныя язвы и указываетъ путь лучшаго будущаго г. Владиміръ Онежскій. Графъ В. А. Бобринскій и Д. Н. Вергунъ въ сжатой, но очень содержательной формѣ касаются существа и значенія современныхъ русско-славянскихъ отношеній въ ихъ различныхъ видахъ. Жаль, что сборнику не предпослано обобщающаго введенія, которое облегчило бы читателю образованіе цѣльности впечатлѣнія отъ книги. Любопытно участіе въ беллетристической части «Ладо» почтеннаго профессора Бехтерева, давшаго прочувствованное стихотвореніе «Идеалъ»; здѣсь же обращаетъ на себя особое вниманіе въ ряду другихъ политическій сатирикъ и памфлетистъ Иванъ Пересвѣтовъ, недавно выпустившій сборникъ своихъ талантливыхъ стихотвореній. Производятъ сильное впечатлѣніе статья І. В. Никаноровa, разрабатывающаго основы возрожденія русской національной церкви, и изящный очеркъ «Соколиные слеты» г. Воронова.

В. Гр—скій.

Митрополитъ Антоній. Рѣчи, слова и поученія. Изданіе третье. Спб. 1912 г. Стр. 527.

Съ исполнившимся въ маѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года двадцатипятилѣтіемъ служенія владыки митрополита Антонія въ епископскомъ санѣ совпало третье, дополненное изданіе его «Рѣчей, словъ и поученій». Изящно-красивая обложка обнимаетъ 527 страницъ глубоко-интереснаго текста, прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ отпечатаннаго на лучшей бумагѣ. Въ книгѣ содержится сто двадцать четыре рѣчи, четырнадцать словъ, пятнадцать поученій, одна бесѣда, два привѣтствія, два письма и два разсужденія. Высокопреосвященный авторъ, какъ бывшій профессоръ церковнаго краснорѣчія на академической каѳедрѣ, строго различаетъ перечисленные сейчасъ виды ораторскаго слова и съ точностью отмѣчаетъ соотвѣтствующимъ названіемъ каждую изъ своихъ проповѣдей. По его собственнымъ словамъ, только небольшая часть помѣщенныхъ въ книгѣ проповѣдей сказана по назначенію начальства на заранѣе опредѣленныя темы, всѣ же остальныя рѣчи произнесены по непосредственному побужденію и настроенію, или, лучше сказать, по вдохновенію, и вызваны разными особенными обстоятельствами и событіями двадцатипятилѣтней академической, столичной, церковной и общественной жизни. Это особенно важно и дорого, придаетъ книгѣ живой интересъ и вызываетъ въ памяти читателей минувшія событія за цѣлую четверть вѣка. Такъ, семь рѣчей, произнесенныхъ на славленьи Христа у Ихъ Императорскихъ Величествъ и нѣсколько рѣчей по поводу различныхъ событій въ царствующемъ домѣ переносятъ насъ въ царскій дворецъ, и мы слышимъ первоіерарха русской церкви, искренно-патріотически говорящаго тамъ о великихъ событіяхъ государства. Рѣчи, сказанныя въ государственной думѣ и въ государственномъ совѣтѣ, въ предсоборномъ присутствіи при св. синодѣ,

предъ присягою дворянъ и др., знакомятъ читателей съ законодательными и правительственными учрежденіями и происходящею въ нихъ работою. Тридцать четыре рѣчи при вручении жезловъ цѣлому сонму россійскихъ архипастырей, въ большинствѣ нынѣ здравствующихъ, а также—архимандритамъ и игуменамъ, и шестнадцать рѣчей къ новопостриженнымъ инокамъ вводятъ въ міръ монашества и церковнаго пастырства съ ихъ идеалами и стремленіями, и слышенъ здѣсь убѣжденный голосъ архипастыря, прошедшаго всѣ ступени іерархической лѣстницы и перечувствовавшаго всѣ волненія и тяготы жизни инока и церковнаго пастыря. Нѣсколько десятковъ рѣчей, сказанныхъ въ учебныхъ заведеніяхъ—духовной академіи, университетѣ, пажескомъ корпусѣ, женскихъ институтахъ, клиническомъ повивальномъ институтѣ, на актахъ городскихъ училищъ и другихъ, влекутъ въ шумную среду многолюдной учащейся молодежи съ ея радостями, заботами, надѣждами и ожиданіями. Слова и рѣчи въ дни праздничные, воскресные, высокоторжественные и въ дни Страстной седмицы, а также сказанныя при освященіи церквей и при заупокойныхъ богослуженіяхъ по выдающимся ученымъ и общественнымъ дѣятелямъ, ведутъ въ храмъ, оживляютъ давно минувшія событія церковной исторіи, воскрешаютъ ихъ дѣятелей и въ то же время напоминаютъ о скоропреходящей нынѣшней жизни и пріоткрываютъ завѣсу жизни загробной. Наконецъ, цѣлый рядъ рѣчей, произнесенныхъ по особымъ случаямъ—при открытіи братствъ, съѣздовъ, при вступленіи въ управленіе и при обозрѣніи епархій, при юбилеяхъ, при встрѣчѣ финляндскаго генералъ-губернатора, при встрѣчѣ и проводахъ французскаго президента, къ рабочимъ Путиловскаго завода и много другихъ,—всѣ такъ живы, вдохновенны, интересны и впечатлительны, что читатели какъ бы вновь присутствуютъ на минувшихъ, волновавшихъ и интересовавшихъ въ свое время общество событіяхъ. Читая эти краткія, но всегда содержательныя и прекрасно отдѣланныя рѣчи маститаго первосвятителя русской церкви, не можешь оторваться и жалѣешь, что книга имѣетъ конецъ. Въ прибавленіи къ книгѣ помѣщены: всеподданнѣйшее письмо владыки по случаю японской войны, разсужденіе по поводу войны—«Настоящее горе Россіи», необходимое разъясненіе по поводу открытія мощей преподобнаго Серафима Саровскаго и отвѣтъ графинѣ С. А. Толстой по поводу отпаденія ея мужа отъ церкви. **К. З.**

Э. Дюркгеймъ, проф. соціологіи. Самоубійство. Соціологическій этюдъ. Перев. съ франц. А. Н. Ильинскаго. Съ предисловіемъ д-ра Г. И. Гордона. Изд. Н. П. Карбасникова. Спб. 1912. Стр. 541. Цѣна 3 р. 50 к.

Участившіеся за послѣднее время случаи самоубійства во всѣхъ уголкахъ русской жизни невольно обратили на себя вниманіе нашего нервнаго общества. Въ газетахъ стали появляться краткія и длинныя статьи, заговорили даже о какихъ-то таинственныхъ клубахъ самоубійцъ. Почувствовалась настоятельная потребность разобраться въ этомъ мрачномъ явленіи. Это создало спросъ на соотвѣтствующую литературу, а создавшійся спросъ, въ свою очередь,

заставилъ книжныхъ издателей выпустить на рынокъ, за истощеніемъ оригинальныхъ трудовъ, и переводные, почерпнутые въ иностранныхъ литературахъ.

Вотъ условія, при которыхъ появилась въ русскомъ переводѣ книга извѣстнаго французскаго соціолога Дюркгейма. Несмотря на сложность темы, трудъ этотъ написанъ такъ, какъ умѣютъ писать только французы, т.-е. удобопонятно и ясно. Авторъ каждый свой выводъ иллюстрируетъ богато и разносторонне подобраннымъ фактическимъ матеріаломъ. Передъ читателемъ проходитъ цѣлый калейдоскопъ чрезвычайно любопытныхъ фактовъ, раскрывается такой уголокъ жизни человѣческой, куда, быть можетъ, ему никогда прежде не доводилось заглядывать. Извлекая изъ этихъ фактовъ свои заключенія, Дюркгеймъ облекаетъ ихъ въ точно и ясно формулированныя положенія, а прекрасное предисловіе къ русскому переводу, написанное д-ромъ Гордономъ, какъ бы даетъ ключъ къ уразумѣнію всей схемы Дюркгейма.

Такимъ образомъ, чтеніе этой книги не только не отпугнетъ читателя своею трудностью, но, наоборотъ, способно заинтересовать его своею темой еще шире, еще глубже.

Но, какъ всегда бываетъ, и относительно книги Дюркгейма имѣются свои но...

Прежде всего французскій подлинникъ вышелъ въ свѣтъ уже лѣтъ 15 тому назадъ. Слѣдовательно, всѣ статистическія и цифровыя данныя, приводимыя въ книгѣ Дюркгейма, теперь устарѣли и въ настоящее время, можетъ быть, не только не подтверждаютъ, но даже опровергаютъ его взгляды. Во-вторыхъ, трудъ Дюркгейма написанъ до извѣстной степени ad majorem gloriam соціологіи—науки, которая до сихъ поръ не сумѣла ни опредѣлить своего объема, ни установить своихъ методовъ изслѣдованія. Вмѣсто того, чтобы взглянуть на самоубійство, какъ на явленіе страшно сложное, зависящее отъ множества причинъ самаго разнообразнаго порядка—психическихъ, физіологическихъ, экономическихъ и т. п., авторъ беретъ самоубійство исключительно какъ явленіе соціологическое, объясняемое характеромъ отношеній единичнаго лица къ обществу. Если индивидуумъ развивается черезчуръ быстро, опережаетъ общество, связи его съ этимъ обществомъ разрушаются, и это разрушеніе можетъ вызвать самоубійство носителя такого крайняго индививуализма. По схемѣ Дюркгейма это будетъ типомъ самоубійства эгоистическаго. Противоположнымъ ему типомъ будетъ самоубійство альтруистическое, т.-е. добровольный уходъ изъ жизни во имя блага другого. Таковы самоубійства неизлечимыхъ больныхъ, стариковъ, ставшихъ въ тягость другимъ, или—въ болѣе замаскированномъ видѣ—самоубійства женъ послѣ смерти мужей, рабовъ послѣ смерти господъ и т. д. Третій, смѣшанный типъ самоубійства будетъ самоубійство аномичное, вызываемое всякаго рода общественными неустройствами и потрясеніями. Внутри намѣченной общей схемы Дюркгеймъ проводитъ множество дѣленій и подраздѣленій, выясняя, напримѣръ, такія частные поводы къ самоубійству, какъ всемірныя выставки или вліяніе температуры и т. п. Но и здѣсь авторъ, вѣрный своей соціологической доктринѣ, старается наблюдать дѣйствіе каждаго фактора на увеличеніе или уменьшеніе числа самоубійствъ отдѣльно, беретъ каждый факторъ изолированно, закрывая глаза

на то, что въ дѣйствительной жизни бываетъ совсѣмъ не такъ, и человѣкъ каждую минуту находится подъ дѣйствіемъ цѣлаго комплекса силъ, равнодѣйствующая которыхъ и опредѣляетъ его поведеніе. Но схематичность—это ужъ общій грѣхъ современной соціологіи.

А. Б.

Актовыя книги Полтавскаго городового уряда XVII вѣка. Выпускъ I. Справы поточныя 1664—1671 годовъ. Редакція и примѣчанія В. Л. Модзалевскаго. Изданіе полтавской ученой архивной комиссіи. Черниговъ. 1912. Стр. 4+216+19.

Въ музеѣ украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго черниговскаго губернскаго земства уже нѣсколько лѣтъ хранятся полтавскія актовыя книги, никѣмъ еще изъ историковъ Полтавщины не использованныя. Нынѣ В. Л. Модзалевскій, разсмотрѣвшій ихъ, извлекъ изъ первой части книги подъ № 54 судебные акты и на средства полтавской ученой архивной комиссіи предалъ ихъ тисненію. Эти акты, цѣнные уже потому, что относятся къ интереснѣйшему времени прошлаго Гетманщины—эпохѣ ««Руины», когда «гетманствовали Иванъ Мартыновичъ Брюховецъ и Демьянъ Многогрѣшный,—раскрываютъ за цѣлыхъ семь лѣтъ (1664—1671 гг.) все то, что творилось въ городской жизни самой Полтавы и въ жизни ближайшихъ къ ней селъ, нерѣдко съ любопытнѣйшими бытовыми подробностями. Кромѣ того, въ нихъ нашли отраженіе нѣкоторыя политическія событія того времени; по нимъ можно судить о степени участія на судѣ и особенно въ постановкѣ «декретовъ» московскихъ властей и городового суда «товарискоя ряды»; наконецъ въ нихъ немало данныхъ для исторіи собственно уряда, т.-е. мѣстной власти, его состава, формъ и т. п. и исторіи языка.

Акты напечатаны съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника, съ примѣчаніями редактора и съ приложеніемъ къ нимъ, для удобства пользованія, двухъ алфавитныхъ указателей: именъ личныхъ и географическаго. Съ внѣшней стороны изданіе выполнено вполнѣ удовлетворительно, и остается только пожелать, чтобы полтавская ученая архивная комиссія не замедлила печатаніемъ дальнѣйшихъ выпусковъ этихъ интереснѣйшихъ матеріаловъ для бытовой исторіи Малороссіи.

В. Р—въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Александръ I и баронесса Крюденеръ.—Уже слишкомъ много появилось статей объ отношеніяхъ императора Александра I и баронессы Крюденеръ, чтобы не вызвать невольнаго вопроса: что новаго можетъ сообщить Пьеръ Рэнъ въ своей статьѣ «Alexandre I et Madame de Krudener»[1])? И, дѣйствительно, онъ ничего не сообщаетъ новаго, развѣ только, разсматривая эти отношенія съ опредѣленной точки зрѣнія, онъ, между прочимъ, спрашиваетъ: въ какую именно вѣру увлекала г-жа Крюденеръ Александра?—и при этомъ подробно критикуетъ Священный союзъ.

Ея успѣхъ зависѣлъ отъ удачно выбраннаго момента для вліянія на императора: почва для этого была уже подготовлена. «Я вижу по всему происходящему, что Провидѣніе требуетъ большихъ жертвъ. Я готовъ подчиниться его волѣ!»—сказалъ Александръ Павловичъ Мишо, когда тотъ явился къ нему съ донесеніемъ о взятіи Москвы и о пожарѣ. Необъятность этого несчастія настолько его поразила, что онъ обратился къ послѣднему прибѣжищу—религіи. Съ нимъ произошелъ кризисъ, и изъ ученика Лагарпа онъ превратился въ мистика.

Александръ пожелалъ ознакомиться съ Библіей, которую попросилъ у императрицы Елизаветы. Въ Библіи все ему казалось любопытной новинкой и пророчествомъ, и онъ объявилъ, что до тѣхъ поръ его жизнь была безполезна и пуста, потому что въ ней онъ не давалъ мѣста для великихъ задачъ жизни. Всю отвѣтственность за свое незнаніе Бога и несовершенство религіознаго воспитанія онъ слагалъ на Екатерину: «святая сущность христіанства укрылась отъ ея взглядовъ», говорилъ онъ.

---

[1]) «La Revue hebdomadaire», 14 Septembre 1912.

Въ ноябрѣ 1813 года адмиралъ Чичаговъ написалъ исторію русскаго похода, пересыпанную евангельскими изреченіями, согласно которымъ Александру предназначалось играть мистическую роль въ Европѣ. Читая эту исторію, онъ заливался слезами. Въ томъ же году послѣдовало открытіе въ Петербургѣ библейскаго общества, состоящаго изъ трехсотъ комитетовъ и сектъ различныхъ вѣроисповѣданій. Цѣлью открытія такого общества было распространеніе среди народа истинъ христіанской религіи. Мысль этой христіанской пропаганды была нѣсколько химерична, говоритъ авторъ, и потому въ 1818 году царь самъ же упразднилъ эту группировку всѣхъ религій, которую съ такимъ жаромъ создавалъ за пять лѣтъ передъ тѣмъ.

Одна дама изъ Риги преподнесла ему копію съ псалма XCI, и Александръ нашелъ въ немъ много намековъ на его собственную судьбу. Этотъ псаломъ сдѣлался излюбленнымъ его чтеніемъ.

Такое религіозное настроеніе все увеличивалось до самаго заключенія мира. Александръ хотѣлъ себя убѣдить, какъ это было съ Наполеономъ, что онъ идетъ къ побѣдѣ, въ сопровожденіи Бога, и свою побѣду онъ приписывалъ Ему. Свои религіозныя чувства онъ доводилъ до крайности, какъ вообще во всемъ свои чувства.

Неизбѣжно было, чтобы этимъ настроеніемъ кто-нибудь воспользовался и создалъ себѣ роль, которая прославила бы его возлѣ посредника Европы. Эту роль взяла на себя баронесса Крюденеръ, вѣрно предсказавъ Александру два событія. Въ то время, какъ въ Вѣнѣ всѣ были увѣрены въ окончательномъ возстановленіи Бурбоновъ, она предсказала въ январѣ 1815 года, что «лилія только покажется и опять исчезнетъ». Когда Александръ отказался дать свое согласіе на перемѣщеніе Наполеона на островъ св. Елены, чтобы сдержать слово, данное павшему сопернику,—обезпечить ему пребываніе на островѣ Эльбѣ,—баронесса предсказала, что держать «корсиканскаго людоѣда» такъ близко къ континенту будетъ пагубно для Европы. Въ сущности, въ этихъ предсказаніяхъ не было ничего необыкновеннаго, однако, когда они сбылись, Александръ вспомнилъ о пророчицѣ и пожелалъ познакомиться съ нею.

Посвятивъ нѣсколько страницъ пространной и уже давно извѣстной русскому читателю біографіи баронессы Крюденеръ, Рэнъ переходитъ къ обстоятельствамъ, при которыхъ произошла ихъ первая встрѣча, а затѣмъ къ лучшимъ мѣсяцамъ жизни баронессы, въ качествѣ друга Александра. Здѣсь авторъ также не даетъ ничего новаго, а затѣмъ задаетъ вопросъ: въ какую именно религію баронесса хотѣла обратить Александра? Сама она офиціально была православная, но воспитывалась въ основахъ лютеранской религіи. Сопровождавшій ее повсюду пасторъ Эмпейтацъ былъ протестантъ. Оба они черпали свои доводы изъ Библіи, но въ своихъ комментаріяхъ они развивали мысль Кальвина и такъ ее преобразовывали, что она приближалась къ квіетизму Фенелона и г-жи Гюонъ. Имъ все-таки не удалось установить формулу для своего ученія, и они только проповѣдывали духовную набожность, полетъ души къ Богу и полное врученіе своей судьбы его волѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они хотѣли сдѣлать каждаго послѣдователя ихъ ученія апостоломъ, способнымъ увлечь массы, вдохнуть въ него то восторженное настроеніе, которымъ сами были

переполнены. Они вездѣ видѣли Христа, и Меттернихъ передавалъ графу Сентъ-Олэръ слѣдующій анекдотъ. Александръ пригласилъ Меттерниха обѣдать втроемъ съ баронессой Крюденеръ и сказалъ ему: «Мы будемъ безусловно втроемъ и одинъ приглашенный, котораго вы, навѣрно, не узнаете». Дѣйствительно, на столѣ было четыре прибора. Добавочный приборъ былъ накрытъ для «нашего Господа Бога Іисуса Христа».

Въ одномъ письмѣ къ г-жѣ Сталь баронеса Жерандо писала ей, что секретъ баронессы Крюденеръ привлекать къ себѣ людей состоитъ въ необыкновенной добротѣ. На это г-жа Сталь отвѣтила: «Я вѣрю въ мистицизмъ, т. е. религію Фенелона, святилище которой находится въ сердцѣ, и которая присоединяетъ любовь къ дѣлу; я вѣрю въ реформацію реформаціи, развитіе христіанства, которое соединило бы то, что хорошо въ католичествѣ и протестантствѣ, что вполнѣ отдѣляетъ религію отъ политическаго вліянія священниковъ. Какая прекрасная вещь для императора Александра,—сказала она въ заключеніе,—быть во главѣ двухъ благородныхъ усовершенствованій человѣческаго рода: внутренней душевной религіи и представительнаго правительства».

Хотя баронесса Крюденеръ и посѣщала православныя церковныя службы въ присутствіи государя, но своимъ послѣдователямъ не указывала на нихъ, какъ на необходимую церемонію. Она надѣялась добиться соединенія церквей, на что Александръ охотно согласился бы, но ей не удавалось осуществить эту мечту. Александръ каждый вечеръ посѣщалъ пророчицу, и при его появленіи она падала на колѣни и принималась молиться, остальные присутствовавшіе всѣ сидѣли. Затѣмъ составлялся кругъ, и Александръ садился рядомъ съ баронессой и подолгу разговаривалъ съ нею. Пасторъ Эмпейтазъ также вмѣшивался въ разговоръ, затѣмъ всѣ расходились, «пораженные всѣмъ и въ восторгѣ».

Сближенію императора съ пророчицей помогло еще слѣдующее обстоятельство. Въ 1814 году, во время своего пребыванія въ Англіи, Александръ вступилъ въ сношенія съ многими религіозными обществами и между прочимъ съ нѣкоторыми квакерами. Онъ задалъ имъ вопросъ: какъ они смотрятъ на женскую миссію и ихъ дѣятельность въ церкви? Тѣ отвѣтили: «Во Христѣ женщина и мужчина—одно, и женщинъ съ соотвѣтствующими способностями мы допускаемъ примѣнять ихъ таланты въ качествѣ священнослужителя, какъ это было въ первоначальной церкви». Этотъ отвѣтъ послужилъ еще однимъ толчкомъ къ сближенію съ баронессой Крюденеръ. «Александръ избранъ Богомъ,—писала баронесса своей подругѣ 30-го августа 1815 года:—онъ идетъ по пути отреченія. Я знаю каждую подробность его жизни, скажу даже—почти каждую его мысль; онъ всегда неизмѣнно приходитъ сюда, и эти духовныя узы, созданныя Богомъ, все болѣе и болѣе крѣпнутъ. Когда онъ долженъ иногда посѣщать общество, то никогда не бываетъ, чтобы онъ отправился въ театръ или на балъ: онъ говоритъ мнѣ, что онъ болѣе не можетъ постичь свѣтскихъ людей, которые предлагали ему увеселенія».

Эти слова баронессы вызываютъ со стороны Рэна замѣчаніе, что она, какъ и многіе другіе, сама подпала подъ чары этого «несравненнаго чародѣя, безсознательно лукаваго». Кто могъ прочитать сущность его мысли подъ этой загадочной улыбкой! Увлеченный порывомъ, онъ иногда казался завоеван-

нымъ, въ самомъ же дѣлѣ онъ бывалъ полузавоеванъ и тотчасъ же ускользалъ, какъ только проходилъ порывъ. Баронесса Крюденеръ имѣла на него вліяніе въ августѣ 1815 года, быть можетъ, болѣе сильнѣе, чѣмъ кто-либо другой, но и она окончила такъ же, какъ Чарторыжскій, Сперанскій, Нарышкина, Наполеонъ. Если она преувеличивала, хвастаясь, что знаетъ его каждую сокровенную мысль, то говорила правду, что ея религіозное вліяніе на императора распространялось и на область политики.

Не будемъ останавливаться на эпизодѣ въ Вертю во время смотра войскъ, на восторженной брошюрѣ баронессы Крюденеръ и перейдемъ къ Священному союзу. Рэнъ рисуетъ сцену, когда Александръ въ сопровожденіи баронессы Крюденеръ отправился къ ліонскому философу и ученику Месмера Николя Бергасу совѣтоваться о Священномъ союзѣ. Прямой, гордый и желчный, благодаря пережитымъ несчастіямъ, шестидесятилѣтній философъ, жившій въ скромномъ домикѣ, казался восьмидесятилѣтнимъ. При его появленіи Бергасъ едва приподнялся со стула. Госпожа Крюденеръ усѣлась на другой стулъ, а Александръ удовольствовался табуретомъ и протянулъ свои длинныя ноги подъ стулъ философа. Между пророчицей и политическимъ философомъ начался разговоръ, касавшійся нравственныхъ, психологическихъ и соціологическихъ задачъ. Авторъ «Закона существъ и ихъ судьбы» развивалъ свою мысль, а императоръ молча прислушивался къ разговору, и текстъ манифеста о священномъ союзѣ понемногу приготовлялся въ его головѣ. «Въ свое время много спорили о томъ, кто былъ редакторъ этого текста», говоритъ Рэнъ. Паскье думалъ, что онъ написанъ рукою Бергаса. Баронесса Крюденеръ, конечно, вставила нѣкоторыя изъ своихъ любимыхъ выраженій, а императоръ, если не самъ продиктовалъ, то, конечно, вставилъ нѣсколько параграфовъ.

Дипломаты были очень недовольны, когда императоръ Александръ I сообщилъ имъ свой манифестъ. Австрійскій императоръ и прусскій король не хотѣли его подписывать, не посовѣтовавшись съ министрами. Александръ предвидѣлъ это и предупредилъ Меттерниха. Послѣдній въ своихъ мемуарахъ говоритъ, что попробовалъ убѣдить Александра, что подобный политически-религіозный манифестъ безполезенъ и даже опасенъ, но Александръ такъ горячо отстаивалъ этотъ манифестъ, что императоръ Австріи не могъ отказаться отъ подписи акта, который не обязываетъ ни къ чему опредѣленному. Фридрихъ-Вильгельмъ тѣмъ менѣе могъ отказать своему союзнику и покровителю, и 26-го сентября 1815 г. трактатъ былъ подписанъ тремя государями.

«Никогда союзъ не былъ болѣе священнымъ, но менѣе понятнымъ,—говоритъ Рэнъ:—никогда политическая система не была болѣе смутно опредѣлена, а между тѣмъ никогда международный актъ не былъ возведенъ на высоту принципа: задача Священнаго союза была въ глазахъ публики борьбой противъ революціонныхъ идей, которыя въ теченіе тридцати лѣтъ пропагандировались въ Германіи, Испаніи, Италіи и въ самой Франціи. Это было вмѣшательствомъ государей въ дѣла народовъ; это былъ режимъ конгрессовъ, на которыхъ обсуждались и рѣшались различныя вмѣшательства. Конечно, эта система европейскаго правительства не вся оборудована мозгами пророчицы. Мало-по-малу она нагромождалась подъ вліяніемъ Меттерниха, который въ нѣсколько лѣтъ

преобразовалъ Священный союзъ до такой степени, что сдѣлалъ изъ него орудіе и символъ политическаго самовластія».

Александръ былъ въ 1815 году либераломъ и убѣжденнымъ конституціоналистомъ, поэтому манифестъ былъ привѣтомъ Провидѣнію и пѣсней всемірнаго братства. Представляя міру этотъ манифестъ, Александръ думалъ увѣнчать свои ниспосланныя Провидѣніемъ дѣянія. Два раза Провидѣніе побѣдоносно приводило его въ Парижъ. Въ 1814 году, ослѣпленный своей побѣдой, онъ упустилъ случай установить на солидной основѣ общій міръ и конституціонный режимъ французовъ. Въ 1815 году, съ согласія соперниковъ, онъ окончательно отстранилъ Наполеона, послѣдняго предводителя революціи и безпорядка. Онъ основалъ въ Парижѣ наблюдательный совѣтъ изъ посланниковъ побѣдоносныхъ державъ для руководства первыми шагами возстановленнаго правительства. 13 октября онъ вернулся въ Петербургъ, съ рѣшеніемъ составить счастье своего народа.

Дальнѣйшая судьба баронессы Крюденеръ уже не разъ была описана. Она умерла въ одномъ и томъ же году съ императоромъ въ Карасу-Базарѣ, невдалекѣ отъ Таганрога, гдѣ скончался Александръ I.

— К о е-ч т о о В а г н е р ѣ.—«Нѣтъ, не жалѣй о тѣхъ ласкахъ, которыми ты украсила мнѣ жизнь. Я не зналъ этихъ благоухающихъ цвѣтовъ, сорванныхъ съ дѣвственной почки благородной любви. Итакъ, мечта поэта должна измѣниться въ чудную дѣйствительность. Эта роса довѣрчивой радости должна хотя разъ упасть на неблагодарную почву моей земной жизни. Теперь я получилъ мое званіе рыцаря. Я былъ освобожденъ отъ міра твоимъ сердцемъ, твоими глазами, твоими губами. Я еще вдыхаю магическія благоуханія этихъ цвѣтовъ, сорванныхъ тобою для меня на твоемъ сердцѣ. Это не ростокъ земной жизни: это благоуханіе сверхъестественныхъ цвѣтовъ божественной смерти, вѣчной жизни. Нѣкогда эти цвѣты украшали тѣла героевъ предъ тѣмъ, какъ огонь превращалъ ихъ въ пепелъ. Возлюбленная бросалась въ эту могилу пламени и благоуханій, соединяя свой пепелъ съ пепломъ возлюбленнаго. Тогда они составляли одно! Нѣтъ, не раскаивайся. Это сжигаетъ пламя, блестящее и чистое. Никакой мрачный пылъ, никакое пламя томленія не оскорбитъ его ясности. Эти ласки любви—вѣнецъ моей жизни, розы радости, расцвѣтшія на моемъ терновомъ вѣнцѣ. Я гордъ и счастливъ! Болѣе никакихъ хотѣній, никакихъ желаній! Наслажденіе, высшее сознаніе и сила. Сила не страшится никакихъ жизненныхъ бурь. Нѣтъ, нѣтъ, не раскаивайся!»

«О ночь безмѣрная, ночь любви, спустись и излей полное забвеніе. О ненависть къ неумолимому ненавистному дню. Будь проклятъ вѣроломный день! А ты, ночь, святая ночь любви, священная ночь сладострастья, восхитительное желаніе вѣчнаго сна, прими насъ въ твои объятія, на твое ложе. Освободи меня отъ вселенной».

Всѣ, кто помнитъ эту музыку души геніальнаго Вагнера и ожидалъ появленія третьяго тома его воспоминаній, которыя по времени совпадаютъ съ пережитой эпохой любви къ г-жѣ Везендонкъ, будутъ разочарованы. Въ Берлинѣ вышелъ третій томъ, но въ немъ лишь сдержаннымъ, холоднымъ тономъ Вагнеръ сообщаетъ о г-жѣ Везендонкъ: «Одно семейство Везендонкъ, только что

поселившееся въ Цюрихѣ, добилось знакомства со мною при посредничествѣ Маршаля-фонъ-Биберштейна, моего стариннаго пріятеля по дрезденской революціи. Тогда моя жизнь вступила въ фазу, которая сама по себѣ не имѣла большого значенія, но все-таки повела за собою значительныя перемѣны въ моемъ существованіи, вслѣдствіе моихъ сношеній съ этой дружественной семьей. Ежедневныя свиданія, доставляемыя сосѣдствомъ, невольно сдѣлали эти сношенія болѣе интимными. Тогда я замѣтилъ уже нѣсколько разъ, что Везендонкъ, по своей честной откровенности, началъ проявлять нѣкоторое безпокойство, что я становлюсь такъ близокъ къ его дому. Необходимо было объясниться. Въ результатѣ послѣдовало болѣе или менѣе молчаливое соглашеніе, которое со временемъ приняло особое значеніе въ глазахъ другихъ людей, такъ что въ наши отношенія мы должны были внести извѣстную сдержанность, что часто надоѣдало обоимъ». Замѣчательная вещь!—Эта близость сосѣдей началась именно съ созданіемъ «Тристана». Послѣ вышеприведенныхъ страстныхъ строкъ, третій томъ воспоминаній кажется холоднымъ, пустынымъ, при отсутствіи самыхъ красивыхъ страницъ изъ жизни геніальнаго автора—его душевныхъ переживаній.

Вдохновительницѣ «Тристана», которой самъ Вагнеръ написалъ: «создавъ «Тристана», я тебѣ навѣкъ имъ обязанъ», посвящены такимъ образомъ лишь эти холодныя слова. Вопросъ, что заставило Вагнера такъ поступить, вызываетъ различныя предположенія. Одно изъ нихъ кажется правдоподобнымъ Полю Фля, и онъ его приводитъ въ «Revue Bleue». Описывая, какъ Гансъ Бюловъ разыгрывалъ первые два акта «Зигфрида», еще только набросаннаго карандашомъ, Вагнеръ прибавляетъ: «Тогда у насъ бывало нѣсколько слушателей, чаще всего г-жа Везендонкъ. Козима слушала, склонивъ голову, и ничего не говорила, а когда настаивали, чтобы она разговорилась,—она принималась плакать!»

Очевидно, въ эту эпоху Козима была уже увлечена, и присутствіе г-жи Везендонкъ ее волновало. Диктуя ей свои мемуары, Вагнеръ изъ чувства деликатности сдерживался. Прежняя страсть замѣнилась новой—къ Козимѣ. Если ревность считать проявленіемъ сильной страсти, то Вагнеръ очень любилъ эту женщину, и она послужила причиной разрыва между нимъ и Ницше. Это заключеніе сдѣлалъ Гансъ Белартъ въ своемъ трудѣ, недавно вышедшемъ въ Берлинѣ.

Авторъ выясняетъ причины, создавшія разрывъ между Ницше и Вагнеромъ. Какъ извѣстно, они были лучшими друзьями на свѣтѣ, и вдругъ между ними произошелъ разрывъ. Причиной его всѣ считали интеллектуальное противорѣчіе обоихъ геніальныхъ людей, но Белартъ серьезно принялся за выясненіе этого вопроса и вынесъ убѣжденіе, что причиной размолвки была женщина и эта женщина была Козима Вагнеръ, хотя сестра Ницше горячо это отрицаетъ.

Когда Ницше вошелъ въ домъ Вагнера, ей была тридцать одинъ годъ. Эта дочь Листа и графини д'Агу умѣла очаровывать и была сама грація. Въ своихъ письмахъ Ницше восторженно отзывался о ней съ перваго дня знакомства. Для него г-жа] Козима Вагнеръ была единственная женщина высокаго стиля. «Козима,—писалъ онъ,—самая обожаемая женщина моего сердца». Съ ея стороны тоже проявлялась симпатія, и, прочитавъ его «Происхожденіе траге-

дій», она написала Ницше: «Не могу вамъ выразить, насколько меня привело въ восторгъ чтеніе этой книги, гдѣ такъ просто и точно вы опредѣляете трагедію въ нашей жизни и такъ глубоко вникаете въ самыя серьезныя задачи». Ницше далъ отчетъ о драмѣ «Тристанъ и Изольда», и Козима написала, что онъ освѣтилъ самое глубокое чувство въ ея жизни. Нерѣдко Козимѣ приходилось брать подъ свою защиту Ницше, когда окружающіе нападали на него, и самъ онъ писалъ одному своему другу 31-го января 1873 года: «Въ Лейпцигѣ все еще неистовствуютъ противъ меня: г-жа Козима Вагнеръ выдержала изъ-за меня большое сраженіе со старымъ Брокгаузомъ».

Собственно разрывъ произошелъ въ 1877 году, когда Ницше напечаталъ свое «Человѣческое слишкомъ человѣческое», и тогда Козима возстала противъ него вмѣстѣ съ другими. Недоразумѣнія изъ-за «Парсиваля» были вымышлены; настоящая причина размолвки между великимъ музыкантомъ и великимъ мыслителемъ иная: Ницше было болѣе не подъ силу имѣть какія-либо отношенія съ Вагнеромъ, онъ слишкомъ увлекся Козимой, и этотъ крикъ сердца вырвался у него 4-го января 1889 года въ четырехъ словахъ: «Аріана, я тебя люблю!»

— Театръ и цензура XIX вѣка въ Италіи.—Двадцатый вѣкъ—вѣкъ исканій, изслѣдованій, какъ впечатлѣній, такъ и чувствъ, наслажденій, одинаково умственныхъ и эстетическихъ. Не только писатели, но и сама публика стремится давать себѣ отчетъ во всемъ переживаемомъ матеріально и духовно, даже въ наслажденіяхъ. Театръ во всѣ времена являлся эстетическимъ удовольствіемъ: имъ наслаждались, не слишкомъ задаваясь вопросомъ: полезенъ ли онъ и можетъ ли онъ служить мѣриломъ прогресса и упадка общества? Въ наше время вопросъ этотъ возникаетъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Французскіе писатели, по словамъ журнала «Les Marges», смотрятъ на театръ различно: только двое изъ современныхъ писателей—Поль Зудэ и Мазель—признаютъ, что любовь къ театру служитъ серьезнымъ доказательствомъ прогресса въ умственномъ развитіи. Два другіе писателя, Дюкотэ и Бипнэ Вальмеръ, воздерживаются высказать свое мнѣніе, опасаясь ошибиться. Большинство же французскихъ писателей, касаясь этихъ вопросовъ, отрицательно относятся къ театру, а также къ тому, что театръ возбуждаетъ въ современной массѣ страсти. Буалевъ не только отрицаетъ, но онъ смотритъ на театръ, какъ на доказательство нашей лѣности. Кромѣ того, онъ видитъ въ этомъ проявленіе у современниковъ общительности: въ театръ идутъ не для того, чтобы испытать эстетическое наслажденіе, но для того, чтобы почерпнуть въ немъ сюжеты для салонной болтовни. Кольра утверждаетъ, что театра вовсе не существуетъ, а только спектакли. Пеляданъ вполнѣ съ нимъ соглашается и допускаетъ только трехъ авторовъ греческихъ, одного англійскаго, двухъ французскихъ и двухъ нѣмецкихъ. Напротивъ, Пьеръ Милль признаетъ, что публика, заплативъ за свое мѣсто въ театрѣ, болѣе обезпечиваетъ себѣ удовольствіе, чѣмъ покупая книгу, потому что импрессаріо, подвергаясь большему риску, старается сдѣлать лучшій выборъ, чѣмъ издатель.

О степени умственнаго прогресса и упадка публики судить по ея любви къ театру довольно рискованно. Монтескье говоритъ, что публика, наслаждающаяся «S. Sebastian», «Viel Homme», «Femme nue», одинаково достойна ува-

женія, какъ и почитатель «Torse che si», «Desenchantées» и «Secret de Tolede». Но тотъ, кто читаетъ до упоенія «Souffles» герцогини Рогапъ, не возвышеннѣе, не низменнѣе того, кто рукоплещетъ пьесѣ «Un Cas» герцогини Узесъ. Писатель Винсенъ д'Инди даже въ музыкѣ предпочитаетъ чтеніе—представленію. Того же мнѣнія и Эдмонъ Пилонъ: онъ стоитъ за книгу, которая можетъ продолжить удовольствіе настоящаго театра. Страсть Расина, грація Мариво, иронія Бомарше, томность Мюссе, каламбуры Банвилля, горькое вдохновеніе Бека лучше понятны при молчаливомъ созерцаніи, чѣмъ при блестящемъ освѣщеніи люстръ.

Вообще большинство писателей отмѣчаетъ, что тяготѣніе публики къ легкому театру, который становится на скользкій путь по направленію къ café-concert и кинематографу, указываетъ на склонность публики какъ можно менѣе дѣлать умственныхъ усилій. О воспитательномъ значеніи театра французскіе писатели не высказались въ этомъ запросѣ, но общее впечатлѣніе получается то, что современный театръ ихъ не удовлетворяетъ.

Напротивъ, изъ итальянскихъ журналовъ видно, что на театръ возлагаются большія надежды въ дѣлѣ воспитанія и образованія народа. Это мнѣніе высказывается въ «Umanitaria», въ статьѣ, посвященной открытію народнаго миланскаго театра, давшаго блестящіе результаты за первый годъ своего существованія. Въ этомъ театрѣ, вѣрнѣе, большомъ народномъ домѣ, отводится мѣсто какъ для драматическихъ спектаклей, такъ и для музыкальнаго отдѣленія. Въ послѣднемъ большими концертами будутъ руководить лучшія силы Тулліо Серафинъ, нашъ соотечественникъ Сафоновъ и Гвидо ди-Мондроне. Какъ въ театрѣ, такъ и въ концертахъ будутъ участвовать лучшіе артисты. Вообще этотъ театръ будетъ объявленъ въ программѣ, какъ «школа художественнаго и нравственнаго воспитанія народа», говорится въ «Nuova Antologia».

Но итальянцевъ смущаетъ вообще цензура и система ея дѣятельности. Этому вопросу посвятилъ статью въ другой книжкѣ «Nuova Antologia [2]) Уго Императори, гдѣ даетъ очеркъ итальянской цензуры XIX вѣка до нашихъ дней. Обрисовавъ ея смѣшныя, иногда даже нелѣпыя стороны и указавъ на ея большое зло—децентрализацію, вызывающую самыя противорѣчивыя распоряженія въ столицѣ и провинціяхъ, Императори желаетъ ея полнаго уничтоженія.

Въ первой половинѣ восьмисотыхъ годовъ итальянская комедія пришла въ упадокъ; вмѣсто нея побѣду одержали историческая трагедія и драма, по ролшей части лишенныя художественной цѣнности. Въ этомъ торжествѣ историческихъ драмы и комедіи немалую роль играла политическая восторженность. Часто средневѣковые герои говорили со сцены либеральнымъ языкомъ, за которымъ, по выраженію автора, такъ гонятся театральные зрители. Нерѣдко было достаточно одной фразы для возбужденія патріотическаго воодушевленія народа, какъ случилось во Франціи въ концѣ XVIII вѣка.

---

[1]) Il teatro del popolo a Milano. «Nuova Antologia». 1 Settembro 1912.
[2]) La liberta e le censura. Ugo Imperatori. «Nuova Antologia». Febraio 1912.

Короли принимали болѣе или менѣе строгія мѣры противъ свободы въ театральной литературѣ, согласно большей или меньшей свободѣ, предоставленной гражданамъ. Въ этомъ отношеніи они всѣ сходились во мнѣніи, что цензура нужна болѣе для историческаго театра, основавшаго свой успѣхъ, главнымъ образомъ, на политическихъ намекахъ, чѣмъ для бытового, который при своемъ возрожденіи уже встрѣтилъ препятствіе со стороны французскихъ водевилей. Поэтому вниманіе цензоровъ сосредоточивалось, главнымъ образомъ, на политическихъ намекахъ.

Въ Пьемонтѣ первой половины восьмидесятыхъ годовъ театральная цензура находилась въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ, въ свою очередь, поручившаго ее довѣренному лицу. Тогдашній министръ графъ Таонъ-ди-Ревель-ди-Пралунго передалъ завѣдываніе цензурой профессору Фачелли, человѣку довольно образованному, но строго придерживавшемуся установленныхъ правилъ.

Появленіе на сценѣ историческихъ пьесъ осложнялось всякими предосторожностями. Не достаточно было добиться разрѣшенія поставить на сценѣ ту или другую пьесу, необходимо было еще подвергать ее новой цензурѣ. Главное вниманіе, какъ мы уже упоминали, сосредоточивалось на одномъ пунктѣ: какъ бы не пропустить какого-нибудь политическаго намека. Даже въ Римѣ, гдѣ жилъ викарій Христа, папа, цензора скользили по вопросамъ морали и на общественныхъ спектакляхъ допускали скорѣе оскорбить нравственное чувство, чѣмъ задѣть самый невинной фразой восторженный патріотизмъ народа.

Въ туринскихъ театрахъ часто разыгрывали вульгарно-шутовскіе французскіе водевили, допускаемые цензурой. Когда же въ нихъ рядомъ съ вульгарными шутками стали появляться политическіе намеки—эти водевили цензура подвергла запрету.

Историческая драма и лирическія произведенія стали такъ изобиловать намеками на политику, что пьемонтская цензура устала слѣдить за ними. Къ политикѣ стали примѣшиваться еще случайныя сходства характера героевъ съ характеромъ современныхъ и политическихъ дѣятелей и высокопоставленныхъ лицъ, чего не допускала цензура. Иногда щепетильность цензуры доходила до смѣшнаго. Напримѣръ, Лукрецію Борджіа пришлось окрестить «Eustorgia da Romana», въ «Elisir d'amor» («Любовный напитокъ») цензура нашла невозможнымъ допустить, чтобы фигурировала дочь сенатора, и потому послѣдняго превратили въ профессора. Слово «свобода» (libertà) цензоръ также не допускалъ и обращалъ его въ слово «lealtà», прямодушіе. Когда до короля доходили свѣдѣнія о чрезмѣрной щепетильности цензоровъ, то онъ самъ исполнялъ ихъ работу. Напримѣръ, Анжело Брофферіо представилъ въ цензуру свои «Scene elleniche» (древне-греческія сцены), и цензоръ потребовалъ, чтобы Санторре ди-Санторазе не назывался своимъ именемъ; онъ предложилъ другое имя—Энторэ ди-Сантъ-Эльмо. Но Карлъ-Альбертъ указомъ 30-го декабря 1844 года не позволилъ умалчивать имя героя. Однако это были исключительные случаи; обыкновенно король не вмѣшивался въ дѣла столичныхъ цензоровъ, и послѣдніе изъ этого дѣлали политическое оружіе. Они не довольствовались исканіемъ фразъ въ историческихъ трагедіяхъ, но часто даже вовсе запрещали ставить

ихъ на сценѣ. Такова была судьба трагедіи «Biance di Burbone» (Біанка Бурбонская) и «La Conguera di Fiesche». Первая уже давалась во многихъ уголкахъ Италіи, даже въ Генуѣ, и во всѣхъ городахъ цензура слегла ее измѣнила. Вторая была представлена въ Римѣ, но въ Туринѣ запрещена. Цензура нашла ее «скандальнымъ, нелѣпымъ и нечистымъ произведеніемъ, оскорбляющимъ здравый смыслъ и нравственность» ихъ.

Кромѣ того, отъ 23-го декабря 1846 года по 13-го февраля 1847 года въ Италіи существовала странная цензура для драматическихъ произведеній, по счастію длившаяся недолго, всего два мѣсяца. Всѣ драматическія произведенія доставлялись на просмотръ гофмаршалу двора, который одобрялъ или запрещалъ ихъ.

Въ Римѣ той эпохи цензура не отличалась отъ существующей въ остальной части Италіи. Строгость цензоровъ и тамъ проявлялась, главнымъ образомъ, по отношеніи политической свободы и лицъ вліятельныхъ въ данный моментъ. Вдобавокъ римская цензура строго преслѣдовала либерализмъ въ религіи, а также въ любви. Часто случалось, что цензора придирались къ какой-нибудь фразѣ, которую едва ли можно было бы признать смѣлой, а за нею уничтожали все, что казалось имъ двусмысленнымъ или непристойнымъ. Такая строгость была, конечно, понятна въ городѣ папы, гдѣ особенно заботились, чтобы безнравственныя слова не достигали уха зрителей. Поэтому цензора должны были подписывать на послѣдней страницѣ всякаго драматическаго сочиненія, что оно просмотрѣно цензурой и разрѣшено къ представленію. Уцѣлѣвшіе экземпляры даютъ идею, какъ хозяйничали надъ ними цензора въ началѣ XIX вѣка. Однимъ изъ знаменитыхъ цензоровъ былъ аббатъ Сомаи, и Уго Императори приводитъ нѣкоторые примѣры его дѣятельности. Когда въ Римѣ должны были появиться на сценѣ «Пуритане», въ то время носившіе названіе «Elisa Walton», этотъ цензоръ передѣлалъ все либретто и слово «liberta»(свобода) повсюду замѣнилъ словомъ «lealta». Мало того, онъ не могъ равнодушно слышать слово парламентъ «il parlamento» и потому замѣнилъ его словомъ «regimento» полкъ, а вмѣсто Стюартовъ поставилъ слово «nemici» (враги).

Другой, не менѣе извѣстный цензоръ былъ Руджіери. Когда въ декабрѣ 1840 года давали фарсъ Скриба «La soffita degli artisti», щепетильность цензора дошла до того, что онъ нашелъ неприличнымъ слово amica (подруга), angiolitta (ангелочекъ), moglia (жена) и замѣнилъ ихъ словами carina (дорогая) и sorella (сестра), а фразу «O dio, dio! (о Боже, Боже) превратилъ въ cielo, cielo! (О небо, небо!). Въ произведеніи Росси «Una comedia per la poste», появившейся въ 1858 году, Руджіери немилосердно исказилъ фразу «nemo propheta in patria», уничтожилъ слово cielo, бывшее въ милости у цензоровъ ранѣе восемнадцать лѣтъ предъ тѣмъ, а слово «esposta» (подкидышъ) замѣнилъ словомъ «orfano» (сирота). Но особенно очевиднымъ примѣромъ строгаго надзора цензора служила популярная драма «Giosue il gradacosto». Въ ней по желанію цензора слово «governatore» (губернаторъ) превратилось въ «comandante» (командиръ), чтобы публикѣ не напомнило это о губернаторѣ Рима. Фраза «Ah, quelli era il bel tempo» (ахъ, какое это было хорошее время) совсѣмъ вычеркнута изъ опасенія, какъ бы не намекнуть на 1848 годъ. Въ «Francesco da Rimini»

цензоръ уничтожилъ фразу: «Я буду сражаться за тебя, за тебя, моя Италія, которой измѣнили граждане». Сцену дуэли Паоло Феррари перенесли въ Лондонъ и всѣмъ персонажамъ дали англійскія имена.

Такова была цензура въ Италіи первой половины восьмисотыхъ годовъ. Признаки либерализма впервые появились при министрѣ Гальваньо, признававшемъ, что охраненіе нравственности важнѣе охраненія народа отъ политическихъ намековъ. Въ циркулярѣ отъ 1-го января 1852 года находятся его слѣдующія слова: «Принципы морали должны быть охраняемы театральной цензурой болѣе, чѣмъ политическіе принципы, потому что первые составляютъ основу вторыхъ». А еще ранѣе онъ сказалъ: «Искренно либеральное правительство, пріобрѣтшее полную увѣренность, что оно основано на слишкомъ надежномъ фундаментѣ, не боится радикальныхъ стремленій какой-нибудь драмы». Не менѣе замѣтный прогрессъ проявился и по отношеніи народныхъ театровъ. Между тѣмъ, какъ въ остальной Италіи театральная цензура дѣйствовала по старой системѣ злоупотребленій властью и придирокъ, пьемонтскій театръ тоже сдѣлалъ шагъ къ свободѣ. Согласно указу 1850 года и закону 13-го ноября 1859 года театральная цензура находилась въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ, поэтому въ Неаполѣ, Флоренціи и Палермо спеціальные чиновники исправляли должность цензоровъ. Но указомъ отъ 4-го января 1864 года власть разрѣшать театральныя представленія въ соотвѣтственныхъ провинціяхъ переходила въ руки префекта.

Въ 1865 году плачевное положеніе цензуры усложнилось закономъ общественной безопасности, указывавшимъ въ статьѣ 32 на спеціальную норму. Согласно второй части статьи 35 этого закона, никакое театральное произведеніе не могло быть представлено или продекламировано безъ письменнаго разрѣшенія провинціальныхъ властей общественной безопасности. Власти мѣстной общественной безопасности, однако, могли всегда разрѣшить и запретить постановку такового произведенія, одинаково какъ и декламацію, если какія-нибудь обстоятельства требовали этого запрещенія во избѣжаніе публичныхъ волненій и безпорядка. Это вызвало цѣлую серію противорѣчивыхъ мѣръ, составлявшихся въ различныхъ провинціяхъ и въ различныхъ общинахъ той же самой провинціи. Министръ Риказоли попытался ограничить, если не совсѣмъ уничтожить эту неурядицу, издавъ 4-го апрѣля 1867 года инструкцію, гдѣ выяснилъ случаи, которые вызываютъ запрещенія театральныхъ произведеній. Эти причины: посягательство на принципы нравственности и стыда, возстановленіе одного класса общества противъ другого, оскорбленіе величества, парламента и представителей дружественныхъ державъ, подстрекательство презирать законъ и уставы, возмущать общественный порядокъ, оскорбительно клеветать на частную жизнь личностей и затрогивать семейные принципы, даже намеками. Другой циркуляръ отъ 9-го февраля 1874 года запрещалъ авторамъ задѣвать публично и оскорблять военный мундиръ.

Но Риказоли, по мнѣнію Уго Императори, пренебрегъ другимъ ограниченіемъ свободы театра, быть можетъ, наиболѣе полезнымъ, чѣмъ ограниченіе свободы относительно политическихъ намековъ, особенно въ настоящее время—запрещать пьесы, гдѣ выставляются факты, которые своей

мерзостью волнуютъ общественное мнѣніе, или которыми заняты судебные власти.

Эта новая норма укрѣпляла циркуляръ 22-го марта 1879 года и дополнила тотъ, которымъ уже въ концѣ 1852 года министръ Гальваньо произвелъ переворотъ въ народномъ театрѣ, давъ ему воспитательное значеніе, въ чемъ давно нуждался народъ. Такимъ образомъ, цензура набралась силъ, чтобы дать народу воспитательный театръ, противоположный прежнему, гдѣ долго царило презрѣніе къ закону и судебнымъ лицамъ, покровительство общественному преступленію, прикрытому вредной сентиментальностью. Планъ новаго закона общественной безопасности 1889 года установлялъ 40 статью, по которой оперы, драмы, хореографическія представленія или декламаціи не могли быть исполняемы на сценѣ безъ разрѣшенія префекта. Противъ этой нормы возмутились многіе депутаты. Они отстаивали убѣжденіе, что всѣ театральныя произведенія должны быть предоставлены свободному приговору публики, которая своимъ здравымъ смысломъ сумѣетъ оцѣнить ихъ художественную и моральную стоимость и защитить общественную нравственность.

Въ это время министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ Криспи, а докладчикомъ этого проекта въ палатѣ депутатовъ Курчіо, человѣкъ либеральный. И вотъ между ними возникъ странный ультра-либеральный разговоръ. Курчіо настаивалъ на единственной цензурѣ для театра—общественномъ мнѣніи. Криспи стоялъ на своемъ, чтобы въ проектѣ сохранили норму относительно театральной цензуры согласно 40 статьи, которая обезпечивала свободу для итальянскаго театра. Онъ упорствовалъ, однако, на томъ, что къ театру надо относиться одинаково строго, какъ и къ печати, и написалъ на статьѣ 40 свое рѣшеніе: «Префектъ можетъ запретить представленіе или декламацію по причинѣ нравственнаго и общественнаго безпорядка». И цензура очутилась въ рукахъ полиціи.

Далѣе авторъ переходитъ къ современной цензурѣ въ Италіи. Онъ разсматриваетъ, насколько она дѣйствительно достигаетъ намѣченной цѣли и насколько примѣнимы слова Криспи объ ея равноправіи съ печатью при существующемъ порядкѣ. Въ подготовительныхъ работахъ закона общественной безопасности 1889 года говорится: префектъ можетъ запретить представленіе, когда находитъ въ пьесѣ что-нибудь противъ уголовнаго кодекса и противъ нравственности. Къ первому относятся причины общественнаго порядка, ко второму—нравственнаго. Префектъ прочитываетъ пьесу и усматриваетъ въ ней преступленіе или объективные элементы преступленія и, опасаясь, чтобы появленіе на сценѣ не нарушило публичнаго порядка, долженъ ее запретить. А между тѣмъ Криспи поддерживалъ мнѣніе, что театръ не заслуживаетъ болѣе строгой цензуры, чѣмъ печать. Для печати же давно отмѣнены предварительные аресты, тогда какъ театръ до сихъ поръ подвергается предварительной цензурѣ.

Если Криспи въ то время былъ убѣжденъ, что не считаетъ моментъ удобнымъ для отнятія права театральной цензуры безъ ущерба и опасности для политическаго авторитета, то подавно теперь, когда свобода печати настолько ушла впередъ сравнительно съ существовавшей въ 1889 году.

Новая норма, хотя уничтожила предварительную цензуру въ театрѣ, но оставила авторитетъ общественной безопасности въ силѣ. Онъ всегда могъ

примѣнить ее прямо на спектаклѣ, когда въ пьесѣ появлялся элементъ преступленія, согласно статьѣ 41.

Если одинаково относиться къ театру и печати, какъ хотѣлъ Криспи, сохраняя предварительную цензуру лишь относительно непристойныхъ пьесъ, то надо такъ же поступать и съ порнографіей въ печати.

Если ради сохраненія нравственности народа преобразовать законъ общественной безопасности, то театръ можно обратить въ настоящую педантичную школу благонравія и безукоризненности и т. д., какъ намѣревались прежніе цензора. Современныя государства не могутъ насильно принудить гражданъ подчиниться нравственному воспитанію. Но если необходимо ограничить свободу гражданъ, чтобы побѣдить безнравственность даже въ далекомъ будущемъ, къ этому слишкомъ трудно приступить, не нарушая свободы личности, что можетъ имѣть плачевныя послѣдствія.

Императори находитъ, что децентрализація цензорскаго авторитета—большое зло, такъ часто порождающее противорѣчивыя мѣры цензоровъ согласно закону 1865 года, благодаря которому драматическое произведеніе, просмотрѣнное либеральнымъ префектомъ, умно исполнившимъ свою обязанность, совсѣмъ не обезпечено, что провинціальные цензора разрѣшатъ поставить его на провинціальной сценѣ. Такимъ образомъ, это произведеніе то одобряется къ постановкѣ, то запрещается и искажается. Мѣстныя власти общественной безопасности могутъ произвести и вторую цензуру, послѣ которой воспретятъ ставить пьесу на сценѣ, хотя ее разрѣшилъ въ столицѣ префектъ. Но едва ли не хуже случается, когда цензору покажутся особенно опасными тѣ или другія слова или фразы, и онъ не запрещаетъ пьесы, а уничтожаетъ слова и цѣлыя фразы. При этомъ онъ такъ ее искажаетъ, что она теряетъ весь художественный и этическій смыслъ.

Если въ Италіи теперь рѣдко запрещаютъ драматическія произведенія, то очень часто случается, что цензора дѣйствуютъ двойственно, какъ это было съ извѣстной сатирической комедіей Родольфа Лотара «Arlechino Re»—(Король Арлекинъ), которую разрѣшили играть по всей Италіи послѣ того, какъ ее исказили въ цензурѣ и между прочимъ выбросили три фразы: «Хорошій арлекинъ самое важное лицо въ королевствѣ: онъ говоритъ вамъ правду безнаказанно. Его убѣжище—сцена». Цензура выбросила эти три фразы, но оставила ту, гдѣ арлекинъ продолжаетъ прославлять возможность говорить правду, даже въ тронномъ залѣ. «Я не могу жить безъ правды,—говоритъ онъ:—если я долженъ закрыть ротъ,—я задохнусь. Я могу говорить правду здѣсь, въ этомъ залѣ, гдѣ воняетъ хищничествомъ, грабежомъ, убійствомъ, сластолюбивыми животными и похотливыми женщинами».

Чѣмъ руководилась цензура, выбрасывая первыя три фразы и оставивъ послѣднюю, гдѣ заключаются оскорбительныя слова относительно родственниковъ короля,—необъяснимо.

Такимъ образомъ, часто наблюдалось, что авторамъ предоставляется свобода, даже когда у нихъ попадается фраза, опасная для морали и общественнаго порядка, ускользающая отъ вниманія цензора.

Но зато итальянская цензура въ послѣднее время пренебрегала народнымъ театромъ. Изъ всѣхъ нормъ, вышедшихъ въ Италіи для урегулированія вмѣшательства государства въ жизнь театра, кажется самой благородной и полезной та, что находится въ циркулярѣ отъ января 1852 года и марта 1879 года, относительно народнаго театра. Но эта норма наименѣе примѣнима вслѣдствіе того, что на сценѣ народнаго театра, по словамъ Императори, очень часто ставятся произведенія безнравственныя, порочныя, возбуждающія къ преступленію: скандалы дня, сенсаціонные процессы, возбуждающіе низкіе инстинкты. Если, дѣйствительно, желательно, чтобы театръ не былъ академическимъ, сноворной школой добронравія, то не слѣдуетъ изъ этого, что онъ долженъ быть школой безнравственности и преступленій. Не легко, чтобы смѣлыя шутки художественной комедіи, предназначенной для избранной публики, посѣщающей первыя представленія первоклассныхъ театровъ, могли возбуждать опасныя чувства юридическаго порядка; но, напротивъ, вульгарныя драмы, написанныя «густыми красками», легко возбудятъ болѣзненную чувствительность плебея и подготовятъ ему печальное будущее. Итакъ, если 40-я статья теперешняго закона общественной безопасности, содержащая слишкомъ серьезныя ограниченія индивидуальной свободы, не представляетъ гарантіи въ жизни современнаго театра, то, по мнѣнію Императори, лучше театръ освободить отъ мало умѣстныхъ и мало полезныхъ узъ, предлагаемыхъ 40-й статьей. Противъ злоупотребленій и вольностей на сценѣ достаточно карательной системы, заботливо и умно примѣняемой, и если даже среди роскошной жатвы великаго искусства распустятъ свои отпрыски плевелы, посѣянные ремесленниками сцены, мы должны послѣдовать притчѣ Христа: «Оставьте расти вмѣстѣ то и другое до жатвы, чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали съ ними пшеницы».

— Новая наука о возстановленіи красоты человѣческаго рода.—Ученый міръ Стараго и Новаго Свѣта обогатился еще одной наукой, стремящейся къ развитію красоты, къ улучшенію расъ, названною создавшимъ ее англійскимъ ученымъ Френсисомъ Гальтономъ «Eugenique». Сущность этой науки ея авторъ опредѣлилъ слѣдующими словами: «Eugenique»—изученіе причинъ, подчиненныхъ соціальному контролю и могущихъ улучшить или ослабить качество расы будущаго поколѣнія, умственно или физически». Первый международный конгрессъ этой науки состоялся въ Лондонѣ подъ предсѣдательствомъ майора Дарвина. Въ программу его входило: законъ наслѣдственности, наслѣдственность алкоголизма, эпилепсіи, ограниченіе права на бракъ, нейтрализація нежелательныхъ, вліяніе неомальтузіанизма на гигіену расъ и т. д.

Многочисленные доклады, поданные на конгрессъ, раздѣлялись на двѣ категоріи. Нѣкоторые изъ нихъ, принадлежавшіе въ большинствѣ случаевъ американцамъ, придерживались точки зрѣнія Дарвина, доказывавшаго существованіе недостатка, порока, передачи его согласно закону Менделя, но не домогавшагося поразить его въ зародышѣ. Онъ надѣется очистить человѣчество отъ этого ущерба, препятствуя такому выродку воспроизводить себѣ подобныхъ.

Другая категорія—послѣдователи Ламарка, который безпокоился прежде всего и особенно о передачѣ недостатка, то есть объ условіяхъ, среди которыхъ онъ появился. Думаютъ, что можно достичь той же цѣли, дѣйствуя скорѣе на среду, чѣмъ на самого человѣка, уничтожая скорѣе недостатки, чѣмъ ихъ жертву. Фредерикъ Уссе, профессоръ факультета академіи наукъ, въ своемъ докладѣ выразилъ идею послѣдней группы о передачѣ недостатковъ. Но оба эти теченія могутъ существовать вмѣстѣ, улучшая разомъ наслѣдственность и среду.

Докторъ Мануври нашелъ, что смыслъ этой науки долженъ быть расширенъ. Тогда eugenique будетъ означать какія бы то ни было средства, имѣющія цѣлью омоложеніе и улучшеніе, даже тѣ, что ускользаютъ отъ соціальнаго контроля, такъ какъ можетъ существовать благопріятное и неблагопріятное вліяніе въ образѣ предыдущей жизни. Профессоръ біологіи въ Кембриджѣ Поннетъ высказалъ мнѣніе, что, за исключеніемъ малаго количества случаевъ, наше познаніе о наслѣдственности у человѣка въ дѣйствительности очень слабо, чтобы служить основой законоположенія. Докторъ Апертъ далъ объясненіе, почему законъ наслѣдственности, установленный у животныхъ Нодэномъ и Менделемъ, не вполнѣ подтверждается у людей: онъ нарушенъ элементами возмутителями, и сначала надо уничтожить ихъ вліяніе. Такая работа можетъ быть исполнена для многочисленныхъ семейныхъ болѣзней, гдѣ нѣкоторыя физіологическія соотношенія (полъ, годы) мѣшаютъ проявленію болѣзней. Тогда будетъ видно, что законъ наслѣдственности замаскированъ, но существуетъ. Онъ подтверждается у людей, и, благодаря ихъ сознанію, въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно помѣшать появленію наслѣдственности, даже кажущейся роковою.

Докторъ Антоніо Марро, директоръ дома умалишенныхъ въ Туринѣ, сообщилъ о вліяніи возраста родителей на психо-физическій характеръ дѣтей. Въ качествѣ тюремнаго врача онъ изслѣдовалъ преступниковъ, чтобы открыть, существуетъ ли отношеніе между преступленіемъ, за которое они были подвергнуты заключенію, и годами ихъ родителей въ моментъ зачатія. Онъ замѣтилъ, что посягательства противъ собственности совершались сыновьями молодыхъ родителей; праздность, непредусмотрительность и любовь къ удовольствіямъ—привилегія молодыхъ лѣтъ—порождаютъ воровство. Мошенничество, требующее предварительнаго обдумыванія, скорѣе преступленіе зрѣлыхъ лѣтъ. Но особенно въ статистикѣ преступленій противъ личности господствуютъ дѣти родителей въ зрѣломъ возрастѣ.

Докторъ Мари-де-Вилльжуа высказалъ мнѣніе, что годы производителя имѣютъ нѣкоторое вліяніе на психопатическую наслѣдственность. Послѣднее замѣчаніе имѣетъ большое біологическое значеніе. Согласно Уссе, это отъ недостатка производителя, который продолжаетъ все болѣе подвергаться отравленію токсиномъ, и, какъ доказательство, докторъ сообщилъ, что куры, которыхъ онъ кормилъ сырымъ мясомъ, становились все менѣе и менѣе плодовиты. Докторъ Моттъ, врачъ въ домѣ душевно-больныхъ въ Лондонскомъ графствѣ, представилъ сообщеніе объ отношеніи наслѣдственности къ безумію, которое онъ опредѣлилъ: сумасшедшій—это индивидуумъ, который болѣе не можетъ ни чувствовать, ни думать согласно привычкамъ и обычаю, среди которыхъ онъ живетъ.

Статистика указываетъ, что количество сумасшедшихъ увеличилось въ Лондонѣ, тогда какъ народонаселеніе осталось прежнее. Этотъ приростъ болѣе кажущійся, чѣмъ дѣйствительный. Природа стремится уничтожить выродившіяся семьи, когда ее заставляютъ молчать. Ребенокъ, наслѣдственный невропатъ, унаслѣдовавшій недостатокъ съ обѣихъ сторонъ, въ четыре раза болѣе имѣетъ шансовъ стать сумасшедшимъ, чѣмъ если бы больнымъ былъ только одинъ изъ родителей. Докторъ Уикъ высказалъ, что ребенокъ обоихъ родителей-эпилептиковъ роковымъ образомъ эпилептикъ. Онъ опасается, что въ скоромъ времени эпилептики составятъ большую часть населенія, и въ своемъ докладѣ нарисовалъ печальную картину.

Докторъ Мьоенъ изъ Христіаніи, въ докладѣ о дѣйствіи алкоголя на плазму зародыша, доказывалъ, что алкоголь вредитъ качеству поколѣнія, у отца измѣняя клѣточки зародыша, а у матери вліяя на развитіе зародыша. Для борьбы съ алкоголемъ онъ предложилъ систему, по которой такса на спиртъ поднимается вмѣстѣ съ усиленіемъ градусовъ спирта. Директоръ убѣжища для душевно-больныхъ докторъ Маньянъ и докторъ Филасье воспользовались статистикой отъ 1867—1912 годовъ, чтобы изучить вырожденія у алкоголиковъ. Болѣе половины ежегодно рождаемыхъ дѣтей родятся отъ алкоголиковъ. Дѣти, рожденныя отъ такихъ родителей, умираютъ преждевременно или влачатъ самое плачевное существованіе. Главный виновникъ въ этомъ несчастьи—государство: оно или остается бездѣятельнымъ, или, видя это несчастье, поддерживаетъ его, увеличивая количество заведеній и поддерживая ихъ на свои средства. Но особенно печальное явленіе—алкоголизмъ, повсюду развивающійся среди женщинъ.

Доклады изъ Америки свидѣтельствуютъ о вредномъ вліяніи на поколѣніе, родившееся отъ браковъ между двоюродными сестрами и братьями. Это вліяніе настолько отражается на будущемъ поколѣніи, что государство издаетъ законъ о запрещеніи такихъ браковъ.

— Отовсюду.—Кингъ-Пао, самая древняя газета, выходившая въ Китаѣ тысячу пятьсотъ лѣтъ, прикончила свое существованіе. Когда европейцы еще не имѣли мысли издавать газетъ, китаецъ Гу-Кунгъ нашелъ способъ сдѣлать шрифтъ изъ свинца и серебра. Свое изобрѣтеніе онъ примѣнилъ для печатанія газеты, которую основалъ въ четырехсотомъ году до Рождества Христова. Она существовала до нашихъ дней и состояла изъ десяти шелковыхъ страницъ желтаго цвѣта, сшитыхъ вмѣстѣ. Сначала ее разсылали высокопоставленнымъ лицамъ въ имперіи, но мало-по-малу она сдѣлалась самой распространенной газетой въ Китаѣ. Въ императорской библіотекѣ находятся интересные документы, относящіеся до ея исторіи. Главные ея редакторы время отъ времени выказывали отважный патріотизмъ. Такъ, въ XIII вѣкѣ редакторъ Ф. Мо-Хинга былъ обвиненъ въ измѣнѣ императорскому величеству и подвергнутъ пыткѣ, а затѣмъ сожженъ живымъ. Эти документы, кромѣ того, представляютъ интересъ тѣмъ, что въ нихъ девятьсотъ лѣтъ тому назадъ находились идеи, которыя мы считаемъ современными, напримѣръ, въ XI вѣкѣ главный редакторъ этой газеты, знаменитый китайскій поэтъ Гуръ-Нонъ-Чангъ осмѣлился настаивать предъ правительствомъ, чтобы распростились со старыми

традиціями и церемоніями и послали въ Европу способнаго человѣка для изученія какъ новыхъ костюмовъ, такъ и всего, что дѣлается въ Европѣ. За этотъ совѣтъ редактору отрѣзали уши, вырвали языкъ и обезглавили, а затѣмъ выставили голову на посмѣшище во всѣхъ городахъ сѣвернаго Китая.

— Marzocca—имя незамѣтной героини крымской кампаніи, которой Англія на дняхъ отпраздновала девятидесятилѣтній юбилей. Марія Станислава-Жозефина—была правой рукой извѣстной Флоренціи Найнтенгэлъ въ ея благотворительной дѣятельности. Въ 1846 г. она поступила въ монастырь, но въ октябрѣ 1854 г. отправилась въ качествѣ помощницы Флоренціи Найнтенгэлъ въ Крымъ. Здѣсь она съ рѣдкой самоотверженностью ухаживала за ранеными. Часто ее видѣли возлѣ раненыхъ сидѣвшей прямо на землѣ или отбивающейся отъ крысъ, въ большемъ количествѣ наполнявшихъ палату. Теперь уже глухая и почти слѣпая, она находится въ Лондонѣ, въ монастырѣ св. Іоанна и св. Елизаветы и впервые рѣшилась покинуть келью, только чтобы принять поздравленія въ день юбилея.

— «Semaine litteraire» 28-го сентября передаетъ перипетіи, пережитыя несчастной великой арміей во время похода 1812 года, и между прочимъ отмѣчаетъ замѣчательную отвагу швейцарцевъ. Наполеонъ цѣнилъ швейцарскихъ солдатъ, и когда его братъ Іосифъ вступалъ на неаполитанскій престолъ, то императоръ говорилъ ему: «Ты возьмешь съ собою первый швейцарскій полкъ. Это отважные люди. Ты можешь положиться на нихъ. Они никогда тебѣ не измѣнятъ!» Онъ такъ былъ увѣренъ въ швейцарцахъ, что взялъ въ русскій походъ четыре швейцарскихъ полка, около 7,265 солдатъ, и не раскаялся: настолько ихъ поведеніе было образцово во время этого несчастнаго для французовъ похода. Особенно злополучны были для нихъ два дня, 18-го октября и 28-го ноября; первое было особенно смертоносно, когда они прикрывали отступленіе Сенъ-Сирскаго отряда въ Полоцкѣ и этимъ мѣшали русскимъ его раздавить, а 28-го ноября при переходѣ Березины они выдерживали въ теченіе десяти часовъ натискъ обѣихъ русскихъ армій и этимъ спасали остатки Великой арміи. Вообще швейцарцы всегда предпочитали оборонительную войну, но при случаѣ умѣли перейти и въ наступательную, какъ случилось въ Полоцкѣ. Они выказали столько отваги во время несчастнаго похода, что французскій генералъ Мерль, поздравляя полковника одного полка, участвовавшаго въ полоцкомъ бою, писалъ: «Невозможно выказать болѣе отваги и хладнокровія». А когда Тьеръ обвинялъ швейцарцевъ, что они выказали слишкомъ много пыла, водуазскій капитанъ Луи Вего, одинъ изъ героевъ того дня, вспоминая эти слова, написалъ въ своихъ мемуарахъ: «Слишкомъ много пыла! Но, г. Тьеръ, вы забываете, что надо было воспрепятствовать, чтобы остатки Великой арміи не нашли могилу въ Березинѣ». Швейцарцы ни разу не потеряли ни одного орла, ни одного знамени.

Когда швейцарцы служили въ иностранныхъ арміяхъ, замѣчаетъ авторъ статьи Гильянъ, они приносили съ собою любовь къ родинѣ на знаменахъ, подъ которыми сражались. Это утверждаютъ всѣ швейцарскіе офицеры, написавшіе воспоминанія. «Страдали за родину,—писалъ поручикъ Пьеръ-де-Шалле:—за родину дрались!» А другой капитанъ, невшателецъ Росслэ, эту отвагу

и любовь къ родинѣ объясняетъ тѣмъ, что швейцарцы хотѣли доказать, что они не выродились и берега Двины и Березины надолго еще удержатъ память о славѣ швейцарскаго имени.

— «Rivista di Roma» разсказываетъ любопытный эпизодъ изъ жизни Наполеона I, переданный сенаторомъ Габба со словъ восьмидесятилѣтней Лены Биньяни. Это была въ свое время красавица, и въ ея жизни, разумѣется, было не мало пикантныхъ анекдотовъ. Среди нихъ одинъ случившійся на празднествѣ въ честь Наполеона, устроенномъ миланскими купцами. Императору были представлены дамы, присутствовавшія на празднествѣ, и между ними синьора Биньяни. Наполеонъ почти ко всѣмъ обращался съ какими-нибудь вопросами, съ нею разговоръ былъ болѣе продолжительнымъ. Спросивъ ее объ ея имени, мѣстѣ рожденія и соціальномъ положеніи, онъ прибавилъ: «Никогда не забуду вашихъ глазъ!» Затѣмъ онъ спросилъ: замужемъ ли она? есть ли у нея сыновья? На ея утвердительный отвѣтъ онъ сказалъ ей: «Если вы хотите хорошо воспитать сыновей, исключите изъ вашего жилища диваны».

— Письма Коклэна и Зоненталя.—Въ Германіи, Австріи и даже во Франціи были распространены слухи, что извѣстный нѣмецкій актеръ Ларошъ—сынъ Гете. Эти слухи основывались не на солидномъ фундаментѣ, а теперь ихъ сомнительность еще болѣе увеличивается, благодаря словамъ извѣстнаго нѣмецкаго трагика Зоненталя, скончавшагося въ Прагѣ 4-го апрѣля 1909 года. Въ октябрьскомъ «Deutsche Revue» [1]) находится его переписка съ различными выдающимися лицами и между прочимъ съ французскимъ актеромъ Коклэномъ.

Послѣдній въ своемъ письмѣ къ Зоненталю какъ разъ поднимаетъ этотъ вопросъ. Онъ проситъ сообщить ему свѣдѣнія о «вашемъ Ларошѣ». Онъ былъ французскаго происхожденія, и генералъ Раппъ предложилъ ему подготовиться для поступленія во «Французскую Комедію». «Я слышалъ,—пишетъ Коклэнъ:—что подозрѣваютъ, будто Гете его отецъ. Мнѣ хотѣлось бы имѣть относительно этого кое-какія подробности: я хочу написать небольшую повѣсть, которую у меня просятъ уже давно, и мнѣ кажется, что она была бы интересна съ Ларошемъ—героемъ».

На это Зоненталь отвѣтилъ, что объ этомъ столько басенъ пущено въ ходъ, что затруднительно добраться до истины. Онъ, напримѣръ, слышалъ, что это басня, будто Ларошъ сынъ Гете и, вѣроятно, это результатъ случайнаго сходства съ великимъ поэтомъ. Въ 1822 году Ларошъ былъ приглашенъ въ Веймаръ, гдѣ именно онъ познакомился съ Гете и подъ его руководствомъ изучалъ «Фауста». Вотъ настоящая правда, остальное досужій-вымыселъ.

Въ своемъ письмѣ Коклэнъ говоритъ, что онъ попрежнему намѣревается исполнить роль Мефистофеля. Но такъ какъ онъ не могъ добиться, чтобы «Фауста» дали на сценѣ «Théâtre Français», то рѣшилъ отправиться въ Америку для исполненія этой роли и разсчитываетъ, что по его возвращеніи «Фауста» поставятъ на французской сценѣ. Коклэнъ выражалъ желаніе имѣть старый текстъ «Фауста», какъ его играли прежде, чѣмъ была поставлена вся поэма.

---

[1]) Briefe von Adolf v. Sonnenthal. «Deutsche Revue», October 1912.

На это Зонсталь выражаетъ радость, что Коклэнъ хочетъ сыграть Мефистофеля. «Я не отрицаю, что для васъ это будетъ двойная и тройная громадная работа; вѣдь «Фаустъ» специфически нѣмецкая пьеса. Самому вамъ еще легче играть Мефистофеля, такъ какъ чортъ подходитъ ко всякой націи; но Гретхенъ, этотъ трогательный прототипъ нѣмецкой дѣвушки, и особенно самого Фауста—трудно». «Только хватитъ ли терпѣнія у французской публики, чтобы понять нѣмецкаго поэта?» спрашиваетъ онъ.

— «Hebdo-Debat» въ нѣсколькихъ словахъ передаетъ исторію въ свое время излюбленнаго танца «польки». Въ Россіи принято считать «польку» польскимъ танцемъ, благодаря его названію. Между тѣмъ онъ чешскаго происхожденія и означаетъ полу-па, «полка», что по-чешски половина. Исторія этого танца слѣдующая. Одна прислуга какъ-то, соскучившись въ своей кухнѣ, принялась плясать, выдѣлывая па, какія ей вбрели въ голову, подпѣвая себя какой-то мотивъ ея родины. Хозяева, заставъ служанку за пляской, позвали ее въ гостиную и заставили проплясать этотъ танецъ предъ однимъ музыкантомъ, по имени Неруда, который записалъ какъ мотивъ, такъ и па. Прошло немного времени, и на балу одной буржуазной семьи впервые протанцовали этотъ танецъ. Это произошло въ 1830 году. Чрезъ пять лѣтъ этотъ же самый танецъ, состоящій изъ полу-па, появился въ Прагѣ, гдѣ его назвали «полка» половина. Четыре года спустя, въ 1839 году, онъ появляется уже въ Вѣнѣ. Здѣсь онъ произвелъ положительный фуроръ, и композиторы принялись наперебой сочинять для него мотивы. Въ 1840 году пражскій танцоръ Роабъ впервые протанцовалъ польку въ Парижѣ въ театрѣ «Одеонъ»; съ этого момента слава о немъ обѣжала Европу, и со сцены онъ попалъ въ салоны.

— «Excelsior» передаетъ анекдотъ, разсказанный однимъ членомъ нѣмецкаго яхтъ-клуба. Когда однажды «Hohenzollern» вошелъ въ норвежскій портъ, то императоръ Вильгельмъ, которому надоѣлъ медленный ходъ яхты, выйдя изъ терпѣнія, самъ позвонилъ въ колоколъ, чтобы прибавить ходу. Но, къ его великому удивленію, пилотъ, старый норвежецъ, по имени Нардунъ, бросился къ телефону и закричалъ механикамъ: «Замедлите, не обращайте вниманія на звонъ». Вильгельмъ смѣрилъ взглядомъ дерзкаго, осмѣлившагося такъ говорить въ его присутствіи и произнесъ: «Пилотъ... ступайте и прикажите себя арестовать».—«Я не покину этого мѣста,—возразилъ старый пилотъ, не сморгнувъ глазомъ.—Судно подъ моимъ управленіемъ, и никто, даже императоръ не можетъ отдавать мнѣ приказаній».

Присутствовавшіе офицеры молча переглянулись, зная, что на сторонѣ пилота всѣ морскія правила. Они очень удивились, увидя, что Вильгельмъ покинулъ мостикъ и предоставилъ пилоту, какъ ему угодно управлять яхтой.

На другой день дурное расположеніе духа Вильгельма разсѣялось, онъ вознаградилъ стараго пилота орденомъ и назначилъ его своимъ официальнымъ пилотомъ въ норвежскихъ водахъ.

— «Nuova Antologia» приводитъ выдержки изъ статьи въ «Gazette de Lausanne», посвященной Льву Николаевичу Толстому, въ которой дается очеркъ его военной дѣятельности. Собственно очеркъ не представляетъ для русскихъ новинки, какъ заимствованный изъ русскихъ источниковъ. Можно отмѣтить только иска-

женія русскихъ именъ и названій. «Современникъ» обращенъ въ «Surimmenik» Татьяна Александровна (невѣстка Толстого) въ «Taziane Alexandrovka».

— «Literarische Echo» помѣстило цѣлую серію статей Ансельмо Гейне, посвященныхъ «колоніи писателей». Нѣмецкіе писатели сдѣлали оригинальную попытку обособиться собственнымъ кружкомъ, и въ 1910 году эту мысль осуще, ствили братья Гартъ вмѣстѣ съ своими товарищами, положивъ начало колоніи индивидуалистовъ. Извѣстное число сторонниковъ этой идеи собралось въ нанятомъ помѣщеніи, какъ въ сборномъ мѣстѣ. Гейне такъ рисуетъ впечатлѣніе, произведенное на него этой общиной. Что-то мистическое витало надъ этими людьми, собиравшимися на большія празднества посвященія (пріемъ новыхъ членовъ), гдѣ проповѣдывалось «новое ученіе». Сущность его состояла въ культѣ героевъ. Въ конференціяхъ членовъ разъяснялись различныя обстоятельства, при которыхъ проявлялся героизмъ. Въ этой новой манерѣ жить и дѣйствовать долженъ былъ господствовать и идеалъ, также какъ религія, наука и искусство. Братья Гартъ, а также ихъ сторонники съ такимъ жаромъ, серьезностью и авторитетомъ проводили свою идею, сила внушенія была такъ велика, что даже проникла въ ряды буржуазіи и увлекла многихъ изъ ихъ среды.

Новая община не хотѣла слышать ни о правящихъ, ни о повинующихся; главы и руководители должны были являться піонерами, пролагающими новый путь. Одинаково среди нихъ не было и судей. Вмѣсто «брака крови», представляющаго союзъ чувственности и случая, явился бракъ ума (интеллектъ). Весною 1900 г. справлялся праздникъ весны, и во время ночной прогулки члены кружка пѣли и мечтали,—настолько они были поклонники природы. Но все это еще слишкомъ чувствовалось мозгами; все, что до тѣхъ поръ было лишь просто словами, должно было сдѣлаться фактомъ.

Съ этой цѣлью была нанята старая санаторія «Schlochtensee» съ паркомъ и полемъ. Предполагалось существовать общиной, не только во время какихъ-нибудь собраній, но ежедневно чтобы вмѣстѣ совершать необходимыя работы, какъ, напримѣръ, содержать домъ, садъ. Но здѣсь именно проявилась блестящая безпечность братьевъ Гартъ. Братъ Генрихъ возился въ нижнемъ этажѣ въ кухнѣ съ кухоннымъ персоналомъ и въ то же время велъ бесѣду по телефону, соединявшему его съ берлинскимъ издательскимъ домомъ Шерлъ, которому онъ попрежнему давалъ критическія статьи и фельетоны. Сестры общины, а также жены и ихъ подруги поочередно брали на себя роль хозяекъ и заботились о хозяйствѣ. Являвшіеся въ колонію гости думали, что жили въ старинной сказкѣ. Члены общины жизнерадостно веселились вмѣстѣ, одѣтые безъ различія пола въ фантастическія туники яркихъ цвѣтовъ. Въ полѣ нѣжная какая-нибудь дорафаэльская мадонна дѣлала попытки посѣять рѣпу; въ паркѣ находился театрикъ, гдѣ всегда что-нибудь разыгрывали. Кушанье приносилъ первый встрѣчный прямо на листахъ растеній. Расчетъ велся за все не деньгами а билетиками и фишками общины. И надъ всѣмъ этимъ парилъ ароматъ юности, довѣрія и производилъ впечатлѣніе опьяняющаго и увлекающаго чуда. Здѣсь было и безумное веселье, и смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ элементовъ,

мечта и тѣлесныя упражненія. Но это была пока попытка, которая имѣла свой скорый конецъ.

— «Deutsche Revue» за сентябрь мѣсяцъ, говоря о внѣшней политикѣ Германіи («Hindernisse auf dem Wege deutscher aus wurdiger Politic» (Препятствія на пути нѣмецкой внѣшней политики), старается увѣрить, что сама Германія пастроена самымъ миролюбивымъ образомъ, а сѣмя вражды расбрасываютъ пангерманисты. Они сѣютъ недовѣріе къ Германіи или, вѣрнѣе, къ ея политикѣ. Они вызываютъ конфликты, грозящіе войной, и если бы германское правительство хотѣло ея, то использовало обстоятельства. Германія хочетъ одного: сближенія съ Англіей; однако это сближеніе немыслимо, пока существуетъ обоюдная вражда—въ сердцѣ германцевъ ненависть къ англичанамъ, въ сердцѣ англійскаго народа—недовѣріе къ нѣмцамъ. Правда, имъ нужны колоніи, но не настолько велика эта надобность, чтобы изъ-за этого заводить войну. Напротивъ, для этого именно и слѣдуетъ сблизиться съ Англіей: это будетъ способствовать удержанію прежнихъ колоній и, быть можетъ пріобрѣтенію другихъ. Такого мнѣнія придерживался и Бисмаркъ. Поэтому Германія должна стремиться и поставить себѣ цѣлью разсѣять недовѣріе англичанъ. Но этому мѣшаютъ пангерманисты.

СМѢСЬ.

ПУБЛИЧНОЕ собраніе императорской академіи наукъ. 25-го сентября, подъ предсѣдательствомъ вице-президента императорской академіи наукъ П. В. Никитина, состоялось публичное засѣданіе академіи для присужденія наградъ графа Уварова. Непремѣнный секретарь академикъ С. Ѳ. Ольденбургъ прочиталъ отчетъ о присужденіи премій, изъ котораго видно, что всего къ конкурсу было представлено 8-ю авторами 9 сочиненій. Большую награду въ 1,500 рублей особая комиссія постановила присудить Н. Ѳ. Каптереву за сочиненіе его «Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ». Какъ видно изъ отзыва о сочиненіи, даннаго заслуженнымъ профессоромъ П. В. Знаменскимъ, трудъ этотъ, посвященный обозрѣнію прогрессивныхъ движеній въ патріаршество Іосифа и устанавливающій историческое значеніе времени Никона и царя Алексѣя Михайловича, какъ времени, когда у русскихъ людей стала укрѣпляться мысль о необходимости обратиться за образованіемъ къ Западу,—трудъ весьма полезный не только въ научномъ, но и въ практическомъ отношеніи—для противораскольнической полемики. Малая награда въ 500 рублей присуждена А. Л. Петрову за его «Матеріалы для исторіи Угорской Руси». Давая отзывъ объ этомъ трудѣ, заслуженный профессоръ Т. Д. Флоринскій видитъ главное значеніе его въ обнародованіи извлеченныхъ изъ архивовъ новыхъ, весьма важныхъ документовъ, проливающихъ свѣтъ на экономическое положеніе крестьянъ въ Угріи въ XVIII вѣкѣ и на состояніе книжной и устной рѣчи угроруссовъ въ ту же пору, что въ цѣломъ вноситъ нѣчто новое, весьма цѣнное въ изученіе Угорской Руси. Въ частности, рецензентъ отмѣчаетъ широкую эрудицію автора, его начитанность въ мадьярской научной литературѣ и въ высшей степени добросовѣстное, любовное отношеніе его къ процессу работы и къ предмету его трудныхъ, кропотливыхъ изысканій. Та-

кая же малая награда въ 500 рублей присуждена труду И. И. Ляппо «Великое княжество Литовское во второй половинѣ XVI вѣка. Литовскій-русскій повѣтъ и его сеймикъ». Авторъ стремится къ изслѣдованію и изображенію соціально-политическаго строя великаго княжества Литовскаго въ эпоху заключенія и реализація уніи его съ короною польскою. Авторъ дѣлаетъ починъ въ изслѣдованіи и изображеніи тѣхъ учрежденій, которыя можно назвать политическими органами шляхетской демократіи, т.-е. сеймика, съѣзда великаго княжества и вольнаго сейма. Автору, по отзыву профессора М. К. Любавскаго, удалось выполнить только часть задуманной имъ программы, но авторъ обнаружилъ огромную начитанность въ первоисточникахъ, далеко выходящую за предѣлы эпохи, къ которой ближайшимъ образомъ относятся его изслѣдованія. Недостатками труда являются: преобладаніе простого описанія надъ историческимъ, отсутствіе сопоставленія литовско-русскаго повѣтоваго сеймика съ польскимъ, повторенія, длинноты, излишнія подробности. Тѣмъ не менѣе, для всѣхъ, кто будетъ изучать внутренній строй литовско-русскаго государства въ эпоху установленія и осуществленія его уніи съ Польшей, книга эта дастъ богатый, надежный матеріалъ и руководство. Наконецъ, за неимѣніемъ болѣе въ своемъ распоряженіи денежныхъ наградъ, комиссія постановила присудить почетный отзывъ изслѣдованію священника М. С. Попова «Арсеній Мацѣевичъ и его дѣло». Первая часть книги посвящена первому періоду жизни Арсенія, до его назначенія на ростовскую каѳедру, вторая—періоду служенія Арсенія на этой каѳедрѣ и имѣетъ не столько біографическій, сколько общій церковно-историческій интересъ, сообщая богатый матеріалъ какъ для мѣстной ростовской церковной исторіи, такъ и для исторіи русской церкви вообще. По отзыву рецензента, профессора Б. В. Титлинова, авторомъ затронуто много историческихъ фактовъ и вопросовъ, касающихся не только одного Арсенія Мацѣевича, но, конечно, центральной фигурой является и долженъ быть послѣдній, такъ какъ личность и «дѣло» Арсенія тѣсно сплетаются между собою, такъ что освѣщеніе той и другой становится въ неизбѣжную взаимную зависимость. По отзыву рецензента, изъ всѣхъ существующихъ работъ объ Арсеніи Мацѣевичѣ трудъ М. С. Попова, безспорно, самый обстоятельный и научный, и со стороны фактовъ едва ли остается желать чего-либо большаго. Въ изъявленіе своей признательности рецензентамъ за понесенные ими труды академіи постановила благодарить ихъ и назначила имъ установленныя для постороннихъ ученыхъ золотыя Уваровскія медали.

Собраніе членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. 7 октября состоялось подъ предсѣдательствомъ Я. Н. Колубовскаго собраніе членовъ кассы. Около 3 часовъ времени собравшіеся посвятили дебатамъ по вопросу объ экономкѣ дома писателей имени В. Ф. Голубева, Ивановой, остающейся еще до сихъ поръ въ этой должности, несмотря на протесты представителей кассы въ совѣтѣ по управленію означеннымъ домомъ. Въ концѣ концовъ вопросъ попрежнему остался открытымъ. Въ комиссію по измѣненію устава о недоимкахъ избраны: Колубовскій, Линевъ, Коровиченко, Кремлевъ и Либровичъ; въ ревизіонную комиссію Я. Н. Колубовскій, Линевъ, Михайловъ, Пекарскій и Коровиченко. По вопросу о завѣщаніи умершаго члена кассы К. В. Скурховича собраніе

постановило, согласившись съ мнѣніемъ правленія, оставленные завѣщателемъ около 2,000 рублей причислить къ ссудному капиталу. Въ заключеніе избраны 22 новыхъ члена кассы.

Музей училища правовѣдѣнія. Немногіе знаютъ о существованіи интереснѣйшаго музея при императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, куда собрано, если и не все, то очень многое, что можетъ напомнить о жизни училища и о знаменитыхъ правовѣдахъ-законодателяхъ, ученыхъ, писателяхъ, музыкантахъ и особенно объ основателѣ училища принцѣ П. Г. Ольденбургскомъ. Музей основанъ по иниціативѣ графа Г. П. Сюзора и главнымъ образомъ его стараніями, при содѣйствіи принца А. П. Ольденбургскаго. Еще раньше по мысли Г. К. Рѣпинскаго была учреждена библіотека изъ сочиненій бывшихъ правовѣдовъ или изъ такихъ произведеній, которыя освѣщали бы жизнь и дѣятельность училища и его питомцевъ. Библіотека занимала уголъ въ фундаментальной библіотекѣ училища. Для музея тамъ стало тѣсно (а музей открыть въ день семидесятипятилѣтняго юбилея училища въ 1910 году), почему съ разрѣшенія директора подъ музей была отведена часть дортуара старшаго курса. Въ музеѣ между прочимъ имѣются нѣкоторыя вещи изъ рабочаго кабинета композитора А. Н. Сѣрова, его портреты и его дѣтскіе фантастическіе рисунки, какъ, напримѣръ, «Буря»—съ надписью: «моей первой учительницѣ музыки Жебелевой». Музею обѣщанъ братомъ покойнаго В. А. Сѣровымъ рояль композитора, за которымъ онъ создавалъ свои геніальныя произведенія. Слабо представленъ П. И. Чайковскій, такъ какъ братомъ композитора М. И. устроенъ музей въ гор. Клину, куда собрано все, что только можно было раздобыть. Въ 1905 году, во время аграрныхъ безпорядковъ, музей былъ перевезенъ въ Москву, а теперь онъ опять въ Клину. Приходится жалѣть, что музей не въ Петербургѣ или Москвѣ, гдѣ онъ былъ бы доступенъ для широкой публики. Много собрано реликвій поэта Апухтина, несмотря на то, что братомъ его были ликвидированы сейчасъ же послѣ смерти поэта всѣ его вещи. Имѣется маска, полученная отъ профессора Баха, шапка, которую онъ носилъ двадцать лѣтъ, палка, съ которой онъ не разставался до послѣднихъ дней, и портреты. Особенно интересенъ портретъ поэта въ то время, когда онъ былъ худенькимъ правовѣдомъ. Благодаря содѣйствію дочерей А. М. Жемчужникова, удалось получить большой портретъ его и фотографію домика въ Тамбовѣ, гдѣ поэтъ снятъ на балконѣ. Имѣются портреты композитора Г. А. Лишина, извѣстнаго судебнаго дѣятеля, поэта и художника А. А. Маркова и В. Н. Энгельгардта, извѣстнаго астронома, жившаго въ окрестностяхъ Дрездена, гдѣ онъ имѣлъ свою обсерваторію. (Онъ же на свои средства выстроилъ въ Казани обсерваторію и пожертвовалъ въ университетъ свою богатѣйшую библіотеку; а въ Суворовскомъ музеѣ есть цѣлая комната его имени). Исключительный интересъ представляютъ письма правовѣда перваго выпуска Барановскаго и его дневникъ, который будетъ отпечатанъ только послѣ смерти жертвователя. Барановскій пріѣзжалъ на юбилейное торжество училища и всѣхъ поразилъ своею бодростью и живостью ума, несмотря на свои девяносто пять лѣтъ. Во главѣ музея стоитъ цѣлый совѣтъ, предсѣдателемъ котораго состоитъ сенаторъ Н. Д. Чаплинъ, который относится къ музею съ огромнымъ интересомъ и любовью; секретаремъ и главнымъ дѣятелемъ является графъ Г. П. Сюзоръ.

Чеховскій уголокъ. Чеховскій уголокъ въ «комнатѣ сороковыхъ годовъ» въ Румянцовскомъ музеѣ понемногу пополняется. Въ настоящее время этотъ уголокъ представляетъ одну витрину, заполненную изданіями, письмами, фотографіями и т. п.; вокругъ витрины—серебряные, числомъ шестнадцать, вѣнки съ гроба А. П. Чехова, хранившіеся прежде въ историческомъ музеѣ, теперь переданные сюда. Какъ въ свое время сообщалось, непосредственную заботу объ устройствѣ въ Румянцовскомъ музеѣ комнаты имени Чехова и ея пополненіе взяли на себя М. П. Чехова, И. П. Чеховъ, О. Л. Книпперъ и В. В. Каллашъ. Помимо нихъ, музей поручилъ этотъ вновь организующійся чеховскій уголокъ наблюденію одного изъ хранителей музея, А. А. Борзову. За лѣто въ комнату поступила цѣлая коллекція новыхъ фотографій А. П. Чехова. Есть, напримѣръ, интересная серія фотографій, изображающая писателя на лонѣ природы, въ дачной мѣстности, въ обществѣ жены, К. С. Станиславскаго, нѣсколькихъ «дачницъ» и одного друга. Повидимому, снимки дѣлались въ веселый часъ. Вся группа на цѣломъ рядѣ снимковъ позируетъ вокругъ одного и того же стога сѣна. Лица у всѣхъ веселыя, за исключеніемъ лица самого А. П. Но подъ конецъ эта фотографическая забава развеселила, повидимому, и его: на послѣдней фотографіи онъ—съ милой, веселой улыбкой. Подарена фотографія А. П. Чехова въ молодости съ Т. Щепкиной-Куперникъ и Яворской. Поступили фотографіи А. П. Чехова въ молодости въ семейномъ кругу. Устроители комнаты приступили къ собиранію коллекцій фотографій друзей покойнаго писателя. Есть уже нѣсколько очень интересныхъ группъ. Поступили уже и письма Чехова, но пока въ небольшомъ количествѣ. А. Н. Веселовскій передалъ сюда письма Чехова къ издателю журнала «Артистъ» Ѳ. А. Куманину. Г. Безносовъ прислалъ серію писемъ Чехова, сохраненныхъ его покойнымъ братомъ-врачомъ. Общество любителей россійской словесности прислало свои изданія, въ которыя вошли произведенія Чехова. Подаренъ суфлерскій экземпляръ пьесы «Лѣшій» въ изданіи Разсохина въ весьма скромномъ литографированномъ видѣ, цѣлая серія программъ юбилейныхъ и иныхъ чеховскихъ спектаклей и др. Чешскій писатель Іеромиръ Поѣздный, большой поклонникъ и пропагандистъ на своей родинѣ Чехова, прислалъ произведенія Чехова въ его переводѣ на чешскомъ языкѣ и др. Но по настоящему комната имени А. П. Чехова въ Румянцовскомъ музеѣ обогатится и расширится, когда М. П. Чехова и О. Л. Книпперъ передадутъ въ нее, что ими съ большой любовью собрано о покойномъ писателѣ.

Гдѣ родился Пушкинъ? Общество любителей россійской словесности, получивъ отъ городского управленія предложеніе установить точно мѣсто, гдѣ родился А. С. Пушкинъ, поручило заняться этимъ вопросомъ своимъ членамъ—В. В. Каллашу и В. Я. Брюсову. В. В. Каллашъ и В. Я. Брюсовъ выяснили, что доска на домѣ Клюгина на Нѣмецкой улицѣ съ указаніемъ на то, что въ этомъ домѣ родился великій поэтъ, помѣщенная нѣкогда московскимъ городскимъ управленіемъ, поставлена, безусловно, по недоразумѣнію. Дома, въ которомъ родился Пушкинъ, въ настоящее время не существуетъ, и единственная задача, которую придется выполнить,—только точно установить ту

усадьбу, на которой когда-то стоялъ этотъ домъ. Это будетъ сдѣлано по старымъ планамъ Москвы и другимъ многочисленнымъ матеріаламъ, имѣющимся въ распоряженіи общества любителей россійской словесности.

Столѣтній юбилей церкви Покрова Пресвятыя Богородицы (въ Большой Коломнѣ). Въ воскресенье 30-го сентября исполнилось ровно сто лѣтъ со дня освѣщенія, въ 1812 году, главнаго алтаря Покровской церкви. Она была основана въ 1798 году въ мѣстности, съ 1740-хъ годовъ носившей имя «Коломны» (отъ слова «Kolonie») и населенной по преимуществу адмиралтейскими служащими, корабельщиками, мелкими чиновниками, переведенными сюда изъ погорѣвшихъ во время большихъ пожаровъ 1736 и 1737 годовъ морскихъ и адмиралтейскихъ свободъ, расположенныхъ по Мойкѣ. Церковь строилась по плану и рисункамъ И. Г. Старова (1743—1808), знаменитаго зодчаго того времени, строителя Троицкаго собора, Александро-Невской лавры и зданія Таврическаго дворца. Средства на постройку и украшеніе церкви составились исключительно изъ пожертвованій мѣстнаго приходскаго населенія. Церковь Покрова тѣсными узами связана съ жизнью Коломны,—увеличеніе численности и благосостоянія жителей увеличивало и размѣры, и благолѣпіе храма. Онъ былъ дважды расширенъ: въ 1848—1850 годахъ, ровно черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ основанія, и вторично, еще черезъ пятьдесятъ лѣтъ, въ 1899—1902 годахъ,—заботами нынѣшняго своего настоятеля протоіерея В. А. Акимова. Зданіе храма, вся утварь и убранство—все это есть жертва народной вѣры и любви къ церкви. Къ юбилею вышли въ свѣтъ иллюстрированная «Исторія Покровско-Коломенской церкви», составленная І. Д. Туренскимъ, и «Краткое сказаніе о построеніи и благоукрашеніи» ея, составленное настоятелемъ протоіереемъ В. А. Акимовымъ.

Юбилей профессора В. С. Серебреникова. Петербургская духовная академія праздновала 1-го октября двадцатипятилѣтній юбилей ординарнаго профессора по каѳедрѣ опытной психологіи В. С. Серебреникова. Въ 1882 году В. С. поступилъ въ духовную академію, гдѣ уже, будучи студентомъ, обнаружилъ особенную склонность къ психологіи и для лучшаго ознакомленія съ новѣйшими сочиненіями по этому предмету проходилъ практическій курсъ подъ руководствомъ профессоровъ военно-хирургической академіи Грубера и Лесгафта. Юбиляръ имѣетъ высшую ученую степень доктора за сочиненіе «Лейбницъ и его ученіе о душѣ человѣка». Между прочимъ, В. С., не удовлетворившись работами въ Россіи, отправился за границу, гдѣ ознакомился съ институтами экспериментальной психологіи въ Лейпцигѣ, Геттингенѣ, Парижѣ, Боннѣ, Гейдельбергѣ и Берлинѣ и прослушалъ полный курсъ у знаменитыхъ Вундта и Кюльпе. Юбиляръ, помимо академіи, преподаетъ въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія исторію философіи въ связи съ исторіей философіи права (съ 1897 года) и состоитъ много лѣтъ членомъ совѣта петербургскаго философскаго общества, товарищемъ предсѣдателя русскаго общества нормальной и патологической психологіи при военно-медицинской академіи и въ рядѣ другихъ обществъ. Среди служащихъ и учащихся академіи юбиляръ пользуется самыми искренними симпатіями.

Археологическія развѣдки въ Вяземскомъ уѣздѣ [1]). Въ іюлѣ мѣсяцѣ сего года по неоднократной и настоятельной просьбѣ мѣстнаго учителя Н. С. Кириллова мною были произведены археологическія развѣдки и раскопки въ окрестностяхъ села Стараго Меншикова Вяземскаго уѣзда, давшія весьма интересные результаты. Въ верстѣ отъ села, при впаденіи рѣчки Боровки въ рѣку Вязьму, скрытое въ еловомъ лѣсу, раскинулось обширное поле кургановъ, гдѣ ихъ насчитано свыше семидесяти пяти. Урочище это называется въ одной части «Маденово», въ другой—«Семичастное». Здѣсь были разрыты три кургана, давшіе погребенія съ трупосожженіемъ XI—XII вѣковъ, сопровождаемыя обычными могильными украшеніями: золотисто- и серебристо-стеклянными бусами, височными кольцами, гривнами, привѣсками, перстнями, курганными ножами, погребальными урнами и проч. При опредѣленіи положенія кургановъ по отношенію рѣки Вязьмы были усмотрѣны курганы среди распаханныхъ полей, частью заѣзженные пролегающей здѣсь дорогой, гдѣ пробныя раскопки обнаружили необычайно мощный зольный слой и никакихъ остатковъ ни вещей, ни костяка. Эти послѣдніе курганы вывели къ самому берегу рѣки Вязьмы, къ высокой песчаной дюнѣ, совершенно лишенной растительности, по именуемой «Боромъ». Дюна эта дала самое неожиданное и цѣнное открытіе: на ней обнаружены и по возможности тщательно изслѣдованы двѣ другъ подъ другомъ залегающихъ неолитическихъ стоянки, при чемъ верхняя характеризовалась тонкимъ зольнымъ слоемъ—слоемъ не толще вершка, болѣе культурными и лучше обожженными черепками, а также и очень маленькими желѣзными обломками, тогда какъ нижній зольный слой, залегающій на глубинѣ пяти вершковъ отъ перваго, доходилъ мощностью до трехъ—трехъ съ половиной вершковъ и обнаруживалъ множество древнѣйшихъ горшечныхъ обломковъ весьма плотной обжиги съ примѣсью крупнаго кварцеваго песку. Этотъ послѣдній слой далъ въ одномъ, хотя уже попорченномъ «вывѣйкой» мѣстѣ цѣлое скопленіе ядрищъ (нуклеусовъ) кремневыхъ осколковъ и различныхъ каменныхъ орудій, характерную особенность коихъ составляетъ ихъ необычайная миніатюрность. Орудія являются сколотыми, но безо всякой ретуши (послѣдующей обивки), что даетъ право отнести ихъ къ самому раннему «неолиту», можно сказать, связываютъ его съ «палеолитомъ». Къ сожалѣнію, по самой дюнѣ проходитъ дорога и, вѣроятно, брался песокъ для строительныхъ надобностей, вслѣдствіе чего и образовалась вышеупомянутая «вывѣйка». Кромѣ того, эта дюна уже на половину сползла въ рѣку Вязьму, ежегодно подмывающую ея пятнадцатисаженный обрывъ, и на днѣ рѣки, вѣроятно, погребено множество каменныхъ орудій. Далѣе, по берегу той же рѣки Вязьмы, въ четырехъ верстахъ отъ Стараго Меншикова была произведена раскопка (одной поперечной траншеей въ двадцать пять аршинъ длины и три аршина ширины) городища при деревнѣ Тупичино, давшая обычные желѣзные предметы, массу черепковъ, какіе-то особые глиняные рюмкообразные сосуды, но самое интересное—остатки глинобитныхъ и затѣмъ обожженныхъ сооруженій квадратной формы съ входами на югъ. Тутъ же, шагахъ въ семидесяти отъ городища,

[1]) Сообщила Е. Клетнова.

произведена пробная раскопка одного изъ цѣлой группы кургановъ, обнаружившая болѣе древнее и бѣдное погребеніе съ неполнымъ трупосожженіемъ, приблизительно IX—X вѣковъ, чѣмъ дали вышеописанныя раскопки въ урочищахъ Маденово и Семичастное.

Раскопки, произведенныя профессоромъ Брауномъ. Лѣтъ восемнадцать назадъ профессоръ Браунъ, производя раскопки въ пещерномъ городѣ Мангупъ-Кале, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бахчисарая, открылъ древній христіанскій храмъ византійской эпохи. Раскопки эти были прекращены и только въ настоящее время возобновились и производятся подъ наблюденіемъ Р. Х. Леппера, ведущаго раскопки въ Херсонесѣ. Подъ храмомъ, обнаруженнымъ профессоромъ Брауномъ, г. Лепперъ открылъ другой храмъ—болѣе древней постройки.. Вокругъ храма оказалось кладбище, много могильныхъ христіанскихъ памятниковъ съ красивыми орнаментами и съ греческими надписями. Въ нѣкоторомъ отдаленіи открытъ еще храмъ малаго размѣра, съ древними гробницами и барельефомъ, изображающимъ св. Георгія Побѣдоносца. Раскапывая курганъ, изслѣдователь открылъ еще одно древнее сооруженіе—это дворецъ князя Алексѣя, что видно изъ греческой надписи на каменной плитѣ съ воротъ дворца. На этой плитѣ, помимо надписи, оказался хорошо сохранившійся византійскій двуглавый орелъ и орнаменты, мастерски выполненные. Дворецъ относятъ къ X вѣку до покоренія Мангупъ-Кале турками. Въ одномъ ближайшемъ ущельѣ обнаружено древнее кладбище и нѣсколько памятниковъ съ надписями на древне-еврейскомъ языкѣ. Памятники эти трехъ видовъ—двугорбые, одногорбые и гладкія плиты. Судя по датамъ, они относятся къ X и XII вѣку. На нѣкоторыхъ плитахъ высѣчены инструменты, указывающіе на профессію покойнаго. При вскрытіи гробницъ древне-еврейскаго или караимскаго кладбища—въ одной оказался деформированный черепъ, въ другой—въ зубахъ черепа серебряная монета, но настолько стертая, что невозможно опредѣлить, къ какому времени она относится. Подобные черепа находили при раскопкахъ въ Херсонесѣ, Керчи и другихъ мѣстахъ.

Древній крестъ. Въ церкви погоста Унжи, Меленковскаго уѣзда Владимирской губерніи, особенное вниманіе обращаетъ на себя древній панагійный крестъ изъ чистаго червоннаго золота съ изображеніями на обѣихъ сторонахъ. Вѣсу въ крестѣ четырнадцать золотниковъ семьдесятъ пять долей; крестъ этотъ на серебряной цѣпи; онъ вложенъ въ серебряно-вызолоченный ковчегъ, украшенный жемчугомъ. На верхней доскѣ ковчега по краю вырѣзано вглубь вязью: «Спаси, Богъ, люди своя и благослови достояніе Свое, побѣды благовѣрному царю и великому князю Михаилу на сопротивныя даруяй и Своя сохраняя крестомъ люди». На задней доскѣ также вязью вырѣзано: «Повелѣніемъ великаго государя, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи самодержца и матери его государыни инокини Марѳы Ивановны, здѣланъ сей ковчегъ животворящему Кресту Господню въ Муромъ въ соборную церковь архистратига Михаила въ третье лѣто государства его, лѣто 7123 Ѳевр. 4». Къ этому кресту издревле питали особенное благоговѣніе русскіе цари и народъ. Изъ подписи на богослужебныхъ книгахъ, пожалованныхъ царями Іоанномъ Алексѣевичемъ и Петромъ Алексѣевичемъ въ Унженскую Архангельскую

церковь, видно, что этотъ панагійный крестъ «приносимъ былъ въ Москву, въ царскій дворецъ, въ великимъ государямъ каждогодно». Такъ, въ Цвѣтной Тріоди по листамъ (на 53) надписано: «7200 года октября въ 20 день, по указу великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ, дана сія книга Треодь Цвѣтная изъ приказу Большого дворца въ Муромскій уѣздъ въ Унженскій станъ къ церкви Воздвиженія честного креста Господня, который приносится къ нимъ, великимъ государямъ, къ Москвѣ, на вся годы».

Россійская лига равноправія женщинъ. Лига равноправія женщинъ созываетъ, съ разрѣшенія правительства, первый всероссійскій съѣздъ по образованію женщинъ въ Петербургѣ съ 26-го декабря 1912 года по 4-е января 1913 года. Членами съѣзда могутъ быть: а) академики, профессора и всѣ преподающіе въ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ; б) завѣдующія этими заведеніями лица; в) члены ученыхъ, педагогическихъ и просвѣтительныхъ обществъ; г) дѣятели по образованію; д) всѣ члены Россійской лиги равноправія женщинъ и ея отдѣленій Членскій взносъ пять рублей. За всѣми справками, заявленіями объ участіи въ съѣздѣ просятъ обращаться въ россійскую лигу равноправія женщинъ (Знаменская, 20, кв. 22) на имя предсѣдательницы доктора П. Н. Шишкиной-Явейнъ.

НЕКРОЛОГИ.

БЫХОВЕЦЪ-САМАРИНЪ, Я. В. Въ четвергъ 27-го сентября въ Лиговѣ въ часъ дня скончался старѣйшій артистъ Литературно-Художественнаго общества (Малый театръ) Яковъ Васильевичъ Васютинскій, по сценѣ Быховецъ-Самаринъ. Покойный родился въ Одессѣ, въ 1848 году, происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Херсонской губерніи. Будучи студентомъ харьковскаго университета, увлекся сценой, въ молодыхъ годахъ служилъ еще у извѣстнаго Милославскаго, играя даже его репертуаръ—любовниковъ и героевъ. Въ Петербургѣ впервые въ 1889 году служилъ у Бабикова. Въ Тифлисѣ у Форкатти былъ режиссеромъ тифлисскаго музыкальнаго кружка, гдѣ впервые выступали гг. Шаляпинъ, Сѣверскій и др. Въ театръ Литературно-Художественнаго общества Я. В. былъ приглашенъ Е. П. Карповымъ, дебютировалъ въ «Норѣ», играя характерную роль прокурора-шантажиста, и затѣмъ принималъ участіе почти во всѣхъ послѣдующихъ спектакляхъ. Его дѣловитость, распорядительность, аккуратность и знаніе сцены выдвинули его въ новомъ театрѣ: послѣ г. Федорова-Юрковскаго онъ принялъ въ свое вѣдѣніе режиссерскую часть театральнаго предпріятія. Режиссеромъ покойный былъ четыре сезона и въ этотъ періодъ явился дѣятельнѣйшимъ исполнителемъ руководящихъ указаній А. С. Суворина. Затѣмъ снова сдѣлался рядовымъ артистомъ на характерныя роли, исполняя ихъ съ успѣхомъ. При его участіи были поставлены впервые «Юлій Цезарь», «Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ», «Максимъ Сумбуловъ», «Измаилъ» и многія пьесы Островскаго. Наибольшей удачей онъ пользовался въ роляхъ Суворова («Измаилъ») и пана Валевскаго («Наполеонъ и пани Валевская»). Послѣдняя роль была впервые исполнена имъ въ бенефисъ, данный ему дирекціей въ прошломъ году по случаю сорокалѣтія его артистической дѣятельности. Покойный только наканунѣ участвовалъ въ утреннемъ спектаклѣ «Лѣсъ» Островскаго въ роли Милонова. И внезапная кончина

его опечалила товарищей, чтивших покойнаго, какъ хорошаго интеллигентнаго артиста и отзывчиваго человѣка. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13129).

† **Виноградскій, А. Н.** Телеграфъ принесъ печальную вѣсть о большой потерѣ, понесенной нашимъ музыкальнымъ міромъ, о кончинѣ послѣ продолжительной болѣзни Александра Николаевича Виноградскаго, энергичнаго и талантливаго дирижера, много содѣйствовавшаго распространенію русской музыки за предѣлами своего отечества. Уроженецъ Кіева, А. Н. тамъ же окончилъ сначала гимназію (вторую), а потомъ университетъ по юридическому факультету; но съ малыхъ лѣтъ его тянуло къ музыкѣ, которую онъ обожалъ (прекрасно игралъ на роялѣ); состоятельные родители поддерживали въ немъ это чувство, давая возможность посѣщать всѣ лучшіе концерты. По окончаніи образованія А. Н. сталъ изучать теорію композиціи (у профессора Соловьева); карьеру дирижера началъ онъ, когда былъ директоромъ саратовскаго отдѣленія русскаго музыкальнаго общества (1884—1886 гг.). Послѣ того, какъ А. Н. былъ избранъ предсѣдателемъ кіевскаго отдѣленія названнаго общества, онъ здѣсь сталъ во главѣ симфоническихъ концертовъ, число которыхъ поднялъ съ 2—3 до 8—9; благодаря его таланту, энергіи и любви къ дѣлу, концерты эти имѣли большой успѣхъ, и Кіевъ занялъ одно изъ крупнѣйшихъ, послѣ столицъ, мѣстъ по своей музыкальной жизни. Слава его быстро выросла, и онъ сталъ получать приглашенія на гастроли, и не только отъ нашихъ музыкальныхъ центровъ (Петербургъ, Москва, Одесса и др.), но и отъ заграничныхъ, гдѣ онъ исполнялъ исключительно русскихъ авторовъ, знакомя иностранную публику съ лучшими образцами нашей симфонической музыки и пользуясь здѣсь выдающимся успѣхомъ. Въ Парижѣ онъ выступалъ три раза и между прочимъ на всемірной выставкѣ 1900 года, дирижировалъ онъ также на всемірной выставкѣ въ Антверпенѣ, филармоническими концертами въ Вѣнѣ и Берлинѣ (1899 г.). Покойный А. Н. между прочимъ первый исполнялъ первую симфонію преждевременно скончавшагося талантливаго композитора Калинникова, и не только въ Кіевѣ, но и повсюду, гдѣ онъ выступалъ въ качествѣ дирижера въ Россіи и за границей, завоевавъ такимъ образомъ признаніе этого дарованія. Вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ А. Н. сравнительно недавно оставилъ свою дирижерскую дѣятельность въ Кіевѣ, и значеніе этихъ концертовъ замѣтно уменьшилось. А. Н. умеръ далеко не старымъ (родился въ 1856 году), и смерть его огорчила всѣхъ любящихъ родное искусство и лично знавшихъ этого симпатичнаго и добраго человѣка. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13138).

† **Гожевъ, А. К.** 11-го октября скончался сенаторъ, присутствовавшій въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ, Александръ Константиновичъ Гожевъ. Покойный родился 6-го октября 1847 года и вскорѣ по окончаніи курса въ московскомъ университетѣ кандидатомъ правъ опредѣлился на службу въ сенатъ. Съ 1868 года его сорокачетырехлѣтняя дѣятельность была сосредоточена по преимуществу въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ, гдѣ онъ занималъ должности секретаря, товарища оберъ-прокурора и съ 1901 года былъ сенаторомъ. Два раза онъ временно удалялся изъ сената, будучи

назначенъ въ первый разъ членомъ с.-петербургскаго окружнаго суда и въ 1899 году предсѣдателемъ департамента кіевской судебной палаты. Покойный считался дѣльнымъ и знающимъ цивилистомъ. При составленіи гражданскаго уложенія онъ былъ привлеченъ въ особую комиссію по этой работѣ, въ 1878 г. составилъ и издалъ «Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента», въ двухъ томахъ: «Матеріальное право» и «Судопроизводство», въ 1885 году въ сотрудничествѣ съ г. Цвѣтковымъ—«Сборникъ гражданскихъ законовъ». Онъ принималъ также дѣятельное участіе въ эмеритальной кассѣ министерства, будучи членомъ совѣта этой кассы. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13143).

† **Гоппе, Э. Д.** 9-го октября скончался Эдуардъ Дмитріевичъ Гоппе, бывшій издатель «Всемірной Иллюстраціи», журналовъ «Трудъ» и «Модный Свѣтъ», «Всеобщаго Календаря» и другихъ изданій, предпринятыхъ его братомъ Германомъ Гоппе. Покойный вошелъ въ это дѣло, какъ его главный руководитель, послѣ смерти своего брата. Богатыя средства позволили ему улучшить эти изданія и довести ихъ до уровня лучшихъ заграничныхъ иллюстрацій. Однако затраты покойнаго не окупились. Ежегодный убытокъ вызвалъ въ 1898 г. полную ликвидацію дѣлъ; Э. Д. разорился и провелъ послѣдніе годы своей жизни, нуждаясь въ необходимомъ. Какъ человѣкъ, онъ отличался замѣчательной трудоспособностью, скромностью и доброжелательствомъ. Умеръ 71 года. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13141),

† **Михайловскій, П. М.** Въ часъ ночи на 27-е сентября въ Ново-Екатерининской больницѣ скончался отъ рака желудка присяжный повѣренный Петръ Михайловичъ Михайловскій. Покойный происходилъ изъ духовнаго званія. Отецъ его былъ священникомъ села Брыкова Звенигородскаго уѣзда. Первоначальное образованіе П. М. получилъ въ виѳанской духовной семинаріи, а по окончаніи курса поступилъ въ московскую духовную академію. Это было въ началѣ 70-хъ годовъ, когда волнао бществennаго движенія подъ вліяніемъ реформъ 60-хъ годовъ проникла и въ духовныя учебныя заведенія, вызывая сочувствіе къ новымъ идеямъ среди учащейся молодежи. Волна эта захватила и П. М., котораго не удовлетворяла схоластическая наука духовныхъ учебныхъ заведеній, какъ и предстоявшая дѣятельность въ духовномъ вѣдомствѣ, и онъ искалъ болѣе живого знанія и иной работы. Пробывъ въ духовной академіи годъ, онъ поступилъ на юридическій факультетъ московскаго университета. П. М. блестяще окончилъ курсъ и былъ оставленъ профессоромъ Павловымъ при университетѣ для подготовки къ профессорскому званію по каѳедрѣ каноническаго права. Вскорѣ затѣмъ П. М. зачислился помощникомъ присяжнаго повѣреннаго къ А. Е. Носу. Какъ часто бываетъ, молодому адвокату пришлось искать и другихъ заработковъ. Въ началѣ 1881 года онъ нашелъ работу въ редакціи газеты «Московскій Телеграфъ», издававшейся И. И. Родзевичемъ. Черезъ годъ изданіе было прекращено, и П. М. поступилъ въ канцелярію комитета художественно-промышленной выставки 1882 г., а по окончаніи выставки онъ занялъ мѣсто корректора «Русскихъ Вѣдомостей». Съ тѣхъ поръ въ теченіе 30-ти лѣтъ П. М. безъ перерыва работалъ въ газетѣ, занимаясь, кромѣ корректуры, составленіемъ замѣтокъ и статей по московской хроникѣ, библіо-

графическихъ замѣтокъ и отдѣльныхъ статей по юридическимъ вопросамъ. Много лѣтъ подъ рядъ онъ работалъ по выпуску нумеровъ «Русскихъ Вѣдомостей». (Некрологъ его: «Рус. Вѣдом.», 1912 г., № 223).

† **Наумовъ, Я. Н.** 7-го октября скончался бывшій директоръ петербургскаго учительскаго института Яковъ Николаевичъ Наумовъ. Покойный вскорѣ по выходѣ изъ петербургскаго университета кандидатомъ физико-математическихъ наукъ былъ приглашенъ преподавателемъ физики въ только что открытый с.-петербургскій учительскій институтъ. Съ этого 1872 года дѣятельность его всецѣло и тѣсно была связана съ институтской жизнью. Преподавая физику и естествовѣдѣніе, анатомію и физіологію, онъ одновременно несъ обязанности воспитателя, еженедѣльно проводившаго цѣлый день въ средѣ воспитанниковъ института. При К. К. Сентъ-Илерѣ онъ былъ помощникомъ директора и затѣмъ его преемникомъ по должности директора. Какъ педагогъ, покойный вкладывалъ въ дѣло воспитанія и образованія будущихъ учителей городскихъ училищъ всѣ свои знанія и силы. Онъ, отличаясь сердечностью и доброжелательствомъ, близко зналъ каждаго изъ институтскихъ воспитанниковъ и своими совѣтами и указаніями старался создать изъ нихъ будущихъ дѣятелей, стойкихъ по нравственному складу и чуткихъ къ идеямъ правды и справедливости. Изъ числа первыхъ институтскихъ преподавателей онъ оставался въ 900-хъ годахъ единственнымъ и, какъ директоръ, хранилъ въ институтскомъ учебномъ обиходѣ завѣты хорошаго прошлаго. Одновременно предсѣдательствовалъ въ обществѣ вспомоществованія бывшимъ воспитанникамъ института и дѣятельно заботился о своевременной матеріальной и моральной помощи въ трудную минуту учительскихъ невзгодъ. Особенно тяжелая задача выпала на его долю во время такъ называемаго освободительнаго движенія, когда духъ общаго протеста проникъ въ школьную среду. Покойный—сторонникъ порядка и законности—принялъ съ своей стороны всевозможныя мѣры къ недопущенію безпорядковъ и дѣйствовалъ неустанно въ духѣ миролюбія и успокоенія. Благодаря ему, волненія воспитанниковъ, нашедшихъ поддержку нѣкоторыхъ институтскихъ преподавателей, не вылились въ уродливыя формы. Этотъ тяжелый годъ сильно подорвалъ здоровье покойнаго, и въ 1906 году онъ по болѣзни покинулъ учительскій институтъ. Будучи директоромъ, Я. Н особенно много сдѣлалъ для образцовой постановки мастерской ручного труда, какъ разсадника будущихъ руководителей по ручному труду. Помимо петербургскаго института, онъ состоялъ преподавателемъ въ кадетскомъ корпусѣ и въ Маріинскомъ институтѣ. Имъ составленъ въ двухъ изданіяхъ—болѣе подробномъ и сжатомъ—учебникъ по анатоміи и физіологіи, получившій широкое распространеніе въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Я .Н. скончался 68 лѣтъ, оставивъ по себѣ хорошую память среди всѣхъ знавшихъ его, всегда скромнаго, доброжелательнаго и отзывчиваго. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13139).

† **Пассекъ, Е. В.** Въ Москвѣ скончался 1-го октября бывшій ректоръ юрьевскаго университета Евгеній Вячеславовичъ Пассекъ. Покойный учился въ московскомъ лицеѣ цесаревича Николая, затѣмъ получилъ отъ московскаго университета степень кандидата правъ и сталъ читать въ качествѣ привать-доцента

въ этомъ университетѣ лекціи по римскому праву. Въ 1892 г. онъ перешелъ въ юрьевскій лниверситетъ на каѳедру римскаго права и съ этого времени сосредоточилъ свою профессорскую дѣятельность въ Юрьевѣ, защитивъ въ 1893 г. диссертацію «Неимущественный интересъ въ обязательствѣ» на степень магистра римскаго права. Въ 1905 г. при веденіи университетской автономіи покойный былъ избранъ ректоромъ юрьевскаго университета. Принявъ на себя административныя обязанности, Е. В. при возникновеніи студенческихъ безпорядковъ настолько оказался немощнымъ для ихъ прекращенія, что противъ него было возбуждено уголовное преслѣдованіе въ непринятіи своевременныхъ мѣръ противъ безпорядковъ. Въ 1910 г. Е. В. покинулъ профессуру. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13133).

† **Сацъ, И. А.** 11-го октября, около 11 часовъ утра, въ лечебницѣ доктора А. В. Тихоновича скончался молодой талантливый музыкантъ Илья Александровичъ Сацъ, пользовавшійся въ Москвѣ большою извѣстностью, благодаря своей музыкѣ, исполнявшейся въ спектакляхъ Художественнаго театра. Смерть его поразила всѣхъ, его знавшихъ, своею большою неожиданностью. Правда, И А. всегда былъ здоровья хрупкаго, съ плохимъ сердцемъ и съ расшатанными нервами. Но ничего угрожающаго въ состояніи его здоровья, казалось, не было. Меньше недѣли назадъ онъ былъ на одной изъ закрытыхъ генеральныхъ репетицій «Пера Гинта», жаловался тогда на ознобъ и на недомоганіе. Въ воскресенье болѣзнь вдругъ проявилась съ грозной силой. Поздно вечеромъ больного въ 40-градусномъ жару пришлось перевезти въ лечебницу. Былъ созванъ консиліумъ врачей, который констатировалъ острое воспаленіе почекъ, принявшее характеръ нефрита. Болѣзнь шла стремительно впередъ. Впрочемъ, третьяго дня больному стало какъ будто лучше, затеплилась надежда. Она оказалась обманчивой. Вчера съ утра температура опять пошла круто въ гору. Слабое сердце не выдержало. Около 11 часовъ утра И. А. не стало. И. А. съ его красивымъ, искреннимъ дарованіемъ долго оставался въ Москвѣ въ полной неизвѣстности. Его зналъ лишь очень тѣсный кружокъ его молодыхъ друзей и товарищей. Здѣсь его очень цѣнили, особенно увлекались имъ какъ музыкантомъ-пародистомъ. Задолго до появленія такъ прославившейся «Вампуки» написалъ онъ пародію на оперу, на пошлые пріемы ея исполненія и постановки, и эта пародія, названная «Месть любви», исполнялась въ интимномъ кружкѣ. Въ пародіи было нѣсколько жемчужинъ музыкальнаго шаржа. Одинъ изъ товарищей провелъ И. А. въ студію К. С. Станиславскаго, тогда только что открывшуюся. И. А. принялъ живое участіе въ ея работѣ, въ ея исканіяхъ. Черезъ студію попалъ онъ въ Художественный театръ, и скоро почти ни одна постановка этого театра уже не обходилась безъ музыки Саца. Первый опытъ музыкальной работы для Художественнаго театра былъ сдѣланъ для «Драмы жизни» Кнута Гамсуна. У публики эта музыка имѣла большой успѣхъ. И такой же успѣхъ имѣли всѣ послѣдующія композиціи Саца, сопровождавшія спектакли художественниковъ. Цѣлый рядъ музыкальныхъ нумеровъ былъ написанъ И. А. для «Жизни человѣка», метерлинковской «Синей птицы», для «Анатемы», для «Miserere» С. Юшкевича, для «У жизни въ лапахъ». Хороводъ въ «Анатемѣ», вальсъ въ послѣднемъ актѣ драмы Юшкевича пріобрѣли боль-

шую популярность и, изданные отдѣльно, получили широкое распространеніе въ публикѣ. Въ послѣдній разъ И. А. писалъ для Художественнаго театра для «Гамлета». Неизвѣстною публикѣ осталась музыка И. А. къ «Смерти Тентажиля». Смертью прервана работа И. А. надъ большой симфоніей «Смерть». Любовь къ музыкальному шаржу, къ пародіи никогда не покидала И. А. Для «Кривого зеркала» имъ была написана пародія на русскія оперы «Не хвались, идучи на рать», для «Летучей Мыши»—нѣсколько небольшихъ вещицъ того же жанра пародіи. Въ предстоящемъ въ концѣ этого мѣсяца открытіи «Летучей Мыши» долженъ исполняться его маленькій балетъ. Въ семьѣ Художественнаго театра И. А. пользовался общею любовью, какъ рѣдкій товарищъ, чуткій человѣкъ и талантливый музыкантъ. (Некрологъ его: «Русское Слово», 1912 г., № 235).

† **Тихоплесецъ, М. А.** Умеръ писатель-народникъ М. А. Тихоплесецъ (Логиновъ). Родился онъ въ 1871 году въ деревнѣ Казанской губерніи, и на восьмомъ году его отдали въ науку къ старообрядческому начетчику, гдѣ указка и греча для стоянія на колѣняхъ, славянская азбука и псалтирь были единственными учебными пособіями. Когда ему минуло 10 лѣтъ, его пришлось въ голодный годъ сбыть на мельницу—съ хлѣба долой. До 13 лѣтъ онъ прожилъ у татарина-мельника, не слыша почти русскаго слова. Затѣмъ онъ въ Казани судомойкой въ трактирѣ, тамъ зимогоритъ по Волгѣ босякомъ и все время читаетъ каждую попавшуюся книжку, учится. Изъ Рыбинска добирается до Петербурга, торгуетъ съ лотка, въ 1890 году перебирается въ Москву, учится живописи, пишетъ полуграмотные стихи и торгуетъ посуднымъ клеемъ, который изобрѣлъ самъ. Пособравъ деньжонокъ, въ 1896 году уѣзжаетъ въ Парижъ, чтобы поступить куда-нибудь простымъ рабочимъ и только бы изучить французскій языкъ и познакомиться съ картинными галереями. Пробуетъ писать красками и продаетъ двѣ свои картины за 20 франковъ. Въ концѣ концовъ, полуголодный, возвращается въ Москву, работаетъ свой клей и весь отдается народному писательству. Выпускаетъ книжку «Пробные аккорды», сотрудничаетъ въ «Правдѣ Божіей», «Народной Газетѣ», «Москвичѣ», «Лѣтописи», редактируетъ журналы «Мужицкая Правда», «Звѣзда Утренняя» и «Думы Народныя». Членъ Суриковскаго кружка и послѣдователь Сурикова. Трезвый и работящій, бѣдный и больной. Послѣдніе годы у него развился туберкулезъ, который и свелъ его въ могилу. М. А. умеръ въ ночь на 7-е октября въ Басманной больницѣ въ Москвѣ. (Некрологъ его: «Голосъ Москвы», 1912 г., № 232).

Щукинъ, П. И. 12-го октября скончался Петръ Ивановичъ Щукинъ, основатель извѣстнаго Щукинскаго музея въ Москвѣ и издатель цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ. Большой любитель и знатокъ русской старины и искусства, покойный принадлежалъ къ ревностнымъ собирателямъ ея памятниковъ и предметовъ искусства. Безъ офиціальной поддержки, незамѣтно и малс-помалу создалъ онъ свой музей, представляющій обширное собраніе, чрезвычайно цѣнное въ отношеніи культурномъ и художественномъ. Въ музеѣ П. И Щукина находятся произведенія русскаго искусства, главнымъ образомъ—древняго его періода, предметы стариннаго русскаго быта, картины современныхъ французскихъ и итальянскихъ художниковъ, различные художе-

ственные предметы персидскаго, японскаго, китайскаго и индійскаго искусствъ, затѣмъ старинныя русскія рукописи, архивныя бумаги, старопечатныя книги и разныя сочиненія по русскому искусству и археологіи. Кромѣ того, въ музеѣ имѣются рукописныя книги, писанныя на пергаментѣ, берестѣ и бумагѣ, изъ которыхъ иныя восходятъ къ XIII вѣку. Здѣсь можно видѣть: псалтыри, евангелія, апостолы, апокалипсисы, нотныя книги, сборники словъ и поученій, книги по географіи, путешествія, сказки, басни, повѣсти, стихи и прочее. Изъ печатныхъ книгъ между прочимъ составляютъ собственность музея такія книги, какъ библія, напечатанная въ Острогѣ повелѣніемъ князя Константина Константиновича Острожскаго, евангеліе московской печати 1606, 1627 (мѣстами напечатано золотымъ шрифтомъ), 1688, 1697, 1740 и 1741 годовъ, нюрнбергская хроника 1493 года, апокалипсисъ 1498 года. Обширныя коллекціи Щукинскаго музея размѣщены въ двухъ домахъ, находящихся на одномъ участкѣ земли и соединенныхъ подземнымъ тоннелемъ. Этотъ участокъ былъ пріобрѣтенъ покойнымъ П. И. Щукинымъ, и оба дома сооружены на его же средства. Въ 1905 году эти оба дома съ землею и всѣ свои собранія покойный принесъ въ даръ россійскому историческому музею въ Москвѣ. Согласно желанію жертвователя его музей получилъ названіе «отдѣленія императорскаго россійскаго историческаго музея имени императора Александра III—музея Петра Ивановича Щукина». Съ благодарностью былъ принятъ этотъ даръ управленіемъ историческаго музея. Историческій музей въ томъ же 1905 г. избралъ П. И. Щукина своимъ почетнымъ членомъ. Покойнымъ на собственныя средства изданы: «Краткое описаніе Щукинскаго музея въ Москвѣ, составленное П. И. Щукинымъ», «Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ томъ же музеѣ» въ 10-ти частяхъ, «Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 года, собранныя П. И. Щукинымъ», въ 10-ти частяхъ, «Русскіе портреты изъ собранія П. И. Щукина», въ 4 частяхъ и др. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1912 г., № 237).

† Яблонскій, П. О. Въ Царскомъ Селѣ скончался 27-го сентября Петръ Осиповичъ Яблонскій, бывшій гласный и членъ управы петербургской думы. Въ дѣятельности городского управленія онъ принималъ видное участіе съ 1877 г. по 1893 г. въ бытность городскимъ головою И. И. Глазунова и В. И. Лихачева. Въ то же время онъ основалъ въ Лештуковомъ переулкѣ свою типографію, поставилъ ее сравнительно образцово и предпринялъ изданіе справочной книги «Весь Петербургъ». Покинувъ общественную дѣятельность, покойный почти всецѣло отдался типографскому дѣлу, устроивъ при типографіи цинкографію и переплетную мастерскую. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13129).